Уважаемые коллеги и читатели!

Вашему вниманию представлен заключительный в 2023 г. номер рецензируемого Федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии». Мы благодарим наших коллег и научное сообщество за поддержку нашей работы и ее высокую оценку.

На наш взгляд, наибольший интерес в данном номере представляют следующие работы: «Стратегическое планирование развития территорий в условиях ESG-повестки» Антипина И.А. – доктора экономических наук, доцента, заведующего кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления, Ивановой О.Ю. – кандидата экономических наук, доцента и Шишкиной Е.А. – кандидата экономических наук, доцента Уральского государственного экономического университета, «Оценка эффективности управления пространственным развитием (муниципальный и региональный уровни)» Фугалевич Е.В. – доцента Санкт-Петербургского государственного экономического университета и Смешко О.Г. – доктора экономических наук, профессора, ректора Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, «Исторические условия становления и развития неюрисдикционого процесса» Курносовой В.В. – кандидата юридических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета, «Исторический очерк некоммерческого банкротства в России и его современное состояние» Макарова Ю.Н. – доктора исторических наук, доцента, заведующего кафедрой теории права и государства, истории и философии и Фероян А.А. – аспиранта Сочинского государственного университета, «Преподаватель как социальный агент цифровизации высшего образования» Бургановой Л.А. – доктора социологических наук, профессора Казанского национального исследовательского технологического университета и Юрьевой О.В. – кандидата социологических наук, доцента Казанского (Приволжского) федерального университета, «Урбанистика в России: междисциплинарные основы и этапы развития» Козловой Ю.В. – кандидата психологических наук, доцента Московского городского педагогического университета.

Редакция журнала поздравляет наших читателей и постоянных авторов с наступающим Новым годом и выражает надежду на продолжение и дальнейшее укрепление партнерских отношений в 2024 г.

С уважением,
Главный редактор журнала «Вестник экономики, права и социологии»,
Доктор экономических наук, профессор
В.В. Шлычков

Содержание

Экономика

Аксянова А.В., Гадельшина Г.А., Сотников Д.В.
Пространственная дифференциация потребления платных услуг населением: региональный аспект ... 8

Антипин И.А., Иванова О.Ю., Шишкина Е.А.
Стратегическое планирование развития территорий в условиях ESG-повестки ... 13

Афанасьев М.В., Мелёхин В.Д.
Межорганизационная логистическая координация в условиях формирования технологической независимости в России ... 18

Варламова Ю.А.
Анализ использования технологий больших данных в российских регионах ... 22

Галлямова Д.Х., Ключникова М.В.
Институционально-синергетический подход к исследованию таксономии устойчивого развития регионов ... 29

Гарафиева Г.И.
Оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ ... 33

Гениберг Т.В.
Исследование и оценка динамики и структуры денежных доходов и расходов населения Российской Федерации в 2022–2023 гг. ... 38

Глинберг В.А.
Теоретическое развитие государственной политики России в области продовольственной безопасности ... 44

Демидова Е.В.
Аналитический обзор состояния молочной отрасли России в контексте антироссийских санкций ... 49

Зарезнов Д.А., Шлычков В.В.
Дефицит трудовых ресурсов как основной вызов и главная угроза устойчивого роста экономики России в кратко- и среднесрочных перспективах ... 54

Ибрагимова А.А.
Предпринимательство в условиях пандемии COVID-19 ... 59

Измайлов М.К., Алексеева Н.С., Симакова З.Л.
Актуальные вопросы изменения бизнес-стратегий в условиях цифровой трансформации ... 63

Кашбразиев Р.В., Левина К.А.
Финансово-кредитные институты евразийской интеграции (на примере НБР БРИКС и АБИИ) ... 68

Каюмова А.А., Маркина К.В., Шувагина М.Д., Хусаинова Е.А.
Обеспечение экономической безопасности региона в условиях санкций ... 73

Ковалев В.А.
Участие негосударственных пенсионных фондов в зелёном финансировании: проблемы и решения ... 77

Миргородская М.Г.
Концепция устойчивого развития бизнеса как фактор обеспечения экономической безопасности ... 81

Миргородская М.Г., Глинберг В.А.
Формирование инновационной модели продовольственной безопасности на основе устойчивого экономического роста тепличного сектора аграрного производства ... 86

Морозов И.В., Мустафина Г.Н.
Внедрение искусственного интеллекта как компенсационный инструмент преодоления дефицита трудовых ресурсов и механизм повышения производительности труда – международный опыт и российские реалии ... 91

Нестулаева Д.Р., Авхадиева Э.А.
Укрепление научно-производственного потенциала регионов как ключевой элемент обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации (на примере Республики Татарстан) ... 96

Новикова Е.В., Куприна И.В., Ререкин К.А.
Внешнеэкономическая деятельность как фактор экономического развития региона ... 100

Орлова М.Е., Галимарданова Ю.М.
Налоговые инструменты обеспечения социальной безопасности 105
Спирина Л.И.
Системный подход к управлению отходами на региональном уровне 110
Стяжкина Е.И.
Формирование новых подходов к управлению на базе актуальных векторов личностного и организационного развития 114
Фугалевич Е.В.
Ключевые показатели эффективности деятельности муниципальных органов власти как современный тренд развития муниципального управления 118
Фугалевич Е.В., Смешко О.Г.
Оценка эффективности управления пространственным развитием (муниципальный и региональный уровни) 124
Хабибуллина Л.В.
Опыт реализации инвестиционных программ в коммунальной сфере Республики Татарстан 130
Харламова И.Ю.
Диверсификация как способ снижения рисков в условиях неопределенности 135
Шлычков В.В.
Основные успехи экономики России в 2023 г. и ключевые вызовы её устойчивому росту в кратко- и долгосрочных перспективах 139
Эйдельман Б.М., Бодров Р.Г., Бунаков О.А., Найда А.М.
Территориальное брендирование как один из важных факторов развития туризма в современных условиях 144

Право

Байбиков Р.Р.
Современный информационно-технологический допрос в уголовном судопроизводстве 148
Батыршина Г.Ф.
Определение и виды особо охраняемых природных территорий в законодательстве России и странах Европы 152
Гадельшина Л.И.
Реализация права на социальное обеспечение в контексте решений Конституционного Суда РФ 155
Грачёва О.А., Лиходаев Е.Г.
Концептуальные проблемы определения предмета прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан на современном этапе 161
Жумаканова Н.А.
Необходимость истины в заключение эксперта в уголовном судопроизводстве России 165
Ибрагимова А.М.
О некоторых функциях в уголовно-процессуальном обжаловании России 168
Иванов А.В.
Особенности проверки и оценки показаний малолетних потерпевших при расследовании посягательств на половую неприкосновенность 173
Исаев И.Д., Романов И.А.
Некоторые спорные вопросы признания завещания недействительным 177
Курносова В.В.
Исторические условия становления и развития неюрисдикционного процесса 181
Макаров Ю.Н., Фероян А.А.
Исторический очерк некоммерческого банкротства в России и его современное состояние 185
Муратова Н.Д.
Принципы управления Анри Файоля и практика их реализации в управлении адвокатским бюро 190
Полякова И.И.
Обоснованность применения досудебного соглашения о сотрудничестве как фактор прекращения его действия 196

Привалова Е.А.
О правоприменительной практике старосты сельского населенного пункта как субъекта общественного контроля 200
Сайфутдинова Д.Р.
Возмещение стоимости дополнительных работ по договору строительного подряда в практике применения контрактов *FIDIC* 203
Сбоева И.М.
Конституционно-правовой принцип поддержки конкуренции в законодательстве субъектов Российской Федерации 210
Солдатова Т.В.
Ответственность членов саморегулируемых организаций в сфере строительства: теоретический и практический аспекты 215
Сосновская Л.Р., Атряскина А.Ф.
Опрос лиц как средство собирания доказательств защитником в уголовном судопроизводстве 221
Сулейманов М.Р., Баскаков К.В.
Зарождение юридических лиц как субъектов гражданского права 225
Сундурова О.Ф.
Дифференциация уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, по УК РФ и УК КНР 229
Хурматуллина А.М.
К вопросу о содержании и законодательном закреплении конституционного права на медицинскую помощь в условиях цифровизации 233
Чепаров Р.Д.
Арест в уголовном праве: проблемы правовой регламентации 237
Шигабутдинова А.Л.
Интерес в структуре правореализационной деятельности 242
Шуб А.М.
К вопросу о толковании отдельных понятий института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов 246

Социология

Абдрахманова Л.В., Щигорцова Е.С.
Роль преподавателя социогуманитарных дисциплин в негуманитарных вузах 250
Ахмадуллин И.Р., Низамова А.Х.
Социально-психологические факторы прекарной деятельности 254
Бурганова Л.А., Юрьева О.В.
Преподаватель как социальный агент цифровизации высшего образования 258
Волкова Е.В., Васильев Г.И.
Человеческие сети: анализ соцсетей феминистского движения Республики Татарстан 264
Галеев А.Р.
Особенность российской государственной идеологической системы. Её характеристика и структура 271
Гарафиев И.З.
Межрегиональная образовательная мобильность в РФ при поступлении в бакалавриат 277
Ибрагимова А.А.
Социализация детей мигрантов: теоретический анализ 280
Ильиных С.А., Микульская Е.А.
Молодежное предпринимательство: факторы развития и ограничения 283
Ильиных С.А., Чирцова А.О.
Отражение корпоративных ценностей в организационных характеристиках 287
Козлова Ю.В.
Урбанистика в России: междисциплинарные основы и этапы развития 291

Негматов Л.Н.
Риски в деятельности некоммерческих организаций в современной России 295
Никонова Э.И.
Критерии сформированности гражданской идентичности российской молодежи: региональный аспект 300
Поздеев И.Л., Тенсин М.В.
Проблемы эффективности противодействия нарративам политического и этнического экстремизма в интернет-пространстве: финно-угорский аспект 305
Тевлюкова О.Ю.
Формирование и оценка стрессоустойчивости в рамках кампусного курса «Лидерство и командное развитие» 310
Теренина Н.Л.
Построение персонального имиджа 313
Тюленев А.И., Валеева А.Ф., Сафиуллина Ф.Р.
Религиозные факторы развития предпринимательства (на материалах опроса студенческой молодежи Республик Марий Эл и Татарстан) 317
Фахретдинова А.Б., Замалетдинова Л.Р.
Феномен спорта в контексте социологических парадигм 322
Фомин А.А., Плотникова В.С., Федорова Е.В.
Развитие круизного туризма в арктическом регионе 326

Обзорные статьи

Гнатышина Е.И.
Инструменты и механизмы 5G технологий и их роль в цифровой трансформации промышленного комплекса 331
Молоканов А.В.
Общие тенденции устройства территориальной обороныкак фактор обеспечения национальной безопасности и экономического развития 335
Циунчук Р.А.
П.Д. Святополк-Мирский и проблема этноконфессиональных реформ в Российской империи накануне революции 1905 г. 341

Конференции

Трубина Н.А., Миркушина Л.Р.
Дискурсивная урбанистика: новый поворот городских исследований 345

УДК 338.001.36

Пространственная дифференциация потребления платных услуг населением: региональный аспект[1]

Аксянова А.В.
Доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета

Гадельшина Г.А.
Кандидат технических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета

Сотников Д.В.
Аспирант кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета

Рассмотрены вопросы структурной и пространственной динамики потребления платных услуг населением на примере субъектов Российской Федерации. Проведен анализ структуры потребления децильных групп населения в зависимости от уровня среднедушевых доходов. Выявлены различные профили потребления различных видов услуг с учетом специфики территорий.

Ключевые слова: объем потребления платных услуг населением, структура потребления по видам услуг, децильная дифференциация уровня потребления, кластерные группы по объемам потребления

Рынок платных услуг представляет собой наиболее активно развивающуюся часть потребительского рынка как в Российской Федерации, так и в мировой экономике. Рост активности населения в потреблении платных услуг носит не только стабильный характер, но и имеет более высокие темпы роста по сравнению с общей экономической динамикой. Специфика структуры личного потребления в России состоит в более низкой доле платных услуг в общем объеме потребления по сравнению как с развитыми экономиками, так и с рядом развивающихся стран.

Относительно внешних экстерналий и шоков динамика объема потребления населением платных услуг характеризуется относительной устойчивостью, что связано с тем, что спрос на услуги менее эластичен, в виду того, что в структуре потребления наибольшую долю занимают услуги первой необходимости (в первую очередь услуги ЖКХ и транспортные), спрос на которые связан с потребностью обеспечения «минимального» уровня жизни.

[1] Настоящая статья отражает личную позицию авторов. Содержание и результаты данного исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях, как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора.

В аспекте теории пространственного неравновесия, характерной для сосуществования региональных социально-экономических систем, можно выдвинуть гипотезу о том, что дифференциация в объемах потребления различных видов платных услуг может определяться региональным своеобразием, спецификой развития субъектов Федерации.

Для разработки стратегических программ устойчивого регионального развития актуальным является выявление специфических особенностей в структуре потребления населением услуг с количественной оценкой эффектов дифференциации.

Целью исследования являлось проведение многомерного статистического анализа потребительской активности населения в разрезе субъектов Федерации.

Как известно, дифференциация потребления во многом определяется дифференциацией доходов населения, которые, в свою очередь, определяют особенности и структуру потребительского поведения. В качестве статистической базы для исследования потребления населением услуг в разрезе их доходов было использовано регулярное выборочное исследование домашних хозяйств, проводимое Росстатом, а именно в разбивке по 10-процентным (децильным) группам населения, ранжированных по уровню дохода [1].

Доля услуг в потребительских расходах населения по квантилям колеблется в интервале от 21 до 35 %, причем если у верхней 10 %-ной группы населения этот показатель подвержен изменениям в динамике, то для нижней 10%-ной группы доля практически не изменяется (рис. 1).

Можно констатировать, что в структуре потребления по 10 %-ным группам населения значительную долю занимают услуги учреждений культуры, наибольшую их долю (7,4 %) имеет население с самыми высокими доходами, а наименьшую (0,4 %) – первая децильная группа (рис. 2).

Наибольшая доля потребления услуг ЖКХ наблюдается у первой децильной группы (рис. 3а). Эти услуги можно охарактеризовать, как услуги жизненной необходимости, которые являются обязательными для всех групп населения, именно этим объясняется их стабильная динамика и относительная устойчивость в кризисные периоды времени. Расходы на услуги ЖКХ снижаются примерно на 1–10 % по мере увеличения доходов децильных групп.

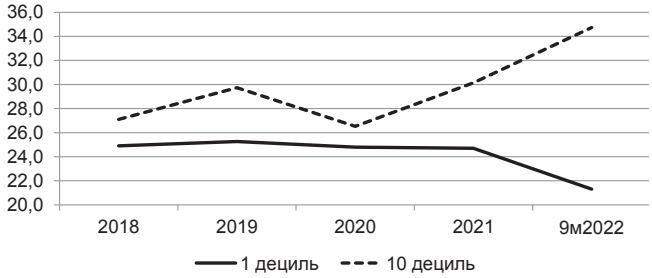

Рис. 1. Динамика доли услуг в структуре потребления нижней (1 дециль) и верхней (10 дециль) децильных групп по уровню дохода, %[1]

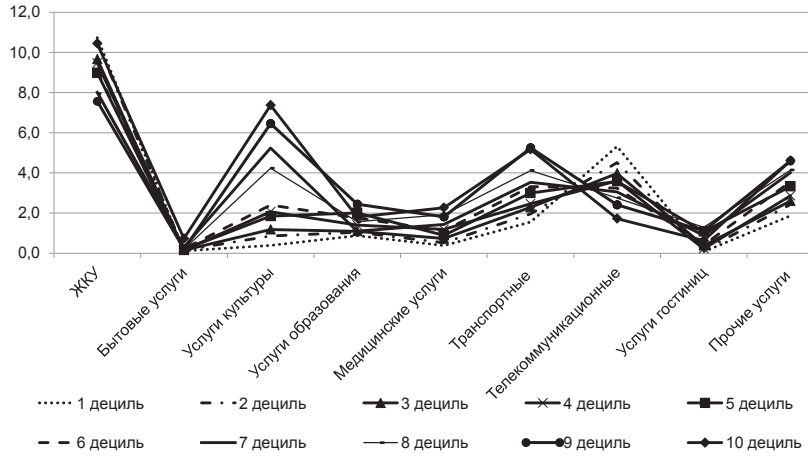

Рис. 2. Доли видов услуг в структуре потребления децильных групп по уровню дохода по итогам 2022 г., %[1]

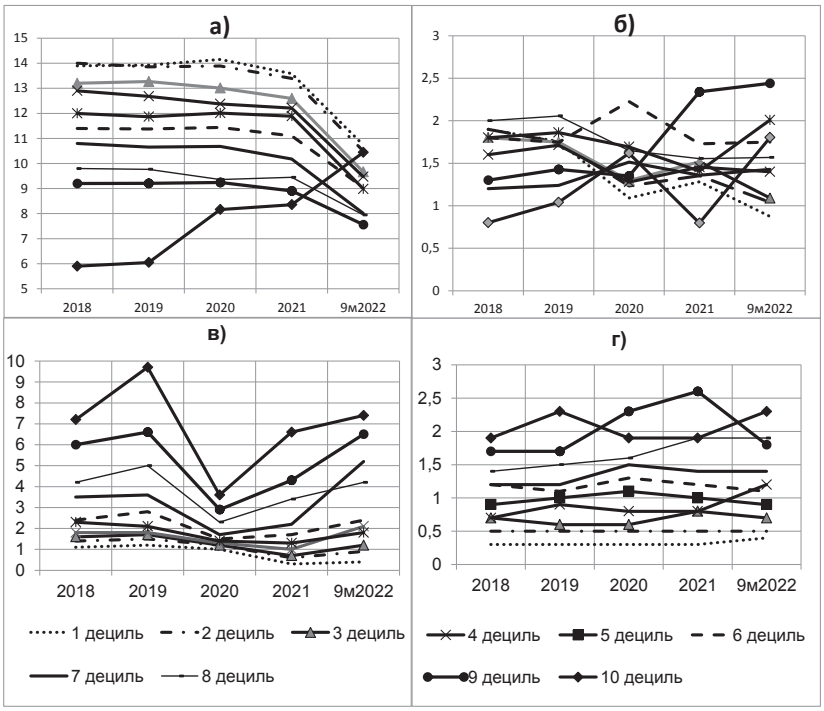

Рис. 3. Динамика доли видов услуг в структуре потребления децильных групп по уровню дохода, %: а) услуги ЖКХ; б) услуги образования; в) услуги учреждений культуры; г) медицинские услуги[1]

[1] Составлено авторами по данным официальной статистической отчетности [2].

Обратная ситуация наблюдается в потреблении медицинских услуг и услуг учреждений культуры (рис. 3в, 3г). Потребление этих услуг является более неравномерным в разрезе 10 % групп населения по уровню среднедушевых доходов, что говорит о наличии существенной доли в потреблении этих услуг определенными группами населения. Наиболее обеспеченные группы населения, в частности, население, входящее в состав седьмого – десятого децилей, характеризуются высоким потреблением услуг, удовлетворяющих второстепенные потребности. Потребление этих видов услуг не является жизненно необходимым, поэтому более малообеспеченные группы населения в определенной степени готовы отказаться от таких услуг.

Среди услуг, которые менее подвержены дифференциации в зависимости от уровня доходов населения, выделяются услуги образования (рис. 3б).

Таким образом, прослеживается существенное неравенство в потреблении различных видов платных услуг домохозяйствами.

Если для большинства групп потребление ЖКХ услуг в динамике остается стабильным, то для верхней децильной группы, т.е. для населения с наибольшими доходами, потребление данного вида услуг имеет заметные колебания с 5,9 % в 2018 г. до 10,4 % в 2022 г. (рис. 3а).

Если проанализировать структуру 10-й децильной группы (табл. 1), то можно выявить наличие структурного сдвига в 2022 г. относительно 2019 г.: увеличение доли услуг ЖКХ на 4,4 п.п. и транспортных услуг на 3,2 п.п., снижение бытовых услуг на 3,7 п.п. и услуг культуры на 2,3 п.п.

Таблица 1

Доля в структуре потребления 10-й децильной группы населения по уровню среднедушевых доходов, %

Показатель	2019 г.	9 месяцев 2022 г.	Изменение 2022 г. к 2019 г.
Услуги	29,7	34,7	5,0
ЖКУ	6,0	10,4	4,4
Бытовые услуги	4,4	0,7	-3,7
Услуги культуры	9,7	7,4	-2,3
Услуги образования	1,0	1,8	0,8
Медицинские услуги	2,3	2,3	0,0
Транспортные	1,9	5,2	3,2
Телекоммуникационные	1,3	1,7	0,4
Услуги гостиниц		0,6	0,6
Прочие услуги	2,6	4,6	2,0

Таким образом, кризисные моменты находят отражение в потреблении населения с высокими доходами. В данном случае происходит смещение потребления в сторону услуг первой необходимости.

Эффекты пространственной дифференциации возникают в силу того, что федеральные округа, как и регионы, в них входящие, имеют свои отличительные особенности, обусловленные различной степенью экономического развития и сопутствующих макроэкономических показателей, что, безусловно, оказывает влияние и на потребительское поведение населения.

Для проверки гипотезы о региональной дифференциации потребления определённых видов услуг был применен кластерный анализ для разделения субъектов РФ на схожие по потребительскому поведению группы. В качестве определяющих факторов были использованы данные об уровне потребления 17 видов услуг в расчете на душу населения в 82 субъектах Российской Федерации по итогам 2022 г. [3], а именно:

– услуги гостиниц и аналогичные услуги по предоставлению временного жилья (x1);

– услуги юридические (x2);

– услуги туристических агентств, туроператоров и прочие услуги по бронированию и сопутствующие им услуги (x3);

– бытовые услуги населению (x4);

– коммунальные услуги (x5);

– транспортные услуги (x6);

– услуги почтовой связи и курьерские услуги (x7);

– услуги телекоммуникационные (x8);

– прочие платные услуги (x9);

– ветеринарные услуги (x10);

– жилищные услуги (x11);

– услуги системы образования (x12);

– медицинские услуги (x13);

– услуги, предоставляемые гражданам пожилого возраста и инвалидам (x14);

– услуги учреждений культуры (x15);

– услуги физической культуры и спорта (x16);

– услуги специализированных коллективных средств размещения (x17).

Кластерный анализ был проведен с использованием статистического пакета *IBM SPSS Statistics*, в результате процедуры было получено 7 кластеров. Отметим, что качество кластеризации было оценено с помощью техники дисперсионного анализа, на основе которого было выявлено статистически значимое различие в центрах построенных кластеров.

Анализ нормированных профилей кластеров (рис. 4) позволил выявить следующие типологические особенности групп.

Столичный регион – г. Москва, единственный представитель кластера 3, занимает лидирующие позиции по потреблению практически всех видов платных услуг, за исключением коммунальных услуг и услуг специализированных коллективных средств размещения. Существенными по объему потребления здесь являются транспортные и телекоммуникационные услуги.

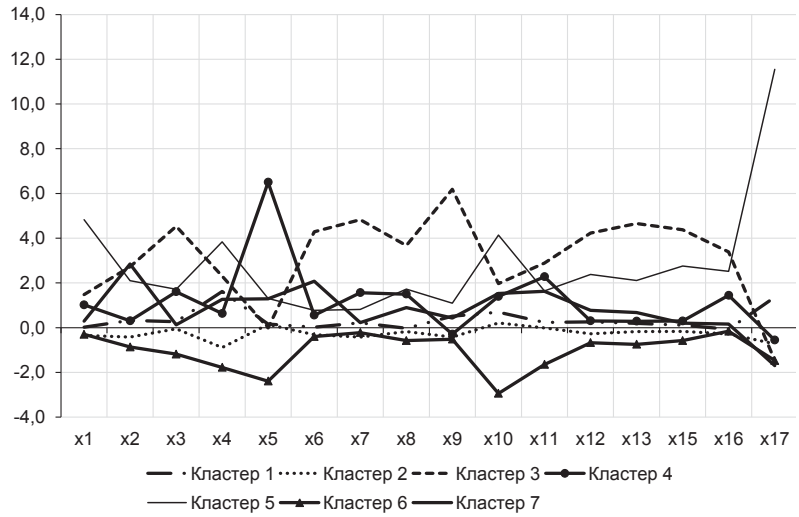

Рис. 4. Потребление видов услуг в разрезе определённых кластеров, %

Кластер 5, состоящий из двух субъектов – г. Санкт-Петербурга и Краснодарского края, имеет профиль, ориентированный на потребление санаторных и курортных услуг и услуг гостиниц и по предоставлению временного жилья.

Наиболее «депрессивный» характер потребления практически всех видов услуг характерен для регионов 6-го кластера, объединившего 15 субъектов Федерации, большую часть которых составили представители Северо-Кавказского федерального округа.

Наиболее равномерное распределение объема душевого потребления платных услуг в разрезе указанных видов наблюдается в самой многочисленной (25 регионов) группе, большую часть которой образуют регионы Центрального и Приволжского федеральных округов, вошедшие во 2-й кластер.

Схожую структурную динамику имеют регионы 1-го кластера, в состав которого вошли 23 субъекта Федерации, среди которых оказались республики Татарстан и Башкортостан, а также большая часть регионов Южного федерального округа. Но в отличие от регионов 2-го кластера эта типологическая группа характеризуется не только равномерной доступностью потребления различных видов услуг, но и существенным вкладом в общем итоге потребления услуг специализированных коллективных средств размещения.

Для Свердловской области, Республики Саха (Якутия), Хабаровского края и Сахалинской области, образовавших 7-ю кластерную группу, потребительский профиль преимущественно определяется юридическими, транспортными и жилищными услугами, при этом можно отметить, что услуги в области физической культуры и спорта наименее востребованы населением.

Наиболее существенным является потребление услуг ЖКХ для регионов 4 кластера, в который вошли 3 субъекта – Мурманская и Магаданская области, Камчатский край.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены определенные профили потребительского поведения населения в зависимости от региональных различий. После кризиса 2020 г. их динамику можно описать словосочетанием «устойчивый рост», даже несмотря на санкционное давление в 2022 г. Потребительские услуги остались единственным показателем, поддерживающим потребительскую активность.

Наряду с выявленным неравенством в потреблении платных услуг домохозяйствами с разными уровнями среднедушевых доходов в разрезе представленных платных видов услуг, в большей степени подвержены изменчивости потребительского поведения в кризисные моменты группы населения с наибольшими доходами, их потребление смещается в сторону услуг первой необходимости.

Дальнейшее развитие исследования может быть актуальным в плане получения пространственных регрессионных моделей для прогнозирования динамики объема потребления услуг населением.

Литература:

1. Статистический бюллетень «Рынок платных услуг населению» // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0% B5%D0%BB%D1%8C.pdf (дата обращения: 02.03.2023).
2. Статистический бюллетень «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств». – URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271 (дата обращения: 02.03.2023).
3. Официальные статистический показатель «Объем платных услуг населению в расчете на душу населения с 2017 г.». – URL: https://fedstat.ru/indicator/59161 (дата обращения: 03.03.2023).

Spatial Differentiation of Consumption of Paid Services by the Population: Regional Aspect

Aksyanova A.V., Gadelshina G.A., Sotnikov D.V.
Kazan National Research Technological University

The issues of structural and spatial dynamics of consumption of paid services by the population are considered using the example of the constituent entities of the Russian Federation. An analysis of the consumption structure of decile groups of the population depending on the level of average per capita income was carried out. Various profiles of consumption of various types of services have been identified, taking into account the specifics of the territories.

Key words: volume of consumption of paid services by the population, structure of consumption by type of service, decile differentiation of consumption levels, cluster groups by consumption volumes

УДК 332.1

Стратегическое планирование развития территорий в условиях *ESG*-повестки

Антипин И.А.
Доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики
и управления Уральского государственного экономического
университета (Екатеринбург)

Иванова О.Ю.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры региональной, муниципальной экономики
и управления Уральского государственного экономического
университета (Екатеринбург)

Шишкина Е.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры региональной, муниципальной экономики
и управления Уральского государственного экономического
университета (Екатеринбург)

В статье рассмотрены теоретико-методические основы стратегического планирования развития территорий в условиях ESG-повестки. Проанализированы теоретические и прикладные аспекты концепции ESG для стратегического развития территорий. Уточнены методические основы формирования ESG-оценки территорий различных иерархических уровней и возможности их применения в практике стратегирования. Определены современные ограничения ESG-стратегического планирования, а также представлены перспективные направления его развития.

Ключевые слова: регион, стратегическое планирование, устойчивое развитие, ESG, территория, стратегирование

Вопросы совершенствования инструментов, методов стратегического планирования развития территорий в условиях экономической, геополитической нестабильности, появления новых угроз социально-экономического развития имеют особый интерес как для теоретических исследований, так и для практики стратегирования. В настоящее время, несмотря на появление новых вызовов для развития территорий, одной из основных задач остается обеспечение устойчивого развития, которое в современных период все более рассматривается с позиции *ESG*-повестки. Эти вопросы нашли отражение в современных научных исследованиях.

Выявлению проблем регионального стратегического планирования, анализу показателей социально-экономического развития с учетом требований современного общества, а также условий глобализации экономики посвящено исследование А.С. Новоселова и А.В. Фалеева [1]. Проблемы разработки, реализации и реализуемости муниципальных стратегий в условиях неопределенности рассмотрены в работе И.А. Антипина, Н.Ю. Власовой [2]. Ис-

следование устойчивого развития городов, построения интегральных индикаторов их устойчивости в целях стратегической трансформации представлено в работах И.А. Шмелевой и С.Э. Шмелева [3], Б.Н. Порфирьева и С.Н. Бобылёва [4], финансирование проектов устойчивого развития городов России изучено С.А. Липиной и О.П. Старцевой [5]. Широкий интерес для исследователей представляет проблема имплементации *ESG*-принципов и повестки устойчивого развития в процессы и документы стратегического планирования территорий разных уровней [6; 7]. Особенности формирования стратегии экономической безопасности на основе *ESG*-принципов устойчивого развития на примере Владимирской области представлены в работе Ю.Н. Лапыгина, К.С. Караман [8]. Отдельные вопросы *ESG*-повестки, значимые для проблематики данного исследования, рассмотрены в трудах по отраслевой, корпоративной тематике, работах по управленческим наукам [9–11].

Таким образом, современные исследования охватывают отдельные аспекты стратегического планирования в условиях *ESG*-повестки. Наряду с этим, требуют изучения такие вопросы, как анализ практик стратегического планирования территорий различных иерархических уровней с учетом новых рисков и вызовов устойчивому развитию, формирование и обоснование инструментов и механизмов, обеспечивающих реализацию *ESG*-принципов, и т.д. Учитывая вышеизложенное, целью настоящей научной статьи является изучение и развитие теоретико-методических основ стратегического планирования развития территорий в условиях *ESG*-повестки.

Теоретическая основа исследования представлена интегрированием положений теорий региональной экономики, устойчивого развития, *ESG*, стратегического планирования и управления.

Алгоритм исследования включает следующие этапы:

1. Анализ теоретических, методических и прикладных аспектов *ESG*-повестки для стратегического развития территорий.

2. Исследование инструментов *ESG*-оценок развития территорий различных иерархических уровней и возможностей их применения в практике стратегирования.

3. Оценка интегрированности принципов *ESG* в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ; определение направлений развития стратегического планирования развития территорий в условиях *ESG*-повестки.

Информационную базу исследования составили данные официальной статистики, нормативно-правовые акты органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления муниципальных образований, данные рейтинговых агентств, в т.ч. *RAEX*-эксперт, ВЭБ.РФ, стратегии социально-экономического развития субъектов РФ.

В настоящее время вопросы устойчивого развития, *ESG*-повестки получили широкое освещение как в трудах ученых, так и управленческой практике в связи с формализацией и институализацией основных положений и принципов указанной теории. Среди ключевых этапов становления *ESG*-повестки следует выделить [12]:

– 1953 г.: сформулирована концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) как политики бизнеса, обязующегося учитывать интересы общества в своей деятельности [13];

– 1977 г.: опубликован первый кодекс корпоративной социальной ответственности на уровне компании;

– 2004–2010 гг.: усиление климатического тренда, закрепление обязательных тематик ESG;

– 2015 г.: «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» в составе 17 ЦУР (целей устойчивого развития) (Саммит ООН по устойчивому развитию, сентябрь 2015 г.); Парижское соглашение об изменении климата (декабрь 2015 г.);

– 2016–2023 гг.: разработано более 70 стандартов и около 600 рейтинговых систем (в т.ч. отечественных), которые используются для *ESG*-оценки компаний и регионов.

Таким образом, наиболее значимыми современными вопросами в аспекте проблематики статьи являются следующие:

– что представляет *ESG* для стратегического развития территорий?

– какими должны быть методы оценки развития территорий в аспекте *ESG*?

– как *ESG*-повестка может стать драйвером роста привлекательности городов?

– каковы приоритетные задачи в этом направлении, на что обратить внимание, следовать глобальным трендам или формировать национальные приоритеты развития?

Концептуально, *ESG*-повестка (*E* – качество окружающей среды и экология, *S* – качество социального развития, *G* – эффективность управления и устойчивость экономического развития) для территорий должна обеспечивать долгосрочную устойчивость (*sustainability*) развития. В реализации *ESG*-инициатив можно выделить региональный, корпоративный (бизнес), муниципальный уровни, а также уровень населения. Исследование работ ученых в области устойчивого развития, *ESG*, стратегического развития [14–17] показало, что основными мотивами для территорий в реализации *ESG*-повестки являются:

– собственные ценности и интересы развития;

– повышение конкурентоспособности территорий;

– распределение ответственности за развитие территорий;

– политические мотивы;

– развитие международной экономической кооперации и др.

Следовательно, основными задачами развития территорий для реализации *ESG*-повестки становятся:

– определение ключевых принципов деятельности в контексте *ESG* и инструментов поддержки *ESG*-инициатив;

– разработка стратегических индикатив, подлежащих мониторингу и таргетированию на горизонте планирования;

– интеграция критериев *ESG* в социально-экономические, управленческие процессы;

– продвижение *ESG*-повестки в целях вовлечения бизнес-сообщества в реализацию *ESG*-инициатив;

– формирование внутренней повестки преобразований с позиций *ESG*-критериев.

В настоящее время принципы устойчивого развития и *ESG*-повестки получили количественное измерение в рамках формирования национальной и международной *ESG*-инфраструктуры, представляющей методические основы для формирования *ESG*-рэнкингов и рейтингов [18]. Ключевые направления исследования включают оценки влияния на окружающую среду, решения социальных задач и эффективности управления. В таблице 1 систематизированы инструменты *ESG*-оценок, применяемые для территорий разных уровней.

Отметим, что информационная база для ESG-оценок территорий может быть также сформирована на основе объективных и субъективных данных. Субъективные данные формируются в результате опросов населения (по ключевым аспектам *ESG*) органами власти, представителями корпоративного сектора, объективные – на базе данных официальной статистики, методики ВЭБ.РФ (например, РУСАЛ [22] разрабатывает индекс качества жизни для 21 муниципального образования присутствия компании, включая малые и средние города).

Таблица 1

Методические основы формирования *ESG*-оценок территорий

Уровень оценки	Содержание методики
Национальный	Национальный набор показателей ЦУР ООН (248 показателей): 52 % (130) – не разрабатывались, разрабатывались 45 % (114), 1 % (4) – «в процессе разработки» (2022 г.); ЦУР № 11 «Устойчивые города и населенные пункты»: 73 % (11) – не разрабатывались, разрабатывались 26 % (14) показателей [19]
Региональный	ESG-рэнкинг субъектов РФ (RAEX («РАЭКС-Аналитика»): в основе – принцип совмещения уровня подверженности риску и оценки эффективности его нивелирования (2021 г.: 85 субъектов РФ, 3 направления – экологические риски «E» (10 показателей), социальные риски «S» (10 показателей), качество управления «G» (4 показателя)) [20]
Муниципальный	индекс качества жизни ВЭБ.РФ (2023 г.: 218 городов РФ, 11 направлений, 300 показателей) [21]

Результаты исследования индекса качества жизни в городах России в 2023 г. на основе методики ВЭБ.РФ [23] выявили положительные тенденции развития в таких городах, как Мытищи, Лобня, Пушкино, Сочи, Калининград, Южно-Сахалинск, Новый Уренгой, Волгоград, Самара, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Тобольск и др.

Изучение региональной динамики *ESG*-оценок на основе данных Рейтингового агентства *RAEX* («РАЭКС-Аналитика») [20] в 2018–2021 г. показало, что наиболее высокие оценки имели Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Республика Татарстан (Татарстан), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Липецкая область, Курская область, Тюменская область (без автономных округов), Свердловская область.

Анализ официальных текстов стратегий социально-экономического развития указанных выше субъектов РФ в контексте обеспечения устойчивости развития и интегрированности *ESG*-повестки позволил сделать следующие выводы:

– параметры и положения концепции *ESG*, ЦУР ООН не формализированы в стратегиях субъектов РФ (исключение – Липецкая область), но представлены в виде приоритетов, направлений развития;

– стратегические цели развития регионов приоритезируют социальный компонент («*S*») устойчивости в контексте *ESG*;

– риски и угрозы устойчивого развития, а также и методы управления ими реализованы преимущественно в стратегиях регионов, разработанных после 2021 г. (Липецкая область, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа и др.);

– большинство рассматриваемых стратегий не предусматривают конкретных инструментов и механизмов взаимодействия между органами власти и бизнесом в части обеспечения устойчивого развития территорий.

Примером региона, активно внедряющим принципы *ESG* и ценности устойчивого развития в процессы стратегического планирования и комплексного регионального управления, является Липецкая область. Разработана Стратегия социально-экономического развития Липецкой области до 2030 г. [24], основанная на ценностях устойчивого развития и *ESG*. Главная стратегическая цель определена как «Липецкая область-2030 – регион высокого качества жизни с развитым промышленно-технологическим

сектором экономики и экологичным сельским хозяйством, где власть, бизнес и граждане разделяют ценности устойчивого развития и руководствуются принципами *ESG*» [24], также *ESG*-приоритеты интегрированы в такие разделы стратегии, как ценности и приоритеты, сценарии, направления развития.

Исследование стратегий регионального развития в контексте *ESG* позволило также выявить следующие ограничения *ESG* – стратегического планирования:

– неразработанность методологии, позволяющей представлять цели, задачи развития с позиции *ESG*-критериев;

– отсутствие общепринятых методик *ESG*-оценки, в частности, со стороны территорий, включающих как объективные, таки субъективные данные;

– отсутствие единых *ESG*-индикаторов (статистических показателей, индексов и др.) для территорий, отчетности по достижению стратегических приоритетов;

– неопределенность инструментов сотрудничества регионов, муниципальных образований, корпоративного сектора в части единого видения развития территорий;

– наличие рисков искажения и недостоверности данных (в т.ч. в связи с недостаточной *ESG*-грамотностью).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что *ESG*-повестка продолжит развитие и внедрение в практику стратегирования, при этом скорость ее реализации в различных территориях будет дифференцирована (вероятно, быстрее она может быть реализована в малых и средних городах, особенно моногородах, ЗАТО, т.к. в них возможно быстрее обеспечить взаимодействие бизнеса, власти, местного сообщества и иных стейкхолдеров).

Ускорению *ESG*-практики стратегирования может способствовать разработка механизмов взаимодействия территорий с корпоративным сектором в части реализации *ESG*-повестки, инструментов для диалога органов власти с бизнесом в определении приоритетов социальных инвестиций; развитие регионального стратегического планирования на основе включения риск-ориентированного подхода; разработка стратегических мастер-планов для городов; повышение «*ESG*-грамотности»; формирование методик оценки качества жизни в малых и средних городах; распространение лучших практик *ESG*-стратегирования.

Литература:

1. Новоселов А.С., Фалеев А.В. Анализ показателей стратегического планирования социально-экономического развития территории // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021: Межд. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью» / Отв. за выпуск: В.И. Суслов, Л.К. Казанцева. – Новосибирск: СГУГиТ, 2021. – С. 56–65.
2. Антипин И.А., Власова Н.Ю. Стратегическое планирование развития территорий в условиях неопределенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 12-1. – С. 5–10.
3. Шмелева И.А., Шмелев С.Э. Глобальные города: многокритериальная оценка устойчивого развития // Биосфера. – 2019. – №1. – С. 1–18.
4. Порфирьев Б.Н., Бобылёв С.Н. Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2 (167). С. 14–23.
5. Липина С.А., Старцева О.П. Новые возможности финансирования проектов устойчивого развития городов России // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11. № 4. – С. 1755–1772.
6. Лаффах А.М. Анализ международного опыта по имплементации ESG принципов в условиях крупнейших городских агломераций // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 6. – С. 200–204.
7. Рязанова Н.Е., Меньшов К.В. Оценка имплементации повестки устойчивого городского развития и задач ЦУР 11 в структуру государственных стратегий Российской Федерации. Ч. 2 // Экология урбанизированных территорий. – 2019. – № 1. – С. 99–109.
8. Лапыгин Ю.Н., Караман К.С. Стратегия экономической безопасности муниципального образования с позиций ESG-принципов // Управленческое консультирование. – 2023. – № 6 (174). – С. 46–55.
9. Скачков Н.Г. ESG-факторы в системе корпоративного и социального риск-менеджмента как инфраструктурный компонент трансграничного бизнеса // Lex Russica. – 2022. – № 9 (190). – С. 20–32.
10. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13. № 2. – С. 185–201.
11. Марголин А. М., Вякина И. В. Риски, вызовы и механизмы ESG-трансформации систем управления // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – Т. 13. № 3. – С. 352–368.
12. ESG: три буквы, которые меняют мир: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / И.В. Ведерин, К.И. Головщинский, М.И. Давыдов и др.; под науч. ред. К.И. Головщинского. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 138 с.

13. Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman. – New York: Harper and Row, 1953. – 248 p.
14. Новиков А.В., Хабарова И.А. Устойчивое развитие территорий и ESG в Российской Федерации // Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. № 9. – С. 58.
15. Наролина Т.С., Смотрова Т.И., Пургаева И.А., Некрасова Т.А. Исследование практики реализации ESG – повестки в регионах // РСЭУ. – 2023. – № 1 (60). – С. 12–21.
16. Наумова Т.А., Погудаева М.Ю., Гладилина И.П. Национальные цели Российской Федерации в рамках ESG-повестки: опыт Москвы // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 334–338.
17. Макаров И.Н., Назаренко В.С. ESG повестка как фактор конкурентоспособности бизнеса и регионов в контексте устойчивого развития // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2021. – № 24. – С. 26–37.
18. Обзор ESG – Рейтингов. Национальный ESG Альянс. – URL: https://drive.google.com/file/d/1IPHBgKau2IfwoWS0N67FA7rz4lnHkmOj/view.
19. Росстат – Статус разработки показателей ЦУР. – URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status. ESG-рэнкинг субъектов РФ. – URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/.
20. Индекс качества жизни в городах России. – URL: https://citylifeindex.ru/
21. Индекс качества жизни и устойчивого развития городов и территорий РУСАЛа. – URL: https://rusal.ru/sustainability/social-investment/index-gorodov/Methodology.pdf.
22. Индекс качества жизни в городах России. – URL: https://citylifeindex.ru/research2023
23. Стратегия социально-экономического развития Липецкой области до 2030 года (проект). – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/94b068e0692d25a8df0c1a5cfeca9c24/proekt_strategii.pdf.

Strategic Directions of Demographic Development of Million-Plus Cities of the Russian Federation

Antipin I.A., Ivanova O.Yu., Shishkina E.A.
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

The article discusses the theoretical and methodological foundations of strategic planning for the development of territories in the context of the ESG agenda. The authors analyzed the theoretical and applied aspects of the ESG concept for the strategic development of territories. The methodological foundations of the formation of ESG-assessment of territories of various hierarchical levels and the possibility of their application in the practice of strategizing are clarified. The article defines the current limitations of ESG strategic planning, as well as presents promising directions for its development.

Key words: region, strategic planning, sustainable development, ESG, territory, strategizing

УДК 658

Межорганизационная логистическая координация в условиях формирования технологической независимости в России

Афанасьев М.В.
Доктор экономических наук,
профессор Высшей школы производственного менеджмента
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Мелёхин В.Д.
Старший преподаватель
Высшей школы производственного менеджмента
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

В статье проведено исследование возможностей развития межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости в России. Авторы считают, что актуальными формами развития межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости следует считать взаимную коллаборацию участников цепей поставок на основе квазиинтеграционной структуры. Ключевым отличием предлагаемого процесса является использование субконтрактации (субконтрактинга). Приводится подробное описание основных этапов и стадий предлагаемого процесса межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости.

Ключевые слова: межорганизационная логистическая координация, технологическая независимость, субконтрактинг, научно-исследовательский потенциал, операционная логистика, логистическая система

Стремление России к «технологическому суверенитету» за последнее десятилетие стало одним из ее наиболее решительных и активно поддерживаемых на государственном уровне стратегических шагов. Учитывая то, что деятельность промышленного предприятия зависит от эффективной организации логистических потоков по обеспечению ресурсами и созданию устойчивых взаимоотношений с поставщиками и потребителями [1, с. 594], важную роль в достижении технологической независимости играет межорганизационная логистическая координация. Именно она позволяет организациям эффективно сотрудничать с поставщиками, клиентами и другими партнерами в цепях поставок и обеспечивать бесперебойное функционирование поставок и удовлетворение потребностей клиентов.

Межорганизационная логистическая координация представляет собой упорядочение и согласование работы предприятий-партнеров в интегрированной логистической системе для достижения общих целей [2, с. 8].

Ключевая проблема в межорганизационной логистической координации в условиях развития технологической независимости – проблема выбора одного из двух противоположных по стратегическим последствиям решений, каждое из которых имеет право на существование и комплекс мотивирующих факторов. Для решения проблемы анализируются альтернативные бизнес-процессы. При этом решается логистический «*business-case*» с возможными потенциальными вариантами материально-технического обеспечения в зависимости от производствен-

ных потребностей. Целью является определение стратегического управленческого логистического решения, которое трактуется как МОВ (англ, *make-or-buy*) [3, с. 70]. То есть компания принимает решение о закупке запасов (ресурсов) для обеспечения производственного процесса или изготовления аналогичных запасов собственными силами. После выхода специализации на высокий уровень данная проблема зачастую решалась в пользу закупки (*buy*) качественного продукта (на отечественном или мировом рынке). Однако в условиях введенных санкций становится зачастую очевидным сделать выбор в пользу создания партнерской сети или альянса. В рамках такого альянса предприятия могут объединить свои ресурсы, знания и компетенции для разработки и производства высокотехнологичного оборудования на местных рынках.

Соглашаясь с мнением Ю.В. Данейкина [4, с. 90] о необходимости направления усилий на максимально полное использование и развитие собственного научно-технологического потенциала, синергетическую интеграцию науки, образования, мер поддержки предпринимательства, по нашему мнению, актуальными формами развития межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости следует считать взаимную коллаборацию участников цепей поставок на основе квазиинтеграционной структуры посредством:

– использования субконтрактации (субконтрактинга);

– совместной разработки инновационных продуктов на основе развития общего технологического потенциала с наиболее ценными партнерами;

– консолидации научно-исследовательского потенциала отрасли и укрепления связей науки с производством.

Схематично предлагаемый процесс межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости представлен на рисунке 1.

Основная идея состоит в том, чтобы учитывать сильные взаимосвязи между производственными предприятиями соответствующей отрасли промышленности, а также между предприятиями и сопутствующими учреждениями (научно-исследовательскими, научно-производственными, научно-технологическими организациями и т.д.) с целью выработки экономической и инновационной политики развития квазиинтеграционной структуры исследуемых взаимодействующих предприятий. Этот принцип позволит максимально использовать синергетические эффекты для участников и одновременно снизить до минимума препятствия для развития их бизнеса, инноваций и экономического роста в условиях формирования технологической независимости.

Ключевым отличием предлагаемого процесса межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости является использование субконтрактации (субконтрактинга).

Рассмотрим подробнее этапы и стадии предлагаемого процесса межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости, приведенные на рисунке 2.

Этап I. Подготовительная стадия.

Стадия 1. Стартовый этап создания межорганизационного партнерства предусматривает поиск общих интересов и целей промышленного предприятия, предприятия-субконтрактора и научной организации и юридическое оформление сотрудничества соответствующим документом – договором.

Стадия 2. В рамках межорганизационного партнерства с целью формирования программы производства и реализации продукции, разработки и внедрения в производство новых видов продукции, реализации проектов развития предприятия, в том числе инновационных, целесообразно создавать совместные многофункциональные проектные рабочие группы – команды специалистов различного профиля (ученых, технологов, менеджеров, экономистов, бухгалтеров и др.), целью которых является комплексное выполнение работ по реализации намеченных проектных целей. Кроме создания совместной многофункциональной рабочей группы,

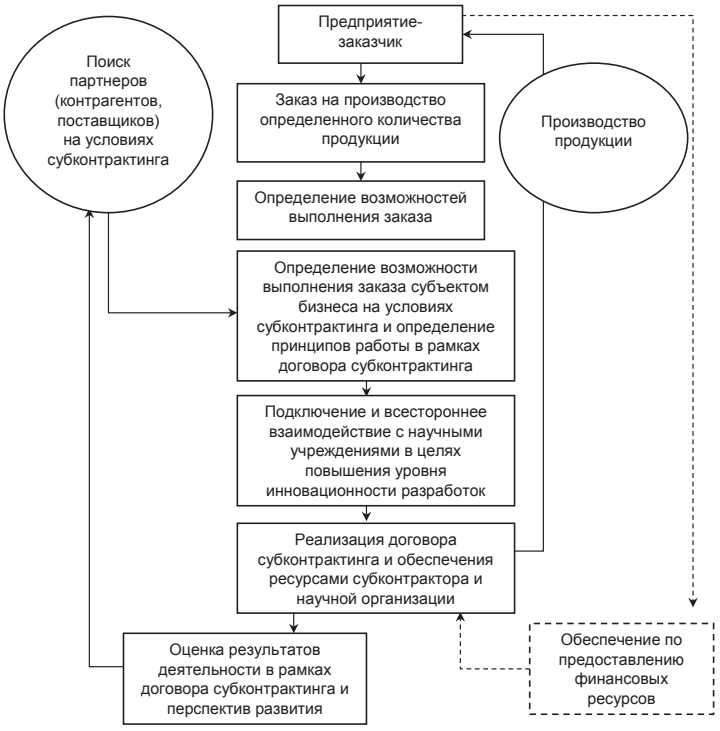

Рис. 1. Предлагаемый процесс межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости

Рис. 2. Основные этапы и стадии предлагаемого процесса межорганизационной логистической координации в условиях формирования технологической независимости

необходимо формирование нормативной, организационной и информационной инфраструктуры партнерства – среды, в которой будет работать команда проекта.

Стадия 3. Следующим шагом является генерирование и отбор идей по решению поставленных задач. Последовательность выполнения этого этапа зависит от сроков и поставленных задач. К работе по необходимости могут привлекаться как ученые, так и практики, которые не входят в состав рабочей группы. Отбор идей должен происходить на основе их всестороннего анализа и оценивания. Решение принимается на основе сравнения совокупных затрат на разработку и реализацию проекта с совокупными выгодами по проекту.

Этап II. Исследования. На этом этапе реализации межорганизационного партнерства рабочая группа с привлечением других работников предприятия, научной организации и предприятия-субконтратора выполняют всестороннюю проработку идеи, она приобретает детализацию и конкретизацию в виде технической документации, чертежей, расчетов и тому подобное.

Этап III. Реализация. Этот этап завершает цикл межорганизационного партнерства. На этом этапе главную роль играют специалисты предприятия, поскольку он касается внедрения разработок в производство. Роль научной организации и предприятия субконтрактора заключается в сопровождении проекта, внесении коррективов в проектные решения по необходимости. Этап внедрения состоит из трех стадий: обоснование решений по внедрению проектных решений в практику хозяйствования; детализация программы производства и реализации продукции; собственное практическое воплощение проектных решений. Как было отмечено ранее нами в предыдущих исследованиях [5, с. 211], внедрение новых технологий в систему управления на отечественных промышленных предприятиях создает новые функциональные возможности и приносит соответствующие эффекты.

В связи с этим для целей оценки результатов межорганизационного сотрудничества необходимо сформировать соответствующую систему оценочных показателей эффективности достижения целей и реализации задач в рамках управления программой производства и реализации продукции.

Таким образом, предлагаемый подход позволит предприятиям снизить зависимость от импорта и обеспечить доступ к необходимым технологиям. Каждое предприятие в предложенном процессе межорганизационной логистической координации может внести свой уникальный вклад. В свою очередь, партнерские отношения с научно-исследовательскими институтами позволят предприятиям ориентироваться на передовой в своей отрасли опыт и разрабатывать инновационные продукты. В рамках партнерства также могут решаться вопросы реализации проектов технико-технологического обновления производства, открытия новых бизнес-направлений (диверсификация), внедрения новых форм организации процессов на предприятии и др. В результате реализация предложенного процесса межорганизационной логистической координации позволит предприятиям обеспечить технологическую независимость, развивать инновации и эффективно конкурировать на мировом рынке.

Литература:

1. Афанасьева Н.В., Афанасьев М.В. Модернизация промышленных предприятий на основе открытых инноваций на примере российского машиностроения // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 5-1(58). – С. 593–596.

2. Абрамова Е.Р. Влияние механизмов межорганизационной логистической координации на повышение конкурентоспособности цепей поставок // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9. № 2-1. – С. 7–17.
3. Эльяшевич И.П. Решение задачи «делать или покупать» в логистике снабжения // Логистика и управление цепями поставок. – 2016. – № 4. – С. 69–77.
4. Данейкин Ю.В. Достижение технологического суверенитета высокотехнологичных отраслей экономики РФ: состояние и перспективы // Вестник РГГУ: Серия «Экономика. Управление. Право». – 2022. – № 4. – С. 74–92.
5. Мелёхин В.Д., Окороков Р.В. Основные эффекты реализации концепции «Промышленность 4.0» на российских предприятиях // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: Сб. трудов науч. и учеб.-практ. конференции. Ч. 1. – СПб.: СПбПУ, 2017. – С. 211–220.

Interorganizational Logistics Coordination in the Conditions of Technological Independence Formation in Russia

Afanasiev M.V., Melyokhin V.D.
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

The article investigates the possibilities of developing inter-organizational logistics coordination in the conditions of technological independence formation in Russia. The authors believe that the actual forms of development of interorganizational logistics coordination in the conditions of technological independence formation should be considered mutual collaboration of supply chain participants based on a quasi-integration structure. The key difference of the proposed process is the use of subcontracting. The article provides a detailed description of the main stages and stages of the proposed process of interorganizational logistics coordination in the conditions of technological independence formation.

Key words: inter-organizational logistics coordination, technological independence, subcontracting, research potential, operational logistics, logistics system

УДК 332.05

Анализ использования технологий больших данных в российских регионах*

Варламова Ю.А.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономической теории и эконометрики, старший научный сотрудник
НОЦ по исследованию проблем развития рыночных отношений
в условиях глобализации мировой экономики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Целью исследования является анализ динамики использования технологий больших данных в российских регионах. В работе проводится сравнительный анализ одного из ключевых показателей экономики данных – технологий больших данных в разрезе 85 субъектов России. Методология исследования включает в себя динамический анализ показателей на основе построения относительных величин базисным способом, группировку регионов на основе метода естественных разрывов. Сделан вывод о негативном воздействии геополитической ситуации 2022 г. на динамику показателей экономики больших данных, обозначены регионы-лидеры и регионы, требующие особого внимания со стороны органов государственной власти при проведении стратегической политики в области цифровой экономики.

Ключевые слова: экономика данных, субъекты России, большие данные, пространственная неоднородность, цифровое неравенство

13 июля 2023 г. Президент России В.В. Путин инициировал разработку нового федерального проекта, призванного заложить основы формирования экономики данных в России до 2030 г. [1]. Необходимость формирования отдельного национального проекта обусловлена технологическим развитием мировой системы, когда основные хозяйственные процессы записываются в виде цифровых данных, которые могут быть использованы в качестве отдельного фактора производства наряду с трудовыми ресурсами, землей и капиталом. При этом роль больших данных описывается как «ключевая основа конкуренции, которая обеспечивает новые волны роста производительности, инноваций и потребительского излишка» [2].

При проведении статистического наблюдения за использованием организациями цифровых технологий Росстат формулирует следующее определение: «Большие данные – структурированные и неструктурированные массивы информации, которые характеризуются значительным объемом и высокой скоростью обновления (в том числе в режиме реального времени) данных, что требует специальных инструментов и методов работы с ними (например, машинного обучения, *data* и *text mining* и тому подобного)» [3]. Давая определение понятию «большие данные», подчеркнем, что оно является относительным с точки зрения различных аспектов – времени, отрасли, количественных показателей. Согласимся с учеными Глобального института *McKinsey*, что «понятие намеренно субъективно и включает в себя “подвижное” определение того, насколько большим должен быть набор данных, чтобы считаться большими данными» [2, p. 1]. Важно при этом понимать, что большие данные подразумевают под собой не только сами наборы данных, но и специальное программное обеспечение и оборудование, необходимое для сбора, передачи, хранения и анализа данных. Другими словами, большие данные не представляют собой коммерческого интереса без соответствующей инфраструктуры, которая сопровождает процесс управления данными от момента их генерации до момента их анализа и превращения

* Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01290, https://rscf.ru/project/23-28-01290/

в структурированную информацию. В этой связи технологии больших данных, на наш взгляд, представляют собой программные и инфраструктурные средства по сбору, обработке, хранению и анализу больших данных.

Национальный проект по экономике данных объединяет в себе несколько ключевых аспектов, которые представлены в таблице 1. Выделенные направления характеризуют технологии больших данных и инфраструктурную обеспеченность для управления ими. Так, на этапе сбора больших данных требуется система мониторинга, которая в организациях может быть выстроена с помощью датчиков, автоматически фиксирующих выполняемые производственные операции. Высокая скорость передачи больших по объему наборов данных может быть обеспечена за счет использования широкополосного доступа в интернет, обеспечивающего битрейт от 256 кБит/с и выше [4].

Таблица 1

Национальный проект «Экономика данных»

Направление	Сущность
Сбор данных	Система высокочувствительных датчиков, включая квантовые сенсоры
Передача данных и развитие систем связи	Обеспечение высокой скорости передачи информации в реальном времени
Хранение данных	Развитие отечественных облачных платформ, центров обработки данных и вычислительных мощностей
Безопасность данных	Технологии квантовых коммуникаций и квантового шифрования
Стандарты и протоколы работы с данными	Обеспечение безопасности, надёжной обработки и хранения данных
Обработка и анализ данных, репозитории открытого кода	Алгоритмы анализа данных, основанные на технологиях искусственного интеллекта

Источник: составлено автором по материалам [5].

Более того, технологии анализа больших данных подразумевают использование искусственного интеллекта, технологии хранения – центров обработки данных [6], облачные технологии, что в конечном счете приводит к созданию синергетического эффекта, который проявляется в снижении трансакционных издержек, появлении международных центров генерации и хранения данных [7].

Актуальность исследования использования технологий больших данных в рамках экономики России дополняется высокой степенью неоднородности регионов по экономическому и цифровому развитию, что выражается в диспропорциях в региональном развитии. Обзор научной литературы по экономике больших данных показал, что отдельное научное направление находится на стадии становления и объединяет в себя междисциплинарные исследования на стыке экономики и компьютерных наук. Ряд исследований в данной научной области сосредоточен на построении и использовании интегрального показателя, характеризующего уровень развития цифровой экономики [8; 9]. На наш взгляд, попытка объединить в один интегральный показатель ряд количественных величин (в работе И.В. Писарева и соавторов – 34 показателя объединены в субиндекс [9]), описывающих как использование цифровых технологий домохозяйствами, организациями, так и органами государственного и муниципального управления, не позволяет выявить проблемные области в процессе цифровой трансформации, определить сильные и слабые стороны регионов. Однако основной вывод исследования И.В. Писарева и соавторов состоит в том, что в отношении регионов России наблюдается дифференциация по уровню цифрового развития: «в эпоху стремительно развивающихся цифровых технологий высокий уровень цифровой дифференциации среди регионов приведет к невозможности использования передовых цифровых технологий в одних регионах, что в свою очередь отразится на социально-экономическом благополучии регионов, в то время как регионы с высоким уровнем цифрового развития будут использовать все выгоды от цифровых технологий» [9, с. 30]. Следует также подчеркнуть, что исследователи не включают технологии больших данных в перечень показателей для оценки уровня цифрового развития регионов. Пространственная дифференциация регионов России в сочетании с цифровым неравенством оказывает «негативное и сдерживающее влияние на процессы формирования национального цифрового суверенитета, которые не учитывают региональную и местную специфику цифровой трансформации» [10, с. 277].

Целью проводимого исследования, как отмечалось выше, является динамический анализ использования технологий больших данных в российских регионах. В качестве источника данных послужили результаты статистического наблюдения Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по использованию цифровых технологий организациями [3]. Изменения методики проведения статистического наблюдения ограничили временной период анализа исследуемых показателей до 2021–2022 гг. Тем не менее сравнение 2021 и 2022 гг. позволяет охарактеризовать воздействие геополитической ситуации, международных санкций, сопровождаемых сокращением и перенаправлением логистических цепочек в краткосрочном периоде. При этом при описании ситуации по использованию технологий больших данных мы говорим о комплексном обеспечении управления большими данными.

Методология исследования основывается на анализе динамики абсолютных и относительных

показателей, использовании показателей темпа прироста, рассчитанных базисным методом, при характеристике изменения показателя по сравнению с предыдущем периодом. При определении регионов лидеров и регионов с низкими значениями показателей были применены методы группировки на основе естественных разрывов Дж. Дженкса [11]. Для поиска аномальных значений были использованы бокс-плоты, характеризующие распределение значений показателя в рамках квартилей.

Результаты исследования показали, что в 2022 г. произошло сокращение организаций, осуществляющих сбор и обработку больших данных во всех регионах без исключения (см. рис. 1). Наименьшее сокращение было зафиксировано в Московской области – 14 %, наибольшее падение – в Республике Карелия (-76 %), Челябинской области (-65 %). Несмотря на то что Москва является одним из лидеров среди регионов России по данному показателю, тем не менее сокращение не обошло и данный регион: в Москве число организаций, использовавших технологии больших данных, сократилось на 35 % (с 7876 до 5100, при этом количество зарегистрированных организаций в 2022 г. в Москве увеличилось на 7 % [12]). Следует обратить внимание, что меньшее падение наблюдалось в регионах центральной части России, большее падение абсолютных значений характерно для регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Негативное воздействие геополитической ситуации 2022 г. на цифровую активность организаций связано, на наш взгляд, с нарушением логистических цепочек поставок программного обеспечения и его обновлений, прекращением или ограничением доступа организаций к цифровым ресурсам ряда стран, фокусировкой компаний на решение в первую очередь производственных проблем.

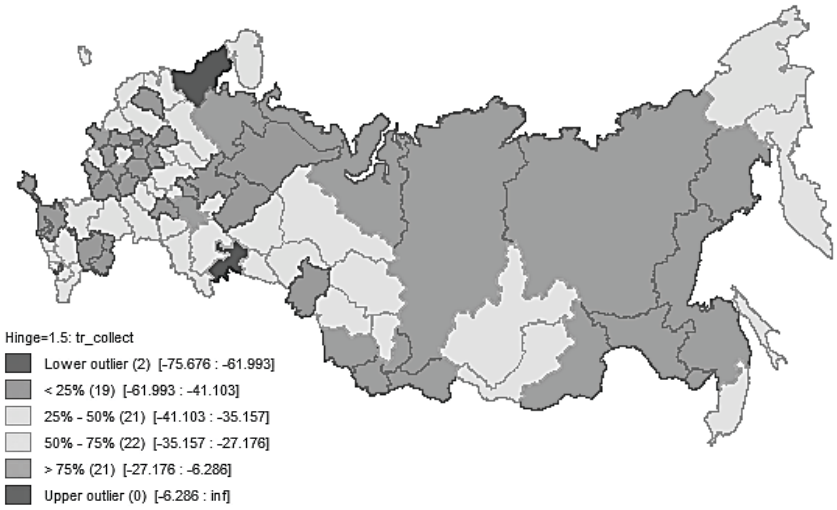

Рис. 1. Темпы прироста числа организаций, использовавших технологии сбора, обработки и анализа больших данных по регионам России в 2022 г., %

Источник: расчеты автора по данным [3].

Классификация регионов по количеству организаций, использовавших в своей деятельности технологии больших данных в 2021 г., проводилась на основе метода естественных разрывов, что позволило объединить 85 субъектов России в 7 групп, в которых внутригрупповая дисперсия принимает наименьшее значение (см. табл. 2). Другими словами, регионы, объединенные в группы, максимально похожи друг на друга по исследуемому показателю.

Проведенная классификация позволила выявить регионы-лидеры по исследуемому показателю: наибольшее количество организаций, использовавших технологии больших данных, находятся в г. Москве и Московской области. При этом в 2021 г. указанные регионы представляли собой изолированные группы. Дальнейший анализ был направлен на сравнение положения регионов в 2022 г. за счет сохранения интервалов группировки 2021 г.

На фоне сокращения числа организаций, осуществляющих сбор, обработку и анализ больших данных, происходит переформирование состава групп регионов: увеличение количества регионов в 1-й и 2-й группах до 55 и 22 регионов соответственно, перемещение лидеров в более низкие группы. Так, в 7-й группе с наиболее высокими значениями показателя не оказалось ни одного региона в 2022 г. Лидер 2021 г. – г. Москва – в 2022 г. остался в изолированной группе. В 5-й группе Московская область объединилась с Краснодарским краем, 4-ю группу составили Санкт-Петербург и Свердловская область, 3-ю группу – Татарстан, Ростовская и Иркутская области. Таким образом, новые вызовы 2022 г. в краткосрочном периоде негативно отразились на числе предприятий, занимающихся сбором, обработкой и анализом больших данных. В целом картина по пространственной дифференциации регионов в 2022 г. существенно не поменялась, за счет падения показателя регионы планомерно переместились в более низкие группы.

Группировка регионов по количеству организаций, осуществляющих управление большими данными, базировалась на абсолютных значениях показателя. В этом случае результаты анализа характеризуют экстенсивный аспект распространенности технологии среди организаций. В то же время анализ абсолютных показателей необходимо дополнить относительными показателями, отражающими качественные характеристики распространенности технологий больших данных среди российских регионов.

По данным Росстата, удельный вес организаций, использовавших

Таблица 2

Группировка регионов по количеству организаций, использовавших технологии больших данных

Номер группы	Число организаций	2021 г.		2022 г.	
		Количество регионов в группе	Регионы	Количество регионов в группе	Регионы
1	<542	36	Севастополь, Адыгея, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Респ., Астраханская обл., Карачаево-Черкессия, Республика Калмыкия, Еврейская АО, Брянская обл., Смоленская обл., Орловская обл., Мордовия, Тамбовская обл., Рязанская обл., Хакасия, Новгородская обл., Ивановская обл., Мурманская обл., Ненецкий авт. округ, Респ. Алтай, Респ. Тыва, Марий Эл, Чувашия, Ульяновская обл., Псковская обл., Омская обл., Удмуртия, Кировская обл., Курганская обл., Карелия, Костромская обл., Респ. Коми, Камчатский край, Магаданская обл., Чукотский авт. округ	55	Севастополь, Адыгея, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Респ., Астраханская обл., Карачаево-Черкессия, Республика Калмыкия, Еврейская АО, Брянская обл., Смоленская обл., Орловская обл., Мордовия, Тамбовская обл., Рязанская обл., Хакасия, Новгородская обл., Ивановская обл., Мурманская обл., Ненецкий авт. округ, Респ. Алтай, Респ. Тыва, Марий Эл, Чувашия, Ульяновская обл., Псковская обл., Омская обл., Удмуртия, Кировская обл., Курганская обл., Карелия, Костромская обл., Респ. Коми, Камчатский край, Магаданская обл., Чукотский авт. округ, Крым, Чеченская Респ., Дагестан, Калужская обл., Курская обл., Пензенская обл., Липецкая обл., Калининградская обл., Сахалинская обл., Хабаровский край, Амурская обл., Бурятия, Забайкальская край, Тверская обл., Томская обл., Архангельская обл., Вологодская обл., Респ. Саха, ЯМАО
2	[542; 1077)	29	Крым, Ставропольский край, Чеченская респ., Дагестан, Приморский край, Калужская обл., Тульская обл., Курская обл., Пензенская обл., Липецкая обл., Калининградская обл., Ярославская обл., Алтайский край, Белгородская обл., Оренбургская обл., Воронежская обл., Сахалинская обл., Хабаровский край, Амурская обл., Бурятия, Забайкальская край, Тверская обл., Владимирская обл., Томская обл., Тюменская обл., Архангельская обл., Вологодская обл., Респ. Саха, ЯМАО	22	Ставропольский край, Приморский край, Тульская обл., Ярославская обл., Алтайский край, Белгородская обл., Оренбургская обл., Воронежская обл., Владимирская обл., Тюменская обл., Самарская обл., Ленинградская обл., Волгоградская обл., Саратовская обл., Нижегородская обл., Красноярский край, Кемеровская обл., Пермский край, Новосибирская обл., Челябинская обл., ХМАО, Башкортостан
3	[1077; 1720)	11	Самарская обл., Ленинградская обл., Волгоградская обл., Саратовская обл., Нижегородская обл., Красноярский край, Кемеровская обл., Пермский край, Новосибирская обл., Челябинская обл., ХМАО	3	Ростовская обл., Иркутская обл., Татарстан
4	[1720; 2017)	2	Башкортостан, Иркутская обл.	2	Санкт-Петербург, Свердловская обл.
5	[2017; 5625)	5	Краснодарский край, Ростовская обл., Санкт-Петербург, Татарстан, Свердловская обл.	2	Московская обл., Краснодарский край
6	[5625; 7876)	1	Московская обл.	1	Москва
7	>7876	1	Москва	0	–

Источник: расчеты автора.

технологии больших данных, в 2022 г. составил 30,4 % от общего числа обследованных организаций [14]. Пространственная неоднородность дает основания сравнить регионы по доле организаций, использовавших технологии сбора, обработки и анализа больших данных в общем числе организаций, использовавших цифровые (в 2022 г. – и коммуникационные) технологии (см. табл. 3). Методология исследования построена аналогичным образом, как и в случае с абсолютными величинами.

Как показало сравнение 2021 и 2022 гг., по удельному весу организаций, осуществляющих сбор, обработку и анализ больших данных в общем числе обследованных организаций, применяющих цифро-

Таблица 3

Группировка регионов по доле организаций, использовавших технологии больших данных

Номер группы	Доля организаций	2021 г.		2022 г.	
		Кол-во регионов в группе	Регионы	Кол-во регионов в группе	Регионы
1	<19,17	6	Орловская обл., Респ. Тыва, Омская обл., Удмуртия, Кировская обл., Респ. Коми	42	Орловская обл., Респ. Тыва, Омская обл., Удмуртия, Кировская обл., Респ. Коми Астраханская обл., Республика Калмыкия, Брянская обл., Смоленская обл., Мордовия, Курская обл., Пензенская обл., Тамбовская обл., Рязанская обл., Ненецкий авт. округ, Респ. Алтай, Воронежская обл., Тверская обл., Марий Эл, Ульяновская обл., Карелия, Архангельская обл., Кабардино-Балкарская Респ., Липецкая обл., Крым, Севастополь, Ставропольский край, Хакасия, Алтайский край, Оренбургская обл., Нижегородская обл., Красноярский край, Новосибирская обл., Курганская обл., Камчатский край, Респ. Саха, Дагестан, Приморский край, Хабаровский край, Татарстан, Челябинская обл.
2	[19,17; 26,207)	17	Астраханская обл., Республика Калмыкия, Брянская обл., Смоленская обл., Мордовия, Курская обл., Пензенская обл., Тамбовская обл., Рязанская обл., Ненецкий авт. округ, Респ. Алтай, Воронежская обл., Тверская обл., Марий Эл, Ульяновская обл., Карелия, Архангельская обл.	39	Калужская обл., Ивановская обл., Мурманская обл., Белгородская обл., Вологодская обл., Адыгея, Самарская обл., Ярославская обл., Волгоградская обл., Саратовская обл., Чувашия, Владимирская обл., Томская обл., Костромская обл., Северная Осетия-Алания, Краснодарский край, Ростовская обл., Калининградская обл., Санкт-Петербург, Новгородская обл., Сахалинская обл., Амурская обл., Бурятия, Забайкальская край, Псковская обл., Пермский край, Тюменская обл., Башкортостан, Магаданская обл., Москва, Карачаево-Черкессия, Еврейская АО, Тульская обл., Ленинградская обл., Кемеровская обл., Свердловская обл., ХМАО, Иркутская обл., ЯМАО
3	[26,207; 27,716)	7	Кабардино-Балкарская Респ., Калужская обл., Липецкая обл., Ивановская обл., Мурманская обл., Белгородская обл., Вологодская обл.	1	Чукотский авт. округ
4	[27,716; 32,715)	21	Крым, Севастополь, Адыгея, Ставропольский край, Хакасия, Самарская обл., Ярославская обл., Алтайский край, Волгоградская обл., Оренбургская обл., Саратовская обл., Чувашия, Владимирская обл., Нижегородская обл., Красноярский край, Томская обл., Новосибирская обл., Курганская обл., Костромская обл., Камчатский край, Респ. Саха	1	Ингушетия
5	[32,715; 37,390)	21	Северная Осетия-Алания, Дагестан, Краснодарский край, Ростовская обл., Приморский край, Калининградская обл., Санкт-Петербург, Новгородская обл., Сахалинская обл., Хабаровский край, Амурская обл., Бурятия, Забайкальская край, Татарстан, Псковская обл., Пермский край, Тюменская обл., Башкортостан, Челябинская обл., Магаданская обл., Москва	1	Московская обл.
6	[37,390; 57,714)	13	Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Чеченская Респ., Еврейская АО, Тульская обл., Ленинградская обл., Московская обл., Кемеровская обл., Свердловская обл., ХМАО, Иркутская обл., ЯМАО, Чукотский авт. округ	1	Чеченская Респ.

Источник: расчеты автора.

вые технологии, ни в одном регионе не произошло увеличение доли подобных организаций. Кроме того, если в 2021 г. доля организаций варьировалась от 12 до 57 %, то в 2022 г. от 5 до 43 %. Лидером по доле организаций, использовавших технологии больших данных, и в 2021, и в 2022 гг. была Чеченская Республика. Кроме того, лидирующие позиции принадлежат Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике, Еврейской автономной области, Тульской, Ленинградской, Сахалинской, Московской, Кемеровской, Свердловской, Иркутской областям, Ханты-Мансийскому, Ямало-Ненецкому и Чукотскому автономным округам. Высокая доля организаций, применяющих технологии больших данных, свидетельствует о качественной характеристике в отношении цифрового развития регионов.

В рамках проведенного исследования была предпринята попытка выявить особенности использования технологий больших данных с учетом пространственной неоднородности регионов России. Сравнительный анализ 2021 и 2022 гг. как по абсолютному количеству организаций, так и по удельному весу показал негативное влияние новых вызовов 2022 г. на использование компаниями цифровых технологий больших данных. Отрицательные темпы прироста наряду с уменьшением доли организаций, использовавших исследуемые технологии, позволяют сделать предположение о негативном влиянии внешних шоков на цифровое развитие предприятий. Для более обоснованного вывода необходимо провести анализ на более продолжительном временном периоде, что является ограничением представленных результатов, обусловленное имеющимися открытыми данными по исследуемым показателям и возможным направлением дальнейших исследований.

Группировка регионов с последующим сопоставительным анализом ситуации в 2022 г. в сравнении с ситуацией в 2021 г. позволила выявить регионы-лидеры и регионы, попавшие в 1-ю группу с наименьшими значениями исследуемого показателя. Среди регионов-лидеров по абсолютному количеству организаций, использующих технологии больших данных, находятся столичные регионы – Москва, Санкт-Петербург, а также Московская, Иркутская, Ростовская, Свердловская области, Краснодарский край, Татарстан, Башкортостан. При этом наблюдается значительная дифференциация регионов по применению цифровых технологий. Также важно отметить, что группа с относительно низкими значениями показателя объединяет большинство регионов России. Следовательно, регионы-лидеры существенно выделяются на фоне остальных регионов.

В Республике Карелия и Челябинской области наблюдались аномально резкие сокращения в количестве организаций, использующих технологии больших данных. В этом ключе меры, предпринимаемые органами государственной власти в отношении цифрового развития Карелии, выглядят своевременными: делается ставка на создание центров обработки данных, ИТ-деревни , цифрового технопарка [15]. В целом цифровое неравенство по числу предприятий, использующих технологии больших данных, можно рассматривать как распределение с правосторонней асимметрией, когда значительную долю занимают регионы с относительно низкими значениями показателя и несколько регионов представляют группу лидеров.

По доле организаций, использующих большие данные, выделяется другая группа регионов. Аномально высокие значения характерны для Чеченской Республики, при этом группу высоких значений составляют как южные регионы России, так и регионы центральной части, Сибири и Дальнего Востока. Выделенные группы свидетельствуют, с одной стороны, о качественном типе цифрового развития регионов, с другой стороны, о потенциале регионов по внедрению технологий больших данных.

В целом технологии больших данных обладают определенным потенциалом для развития в российской экономике в ближайшей перспективе. Цифровой тренд определяется не только национальными стратегическими целями развития, но и мировой повесткой технологического развития. Тем не менее дифференциация между российскими регионами может усилиться за счет различного уровня развития экономики данных. Продолжительность эффекта в виде сокращения числа организаций, использующих большие данные, наблюдающийся в 2022 г., можно будет проверить при появлении итогов наблюдений за последующие годы.

Литература:

1. Президент России Владимир Путин предложил в течение года подготовить новый национальный проект по формированию «экономики данных». – URL: https://tass.ru/ekonomika/18269161 (дата обращения: 25.10.2023).
2. Manyika J., Chui M., Brown B., Bughin J., Dobbs R., Roxburgh Ch., Hung Byers A. Big data: The next frontier for innovation, competition, and productivity: Report. – McKinsey Global Institute. May 1, 2011. – 156 p.

3. Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг (итоги статнаблюдения по ф. № 3-информ). – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 25.10.2023).
4. Атурин В.В., Мога И.С., Смагулова С.М. Управление цифровой трансформацией: научные подходы и экономическая политика // Управленец. – 2020. – Т. 11. – №. 2. – С. 67–76.
5. В России появится новый нацпроект – «Экономика данных». – URL: https://digital.gov.ru/ru/events/45686/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 25.10.2023).
6. Гончарова И.В., Прончев Г.Б. Технологии «Больших данных»: возможности и перспективы // Право и управление. – 2023. – № 3. – С. 138–144.
7. Кузовкова Т.А., Шаравов И.М., Тохов Я.Р., Трусова А.С. Выявление перспектив и синергетического характера развития цифровых технологий на мировом рынке // Экономика и качество систем связи. – 2020. – № 1(15). – С. 3–12.
8. Глебова И.С., Анишева Я.А. Оценка процесса цифровизации в субъектах Российской Федерации // Казанский экономический вестник. – 2020. – № 4 (48). – С. 42–50.
9. Писарев И.В., Бывшев, В.И., Пантелеева, И.А., Парфентьева К.В. Исследование готовности регионов России к цифровой трансформации // π-Economy. – 2022. – № 15(2). – С. 22–37.
10. Леонтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021. – № 84. – С. 277–299.
11. Jenks G.F. The Data Model Concept in Statistical Mapping // International Yearbook of Cartography. – 1967. – № 7. – P. 186–190.
12. Росстат. Количество организаций по данным государственной регистрации с 2017 г. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/522 (дата обращения: 25.10.2023).
13. Росстат. Число предприятий и организаций. Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sep_region1.htm (дата обращения: 25.10.2023).
14. Росстат. Использование цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности (с 2003 г.). – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 25.10.2023).
15. Велева Е. В Карелии хотят создать свою «Кремниевую долину». – URL: https://karelia.rbc.ru/karelia/06/09/2022/6316f66f9a79479a86a4f4b8 (дата обращения: 10.10.2023).

Analysis of the Use of Big Data Technologies in Russian Regions

Varlamova J.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of the study is to analyze the dynamics of the use of Big Data technologies in Russian regions. The paper provides a comparative analysis of one of the key indicators of the data economy – Big data technologies – in the context of 85 regions of Russia. The research methodology includes a dynamic analysis of indicators based on the construction of relative values in a basic way, classification of regions using the method of natural breaks. The findings of the study distinguish the impact of the geopolitical situation in 2022 on the dynamics of indicators of the data economy, leading regions and regions that require special attention from government authorities when pursuing strategic policy in the field of the digital economy.

Key words: data economy, regions of Russia, big data, spatial heterogeneity, digital inequality

УДК 332.14

Институционально-синергетический подход к исследованию таксономии устойчивого развития регионов

Галлямова Д.Х.
Доктор экономических наук,
профессор кафедры программной инженерии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ключникова М.В.
Аспирант Высшей школы бизнеса
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье проведен анализ набора индикаторов оценки достижения устойчивого развития на глобальном и региональном уровнях. Сформирована сравнительная характеристика основных критериев оценки и выявлены лидирующие в реализации целей устойчивого развития, такие как обеспечение доступа к недорогостоящим, надёжным, устойчивым и современным источникам энергии для всех (цель 7), создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций (цель 9) и укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнёрства в интересах устойчивого развития (цель 17). Рассмотрена применяемость институционально-синергетического подхода к исследованию показателей оценки.

Ключевые слова: устойчивое развитие, рэнкинг, устойчивость региона, таксономия, индекс, цели устойчивого развития

Одной из ключевых концепций развития современного общества является идея устойчивого развития. Основные положения этого подхода отражены в принятой в 2015 г. 193 странами – членами ООН Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Повестка-2030). В основе 17 взаимосвязанных Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и 169 задач, разработанных для их достижения, которые способствуют установлению баланса по трем направлениям: экономический рост, социальная ответственность и экологическое равенство. Документ носит глобальный характер, но также ориентирован на коммерческие и некоммерческие организации, региональный уровень. В структуре Резолюции выделена направленность на добровольную интеграцию национальными правительствами и региональными властями, управляющими компаний, университетов и некоммерческих структур основных принципов и целей устойчивого развития в свою деятельность, что внесет существенный вклад в выполнение глобальной Повестки-2030.

Цели устойчивого развития, отраженные в таблице 1, охватывают весь спектр проблем человечества.

При этом выявление связей между задачами ЦУР позволит систематизировать основные направления в реализации устойчивости. В связи с этим наше исследование было выстроено на сравнении 169 задач по 17 целям устойчивого развития. В ходе структурирования основных факторов, на которые воздействует решение каждой задачи, были выявлены

Таблица 1

Глобальные цели устойчивого развития [1]

Цель 1	Повсеместная ликвидация нищеты во всех её формах
Цель 2	Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства
Цель 3	Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте
Цель 4	Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех
Цель 5	Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек
Цель 6	Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех
Цель 7	Обеспечение доступа к недорогостоящим, надёжным, устойчивым и современным источникам энергии для всех
Цель 8	Содействие неуклонному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех
Цель 9	Создание прочной инфраструктуры, содействие обеспечению всеохватной и устойчивой индустриализации и внедрению инноваций
Цель 10	Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними
Цель 11	Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и устойчивости городов и населённых пунктов
Цель 12	Обеспечение рациональных моделей потребления и производства
Цель 13	Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями
Цель 14	Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития
Цель 15	Защита, восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное управление лесами, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия
Цель 16	Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчётных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях
Цель 17	Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального партнёрства в интересах устойчивого развития

общие признаки, которые можно объединить в три группы: возобновляемая энергетика (экологическая составляющая), рынок технологий и научных знаний, устойчивая инфраструктура.

Их тесная связь присутствует в Целях 7, 9 и 17, что отражено в таблице 2.

Выделенные цели наиболее динамичны в исполнении и отражают активные меры, принимаемые мировым сообществом по достижению устойчивого развития. В остальных же задачах факторы были единичны и относились исключительно к единственной ЦУР, что можно понять, учитывая всеобъемлющий характер устойчивости.

Кроме того, обратим внимание на текущее состояние по достижению ЦУР. На сегодняшний день нет стран с абсолютным прогрессом в достижении

Таблица 2

Сравнительный анализ задач ЦУР [2–4]

Цель 7	Цель 9	Цель 17
Увеличить долю энергии из возобновляемых источников	Модернизировать инфраструктуру и переоборудовать промышленные предприятия сделав их устойчивыми за счет повышения эффективности использования ресурсов и более широкого применения чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов	Содействовать разработке, передаче, распространению и освоению экологически безопасных технологий
Активизировать международное сотрудничество в целях облегчения доступа к исследованиям и технологиям в области экологически чистой энергетики	Активизировать научные исследования, наращивать технологический потенциал промышленных секторов во всех странах	Обеспечить полномасштабное функционирование банка технологий и механизма развития науки, технологий и инноваций
Расширить инфраструктуру и модернизировать технологии для современного и устойчивого энергоснабжения	Развивать качественную, надежную, устойчивую и стойкую инфраструктуру	Поощрять универсальную, основанную на правилах, открытую, недискриминационную и справедливую многостороннюю торговую систему

целей устойчивого развития. Большая часть государств публикует добровольные национальные отчеты об устойчивом развитии. Для оценки достижений стран был создан специальный Индекс прогресса по Целям устойчивого развития (*SDG Index – Sustainable Development Goals Index*). В «Графике хода достижения целей в области устойчивого развития к 2022 году», опубликованном ООН, отражен прогресс, достигнутый на глобальном и региональном уровнях в решении отдельных конкретных задач в рамках 17 целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., измеряемый в цветовой индикативной шкале, результаты которого представлены на рисунке 2.

Исходными данными для группировки были выбраны:

1) охват – «весь мир»;

2) оценка динамики, позволяющая измерить прогресс в решении конкретной задачи (от базового года до последнего известного значения).

Критериями оценки выступали:

1) достигнут существенный прогресс/работа идет по графику;

2) достигнут определенный прогресс, но необходимо ускорение;

3) ограниченный прогресс или его отсутствие;

4) ухудшение.

Из данных, отраженных на рисунке 1, следует, что ТОП-3, по комбинации существенного достижения прогресса и охвата всего мира, являются Цели 17, 7 и 9, что количественно обосновывает выводы о приоритетности реализации данных целей и обозначает проблему в системе оценки показателей устойчивого развития.

По данным аналитической платформы *Infragreen*, в 2022 г. в России было выпущено 27 списочных *ESG* рейтингов (рэнкингов), в которые вошло более 500 компаний. 11 рейтинговых агентств и иных рейтингующих организаций разработали 27 методологий, которые могут быть использованы для оценки (рейтингования) шести видов облигаций, кредитов и производных финансовых инструментов. За 2018–2022 гг. рейтинговые агентства выдали 33 заключения для 25 эмитентов о соответствии 35 выпусков зелёных, социальных и переходных (адаптационных) облигаций, а также для зелёного кредита. Большинство таких заключений относится к зелёным облигациям. На конец 2022 г. 39 объектов рейтингования получили 44 *ESG* рейтинга [6]. Причем это небольшая часть существующих методик оценки. В связи с этим требуется исследовать и систематизировать основные критерии оценивания.

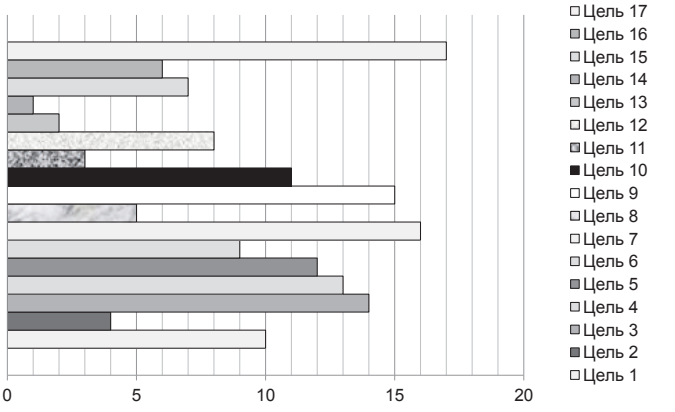

Рис. 1. Степень прогресса достижения ЦУР на конец 2022 г. [5]

Поскольку процесс оценивания становления устойчивого общества включает в себя сложный многоаспектный набор критериев, для исследования нами был выбран институционально-синергетического подход.

Ключевыми моментами концепции институционально-синергетического подхода к исследованию процессов развития на глобальном, национальном и региональном уровнях является представление о необходимости и неизбежности координации и согласования в пространстве и времени действующих факторов – сил на всех уровнях (глобальном, национальном и региональном) путем формирования институтов развития. При этом институты не должны рассматриваться только как финансовые организации, создаваемые на разных уровнях пространства. В понятие «институты» целесообразно вкладывать самоосознание роли отдельных людей, социумов, сообществ и их рефлексивное поведение как самоорганизационного процесса не только сохранения человечества и его окружения в коэволюционном развитии, но и как движение к некоторым согласованным целям, выстроенным на принципах гуманизма, гармонии, социальной справедливости.

Институционально-синергетический подход к исследованиям, прогнозированию и программированию будущего должен включать систему методов, методик, моделей развития от глобального уровня до уровня регионов, отраслей, предприятий.

Наиболее полно данный подход отражается в таксономии устойчивого развития. Таксономия является одним из методов систематизации областей знаний. При этом для выбранной области знаний характерна сложная организация, связанная с иерархическим положением каждого из ее элементов. Более привычным и близким к данному методу является метод классификации, для которого свойственно упорядочивание информации на основе изучения общих черт и характеристик элементов с последующим объединением их в группы или классы [7].

Всего нами было исследовано 174 критерия, из которых 121 относились к экологической сфере, остальные же затрагивали социальную. Наиболее часто встречалась оценка зеленой энергетики, также большая часть затрагивала региональный уровень реализации концепции устойчивого развития.

В связи с этим наиболее полно была рассмотрена оценка на региональном уровне.

Обратим внимание, что по итогам анализа 28 рейтингов/рэнкингов лидерами *ESG*-повестки являются регионы: Москва, Подмосковье и Санкт-Петербург/Татарстан [8].

В ТОП-10, по результатам консолидированного *ESG*-индикатора ИНФРАГРИГ, вошли субъекты с самыми объемными финансовыми возможностями, такие как Москва с показателем 81 балл, Московская область – 75 баллов, Санкт-Петербург – 73 балла, Республика Татарстан – 73 балла, Белгородская область – 67 баллов, Краснодарский край – 65 баллов, Ямало-Ненецкий автономный округ – 64 балла, Тюменская область – 64 балла, Ленинградская область – 63 балла и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – 62 балла. Однако, присутствуют и исключения, например, Белгородская область, по доходам находящаяся на 34-м месте по стране, с показателем 97,5 млрд руб., а по *ESG*-практикам – на почётном 5-м в 2023 г., Ленинградская область: 23-е место в России по доходам бюджета, с показателем 146 млрд руб., но 9-е – по устойчивому развитию. Из чего можно сделать предположение, что одним из факторов является стратегическое видение, которое способствует интеграции ESG-принципов в регионе и несет в себе экономические, социальные и репутационные выгоды.

Таким образом, сравнение содержания целей устойчивого развития в разрезе задач позволило выделить 7, 9 и 17 ЦУР как наиболее взаимосвязанные и имеющие лидирующие позиции по степени прогресса их реализации. При этом, рассматривая рейтинги на региональном уровне, можно рассмотреть поступательное движение «снизу вверх», то есть оценочные средства для компаний должны перетекать в оценку для региона и в дальнейшем вписываться в глобальную структуру, что отчасти и отражает институционально-синергетический подход как один из путей систематизации оценочных средств устойчивого развития.

Литература:

1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 01.11.2023).
2. Индустриализация, инновации и инфраструктура: почему это важно? // Цели в области устойчивого развития. – URL: https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_9_IndustryInnovationInfrastructure.pdf (дата обращения: 08.11.2023).
3. Источники недорогой и чистой энергии: почему это важно? // Цели в области устойчивого развития. – URL: https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_7_Clean_Energy.pdf (дата обращения: 01.11.2023).
4. Партнерство: почему это важно? // Цели в области устойчивого развития. – URL: https://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_17_Partnerships.pdf (дата обращения: 09.11.2023).
5. График хода достижения целей в области устойчивого развития к 2022 году. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2022/Progress-Chart-2022_Russian.pdf (дата обращения: 12.11.2023).
6. Доклад ESG и зеленые финансы России 2018–2022 // Экспертно-аналитическая платформа инфраструктура и финансы устойчивого развития infagreen. – URL: https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_Green_finance_ESG_in_Russia_2018-2022-cut.pdf (дата обращения: 14.11.2023).
7. EU taxonomy for sustainable. – URL: activitieshttps://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance/tools-and-standards/eu-taxonomy-sustainable-activities_en#documents (дата обращения: 15.11.2023).
8. Регионы и города России: устойчивое развитие и социально-экологические приоритеты в управлении 2023. // Ежегодный доклад ИНФРАГРИН. – URL: Регионы и https://infragreen.ru/frontend/images/PDF/INFRAGREEN_region_report_2023.pdf (дата обращения: 14.11.2023).

Institutional-Synergistic Approach to the Study of the Taxonomy of Sustainable Development of Regions

Gallyamova D.H., Klyuchnikova M.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzed a set of indicators for assessing the achievement of sustainable development at the global and regional levels. A comparative characteristic of the main evaluation criteria has been formed and the leading ones in the implementation of the Sustainable Development Goals, such as 7, 9 and 17, have been identified. The application of an institutional-synergistic approach to the study of assessment indicators was considered.

Key words: sustainable development, ranking, regional sustainability, taxonomy, index, sustainable development goals

УДК 336.64

Оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ

Гарафиева Г.И.
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета

Статья посвящена вопросам оценки финансового потенциала предприятий. Автором предложена методика оценки финансового потенциала, основанная на расчете интегральных показателей, характеризующих финансовую устойчивость, рентабельность, оборачиваемость, ликвидность и платежеспособность предприятия. На основе представленной методики по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности проведена сравнительная оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ.

Ключевые слова: финансовый потенциал, финансовая устойчивость, рентабельность, оборачиваемость, ликвидность, платежеспособность

В современных условиях, характеризующихся изменчивостью внешней и внутренней среды, значимая роль отводится оценке финансового потенциала компаний. Помимо абсолютной величины оборотных средств предприятия и источников их формирования большое значение имеет эффективность их использования. В связи с этим можно говорить, что финансовый потенциал является одной из важнейших характеристик деятельности компании, обеспечивающей ее эффективное функционирование, конкурентоспособность [1, с. 6] и успешное инновационное развитие [2, с. 240].

Вышесказанное обусловливает систематизацию основных причин, определяющих необходимость оценки финансового потенциала хозяйствующих субъектов:

– результаты анализа дают возможность охарактеризовать обеспеченность предприятия необходимым объемом финансовых ресурсов [3, с. 3];

– полученные результаты позволяют сделать выводы о финансовой устойчивости, рентабельности, деловой активности и платежеспособности предприятия;

– проведенная оценка способствует определению не только текущего состояния, но и потенциальных возможностей предприятия, т.е. перспективной динамики его развития [4, с. 138].

В связи с этим в настоящее время особую актуальность приобретают вопросы, касающиеся методов оценки финансового потенциала компаний. Несмотря на достаточно большое количество исследований, посвященных данной проблеме, отдельные ее аспекты остаются слабоизученными, что обусловило выбор темы настоящей статьи.

В ходе исследования поставлена следующая цель: на основе систематизации существующих подходов к оценке финансового потенциала компаний предложить авторскую модель и апробировать ее на примере предприятий нефтегазохимического комплекса РТ.

Определению категории «финансовый потенциал» посвящены работы ряда экономистов. Так, по мнению Н.А. Сорокиной, финансовый потенциал, с одной стороны, является итоговой характеристикой деятельности предприятия, с другой – стартовой оценкой его возможностей в ближайшем будущем [5]. Я.Ю. Салихова под данной категорией понимает «совокупность финансовых активов фирмы, а также ее финансовых обязательств в отношении других субъектов бизнеса» [6, с. 24]. Согласно взглядам Г.С. Мерзликиной и Л.С. Шаховской, финансовый потенциал характеризует «потенциальные финансовые показатели производства (прибыльности, ликвидности, платежеспособности)» [7, с. 12].

Подходы к оценке финансового потенциала компаний можно объединить в две группы: первая группа основана на определении финансового состояния

предприятия, вторая – на расчете его стоимости [8]. В ходе исследования автор придерживается первой группы подходов. В связи с этим показатели оценки финансового потенциала сгруппированы в следующие блоки: «Финансовая устойчивость», «Рентабельность», «Оборачиваемость», «Ликвидность и платежеспособность» (таблица 1).

Для оценки финансового потенциала в настоящем исследовании выбраны нефтехимические предприятия Республики Татарстан. Перечень анализируемых предприятий с указанием вида экономической деятельности представлен ниже:

1) АО «Аммоний» (производство удобрений и азотных соединений);

2) ООО «Казанский трубный завод» (производство пластмассовых плит, полос, труб и профилей);

3) ООО «ЛМР Пласт» (производство пластмассовых изделий);

4) ООО «Менделеевсказот» (производство минеральных удобрений);

5) ПАО «Нижнекамскнефтехим» (производство синтетических каучуков, пластиков и этилена);

6) АО «Нэфис-Косметикс» (производство мыла и моющих, чистящих и полирующих средств);

7) ООО «ОПУ-30» (производство химических продуктов);

8) АО «Танеко» (производство нефтепродуктов);

9) ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина» (добыча нефти и нефтяного (попутного) газа);

10) АО «Химтраст» (производство пластмасс и синтетических смол в первичных формах).

Для интегральной оценки финансового потенциала по каждому блоку целесообразно провести нормирование коэффициентов, при этом эталонные значения принимаются за единицу (по формуле (1) рассчитывается прямой показатель, по формуле (2) – обратный):

прямой показатель $$K_i = X_i / X_{max} \quad (1)$$

обратный показатель $$K_i = X_{min} / X_i \quad (2)$$

где X_i определяет коэффициент, относящийся к определенному блоку финансового потенциала, X_{max} и X_{min} являются коэффициентами-эталонами. В качестве эталонов выбираются оптимальные, то есть максимальные (минимальные), значения коэффициентов. Например, для коэффициента финансового левериджа оптимальным является минимальное значение, поэтому нормирование осуществляется по формуле (2).

Интегральный (обобщающий) показатель по каждому блоку, характеризующему финансовый потенциал компаний, целесообразно рассчитать как среднеарифметическое нормированных значений коэффициентов.

Оценка финансовой устойчивости анализируемых предприятий представлена в таблице 2.

Согласно полученным результатам, в 2021–2022 гг. лучшим предприятием по блоку «Финансовая устойчивость» является ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина» (предприятие лидировало по коэффициентам финансовой устойчивости и финансового левериджа). Вместе с тем в рассматриваемом периоде самое высокое значение коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами наблюдалось в ООО «Казанский трубный завод», коэффициента покрытия инвестиций – в ПАО «Нижнекамскнефтехим», коэффициента мобильности имущества – в АО «Химтраст».

Оценка рентабельности анализируемых предприятий представлена в таблице 3.

Таким образом, лидирующим предприятием по блоку «Рентабельность» в 2021–2022 гг. являлось ООО «Казанский трубный завод»; также высокие значения интегрального показателя в рассматриваемом периоде наблюдались в ПАО «Нижнекамскнефтехим», ООО «ОПУ-30», ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина». Самыми низкими значения обобщающего показателя по анализируемому блоку в 2021 г. были в АО «Химтраст», в 2022 г. – в АО «Танеко».

Таблица 1

Показатели оценки финансового потенциала предприятия

Показатели	Условные обозначения	Показатели	Условные обозначения
Финансовая устойчивость		*Рентабельность*	
Коэффициент автономии	$K_{авт.}$	Рентабельность совокупных активов	$R_{Ак.}$
Коэффициент финансового левериджа	$K_{ф.л.}$	Рентабельность оборотных активов	$R_{ОА}$
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	$K_{об.СОС}$	Рентабельность собственного капитала	$R_{СК}$
Коэффициент покрытия инвестиций	$K_{инв.}$	Рентабельность продаж	$R_{Пр.}$
Коэффициент мобильности имущества	$K_{моб.}$		
Оборачиваемость		*Ликвидность и платежеспособность*	
Оборачиваемость оборотных активов	$Об_{ОА}$	Коэффициент текущей ликвидности	$K_{т.л.}$
Оборачиваемость дебиторской задолженности	$Об_{ДЗ}$	Коэффициент быстрой ликвидности	$K_{б.л.}$
Оборачиваемость кредиторской задолженности	$Об_{КЗ}$	Коэффициент абсолютной ликвидности	$К_{абс.л.}$

Таблица 2

Оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ по блоку «Финансовая устойчивость» в 2021–2022 гг. (по нормированным значениям коэффициентов)

	$К_{авт.}$		$К_{ф.л.}$		$К_{об.СОС}$		$К_{инв.}$		$К_{моб.}$		Интегральный показатель	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АО «Аммоний»	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,9	0,8	0,1	0,2	0,2	0,2
ООО «Казанский трубный завод»	0,1	0,2	0,0	0,1	1,0	1,0	0,2	0,3	0,0	0,0	0,3	0,3
ООО «ЛМР Пласт»	0,4	0,5	0,2	0,2	0,1	0,0	0,8	0,8	0,7	0,6	0,4	0,4
ООО «Менделеевск-азот»	0,2	0,4	0,1	0,2	0,1	0,0	0,9	0,7	0,5	0,6	0,3	0,4
ПАО «Нижнекамск-нефтехим»	0,7	0,8	0,4	0,5	0,4	0,0	1,0	1,0	0,3	0,3	0,6	0,5
АО «Нэфис-Косметикс»	0,3	0,4	0,1	0,2	0,1	0,0	0,9	0,9	0,5	0,5	0,4	0,4
ООО «ОПУ-30»	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,9	0,8	0,2	0,2	0,3	0,2
АО «Танеко»	0,3	0,4	0,1	0,1	0,7	0,0	0,3	0,4	0,1	0,1	0,3	0,2
ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина»	1,0	1,0	1,0	1,0	0,2	0,0	0,8	0,9	0,8	0,7	0,8	0,7
АО «Химтраст»	0,6	0,7	0,3	0,4	0,1	0,0	0,5	0,8	1,0	1,0	0,5	0,6

Источник: рассчитано автором на основе данных отчетности предприятий [9].

Таблица 3

Оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ по блоку «Рентабельность» в 2021–2022 гг. (по нормированным значениям коэффициентов)

	$R_{Ак.}$		$R_{ОА}$		$R_{СК}$		$R_{Пр.}$		Интегральный показатель	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АО «Аммоний»	0,70	0,60	0,70	0,60	0,00	0,00	0,70	0,60	0,53	0,45
ООО «Казанский трубный завод»	0,10	0,21	1,00	0,44	1,00	1,00	0,15	0,32	0,56	0,49
ООО «ЛМР Пласт»	0,39	0,45	0,21	0,16	0,08	0,00	0,77	0,83	0,36	0,36
ООО «Менделеевск-азот»	0,22	0,44	0,43	0,17	0,06	0,00	0,86	0,68	0,39	0,32
ПАО «Нижнекамск-нефтехим»	0,72	0,81	0,08	0,05	0,40	0,00	1,00	1,00	0,55	0,47
АО «Нэфис-Косметикс»	0,32	0,42	0,27	0,18	0,09	0,00	0,89	0,91	0,39	0,38
ООО «ОПУ-30»	0,13	0,10	0,79	1,00	0,10	0,00	0,89	0,85	0,48	0,49
АО «Танеко»	0,32	0,38	0,27	0,21	0,74	0,00	0,34	0,40	0,42	0,25
ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина»	1,00	1,00	0,03	0,03	0,18	0,00	0,84	0,88	0,51	0,48
АО «Химтраст»	0,63	0,75	0,10	0,07	0,09	0,00	0,54	0,76	0,34	0,39

Источник: рассчитано автором на основе данных отчетности предприятий [9].

Оценка коэффициентов оборачиваемости представлена в таблице 4.

Согласно полученным результатам, в 2021–2022 гг. самые высокие значения интегрального показателя по блоку «Оборачиваемость» наблюдались в АО «Химтраст». Однако следует отметить, что по коэффициенту оборачиваемости оборотных активов в рассматриваемом периоде лидировало ООО «Казанский трубный завод». Что касается предприятий, для которых свойственна низкая оборачиваемость, то сюда можно отнести по итогам 2021–2022 гг. ООО «ЛМР Пласт», АО «Нэфис-Косметикс», ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина», а в 2022 г. еще и АО «Танеко».

Оценка коэффициентов ликвидности и платежеспособности представлена в таблице 5.

Как видно из результатов расчетов, в анализируемом периоде самые высокие значения интегрального показателя по блоку «Ликвидность и платежеспособность» были характерны для ПАО «Нижнекамскнефтехим» (в 2021 г.) и ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина» (в 2022 г.). Вместе с тем на очень низком уровне находятся коэффициенты ликвидности и платежеспособности в АО «Танеко» и ООО «Казанский трубный завод». Следует выделить также ООО «ЛМР Пласт» и ООО «ОПУ-30», поскольку на данных предприятиях низкий

Таблица 4

Оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ по блоку «Оборачиваемость» в 2021–2022 гг. (по нормированным значениям коэффициентов)

	$Об_{ОА}$		$Об_{ДЗ}$		$Об_{КЗ}$		Интегральный показатель	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АО «Аммоний»	0,25	0,00	0,68	0,59	0,71	0,80	0,55	0,46
ООО «Казанский трубный завод»	1,00	1,00	0,39	0,43	0,33	0,30	0,57	0,57
ООО «ЛМР Пласт»	0,11	0,00	0,08	0,12	0,23	0,27	0,14	0,13
ООО «Менделеевск-азот»	0,21	0,00	0,27	0,48	0,14	0,29	0,21	0,26
ПАО «Нижнекамск-нефтехим»	0,27	0,00	0,36	0,53	0,60	0,55	0,41	0,36
АО «Нэфис-Косметикс»	0,11	0,00	0,08	0,13	0,20	0,23	0,13	0,12
ООО «ОПУ-30»	0,20	0,00	0,11	0,15	0,82	0,75	0,38	0,30
АО «Танеко»	0,33	0,00	0,24	0,27	0,09	0,10	0,22	0,12
ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина»	0,12	0,00	0,07	0,10	0,36	0,30	0,19	0,14
АО «Химтраст»	0,35	0,01	1,00	1,00	1,00	1,00	0,78	0,67

Источник: рассчитано автором на основе данных отчетности предприятий [9].

Таблица 5

Оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ по блоку «Ликвидность и платежеспособность» в 2021–2022 гг. (по нормированным значениям коэффициентов)

	$К_{т.л.}$		$К_{б.л.}$		$К_{абс.л.}$		Интегральный показатель	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АО «Аммоний»	0,34	0,38	0,24	0,30	0,42	0,39	0,34	0,36
ООО «Казанский трубный завод»	0,01	0,00	0,21	0,26	0,00	0,00	0,07	0,09
ООО «ЛМР Пласт»	0,70	0,64	0,46	0,44	0,01	0,01	0,39	0,36
ООО «Менделеевск-азот»	0,76	0,39	0,72	0,37	0,95	0,74	0,81	0,50
ПАО «Нижнекамск-нефтехим»	0,98	0,82	0,88	0,55	1,00	1,00	0,95	0,79
АО «Нэфис-Косметикс»	0,85	0,90	0,81	0,82	0,65	0,71	0,77	0,81
ООО «ОПУ-30»	0,31	0,26	0,30	0,26	0,01	0,01	0,21	0,17
АО «Танеко»	0,03	0,03	0,02	0,02	0,00	0,00	0,01	0,02
ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина»	1,00	1,00	1,00	1,00	0,50	0,49	0,83	0,83
АО «Химтраст»	0,60	0,87	0,12	0,31	0,02	0,21	0,25	0,47

Источник: рассчитано автором на основе данных отчетности предприятий [9].

коэффициент абсолютной ликвидности. АО «Химтраст» в 2021 г. также можно было отнести к предприятиям с низкой платежеспособностью, однако в 2022 г. предприятию удалось улучшить ситуацию.

Конечный интегральный показатель финансового потенциала, обобщающий результаты анализа по всем рассмотренным блокам, целесообразно рассчитать как сумму интегральных показателей по каждому отдельному блоку. Ранжирование анализируемых предприятий по интегральному показателю финансового потенциала представлено в таблице 6.

Как видно из полученных результатов, среди анализируемых предприятий самым высоким финансовым потенциалом в 2021 г. обладал ПАО «Нижнекамскнефтехим», в 2022 г. – ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина». Если говорить о тройке лидеров, то она в 2021–2022 гг. неизменна; в эту тройку предприятий входят ПАО «Нижнекамскнефтехим» (первое место в 2021 г. и третье место в 2022 г.), ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина (второе место в 2021 г. и первое место в 2022 г.) и АО «Химтраст» (третье место в 2021 г. и второе место в 2022 г.). Самым низкий финансовый потенциал наблюдался в АО «Танеко», что обусловлено в первую очередь высокой величиной заемных средств и кредиторской задолженности и недостатком денежных средств для их погашения.

Таким образом, предложенная автором методика предоставила возможность определить интегральные показатели, характеризующие финансовую устойчивость, рентабельность, оборачиваемость, ликвидность и платежеспособность предприятия, с одной стороны, и рассчитать конечный интегральный показатель, определяющий финансовый потен-

Таблица 6

Интегральная оценка финансового потенциала нефтегазохимических предприятий РТ в 2021–2022 гг. (по нормированным значениям коэффициентов)

	Конечный интегральный показатель		Ранг	
	2021 г.	2022 г.	2021 г.	2022 г.
АО «Аммоний»	1,62	1,47	6	6
ООО «Казанский трубный завод»	1,5	1,45	7	7
ООО «ЛМР Пласт»	1,29	1,25	9	8
ООО «Менделеевск-азот»	1,71	1,48	4	5
ПАО «Нижнекамск-нефтехим»	2,51	2,12	1	3
АО «Нэфис-Косметикс»	1,69	1,71	5	4
ООО «ОПУ-30»	1,37	1,16	8	9
АО «Танеко»	0,95	0,59	10	10
ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина»	2,33	2,15	2	1
АО «Химтраст»	1,87	2,13	3	2

Источник: рассчитано автором.

циал хозяйствующих субъектов в целом – с другой. Апробация предложенной методики на основе данных бухгалтерской отчетности позволила провести сравнительную оценку финансового потенциала предприятий нефтегазохимического комплекса РТ. В целом результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что представленная методика может быть использована для комплексной оценки финансового потенциала хозяйствующих субъектов.

Литература:

1. Гарафиева Г.И. Влияние показателей человеческого капитала и инновационного потенциала на конкурентоспособность экономики страны // Управление устойчивым развитием. – 2019. – № 6. – С. 5–9.
2. Гарафиев И.З. Инновационный человеческий капитал и нанотехнологии (контент-анализ программ инновационного развития регионов РФ) // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Т. 15. – № 14. – С. 239–242.
3. Гулиев Р.Ч. Инструментарий оценки финансового потенциала компании // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 2. – URL: https://esj.today/PDF/02FAVN223.pdf (дата обращения: 15.09.2023).
4. Гребенникова В.А., Кирокосян М.А., Мартиросян А.А. Методы оценки финансового потенциала предприятия // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2019. – № 7 (105). – С. 136–143.
5. Сорокина Н.А. Финансовый потенциал организации как элемент стратегического управления // Baikal research journal. – 2011. – № (5) 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-potentsial-organizatsii-kak-element-strategicheskogo-upravleniya (дата обращения: 01.09.2023).
6. Салихова Я.Ю. Конкурентный потенциал предприятия: сущность, структура, методика оценки. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 52 с.
7. Мерзликина Г.С., Шаховская Л.С. Оценка экономической состоятельности предприятия. – Волгоград: Волгоградский гос. техн. ун-т, 1998. – 265 с.
8. Журова Л.И. Финансовый потенциал экономической системы: структура и методика оценки // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – С. 348–348.
9. Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. – URL: https://bo.nalog.ru/ (дата обращения: 10.09.2023).

Assessment of the Financial Potential of Petrochemical Enterprises of the Republic of Tatarstan

Garafieva G.I.
Kazan National Research Technological University

The article is devoted to the issues of assessing the financial potential of enterprises. The author proposed a methodology for assessing financial potential, based on the calculation of integral indicators characterizing the financial stability, profitability, turnover, liquidity and solvency of the enterprise. Based on the presented methodology and based on accounting (financial) reporting data, a comparative assessment of the financial potential of petrochemical enterprises of the Republic of Tatarstan was carried out.

Key words: financial potential, financial stability, profitability, turnover, liquidity, solvency

УДК 336.76

Исследование и оценка динамики и структуры денежных доходов и расходов населения Российской Федерации в 2022–2023 гг.

Гениберг Т.В.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

В статье представлены итоги исследования влияния внешних и внутренних политических и экономических факторов на денежные доходы, расходы и сбережения населения России. На основе анализа данных Банка России и Федеральной службы государственной статистики сделаны обоснованные выводы о том, что номинальные доходы населения ежеквартально увеличиваются, реальные доходы начали свой рост только в 2023 г. Наблюдается рост привлечения населением кредитных ресурсов, в том числе жилищных ссуд. Также увеличивается размер наличной денежной массы на руках населения и во вкладах в качестве сбережений. Объемы инвестирования в ценные бумаги показывают снижение интереса граждан, при этом нарастает вложение средств в недвижимость, автомобили, внутренний туризм. Составлены прогнозы на изменение благосостояния населения в ближайшем будущем.

Ключевые слова: доходы населения, расходы населения, вклады, кредиты, сбережения, золото

Финансовое состояние населения каждой страны традиционно находится в прямой зависимости от экономических и политических трансформаций, происходящих в государстве. Более глобальные, масштабные изменения в стране и в мире оказывают большее воздействие на народное благосостояние. С 2020 г. такое влияние носило преимущественно отрицательное воздействие, вызванное общемировыми негативными тенденциями, такими как пандемия, страновые изоляции, напряжение международных политических отношений в различных геолокациях. Это характерно как для Европы, США, так и для восточных стран, а также России. В 2022–2023 гг. скорость этих изменений выросла в несколько раз за единицу времени. Но экономика – феномен неоднозначный, и наблюдается нестандартное явление: отрицательное влияние происходящих преобразований на экономику и финансовый баланс россиян в некоторых направлениях имеет значительные благоприятные последствия. Направим исследование на изучение влияния таких факторов, их характера на финансовое благополучие домашних хозяйств и постараемся определить причинно-следственные связи между ними.

Цель исследования: выявить влияние политических и экономических факторов на доходы, расходы и сбережения населения России, сформулировать новые тенденции в финансовых потоках граждан в 2022–2023 гг. и составить прогнозы на их изменения в будущем.

В начале анализа сформулируем политические и экономические изменения в стране, которые наблюдались в последние два года:

– начало специальной военной операции на Украине;

– рекордные в мировом отношении одиннадцать пакетов экономических санкций США и Европы против России;

– сокращение внешних экономических связей России с европейскими странами и США, перенаправление вектора взаимодействия на азиатские и африканские государства;

– ограничение импорта множества иностранных товаров: электроники, оборудования, инструментов,

техники, автомобилей, лекарственных препаратов, мебели, одежды, обуви;

– реструктуризация многих отраслей в отношении перенастройки на внутренний российский рынок, изменение товаропотоков, логистических цепей и структур, поставок комплектующих, узлов и сырья, технологий изготовления продукции.

Оценим влияние этих международных и внутренних факторов на динамику и структуру доходов и расходов населения России.

Данные Федеральной службы государственной статистики показывают следующие тенденции. Объем номинальных денежных доходов россиян нарастает каждый квартал в 2022–2023 гг. в сравнении с показателями за аналогичный период предыдущего года. Так, в I квартале 2022 г. в сравнении с I кварталом 2021 г. наблюдается рост на 13,2 %, во II квартале 2022 г. – на 14,9 %, в III квартале 2022 г. – на 9,4 %, в IV квартале 2022 г. – на 11,5 %, в I квартале 2023 г. в сравнении с I кварталом 2022 г. – на 11,9 %, во II квартале – на 7,8 % [1].

Эту тенденцию подтверждает изменение среднедушевых денежных доходов населения Российской Федерации в рублях и процентах к соответствующему периоду прошлого года. Эти показатели в I квартале 2022 г. составили 37136 руб. (113,7 %), во II квартале 2022 г.– 44168 руб. (115,4 %), в III квартале 2022 г. – 44689 руб. (109,9 %), в IV квартале 2022 г. – 53428 руб. (112,0 %), в I квартале 2023 г. – 41709 руб. (112,3 %), во II квартале 2023 г. – 47798 руб. (108,2 %) [2]. Характерно прослеживается рост номинальной величины доходов населения.

Если оценить реальные располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации в процентах к соответствующему периоду прошлого года, то мы видим, что: в I квартале 2022 г. такое соотношение составило – 102,0 %, во II квартале 2022 г. – 100,0 %, в 3 квартале 2022 г. – 94,7 %, в IV квартале 2022 г. – 99,8 %, в 2022 г. – 99,0 %, в I квартале 2023 г. – 104,4 %, во II квартале 2023 г. – 105,3 % [3]. То есть на протяжении всего 2022 г. реальные доходы жителей Российской Федерации практически оставались на одном уровне, в 2023 г. начинают постепенно нарастать.

Направим исследование на анализ структуры доходов россиян. Данные таблицы 1 показывают, что доля оплаты труда наемных сотрудников в общей величине доходов населения ежеквартально сокращается: от 64,2 % в начале 2022 г. до 54,4 % в конце года. В 2023 г. эта доля начинает нарастать до 64,9 % в I квартале 2023 г. и 58,5 % во II квартале 2023 г. Традиционно высокую часть в доходах населения составляют социальные выплаты, которые занимают около 20 %. В противовес этому доходы от предпринимательской деятельности занимают 6–7 %, сокращаясь в течение 2022 г. и незначительно нарастая в 2023 г. Доходы от собственности в свою очередь нарастали в 2022 г. с 4,4 до 6,2 %, возвращаясь в 2023 г. к начальным значениям 2022 г. – 4 %. Доля прочих денежных поступлений показывает значительный рост в общей структуре доходов с 5,3 до 13,1 % в 2022 г. и с 5,1 до 11,5 % за I и II квартал 2023 г. [1].

В итоге можно сказать, что объемы денежных доходов населения России нарастают, значительную долю в них занимают зарплата наемным работникам и социальные выплаты – около 80 %. Доходы от предпринимательской деятельности занимают незначительный вес – 6 %. В свою очередь население наращивало вложения в недвижимость и другую собственность, увеличивая долю доходов от этих источников от 4 до 6 %. Особо прослеживается рост доли прочих денежных поступлений – от 5 до 13 % [1].

Рассмотрим динамику привлечения населением Российской Федерации кредитов как дополнительного источника финансирования жизнедеятельности. На протяжении 2022–2023 гг. объемы полученных россиянами кредитов каждый квартал нарастали, обозначив самый низкий порог роста – 1,8 % в июле-августе 2023 г., и самый высокий – 5,9 % во II квартале 2023 г. И только во II квартале 2022 г. было незначительное снижение на 0,7 %, что было вызвано началом военной операции (табл. 2) [4; 5]. Доля просроченных кредитов составляет в среднем 4,5–5 %, что является достаточно высоким показателем. Население продолжает активно использовать кредиты как надежный источник пополнения средств.

Таблица 1

Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления в 2022–2023 гг. в руб. и % [1]

Период	Всего денежных доходов, млрд руб.	В том числе в %				
		доходы от предпринимательской и др. произ-вод. деятельности	оплата труда наемных работников	социальные выплаты	доходы от собственности	прочие денежные поступления
2022 г.						
I квартал	16374,9	6,3	64,2	19,8	4,4	5,3
II квартал	19475,2	6,7	56,2	20,6	4,3	12,2
III квартал	19705,3	6,6	56,3	22,6	5,9	8,6
IV квартал	23558,6	5,8	54,4	20,5	6,2	13,1
Год	79113,9	6,3	57,4	20,9	5,3	10,1
2023 г.						
I квартал	18324,3	7,3	64,9	18,6	4,1	5,1
II квартал	20999,8	6,6	58,5	19,4	4,0	11,5

Если провести анализ жилищного кредитования, то видим, что объемы средств, получаемых на приобретение жилья, росли за последние два года достаточно высокими темпами – от 10 до 35 % в квартал. Критическое снижение наблюдалось во II квартале 2022 г. – в два раза в связи с осторожной реакцией поведения населения и коммерческих банков на произошедшие политические сложности и традиционно в I квартале каждого года на 18 % в связи с незначительным объемом рабочих дней (табл. 2) [4; 5]. Динамика количества выданных кредитов на приобретение жилья и размеров кредитования физических лиц на эти нужды показывают синхронные однонаправленные изменения. В корреляции с ростом доходов от собственности можно предположить, что в связи с нарастающей инфляцией население предпочитает накопленные средства и привлеченные кредиты вкладывать в недвижимость с целью получения доходов и страхования средств от обесценения.

Осуществив анализ динамики и структуры денежных доходов населения России, проведем оценку объемов и направлений расходования средств и изменения размеров сбережений. В течение последних двух лет величина наличных денежных средств у населения и вкладов физических лиц на счетах кредитных организаций нарастает. Так, наличные средства за I квартал 2022 г. выросли на 4,8 %, за II квартал 2022 г. – сократились на 4,0 %, за III квартал 2022 г. – выросли на 6,6 %, за IV квартал 2022 г. – на 8,9 %, за I квартал 2023 г. – на 2,5 %, за II квартал 2023 г. – на 6,9 %, за 2 месяца III квартала 2023 г. – на 2,7 % (табл. 2) [4; 5]. Исследование величины вкладов физических лиц в банковских учреждениях за эти же периоды показывает в I квартале 2022 г. сокращение на 4,2 %, во II квартале 2022 г. – сокращение на 1 %, в III квартале 2022 г. – рост на 0,6 %, в IV квартале 2022 г. – на 10, 5 %, в I квартале 2023 г. – на 0,9 %, во II квартале 2023 г. – на 6,3 %, за 1 месяц III квартала 2023 г. – на 1,6 % [4; 5].

То есть, начиная с 3 квартала 2022 г., в течение практически года наблюдается рост как наличных, так и безналичных средств физических лиц. Можно сделать вывод, что рост доходов населения приводит к росту вкладов и наличной денежной массы у населения. Но также обоснованно можно предположить, что государство осуществляет эмиссию денежных знаков, которая вызывает повышенный размер официального уровня инфляции – 11,94 % в 2022 г. и 4,6 % за 9 месяцев 2023 г. по данным Федеральной службы государственной статистики [6]. При этом реальный уровень инфляции – 13,06 % в 2022 г. и 16,78 % за 9 месяцев 2023 г. оказывает усиленное инфляционное давление на экономику [7].

Детальное изучение структуры расходов граждан России показывает, что доля расходов на товары и услуги неравномерно колебалась по кварталам, составляя 76–85 % (табл. 3). Доля обязательных платежей, взносов и прочих расходов традиционно составляет 13–15 % (включая коммунальные платежи). Переток средств в структуре расходов связывает три составляющие: приобретение товаров и услуг, сбережения и наличные средства на руках граждан. Так, если в I квартале 2022 г. расходы граждан были покрыты на 11,2 % за счет ранее сделанных сбережений, вызвав отток накоплений, то в последующие пять кварталов жители России уже не допускали подобной ситуации. Наблюдался прирост сбережений, но с очень большой амплитудой от 0 до 13,7 % в структуре расходов [8].

Доля денежных средств в рублях и иностранной валюте на руках граждан нарастала в структу-

Таблица 2

Экономические показатели Российской Федерации в 2022–2023 гг.

Экономические показатели	01.01.2022	01.04.2022	01.07.2022	01.10.2022	01.01.2023	01.04.2023	01.07.2023	01.09.2023
Наличные деньги в обращении (М0), млрд руб.	13200,4	13834,3	13293,1	14175,0	15435,7	15819,6	16920,3	17377,5
Объем вкладов физ. лиц в кредитных организациях, млн руб.	34694763	33267488	32935944	33141673	36619202	36955755	39276814	39894676 на 01.08.2023
Объем кредитов физ. лицам в рублях, млн руб.	25067579	25763397	25572932	26513635	27409610	28300015	29971707	30500292
Количество жилищных кредитов, предоставленнных физ. лицам	192692	163078	65718	136874	176449	154240	168043	216262
Объем жилищных кредитов физ. лицам в месяц, млн руб.	641585	521528	253805	518376	697251	569644	627013	849313

Составлено автором по источникам [4; 5].

Таблица 3

Структура использования денежных доходов населения РФ в 2022–2023 гг. [8]

Период	Всего использовано доходов, %	В том числе в %			
		Покупка товаров и оплата услуг	Оплата обязательных платежей, взносов и прочие расходы	Прирост (+), уменьшение (-) сбережений населения	Прирост (+), уменьшение (-) наличных денег на руках в рублях и иностранной валюте в рублевом эквиваленте
2022 г.					
I квартал	100	91,2	14,7	-11,2	5,3
II квартал	100	76,0	13,6	13,7	-3,3
III квартал	100	79,0	15,7	0,4	4,9
IV квартал	100	70,1	15,6	12,3	2,0
год	100	78,2	15,0	4,7	2,1
2023 г.					
I квартал	100	85,5	13,5	0,0	1,0
II квартал	100	79,6	12,9	7,2	0,3

ре использования денежных доходов невысокими темпами от 1 до 5 % (табл. 3). Сдерживание роста вложений в иностранную валюту было обосновано высоким курсом доллара США вслед за курсом ключевой ставки Центрального банка (рис. 1) и ограничением внутренних и внешних расчетов в иностранной валюте.

В целом можно сделать вывод, что доля потребления в структуре расходов достаточно высока, но при этом наличие средств на руках населения в рублях и валюте, как и сбережения, медленными темпами нарастают. Население стремится создать для себя страховые резервы.

Далее рассмотрим вложения средств населения в ценные бумаги. Официальных данных о размере операций физических лиц с ценными бумагами не имеется, но, по данным Банка России, исходя из результатов торгов на фондовых биржах, видим, что после I квартала 2022 г. объем операций на данном рынке резко сократился. Так, если в I квартале 2022 г. такой объем торгов составлял 125032 млн руб., то во II квартале 2022 г. – 89864 млн руб., в III квартале 2022 г. – 83826 млн руб., в IV квартале 2022 г. – 98979 млн руб., в I квартале 2023 г. – 80329 млн руб., во II квартале 2023 г. – 94136 млн руб. [5, с. 71]. Таким образом, отмечаем, что активность операций на фондовом рынке не восстановилась даже до уровня I квартала прошлого года.

Еще одним из предпочитаемых направлений инвестирования средств у населения является золото. По данным Министерства финансов РФ, российские граждане в 2022 г. закупили 50 тонн золота, что в 10 раз больше как по сравнению с 2021 г., так и 2020 г. [11]. Эта рыночная ситуация сложилась, несмотря на постоянный значительный рост цены на золото с сентября 2022 г. (рис. 1).

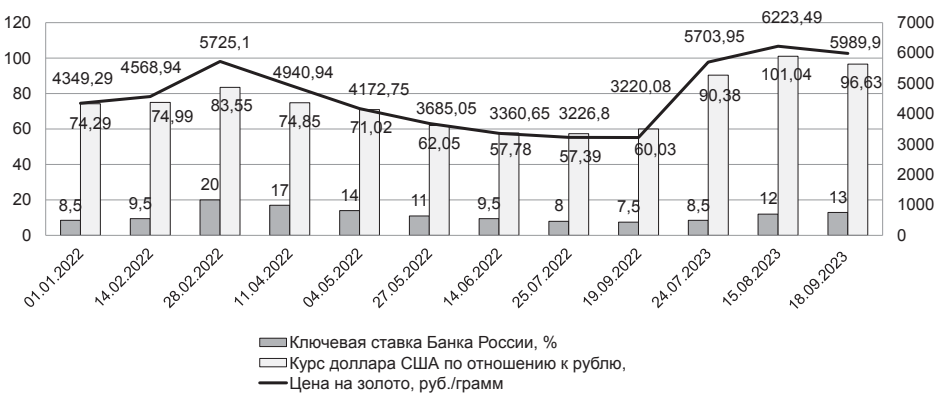

Рис. 1. Динамика ключевой ставки Центрального банка, курса доллара США к рублю и цены на золото в России в 2022–2023 гг. [9; 10]

В заключение проведем оценку вложения средств физическими лицами в потребительском направлении, конкретно в покупку автомобилей и туристических услуг, оценим их изменения за последние два года.

В России в 2022 г. было продано 626281 новый автомобиль, это на 58,7 % меньше, чем в 2021 г. [12]. Причинами такого снижения явились санкции Европы и США против России, а также сокращение товарообмена со многими недружественными странами. Но в первом полугодии 2023 года экономическая ситуация претерпевает существенные изменения, и объем проданных новых автомобилей вырастает до 428308, что на 9,9 % выше аналогичного периода 2022 г. [13].

Параллельно на российском автомобильном рынке проявляются четкие противовесные тенденции: ужесточение ввозного режима на автомобили из Японии (запрет на ввоз в Россию гибридных автомобилей и автомобилей с двигателем свыше 1,9 литров, запрет на приобретение за границей машин на стороннее физическое лицо при ввозе в Россию) и ограничение импорта автомобилей из США и Европы. Данные факторы привели к резкому росту цен на импортные автомобили в нашей стране. Но, несмотря на это, в 2023 г. значительный рост приобретаемых автомобилей связан со стремлением россиян

инвестировать денежные средства в материальные активы, опасаясь продолжающегося роста цен и сокращения ввозимых в страну автомобилей.

Также проведем анализ расходования средств физических лиц на туристские поездки в прошлом и текущем году. Оборот денежных средств в туристическом бизнесе (без учета субъектов малого предпринимательства) составил 3007,5 млрд руб. в 2023 г., что превысило 2022 г., в котором было потрачено 2960,0 млрд руб., на 1,6 % [14].

Число выездных туристических поездок граждан России в зарубежные страны увеличилось с 19199 тыс. в 2021 г. до 22487 тыс. в 2022 г., то есть на 17,3 %; в первом полугодии 2023 г. до 10825 тыс. против 7966 тыс. в первом полугодии 2022 г., то есть на 35,9 %. Из общего числа выездных туристских поездок 77,7 % осуществлялись в страны дальнего зарубежья и 22,3 % – в государства – участники СНГ [15].

За январь–сентябрь 2023 г. туристский поток в Российской Федерации составил 134955 тыс. поездок против 123828 тыс. поездок за аналогичный период 2022 г. Рост внутреннего туризма составил 9 % [16]. Внутренний туризм преимущественно представлен Краснодарским краем – 16468,3 тыс. чел., Москвой – 14466,9 тыс. чел., Санкт-Петербургом – 7926,5 тыс. чел., Республикой Крым – 5186,2 тыс. чел. [16].

Исследовав объемы и направления туристических потоков и оборотов денежных средств в туристической сфере, видим, что количество туристических поездок россиян нарастает высокими темпами, при чем как внутри страны, так и за ее пределы.

В подведение итогов выполненного исследования можно обозначить следующие складывающиеся под влиянием экономических и политических факторов тенденции в формировании и использовании денежных доходов, расходов и сбережений населения в России в 2022–2023 гг.:

1) Рост объемов номинальных денежных доходов населения ежеквартально на 8–15 %. Но основная масса денежного притока средств – около 80 % – формируется в виде зарплаты наемных сотрудников и социальных выплат, и только 20 % составляют доходы от предпринимательской деятельности, собственности и других источников. Доля доходов от собственности и других источников нарастает за анализируемый период с 9 до 15 %. Реальные доходы в течение всего 2022 г. были практически на одном уровне, в 2023 г. постепенно начинается рост этого показателя;

2) Рост получаемых населением кредитов в 2022–2023 гг. на 3–4 % ежеквартально, жилищных – на 10–35 %, при этом доля просроченных кредитов остается достаточно высокой – 4,5–5 %. Нацеленность граждан на вложение средств в наиболее застрахованный от обесценения актив – недвижимость;

3) Рост наличных средств и вкладов на счетах физических лиц в среднем на 2–10 % в квартал в течение 2022–2023 гг., но этот рост отстает от скорости роста номинальных доходов, что означает нарастание расходов населения более высокими темпами;

4) Высокий уровень потребления средств населения – около 80 % от получаемых доходов, но при этом наблюдается рост сбережений и наличия средств на руках граждан в рублях и иностранной валюте;

5) Низкая активность операций на фондовом рынке, не достигшая уровня начала прошлого года, что говорит о высоких рисках подобных вложений свободных денежных средств и об отсутствии интереса у физических лиц к данному направлению инвестирования;

6) Приостановление оттока капитала за границу, что влечет рост расходов населения внутри страны на недвижимость, автомобили и внутренний туризм.

В результате проведенного исследования видим, что внешние и внутренние политические и экономические факторы оказывают значительное влияние на финансовое состояние населения России, но стоит отметить, что, несмотря на преимущественно отрицательное значение этих факторов, воздействие они оказывают положительное.

Смена приоритетных направлений движения денежных потоков из России на внутренний рынок позволила нашей стране сохранить экономическую устойчивость, баланс бюджетных и частных денежных средств, а также перенаправила расходы населения на приобретение товаров и услуг внутри страны и на увеличение сбережений и средств на руках.

На основе анализа доходов и расходов населения Российской Федерации можно сделать перспективный прогноз. Объемы наличных денежных средств населения и накоплений будут продолжать нарастать за счет увеличивающейся денежной массы. Население будет предпочитать тратить средства на товары длительного пользования, автомобили, туристические поездки. Будут увеличиваться инвестиции в недвижимость, драгоценные металлы и камни с целью сохранения капиталов. Скорее всего, рациональность распределения средств граждан будет нарастать, средства размещаться преимущественно внутри страны, и это будет оказывать положительное влияние на благосостояние российской экономики.

Цель проведенного исследования достигнута, выявлено влияние внешних и внутренних политических и экономических процессов, протекающих в России, на доходы, расходы и сбережения населения, сформулированы новые тенденции в финансовых потоках граждан в 2022–2023 гг. и составлены прогнозы на их изменения в будущем.

Литература:

1. Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления // Федеральная служба государственной статистики. Доходы, расходы и сбережения населения. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения 28.10.2023).
2. Среднедушевые денежные доходы населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Доходы, расходы и сбережения населения. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения 28.10.2023).
3. Реальные располагаемые денежные доходы населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Доходы, расходы и сбережения населения. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения 28.10.2023).
4. Статистический бюллетень Банка России. – 2023. – № 2. – URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/43822/bbs2302r.pdf (дата обращения: 28.10.2023).
5. Статистический бюллетень Банка России. – 2023. – № 9. – URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/46378/bbs2309r.pdf (дата обращения: 28.10.2023).
6. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2023 гг. // Федеральная служба государственной статистики. Индексы потребительских цен. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения: 28.10.2023).
7. Сколько составляет в России реальный уровень инфляции в 2023 г. // Информационный портал Inflatio 13.09.2023 г. – URL: https://inflatio.ru/59-realnyj-uroven-infljacii-v-rossii.html (дата обращения: 28.10.2023).
8. Структура использования денежных доходов населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Доходы, расходы и сбережения населения. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 28.10.2023).
9. Учетные цены на аффинированные драгоценные металлы // Банк России. – URL: https://cbr.ru/hd_base/metall/metall_base_new/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2022&UniDbQuery.To=14.10.2023&UniDbQuery.Gold=true&UniDbQuery.Silver=true&UniDbQuery.Platinum=true&UniDbQuery.Palladium=true&UniDbQuery.so=1 (дата обращения: 28.10.2023).
10. Ключевая ставка Банка России и инфляция // Банк России. – URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/#highlight=ключевая %7Cставка (дата обращения: 28.10.2023).
11. Котченко К. Минфин заявил о десятикратном росте покупок золота россиянами // РБК. – 2023. – 2 февраля. – URL: https://quote.rbc.ru/news/article/63dbdd1a9a794776f3563d12 (дата обращения 28.10.2023).
12. Рынок новых легковых автомобилей в 2022 г.: ТОП-25 марок и моделей. – URL:https://www.autostat.ru/press-releases/53553/ (дата обращения: 28.10.2023).
13. Авторынок России за первое полугодие: статистика по отгрузкам. 06.07.2023 г. // Ассоциация Европейского бизнеса. – URL: https://news.drom.ru/94379.html (дата обращения: 28.10.2023).
14. Отдельные показатели деятельности организаций туриндустрии // Федеральная служба государственной статистики. Туризм. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 28.10.2023).
15. Въездные и выездные туристские поездки // Федеральная служба государственной статистики. Туризм. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 28.10.2023).
16. Туристский поток. Оценка туристского потока // Федеральная служба государственной статистики. Туризм. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm (дата обращения: 28.10.2023).

Research and Evaluation of the Dynamics and Structure of Monetary Incomes and Expenditures of the Population of the Russian Federation in 2022-2023

Geniberg T.V.
Novosibirsk State University of Economics and Management «NINH»

The article presents the results of a study of the influence of external and internal political and economic factors on monetary incomes, expenditures and savings of the Russian population. Based on the analysis of data from the Bank of Russia and the Federal State Statistics Service, reasonable conclusions have been made that nominal incomes of the population are increasing quarterly, real incomes began to grow only in 2023. There is an increase in the attraction of credit resources by the population, including housing loans. The amount of cash in the hands of the population and in deposits as savings is also increasing. Investment volumes in securities reflects a decrease in the interest of citizens, while investments in real estate, cars, and domestic tourism are increasing. Forecasts have been made for changes in the welfare of the population in the near future

Key words: household income, household expenses, deposits, loans, savings, gold

УДК 338.2

Теоретическое развитие государственной политики России в области продовольственной безопасности

Глинберг В.А.
Аспирант кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

В статье рассмотрены сущность продовольственной безопасности и импортозамещение как одно из основных направлений государственной политики по ее обеспечению. В рамках теоретико-методических аспектов развития продовольственной безопасности обозначены риск-образующие факторы продовольственного рынка и подходы к обоснованию выбора показателей и индикаторов оценки продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, политика импортозамещения, продовольственный рынок, риск-образующие факторы, показатели продовольственной безопасности

На международном уровне продовольственная проблема признана «глобальной проблемой», поскольку недостаточное обеспечение продуктами питания населения планеты приводит к голоду, особенно в беднейших странах мира, где, по оценкам исследователей, голодает более одного миллиарда человек. Эта проблема находит свое отражение в оценках Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (*Food and Agriculture Organization, FAO*). Так, в ежегодных докладах FAO представлены не только данные о количестве недоедающих людей во всем мире, но и пропагандируются разные стратегии борьбы с голодом в рамках трех основных целей: 1) искоренение голода, продовольственная безопасность и сокращение недоедания; 2) ликвидация нищеты и стимулирование экономического и социального развития для всех; 3) устойчивое управление и пользование природными ресурсами (включая землю, воду, воздух, климат и генетические ресурсы) во благо настоящих и будущих поколений [1].

Государственную политику России в области продовольственной безопасности определяет ряд документов стратегического значения [2–4], в которых определены ключевые направления, цели и задачи, силы и средства ее обеспечения. При этом под продовольственной безопасностью понимается такое «состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления, необходимой для активного и здорового образа жизни» [2, п. 2а].

Ключевыми терминами в определении продовольственной безопасности обозначены «продовольственная независимость», «рациональные нормы потребления», «экономическая доступность» и «физическая доступность» продовольствия. В этой связи эффективность государственной политики по обеспечению продовольственной безопасности может рассматриваться при достижении заданных критериев, характеризующих каждый ключевой термин.

Направления государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности предусмотрены Доктриной продовольственной безопасности [2], приведены в таблице 1.

Важнейшим комплексным направлением обеспечения продовольственной безопасности следует назвать импортозамещение, несмотря на то что в Про-

Таблица 1

Основные направления государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности [2, пп. 18–25]

Направления государственной политики	Система мер
1. Аграрная политика	– обеспечение экономической доступности качественной пищевой продукции для населения; – обеспечение физической доступности пищевой продукции; – формирование государственного резерва с/х продукции, сырья и продовольствия
2. Производство сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	– повышение урожайности с/х культур, сохранение, восстановление, повышение плодородия земель, их рациональное использование; – развитие мелиорации земель с/х назначения; – обеспечение биологической безопасности; – устойчивое развитие животноводства; – развитие племенного дела, селекции и семеноводства и др.
3. Обращение сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия	– создание сети оптово-распределительных центров для закупки продукции у с\х производителей; – стабилизация ценовой ситуации (формирование индикативных цен); – увеличение количества торговых объектов для реализации продовольственных товаров; – участие в формировании товаропроводящей сети в рамках единого агропродовольственного рынка ЕЭС и др.
4. Обеспечение качества и безопасности пищевой продукции	– контроль соответствия требованиям технических регламентов ЕЭС; – контроль за продукцией, полученной из генно-инженерно-модифицированных растений и с использованием аналогичных микроорганизмов; – гармонизация международных требований, характеристик и параметров качества и безопасности пищевой продукции и др.
5. Внешнеэкономическая политика	– расширение стратегического взаимодействия в рамках Союзного государства, ЕЭС, развитие сотрудничества с государствами – участниками СНГ; – развитие двустороннего сотрудничества по вопросам продовольственной безопасности в соответствии с Концепцией внешней политики РФ и др.
6. Устойчивое развитие сельских территорий и повышение качества жизни сельского населения	– социальное обустройство сельских и прибрежных рыбацких поселений и реализайия социальных программ; – создание высокопроизводительных рабочих мест в сельском хозяйстве, повышение уровня и диверсификации занятости в сельской местности и др.
7. Развитие материально-технических ресурсов для производства с/х продукции, сырья и продовольствия	– создание новых производственных мощностей, реконструкция и развитие действующих производств; – обеспечение с/х производителей, организаций и ИП семенами и посадочным материалом и др.
8. Формирование здорового типа питания	– проведение фундаментальных и прикладных научных исследований по медико-биологической оценке безопасности продовольственной продукции и продовольственного сырья; – популяризация здорового типа питания и др.

довольственной доктрине это направление не было отмечено. В сложившейся геополитической обстановке стратегия импортозамещения, принятая правительством страны, является ключевым фактором обеспечения продовольственной безопасности. При этом при реализации политики импортозамещения должны учитываться: проводимая реформа организации и управления агропромышленным комплексом, активное развитие программ государственной поддержки регионов, где климатические условия не способствуют высокой урожайности сельскохозяйственных культур и влияют на снижение производственного потенциала производителей продовольственной продукции.

Не решены до настоящего времени проблемные вопросы развития сельских территорий, от которого напрямую зависит сельскохозяйственный оборот сырья и продукции. На этих территориях, по оценкам специалистов, «за последние 20 лет произошло сокращение количества сел и деревень на 9,2 тысячи. По данным социологических опросов, в сельской местности насчитывается около 1,5 млн безработных, а заработная плата занятого в сельском хозяйстве населения в среднем почти в два раза ниже средней оплаты труда по экономике страны» [5, с. 32–33].

Следует согласиться с авторами публикаций, которые отмечают, что пищевая промышленность как «ведущее и структуроформирующее звено» напрямую «относится к сельскому хозяйству. Оно имеет прочную связь с ним, потому что сырье, необходимое для производства, транспортируется от животноводства, фермерства, агрокультуры. Это может быть мясное сырье, молочное, овощи, фрукты, зерновые» [5].

Динамика производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в России представлена данными Росстата в таблице 2.

Таблица 2

Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в РФ в 2021–2023 гг., тыс. т [7]

Наименование пищевых продуктов	2021 г.	2022 г.	2022 г. в % к 2021 г.	9 мес. 2023 г.
1. Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) парное, охлажденное, в т.ч. для детского питания	306	297	97,1	241
2. Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) замороженное, в т.ч. для детского питания	95	106	111,2	89,8
3. Свинина парная, охлажденная, в т.ч. для детского питания	2915	3141	107,8	2409
4. Свинина замороженная, в т.ч. для детского питания	421	464	110,3	368
5. Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы, в т.ч. для детского питания	4870	5058	103,9	3769
6. Изделия колбасные, включая изделия для детского питания	2448	2411	98,5	1835
7. Рыба морская живая, не являющаяся продукцией рыбоводства	158	212	133,7	153
8. Рыба морская свежая или охлажденная, не являющаяся продукцией рыбоводства	762	801	105,2	679
9. Ракообразные немороженные, не являющиеся продукцией рыбоводства	45,4	54,1	118,9	41,9
10. Филе рыбное, мясо рыбы прочее, свежее или охлажденное	18,0	13,5	74,9	9,6
11. Рыба мороженая	3005	2791	92,9	2392
12. Филе рыбное мороженое	238	259	108,8	178
13. Рыба вяленая, соленая и несоленая или в рассоле	125	113	90,4	76,6
14. Рыба, включая филе, копченая	69,8	72,2	103,4	55,0
15. Ракообразные мороженые	98,1	76,2	77,7	66,1
16. Овощи (кроме картофеля) и грибы, замороженные	135	119	87,8	72,8
17. Овощи (кроме картофеля) и грибы, консервированные для кратковременного хранения	35,5	39,0	109,8	26,3
18. Фрукты, ягоды, орехи, свежие или предварительно подвергнутые тепловой обработке, замороженные	44,8	40,4	90,1	27,0
19. Молоко жидкое обработанное, в т.ч. для детского питания	5684	5841	102,8	4294
20. Сливки	238	260	109,2	226
21. Творог	495	461	93,0	329
22. Масло сливочное	283	326	115,5	248
23. Сыры	648	682	105,3	581
24. Продукты молочные сгущенные, млн усл.банок	671	724	107,9	525
25. Продукты кисломолочные (кроме творога и продуктов из творога)	2736	2533	92,6	2016

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что темпы роста производства 10 из 25 перечисленных наименований импортозамещающих пищевых продуктов в 2022 г. снижены против 2021 г. Это свидетельствует о наличии нерешенных проблем в отраслях. В частности, производство крупного рогатого скота в стране (без учета статистических данных Донецкой, Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей) в 2022 г. в живом весе составило 2790 тыс. т, что на 94 тыс. т меньше аналогичного показателя 2021 г. (96,7 %), тогда как по производству свиней и птицы – достигнут рост (105,3 и 104,3 %) [7]. Нехватка животноводческого сырья сказалась на снижении производства отдельных видов мясных и колбасных продуктов в целом по стране.

Географическое положение регионов и климат являются существенным фактором, влияющим на валовые сборы сельскохозяйственных культур, обеспечивающих продовольственную безопасность населения, а также поставляющих животноводству необходимое количество кормов. Разница возможностей по валовому сбору основных сельскохозяйственных культур (например, картофеля и овощей) под влиянием указанного фактора – существенна. Так, лидером по сбору урожая картофеля в 2021 г. стала Брянская область (1152 тыс. т), а в Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах этот показатель – меньше 1 тыс. т. Наибольший объем овощей в 2021 г. было произведено в Астраханской и Волгоградской областях (1426,6 тыс. т и 1036,8 тыс. т), и практически нулевой урожай зафиксирован в Мурманской области и Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах.

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости выявления и изучения методологии влияния на производство и потребление продуктов питания всех факторов, таких как: географическое положение региона, размещение производительных сил, сельскохозяйственной инфраструктуры, количество сельскохозяйственных угодий, работоспособного населения и других.

Развитие теоретических положений, методологических особенностей организации и управления деятельностью по обеспечению продовольственной безопасности связано не только с проблемой выявле-

ния вышеназванных факторов, но и с исследованием терминологической сущности продовольственной безопасности, а также с риск-образующими факторами продовольственного рынка как глобальными, так и внутренними. В состав риск-образующих факторов отнесены:

– санкционная политика западных стран в отношении российских производителей сельскохозяйственной и продовольственной продукции;

– военные конфликты, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации, техногенные катастрофы;

– низкие темпы экономического развития;

– несовершенство законодательства, приводящее к дисбалансу отраслей продовольственного комплекса страны;

– политика ценообразования;

– производство некачественной (опасной, суррогатной, содержащей ГМО) продукции, вредной для здоровья и жизни населения;

– низкий уровень доходов населения и др.

Причинно-следственная связь названных риск-образующих факторов с проблемой дефицита продовольствия на потребительском рынке или с проблемой неполноценного питания населения страны очевидна, поскольку затрагивает состояние важнейших социальных сфер жизни человека – здравоохранения и социального обеспечения и в конечном итоге состояние социально-экономического развития страны в целом.

Состояние продовольственной безопасности, зависящее от физической и экономической доступности продуктов питания, может измеряться системой показателей и индикаторов, установленных для определенного уровня и масштаба систем регулирования и управления продовольственной безопасностью в том или ином регионе или в стране в целом. «Показателями продовольственной безопасности являются количественные и качественные характеристики состояния продовольственной безопасности, позволяющие оценить степень ее достижения на основе принятых критериев. Индикаторы продовольственной безопасности выражены количественными или качественными пороговыми значениями признака, по которым проводится оценка степени обеспечения продовольственной безопасности» [2, пп. 2д, 2е].

Обоснование выбора показателей оценки и определение их пороговых значений относится к задачам научного поиска, что объясняется с нескольких позиций.

Во-первых, с позиции институционального подхода. Институтами выступают системы «формальных и неформальных правил»: принятая законодательно-нормативная база, система стандартов (отраслевых, корпоративных), а также система мер государственной экономической политики, которой должны следовать ответственные за обеспечение продовольственной политики лица и организации.

Во-вторых, с позиции уровневого подхода. Уровни управления и регулирования систем продовольственной безопасности можно рассматривать в зависимости от задач исследования: от федерального и регионального до отраслевого, корпоративного и семейного. Поэтому проектирование систем показателей по содержанию, по отношению к уровню управления системой продовольственной безопасности является индивидуальным в рамках каждого проводимого исследования. На правительственном уровне пороговые значения показателей установлены «как отношение объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутреннего потребления в отношении зерна, сахара, растительного масла, мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов, рыбы и рыбопродуктов, картофеля, овощей, фруктов, ягод, семян и соли» [8]. Однако, как мы уже отметили, объем производства может иметь не только тенденцию роста, но и сокращения, что приведет и к сокращению показателей внутреннего потребления и может негативно сказаться на оценке состояния продовольственной безопасности.

В-третьих, с позиции реализуемых национальных проектов, государственных программ и мер государственной поддержки, оказываемых в рамках проектов и программ. Тематического национального проекта по продовольственной безопасности нет, поскольку каждый из принятых и реализуемых проектов так или иначе касается здоровья и благополучия всего общества и отдельно взятого человека, что неотделимо от вопросов физической и экономической доступности продуктов питания, т.е. от обеспечения продовольственной безопасности. За счет реализации мер, предусмотренных национальными проектами РФ, обеспечивается выполнение ключевых направлений государственной политики в сфере обеспечения продовольственной безопасности.

Организационные основы обеспечения продовольственной безопасности, сформированные в Доктрине продовольственной безопасности [1], должны быть использованы для дальнейшего теоретико-методологического развития механизмов анализа, оценки и принятия своевременных решений в данной сфере.

Литература:

1. Продовольственная и Сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций (ФАО). – URL: http://www.unrussia.ru/ru/agencies/

prodovolstvennaya-i-selskokhozyaistvennaya-organizatsiya-obedinennykh-natsii-fao
2. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
5. Импортозамещение в АПК России: проблемы и решения / О.В. Абашева, Т.Л. Безрукова, К.Е. Вахневич [и др.]. – М.: ООО «Русайнс», 2018. – 412 с.
6. Цветкова П.И., Дубова Ю.И. Импортозамещение в пищевой промышленности в условиях санкций // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. – 2021. – № 3 (449). Вып. 72. – С. 258–264.
7. Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11188
8. Миргородская М.Г., Аничкина О.А. Комплексный подход в решении проблемы финансового обеспечения продовольственной безопасности страны // Инновационное развитие экономики, 2023. – № 4 (76). – С. 126–134.

Theoretical Development of the Russian State Policy in the Field of Food Security

Glinberg V.A.
K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

The article examines the essence of food security and import substitution as one of the main directions of state policy to ensure it. Within the framework of theoretical and methodological aspects of the development of food security, the risk-forming factors of the food market and approaches to substantiating the choice of indicators and indicators for assessing food security are identified.

Key words: food security, import substitution policy, food market, risk-forming factors, food security indicators

УДК 338.43:339.98

Аналитический обзор состояния молочной отрасли России в контексте антироссийских санкций

Демидова Е.В.
Кандидат экономических наук, доцент
кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета

Анализируются современное состояние и основные проблемы развития российской молочной отрасли в свете введенных в отношении нашей страны многочисленных, в том числе продовольственных, санкций. Рассматриваются такие важнейшие показатели, как производство и потребление молока и молочной продукции, динамика экспорта и импорта и др.

Ключевые слова: молочная промышленность, молоко и молочная продукция, санкции, рынок, производство, потребление, экспорт, импорт

Российская молочная отрасль является стратегически важным звеном отечественной пищевой индустрии как с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности страны, так и выступая индикатором уровня жизни населения. Молоко и молочные продукты занимают значительную долю в рационе населения – годовое потребление составляет около 16 % от всех видов продуктов [1].

В настоящее время Россия входит в пятерку мировых производителей молока и молочной продукции с долей порядка 4,3 %. А в свете мировых событий последних лет (пандемия *COVID*-19, глобальные антироссийские санкции) отечественная молочная промышленность оказалась одной из наиболее устойчивых, сумев сохранить, в отличие от многих других отраслей, свою конкурентоспособность и независимость от импортных поставок сырья и готовой продукции (доля импорта молока и молочных продуктов в Россию не превышает 15 % уже многие годы [1]).

Рассмотрим основные показатели функционирования молочной промышленности России. Так, в последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция роста производства молока (табл. 1). В 2022 г. на территории России всего было произведено 32,6 млн т сырого молока (+0,8 % к показателю 2021 г.), в том числе товарного молока, направляемого в промышленную переработку – 24,6 млн т (+3,3 %) [2]. Рост производства товарного молока, в свою очередь, формирует ресурсную базу для производства молокоемких категорий продукции, таких как сыры, сухое молоко и сливочное масло (табл. 1).

В 2022 г. было открыто свыше 200 новых высокотехнологичных молокоперерабатывающих комплексов (всего с начала 2012 г. – около 1600 таких

Таблица 1

Динамика производства молока и молокоемких видов продукции в РФ за 2014–2022 гг. [2]

Наименование продукции	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Товарное молоко, млн т	19,4	19,8	20,3	21,0	21,5	22,5	23,5	23,8	24,6
Питьевое молоко, млн т	5,3	5,4	5,6	5,4	5,5	5,4	5,6	5,7	5,8
Сыры и сырные продукты, тыс. т	499	589	605	652	673	721	767	845	877
Сухое молоко и сливки, тыс. т	149	124	116	155	153	176	172	200	227
Сливочное масло, тыс. т	250	256	251	270	267	269	277	282	314

комплексов [3]). Однако сектор переработки молока показал неоднозначные результаты (табл. 2). Так, в структуре производства основных видов молочной продукции наибольший удельный вес традиционно занимает кефир (20 %), далее идут сыры и йогурты (по 15 % каждый), сметана (12 %), мороженое и творог (по 10 %), сливочное масло (8 %), сливки (6 %), ряженка и варенец (5 %).

Таблица 2

Производство основных видов молочной продукции в натуральном выражении за 2020–2022 гг. [2]

Наименование продукции	2020 г., т	2021 г., т	2022 г., т	Абсолютный прирост за 2020–2022 гг., т	Темп прироста, 2022/2020, %
Масло сливочное	310676,82	298294,5	342459,7	31782,88	10,23
Мороженое	450831,34	527188,15	468075,41	17244,07	3,82
Сливки	187558,41	235277,13	250033,94	62475,53	33,31
Сыры	566078,42	602181,69	669017,39	102938,97	18,18
Творог	491278,72	491469,27	457315,28	-33963,44	-6,91
Йогурт	809548,92	818647,74	691633,43	-117915,49	-14,57
Ряженка и варенец	227426,64	226147,68	203061,63	-24365,01	-10,71
Кефир	964206,32	941152,91	895187,93	-69018,39	-7,16
Сметана	531963,79	535668,01	533884,79	1921	0,36

Как видно из таблице 2, в 2022 г. значительно возросли объемы выпуска сливок (+ 33,31 %), сыров (+18,18 %) и сливочного масла (+10,23 %). Причем в сегменте производства сливок рост объемов выпуска был максимальный – со 187,6 тыс. т в 2020 г. до 250 тыс. т в 2022 г. Увеличению производства способствовало в том числе сокращение импортных поставок данных видов продукции из стран дальнего зарубежья – Новой Зеландии и Латинской Америки. Импортные поставки питьевого молока, сливок, сухого обезжиренного и сухого цельного молока в 2022 г. показали минимальные значения за всю современную историю. При этом уровень самообеспечения молоком и молочной продукцией в России в 2022 г. составил 85,9 %, что на 1,6 % больше показателя 2021 г. и на 3,5 % – значения 2017 г. [3].

Вместе с тем заметно снизились, по сравнению с кризисным 2020 г., объемы выпуска кисломолочной продукции. Больше всего сократилось производство йогуртов (–14,57 %), ряженки и варенца (–10,71 %), кефира (–7,16 %) и творога (–6,91 %). Отчасти это связано с антироссийскими санкциями, затронувшими поставки зарубежных заквасок, необходимых для производства кисломолочной продукции. До 2022 г. российские производители импортировали порядка 80 % всех используемых заквасок. Основными поставщиками в данном сегменте были датские биотехнологические компании *Chr.Hansen* (доля рынка 45 %) и *Danisko* (35 %) [4]. В России производством заквасок занимаются ФГП «Экспериментальная биофабрика» в г. Углич и ГК «СОЮЗСНАБ», однако их совместная доля в общем объеме выпуска и продаж кисломолочных заквасок составляет всего 22 %. В целом производство кисломолочной продукции за 2022 г. сократилось на 7,4 % [4].

Еще одной устойчивой тенденцией последних лет является рост молочной продуктивности на фоне ежегодного снижения поголовья коров. Так, всего в РФ около 8 млн дойных коров, 38 % которых содержится в крестьянских подворьях и 62 % – в крестьянско-фермерских хозяйствах (КФХ) и сельскохозяйственных организациях (СХО) [3]. В целом поголовье коров за последние 10 лет сократилось с 8430 тыс. в 2013 г. до 7734 тыс. голов в 2023 г. Наибольшее падение наблюдается в хозяйствах населения (-27 % за 10 лет) и СХО (-9 %); вместе с тем поголовье коров в КФХ, напротив, возросло на 43 % (с 1018,47 тыс. в 2013 г. до 1464,9 тыс. голов в 2022 г.) [2; 3].

Несмотря на снижение поголовья коров, показатель надоев молока увеличивается с каждым годом – с 3,8 т в 2013 г. до 5 т в 2022 г. в расчете на одну корову. Специалисты связывают повышение продуктивности с процессом восстановления рационов (+7 % в СХО) после падения данных показателей в большинстве субъектов РФ в 2021 г. [2].

Если рассматривать динамику потребления молока и молочных продуктов, то здесь внимания заслуживают следующие моменты. Так, согласно данным Росстата, за 2022 г. реальные доходы населения РФ снизились на 1,5 % (рис. 1), и на эту же величину сократилось потребление молочной продукции, в то время как по итогам 2021 г. этот показатель вырос на 10 % (по разным оценкам, потребление молока составляет от 170 до 240 л на душу населения в год).

Общие продажи молочной продукции в 2022 г. по сравнению с 2021 г. снизились на 0,3 % и составили 11,97 млн т. Снижение доходов россиян сказалось на внутреннем спросе на дорогостоящие молочные продукты, такие как творог, мороженое, йогурты, молочные десерты и др. Однако спрос на питьевое молоко не сократился, напротив, его продажи возросли в 2022 г. на 3,1 % [2].

Снижение реальных доходов населения оказалось не единственным фактором, повлиявшим на падение спроса в молочной отрасли; этому способствовал также рост цен на молоко и молочную продукцию в 2022 г., ставший максимальным за последние 5 лет (+18,5 % к 2021 г.).

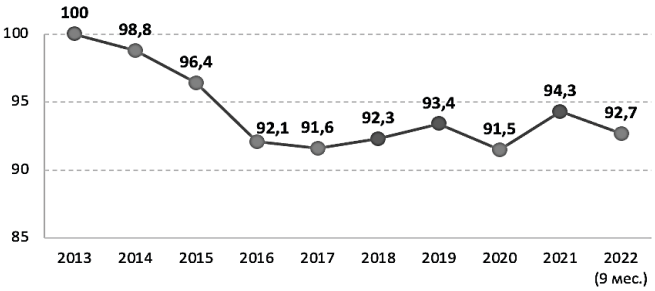

Рис. 1. Реально располагаемые денежные доходы населения (2013 г. = 100 %), % [3]

На рисунке 2 представлена динамика индексов цен производителей и потребителей на молочную продукцию за 2020–2022 гг. Так, что касается индекса цен производителей, с начала 2022 г. происходит резкий скачок цен (до 104,14 % в апреле 2022 г.), затем – резкий спад, в результате чего в июле индекс цен на молочную продукцию достиг своего минимального значения за 2022 г. (99,86 %); это при том, что минимальные значения индекса составили в 2021 г. – 100,27 %, в 2020 г. – 99,68 %. С середины и до конца 2022 г. ситуация относительно стабилизируется, значения индекса цен производителей на молоко и молочную продукцию снижаются до средних значений 2020–2021 гг.

Индекс потребительских цен на молоко и молочную продукцию за три месяца с начала 2022 г. вырос примерно на 3,5 %, достигнув своего максимального значения в марте 2022 г. (104,8 %). Как можно заметить на рисунке 3, индекс потребительских цен растет вслед за индексом цен производителей, что говорит о том, что производители компенсируют рост себестоимости за счет увеличения конечных цен на производимую продукцию.

Значительному удорожанию молочной продукции способствовал сложившийся дефицит и стремительный рост цен на упаковку, связанный с антироссийскими санкциями со стороны коллективного Запада. В среднем стоимость упаковки составляет 17 % от стоимости конечного продукта. Доля импортной упаковки и ее основных компонентов на российском рынке составляла около 50 %. Основными поставщиками были шведская *Tetra Pak*, финская *Stora Enso* и норвежская *Elopak* (крупнейший мировой производитель картонной упаковки для жидких пищевых продуктов) [4]. Компания *Tetra Pak* покинула российский рынок в октябре 2022 г., оставив после себя крупнейшее в Восточной Европе предприятие – АО «Упаковочные системы» (в подмосковном г. Лобне), которое сейчас работает с полной загрузкой.

Еще одной проблемой, напрямую связанной с упаковкой молока и молочной продукции, стал запрет стран ЕС на ввоз в Россию полиграфического, в том числе лакокрасочного, сырья для изготовления пищевой упаковки, объемы импорта которого ежегодно составляли порядка 2,5 тыс. т в год (80 % от всего используемого в отрасли лакокрасочного сырья) [5]. В целом в 2022 г. рост цен на пищевую упаковку составил от 40 до 50 %. А это, в свою очередь, сказалось на конечной цене молочных продуктов.

В связи с осложненной внешнеполитической ситуацией резко сократились экспортные поставки российской молочной продукции (–15 % в 2022 г.

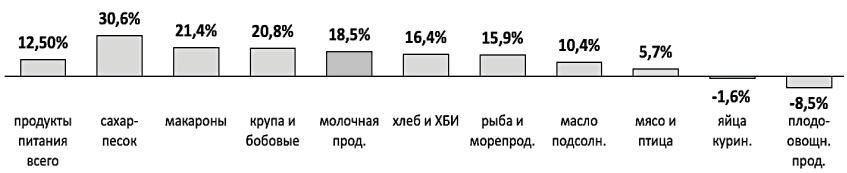

Рис. 2. Динамика потребительских цен на продовольственные товары (октябрь 2022 г. к октябрю 2021 г.) [3]

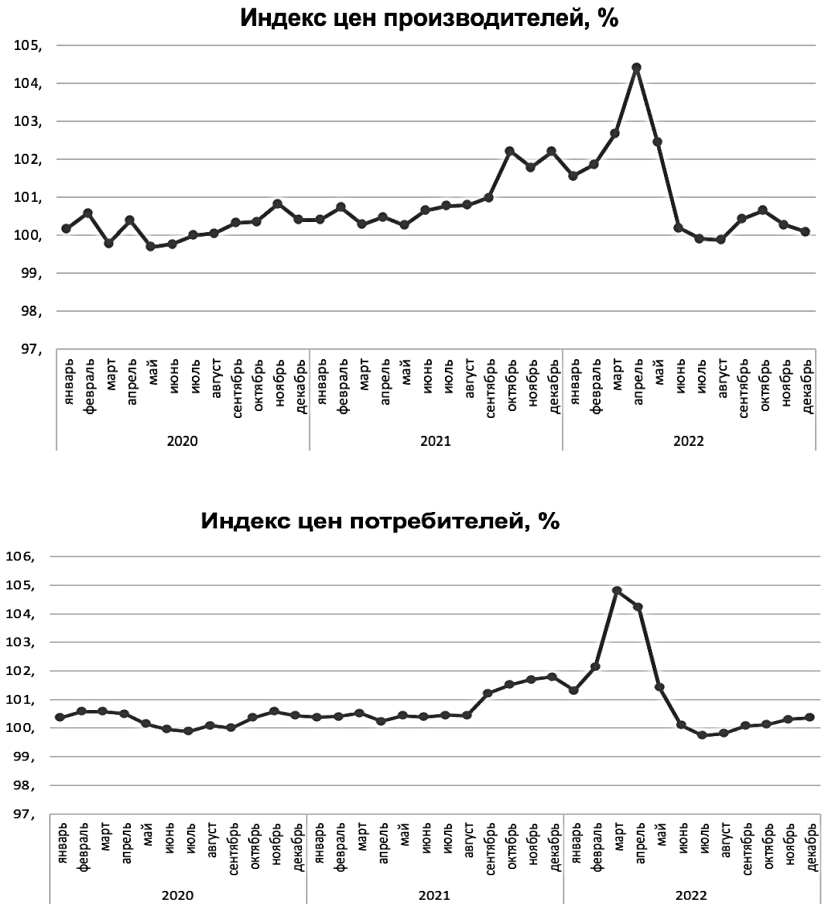

Рис. 3. Динамика индексов цен производителей и потребителей на молоко и молочную продукцию в 2020–2022 гг., % [2; 3]

по сравнению с 2021 г.); до этого наблюдался планомерный рост. Всего в 2022 г. из России было вывезено 857 тыс. т молочной продукции, что на 145 тыс. т меньше, чем в 2021 г. (рис. 4). Однако в денежном выражении объем экспорта увеличился на 6 % по сравнению с 2021 г. и составил порядка 500 млн долл. (для сравнения, в 2021 г. – 470 млн долл., в 2018 г. – 294 млн долл.). Наибольший прирост поставок наблюдается в страны ближнего зарубежья (+31,7 % в Казахстан, +11,2 % в Узбекистан, +5,3 % в Абхазию) – 90 % всего экспорта; остальные 10 % идут в Китай и страны Персидского залива [6]. Доля стран дальнего зарубежья в географической структуре российского экспорта молочной продукции сократилась с 14 до 12 %. Сокращение отмечено по всем категориям молочной продукции, кроме сухого и сгущенного молока и сырных продуктов с заменителем молочного жира. Максимальное сокращение экспортных поставок наблюдалось в США, Китай и Украину.

Таким образом, аналитический обзор современного состояния российского рынка молока и молочной продукции показал, что сложная внешнеполитическая обстановка 2022 г., сопровождающаяся многочисленными санкционными ограничениями в отношении России, оказала существенное влияние на общие результаты развития молочной отрасли страны.

С одной стороны, перед российскими производителями молока и молочной продукции возникло множество проблем, связанных в том числе с необходимостью импортозамещения важнейших производственных компонентов, в том числе основных упаковочных и лакокрасочных материалов, кисломолочных заквасок, а также необходимостью поиска новых поставщиков техники и оборудования, применяемых в производстве. Помимо этого, необходимость восстановления разрушенных логистических цепочек поставок продукции и поиска новых зарубежных рынков сбыта привели к тому, что российским производителям молока и молочной продукции пришлось в короткие сроки научиться приспосабливаться к трудностям, чтобы не только не потерять, но и даже нарастить объемы выпуска по многим видам молочной продукции.

Текущая ситуация открывает возможности увеличения экспорта молока и молочной продукции в страны Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки. В настоящее время объем мирового продовольственного рынка оценивается в 1,5 трлн долл. [7], на котором Россия незаслуженно занимает довольно скромное место (1,8 %), несмотря на значительные объемы земельных и водных ресурсов, необходимых для производства продовольствия, в том числе молока и всех видов молочной продукции.

Период адаптации к новым экономическим условиям будет продолжаться еще достаточно долго, однако многие из проблем уже нашли свое решение, а предприятия молочной промышленности продолжают свою деятельность и настроены на дальнейшее перспективное развитие отрасли.

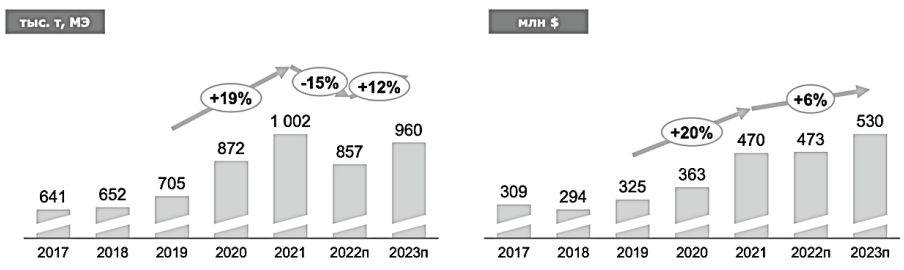

Рис. 4. Динамика экспорта молочной продукции из России в молочном и денежном эквивалентах за 2017–2022 гг. [3]

Литература:

1. Кривенко Е.И. Мониторинг состояния и перспектив развития отраслевого рыночного сегмента и производственного сектора народного хозяйства // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2021. – Т. 83. № 2 (88). – С. 320–335.
2. Развитие молочной индустрии России: итоги 2022 года и прогноз на 2023 г. // Национальный союз производителей молока. – 2023. – URL: https://veterinary.lenobl.ru/media/news/docs/55995/Итоги_развития_молочнои_отрасли._Прогноз_2023.pdf (дата обращения: 27.10.2023).
3. Пирогов А. Молоко в решете: итоги работы отрасли в 2022 г. и перспективы на 2023 г. // Федеральный Бизнес-журнал. – URL: https://dzen.ru/a/Y9eJGZdM9RGpFAJR (дата обращения: 01.11.2023).
4. Упаковка и закваска: как российские молочники преодолевают санкции. – URL: https://www.rbc.ru/opinions/business/04/08/2022/62e

bbc6b9a7947bed3464221 (дата обращения: 02.11.2023).
5. Перспективы развития российского рынка упаковки в условиях санкций. – URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/analitiki-gruppy-o-perspektivakh-razvitiya-rossiyskogo-rynka-upakovki-v-usloviyakh-sanktsiy/ (дата обращения: 02.11.2023).
6. Андрианова Е.В, Давыденко В.А, Худякова Ю.А. Парадоксы современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8. № 1 (29). – С. 51–101.
7. Максимов А.Ф. Факторы и прогноз развития сельскохозяйственной потребительской кооперации на рынке молока и молочной продукции // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2019. – № 10 (50). – С. 117–123.

Analytical Review of the State of the Russian Dairy Industry in the Context of anti-Russian Sanctions

Demidova E.V.
Kazan National Research Technological University

The current state and the main problems of the development of the Russian dairy industry are analyzed in the light of the numerous, including food, sanctions imposed on our country. Such important indicators as the production and consumption of milk and dairy products, the dynamics of exports and imports, etc. are considered.

Key words: dairy industry, milk and dairy products, sanctions, market, production, consumption, export, import

УДК 331.526

Дефицит трудовых ресурсов как основной вызов и главная угроза устойчивого роста экономики России в кратко- и среднесрочных перспективах

Зарезнов Д.А.
Соискатель кафедры строительных материалов
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Шлычков В.В.
Заместитель начальника Межрегионального филиала
Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению
деятельности Казначейства России» в г. Казани

Авторы на основе ретроспективного анализа рассматривают эволюцию научных категорий «труд» и «трудовые ресурсы», определяют их роль и значение в общей системе факторов производства. В работе при помощи статистико-экономических методов и ситуационного анализа дана оценка текущего состояния российского рынка труда и доказывается факт того, что его дисбаланс и сформировавшийся дефицит трудовых ресурсов являются реальными препятствиями дальнейшего роста экономики. Основываясь на результатах факторного анализа, исследователи доказывают необходимость формирования актуальной государственной кадровой политики и реализации комплексного подхода при решении задач по обеспечению кадрового суверенитета страны. Опираясь на доказательный подход и экспертные оценки, в статье обосновывается необходимость трансформации существующей системы подготовки кадров, её переориентации на потребности производственно-промышленного сектора.

Ключевые слова: труд, трудовые ресурсы, экономический рост, рынок труда, система подготовки кадров, государственная кадровая политика, стимулы к труду

Английский ученый Уильям Пэтти (1623–1687), являясь одним из основоположников классической буржуазной политэкономии, в своих работах впервые высказал идею абстрактности труда, сделал попытку количественного измерения человеческого капитала и рассматривал труд в качестве главного источника общественного богатства, утверждая, что «труд – отец богатства, земля – его мать» [1]. Впоследствии, разрабатывая инициируемую им трудовую теорию стоимости, представители классической школы политической экономики А. Смит, Д. Рикардо. Т. Мальтус и др. выделили четыре фактора производства: земля, капитал, труд и предпринимательская деятельность, при этом определив сферу производства в качестве основного источника прироста национального богатства. В последующем, марксисты стали рассматривать труд как «источник всякого богатства» [2, с. 136] и «условие существования людей» [3, с. 198], как процесс соединения рабочей силы со средствами производства для создания материальных или духовных благ, при этом отожествляя труд с ресурсом необходимым для функционирования экономики. В ходе дальнейшего развития экономической мысли представители вновь возникших научных школ и направлений включили в перечень факторов производства ин-

формационные и инновационные ресурсы, однако никто из них даже не предпринимал попыток пересматривать значение и роль труда в производственном процессе, и трудовые ресурсы по-прежнему остаются ключевым элементом создания материальных и духовных ценностей.

Труд или трудовые ресурсы является социально-экономической категорией, имеющей как качественные, так и количественные характеристики. Основным критерием отнесения конкретного субъекта к трудовым ресурсам является его соответствие законодательно установленному в стране возрасту начала и завершения трудовой деятельности, границы которой являются достаточно динамичными и предопределяются как текущей социально-экономической ситуацией в обществе, так и психофизиологическим состоянием конкретной личности. Нижняя граница трудоспособности установлена Трудовым кодексом РФ на уровне 16 лет, а верхняя, начиная с 2019 г., ежегодно повышается и к 2028 г. должна достигнуть 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. В соответствии с собственным Приказом от 29.09.2017 г. № 647 «Об утверждении Методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда» в настоящее время Росстат включает в состав трудовых ресурсов трудоспособное население в трудоспособном возрасте (постоянное население за исключением неработающих инвалидов 1–2 групп и пенсионеров-льготников) и работающих лиц, находящихся за пределами трудоспособного возраста (пенсионный возраст и подростки), а также иностранных трудовых мигрантов (рис. 1) [4].

По степени участия в создании общественного продукта трудовые ресурсы делятся на экономически активную (безработные и занятые в экономике) и неактивную (не работают и не ищут работу) часть. Кроме этого, существуют классификации по сфере деятельности, функциональным обязанностям, длительности и форме трудовых отношений, уровню квалификации и т.д. При этом, на взгляд авторов, крайне важно отметить, что трудовые ресурсы качественно отличаются от других ресурсов, т.к. в силу наличия сознания, личной воли и возможности самоопределения человек, являющийся субъектом трудовой деятельности, самостоятельно контролирует свое положение на рынке и может влиять на условия труда, требовать их пересмотра и в конечном итоге в любой момент прервать трудовые отношения, т.е. исключить себя из процесса производства вне зависимости от намерений и интересов иных его участников. А это означает, что результативность привлечения субъектов на рынок труда и эффективность управления трудовыми ресурсами в процессе производства могут быть достигнуты исключительно формированием положительной мотивации у работников через применение системы морального и материального стимулирования.

Рис. 1. Состав трудовых ресурсов

Текущее состояние трудовых ресурсов в социально-экономической системе государства оценивается, исходя из численности трудоспособного населения (социально-демографический параметр), уровней профессиональной подготовки и квалификации (профессионально-квалификационный критерий), территориального размещения (экономико-географический фактор), а также культурных и религиозных традиций (культурно-образовательный признак). В дальнейшем, сопоставляя полученный результат с прогнозируемыми уровнями производства и занятости, мы имеем возможность измерить влияние ограничений по трудовым ресурсам на процесс экономического роста и выявить дисбаланс, существующий на внутреннем рынке труда.

Проведенный авторами анализ официальных статистических данных показал, что по состоянию на конец 2023 г., вследствие снижения предложений рабочей силы на российском рынке труда и отсутствия возможности полностью нивелировать негативные последствия этого процесса за счет повышения его производительности, труд трансформировался в основной фактор сдерживающий рост национальной экономики, и внутренний рынок не способен обеспечить экстенсивный путь развития дополнительными трудовыми ресурсами. Прежде всего Россия в полной мере испытывает на себе воздействие общемировой тенденции старения населения, и прогнозируемое к 2030 г. естественное сокращение россиян на 3,2 млн чел. [4], бесспорно, негативно отразится на количественных показателях трудовых ресурсов. При этом из реального сектора экономики с начала Специальной военной операции (далее – СВО) в рамках частичной мобилизации было отчуждено 350 тыс. чел., а с 1 января 2023 г. 420 тыс. россиян заключили контракты с Министерством обороны РФ, и по заявлению зампреда Совбеза РФ Д.А. Медведева «эта работа будет продолжена и в следующем году» [5]. С учетом того, что после начала СВО около 1 млн трудоспособного населения покинули Россию, нельзя не согласиться с мнением руководителя Минэкономразвития РФ М.Г. Решетниковым о том, что на сегодняшний день для российской экономики «основная проблема – это человеческий ресурс» и «дефицит кадров и количественный, и качественный является серьезным

системным вызовом» [6]. Аналогичную позицию занимает и Председатель ЦБ РФ Э.С. Набиуллина, заявившая в ноябре 2023 г. о том, что «в экономике практически не осталось рабочих рук» и «ситуация с кадрами в стране очень острая» [7].

Однако необходимо признать, что проблема дефицита кадров, хотя и значительно обострилась с началом СВО, но стала «системной» значительно раньше, ещё в процессе трансформации российской экономики и перехода от командно-административных к рыночным основам её функционирования. Именно в тот исторический период в стране была разрушена единая и плановая система подготовки кадров для народного хозяйства, адекватную замену которой пока так и не удалось создать. При этом достигнутый в сентябре 2023 г. уровень безработицы в 3 % [4] позволяет с высокой степенью достоверности заявлять о том, что конкуренция на российском рынке труда находится в зоне «арифметической погрешности» и у работников отсутствуют какие-либо стимулы к расширению профессиональных навыков и овладению новых компетенций. В то же время, в условиях возрастания дефицита кадров ЦБ РФ зафиксировал устойчивый тренд роста зарплат «вне прямой зависимости от результатов работы» [8, с. 12], мотивированный исключительно необходимостью сохранения уже задействованных в производстве трудовых ресурсов. Из этого следует, что прогнозируемый в 2023 г. реальный рост зарплат на 5,4 % [4] в значительной степени будет обусловлен не повышением эффективности отдельных предприятий и сфер экономики, а предотвращением возможных волнообразных увольнений работников, которые постепенно сегодня превращаются в устойчивую тенденцию [9].

Представленные выше результаты научного анализа подтверждаются и практикой субъектов финансово-хозяйственной деятельности. На прошедшем 13 ноября 2023 г. в Казани форуме «Кадры снова решают все», в работе которого, наряду с чиновниками и экспертами, приняли участие более 300 руководителей крупнейших предприятий и владельцев бизнеса, отмечалось, что зафиксированный в городе «экстремально низкий уровень безработицы в 0,38 %» лишает работодателей возможности привлечения квалифицированных специалистов [10], и они вынуждены идти на компромиссы и снижать требования к потенциальным кандидатам, что негативно сказывается как на качестве товаров и услуг, так и на общей устойчивости бизнеса. В условиях, когда у работодателей в Казани не заполнено более 30 тыс. вакансий, в краткосрочной перспективе речь вряд ли может идти об экономическом росте, и значительным достижением бизнеса будет являться даже простое сохранение существующих объемов производства. При этом «командиры» промышленности заявили о том, что дефицит среднего звена и рабочих кадров в российском производственном секторе составляет 660 тыс. чел., а «вечно инвестировать обороты бизнеса в повышение уровня зарплат не получится» и неизбежно приведет к снижению конкурентоспособности и его последующей ликвидации [10].

Каковы же пути преодоления сложившего дефицита кадров и механизмы формирования адекватного российского рынка труда?

Прежде всего авторы представленной работы убеждены в том, что эффективно решить проблему кадрового голода невозможно вне комплексного подхода, предполагающего реализацию адекватной реалиям кадровой политики и достижение баланса рынка труда экономическими методами одновременно с решением других системных проблем российской экономики. В то же время избранный Правительством РФ путь решения проблемы дефицита трудовых ресурсов через массовое привлечение мигрантов из азиатских республик бывшего СССР вряд ли приведет к позитивным изменениям на российском рынке труда, т.к. в силу своего менталитета приглашенные кадры не связывают в средне- и долгосрочной перспективе свое будущее с нашей страной и не предпринимают никаких усилий для интеграции в российское общество, более того, все чаще фиксируются факты (вплоть до экстремистских проявлений) навязывания прибывшими своих устоев и обычаев, идущих в разрез с традициями многонациональной культуры России. В подобной ситуации расходы по профессиональной подготовке и переподготовке трудовых мигрантов вряд ли будут экономически оправданы, а сам процесс столкнется с дополнительными трудностями из-за существования языкового барьера и значительных ментальных различий.

Тождественная сложившейся в экономике ситуации государственная кадровая политика должна исходить из того, что уменьшение емкости рынка труда стало устойчивым общемировым трендом и в настоящее время не существует механизмов для эффективного противодействия этому процессу, а значит, компенсировать естественную убыль населения можно только путем повышения КПД уже имеющихся в наличии трудовых ресурсов. С учетом зафиксированной крайне высокой потребности в квалифицированных рабочих и инженерно-технических специалистах среднего и высшего звена, именно на их подготовку должны быть направлены основные ресурсы бизнеса и государства, выживание и перспективы развития которых напрямую связаны с увеличением кадрового потенциала. Как было сказано выше, в первую очередь необходимо создать эффективный механизм морального и материального стимулирования для субъектов трудовой деятельности, реально заинтересовав их как в результатах, так и в «качестве» оказанных услуг

и произведенной ими конечной продукции, т.к. отсутствие надлежащей мотивации к труду превращает индивидуума в «нестабильный» и малоэффективный фактор производства. На первоначальном этапе целесообразно переосмыслить квалификационные требования к работнику, занимающему конкретную должность, приведя уровень его навыков и компетенций в соответствие с реальными запросами промышленно-производственного сектора и масштабом решаемых им задач, при этом не боясь минимизации и отказа от избыточных и ограниченно применяемых профнавыков, т.к. наличие подобной практики свидетельствует о неэффективности процесса управления трудовыми ресурсами. Необходимо провести балансировку личного вклада работника в производственный процесс и размера получаемого им материального вознаграждения, при этом гармонизировав интересы последнего с заинтересованностью работодателя, государства и общества в целом. Каждый работник должен осознавать, что его личное материальное благополучие и благополучие его семьи в значительной мере будет обусловлено степенью и объемом его вклада в создание общественного богатства, а наличие высокой квалификации и дальнейшее поддержание её конкурентоспособного уровня являются гарантией востребованности на рынке труда в течение всего периода его экономической активности.

В то же время заинтересованные в личностном росте россияне смогут результативно реализовать свои запросы в сфере общего и профессионального образовании, только если в стране будет переформатирована существующая система обучения и подготовки кадров, претензии к низкой эффективности которой общество высказывает на протяжении последних десятилетий, причем справедливой, на наш взгляд, критике подвергаются практически все стадии и формы обучения, начиная со школьного и заканчивая послевузовским образованием. Показательно, что как сами обучающиеся, так и потенциальные работодатели и иные заинтересованные лица прежде всего указывают на недостаточную адекватность российской системы образования существующим социально-экономическим реалиям, отсутствие учебно-лабораторной базы мирового уровня и актуальных программ обучения, а также на несоответствие «качества» подготовленных кадров текущим запросам национальной экономики и их низкую конкурентоспособность на глобальном рынке. При этом отдельные и, бесспорно, значимые успехи России в сфере подготовки кадров из-за высокой инертности государственного аппарата не всегда оперативно масштабируются и достаточно часто утрачивают свою актуальность еще до начала их массового внедрения в учебный процесс, в силу чего не так эффективно влияют на общие «качественные» характеристики российского кадрового потенциала, который в значительной мере и предопределяет уровень технического и технологического развития страны. Более того, на практике мы наблюдаем несогласованность учебных программ и образовательных стандартов разных этапов и стадий образовательного процесса, к тому же отягощенных перманентным состоянием реформирования национальной системы образования и явно избыточной её бюрократизации. В то же время, несмотря на предпринимаемые государством усилия, приступающие к активной экономической деятельности после соответствующей подготовки субъекты по-прежнему нуждаются если и не в «переучивании», то как минимум в стадии адаптации и трансформации полученных навыков и компетенций к сложившейся производственно-хозяйственной практике, что говорит об отсутствии устойчивой и корреляционной связи сферы образования с производственным сектором.

В заключение позволим сформулировать следующие выводы:

1. Проблема дефицита кадров в настоящее время стала одним из главных препятствий на пути развития российской экономики, а сложившийся дисбаланс национального рынка труда труднопреодолимым барьером её роста в кратко- и среднесрочных перспективах.

2. Гарантировать кадровый суверенитет и обеспечить экономику необходимыми для её развития «качественными» и достаточными по объему трудовыми ресурсами возможно только в рамках комплексного подхода в сочетании с решением системных проблем, таких как обеспечение кадрового и технологического суверенитета, проведение структурной перестройки экономики и деиндустриализации, географического и отраслевого перераспределения ресурсов и т.д.

3. Адекватная сегодняшним реалиям кадровая политика не должна быть обременена идеологической нагрузкой и опираться исключительно на фундаментальный научный анализ текущей социально-экономической ситуации, а разработанные механизмы и способы её реализации должны быть реалистичными, эффективными и по своим масштабам тождественными степени сложившихся геополитических и геоэкономических угроз.

4. Трансформированные в рамках реализации национальной кадровой политики модель морально-экономического стимулирования и система подготовки кадров должны гармонизировать интересы всех субъектов процесса развития экономики России, став комплексным инструментом всесторонней их мотивации к активизации финансово-экономической деятельности и действенным механизмом получения необходимых для этого образования и квалификации, а также локацией освоения востребованных навыков и компетенций.

5. В объективно существующих реалиях процесса старения населения компенсировать естественную убыль трудовых ресурсов можно только через повышение производительности и интенсификацию труда сохранившихся на рынке рабочих рук, реализовать которые возможно за счет внедрения в производственные процессы инновационных технологий, таких как искусственный интеллект или нано-биотехнологии.

6. Российская система подготовки кадров должна повысить свое взаимодействие с реальным сектором экономики и планировать свою деятельность на долгосрочную перспективу, уже сегодня формируя перечень профессий будущего и закладывая потенциальные требования к их квалификации. Причем существующие на сегодня государственные и общественные ресурсы в приоритетном порядке должны направляться на подготовку кадров именно из этого перечня, т.к. экономическое развитие на основе расширенного воспроизводства просто невозможно без опережающего роста трудового потенциала, и если на разработку и освоение новых технологий требуются годы, то на массовую подготовку соответствующих квалифицированных специалистов потребуются десятилетия.

Литература:

1. Петти В. Избранные работы: «Трактат о налогах и сборах», 1662 г.; «Verbum sapienti» («Слово мудрым»), 1664 г.; «Разное о деньгах», 1682 г. – М.: Ось-89, 1997. – 110 с.
2. Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1941. – 338 с.
3. Маркс К. Капитал. Т. 1. – М.: ООО «Издательство АСТ, 2001. – URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/Marks_K_Kapital_Tom_Perviyyi.a6_.pdf
4. Статистика // Федеральная служба госстатистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistic
5. Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев посетил военный полигон «Алабино» в Московской области. – URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3592/
6. Решетников назвал аномально низкую безработицу тормозом для экономики. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6198656
7. Набиуллина: в экономике почти не осталось рабочих рук. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6323110
8. О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки / Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования. – URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/43700/bulletin_23-01.pdf
9. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Сегодня и завтра российской экономики: вызовы 2022 года, новые реалии и неопределенности развития // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 2 (58). – С. 101-112.
10. «Я хотел видеть город-магнит, в который будут приезжать все»: как в Татарстане борются с утечкой кадров. – URL: https://www.business-gazeta.ru/article/613469

The Shortage of Labor Resources as the Main Challenge and the Main Threat to the Sustainable Growth of the Russian Economy in the Short and Medium Term

Zareznov D.A.
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering
Shlychkov V.V.
Interregional branch of the Federal State Institution «Center for ensuring the activities of the Treasury of Russia» in Kazan

Based on a retrospective analysis, the authors consider the evolution of the scientific categories "labor" and "labor resources", determine their role and importance in the general system of factors of production. The paper uses statistical and economic methods and situational analysis to assess the current state of the Russian labor market and proves the fact that its imbalance and the formed shortage of labor resources are real obstacles to further economic growth. Based on the results of factor analysis, the researchers prove the need to form an up-to-date state personnel policy and implement an integrated approach to solving problems of ensuring the country's personnel sovereignty. Based on an evidence-based approach and expert assessments, the article substantiates the need to transform the existing personnel training system, its reorientation to the needs of the industrial sector.

Key words: labor, labor resources, economic growth, labor market, personnel training system, state personnel policy, incentives to work

УДК 334.7

Предпринимательство в условиях пандемии COVID-19

Ибрагимова А.А.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

В работе рассматривается влияние COVID-19 на малое и среднее предпринимательство в России. Представлены результаты вторичного исследования «Предпринимательство в России», проведенного ВЦИОМ и авторского исследования в виде полуструктурированного интервью. Анализ результатов исследования выявил, что предприниматели в период COVID-19 столкнулись с рядом проблем, которые привели к тому, что предпринимателям пришлось изменить свою тактику ведения бизнеса: либо сократить свой бизнес или сократить персонал, либо применить новые методы ведения бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, малый и средний бизнес, COVID-19, антикризисные меры, риск-менеджмент

В 2020 г. общество столкнулось с пандемией коронавирусной инфекции, что привело к разработке и реализации антикризисных программ поддержки малого и среднего бизнеса [1], поскольку они в большей степени подвержены негативному воздействию рисков в силу ограниченности ресурсов и структурных особенностей [2]. Данное обстоятельство привело ко многим изменениям в социально-экономической жизни стран, в том числе и в функционировании и развитии малого и среднего предпринимательства. *COVID*-19 оказал большое влияние на изменение поведения и стиля жизни людей, бизнес, экономику в целом [3; 4].

Стремясь смягчить последствия от распространения *COVID*-19, большинство стран отреагировали на это, приняв различные меры, включая закрытие национальных границ, общественных мест и транспорта; введение комендантского часа, ограничение передвижения людей и физическое дистанцирование; запрет на проведение всех массовых мероприятий; изменение в способах работы предприятий, которые привели к закрытию некоторых организаций [5]. Из-за пандемии *COVID*-19 и последовавших за ней правительственных карантинных мер социально-экономическая система по всему миру столкнулась с более высоким уровнем экономической неопределенности, что привело к изменению способов взаимодействия людей, особенно в предпринимательской деятельности [6].

Пандемия *COVID*-19 в значительной степени затронула целые экономики стран по всему миру. В большинстве случаев именно организации малого и среднего предпринимательства, как наиболее финансово уязвимые, столкнулись с закрытием или другими серьезными экономическими потрясениями [7], например, были вынуждены сократить свою деятельность или принять меры по уменьшению расходов, в том числе снижение количества персонала. Наиболее подготовленные компании отреагировали обновлением бизнеса, в том числе внедрили инновации в своей деятельности. Ученые подчеркивают необходимость для «бизнеса внедрять изменения, подходящие для защиты или укрепления их от любых угроз, вызванных внешними потрясениями, в том числе для выживания, связанными с пандемией *COVID*-19, для того, чтобы создать конкурентноспособное предпринимательство» [8].

Итак, становится важным изучить влияние коронавирусной инфекции на эффективность малого и среднего предпринимательства. Цель исследования – разработать рекомендации для малого и среднего бизнеса в условиях неопределенного риска (на

примере *COVID*-19). Для достижения поставленной цели необходимо изучить динамику количества субъектов малого и среднего предпринимательства в доковидный, ковидный и послековидный периоды, проанализировать результаты социологических опросов.

В статье были использованы статистические данные Федеральной налоговой службы РФ по количеству субъектов малого и среднего предпринимательства, а также данные социологических опросов: мониторинговый опрос ВЦИОМ «Предпринимательство в России» и полуструктурированное интервью, проведенное автором статьи.

Согласно данным Федеральной налоговой службы, в России по состоянию на 10 ноября 2023 г. зарегистрировано 6 238 261 субъектов малого и среднего предпринимательства [9].

В начале 2020 г. (на 10 января) количество субъектов малого и среднего бизнеса составляло 5 916 906, а в августе 2020 г. (на 10 августа) уже снизилось на 5,5 % или 326 825 субъектов. Динамика количества субъектов малого и среднего предпринимательства за 2020 г. по месяцам представлена на рисунке 1.

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. произошло снижение количества субъектов предпринимательства в России, в том числе это весьма заметно отразилось на количестве субъектов малого предпринимательства, постепенно в 2022 г. происходит рост занимающихся предпринимательской деятельностью. Анализ количества субъектов предпринимательства в разрезе федеральных округов Российской Федерации за период с декабря 2019 по декабрь 2020 гг. показал, что снижение данного показателя варьируется от 3 до 4,4 % (Северо-Западный и Приволжский федеральные округа – по 4,4 %, Сибирский и Уральский федеральные округа – по 4,2 %, Южный федеральный округ – 3,9 %, Дальневосточный федеральный округ – 3,6 %, Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа – 3 %) [9].

С целью изучения отношения россиян к предпринимательской деятельности, в том числе в послековидный период, 29 апреля 2023 г. ВЦИОМ провел мониторинговый опрос «Предпринимательство в России» граждан России от 18 лет и старше [10]. В опросе приняли участие 1600 чел. Опрос охватывает данные за 15 лет. Вторичный анализ данных исследования показал, что респонденты в большинстве своем положительно относятся к людям, которые занимаются предпринимательством (мелким и средним бизнесом) (91,7 %). При этом чуть меньше половины опрошенных (42,8 %) отметили, что никогда не хотели иметь свой бизнес, стать предпринимателем и спустя 15 лет это решение не изменилось. Почти каждый десятый респондент имеет свой бизнес. Каждый пятый раньше хотел и сейчас хочет стать предпринимателем или раньше хотел, а сейчас не желает иметь свой бизнес (19,6 и 20,6 % соответственно). Лишь 4,4 % ставят перед собой цель открыть свой бизнес.

Несмотря на то что среди опрошенных небольшой процент тех, кто имеет свой бизнес или желает стать предпринимателем, анализ результатов исследования выявил, что в городе (селе), котором они проживают, есть достаточно хорошие условия для того, чтобы заниматься предпринимательской деятельностью (50 %). Плохие условия отметил каждый третий респондент (31,1 %). Выявлены различия в ответах тех, кто имеет свое дело и желает стать предпринимателем, и тех, кто не намерен открывать свой бизнес: достаточно хорошие условия для открытия своего бизнеса отмечают представители первой группы. Корреляция Пирсона выявила двухстороннюю связь между двумя переменными «желание открыть свой бизнес» и «наличие необходимых условий к городе (селе) для развития малого бизнеса, частного предпринимательства» на уровне 0,01. Возможно негативная оценка условий для ведения предпринимательской деятельности в своем городе (селе), является причиной нежелания стать собственником своего дела.

Несмотря на то что предпринимательство столкнулось в 2020 г. с большой проблемой в лице *COVID*-19, мониторинговое исследование показало, что предпринимательство в России за последние 15 лет весьма привлекательно и условия для бизнеса становятся более комфортными [10]. Хотя стоит отметить, что с 2013 по 2023 гг. увеличилось и достигло своего максимума за весь период измерения с 11 до 21 % тех, кто раньше хотел и задумывался о предпринимательской деятельности, но в настоящее время передумали и не имеют намерения к открытию своего бизнеса. Это может быть связано с тем, что в период коронавирусной инфекции некоторые субъекты малого и среднего предпринимательства понесли значительные потери и население боится столкнуться в будущем с аналогичными проблемами.

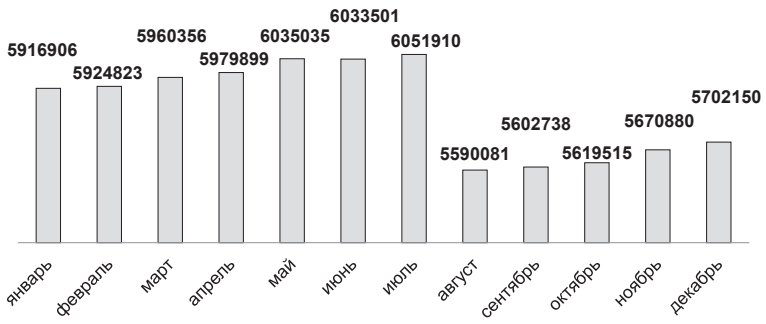

Рис. 1. Динамика количества субъектов малого и среднего предпринимательства по месяцам за 2020 г. [9]

Результаты количественного исследования были дополнены данными качественного исследования. Автором статьи

в 2023 г. было проведено социологическое исследование в виде полуструктурированного интервью предпринимателей, бизнес которых был открыт в период до 2020 г., т.е. до пандемии *COVID*-19. В интервью приняли участие 10 предпринимателей микро- и малого бизнеса. В бланке интервью один из блоков касался проблемы влияния *COVID*-19 на функционирование и развития бизнеса.

В ходе интервью были получены следующие ответы: «Моя организация работала в сфере общественного питания. Постепенно пришлось закрыть три из четырех кафе. На сегодняшний день осталось только одно кафе», «В период пандемии пришлось сократить рабочий персонал, так как без этой меры мой бизнес не смог бы остаться на плаву», «Пришлось применить инновационные меры, и компания перешли на платформенные бизнес-модели, создали каналы онлайн-продаж», «До сих пор мой бизнес находится в не очень хорошем положении, но так как я много отдал уже сил и времени, делаю все возможное, чтобы развивать свой бизнес». Исходя из этого, можно сделать вывод, что предприниматели выбрали для себя разные стратегии: 1) закрытие бизнеса, 2) сокращение бизнеса, 3) внедрение инноваций.

Анализ ответов респондентов показал, что предприниматели в период *COVID*-19 столкнулись с рядом проблем, которые привели к тому, что предпринимателю пришлось изменить свою тактику ведения бизнеса: либо сократить свой бизнес или сократить персонал, либо применить новые методы ведения бизнеса.

На основе результатов анализа статистических данных и социологических исследований, а также теоретического материала и опыта успешных российских и иностранных организаций, были разработаны рекомендации для малого и среднего предпринимательства, для их эффективного функционирования в условиях неопределенного риска. Необходимо предпринимать целенаправленные инициативы (меры) как на тактическом (для решения насущных проблем), так и на стратегическом (для перекалибровкиа бизнес-моделей) уровнях, чтобы быть готовым к разным видам рисков, с которыми может столкнуться бизнес. На первый план выходит антикризисное управление, которое имеет свои особенности для организации малого и среднего предпринимательства по причине самого объема бизнеса, и заключается в заранее разработанном комплексе реорганизационных мер (мероприятий), направленных на повышение сопротивляемости факторам внешней среды, усиления конкурентноспособности и т.д. И для того, чтобы разрабатывать антикризисные меры, необходимо выявлять потенциальные риски, с которыми могут столкнуться предприятия малого и среднего бизнеса, а значит, построить правильную систему риск-менеджмента. При ограниченности ресурсов и невозможности иметь в штате собственного риск-менеджера наиболее целесообразным передать ведение риск-менеджмента на аутсорсинг.

Литература:

1. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Нестулаева Д.Р. Российский малый и средний бизнес в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 6(452). – С. 207–216.
2. Гадоев Д.К., Махиянова А.В. Управление рисками в менеджменте // Актуальные проблемы финансирования и налогообложения АПК в условиях глобализации экономики: Сб. статей X всерос. науч.-практ. конф., Пенза, 15–16 марта 2023 г. – Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-тет, 2023. – С. 40–42.
3. McKibbin W., Fernando R. The economic impact of COVID-19. Economics in the Time of, COVID-19. – 2020. – P. 45–51.
4. Fairlie R., Fossen F.M. The early impacts of the COVID-19 pandemic on business sales // Small Business Economics. – 2021. – P. 1–12.
5. Anderson R.M., Heesterbeek H., Klinkenberg D., Hollingsworth T.D. How will country-based mitigation measures influence the course of the COVID-19 epidemic? // The Lancet. – 2020. – № 395(10228). – P. 931–934.
6. Brammer S., Branicki L., Linnenluecke M.K. COVID-19, Societalization, and the Future of Business in Society // Academy of Management Perspectives. – 2020. – № 34(4). – P. 493–507.
7. Khlystova O., Kalyuzhnova Y., BelitskiM. The impact of the COVID-19 pandemic on the creative industries: A literature review and future research agenda // Journal of Business Research. – 2022. – № 139. – P. 1192–1210.
8. Мусаева А.Д., Хузиева Э.Ф. Конкурентоспособность организаций после COVID-19 // Проблемы развития предприятий: теория и практика: Сб. статей X межд. науч.-практ. конф., Пенза, 17–18 апреля 2023 г. / Под науч. Ред. В.И. Будиной. – Пенза: Пензенский гос. аграрный ун-тет, 2023. – С. 481–484.
9. Официальный сайт Федеральной налоговой службы. – URL: https://rmsp.nalog.ru/
10. Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring

Entrepreneurship in the Context of the COVID-19 Pandemic

Ibragimova A.A.
Kazan State Power Engineering University,
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The paper examines the impact of COVID-19 on small and medium-sized enterprises in Russia. The results of the secondary research «Entrepreneurship in Russia» conducted by VTSIOM and the author's research are presented in the form of a semi-structured interview. Analysis of the results of the study revealed that entrepreneurs faced a number of problems during the COVID-19 period, which led to the fact that the entrepreneur had to change his business tactics: either reduce his business or reduce staff, or apply new business methods.

Key words: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, COVID-19, anti-crisis measures, risk management

УДК 658

Актуальные вопросы изменения бизнес-стратегий в условиях цифровой трансформации

Измайлов М.К.
Кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы производственного менеджмента
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Алексеева Н.С.
Кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы производственного менеджмента
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Симакова З.Л.
Кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы производственного менеджмента
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

В статье поднимаются актуальные вопросы изменения бизнес-стратегий в условиях цифровой трансформации. В рамках исследования освещены такие проблемы, как обеспечение экономической безопасности и активное внедрение в бизнес-стратегии ИТ-компоненты вместо цифровых. Авторы обращают особое внимание на тот факт, что ИТ-стратегия принципиально отличается от цифровой, поскольку она предполагает лишь модернизацию производственного процесса, тогда как современной промышленности необходим переход именно к цифровой бизнес-стратегии, которая в полной мере обеспечит функционирование цифрового бизнеса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, бизнес-стратегия, цифровой бизнес, экономическая безопасность, IT-стратегия, цифровая бизнес-стратегия, менеджмент

На сегодняшний день цифровая трансформация является основным трендом модернизации всего экономического сектора, поскольку цифровые инновации открывают дополнительные возможности для бизнеса в рамках повышения эффективности своей деятельности. Вопросы, связанные с внедрением цифровых технологий в бизнес-стратегии, обсуждаются научным сообществом и правительством с момента подписания национальной программы Индустрия 4.0, поскольку переход к полноценной цифровой экономике невозможен без качественной проработки тактического и стратегического потенциала российских предприятий. Цель настоящего исследования заключается в выявлении наиболее актуальных вопросов, связанных с модернизацией бизнес-стратегий, постановке важных проблем в рассматриваемой области и предложение путей для решения выявленных проблем. Актуальность

настоящей работы обусловлена динамично изменяющейся экономической обстановкой, поскольку в условиях санкционного давления и перебоев с поставками новейшего цифрового оборудования Российская Федерация сталкивается с необходимостью поиска альтернативных методик внедрения инноваций [1]. Поэтому внедрение цифровых технологий в существующие бизнес-стратегии происходит под влиянием изменяющихся условий в общемировых экономических процессах. Научная новизна исследования базируется в области детального рассмотрения существующих бизнес-стратегий, а также объяснения потенциальных тенденций и проблем, которые являются наиболее актуальными на текущий момент и в перспективе. В качестве выводов к настоящему исследованию авторы статьи предлагают к рассмотрению некоторые предложения относительно улучшения цифровых стратегий российских предприятий.

Методология исследования основана на применении комплексного подхода к изучению предложенной темы. В работе использованы качественные и количественные методы, позволяющие рассмотреть каждую поставленную проблему через призму разных подходов. В качестве общенаучных методов, актуальных для проведения настоящего исследования, авторами статьи были выбраны методы синтеза, анализа, обобщения и индукции. В качестве специфических методик авторы статьи использовали метод статистического анализа.

На сегодняшний день в Российской Федерации порядка 60 % предприятий уже внедрили цифровые технологии в свои производства [2]. Однако нельзя в полной мере говорить о том, что на текущий момент в России происходит цифровая трансформация именно бизнес-моделей, потому как, опираясь на статистические данные, большинство предприятий внедряют цифровые технологии главным образом направленные на автоматизацию производственных процессов. Считаем, что этот факт нельзя оставлять без внимания, ведь успешность функционирования бизнес-стратегии в цифровой области предполагает развитие цифрового менеджмента, что благоприятно скажется на переходе бизнеса в цифровую среду [3]. На этом фоне остается актуальным вопрос, непосредственно связанный с экономической безопасностью предприятия. Цифровая среда сама по себе несет повышенные риски в области утечек информации и кибератак, а предотвращение потенциальных рисков как раз можно рассматривать как область цифрового менеджмента, являющегося составной частью бизнес-стратегии. При автоматизации бизнес-процессов исходят из принципа минимизации участия человека в производстве, что, безусловно, сокращает потенциальное воздействие человеческого фактора, но при этом нельзя в полной мере утверждать, что автоматизация производства обеспечивает максимальную безопасность от хищения данных предприятия [4]. В рамках настоящего исследования авторы статьи считают необходимым обратить внимание на применение тех цифровых стратегий, которые позволят комплексно подходить к рассмотрению вопроса относительно внедрения цифровых технологий в бизнес-модели, включая элементы устойчивости бизнеса и предотвращение киберугроз. Прежде всего необходимо отметить тот факт, что для повышения уровня экономической безопасности необходимо использовать простые методики, которые могут частично снизить уровень потенциальных кибератак. К таким методикам можно отнести, например, ручное изменение облачных и цифровых паролей, которые используются на предприятии. Это поможет ограничить утечки информации извне, посредством несанкционированного разглашения. Другим предложением может быть внедрение в автоматизированные производственные процессы, регулируемые учетными записями пользователей, двухфакторной аутентификации, с помощью которой можно предотвратить случаи взломов и кибератак.

Следующей проблемой при реализации бизнес-стратегии в условиях цифровизации экономики можно назвать внедрение ИТ-стратегий вместо цифровых. Анализ статистических данных Росстата показывает тенденцию среди российских предприятий активного внедрения ИТ-стратеги, которые ориентированы исключительно на улучшение инфраструктуры промышленного предприятия или компании без комплексного изменения бизнес-стратегии в условиях цифровизации [5]. Примером ИТ-стратегий может являться внедрение автоматизированного процесса производства, программного обеспечения и иных технологических новшеств, призванных упростить производство само по себе. Цифровые стратегии имеют схожую направленность, однако включают в себя больший спектр необходимых бизнесу направлений – связь с поставщиками, клиентоориентированность, получение обратной связи, продвижение бренда и прочее. При этом авторы статьи придерживаются мнения, что преобразование ИТ-стратегий в цифровые будет более предпочтительным в силу того, что цифровые стратегии направлены на преобразование самой промышленной/предпринимательской и иной деятельности, цель которой является предоставление конечным потребителям более качественных товаров и услуг [6]. В качестве решения этой проблемы предлагаем к внедрению методики расширенной аналитики, с помощью которых можно собирать, анализировать и отслеживать имеющиеся тенденции как на рынке, так и на самом предприятии посредством детального анализа всех наиболее перспективных направлений бизнеса. Использование расширенной аналитики и искусственного интел-

лекта при анализе работы предприятия позволит сократить количество невостребованной продукции, обратить внимание на недобросовестных поставщиков, пересмотреть сроки поставок и так далее.

В рамках настоящего исследования хотелось бы обратить внимание на такой существенный факт, что при реализации цифровых инициатив и новых бизнес-стратегий руководство предприятия должно учитывать также настроения, которые сложились в коллективе. Согласно статистическим данным, 70 % общих инновационных предложений по улучшению бизнес-стратегий сталкивается со значительным сопротивлением со стороны персонала [2]. Фактически это говорит о проблеме коммуникации между управленческим сектором и сотрудниками, что существенно влияет на внедрение цифровых бизнес-стратегий и инноваций вплоть до саботажа некоторых инициатив. Авторы статьи придерживаются мнения о необходимости повышения качества взаимодействия между различными отделами предприятия посредством организации различных совещаний, предметом которых будет являться обучение сотрудников использованию инновационных технологий и стратегических решений. Кроме этого, возможна организация корпоративного обучения сотрудников промышленного предприятия для достижения наиболее эффективных результатов их профессиональной деятельности. Другими словами, необходимо популяризировать внедрение цифровых технологий в производственные процессы, также посредством организации непрерывного обучения персонала. Дополнительно методы с использованием возможностей корпоративного обучения повысят общую замотивированность кадров и их лояльность к компании.

Еще одной проблемой при внедрении цифровых технологий в бизнес-стратегии является большое количество информационных площадок для привлечения клиентов. Это явление получило название межканального маркетинга или омниканального маркетинга, представляющего собой стратегический подход, который предполагает координацию и интеграцию маркетинговых усилий по нескольким каналам и платформам для создания единого и целостного опыта бренда для потребителей. Современные потребители взаимодействуют с брендами через разнообразные точки соприкосновения, как, например, платформы социальных сетей, электронная почта, веб-сайты, физические магазины и мобильные приложения. Межканальный маркетинг позволяет компаниям адаптировать свои сообщения и контент для каждого канала, сохраняя при этом последовательность в брендинге и общей стратегии. Обилие разнообразных форм и способов взаимодействия с клиентами фактически заставляет предприятия пытаться охватить как можно больше приложений, вебсайтов и прочих веб-ресурсов для продвижения своего продукта. Однако в рамках изменяющихся условий существующих бизнес-стратегий авторы полагают, что целесообразно менять действующие модели межканального маркетинга в более актуальные на сегодняшние день области – виртуальную и дополненную реальность. Цифровой контент на сегодняшний день проходит достаточно серьезные адаптивные стадии под потребности современного клиента, и наибольшую популярность в этой нише занимает визуальный и адаптированный контент. Посредством расширения своих бизнес-стратегий и применяя к ним современные тренды в области формирования контента, промышленные предприятия и другие компании получают преимущество на конкурентном рынке посредством удовлетворения потребностей клиента в качественной презентации продукции. Визуальный и дополненный контент имеет ряд значительных перспектив перед наборами текста и копирайтингом в силу сокращения времени на принятие решения потребителем о покупке того или иного продукта. Конечной целью любой бизнес-стратегии является реализация продукции и получение прибыли, поэтому цифровые механизмы переформатирования контента способны в большей степени удовлетворить потребности рынка. Видеоконтент позволяет брендам общаться с потребителями на эмоциональном уровне. Слово «интуитивный» относится к глубоким, внутренним чувствам, и достижения в области технологий могут позволить компаниям и предприятиям задействовать чувства потенциальных потребителей, создавая опыт виртуальной и дополненной реальности. Интегрируя технологии *VR* и *AR* в свои бизнес-стратегии, компании могут предложить экскурсии по объектам, знакомить неограниченный круг лиц с непосредственным процессом производства и презентовать интерактивные 3*D*-модели своего продукта. Поскольку технологии *AR/VR* становятся все более доступными, даже малые предприятия могут адаптировать их под свою бизнес-стратегию.

Еще одним существенным составным элементом цифровой трансформации бизнес-стратегий является оперативная и стратегическая гибкость. В сегодняшней динамичной и быстро развивающейся бизнес-среде операционная гибкость стала первостепенным фактором для организаций, стремящихся оставаться конкурентоспособными и достигать устойчивого роста. Операционная гибкость означает способность промышленных предприятий быстро реагировать и адаптироваться к изменившимся и новым приоритетам, требованиям клиентов или бизнес-требованиям, а также к внутренним сбоям, сохраняя при этом операционную эффективность. Повышение устойчивости бизнеса посредством операционной гибкости можно рассматривать как прямой ответ на некоторые из наиболее насущных проблем, с которыми сегодня сталкиваются компа-

нии, а именно: неопределенность, рациональное использование ресурсов и опережение конкурентов. Наибольшей эффективности в этой области возможно достичь посредством внедрения цифровых технологий, которые в значительной степени могут повлиять на принятие решений, оптимизацию бизнеса в логистической области, а также хранению и анализу большого объема данных. Более того, оперативная гибкость играет решающую роль в преобразовании стратегических намерений в ощутимые результаты. Это связующее звено между стратегией организации с ее реализацией. Будучи неотъемлемым аспектом устойчивости компании и успеха в бизнесе, важно понимать взаимосвязь операционной гибкости со стратегической и организационной гибкостью. Организационная гибкость включает в себя общую способность организации адаптироваться и эффективно реагировать на изменения, уделяя особое внимание организации. Это предполагает разработку гибкой структуры, развитие культуры *Agile* и согласование людей, процессов и технологий для поддержки быстрой адаптации и инноваций. Организационная гибкость обеспечивает основу для стратегической гибкости, создавая гибкость и устойчивость, необходимую для адаптации стратегий. Стратегическая гибкость, в свою очередь, означает способность организации формулировать и реализовывать стратегии в быстро меняющейся среде. Это предполагает активное определение рыночных тенденций, принятие правильных стратегических решений и корректировку направления деятельности организации по мере необходимости. Внедрение стратегической и оперативной гибкости в бизнес-стратегии определяет общее направление деятельности организации и влияет на оперативные решения.

В качестве выводов к настоящей работе авторы статьи хотели бы обратить внимание на тот факт, что внедрение цифровых бизнес-стратегий – это первый шаг к переходу в область цифрового бизнеса, который имеет существенные отличия от существующего электронного, поскольку он фокусируется на том, как технологии позволяют промышленным предприятиям создавать новые ценности и опыт, которые дают им значительное преимущество перед конкурентами. Таким образом, цифровые бизнес-стратегии позволяют создать для бизнеса новые возможности, которые не были доступны в традиционных бизнес-моделях. Цифровой бизнес потенциально может создать дополнительные конкурентные преимущества на основе уникальных комбинаций цифровых и физических активов предприятия. Именно поэтому переход с ИТ-стратегий в цифровую область будет иметь особенное значение для управленческого менеджмента [7]. Использование цифровых бизнес-стратегий позволит более качественно оценивать рынок и потребности клиентов, что в итоге приведет к увеличению прибыли и росту конкурентного преимущества.

При учете вышесказанного, особенно актуальными остаются проблемы, непосредственно связанные с экономической безопасностью промышленных предприятий в условиях геополитического кризиса и санкционного давления, именно поэтому одной из наиболее актуальных задач перехода к цифровому бизнесу является обеспечение надлежащего уровня надежности и устойчивости. Другими словами, российским предприятиям необходимо серьезно подходить к выбору потенциальных партнеров и поставщиков, а также прилагать усилия для защиты и предотвращения утечек информации внутри предприятия.

И самое главное, цифровые бизнес-стратегии используют и полагаются на технологии, которые не только предоставляют более качественные продукты и услуги, но также обеспечивают персонализированное и значимое обслуживание клиентов, поэтому реализация цифровой стратегии имеет решающее значение для успеха бизнеса в современных условиях.

Литература:

1. Ростова О.В., Мишкин К.В. Использование концепции CSRP при разработке и внедрении корпоративных информационных систем на производственных предприятиях // Трансформация систем управления: новые задачи и горизонты. Сб. мат. межд. науч.-практ. конференции, Курск, 27 апреля 2023 г. / Под ред. С.А. Гальченко. – Курск: Курский государственный университет, 2023. – С. 276–280.
2. Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения 25.10.2023).

3. Алексеева Н.С., Попов Ю.А. Стратегия развития строительной отрасли в условиях цифровой экономики // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: Сб. трудов Всерос. науч.-практ. и учеб.-метод. конф. В 8 ч., Санкт-Петербург, 15–19 мая 2023 г. Ч. 2. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. – С. 411–421.
4. Измайлов М.К. Тренды развития цифровых технологий в деятельности российских промышленных предприятий // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 3(258). – С. 21–29.
5. Технологическое развитие отраслей экономики. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11189 (дата обращения 25.10.2023).
6. Шапиро Н.М. Цифровизация закупочной деятельности: автоматизация бизнес-процессов путем применения технологий RPA (Robotic Process Automation) // XXXV международные Плехановские чтения: Сб. статей участников. В 4-х т. Москва, 22–24 марта 2022 г. Т. 3. – М.: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2022. – С. 220–224.
7. Pupentsova S.V., Gromova E.A. Risk Management in Business Valuation in the Context of Digital Transformation // Real Estate Management and Valuation. – 2021. – Vol. 29. № 2. – P. 97–106. – DOI 10.2478/remav-2021-0016.

Topical Issues of Changing Business Strategies in the Context of Digital Transformation

Izmaylov M.K., Alexeeva N.S., Simakova Z.L.
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

This paper raises topical issues of changing business strategies in the context of digital transformation. This study highlights such problems as ensuring economic security, as well as the active introduction of IT components into business strategies instead of digital ones. The authors of the article pay special attention to the fact that the IT sector is fundamentally different from the digital sector, as it involves only the modernization of the production process, while modern industry needs a transition to the implementation of digital business strategies that will fully ensure the functioning of digital business.

Key words: digital transformation, business strategy, digital business, economic security, IT strategy, digital business strategy, management

УДК 339.7

Финансово-кредитные институты евразийской интеграции (на примере НБР БРИКС и АБИИ)

Кашбразиев Р.В.
Доктор экономических наук, профессор
Департамента мировых финансов
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Левина К.А.
Студент факультета международных экономических отношений
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

В статье рассматриваются функции и возможности финансово-кредитных институтов развития, способствующих евразийской интеграции. Анализируются предпосылки возрастающей роли многосторонних банков развития. Произведено сравнение Нового банка развития БРИКС (НБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) по различным социально-экономическим и экологическим показателям. Проанализированы наиболее значимые для евразийской интеграции проекты НБР и АБИИ: финансирование в местных валютах, финансирование частных проектов и климатическое финансирование. В результате проведенного исследования сделаны выводы о причинах снижения этих показателей в НБР и причины их стабильности в АБИИ.

Ключевые слова: институты развития, интеграция, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС, устойчивое развитие

Среди финансово-кредитных институтов международной экономической интеграции особую роль занимают многосторонние институты развития – структуры национального, регионального и международного значения, вносящие практический вклад в современные интеграционные процессы, экономический рост и стабильное социально-экономическое развитие государств-членов, а также решение экологической повестки для будущих поколений. Дефицит инфраструктурных инвестиций и спрос на климатическое финансирование подчеркивают возрастающую роль таких многосторонних банков развития, как Новый банк развития БРИКС (НБР) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). В настоящее время в состав НБР БРИКС входят 9 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, Бангладеш, ОАЭ, Египет и Уругвай. АБИИ насчитывает 106 членов: 92 ратифицированных и 14 ожидаемых / 51 региональных участников и 55 нерегиональных.

НБР БРИКС и АБИИ обладают колоссальными ресурсами для содействия процветанию и экономическому развитию Евразийского континента. Данные многосторонние институты развития способствуют экспорту не только товаров и услуг, но и производственных мощностей, а международные проекты, состоявшиеся благодаря данным институтам, производят реальный интеграционный эффект на страны Евразии. Ряд исследователей называют АБИИ общественным благом для Азии, которым Китай «генерирует международную поддержку» [1, с. 42], имея в виду инфраструктуру, построен-

ную китайскими компаниями в странах инициативы «Пояс и путь» и профинансированную через АБИИ.

Данные институты способны устранить провалы рынка, связанные с растущим спросом на недорогостоящую чистую энергию, водоснабжение, транспорт и жилье. Востребованность этих направлений обусловлена растущей урбанизацией в сочетании с ростом стареющего населения и потребительского класса. Чтобы охарактеризовать темпы урбанизации и старения населения, можно привести следующие цифры: если в 2020 г. в странах с переходной экономикой и развивающимся рынком проживало в городских районах около 50 % населения, то к 2030 г. эта доля вырастет примерно до 54 %; доля населения старше 65 лет в этих странах возрастет с 7 % в 2020 г. до 10 % в 2030 г. [2, с. 12]. Решение проблем устойчивого развития в условиях такого демографического сдвига, достижение относительно высоких темпов роста реального ВВП в развивающихся странах тесно связаны с финансированием социальной, производственной и экологической инфраструктуры, выделяемым в том числе многосторонними банками развития [2, с. 11].

Результаты оценки НБР и АБИИ по наиболее значимым показателям представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, финансирование в местных валютах является важной миссией как для НБР, так и для АБИИ, поскольку инфраструктурные проекты отличаются долгосрочностью, крупномасштабностью и непредсказуемыми денежными потоками. НБР и АБИИ помогают клиентам снизить влияние валютных курсов на стоимость проектов, предлагая кредиты в национальных валютах. Из местных валют стран – членов НБР в финансировании проектов в настоящее время участвуют индийская рупия, китайский юань и южноафриканский рэнд. Их доля, составляющая 23 % в общем объеме выданных кредитов, несколько больше [3, с. 3], чем в АБИИ финансирование в 14 разнообразных валютах, не являющихся долларом США (22,2 %) [4, с. 27].

Можно заметить, что стратегия привлечения частного капитала (негосударственного финансирования) в АБИИ дает больший результат, чем в НБР (34 и 11,3 % соответственно) [3, с. 5; 5, с. 12]. АБИИ и НБР предлагают широкий спектр продуктов, включая долговые обязательства, акционерный капитал и гарантии, для активизации частного капитала в своих операциях. НБР и АБИИ осознают важность снижения давления на суверенные ресурсы и видят наибольший потенциал для мобилизации частного капитала в институциональных инвесторах (страховых компаниях, пенсионных фондах и др.). Разница между НБР и АБИИ лишь в том, что в АБИИ стратегия по управлению частными проектами вступила в силу в 2018 г., а в НБР – только в 2020 г., что объясняет почти 22 % разрыв между результатами двух банков по итогам 2021 г.

Значителен вклад многосторонних институтов развития и в «Зеленую повестку». Например, НБР и АБИИ как «зеленые банки» уделяют особое внимание инвестициям в области изменения климата,

Таблица 1

Сравнение социальных, экологических и экономических показателей НБР и АБИИ [3–5]

Экономические социальные и экологические показатели	НБР		АБИИ	
	Целевой (стратегия 2022 –2026 гг.)	Фактический (по итогам 2017–2021 гг.)	Целевой (2025 –2030 гг.)	Фактический (по итогам 2016–2021 гг.)
Финансирование в местных валютах, в % от всех выданных кредитов за указанный период	30 %*	23 %	-	22,2 %
Объем негосударственного финансирования проектов, в % от всех выданных кредитов за указанный период	30 %	11,3 %	50 %	34 %
Климатическое финансирование, в % от всех выданных кредитов за указанный период	40 %	26 % (в 2021 г., за вычетом кредитов по программе чрезвычайной помощи в связи с *COVID*-19)	50 %	48 % (в 2021 г., за вычетом кредитов по кризисному восстановлению после *COVID*-19)
Снижение выбросов парниковых газов	-	13 млн т	-	16,3 млн т
Установка мощностей по производству возобновляемой и чистой энергии	-	2 800 мВ	-	4 502 мВ
Строительство и модернизация дорог	-	15 960 км	-	32 494 км

*Общая сумма выданных кредитов не равняется 100 %, поскольку один и тот же кредит может быть классифицирован одновременно как и климатическое финансирование, и негосударственное финансирование, и финансирование в местных валютах.

переходу к чистой энергетике и нулевому углеродному балансу, то есть балансу выделенных и поглощенных парниковых газов. Климатическое финансирование касается проектов, связанных с новыми технологиями, такими как чистый водород, системы улавливания и хранения углерода, сокращения утечек метана, монетизация углеродных выбросов и т.д. Превышение климатического финансирования в АБИИ над НБР (48 и 26 % соответственно) можно объяснить почти 12-кратным превышением числа стран в АБИИ, в каждой из которых есть спрос на зеленую инфраструктуру и свои цели по достижению углеродной нейтральности [2, с. 9; 5, с. 44].

Такие количественные показатели, как сокращенные выбросы парниковых газов, установленные мощности по выработке ВИЭ и дорожная инфраструктура, в НБР зачастую достигают или превышают половину соответствующих показателей АБИИ [6]. Как отмечается в Годовом отчете НБР БРИКС за 2021 г. [3, с. 6], НБР, имея в своем составе 7 участников:

1) способствует созданию больше половины возобновляемой энергии АБИИ;

2) обеспечивает строительство около половины всех дорог АБИИ;

3) финансирует проекты, которые приведут к ежегодному сокращению выбросов диоксида углерода на 13 млн т, что соответствует 80 % величины углеродного следа, который сокращают проекты АБИИ (16,3 млн т).

В таблице 2 представлены данные об одобренных проектах НБР БРИКС и АБИИ в период с 2016 по 2021 гг.

Таблица 2

Объем финансирования НБР и АБИИ в период с 2016 по 2021 гг. [3–5]

	НБР	АБИИ
Всего одобрено проектов	82	160
Объемы финансирования, млрд долл. США	30,7	29,683

Несмотря на то что в АБИИ 106 участников, среди которых крупные европейские страны-доноры, 82 проекта в портфеле НБР – это больше половины проектов, которые профинансировал АБИИ за время своего существования. Стоит также отметить, что в НБР было выделено больше средств на проекты, чем в АБИИ.

На основании анализа литературы и стратегических документов институтов развития можно сделать вывод о том, что Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в большей степени отслеживают:

1) финансирование в местных валютах;

2) финансирование частных проектов;

3) климатическое финансирование.

Значит, наиболее ценные проекты, составляющие мандат НБР и АБИИ и имеющие значение для евразийской интеграции, состоят из этих трех компонентов. Динамику их объема можно визуализировать на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Количество проектов НБР и АБИИ, значимых для евразийской интеграции, в период с 2016 по 2021 гг. [3; 7]

Рис. 2. Объем финансирования проектов НБР и АБИИ, значимых для евразийской интеграции, в период с 2016 по 2021 гг., млн долл. США [3; 7]

Задав достаточно сильные позиции в первый год функционирования, Новый банк развития наращивал объемы наиболее ценных проектов синхронно с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций с 2017 по 2019 гг. 2020 г. был одинаково неблагоприятным для стратегических показателей обоих банков вследствие направления большей части экстренных кредитов на борьбу с *COVID*-19. Однако в 2021 г. наблюдался невиданный раннее рост значимых проектов в АБИИ как в натуральном выражении, так и в стоимостном. Количество значимых проектов в НБР в 2021 г. продолжило снижаться, но их общая стоимость несколько превысила предыдущий год. При этом если у АБИИ линия тренда наиболее ценных проектов за 2016–2021 гг. восходящая, то линия тренда НБР остается практически неизменной на уровне семи проектов в год средней стоимостью 1200 млн долл. США. В общей сложности за период с 2016 по 2021 гг. НБР одобрил 42 проекта, имеющих высокую значимость для евразийской интегра-

ции, стоимостью 6 850,674 млн долл. США, когда АБИИ включил в портфель 59 проектов стоимостью 7 841,3 млн долл. США. Стоит отметить, что для Нового банка развития, который показывает движущую силу стран БРИКС с добавлением новых развивающихся стран, это весьма ощутимый результат: стоимость значимых проектов в НБР всего на 13 % меньше, чем в АБИИ.

Падение объема наиболее ценных для евразийской интеграции проектов НБР с 2019 по 2021 гг. может быть связано с высоким валютным курсом доллара США к российскому рублю (рост с 64,7 до 73,7 руб. [8]) и бразильскому реалу (рост с 3,9 до 5,4 бразильских реалов [9]). Россия и Бразилия были в числе первых стран, нуждающихся в финансировании в долларах США.

В отношении АБИИ подчеркнем, что в последние годы среди проектов, необходимых евразийской интеграции, стремительно растут объемы финансирования проектов частного сектора вследствие принятия Стратегии по привлечению частного капитала в 2018 г. [10]. Таким образом, можно судить о наличии эффективных инструментов работы АБИИ с частным сектором, которые необходимо поощрять в деятельности НБР. Среди проектов без суверенного обеспечения могут быть как прямое финансирование закупки электробусов и развития зарядной инфраструктуры частной компанией [11], так и вложения в облигации фонда устойчивой энергетики коммерческого банка [12]. В Азиатском банке инфраструктурных инвестиций распространена практика транснациональных проектов [13] и синдицированных кредитов с другими многосторонними банками развития [14]. Таким образом, банки развития выступают также инструментом финансовой интеграции.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций становятся центрами притяжения прогрессивных технологий, масштабных проектов и новых моделей финансирования, которые так важны для евразийской интеграции.

Литература:

1. Лексютина Я.В. Потенциал влияния инициатив «Пояс и путь» и АБИИ на экономическую архитектуру Азии // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2020. – № 4. – С. 40–66.
2. NDB Strategy for 2022–2026. – URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/07/NDB_StrategyDocument_Eversion-1.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
3. NDB Annual Report 2021. – URL https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/10/NDB_AR_2021_complete.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
4. Infrastructure for tomorrow. AIIB. 2021. – URL: https://www.aiib.org/en/treasury/_common/_download/AIIB-Investor-Presentation-Nov-2021.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
5. AIIB Annual Report 2021. – URL: https://www.aiib.org/en/news-events/annual report/2021/_common/pdf/2021_AIIBAnnualReport_web-reduced.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
6. Sustainable Development Bonds Impact Report 2021. – URL: https://www.aiib.org/en/news-events/impact-reports/sustainability-bond-impact/2021/index.html#reporting (дата обращения: 10.07.2023).
7. Projects List AIIB. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/list/year/2021/member/All/sector/All/financing_type/All/status/Approved (дата обращения: 10.07.2023).
8. Архив курсов доллара ЦБ РФ. – URL: https://myfin.by/currency/cb-rf-archive/usd (дата обращения: 10.07.2023).
9. Среднегодовые обменные курсы валют. Официальный веб-сайт правительства Соединенных Штатов Америки. – URL: https://www.irs.gov/ru/individuals/international-taxpayers/yearly-average-currency-exchange-rates (дата обращения: 10.07.2023).
10. Strategy on mobilizing private capital for infrastructure. February 9, 2018. – URL: https://www.aiib.org/en/policies-strategies/_download/mobilizing_private/Strategy-on-Mobilizing-Private-Capital-for-Infrastructure.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
11. India: GreenCell Electric Bus Financing Project. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/details/2022/approved/India-GreenCell-Electric-Bus-Financing-Project.html (дата обращения: 10.07.2023).
12. Türkiye: Akbank Sustainable Energy Facility. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/details/2023/approved/Turkiye-Akbank-Sustainable-Energy-Facility.html (дата обращения: 10.07.2023).
13. Multicountry: Southeast Asia Women's Economic Empowerment Fund. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/details/2022/approved/Multicountry-Southeast-Asia-Women-s-Economic-Empowerment-Fund.html (дата обращения: 10.07.2023).
14. Türkiye: Antalya Airport Expansion Project. – URL: https://www.aiib.org/en/projects/details/2023/approved/Turkiye-Antalya-Airport-Expansion-Project.html (дата обращения: 10.07.2023).

Financial and Credit Institutions of Eurasian Integration (on the Example of the BRICS NDB and AIIB)

Kashbrasiev R.V., Levina K.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The article discusses the functions and capabilities of financial and credit development institutions that contribute to Eurasian integration. The prerequisites for the increasing role of multilateral development banks are analyzed. The comparison of the BRICS NDB and AIIB on various socio-economic and environmental indicators was made. The most significant projects of the NDB and AIIB for Eurasian integration are analyzed: financing in local currencies, non-sovereign financing and climate financing. As a result of the study, conclusions were drawn about the reasons for the decline of these projects in the NDB and the reasons for their stability in the AIIB.

Key words: development institutions, integration, Asian Infrastructure Investment Bank, New Development Bank BRICS, sustainable development

УДК 339.982

Обеспечение экономической безопасности региона в условиях санкций

Каюмова А.А.
Студент кафедры экономики и организации производства
Казанского государственного энергетического университета

Маркина К.В.
Студент кафедры экономики и организации производства
Казанского государственного энергетического университета

Шувагина М.Д.
Студент кафедры экономики и организации производства
Казанского государственного энергетического университета

Хусаинова Е.А.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и организации производства
Казанского государственного энергетического университета

В статье рассмотрены важные аспекты обеспечения экономической безопасности в условиях современных вызовов и изменяющейся мировой экономической среды. Введение санкций против России способствует первоочередному развитию обеспечения экономической безопасности регионов как комплексного подхода, который включает в себя как экономические, так и социальные аспекты. Анализ ВВП и налогового дохода является наглядной демонстрацией необходимости введения мер по повышению экономической безопасности регионов. Так, перспективы включают в себя диверсификацию экономики, развитие малого и среднего бизнеса, инвестиции в инфраструктуру, активное сотрудничество, инвестиции в человеческий капитал и участие в международных инициативах.

Ключевые слова: экономическая безопасность, перспективы, диверсификация экономики, инвестиции, устойчивое развитие

Современный мир, насыщенный политическими и экономическими вызовами, подвергается воздействию различных инструментов внешней политики, которые оказывают существенное воздействие на региональную экономику. Одним из таких инструментов являются экономические санкции, которые стали неотъемлемой частью международных отношений.

В условиях глобализации и увеличения взаимозависимости стран санкции могут сильно повлиять на экономическую безопасность и устойчивость регионов.

Работа направлена на рассмотрение проблемы обеспечения экономической безопасности региона как совокупности определенных условий, обеспечивающих национальную безопасность как отдельного региона, так и Российской Федерации в целом. Санкции, как средство давления и воздействия, ставят перед регионами серьезные вызовы, требующие комплексных и адаптивных решений. Важно понимать, что экономическая безопасность региона не ограничивается лишь финансовыми аспектами, также включая в себя социальные, политические и технологические факторы, способствующие его устойчивому развитию.

Экономическую безопасность можно охарактеризовать как «способность институтов управления создавать механизмы для обеспечения и защиты интересов территорий (например, страны или публично-правового образования), предприятий и граждан» [1]. Сохраняя экономическую стабильность и содействуя уровню жизни населения, экономическая безопасность способствует формированию в регионах следующих ключевых аспектов: экономической активности как фактора формирования значительной части экономики страны, включающей производство, торговлю и инфраструктуру, обеспечивая стабильность и устойчивость региональной экономики, а также содействуя общей экономической безопасности страны; ресурсов, способствующих развитию энергетической и продовольственной безопасности страны; торговых и экспортных точек развития, поддерживающих торговые отношения с другими регионами и странами, влияющих на экономическую безопасность, посредством становления источников доходов и инструментом укрепления местной экономики; региональной инфраструктуры, способствующей быстрому реагированию на кризисные ситуации; социальной сферы, включающей образование, здравоохранение, трудовую занятость и другие аспекты социального благосостояния; инноваций и развития как факторов роста экономики и повышению конкурентоспособности среди прочих регионов [2].

Законодательная база и регулирование в контексте обеспечения экономической безопасности региона играют важную роль в управлении и контроле за факторами, влияющими на экономическую стабильность и безопасность. На основании Указа Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ», основными экономическими угрозами для страны являются стремление стран Запада сохранить собственную гегемонию, влияние транснациональных корпораций на внутреннюю политическую обстановку, увеличение дисбалансов в развитии других государств, а также кризис современных моделей и инструментов экономического развития. В рамках вышеперечисленных проблем усиление глобальной нестабильности, а также популяризация радикальных и экстремистских взглядов способны привести внешнюю политику к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные конфликты путем выявления внутренних и внешних «врагов», что приведет к разрушению экономических структур, подорвет укоренившиеся традиционные ценности и будет угрожать основным правам и свободам человека [3].

Реализация государственной политики РФ, по состоянию на 2023 г., направлена на повышение внутренней стабильности, роста социальной активности и вовлеченности в решение задач местного и государственного уровня путем развития универсальных институтов и разработки механизмов взаимодействия в экономических и торговых направлениях [4].

Ввиду текущих событий, серия экономических санкций, предпринятых в отношении РФ с 2014 г., встретила противодействие контрсанкциями со стороны России. Так, снижение курса национальной валюты, отток капитала и негативное воздействие на кредитные и инвестиционные операции привели к улучшению адаптивности политики РФ.

Однако ущерб от ограничительных мер в отношении России с каждым годом приводит к уменьшению валового внутреннего продукта (ВВП) страны на 1–1,5 %, поскольку введенные санкции превышают по количеству и значимости контрсанкции. Наибольшее снижение ВВП произошло в 2022 г. (2,8 %) в силу санкций, посвященных началу специальной военной операции. Прогноз ВВП на текущий год составляет 2,5 % (рис. 1). Одной из причин, влияющих на рост ВВП, является увеличение региональных и муниципальных расходов [5].

Ухудшение межгосударственных отношений влияет на изменение налога на прибыль, как следствие, на обеспечение регионов и их территориальных фондов из федерального бюджета на следующий год.

Так, по данным 2022 г., основная доля поступлений приходится на Москву и Санкт-Петербург, сокращение поступлений относительно предыдущего

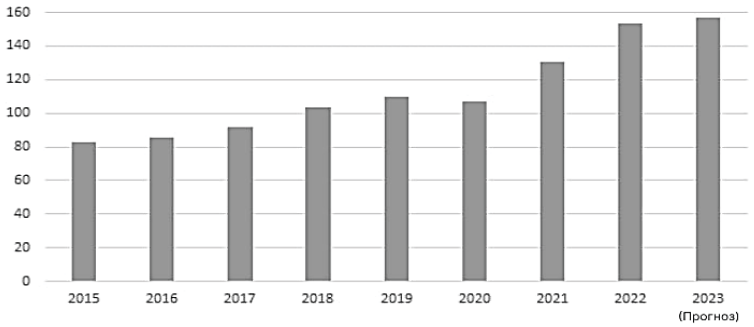

Рис. 1. Динамика ВВП России в текущих ценах, трлн руб. [5]

года составило 19 и 13 %, соответственно. Далее идут Республика Татарстан и Московская область, сокращение поступлений которых составило 40 %, наихудший показатель был у Республики Хакасия, сокращение по сравнению с предыдущим годом составило 99 % (рис. 2) [6].

Приведенная на рисунке 2 выборка показывает, насколько сильно отличается вклад в формирование бюджета в зависимости от региона. Для обеспечения экономической безопасности регионов РФ в изменяющихся условиях экономической среды и геополитических факторов предлагаются следующие меры.

Во-первых, диверсификация экономики как разнообразие экономических секторов регионов России. Уменьшение зависимости от одного или нескольких видов ресурсов и развитие непромышленных секторов, таких как информационные технологии, туризм и инновации, способствуют устойчивости экономической политики региона. Во-вторых, поддержка и стимулирование малых и средних предприятий помогут расширить экономическую базу регионов и снизить зависимость от больших корпораций. В-третьих, инвестиции в инфраструктуру, включая транспортную, энергетическую и телекоммуникационную, способствуют повышению конкурентоспособности регионов и их привлекательности для инвесторов.

Регионы могут разрабатывать и реализовывать собственные стратегии развития, включая инвестиционные проекты и программы стимулирования. Кроме того, установление сотрудничества с другими регионами, странами и международными институтами способствует разнообразию источников инвестиций и торговым партнерствам.

Инвестиции в образование и здравоохранение помогают создать квалифицированный трудовой ресурс, что, в свою очередь, поддерживает экономическую безопасность. Также активное участие в международных инициативах способствует содействию развития экспорта и привлечения иностранных инвестиций. Эффективное внутреннее управление и соблюдение законов содействуют экономической стабильности и уверенности инвесторов.

Следует отметить, что механизмы постоянного мониторинга экономических и политических событий способствуют быстрому реагированию на угрозы и риски, а соблюдение принципов устойчивого развития поможет регионам сбалансировать экономический рост с охраной окружающей среды.

Так, разностороннее развитие и обеспечение стабильности поможет укрепить экономическую безопасность в рамках отдельного региона страны.

Обеспечение экономической безопасности регионов в России остается важным вопросом в условиях современных вызовов и динамичной экономической среды. Ключевые угрозы, включая стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, кризис существующих моделей развития и увеличение дисбалансов в развитии государств требуют адаптивных стратегий и мер для обеспечения стабильности и устойчивости регионов.

Перспективы обеспечения экономической безопасности регионов включают в себя диверсификацию экономики, развитие малого и среднего бизнеса, активное сотрудничество, инвестиции в инфраструктуру и человеческий капитал, участие в международных инициативах. Эффективное управление ресурсами и контроль над коррупцией также играют ключевую роль в обеспечении экономической безопасности.

Таким образом, обеспечение экономической безопасности регионов является сложной и многогранным заданием, требующим согласованных усилий на разных уровнях власти. Реализация предложенных перспектив может способствовать стабильности и устойчивому развитию регионов, а также укреплению экономической безопасности в целом в контексте изменяющейся глобальной динамики.

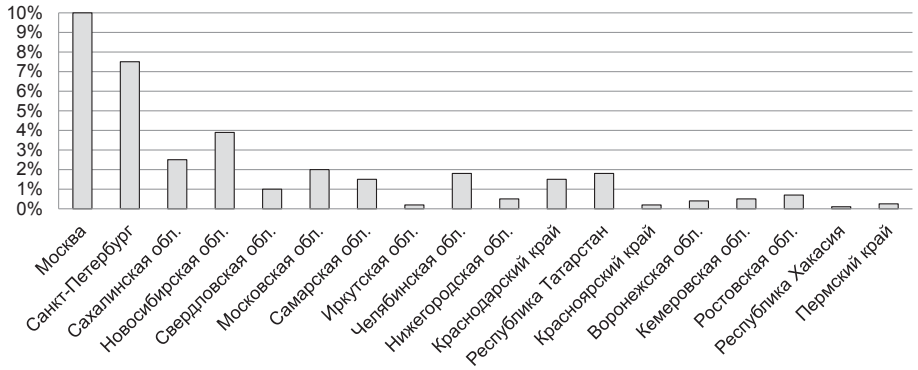

Рис. 2. Доля поступлений в федеральный бюджет по налогу на прибыль в 2022 г. [6]

Литература:

1. Афанасьев М.В., Уразбахтина Л.Р. Развитие инновационной экономики России в условиях санкционного давления // XI Международный экономический симпозиум по управлению, экономике и финансам. Сб. науч. трудов. – Казань, 2022. – С. 571–574.
2. Сайиян К.В., Асон Т.А. Экономическая безопасность России в условиях международных санкций // Экономическая безопасность. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 31–42.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-02072021-n-400-o-strategii/ (дата обращения: 10.10.2023).
4. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учеб. – М.: Юрайт, 2023. – 334 с.
5. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 11.10.2023).
6. Доходы под влиянием конъюнктуры прошлого года: аналитический комментарий. – URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/2fe/il0kcbjmw9yf9i9wj3ueupcp0uv42xpi/20220614_CSSAE.pdf (дата обращения: 11.10.2023).

Ensuring the Economic Security of the Region in the Face of Sanctions

Kayumova A.A., Markina K.V., Shuvagina M.D., Khusainova E.A.
Kazan State Power Engineering University

The article considers important aspects of ensuring economic security in the context of modern challenges and the changing global economic environment. The introduction of sanctions against Russia contributes to the priority development of ensuring the economic security of the regions, as an integrated approach that includes both economic and social aspects. The analysis of GDP and tax income is a clear demonstration of the need to introduce measures to improve the economic security of the regions. Thus, the prospects include economic diversification, the development of small and medium-sized businesses, investment in infrastructure, active cooperation, investment in human capital and participation in international initiatives.

Key words: economic security, economic diversification, investment, sustainable development

УДК 336.1

Участие негосударственных пенсионных фондов в зелёном финансировании: проблемы и решения

Ковалев В.А.
Студент Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва)

В работе проанализирована практика размещения пенсионных резервов в зеленые облигации сектора устойчивого развития Московской биржи. Автором выделены основные препятствия для развития негосударственных пенсионных фондов как институциональных инвесторов в зеленые облигации и предложены меры по их преодолению.

Ключевые слова: негосударственные пенсионные фонды, пенсионные резервы, зеленые облигации, ESG-финансирование, финансовый рынок, инвестиционная политика

Актуальность работы обусловлена необходимостью развития финансового рынка зеленых заимствований в Российской Федерации в контексте ESG-финансирования и активного вовлечения негосударственных пенсионных фондов (далее – НПФ) и управляющих компаний (далее – УК) в размещении пенсионных резервов (далее – ПР) в зеленые облигации («*green bonds*»). Целью работы является разработка предложений по увеличению вовлечения участия НПФ в зеленом финансировании.

Развитие зеленых облигаций с целью стимулирования инвестиций с большими социально-экономическими эффектами является частью Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. В научной литературе подчеркивается значимая роль зеленого финансирования в социально-экономическом развитии государства [1, с. 57] и отмечается, что основными инвесторами в зеленые облигации являются институциональные инвесторы – НПФ и страховые организации [2, с. 73; 3, с. 6]. На настоящее время законодательством Российской Федерации предусмотрено регулирование эмиссии ценных бумаг, идентифицируемых как «зеленые», однако правового регулирования размещения ПР НПФ в зеленые облигации нет. Лимиты на размещение ПР в *ESG*-облигации обсуждались Минфином России и Банком России в 2021 г., но последующих изменений норм права не последовало, и инвестирование ПР в зеленые облигации осуществляется без преференций и лимитов в рамках стандартной инвестиционной деятельности в соответствие требованиям регулятора по составу и структуре пенсионных резервов [4]. Упоминание участия НПФ в *ESG*-финансировании, в том числе в размещения ПР или пенсионных накоплений, в стратегических документах в части развития финансового рынка, деятельности НПФ или негосударственного пенсионного обеспечения отсутствует. В этом случае возможно дополнение показателей реализации стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 г. индикатором объема средств, размещенных в финансовые инструменты устойчивого развития раздельно частными и институциональными инвесторами, так как на данным момент развитие зеленого финансирования оценивается исключительно долей выпущенных облигаций устойчивого развития в общем объеме на российском рынке облигаций. При этом не учитывается вовлеченность институциональных инвесторов в зеленом финансировании и объем размещаемых ими средств, ибо увеличение веса таких облигаций в составе всех облигаций не означает сохранения и повышения интереса к ним, в нашем случае, НПФ, выражающиегося в увеличении объема ПР, размещенных в зеленые облигации.

На февраль 2023 г. 27 ценных бумаг включены в Сектор устойчивого развития Московской Биржи,

17 из которых относятся к сектору зеленого финансирования. Объем их выпуска в разрезе эмитентов наглядно представлен на рисунке 1 – наибольший объем разместили Правительство города Москвы и государственная корпорация «ВЭБ.РФ».

Облигации выпущены 10 эмитентами, общий объем выпуска составил 199,5 млрд облигаций. Средняя купонная ставка – 8,95 %, медианная доходность к погашению – 10,6 % [5]. На рисунке 2 представлены сроки обращения облигаций (средний срок до погашения – 8,26 года).

Для анализа вовлеченности НПФ в размещение ПР в зеленые облигации была использована информация о составе и структуре ПР 5 НПФ с крупнейшими объемами ПР [6]. Отметим, что некоторые фонды (например, НПФ «Благосостояние», «Транснефть», «Алмазная осень», «Пенсионные решения» и другие) не предоставляют информацию о составе своих ПР с указанием параметров, позволяющих идентифицировать зеленые облигации в структуре их ПР (ISIN, полное или краткое наименование финансовых инструментов) – данные, предоставляемые такими фондами, не учитывались в анализе. Так как НПФ «Эволюция» (3-й по объему пенсионных резервов) и «Телеком-Союз» не размещали ПР в зеленые облигации, были выбраны, согласно рейтингу, НПФ «Газфонд», «Открытие», «Газпромбанк-фонд», «Сбербанк» и «ВТБ Пенсионный фонд». Общий объем ПР, размещенных в зеленые облигации вышеуказанными НПФ, представленный в разрезе НПФ в таблице 1, составил 3411,9 млн руб.

Отметим небольшую долю стоимости зеленых облигаций (в среднем – 0,74 %) в общей стоимости ПР, а также тот факт, что наибольшую, как и абсолютную стоимость зеленых облигаций в инвестиционном портфеле, так и долю в общей стоимости портфеля, имеют НПФ, подконтрольные энергетическим компаниям. Также заметим строгий подход НПФ и УК к выбору эмитента облигаций – чаще всего облигации представлены одним или двумя эмитентами. 4 из 5 НПФ разместили ПР в облигации города Москвы (RU000A1033Z8), привлекаемые для замены автобусного парка города Москвы на электробусы и строительства станций Большой кольцевой линии Московского метрополитена, 2 из 5 НПФ – в облигации АО «Атомный энергопромышленный комплекс» (RU000A103AT8), привлекаемые для рефинансирования проекта «Строительство ВЭС 660 МВт».

Не размещены ПР в зеленых облигациях эмитентов «СФО Русол 1», кроме

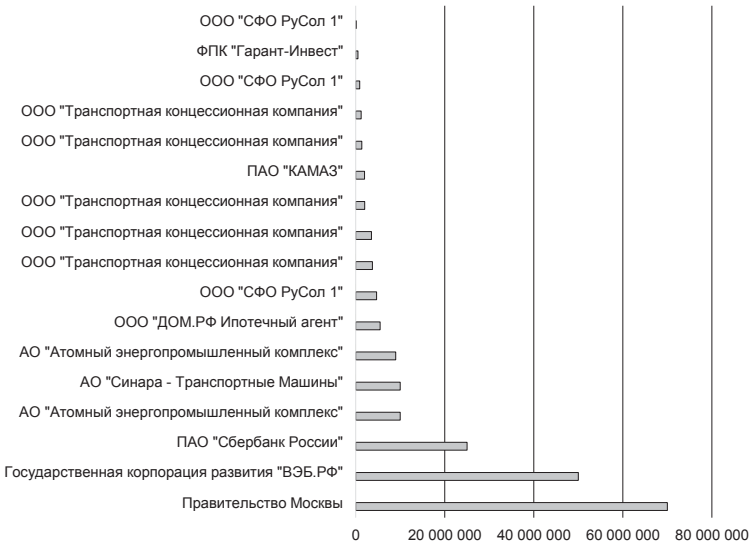

Рис. 1. Объём выпуска зеленых облигаций сектора устойчивого развития Московской биржи, руб.

Источник: составлено автором по данным Московской биржи [5].

НПФ «Газфонд» – ООО «Транспортная концессионная компания» – данные облигации характеризуются крайне низкой ликвидностью из-за отсутствия почти любых торгов на бирже. Следует отметить, что информация о составе и структуре ПР всех рассматриваемых НПФ предоставлена на 29.07.2022 г. – после этой даты были размещены зеленые облигации ООО «ДОМ.РФ Ипотечный агент» (RU000A105JF3), а незадолго до этого – государственной корпорации «ВЭБ.РФ» (RU000A104Z48). По мнению автора, следует ожидать наличие размещения в указанные облигации в следующем раскрытой информации о составе и структуре ПР ввиду надежности эмитентов и срока до погашения указанных облигаций.

Автор предлагает пути решения существующих проблем, препятствующих увеличению роли НПФ в зеленом финансировании.

Во-первых, наличие фидуциарной ответственности НПФ и УК – обязанность НПФ возместить из собственных средств недополученный доход вследствие заключения сделки по продаже или покупке активов не на наилучших условиях на момент заключения сделки, исходя из доходности и риска.

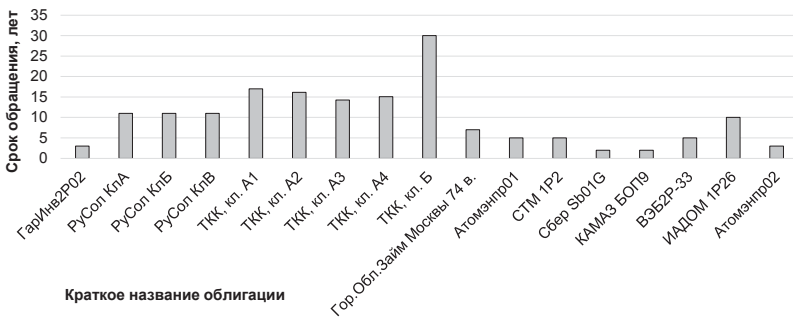

Рис. 2. Срок до погашения зеленых облигаций, лет

Источник: составлено автором по данным Московской биржи [5].

Таблица 1

Статистика размещения ПР в зеленые облигации

НПФ	Зеленые облигации, тыс. шт.	Стоимость активов, млн руб.	Доля от общей стоимости активов, %	Количество выпусков зеленых облигаций в активах, шт.
Газфонд	2 439,49	2 493,66	0,51	5
Открытие	437,97	391,08	0,56	1
Газпромбанк-фонд	287,38	289,20	2,13	2
Сбербанк	175,00	168,89	0,21	1
ВТБ	77,14	69,06	0,27	3

Источник: составлено автором по данным раскрываемой информации о составе и структуре ПР НПФ.

В такой ситуации размещение ПР в корпоративные или государственные зеленые облигации не будет приоритетным. Отметим наличие указанной проблемы не только в России – компромисс между характеристикой «зеленый» и высокой доходностью обсуждается и в западном научном сообществе [3]. Для решения проблемы автор предлагает введение государственного регулирования размещения в зеленые облигации – установление лимитов доли зеленых облигаций в инвестиционном портфеле по ПР или введение преференций по зеленым облигациям, например, в части допускаемых кредитных рейтингов таких облигаций. Конечно, *ESG*-финансирование не может являться самоцелью размещения пенсионных средств, которое ввиду своей социальной важности должно быть ориентировано на невысокий риск и обеспечение приемлемой доходности, но установление регулятором адекватных лимитов и преференций обеспечит вовлеченность НПФ в зеленом финансировании и обеспечит сохранность ПР.

Во-вторых, в условиях необходимости строгого подхода НПФ к выбору эмитента небольшое число эмитентов зеленых облигаций снижает их привлекательность как финансового инструмента для НПФ. Упрощение верификации облигаций как «зеленых» поспособствует увеличению числа эмитентов и включению их в инвестиционное поле зрения НПФ.

В-третьих, малый объем торгов на бирже по отдельным зеленым облигациям не позволяет расширять портфель зеленых облигаций ввиду их низкой ликвидности – выпуск долговых зеленых финансовых инструментов крупными, привлекательными для инвесторов эмитентами (государственными корпорациями, кредитными организациями) обеспечит достаточную ликвидность для размещения в них ПР НПФ на среднесрочный период, а следовательно, и участия НПФ в зеленом финансировании. Такой вывод подтверждается результатами исследования западного рынка зеленых облигаций, предполагающих, что институциональные зеленые облигации имеют отрицательную премию и гораздо более ликвидны [7].

Зеленое финансирование в Российской Федерации находится в стадии становления, зародившись позже, чем международный зеленый финансовый рынок, но показало более динамичное развитие [8]. В этом случае необходимо поддержание активности выпусков зеленых облигаций со стороны государства путем своевременного внесения изменений в нормативно-правовые акты в части размещения ПР и закрепления цели по увеличению размещения ПР в зеленые облигации. Срок полного погашения зеленых облигаций в России в настоящее время меньше срока по стандартным классическим облигациям (в среднем составляет 7 лет). Это обусловлено слаборазвитой практикой реализации долгосрочных зеленых проектов, для чего могли бы осуществляться выпуски долгосрочных зеленых облигаций.

Отметим, что роль НПФ в зеленом финансировании зависит не только от параметров финансового рынка и зеленых финансовых инструментов, но и от количества участников негосударственного пенсионного обеспечения. Принятие мер, направленных на увеличение вовлеченности населения в негосударственное пенсионное обеспечение (повышение пенсионной грамотности населения, внедрение новых цифровых и финансовых технологий в деятельность НПФ [9]), как минимум увеличит объем ПР, размещенных в зеленые финансовые инструменты в абсолютном выражении.

В заключение следует отметить, что сохранение *ESG*-повестки со стороны государства и крупных организаций, а также обеспечение соответствующего нормативного регулирования инвестиций НПФ и УК в зеленые облигации обеспечат прирост доли зеленых облигаций в составе инвестиционного портфеля НПФ по ПР, которые на настоящий момент не диверсифицированы и не занимают значимой доли в совокупном составе ПР крупнейших НПФ, а значит, и сформируют класс НПФ – двигателей развития зеленой экономики. Рост активности участия НПФ в зеленом финансировании, по мнению автора, придаст стимул социально-экономическому развитию Российской Федерации, увеличению эмитентов зеленых финансовых инструментов и поспособствует улучшению экологической обстановки в России.

Благодарности. *Автор благодарит за помощь в проведении исследования научного руководителя, Балынина Игоря Викторовича, к.э.н., доцента Департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

Литература:

1. Балынин И.В. Проблемы достижения национальных целей в области экологии // Финансы. – 2021. – № 5. – С. 56–62.
2. Богачева О.В., Смородинов О.В. «Зеленые» облигации как важнейший инструмент финансирования «зеленых» проектов // Финансовый журнал. – 2016. – № 2(30). – С. 70–81.
3. Torvanger A., Maltais A., Marginean J. Green bonds in Sweden and Norway: What are the success factors? // Journal of Cleaner Production. – 2021. – № 324. – URL: https://www.researchgate.net/publication/355026901_Green_bonds_in_Sweden_and_NorwayWHAT_are_success_factors.
4. Указание Банка России от 05 декабря 2019 г. № 5343-У «О требованиях по формированию состава и структуры пенсионных резервов» // СПС Гарант.
5. Московская биржа. Сектор устойчивого развития. – URL: www.moex.com/s3019.
6. InvestFunds. Рейтинг НПФ по объему пенсионных резервов. – URL: investfunds.ru/npf-rankings/npf-pension-reserves.
7. Bachelet M.J., Becchetti L., Manfredonia S. The Green Bonds Premium Puzzle: The Role of Issuer Characteristics and Third-Party Verification // Sustainability. – 2019. – № 11(4). – URL: https://www.researchgate.net/publication/331225715_The_Green_Bonds_Premium_Puzzle_The_Role_of_Issuer_Characteristics_and_Third-Party_Verification.
8. Балыкина О.А., Колесникова А.А. Первый выпуск зеленых облигаций: особенности и перспективы развития // Научные записки молодых исследователей. – 2022. – № 6. – С. 5–14.
9. Балынин И. В. О развитии накопительных механизмов пенсионного обеспечения // Финансы. – 2022. – № 4. – С. 46–53.

Participation of Private Pension Funds in Green Financing: Problems and Solutions

Kovalev V.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

The paper analyzes the practice of placing pension reserves in green bonds of the sustainable development sector of the Moscow Exchange. The author identifies the main obstacles to the development of private pension funds as institutional investors in green bonds and proposes measures to overcome them.

Key words: private pension funds, pension reserves, green bonds, ESG financing, financial market, investment policy

УДК 338.24

Концепция устойчивого развития бизнеса как фактор обеспечения экономической безопасности

Миргородская М.Г.
Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

В статье рассмотрены вопросы значимости положений теории устойчивого развития и зарубежного опыта их применения в сфере формирования отчетности, дана характеристика управленческой отчетности, ее видам с позиции формирования системы показателей (индикаторов) для оценки деятельности по обеспечению устойчивого развития и экономической безопасности предприятия.

Ключевые слова: устойчивое развитие, модель отчетности, показатели результативности деятельности, механизмы управления, комплексная оценка

Концепция устойчивого развития, как логическое продолжение процесса экологизации научных знаний, уже в 70-х гг. XX столетия была признана глобальной концепцией в международном экономическом пространстве. Во многих документах, разрабатываемых в рамках этой глобальной концепции затрагивались проблемы как прекращения нерационального использования ресурсов окружающей среды, перехода к информационному обществу и изобилию ресурсов информации и знаний, управления активами в виде традиционного физического, а также природного и человеческого капитала. Устойчивое развитие рассматривалось как фактор роста во времени всех названных активов (капиталов).

Эволюционные взгляды на концепцию устойчивого развития в экономике дают понимание синергетическим связям устойчивого развития экономических и политических систем, обеспечивающих «удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [цит. по: 1, с. 2]. Для возможности управления процессами устойчивого развития, увеличения на этой основе потенциала знаний и новых инновационных решений в начале 2000-х гг. была создана система отчетности в области устойчивого развития (*GRI*), предназначенная для использования организациями любого масштаба бизнеса, отрасли и местоположения. Представленное общественности и бизнесу разных стран Руководство по отчетности в области устойчивого развития (*GRI*) включало общие и специфичные для отдельных отраслей материалы, которые во всем мире были признаны универсальными для подготовки Отчетности о результатах деятельности организации в области устойчивого развития.

Модель отчетности в области устойчивого развития изначально была построена на основе трех взаимосвязанных систем показателей [1]:

I. Показатели экономической результативности;

II. Показатели экологической результативности;

III. Показатели результативности подходов к организации труда и достойного труда.

Каждая из трех систем показателей результативности включает разные группы взаимосвязанных показателей, названных аспектами, перечень которых представлен в таблице 1.

В целом модель Отчетности в области устойчивого развития включает 53 показателя, имеющих количественные и качественные характеристики, благодаря которым заинтересованные пользователи могут получить сбалансированную и обоснованную картину результатов деятельности организации в отношении устойчивого развития (включая положительный и отрицательный вклады).

Таблица 1

Система показателей результативности деятельности в области устойчивого развития [1, с. 29–34]

Системы показателей	Группы (аспекты) показателей и количество
I. Показатели экономической результативности	*Аспект:* экономическая результативность (4 показателя) *Аспект:* присутствие на рынках (3 показателя) *Аспект:* непрямые экономические воздействия (2 показателя)
II. Показатели экологической результативности	*Аспект:* материалы (2 показателя) *Аспект:* энергия (5 показателей) *Аспект:* вода (3 показателя) *Аспект:* биоразнобразие (5 показателей) *Аспект:* выбросы, сбросы и отходы (10 показателей) *Аспект:* продукция и услуги (2 показателя) *Аспект:* соответствие требованиям (1 показатель) *Аспект:* транспорт (1 показатель) *Аспект:* общие (1 показатель)
III. Показатели результативности подходов к организации труда и достойного труда	*Аспект:* занятость (3 показателя) *Аспект:* взаимоотношения сотрудников и руководства (2 показателя) *Аспект:* здоровье и безопасность на рабочем месте (4 показателя) *Аспект:* обучение и образование (3 показателя) *Аспект:* разнообразие и равные возможности (2 показателя)

Однако, границы Отчетности, представленной в Руководстве, охватывают далеко не все вопросы, с которыми сталкиваются организации в процессе своей деятельности и (или) в управлении этой деятельностью.

В системе управления устойчивым развитием следует выделить процессы, которые затрагивают: анализ внешних и внутренних факторов устойчивого развития; прогнозирование; оценку рисков; степень устойчивости организации; формирование целей, выбор и обоснование новых механизмов управления устойчивым развитием; внедрение новых механизмов управления устойчивостью.

В теории устойчивым развитием экономических систем могут быть использованы следующие механизмы для управления [2, с. 251–258]:

– *адаптивное управление*, нацеленное на проведение изменений, обеспечивающих приспособляемость системы к объективным требованиям реальной действительности;

– *антикризисное управление*, применяемое в отношении денежных потоков, прибыли (доходов), снижения долговой нагрузки и т.д. хозяйствующих субъектов;

– *процессное управление*, при котором акценты смещаются с управления отдельными ресурсами на управление бизнес-процессами, связывающими воедино деятельность разных частей (подразделений) системы;

– *индикативное управление*, предполагающее плановое регулирование экономического развития, базирующегося на индикативном планировании, т.е. на процессе формирования и последующего достижения системы параметров (индикаторов), которыми характеризуется состояние и экономическое развитие системы;

– *инновационный механизм управления*, предполагающий реализацию конкурентных преимуществ высокого порядка, основанных на использовании новых технологий, высокой квалификации работников и на новых подходах в управлении.

Задачи управления устойчивым развитием позволяют говорить о разной направленности отчетности современных организаций, которые, помимо отчетности в области устойчивого развития и бухгалтерской (финансовой) отчетности, формируют также управленческую и стратегическую отчетность, считая, что для управления бизнесом необходимы не только финансовые, но и нефинансовые показатели.

Следует заметить, что Институт управленческого учета США практикует использование финансовых и нефинансовых показателей при измерении эффективности компаний. Однако по мере того, как конкурентное окружение все сильнее требует от руководства понимания и более вдумчивого принятия оперативных решений, нефинансовые показатели результатов деятельности, такие как доля рынка, новаторство, качество и уровень обслуживания, производительность и работа с кадрами, играют более весомую роль при оценке результатов деятельности. Примеры показателей, которые могут использоваться для комплексной оценки результатов деятельности компаний и формироваться на основе управленческой отчетности, приведены Институтом управленческого учета США в Положении «Разработка комплексных показателей эффективности» (*SMA 4U «Developing Comprehensive Performance Indicators*») (табл. 2).

Безусловно, состав представленных в таблице 2 показателей не является закрытым, может получить свое развитие в организации в зависимости от направления ее бизнеса, отраслевой специфики, занимаемых позиций на рынке. Но главное, что следует отметить, между группами показателей Отчетности в области устойчивого развития и показателей эффективности для комплексной оценки деятельности прослеживается связь. И это подтверждают авторы исследований теории устойчивого развития, позиционируя необходимость применения мониторинга показателей (индикаторов) эффективности деятельности. «Система мониторинга устойчивого развития (СМУР) – эффективная комплексная система наблюдений, контроля и оперативного управления устойчивым развитием социально-экономической

Таблица 2

Ключевые показатели эффективности для комплексной оценки результатов деятельности [3, с. 21–22]

Группы показателей	Наименование показателей
I. Показатели окружающей среды	- Часы коммунального обслуживания. - Часы производственной деятельности. - Процент повторно использованных материалов. - Объем выбросов загрязняющих веществ. - Аварии и повреждения, связанные с продукцией и услугами. - Штрафы/нарушения государственных постановлений.
II. Показатели рынка и заказчиков	- Доля рынка. - Новые и упущенные заказчики. - Индексы удовлетворенности или неудовлетворенности заказчиков. - Показатель качества. - Показатель доставки. - Время отклика. - Прибыльность по рынку/каналу/клиенту. - Гарантийные рекламации и возвраты.
III. Показатели конкурентов	- Доля рынка (рынков). - Индексы удовлетворенности или неудовлетворенности заказчиков. - Показатель качества. - Показатель доставки. - Показатель цен. - Время цикла разработки новой продукции. - Ассортимент новой продукции. - Финансовые показатели.
IV. Показатели внутренних бизнес-процессов	- Время цикла разработки продукции. - Количество новых видов продукции. - Время цикла производства. - Оборачиваемость товарных запасов. - Время исполнения заказа. - Реализация (производство) на работника. - Метрики плохого качества. - Показатели реинвестиций. - Показатель устойчивости.
V. Учет людских ресурсов	- Дисциплина работников. - Соотношение претендентов/принятых. - Часы разработки на работника. - Метрики компетентности сотрудников. - Метрики гибкости сотрудников. - Предложения от сотрудников. - Показатели текучести.
VI. Финансовые показатели	- Рост доходов. - Прибыльность рынков/клиентов. - Прибыльность по продукту. - Рентабельность продаж. - Оборачиваемость капитала. - Добавочная экономическая стоимость. - Прибыль на капитал. - Рентабельность капитала. - Движение денежных средств.

системы в целом и ее отдельных элементов. СМУР должна аккумулировать в себе банки данных, содержащих информацию об экономических, экологических, социальных и инновационных аспектах устойчивого развития… Она позволяет оперативно и своевременно реагировать на текущую ситуацию, получать максимальную информацию о состоянии объекта и прогнозировать возможные угрозы, создавая предпосылки для эффективного управления устойчивым развитием» [2, с. 223].

Прогнозирование *возможных угроз устойчивому развитию* справедливо будет отнести к сфере *экономической безопасности предприятия*, а использование групп показателей устойчивого развития и эффективности деятельности – для формирования системы показателей (индикаторов) экономической безопасности и их пороговых значений. Оценка достижения заданного порогового уровня того или иного показателя позволит измерять состояние (достигнутый уровень) экономической безопасности предприятия. Для эффективного управления деятельностью по обеспечению экономической безопасности необходим также мониторинг, включающий в себя: «исследование объекта, его оценку, контроль, прогнозирование, а также разработку рекомендаций для принятия управленческих решений по приведению объекта в оптимальное состояние. *Управление* предполагает принятие эффективного управленческого решения по приведению объекта в оптимальное состояние, а также проведение мероприятий, реализующих это решение. *Цель мониторинга* – получение информации, необходимой для принятия управленческих решений. Цель управления – обеспечение устойчивости…» [2, с. 221].

Уточним: цель управления на основе информации мониторинга – это о*беспечение устойчивого и безопасного развития.*

Разработчики управленческой отчетности считают, что при отсутствии жесткой нормативной регламентации форм управленческой отчетности можно руководствоваться Положением «Основы отчетной информации для менеджеров» (*Fundamentals of Reporting Information to Managers*), в который включен список форм, отражающих финансовую и нефинансовую информацию, и который, в свою очередь, может быть модифицирован с целью отражения показателей для определения и прогнозирования угроз экономической безопасности.

Предприятия могут в своей учетной политике и внутренних стандартах определить состав определенных видов управленческой отчетности. Приведем пример.

Управленческая отчетность для текущих целей управления деятельностью по обеспечению экономической безопасности должна содержать фактическую информацию отчетного периода и обеспечивать решение следующих задач:

– обеспечение управленческого контроля по видам (сегментам) и направлениям деятельности;

– выявление резервов эффективности и принятие решений о корректировке плановых заданий для снижения рисков на предстоящий текущий период.

Наличие методического обеспечения по формированию управленческой отчетности позволяет осуществлять выбор системы показателей, являющихся ключевыми для каждой области текущей деятельности, связанных с показателями (индикаторами) экономической безопасности.

Управленческая отчетность для стратегических целей содержит прогнозную информацию о рисках и угрозах экономической безопасности на установленный для решения стратегических задач период и обеспечивает принятие решений по корректировке стратегических ориентиров бизнеса.

Управленческая отчетность в области устойчивого развития может содержать не три, а четыре блока отчетных форм:

1) о результативности экологической деятельности;

2) о результативности экономической (производственной) деятельности;

3) о результативности подходов к организации труда и достойного труда;

4) *о результативности деятельности в области экономической безопасности.*

Форматы отчетов, включенных в состав каждого вида отчетности, могут включать сбалансированные системы показателей в каждой области и поэтому легко выделяются в самостоятельные виды отчетности.

Такой подход, содержащий вариативность в выборе нужной для управления информации, следует признать универсальным.

Что касается конкретной информации для контроля за деятельностью в области обеспечения экономической безопасности, то в процессе формирования такой информации следует предусмотреть следующие моменты.

Первое. Центральным звеном модели управления деятельностью по обеспечению экономической безопасности предприятия является оценка его финансового потенциала, поскольку именно от этих исходных данных зависит стратегия его дальнейшего развития. Среди внешних факторов (угроз) особенно актуальны *угрозы финансовой несостоятельности*, в т.ч.: снижение платежеспособности; снижение рентабельности собственного капитала; нарушение оптимального соотношения кредиторской и дебиторской задолженности; нарушение оптимального соотношения краткосрочных обязательств и наиболее ликвидных активов; рост налоговой нагрузки предприятия.

Второе. Следуя предлагаемому *GRI* и *SMA* составу показателей оценки устойчивости и эффективности деятельности в отчете «О результативности деятельности в области экономической безопасности», следует выделить показатели (индикаторы), входящие в контуры *угроз кадровой безопасности и угроз информационной безопасности предприятия*. Угрозы кадровой безопасности возникают при отсутствии эффективной кадровой политики, слабой мотивации труда и отсутствии профессионализма у сотрудников. Угрозы информационной безопасности возникают в связи с незащищенностью от мошеннических действия и утечки информации при использовании новых информационных технологий, цифровизации.

Третье. Количество показателей (индикаторов), относящихся к каждому из трех названных выше контуров угроз должно быть одинаковым (3–5). Для каждого показателя (индикатора) можно использовать традиционные формулы их расчета. Для сводной оценки состояния экономической безопасности применяются, как правило, интегральные показатели. При экспертных оценках могут применяться нормализованные показатели по каждому контуру угроз, использоваться балльные оценки.

Четвертое. Разработка системы показателей для оценки деятельности по обеспечению устойчивого развития и экономической безопасности, определение их пороговых значений, является подготовительным этапом к работе мониторинга. Сложность обеспечения (информационного, организационно-управленческого, технического и др.) мониторинговых систем для отдельных предприятий требует дополнительного исследования подходов и выбора инструментария с учетом отраслевой специфики, масштабности и других особенностей их деятельности.

Считаем, что решение проблемы устойчивого развития бизнеса как фактора обеспечения его экономической безопасности требует комплексного решения на основе новых научных подходов к сбору, систематизации информации для текущего и стратегического контроля, позволяющего отследить появление угроз, противодействовать предпринимательским рискам разного характера.

Литература:

1. Руководство по отчетности в области устойчивого развития (GR). – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://rspp.ru/12/11938.pdf

2. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: «Анкил», 2013. – 688 с.
3. Аверчев И.В. Управленческий учет и отчетность. Постановка и внедрение. – М.: Вершина, 2008. – 512 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Миронова О.А, Мальсагов И.А. Концепция контроля за реализацией стратегических задач и достижением ключевых показателей стратегического развития // Экономические науки. – 2013. – № 109. – С. 32–37.
6. Бобошко В.И., Миронова О.А., Миронов А.А. Концепция формирования и развития учетно-аналитической информации в условиях пространственного развития экономики России // Инновационное развитие экономики. – 2022. – № 5 (71). – С. 225–230.
7. Учетно-аналитическая информационная составляющая сбалансированного развития коммерческой организации / В.А. Маняева, В.А. Пискунов, И.В. Фролова, В.П. Фомин, П.В. Фомин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 216 с.

The Concept of Sustainable Business Development as a Factor of Ensuring Economic Security

Mirgorodskaya M.G.
Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University)

The article discusses the importance of the provisions of the theory of sustainable development and foreign experience of their application in the field of reporting, describes management reporting, its types from the perspective of forming a system of indicators (indicators) to assess the activities to ensure sustainable development and economic security of the enterprise.

Key words: sustainable development, reporting model, performance indicators, management mechanisms, integrated assessment

УДК 338.2

Формирование инновационной модели продовольственной безопасности на основе устойчивого экономического роста тепличного сектора аграрного производства

Миргородская М.Г.
Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Глинберг В.А.
Аспирант кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

В статье рассмотрены вопросы значимости отрасли закрытого овощеводства в обеспечении продовольственной безопасности государства. Приведены статистические данные об уровне потребления и производства свежих овощей. Определены ключевые параметры функционирования тепличного овощеводства, на основе которых сформулированы факторы устойчивого развития отрасли. Определена модель устойчивого развития отрасли закрытого овощеводства как элемента инновационной модели продовольственной безопасности государства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная независимость, тепличный сектор аграрного производства, овощеводство закрытого типа, устойчивое развитие

Инновационная экономика затронула все сферы национального хозяйства страны. Новации и обновление касаются не только технологической организации производства продукции (товаров, услуг), но и управления, в том числе управления деятельностью по обеспечению экономической и продовольственной безопасности аграрного сектора.

Ключевым приоритетом развития Российской Федерации в настоящее время является обеспечение национальной безопасности государства. Подтверждением серьезности и актуальности данной проблемы выступают федеральные нормативно-правовые акты, регламентирующие различные аспекты внутренней и внешней политики, направленные на достижение целей и задач по укреплению национальной безопасности страны. Базовый документ стратегического планирования – «Стратегия национальной безопасности», дополняющий положения Федеральных законов от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и иных нормативно-правовых актов. Стратегия национальной безопасности включает в себя комплекс стратегических национальных приоритетов [1], все из которых в конечном счете ориентированы на формирование качественного, высокого уровня жизни населения страны, который невозможен без удовлетворения базовой потребности человека в пище – ее качественной и количественной доступности.

Все это является критерием обеспечения продовольственной безопасности и отражается в Доктри-

не продовольственной безопасности, в соответствии с которой продовольственная безопасность – это состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни [2].

В Доктрине подробно отражены критерии, показатели и индикаторы их оценки, риски и угрозы, задачи по обеспечению продовольственной безопасности государства. Обобщая положения документа, можно констатировать, что достижению продовольственной безопасности в первую очередь будет способствовать обеспечение экономического роста аграрного производства – совокупности отраслей экономики, направленных на производство сельскохозяйственного сырья и продукции его переработки. При этом ключевую роль здесь играет производство сельскохозяйственной продукции – зерновых, овощных, кормовых, плодово-ягодных культур.

Однако эти отрасли характеризуются наиболее сложными производственными и рисковыми параметрами, оказывающими влияние на продовольственную самообеспеченность населения Российской Федерации. Климатические условия нашей страны обуславливают высокую ограниченность доступности свежих овощей и фруктов для населения в зимнее время. При этом по рекомендациям Всемирной организации здравоохранения норма потребления свежих овощей в расчете на одного человека составляет 600 г в сутки. В соответствии с российскими рекомендациями [3] ежедневно в рационе человека должно присутствовать не менее 400 г свежих овощей, что способствует поддержанию необходимых функций жизнедеятельности. Употребление в пищу свежих овощей способствует укреплению иммунитета и является одним из методов превентивной медицины, способствующих в долгосрочной перспективе сохранению здоровья населения. Однако реальный уровень потребления находится гораздо ниже рекомендуемого значения (рис. 1).

Выращивание овощей требовательно к природно-климатическим условиям, что является серьезной проблемой для нашей страны, поскольку большая часть территорий РФ признается рискованной для земледелия. При этом в осенне-зимний период свежие овощи не пропадают с прилавков магазинов, однако в большей степени продукция эта импортная, что обуславливает высокий уровень цен на нее.

Таким образом, одним из факторов, обуславливающих недостаточное присутствие свежих овощей в ежедневном рационе человека является их физическая доступность. Природно-климатические условия нашей страны обуславливают неравномерность и ограниченность зон возделывания овощных культур в естественных условиях, что отрицательно сказывается на объемах производства и уровне потребления. Объема производства южных регионов с благоприятными для таких культур условиями недостаточно для закрытия потребностей в свежих овощах всей страны [4]. Обострение данной проблемы начало происходить после введения в 2014 г. санкций в отношении РФ, когда импорт многих продовольственных товаров из ряда стран оказался под запретом.

В сложившейся ситуации актуальными становятся вопросы поиска альтернативных источников инновационного производства овощной продукции, одним из которых является возделывание овощных культур в условиях закрытого грунта, то есть тепличное производство. Выращивание овощей и фруктов в условиях защищенного грунта – капиталоемкая, энергоемкая и наукоемкая отрасль сельского хозяйства. Но, несмотря на все сложности, российские фермеры активно развивают данное направление сельскохозяйственного производства (рис. 2).

За 10 лет более чем в два раза увеличились объемы производства свежих овощей в условиях закрытого грунта. Сельскохозяйственные организации производят почти 73 % от общего объема производства, на долю хозяйств населения приходится 27 %. Лидерами по производству тепличных овощей являются Липецкая, Московская, Калужская, Волгоградская, Новосибирская, Саратовская, Челябинская области, Краснодарский и Ставропольский края,

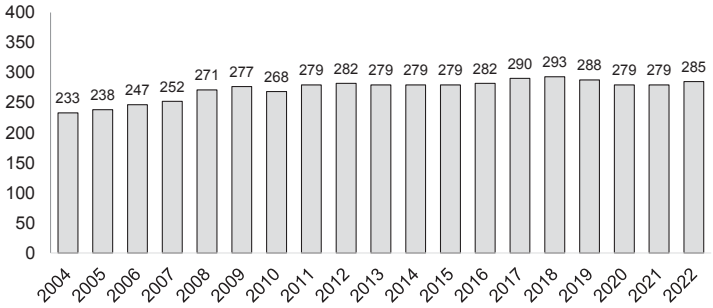

Рис. 1. Динамика ежедневного потребления свежих овощей в РФ на человека, г [3]

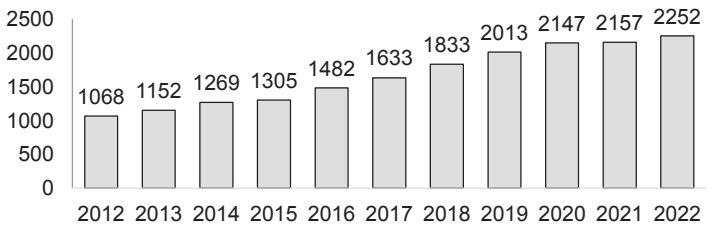

Рис. 2. Динамика валового сбора овощей тепличных хозяйств в РФ, тыс. т [5]

Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Карачаево-Черкесская Республика – на их долю приходится около 60 % от общего объема производства. По данным Росстата самообеспеченность отечественными тепличными овощными культурами на конец 2022 г. составляет 72 % в среднем за год. В зимний период ситуация несколько хуже – самообеспеченность свежими отечественными овощами в целом по Росси составляет 60 %, в частности в 2019 г. данный показатель по федеральным округам (ФО) был следующий: Дальневосточный ФО – 26 %, Сибирский ФО – 27 %, Северо-Западный ФО – 33 %, Уральский ФО – 36 %, Приволжский ФО – 37 %, Северо-Кавказский ФО – 50 %, Центральный ФО – 86 %, Южный ФО – 140 % [5].

Активному развитию тепличной отрасли способствовало введенное в 2014 г. продовольственное эмбарго, которое привело к существенному сокращению импортного продовольствия, в частности, овощной продукции и необходимости принятия мер по стимулированию отечественного производства. Развитие тепличной отрасли решает не только проблему с импортозамещением овощной продукции, но и позволяет минимизировать фактор сезонности, который оказывает сильное влияние на отрасль овощеводства.

Площадь защищенного грунта на конец 2022 г. составила более 41 млн кв.м. Ежегодный прирост прогнозируется на уровне не менее 5 %. Однако, несмотря на то что производство овощей в тепличных условиях положительно сказывается на сглаживании сезонности производства, увеличении производства в целом благодаря снижению влияния природно-климатического фактора, данный вид возделывания сельскохозяйственных культур имеет ряд сложностей и рисков.

Во-первых, очень высокие капитальные затраты. Современные производственные теплицы очень технологичны и включают в себя следующие элементы: промышленные установки на аэропонике, *LED*-досветку, систему управления микроклиматом, вертикальные конструкции, повышенное давление, зашторивание, капельный полив. При этом технологичность теплиц – обязательное условие, благодаря которому достигается увеличение производительности культур, выращиваемых в закрытом грунте. Устаревшие технологии не выдерживают конкурентной борьбы и уходят с рынка.

Во-вторых, высокие теплозатраты – практически 50 % в общей себестоимости продукции тепличного производства, что, опять же, связано с особенностью климатических условий нашей страны. Ключевым направлением снижения теплозатрат является внедрение инновационных технологий повышения энергоэффективности, в том числе внедрение интегрированных систем автоматизации, обеспечение точности регулирования микроклимата посредством автономных систем энергообеспечения. На повышение теплоэффективности также влияет и совершенствование тепличных конструкций [6]. Свежие овощи – продукция с ограниченным сроком годности, поэтому немаловажным фактором в повышении эффективности тепличного производства является маркетинговая и сбытовая политика. Также среди рисковых факторов в тепличном производстве можно выделить высокую зависимость от импортных семенных материалов.

Несомненно, овощеводство закрытого грунта обладает высоким инновационным потенциалом в формировании продовольственной независимости и безопасности государства, для использования которого необходимо идентифицировать факторы, оказывающие влияние на эффективность производства продукции тепличной отрасли, механизмы формирования себестоимости продукции и ценообразования, тарифной политики, конкурентоспособности субъектов рынка. Другими словами, необходимо определить параметры, индикаторы и механизм оценки уровня устойчивого развития предприятий отрасли овощеводства закрытого типа.

Вопросы устойчивого развития аграрной отрасли на протяжении длительного времени являются предметом научных поисков. Предпринято множество попыток сформулировать содержание данной экономической категории. Так, по мнению В.В. Боджаева, «устойчивое развитие АПК – это способность субъектов данного воспроизводства непрерывно и динамично поддерживать рациональную пропорциональность между факторами воспроизводства агропромышленного комплекса и необходимыми темпами его развития в условиях хозяйственного риска и неопределенности» [7]. В.А. Коптюг определяет устойчивое развитие как «развитие, обеспечивающее выполнение задач социально-экономического прогресса и интересов народа» [8]. И.Г. Ушачев устойчивое развитие понимает не как рост отдельных количественных показателей, а как «способность аграрной сферы к расширенному воспроизводству, росту производительности труда, более полному удовлетворению социальных потребностей и улучшению уровня жизни населения» [9].

Отрасль овощеводства закрытого типа характеризуется такими параметрами, как:

– необходимость использования современных технологий и инновационных решений, позволяющих минимизировать энергоемкость продукции, повысить производительность;

– необходимость производства конкурентоспособной, качественной, физически и экономически доступной овощной продукции в круглогодичном режиме;

– необходимость обеспечения стабильного роста производства, устойчивого к колебаниям конъюнктуры внешнего рынка – политическим, экономическим, социальным;

– необходимость реализации эффективной маркетинговой политики, обеспечивающей устойчивый сбыт произведенной продукции.

Таким образом, обобщая разные трактовки устойчивого развития и учитывая особенности функционирования отрасли, выделим ее ключевые характеристики.

Во-первых, устойчивое развитие отрасли определяется уровнем устойчивого развития отдельных хозяйствующих субъектов.

Во-вторых, устойчивое развитие предприятия отрасли – это такое состояние социально-экономической системы развития хозяйствующего субъекта, при котором обеспечивается непрерывное, равномерное производство экологически чистой продукции в течение года в количестве, достаточном для удовлетворения спроса населения, выполнения и перевыполнения показателей доктрины продовольственной безопасности в части самообеспеченности овощной продукцией путем использования инновационных технологий, способствующих повышению эффективности производства.

Комплексный системный подход к пониманию устойчивого развития позволяет выделить отдельные его элементы, необходимые для обеспечения эффективного управления уровнем устойчивого развития предприятия тепличного сектора аграрного производства в инновационной среде (рис. 3).

Рис. 3. Модель управления устойчивым развитием тепличного сектора

Ключевой целью управления устойчивым развитием тепличной отрасли является достижение приоритетов продовольственной безопасности государства, а именно – удовлетворение потребности населения в качественном продовольствии в достаточном количестве, повышение конкурентоспособности отечественных предприятий и обеспечении их способности к участию в реализации стратегии импортозамещения. Немаловажным фактором является повышение рентабельности деятельности предприятий отрасли, благодаря сокращению издержек за счет инновационного подхода к производству, что обеспечит большую экономическую доступность продовольствия для населения, а также увеличит инвестиционную привлекательность хозяйствующих субъектов.

Центральным звеном модели управления устойчивым развитием предприятия овощеводства закрытого грунта является оценка его потенциала, поскольку именно от этих исходных данных зависит стратегия его дальнейшего развития. Среди внешних факторов особенно актуальны:

– природно-климатический – территория страны огромна, и хотя закрытый грунт отчасти сглаживает влияние погодного фактора и дает возможность заниматься данным типом сельского хозяйства практически в любом регионе, следует помнить, что затраты все-таки будут различаться на производство, например, в южном и дальневосточном федеральных округах;

– государственная поддержка крайне важна в овощеводстве закрытого грунта, поскольку инвестиционные затраты довольно высоки и повысить инвестиционную привлекательность можно отчасти гарантией помощи государства;

– эффективное овощеводство закрытого грунта – высокотехнологичная и инновационная отрасль сельского хозяйства. Для повышения энергоэффективности отрасли необходимо в первую очередь иметь определенный уровень технологического развития государства.

Внутренними факторами, свидетельствующими о высоком потенциале предприятия, являются внедрение результатов научно-технологического прогресса в производственный процесс, что положительно сказывается на уровне рентабельности, объемах производства. Крайне важной является эффек-

тивная маркетинговая политика, включающая в себя налаженные каналы сбыта и систему продвижения продукции, конкурентный потенциал предприятия, наличие необходимых кадровых ресурсов и грамотную управленческую политику.

На основе существующего потенциала предприятия и с учетом национальной стратегии в сфере обеспечения продовольственной безопасности страны разрабатывается стратегия устойчивого развития тепличной отрасли, в том числе план мероприятий, индикаторы и методы оценки достижения целевых параметров устойчивого развития.

Решение проблемы продовольственной независимости в части обеспечения населения овощной продукцией хоть и крайне актуальная проблема, но не единственная в системе обеспечения продовольственной безопасности государства. Предложенная модель управления уровнем устойчивого развития тепличной отрасли АПК является функциональным блоком в общей модели обеспечения продовольственной безопасности государства и должна оцениваться в совокупности с другими составляющими ее элементами.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.08.2016 г. № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» // СПС КонсультантПлюс.
4. Чиркова И.Г., Болгов А.Д. Социально-экономические аспекты развития тепличного овощеводства с целью импортозамещения // Дальневосточный аграрный вестник. – 2017. – № 3 (43). – С. 242–249.
5. Перспективы развития тепличного бизнеса в России: исследование SBS Consulting 2019. – URL: https://www.sbs-consulting.ru/upload/Greenhouse_business_perspectives_in_Russia_Mar2019%20.pdf
6. Коков А.А., Такаева Х.Х., Ежиев Х.Б. Основные предпосылки и факторы устойчивого развития агропромышленного комплекса // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 12. – С. 116–120.
7. Боджаева В.В. Приоритеты инновационного развития агропромышленного комплекса региона // Вестн. Алтайск. гос. аграр. ун-та. – 2008. – № 10 (60). – С. 116–117.
8. Коптюг В.А. Избранные труды. Т. 4: Информатика. Экология. Устойчивое развитие. – М.: Типография «Наука», 2006. – 502 с.
9. Ушачев И.Г. Устойчивое развитие агропродовольственного сектора: основные направления и проблемы // Доклады пленарного заседания Второго Всероссийского конгресса экономистов-аграрников, 13-15 февраля 2006 г. – М.: Росинформагротех, 2006. – С. 3–25.

Formation of an Innovative Model of Food Security Based on Sustainable Economic Growth of the Greenhouse Sector of Agricultural Production

Mirgorodskaya M.G., Grinberg V.A.
Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University)

The article discusses the importance of the indoor vegetable growing industry in ensuring the food security of the state. Statistical data on the level of consumption and production of fresh vegetables is provided. The key parameters of the functioning of greenhouse vegetable growing have been determined, on the basis of which factors for the sustainable development of the industry have been formulated. A model of sustainable development of the indoor vegetable growing industry has been defined as an element of the innovative model of food security of the state.

Key words: food security, food independence, greenhouse sector of agricultural production, indoor vegetable growing, sustainable development

УДК 331.526

Внедрение искусственного интеллекта как компенсационный инструмент преодоления дефицита трудовых ресурсов и механизм повышения производительности труда – международный опыт и российские реалии

Морозов И.В.
Соискатель Института инженерной экономики и предпринимательства
Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Мустафина Г.Н.
Старший преподаватель кафедры информатики
и вычислительной математики, начальник центра
информационных технологий Набережночелнинского
государственного педагогического университета

Авторы рассматривают цифровизацию и внедрение искусственного интеллекта в качестве механизма повышения производительности труда и способа преодоления дефицита трудовых ресурсов. В работе обосновывается необходимость балансировки внутреннего рынка труда через процедуру перераспределения существующих ресурсов за счет повышения эффективности работы экономических субъектов.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, искусственный интеллект, рынок трудовых ресурсов, производительность труда

Политика «отмены» России на международной арене, реализуемая коллективным Западом в 2022–2023 гг., хотя и крайне негативно отразилась на темпах социально-экономического развития, но все же так и не смогла полностью достичь заявленных инициаторами целей. В ходе развязанной санкционной войны, вопреки расчетам стран антироссийской коалиции российская экономика, продемонстрировав свою гибкость и устойчивость, смогла оперативно адаптироваться к геополитическим и геоэкономическим изменениям и сохранить свои позиции на глобальном рынке, оставаясь при этом одним ведущих его акторов. Более того, острая необходимость безотлагательного и эффективного противодействия западному санкционному давлению в значительной степени форсировала ранее заявленные, но достаточно инертно и непоследовательно проводившиеся процессы структурной перестройки и трансформации национальной экономической системы, включая импортозамещение, деиндустриализацию, цифровизацию и др. При этом российская экономика, неся значительные санкционные издержки, но попрежнему оставаясь неотъемлемой частью мирового хозяйства, в полной мере продолжает сталкиваться со всеми «общими» системными угрозами и вызовами глобального рынка, ключевым из которых является дефицит трудовых ресурсов, обострившийся вследствие ускорения процесса старения населения и снижения рождаемости. В соответствии с прогнозами ООН, к 2050 г. число жителей Земли старше 65 лет достигнет 2 млрд чел. или 16 % [1], что превращает демографический фактор сокращения численности рабочей силы в вызов планетарного масштаба. Говоря о демографической ситуации в России, необходимо отметить, что к началу 2023 г. население в категории «65+» увеличилось до 16,5 % и число россиян этого возраста достигло 24,1 млн, к 2057 г. их доля составит уже 26 % и только с 2060 г.

ожидается начало процесса «омоложения» [2], позволяющего надеяться на балансировку внутреннего рынка труда через «естественный» механизм увеличения рождаемости.

Научно обоснованная оценка текущего состояния российского рынка трудовых ресурсов говорит о том, что национальная экономика в 2023 г. в полной мере начала испытывать в промышленно-производственной сфере не просто дефицит, а кадровый голод, который объективно трансформируется в основную угрозу экономической безопасности страны и трудно преодолимое препятствие на пути роста производства. Сегодня как эксперты, так и работодатели отмечают несоответствие профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов потребностям реального сектора экономики, фиксируя «и количественный, и качественный» их дефицит [3]. И если эффективно решать проблему повышения «качества» кадров возможно уже в настоящее время путем реформирования системы подготовки кадров и создания механизма стимулирования их профессионального роста, то полностью купировать воздействие «количественного» фактора можно только в долгосрочной перспективе, комплексно решая системные проблемы российской экономики в увязке со стимулированием россиян к увеличению рождаемости. Пока же, в условиях почти полного отсутствия кадровых резервов, компенсировать естественное «сужение» внутреннего рынка трудовых ресурсов возможно исключительно через интенсификацию труда уже задействованных в производственном процессе работников, которая не имеет каких-либо технологических пределов, но ограничена психофизическими возможностями человеческого организма. При этом российская экономика объективно имеет большие резервы для роста производительности труда, т.к. существующие на сегодня показатели выработки и трудоемкости в сфере промышленного производства разительно отличаются от аналогичных показателей экономически развитых стран, а переформатирование производственных процессов и повышение их эффективности за счет широкого внедрения инновационных технологий может в значительной мере компенсировать сформировавшийся недостаток рабочих рук.

Одним из наиболее перспективных направлений повышения эффективности экономики на сегодняшний день является внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) в производственные и управленческие процессы. Первые научно-теоретические разработки в области ИИ начались после завершения Второй мировой войны с началом внедрения компьютерной инженерии, а в 1950 г. английский математик Алан Тьюринг сформулировал идею возможности наделения вычислительных машин интеллектом и разработал не утративший актуальности и сегодня тест оценки их способностей. Авторство термина «искусственный интеллект» (*artificial intelligence*) принадлежит американскому ученому Джону Маккарти, который, оставаясь в рамках концепции наличия интеллекта исключительно у живых существ, в 1956 г. все же предположил, что компьютер можно научить генерировать и решать определенные прикладные задачи. Параллельно аналогичные исследования проводились и в Советском Союзе, что позволило основоположнику отечественной кибернетики академику А.Н. Колмогорову в 1963 г. выступить со спорным на тот момент утверждением о том, что машины и автоматы в принципе способны воспроизводить все виды физической и умственной активности, включая эмоциональную составляющую. В дальнейшем мировое научное сообщество, качественно повысив эффективность ЭВМ и используя новейшие открытия в области нейрофизиологии мозга, смогло искусственно смоделировать обучающуюся логическую структуру – нейронную сеть, устроенную по принципу нервной сети головного и спинного мозга человека, которая стала фундаментом технологий искусственного интеллекта.

Сегодня практически все экономически развитые страны и ведущие мировые корпорации безоговорочно признают экономическую эффективность технологий ИИ и уделяют повышенное внимание проблемам их внедрения в финансово-хозяйственную и управленческую практику, а наиболее авторитетные мыслители и общественные деятели широко обсуждают связанные с этим возникшие нравственно-этические вызовы и угрозы для общества. И хотя массовое использование роботизированного интеллекта и несет для человечества опасность бесконтрольного и неуправляемого его развития, получаемые уже сейчас и прогнозируемые в будущем значительные экономические выгоды стимулируют ускорение процессов внедрения ИИ и расширения сфер его применения. Согласно данным ресурса *Crunchbase*, связанные с ИИ стартапы в период с 2013 по 2022 гг. привлекли 257 млрд долл. в виде инвестиций, что составило 10 % всех венчурных вложений в мире за этот период [4], а эксперты аналитического агентства «*IDC*» прогнозируют в среднесрочной перспективе ежегодный рост глобальной сферы ИИ на 42 %, совокупный объем которой к 2032 г. оценивается в 1,3 трлн долл. [5]. При этом в соответствии с информацией *New Vantage Partners*, в 2023 г. 92 % крупнейших мировых компаний уже начали получать прибыль от инвестиции в искусственный интеллект [6], что обозначает устойчивый тренд на сокращение издержек и повышение конкурентоспособности бизнеса через технологическую трансформацию, основанную на использовании ИИ. В то же время в соответствии со статданными одной из ведущих мировых

профессиональных объединений ИТ-индустрии «Ассоциации индустрии компьютерных технологий» (*CompTIA*), в 2022 г. доля связанных с ИИ процессов составила в госуправлении 6 %, образовании и медиа-бизнесе по 8 %, в медицине – 9 %, в производстве и торговле по 4 %, в финансовом секторе – 15% и в разработке технологий – 17 % [7]. Вместе с тем в соответствии с информацией консалтинговой компании *Challenger, Gray&Christmas* в США в течение мая 2023 г. уже 4 тыс. чел. официально потеряли свою работу из-за внедрения технологий ИИ [8], а аналитики *Newedge Wealth* заявляют о сокращении по этой причине в мире к 2035 г. 300 млн рабочих мест [9].

Анализ мирового рынка продуктов, связанных с ИИ, показал, что наиболее востребованными являются его способности к анализу больших данных, распознаванию образов и последующему их самостоятельному генерированию, что позволяет современным компьютерным системам уже сегодня не только успешно конкурировать с человеком в значительном сегменте экономики и на постоянной основе войти в повседневную жизнь современного общества, но и эффективно замещать значительное число биотических сотрудников, стандартные и рутинные функции которых более результативно выполняются алгоритмами. На сегодняшний день наиболее активно в мире связанные с искусственным интеллектом технологии применяются в здравоохранении и медицине, куда в 2022 г. было направлено 6,1 млрд долл. инвестиций и где по прогнозам их использование только в США приведет к ежегодному снижению затрат на 5–10 % или 200–360 млрд долл. [10]. Не менее энергично ИИ осваивает индустрию управления данными и облачные технологии (сумма инвестиций 5,9 млрд долл.), а также финансовую сферу (5,5 млрд долл.) [10], где он демонстрирует значительные результаты в вопросах оценки кредитоспособности потенциальных клиентов и автоматизации процессов кредитования, управления рисками и защиты от мошенничества. Кроме того, согласно прогнозам, именно внедрение ИИ и связанные с этим усовершенствования поисковых инструментов приведут к дальнейшему развитию интернет-индустрии и электронной коммерции и форсируют процесс перехода от офлайн к онлайн торговле, качественно увеличивая потенциал последней.

При этом нельзя не отметить успехи ИИ в управлении городской инфраструктурой и обеспечении правопорядка. Власти КНР смогли с его помощью внедрить общегосударственную систему оценки «социального рейтинга» граждан, актуальная информация в которую в режиме «24х7» загружается с установленных в общественных местах камер наблюдения. В дальнейшем поступившие данные анализируется в автоматическом режиме с использованием технологий распознавания лиц и объектов и в режиме реального времени без непосредственного участия человека предпринимаются конкретные ответные действия по блокированию потенциальной угрозы. На сегодняшний день широкое внедрение ИИ в процесс обеспечения общественного порядка в Китае привело к реальному и верифицируемому снижению показателей уровня преступности и смертности, а поиски пропавших без вести или разыскиваемых лиц стали значительно результативнее. Что касается механизмов управления городской средой, то наиболее значимых результатов в этой сфере смог добиться Сингапур, администрация которого, используя технологии ИИ, добилась максимальной гармонизации величины бюджетных затрат и потребностей населения в комфортном и удобном использовании существующей инфраструктуры, контролируя и управляя не только транспортной или энергетической системами, но и объектами городского хозяйства низового уровня, такими как мусорный бак или уличный светильник.

Как было сказано выше, несмотря на крупномасштабные геополитические и геоэкономические изменения, Россия по-прежнему остается неотъемлемой частью мировой социально-экономической системы и наравне с другими её субъектами подвержена всем актуальным вызовам и в полной мере несет существующие на глобальном рынке риски, дополненные к тому же вынужденным участием в санкционной войне. Однако, несмотря на внешние трудности, за последнее десятилетие в российскую ИИ-индустрию было инвестировано 600 млрд руб., а их рентабельность достигла 240 млрд руб. в год [11, с. 5]. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 65 % применяющих технологии ИИ российских предприятий используют их пока в экспериментальном режиме, в сочетании с иными цифровыми технологиями при создании промышленного ПО (50 %), в связке с коммунальными сервисами и маркетинге (38 %), в комплексе с технологиями Интернета вещей (27 %) [12]. В соответствии с общемировыми тенденциями, наиболее востребованными российской экономикой оказались ИИ-продукты на основе компьютерного зрения (78,7%) и распознавания и синтеза речи (62 %) [12], нашедшие применение в робототехнике, беспилотном транспорте и интеллектуальных системах управления и позволяющие оптимизировать производственные и управленческие процессы. Достаточно последовательное осуществление государственной политики в области ИИ привело к тому, что к концу первого полугодия 2023 г. на российском рынке ИИ работало более 800 компаний [13], а его объем в 2022 г. достиг 647 млрд руб. [14] и имеет устойчивую тенденцию к росту как в краткосрочной, так и средне- и долгосрочной перспективах. В текущем году на реализацию Федерального проекта «Искусственный интеллект»,

являющегося частью национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», планируется направить 6,4 млрд руб. [15], а в целях повышения степени координации работы задействованных в проекте субъектов в июле 2023 г. при Минэкономразвития РФ был сформирован оперативный штаб по искусственному интеллекту.

Основываясь на анализе приведенных выше данных, позволим себе сделать следующие выводы:

1. Главной задачей внедрения искусственного интеллекта является максимально возможное замещение биотических трудовых ресурсов или труда человека в процессе создания национального богатства.

2. Зафиксированные на глобальном и российском рынках тенденции расширения сферы применения технологий, связанных с ИИ, возрастания их роли в процедурах управления и увеличения вклада в формирование мирового ВВП являются устойчивыми и будут сохраняться в долгосрочной перспективе.

3. Широкое внедрение ИИ-продуктов в финансово-хозяйственную деятельность экономических субъектов позволяет снизить издержки производства и повысить эффективность их работы, поднять на принципиально иной уровень оперативность бизнес-процессов и адекватность реагирования на изменение внешних и внутренних условий функционирования.

4. Одним из результатов внедрения ИИ в производственно-управленческие процессы будет повышение их эффективности и высвобождение части ресурсов (включая трудовые), что должно послужить ресурсной основой повышения потенциала российской экономики и резервом экономического роста.

5. Высвобождение части рабочей силы в связи с применением ИИ-технологий не должно привести к количественному уменьшению российского рынка труда, а стать кадровой основой его переформатирования и повышения профессионально-квалификационного потенциала его субъектов, в силу улучшения качественных характеристик, способных осуществлять свою трудовую деятельность в рамках VI технологического уклада.

6. Российская экономика имеет все необходимые ресурсы и в полном объеме обладает соответствующим научным и промышленным потенциалом для продвижения собственных ИИ-технологий как на внутреннем, так и на мировом рынке ИИ-продуктов, а реализуемая государственная политика в данной сфере позволяет надеяться на то, что Россия сумеет занять достойное место в числе стран, определяющих развитие технологий будущего в глобальном мире.

Литература:

1. Эксперт ООН: все поколения обязаны заботиться о благополучии пожилых людей. – URL: https://news.un.org/ru/story/2018/09/1339452
2. Статистика // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistic
3. Решетников назвал аномально низкую безработицу тормозом для экономики. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6198656
4. Официальный сайт. – URL: Crunchbase. https://www.crunchbase.com/
5. Официальный сайт IDC. – URL: https://www.idc.com/
6. Влияние Big Data и ИИ на трансформацию бизнеса. – URL: https://ict.moscow/research/vliianie-big-data-i-ii-na-transformatsiiu-biznesa/
7. Официальный сайт CompTIA. – URL: https://www.comptia.org
8. Layoffs Jump in May on Tech, Retail, Auto; ytd Hiring Lowest Since 2016. – URL: https://letaibe.media/news/v-ssha-iz-za-ii-v-mae-poteryali-rabotu-pochti-4-tysyachi-chelovek/
9. Официальный сайт Newedge Wealth. – URL: https://www.newedgewealth.com/
10. Measuring trends in Artificial Intelligence. – URL: https://aiindex.stanford.edu/report/
11. Применение технологий искусственного интеллекта на финансовом рынке. Ключевые выводы. – URL: https://www.fintechru.org/analytics/issledovanie-primenenie-tekhnologiy-iskusstvennogo-intellekta-na-finansovom-rynke/
12. Туровец Ю., Вишневский К. Искусственный интеллект в России: кто, что и как внедряет. – URL: https://issek.hse.ru/news/862013645.html
13. Запись сессий ЦИПР2023. – URL: https://cipr.ru/stream-2023/
14. Альманах ИИ №12. Индекс 2022 года. – URL: https://ict.moscow/research/almanakh-ii-12-indeks-2022-goda/
15. Дмитрий Чернышенко: Необходимо усилить внедрение прикладных решений по искусственному интеллекту в реальный сектор экономики. – URL: http://government.ru/news/45572/

The Introduction of Artificial Intelligence as a Compensatory Tool to Overcome the Shortage of Labor Resources and a Mechanism to Increase Labor Productivity – International Experience and Russian Realities

Morozov I.V.
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI
Mustafina G.N.
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University

The authors consider digitalization and the introduction of artificial intelligence as a mechanism for increasing labor productivity and a way to overcome the shortage of labor resources. The paper substantiates the need to balance the internal labor market through the procedure of redistribution of existing resources by increasing the efficiency of economic entities.

Key words: digital economy, digitalization, artificial intelligence, labor market, labor productivity

УДК 332.1

Укрепление научно-производственного потенциала регионов как ключевой элемент обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации (на примере Республики Татарстан)*

Нестулаева Д.Р.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

Авхадиева Э.А.
Бакалавр кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В работе в результате анализа доказывается необходимость использования в процессе обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации социально-экономических потенциалов её субъектов. Обосновывается ключевая роль регионов России в процессах технологического обновления и импортозамещения.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, технологическая политика, региональная экономика, технико-экономический потенциал субъектов Российской Федерации

Введение понятия «технологический суверенитет» в широкий научный оборот произошло относительно недавно, что было продиктовано геоэкономическими и геополитическими изменениями, вызванными трансформацией глобальной экономики и отказом большинства государств от однополярного мирового порядка. На фоне этих процессов у значительного числа государств, включая Россию, произошло переосмысление своих национальных интересов, и эти страны стали последовательно реализовывать национально ориентированную политику по отстаиванию своих интересов на международной арене. При этом технологический суверенитет, являющийся неотъемлемой частью государственного суверенитета, стал одним из ключевых факторов сохранения страной своей независимости, территориальной целостности и государственности, что делает проблему его установления и дальнейшего поддержания как никогда актуальной.

На сегодняшний день официальная трактовка понятия «технологический суверенитет» представлена в «Концепции технологического развития на период до 2030 года», где он определяется как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы» [1]. Также к разработке теоретических подходов к оценке этой научной категории были привлечены ведущие российские экономисты, сформулировавшие многочисленные трактовки понятия «технологический суверенитет». Однако в силу ограниченности объема данной статьи мы представим только своё, авторское, определение, в котором оно интерпретируется как наличие собственного научного, технического и технологического потенциалов, позволяющих субъектам на-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10215 «Экономическая стабильность Республики Татарстан через развитие технологического суверенитета», https://rscf.ru/project/23-28-10215/.

циональной экономики самостоятельно и/или во взаимовыгодной международной кооперации разрабатывать, производить и использовать ключевые технологии и сервисы в объемах, позволяющих гарантировать стабильность внутреннего рынка и устойчивость экономической системы, а также купировать внешнее негативное воздействие на процессы выработки и реализации национально ориентированной социально-экономической политики [2].

При оценке уровня технологического суверенитета необходимо исходить из того, что технологической автаркии в условиях глобализации мировой экономики нет и не может быть ни у одной, пусть даже и суперпередовой страны.

В условиях глобализации все субъекты мирового хозяйства находятся в корреляционной зависимости и в той или иной степени оказывают взаимное влияние на экономическую жизнь друг друга. Однако степень этого внешнего воздействия в значительной мере предопределяется качественными и количественными характеристиками социально-экономического потенциала конкретной страны. В частности, установленные антироссийские рестрикции и ограничения ещё больше обострили существующую многие годы проблему наличия разрыва в уровнях технологического развития между Россией и ведущими экономиками мира, продемонстрировав невозможность ряда отечественных отраслей производить конкурентоспособные средства производства и критическую зависимость национальной экономики от импортного оборудования и технологий (табл. 1).

При этом наибольшую угрозу экономической безопасности России представляет импортозависимость и технологическое отставание от «недружественных» стран. В соответствии с оценками ЦБ РФ, наибольшая доля импорта из государств, входящих в антироссийскую коалицию, в конечной продукции наблюдается в автомобилестроении (25 %), производстве резиновых и пластмассовых изделий (18 %), производстве прочих транспортных средств (16 %), машин и оборудования (15 %), а также в сфере фармацевтики (15 %) [4].

Решая проблему обеспечения и поддержания уровня технологического суверенитета, субъекты чаще всего используют отраслевой подход, и его состояние в основном анализируется в разрезе отдельных сфер и отраслей национальной экономики. Однако, в силу ст. 5 Конституции РФ, Россия является федеративным государством и на сегодня состоит из 89 субъектов [5], обладающих достаточно широким кругом полномочий в сфере регулирования экономических отношений и одновременно являющимися крупнейшими владельцами собственности на соответствующих территориях. Причем руководство субъектов, как никакой другой орган власти, заинтересовано в развитии производственно-технического и научного потенциалов своих регионов, т.к. от эффективности региональной экономики зависит объем валового регионального продукта (ВРП), а значит, и объем налоговых поступлений, формирующих их бюджеты.

На сегодняшний день и федеральный центр, и регионы реализуют единую социально-экономическую политику, включающую в себя в том числе и проблематику обеспечения технологического суверенитета. Однако, с учетом того, что суверенитетом может обладать исключительно государство, говорить о технологическом суверенитете отдельно взятого региона неправомерно, и речь может идти лишь о его вкладе в технологический суверенитет страны в целом или конкретной отрасли экономики, предприятия которой расположены на его территории.

Республика Татарстан является одним из наиболее экономически развитых регионов России и бесспорным экономическим лидером Приволжского федерального округа (табл. 2).

К сожалению, производственно-технологический потенциал Татарстана в силу ряда исторических причин оказался одним из наиболее импортозависимых в РФ (табл. 3).

Согласно оценке экспертов ВШЭ, Республика Татарстан в настоящее время занимает 4-е место по числу и типам значимости отраслей специализации в РФ после Санкт-Петербурга, Московской области и Москвы.

Таблица 1

Зависимость компаний от основных категорий импорта в 2022 г., % ответивших [3]

	Машины и оборудование	Детали, компоненты и агрегаты	Сырье и материалы
Импорт есть, реальных аналогов нет ни в России, ни в дружественных странах	15	12	9
Импорт есть, в России реальных аналогов нет, но есть аналоги в дружественных странах	25	22	22
Импорт есть, но имеются доступные аналоги в России	8	9	10

Таблица 2

Вклад Республики Татарстан в ВВП РФ и ПФО, % [6]

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Российская Федерация из суммы областей	100,0	100,0	100,0	100,0
Приволжский федеральный округ	14,9	15,0	14,5	14,0
Республика Татарстан	2,9	3,0	2,8	2,9

Таблица 3

Рейтинг субъектов РФ по уровню импортозависимости отраслей [7]

	Регион	Уровень импортозависимости отраслей специализации с учетом их вклада в региональную экономику (%)
1	Калужская область	5,8
2	Ульяновская область	5,5
3	Самарская область	5,4
4	Республика Татарстан	5,0
5	Владимирская область	5,0

Сегодня в РТ из 55 выделенных экспертами ВШЭ отраслей [8] осуществляют хозяйственную деятельность 13 отраслей национальной и локальной значимости, а также 28 отраслей национальной значимости.

Среди отраслей национальной и локальной значимости лидерами для РТ стали автомобилестроение (35 % доля отрасли в региональной занятости), медицинские услуги (7,48 %), производство и транспортировка нефти и газа (4,84 %), образование (4,58 %) (табл. 4), т.е. по вкладу в создание рабочих мест лидируют автомобилестроение, медицинские услуги, производство и транспортировка нефти и газа, образование. Однако если давать оценку значимости отдельных отраслей для экономики РФ в целом, то картина меняется и 1 место принадлежит производству бытовой техники (18,88 %), 2-е место – автомобилестроению (15,38 %) и 3–4-е места между собой делят производители химических веществ (11,4 %) и пластмассовых изделий (10,75 %).

Широкий промышленный профиль Республики Татарстан стал основой для развития более 20 кластеров по различным направлениям и структура промышленности региона выглядит следующим образом: доля производства нефтепродуктов, химии и нефтехимии составила 41,2%, добыча полезных ископаемых – 22,7 %, машиностроение – 20,3 %, прочее – 12,1 %, обеспечение электроэнергией, газом и паром – 3,7 % [9].

С учетом того, что нефтяная промышленность, машиностроение, нефтехимия и химия создают 65,5 % всего ВРП Республики, для максимизации вклада региона в процесс обеспечения технологического суверенитета РФ основные усилия необходимо сосредоточить именно на этих отраслях.

Нефтяная промышленность РТ представлена добычей нефти, производством синтетического каучука, шин, полиэтилена и широкого спектра продуктов переработки нефти. Лидерами отрасли по импортозамещению, безусловно является «Татнефть» и комплекс нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов ТАНЕКО, на установках которых используется 99 % отечественного оборудования. В свою очередь, нефтесервисный холдинг «ТАГРАС» сумел за счет механизма параллельного импорта заместить 96 % сырья и комплектующих ранее поставляемых из недружественных стран [10], тем самым обеспечив непрерывность производственных процессов нефтехимического комплекса Татарстана.

Химическая промышленность РТ представлена заводами по производству пластика, нефтеполимерной смолы, каучука, лакокрасочных материалов, для производства которых необходимо использование 749 компонентов из недружественных стран. В настоящее время СИБУР предпринимает усилия по организации их производства на территории РФ,

Таблица 4

Отраслевой профиль РТ по доле занятости [8]

	Доля региона в отраслевой занятости, %	Доля отрасли в региональной занятости, %	Место в рейтинге
Отрасли национальной и локальной значимости			
Автомобилестроение	15,38	35,06	2
Производство и транспортировка нефти и газа	5,58	4,84	3
Деловые и ИТ-услуги	3,24	2,88	3
Пластмассовые изделия	10,75	1,57	2
Химические вещества	11,34	1,42	1
Туризм	2,56	1,28	5
Авиастроение и космос	3,42	0,98	10
Страхование	4,79	0,93	3
Химическая продукция	5,68	0,52	3
Бытовая техника	18,88	0,31	1
Полиграфия и печать	3,54	0,13	6
Киноиндустрия	4,71	0,02	3
Медицинские услуги	2,39	7,48	12
Образование	3,06	4,58	12
Отрасли национальной значимости			
Животноводство и смешанное сельское хозяйство	5,3	2,48	12
Строительство и строительные материалы	2,28	2,04	19
Оптовая торговля и электронная коммерция	2,19	1,54	15
Производство и передача электроэнергии	2,28	1,35	20
Растениеводство	3,76	1,27	15
Наука	1,58	1,09	12

Более подробная информация представлена в [8].

инвестируя в создание соответствующих научно-технологических площадок [11].

Машиностроение Татарстана представлено производством тяжелых грузовиков, авиационной техники, компрессоров и нефтегазоперекачивающего оборудования, а также речных и морских судов, коммерческих и легковых автомобилей. Наметившаяся в начале 2000-х гг. локализация производства, начиная с 2015 г., практически прекратилась, достигнув уровня в 50–55 %, и до 70 % комплектующих имели зарубежное происхождение. В настоящее время средняя доля импорта находится на уровне 35,5 %, и в основной массе представляет собой сырье и комплектующие, произведенные в дружественных России странах. С учетом того, что производимая в регионе авиационная техника («Ту-214», «Ту-160м», «Ми-24» и т.д.) практически полностью базируется на отечественных комплектующих, замена на российский аналог канадского двигателя для вертолета «Ансат» доведет отраслевую локализацию до 100 %.

Сегодня технологический суверенитет Российской Федерации находится в зоне риска, что влечет за собой угрозу экономической безопасности государства и является серьезной проблемой для дальнейшего роста экономики. Хотя субъекты РФ не обладают технологическим суверенитетом, однако вносят существенный вклад в обеспечение технологического суверенитета страны через процесс укрепления научно-промышленного потенциала регионов, реализацию на своей территории единой государственной политики по импортозамещению и снижению импортозависимости промышленно-производственных отраслей национальной и локальной значимости. И именно поэтому роль регионов в обеспечении технологического суверенитета должна заключаться в ускоренном развитии инфраструктуры для опытных конструкторских работ и опытного производства, в создании на своих территориях испытательных полигонов и демзон промышленного освоения НИОКР, а также центров трансфера технологий.

Литература:

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года» // СПС Гарант.
2. Нестулаева Д.Р. Экономические санкции коллективного Запада как катализатор процесса обеспечения технологического суверенитета российской экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2023. – № 4.
3. Адаптация российских промышленных компаний к санкциям: первые шаги и ожидания: докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) межд. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.), А.А. Яковлев (рук. авт. кол.) и др. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2023. – 38 с.
4. Карпов Д. Оценка зависимости России от импорта промежуточной продукции // Серия докладов об экономических исследованиях № 106. – URL: https://cbr.ru/content/document/file/144138/wp_106.pdf
5. Конституция Российской Федерации // СПС Гарант.
6. Валовый региональный продукт. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts
7. Абашкин В.Л., Куценко Е.С., Тюрчев К.С. Рейтинг регионов России по импортозависимости их специализаций. – URL: https://issek.hse.ru/news/821904285.html
8. Атлас экономической специализации регионов России / В.Л. Абашкин, Л.М. Гохберг, Я.Ю. Еферин и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 264 с.
9. Об итогах деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2022 год. – URL: https://mert.tatarstan.ru
10. Долгова К. Избавиться от зависимости: как промпредприятия Татарстана замещают импорт. – URL: https://tatcenter.ru/rubrics/monitor/izbavitsya-ot-zavisimosti-kak-prompredpriyatiya-tatarstana-zameshhayut-import/
11. Импортозамещение на предприятиях Татарстана Минниханов обсудил с «Татнефтехиминвестом». – URL: https://kazan-mk-ru.turbopages.org/kazan.mk.ru/s/economics/2022/08/22/importozameshhenie-na-predpriyatiyakh-tatarstana-minnikhanov-obsudil-v-tatneftekhiminveste.html

Strengthening the Scientific and Production Potential of the Regions as a Key Element of Ensuring Technological Sovereignty The Russian Federation (Using the Example of the Republic of Tatarstan)

Nestulaeva D.R., Avkhadieva E.A.
Kazan State Power Engineering University

As a result of the analysis, the paper proves the need to use the socio-economic potentials of its subjects in the process of ensuring the technological sovereignty of the Russian Federation. The key role of Russian regions in the processes of deindustrialization, technological renewal and import substitution is substantiated.

Key words: technological sovereignty, import substitution, technological policy, regional economy, technical and economic potential of the subjects of the Russian Federation

УДК 339.9(470.319)

Внешнеэкономическая деятельность как фактор экономического развития региона

Новикова Е.В.
Кандидат экономических наука,
доцент кафедры товароведения и таможенного дела
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Куприна И.В.
Кандидат экономических наука,
доцент кафедры товароведения и таможенного дела
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Ререкин К.А.
Кандидат экономических наука,
доцент кафедры товароведения и таможенного дела
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Внешнеэкономическая деятельность является важным фактором, оказывающим влияние на экономическое развитие региона. В статье анализируются результаты внешнеэкономической деятельности Орловской области. Рассмотрены внешнеторговый оборот, объем и структура экспорта и импорта, география внешнеторгового взаимодействия. Выделены основные предприятия экспортеры и импортеры региона. На основе проведенного анализа определены существующие проблемы развития внешнеэкономической деятельности Орловской области, предложены перспективные направления по ее развитию.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, регион, внешнеторговый оборот, сальдо, экспорт, импорт, Орловская область, экономическое развитие

Развитие региона и его социально-экономическое положение во многом определяет внешнеэкономическая деятельность (ВЭД), которая является привлекательным и эффективным стимулом экономического развития регионов.

Согласно Федеральному закону от 18.07.1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», внешнеэкономическая деятельность представляет собой внешнеторговую, инвестиционную и иную деятельность, включая производственную кооперацию в области международного обмена товарами, информацией, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них) [1].

В условиях санкционных ограничений большая роль в развитии ВЭД отводится регионам. Основное внимание уделяется внешнеторговой деятельности и внешнеэкономическим операциям, как одному из перспективных направлений, оказывающих непосредственное влияние на региональное развитие, его инвестиционную привлекательность, конкурентоспособность продукции [2]. Таким образом, вопрос развития внешнеторговой деятельности и

определение направлений ее совершенствования, способствующих росту экономики региона, является актуальным.

Рассмотрим результаты внешнеэкономической деятельности Орловской области с 2018 г. по 2022 г. (рис. 1).

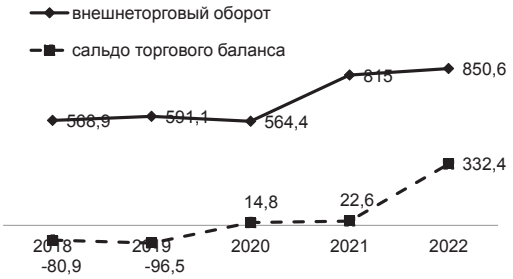

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота и сальдо торгового баланса, млн долл. [3]

Как показывает рисунок 1, внешнеторговый оборот Орловской области стремительно растет. Резкое увеличение произошло в 2021 г. в 1,44 раза по сравнению с 2020 г., в 2022 г. прирост к 2021 г. составил 4,37 %. Видно, что до 2020 г. наблюдалось отрицательное сальдо (-96,5 млн долл.), это свидетельствует о превышении импорта над экспортом, с 2020 г. экспорт в стоимостном выражении начинает превышать импорт, сальдо торгового баланса уже составило 14,8 млн долл. Данная тенденция подтверждает факт повышения развития экспортоориентированных отраслей и активного участия в международной торговле и международном сотрудничестве. Так, например, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. было экспортировано больше продукции АПК на 34,65 млн долл. (рост на 31,7 % к 2021 г.). Ситуация объясняется переходом политики импортозамещения в экспортноориентированную региональную политику.

Проанализируем динамику и товарную структуру экспорта и импорта Орловской области (рис. 2).

В 2022 г. доля экспорта составила 69,54 %, импорта – 30,46 %. По отношению к 2021 г. доля экспорта в 2022 г. увеличилась на 18,18 %. Как видно из приведенных данных (рис. 2), экспорт Орловской области за последние несколько лет значительно увеличился. Так, в 2020 г. прирост составил 17 %, а в 2021 г. – 44,6 %, в 2022 г. – 41,2 % по отношению к предыдущему году. В 2021 г. произошло увеличение импорта на 44,2 % по отношению к 2020 г., а в 2022 г. наблюдалось его сокращение на 34,6 %.

На рисунке 3 представлены объемы экспорта и импорта Орловской области со странами СНГ и странами дальнего зарубежья. Следует отметить, что в течение всего

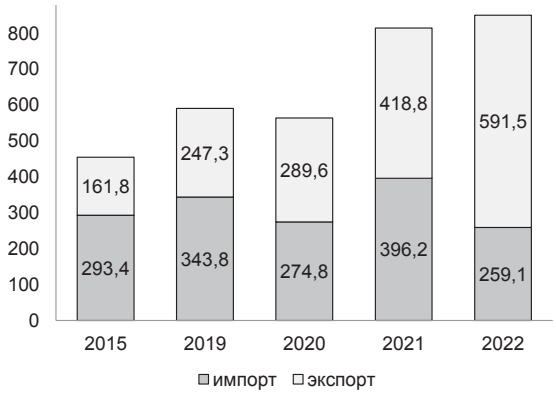

Рис. 2. Объем экспорта и импорта Орловской области, млн долл. [3]

рассматриваемого периода наблюдалось преобладание экспорта и импорта в страны дальнего зарубежья над экспортом и импортом в страны СНГ. Доля экспорта со странами дальнего зарубежья в 2021 г. составила 34,5 %, со странами СНГ – 16,9 %, а доля импорта составила 34,0 % и 14,6 % соответственно. Рост стоимостных объемов экспорта обусловлен увеличением объемов вывоза товаров в такие страны, как Беларусь, Казахстан, Азербайджан. В 2022 г. регион отправлял продукцию в 68 стран.

Рассмотрим более подробно товарную структуру экспорта и импорта Орловской области (табл. 1).

Анализ структуры экспортной деятельности показал, что основными группами экспортируемых товаров в регионе являются продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (34,4 %), машины, оборудование и транспортные средства (29,5 %), металлы, драгоценные камни и изделия из них (10,3 %), минеральные продукты (8,9 %). В страны СНГ регион в основном экспортирует машины и оборудование (40,8 %), металлы и изделия из них (18,8 %), продовольственные товары (16,8 %), в страны дальнего зарубежья – продовольственные товары (43 %), машины и оборудование (24 %), минеральные продукты (13,3 %).

Исследование структуры импорта свидетельствует о доминировании таких групп товаров, как машины, оборудование и транспортные средства (39,3 %), продукция химической промышленно-

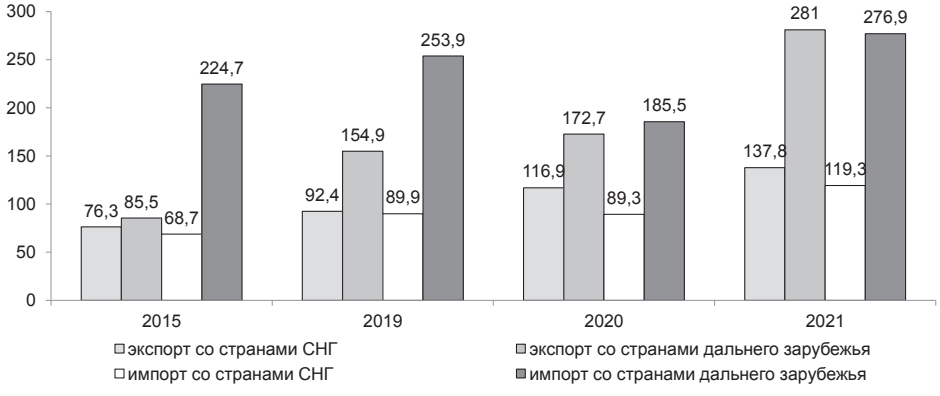

Рис. 3. Экспорт и импорт со странами СНГ и странами дальнего зарубежья, млн долл. [3]

Таблица 1

Товарная структура экспорта и импорта Орловской области за 2021 г., тыс. долл. [3]

Группа товаров	Экспорт	Экспорт в страны СНГ	Экспорт в страны в дальнего зарубежья	Импорт	Импорт в страны СНГ	Импорт в страны в дальнего зарубежья
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	143814	23150	120664	62660	60607	2053
Минеральные продукты	37420	94	37326	31313	21803	9510
Продукция химической промышленности, каучук	25757	2671	23086	93690	2077	91613
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	114	114	–	102	66	36
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	860	782	78	3950	330	3620
Текстиль, текстильные изделия и обувь	3460	1931	1529	6610	1369	5241
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	43086	25886	17200	33884	5893	27991
Машины, оборудование и транспортные средства	123537	56208	67329	155630	25599	130031
Другие товары	40746	27005	13741	8393	1573	6820
Всего	418794	137841	280953	396232	119317	276915

сти и каучук (23,6 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (15,8 %). Из стран СНГ на территорию региона ввозятся в основном продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (50,8 %), машины, оборудование и транспортные средства (21,5 %), минеральные продукты (18,3 %). Из стран дальнего зарубежья поступают машины, оборудование и транспортные средства (47 %), продукция химической промышленности и каучук (33,1 %), металлы, драгоценные камни и изделия из них (10,1 %). Импорт способствует удовлетворению потребностей населения в продукции, которая производится в недостаточных количествах или не производится на территории региона, расширению ассортимента, снабжению предприятий сырьем.

Учитывая основные статьи экспорта, выделим крупные промышленные предприятия – экспортеры в регионе: АО «Орелмасло» (переработка семян рапса и подсолнечника), ООО «Авангард-Агро-Орел», ООО «Система Агробизнеса», ООО «ТЗК «Зерновые продукты» (производство сельскохозяйственной продукции), ООО «Фригогласс Евразия» (производство холодильного и морозильного оборудования витринного типа), кабельный завод «Эксперт-кабель» (производство кабельно-проводниковой продукции), ООО «ОСПАЗ» (производство стальной проволоки и крепежа), ООО «Керама Марацци» (производство керамических плиток).

Крупными импортерами являются ГК «Протон» (закупает материалы и комплектующие для оптоэлектронной техники), АО «ГМС Ливгидромаш» (закупает материалы и комплектующие для производства насосного оборудования), АО «Автоком» (закупает материалы для производства элементов воздухоочистителей и фильтров).

На постоянной основе внешнеэкономическую деятельность осуществляют 410 предприятий, 238 из них являются экспортерами. Помимо этого, на территории региона располагаются предприятия, получившие аккредитацию на экспорт продукции в Китай. К ним относятся АО «Орелмасло», ООО «Система Агробизнеса», ООО «Агропромышленная корпорация «Юность», ООО «Залегощь-Агро», ООО «Отрадаагроинвест» [4].

Внешняя экономика региона переживает трансформацию, что, в свою очередь, привело к поиску новых рынков. В настоящее время перспективным направлением является развитие торговых отношений с азиатскими странами. Сегодня торговыми партнерами уже являются Китай, Гонконг и Вьетнам. Также основными торговыми партнерами по итогам 2021 г. стали по импорту: Беларусь (20 %), Германия (18 %), Китай (14 %); по экспорту: Латвия (25 %), Беларусь (12 %), Казахстан (9 %).

Среди субъектов Центрального федерального округа Орловская область по импорту со странами СНГ в 2021 г. заняла 11 место, а со странами дальнего зарубежья – 15 место, по экспорту – 16 и 15 место соответственно.

Следовательно, Орловская область не является ключевым участником внешнеэкономической деятельности в России, но экспортные и импортные потоки имеют важное значение для развития региона. В настоящее время потенциал внешнеторговой деятельности региона значительно снижен, на это решающее значение оказали экономические санкции, введенные против России, что привело к ограниче-

нию доступа товаров на международные торговые рынки, рынок капитала, а также к снижению инвестиционного капитала [5]. Однако все усилия сейчас направлены на развитие внешнеэкономической деятельности прежде всего путем стимулирования регионального экспорта. Об этом говорит положительное сальдо торгового баланса, более активное участие в международной торговле. Перед регионом поставлена задача к 2024 г. увеличить экспорт в 2 раза [4].

С целью формирования благоприятных условий для развития экспортно-ориентированных и импортнозамещающих отраслей, привлечения иностранного и местного капитала и в целом для экономического развития региона в 2019 г. была создана Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Орел». Всего объем инвестиций в ОЭЗ составил 905,98 млн руб., в 2022 г. объем инвестиционных вложений был равен 345,96 млн руб. В данный момент на территории особой экономической зоны осуществляют свою деятельность 8 резидентов: ООО «РК-ПРЕМИКС» (производство кормовых добавок), ООО «Агрос», ООО «ТТМ» (производство телематического оборудования для автопроизводителей), ООО «Артико Керамикс» (производство керамических изделий), ООО «ЭРГО» (производство отечественных аналогов высококачественных ампулированных препаратов), ООО «ОЗСС» (переработка мелких фракций известнякового щебня), ООО «Мценский элеватор» (производство сортовой муки), ООО «ГРАНД ФРАЙЗ» (выпуск продукции из картофеля) [6].

На основе результатов проведенного анализа выявим проблемы и перспективные направления развития внешнеэкономической деятельности Орловской области.

Основной проблемой для развития ВЭД региона является обострение международной обстановки, введение внешнеторговых санкций, политизация международной торговли, что в итоге привело к ухудшению отношений со странами Евросоюза и, как следствие, вызвало ограничение доступа Орловской продукции на внешние рынки [7].

Также отметим низкую конкурентоспособность товаров, что препятствует освоению новых направлений экспорта. Необходимо повысить качество продукции до соответствия стандартам мирового уровня.

В регионе экспортируется в основном низкотехнологичная продукция, а импортируется высокотехнологичная. Необходимо направлять усилия на развитие наукоемких производств.

На наш взгляд, среди перспективных направлений деятельности по развитию ВЭД, способствующих экономическому развитию региона, можно выделить следующие:

– наращивание объемов производства конкурентоспособной экспортоориентированной продукции. Обладая природно-ресурсным, промышленным, человеческим и научно-техническим потенциалом, регион имеет все возможности для реализации данного направления. Увеличивая доход, предприятия могут обновлять материальную базу, внедрять новые технологии и инновации, тем самым повышая качество выпускаемой продукции. Увеличение объемов производства, а также появление новых предприятий-экспортеров потребует создания дополнительных рабочих мест и приведет к увеличению занятости населения;

– ориентацию местных производителей на внешние рынки, появление новых экспортеров. Для оказания экспортной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в регионе создан Центр поддержки экспорта в соответствии с требованиями Минэкономразвития РФ. На фоне влияния внешнеэкономических барьеров он способствует продвижению на новые рынки субъектов малого и среднего предпринимательства, содействуя в поиске иностранных партнеров, участию в выставках, бизнесс-миссиях, проводит консультации по условиям экспорта. Результатом 2022 г. явилось заключение 122 контрактов на сумму 8,8 млн долл., в 2021 г. – 170 контрактов на сумму 9,7 млн долл. [8]. Также для поддержки экспортеров оказывается государственная поддержка, в том числе из средств федерального бюджета, компенсируя им значительные расходы;

– расширение внешнеэкономических связей, заключение соглашений о торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве с новыми партнерами. Регион расположен близко к столице, имеет удобное географическое положение, обладает развитой транспортной инфраструктурой, включающей автомагистрали и железнодорожные станции;

– повышение инвестиционной активности региона прежде всего за счет деятельности инвесторов-резидентов в свободной экономической зоне «Орел».

Таким образом, внешнеэкономическая деятельность за рассматриваемый период оказала положительное влияние на экономическое развитие Орловской области. В условиях санкционного давления произошел переход политики импортозамещения в экспортноориентированную региональную политику.

Проведенный анализ статистических данных свидетельствует о существенном превышении экспорта товаров из региона над импортом. Прежде всего, увеличение объемов экспорта говорит о востребованности продукции на внешнем рынке. Это приводит к увеличению производства конкурентоспособной экспортноориентированной продукции и развитию предприятий.

Экспортную специализацию региона определяют следующие группы товаров: продовольственные

товары и сельскохозяйственное сырье, машины, оборудование и транспортные средства, металлы, драгоценные камни и изделия из них, минеральные продукты.

Импортную специализацию региона определяют машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности и каучук, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье.

В разрезе географической структуры преобладают экспорт в страны дальнего зарубежья и импорт из стран дальнего зарубежья. Одним из новых и важных направлений для роста региональной экономики является развитие и расширение экономического сотрудничества с азиатскими странами.

Выявленные проблемы позволили определить перспективные направления деятельности по развитию ВЭД.

Хорошо развитая внешнеэкономическая деятельность региона способствует повышению конкурентоспособности экономики. Она напрямую связана с поступлением финансовых отчислений в региональный и федеральный бюджеты. Среди них таможенные пошлины (ввозные и вывозные), таможенные сборы за таможенные операции, налог на добавленную стоимость, налог на прибыль и др.

Литература:

1. Федеральный закон от 18.07.1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (ред. от 26.03.2022) // СПС КонсультантПлюс.
2. Растворцева С.Н., Колчинская Е.Э. Внешнеэкономическая деятельность как фактор развития российских регионов // Научные ведомости. – 2013. – Вып. 28/1. № 22 (165). – С.13–24.
3. Орловская область. 2010, 2015, 2019-2021 гг.: стат. сб. – Орел: Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Орловской области, 2022. – 257 с.
4. Портал Правительства Орловской области. – URL: http://orel-region.ru/.
5. Коростелкина И.А., Чебнева О.Н. Внешнеэкономическая деятельность как стратегический приоритет развития Орловской области // Анализ факторов пространственного развития территории: национальные и международные стратегические приоритеты. Материалы Межд. очной науч.-метод. конф. – Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2020. – С. 62–68.
6. Инвестиционный портал Орловской области. – URL: https://invest-orel.ru/articles/osobaya_ekonomicheskaya_zona_promyshlenno-proizvodstvennogo_tipa.
7. Линецкий А.Ф., Тарасов А.Г., Ковалев В.Е. Роль регионов во внешнеторговой деятельности России в условиях новых геополитических вызовов // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. Вып. 3. – С. 827–838.
8. Орловский региональный центр поддержки экспорта. – URL: https://export57.ru/

Foreign Economic Activity of the Region as a Factor of Economic Development of the Region

Novikova E.V., Kuprina I.V., Rerekin K.A.
Orel State University named after I.S. Turgenev

Foreign economic activity is an important factor influencing the economic development of the region. The article analyzes the results of foreign economic activity of the Orel region. The foreign trade turnover, volume and structure of exports and imports, geography of foreign trade interaction are considered. The main exporting and importing enterprises of the region are highlighted. Based on the analysis, the existing problems of the development of foreign economic activity of the Orel region are identified. Promising directions for its development are proposed.

Key words: foreign economic activity, region, foreign trade turnover, balance, export, import, Orel region, economic development

УДК 338

Налоговые инструменты обеспечения социальной безопасности

Орлова М.Е.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Галимарданова Ю.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье представлена модель налоговых инструментов обеспечения социальной безопасности, рассмотрены подходы к использованию налоговых льгот и преференций для обеспечения социальной стабильности в обществе. Определены социальные преференции по федеральным налогам, обозначены проблемы их применения и возможные направления их развития.

Ключевые слова: социальная безопасность, регулирующая функция налогов, социальные налоговые преференции, налоговые инструменты, налоги и социальная безопасность

Современная политическая и экономическая ситуация в мире не может быть причиной отказа от развития социальных общественных программ. Более того, социальная поддержка в обществе является необходимым условием преодоления негативных настроений и позволяет людям легче переносить физическое и психологическое давление настоящего, а тем самым позволяют сохранять социальную стабильность и безопасность. В связи с этим изучение влияния инструментов социальной поддержки граждан является необходимым.

Социальная безопасность населения (граждан) государства имеет глубокую экономическую природу, что определяет необходимость изучения всех экономических инструментов, влияющих на ее обеспечение. Причем нельзя недооценивать роль всех субъектов экономической жизни в данном процессе. Важны и государственная социально-экономическая политика, и корпоративная политика, а также знания и умение самого индивидуума или домохозяйства в области обеспечения личной социальной безопасности. Социально-ориентированное государство, коим себя позиционирует Россия, должно дать законодательную основу применения таких инструментов на всех субъектных уровнях.

В системе обеспечения социальной безопасности важным является не только формирование позиции о значимости государственной, корпоративной и личной активности и причастности, но и разработка системы оценки уровня социальной безопасности. Отметим, что при наличии разнообразных подходов к системе социальной безопасности в научной литературе предлагаются различные наборы показателей для ее оценки. Стоит отметить, что налоговых показателей в системе оценки состояния социальной безопасности нет. Возможно, введение таких показателей было бы интересным для оценки государственной налоговой политики в области социальной безопасности.

Государство включает налоговые инструменты в систему обеспечения реализации направлений бюджетно-налоговой политики в раздел «Сохранение населения и благополучие людей…» [1].

Налоговые инструменты обеспечения социальной безопасности проявляются через различные

сущностные факторы, основными из которых являются фискальные и регулирующие. Фискальная составляющая налоговой политики обеспечивает реализацию бюджетных социальных программ. Перечень налогов и сборов и их распределение по уровням бюджетов с точки зрения социальной безопасности можно рассматривать как источник реализации государственных программ. Однако это в большей степени происходит через бюджетные инструменты.

С нашей точки зрения, налоговые инструменты обеспечения социальной безопасности через систему налогов можно разделить на три группы:

– социальные налоговые преференции на уровне государства;

– социальные налоговые преференции на уровне организаций в отношении своих работников, стимулирующие реализацию корпоративной социальной политики;

– социальные налоговые преференции, которые может применить физическое лицо (индивидуальные социальные преференции) (см. рис. 1).

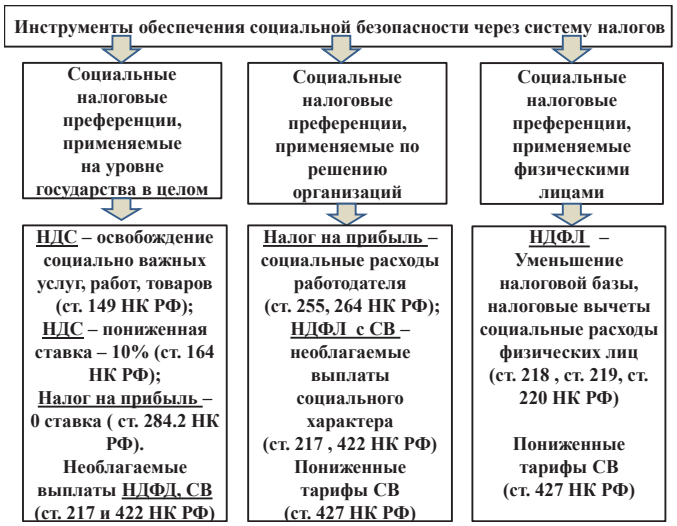

Рис. 1. Классификация налоговых инструментов обеспечения социальной безопасности на примере Российской Федерации

Основным отличием первой группы налоговых преференций от второй и третьей заключается в том, что по двум последним группам налоговое законодательство предлагает социальные налоговые преференции, а решение об их применении принимает работодатель и само физическое лицо. В первой группе налоговые преференции являются в целом безоговорочными.

Налоговые инструменты обеспечения общей социальной безопасности на уровне всего государства сформированы в рамках основного федерального налога – НДС, что позволяет снизить цены на определенные группы товаров и услуг. Такие социальные преференции предусмотрены при освобождении от обложения НДС и при использовании пониженной налоговой ставки (см. рис. 2).

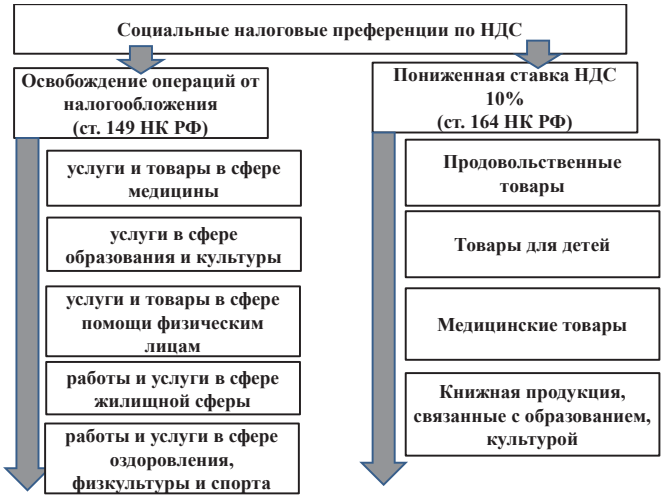

Рис. 2. Налоговые преференции по НДС, влияющие на обеспечение социальной безопасности

Согласно ст. 149 НК РФ, освобождение от НДС предусмотрено для социально значимых операций, услуг и работ. Их можно классифицировать по следующим признакам: услуги и товары в сфере медицины; услуги в сфере образования и культуры; услуги и товары в сфере помощи физическим лицам; работы и услуги в сфере жилищной сферы.

Выборка из статистической отчетности ФНС России по операциям, освобождаемым от НДС, показала, что в России наблюдается рост объемов реализации по социальным операциям, услугам и работам. В 2022 г. объем социальных операций, не облагаемых НДС, по сравнению с 2019 г. увеличился на 48 %. Доля социальных операций в общем объеме необлагаемых операций по ст. 149 НК РФ составляет около 65 %. На рисунке 3 представле-

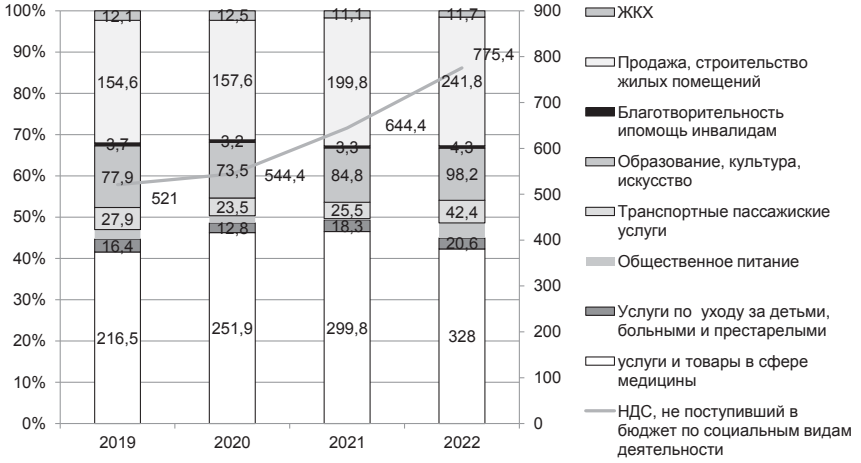

Рис. 3. Динамика сумм НДС, не поступивших в бюджет, в связи с применением социальных налоговых преференций, млрд руб. [2]

на динамика применения социальных налоговых преференций по НДС. Наибольшую долю в сумме неуплаченного НДС занимают услуги и товары в медицинской сфере (более 40 %), реализации жилых помещений и услуг в сфере ЖКХ (более 30 %), услуги в сфере образование культуры и искусства (около 20 %).

Пониженная ставка по НДС 10 % (ст. 164 НК РФ) может быть применена налогоплательщиками в отношении следующих операций: реализация большого ассортимента продовольственных товаров, кроме деликатесов (рыбы, икры, колбасных изделий); реализация детских и школьных товаров; реализация лекарственных средств и медицинских изделий; реализация книжной продукции для образования и культуры. Доля НДС, исчисленная по ставке 10 %, составляет не более 5 % (см. рис. 4).

Что касается НДФЛ, то, в соответствие со ст. 217 НК РФ, есть перечень государственных пособий, которые не подлежат налогообложению. В этом списке государственные пенсии и пособия, ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка и (или) ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) второго ребенка, осуществляемые в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей».

Вторым блоком налоговых инструментов обеспечения социальной безопасности является возможность осуществления организациями важных социальных расходов, которые направлены на медицинскую, образовательную поддержку своих работников, а также проведение благотворительной деятельности в адрес третьих лиц. Важнейшим условием включения таких расходов при исчислении налога на прибыль является принятие решения руководителем организацией или ее учредителями, а также отражение данной информации в приказе об учетной политике организации (см. рис. 5).

Одной из важных групп расходов организаций являются расходы, входящие в оплату труда, в виде добровольных страховых взносов в негосударственные пенсионные фонды, в страховые компании при заключении договоров добровольного страхования жизни, медицинского страхования и страхования от несчастных случаев (пп. 16 ст. 255 НК РФ). НК РФ

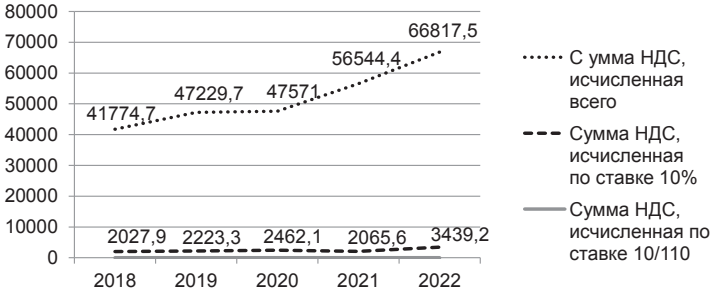

Рис. 4. Динамика НДС за 2018-2022 гг., млрд руб. [4]

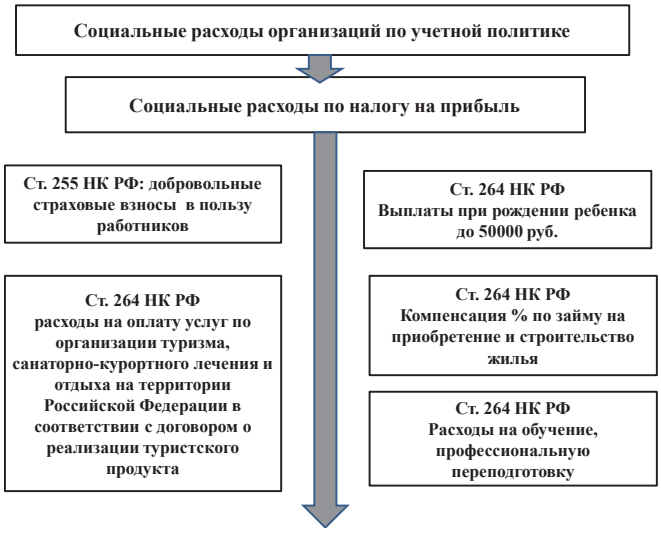

Рис. 5. Социальные налоговые преференции по налогу на прибыль

устанавливает нормативы таких расходов, а также предусматривает условие отражения такого решения в трудовых или коллективных договорах.

Кроме этого, работодатель имеет право осуществить в пользу работников и иных лиц разные виды социальных расходов, предусмотренных ст. 264 НК РФ. К таким расходам относятся: расходы на возмещение затрат работников по уплате процентов по займам (кредитам) на приобретение и (или) строительство жилого помещения, но не более 3 % суммы расходов на оплату труда (пп. 24.1 ст. 264 НК РФ); расходы на оплату услуг по организации туризма, санаторно-курортного лечения и отдыха на территории Российской Федерации, в соответствии с договором о реализации туристского продукта, оказанных работникам, их супругам, родителям, детям (пп. 24.2 ст. 264 НК РФ); расходы на обучение и прохождение независимой оценки квалификации на соответствие требованиям к квалификации работников налогоплательщика (пп. 23 ст. 264 НК РФ) и иные.

Что касается выплат в пользу физических лиц – работников организаций социальные налоговые преференции касаются двух платежей – налога на доходы физических лиц и страховых взносов. На рисунке 6 представлены основные виды выплат, которые не облагаются данными платежами. В отношении страховых взносов физические лица тоже могут использовать пониженные тарифы в соответствие со ст. 427 НК РФ.

Также важной проблемой использования возможности социальной поддержки работников является то, что не все выплаты в пользу физических лиц можно относить на расходы при расчете налога на прибыль. Что снижает мотивацию работодателя на осуществление таких выплат (рис. 6).

К налоговым инструментам социальных инвестиций физических лиц относятся налоговые вычеты, которыми физическое лицо может вос-

пользоваться при формировании налоговой базы по налогу на доходы физических лиц. На рисунке 7 представлены возможные виды налоговых вычетов. Налоговый кодекс РФ определяет множество условий их применения.

Среди проблем применения таких налоговых вычетов, на наш взгляд, является отсутствие необлагаемой базы по НДФЛ, что нарушает принцип равенства в налогообложении, его отсутствие для доходов невысокого уровня однозначно является рисковой характеристикой, следует рассмотреть возможность его введения, вероятно, в размере МРОТ. Проблема отсутствия необлагаемого минимума сопряжена с вопросом применения стандартного вычета на детей, который по экономическому смыслу можно приравнять к необлагаемому минимуму. Однако, его значение в обеспечении социальной безопасности сомнительно, поскольку сумма вычета несоразмерна с расходами, которые может осуществлять родитель. Кроме того, уровень доходов, до которого такой вычет может быть использован родителем (350 тыс. руб.), представляется нам слишком незначительным.

Установленный предел социального налогового вычета на обучение детей в размере 50 тыс. руб. также не соответствует реальной стоимости обучения в современных рыночных условиях. Предполагаемое его увеличение до 110 тыс. руб. с 2024 г. также не решит проблемы полного учета фактической стоимости расходов на обучение в региональных учебных заведениях. Стоит рассмотреть возможность увеличения социального вычета на медицинские расходы, поскольку качественная медицинская помощь достаточно дорого стоит.

Анализ практики применения социальных налоговых преференций за период с 2018 по 2021 гг. показал, что наблюдается снижение продекларированных социальных расходов и использованных налоговых вычетов физическими лицами (см. рис. 8).

Применение имущественных налоговых вычетов с 2018 по 2021 гг. сократилось на 28 процентных пункта, а стандартных налоговых вычетов – на 10 процентных пункта. Снижение имущественных налоговых вычетов на приобретение жилья на фоне роста его строительства в России может свидетельствовать о том, что покупатели такого жилья уже пользовались имущественным вычетов ранее или источником приобретения являются не их собственные средства.

Также стоит отметить, что большой пласт физических лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, не имеют права применить такие преференции, поскольку не являются плательщиками НДФЛ, а находятся на специальных налоговых режимах. Однако уровень доходов при применении спецрежимов может быть незначительным, и данные лица не входят в категорию высокодоходных граждан России. Выбор специального налогового режима – это путь минимизации налоговых обязательств и облегчение налогового администрирования. Поэтому стоит ввести иные налоговые механизмы стимулирования таких категорий физических лиц при осуществлении ими социальных расходов. Тем более что для наемных работников порядок формирования необлагаемых доходов предусмотрен, а для самого предпринимателя их нет. Возможно, стоит ввести нормы, позволяющие принятия к расходам для уменьшения налоговой базы по налогам по спецрежимам некоторые социальные расходы частного характера по аналогии с НДФЛ: на обучение, медицинское обслуживание, приобретение жилья.

Новые цифровые технологии налогового администрирования позволяют применять некоторые налоговые вычеты по НДФЛ, в частности

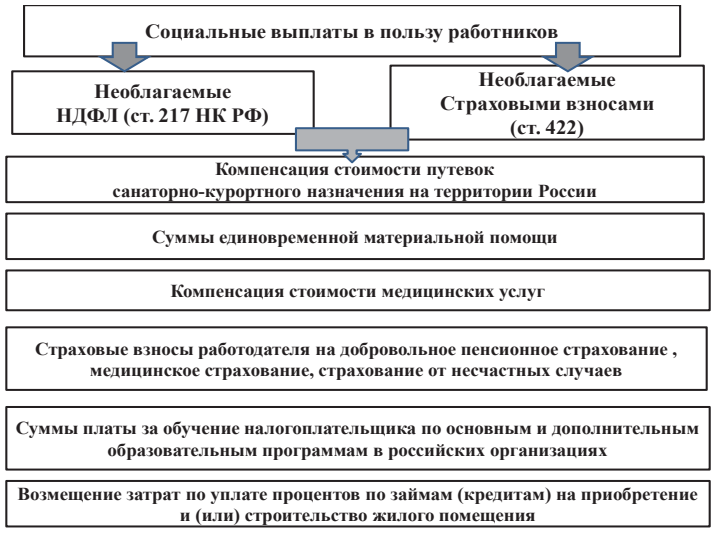

Рис. 6. Социальные налоговые преференции по НДФЛ и Страховым взносам

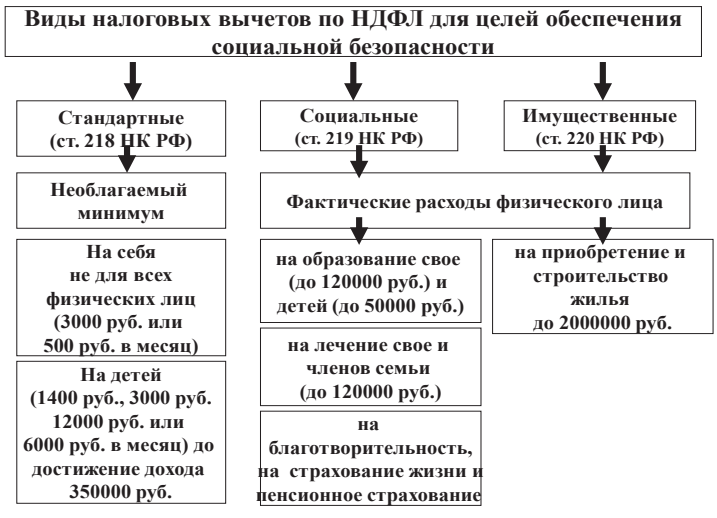

Рис. 7. Виды социальных налоговых преференций по налогу на доходы физических лиц в России

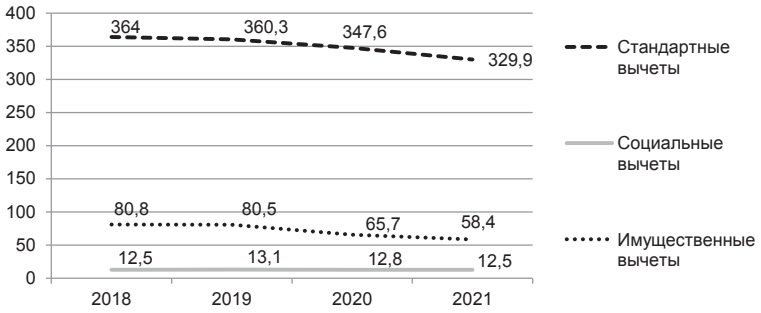

Рис. 8. Динамика применения налоговых вычетов по НДФЛ за период 2018-2021 гг., млрд руб. [2]

на приобретение страховых продуктов по пенсионному страхованию и страхованию жизни на основе информации, полученной от страховых организаций. Такой механизм облегчает физическому лицу процедуру декларирование таких вычетов. Нам представляется, что необходимо расширить сферу взаимодействие налоговых органов с медицинскими учреждениями и образовательными учреждениями по формированию телекоммуникационных информационных потоков о расходах физических лиц для применения соответствующих видов социальных вычетов и минимизации рисков граждан при их применении.

Система социальных расходов организаций, разрешенная для включения в расходы для целей исчисления налога на прибыль, может быть расширена за счет расходов организаций на благотворительность, в частности, на помощь детским домам, многодетным семьям, инвалидам. Также необходимо упорядочить систему необлагаемых выплат социального характера работодателя в пользу физических лиц налогом на доходы физических лиц и страховыми взносами, установить единый перечень таких выплат, что минимизирует налоговые риски работодателей.

Стоит отметить, что риски применения социальных налоговых преференций как для физических лиц, так и для работодателей очень велики, что требует более детального установления условий их применения в целях минимизации ошибок, а значит, мер ответственности за нарушение этих условий. Наличие возможности применения социальных налоговых преференций обеспечивает определенную социальную безопасность в обществе. Однако сложные механизмы применения таких преференций часто служат поводом для отказа налоговыми органами в их применении и, как следствие, следует привлечение работодателя к налоговой ответственности. Работодатели минимизируют налоговые риски путем отказа от применения социальных налоговых преференций с нестабильными правилами их применения.

Таким образом, система социальных налоговых преференций, действующая в России, предусматривает достаточно широкий перечень социальной поддержки физических лиц как по их собственной инициативе, так и по инициативе их работодателей. Основные аспекты налоговых социальных преференций касаются здоровья, образования, отдыха и обеспечения жильем. Это не противоречит принятым государственным программам социального развития общества, реализуемым в России. Однако механизмы применения социальных налоговых преференций требует определенной доработки и уточнения. Кроме этого, система обучения финансовой грамотности граждан не должна ограничиваться лишь освоением финансовых инструментов инвестирования. Налоговые инструменты должны быть известны физическим лицам в целях реализации программ обеспечения личной налоговой безопасности.

Литература:

1. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов (утв. Минфином России). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429950/
2. Данные по формам статистической налоговой отчетности ФНС России. – URL https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/
4. Налоговый Кодекс Российской Федерации // СПС Гарант.

Tax Instruments for Ensuring Social Security

Orlova M.E., Galimardanova Yu.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article presents a model of tax instruments for ensuring social security, considers approaches to the use of tax benefits and preferences to ensure social stability in society. Social preferences for federal taxes are defined, problems of their application and possible directions of their development are outlined.

Key words: social security, regulatory function of taxes, social tax preferences, tax instruments, taxes and social security

УДК 628.4.08

Системный подход к управлению отходами на региональном уровне*

Спирина Л.И.
Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института социально-экономических исследований
Уфимского федерального исследовательского центра РАН,
доцент кафедры цифровых технологий в экономике и управлении
Уфимского университета науки и технологий

Автором статьи предлагается модель системного подхода управления отходами на уровне субъекта РФ. Данная модель основывается на развитии инфраструктуры по обращению с отходами для их дальнейшей переработки и использования для производства новых товаров и услуг.

Ключевые слова: управление отходами, твердые коммунальные отходы, захоронение, обезвреживание, утилизация, переработка, вторичное сырье, полигоны, окружающая среда

В процессе производства и потребления образуются отходы, количество которых ежегодно увеличивается. По некоторым оценкам к 2050 г. эта цифра в мировом масштабе возрастет на 70 % [1]. Все страны по уровню развития системы управления отходами подразделяются на «начинающие», «догоняющие» и «продвинутые» в зависимости от доли отходов, направляемых на переработку и сжигание. Согласно данной классификации, Россия пока относится к «начинающим» странам, только 5–7 % в среднем от общего количества отходов идёт на переработку, т.е. примерно 95 % подвергается захоронению на полигонах и свалках [1]. Такой подход является неэффективным, нежелательным и негуманным, т.к. приводит к загрязнению грунтовых вод, выведению из оборота плодородных почв и выбросам загрязняющих веществ в атмосферу. На рисунке 1 представлены методы обращения с отходами, согласно модели «продвинутых» стран.

Отрицательное влияние на окружающую среду возрастает по мере движения от шестого уровня к первому.

Рассмотрим систему обращения с отходами в Республике Башкортостан (далее – РБ). В 2022 г. было образовано 28,858 млн т отходов [2]. Таким образом, общий объем накопленных и образованных отходов в РБ к началу 2023 г. составляет 826,871 млн т. В структуре отходов преобладают отходы V класса опасности (99%). В 2022 г. обработано 0,04 %, обезврежено – 0,09 %, утилизировано – 0,2 % отходов [2]. Наибольшее движение отходов осуществляется на предприятиях по добыче полезных ископаемых на территории РБ. В 2022 г. объем образованных отходов в данной отрасли составил 760 млн т (92 % от общего объема отходов РБ). В основном отходы образуются предприятиями горнорудной промышленности, такими как АО «Учалинский горно-обогатительный комбинат», ООО «Башкирская медь», АО «Сибайский горно-обогатительный комбинат», АО «Бурибаевский горно-обогатительный комбинат» [3]. На втором месте по объемам отходов находится производство химических веществ и нефтехимических продуктов (в 2022 г. – 18,425 млн т; 2,2 % от общего объема) [4]. На предприятиях об-

Рис. 1. Методы обращения с отходами [1]

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН №075-01134-23-00 на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов.

рабатывающих производств в 2022 г. образовалось 1,163 млн т отходов (2,7 % от общего объема), но их влияние наиболее опасно на окружающую среду [2]. Наибольший вклад в образование отходов обрабатывающих производств вносит производство химических веществ (0,262 млн т). При этом следует отметить, что до 98 % образованных отходов остаются в накоплении у предприятий [2].

В сфере потребления в РБ за 2022 г. образовано 1 146 тыс. т твердых бытовых отходов (далее – ТКО), из них обработано – 49 % (ручным способом на мусоросортировочных комплексах), утилизировано – 2,2 % [3]. Динамика ежегодных объемов образования ТКО в РБ с 2016 по 2022 гг. представлена на рисунке 2. В период с 2016 г. по 2019 г. наблюдалось снижение объемов образования ТКО в целом по РБ и в расчете на одного жителя. Данная тенденция была связана с существенной долей неучтенных ТКО, которые вывозились на стихийные свалки. С 2020 г. наблюдается рост данных показателей по следующим причинам. Во-первых, с 2019 г. в республике утверждена территориальная схема обращения с отходами, в соответствии с которой вся территория была поделена на пять зон, и за каждую стал отвечать соответствующий региональный оператор, поэтому стихийные свалки стали ликвидировать и более тщательно вести учет ТКО.

Во-вторых, постоянный рост потребления населением, а также повсеместное использование упаковочных материалов ведут к увеличению ТКО (рис. 3).

Среди регионов, входящих в ПФО по доле отходов, направленных на утилизацию, лидирует Нижегородская область – 9,3 %, на втором месте – РБ – 5,5 % и на третьем месте – Республика Татарстан – 5,4 %. Наименьшая доля отходов, направленных на утилизацию, наблюдается в Республике Мордовии – 0,2 %, а в Кировской области полностью отсутствует [5] (рис. 4). Таким образом, проведенный анализ показывает, что основными проблемами системы обращения с отходами в РБ являются:

– ежегодный рост отходов как производства, так и потребления;

– большая часть отходов производства размещается на собственных объектах предприятий, а из сферы потребления (ТКО) – вывозится на полигоны;

– наличие мусоросортировочных комплексов только с ручным способом сортировки;

– отсутствие предприятий переработки отходов во вторичное сырье.

В настоящее время в России проводится реформа системы управления отходами. Основная ее цель – предотвратить и (или) уменьшить вредное воздействие отходов на здоровье человека и окружающую среду. В соответствии с данной целью автором предлагается построение модели системного подхода к управлению отходами на территории субъекта РФ (рис. 5). Основными задачами данного подхода являются: создание эффективной системы управления отходами; переработка отходов во вторичное сырье для производства новых товаров, выполнения работ, оказания услуг или для получения энергии; дальнейшее развитие инфраструктуры по обращению с отходами (комплексы по обезвреживанию отходов, экотехнопарки, производственно-технические комплексы, мусоросортировочные комплексы).

Также важно выделить следующие этапы, необходимые для корректного формирования предлагаемой модели: распределение функций, задач, обязанностей и ответственности между участниками процесса (производителями отходов, операторами по сбору и транспортировке, мусоросортировочными заводами, комплексами по обезвреживанию, полигонами, экотехнопарками, производственно-техническими комплексами и т.д.); создание

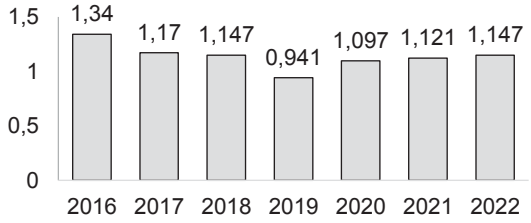

Рис. 2. Динамика объемов образования ТКО в РБ за 2016–2022 гг., млн т [3]

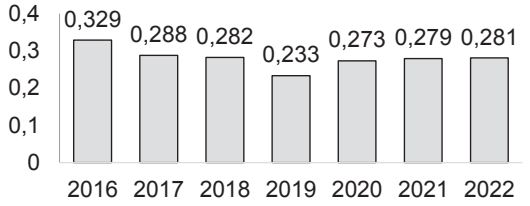

Рис. 3. Динамика объемов образования ТКО в РБ на одного человека за 2016–2022 гг., т [3]

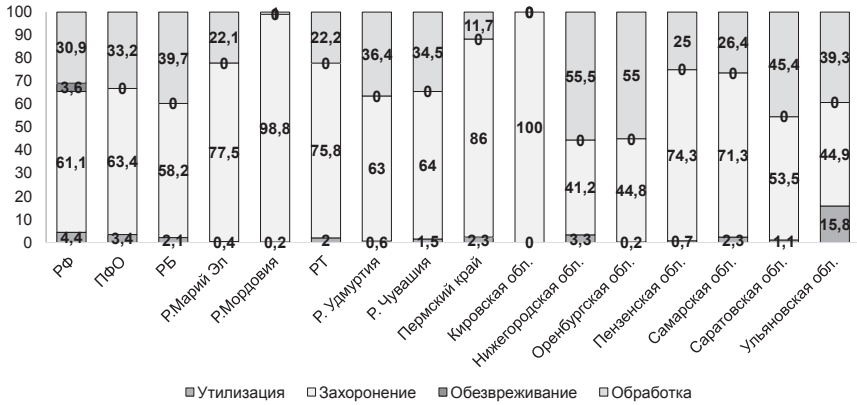

Рис. 4. Данные по обращению с ТКО в РФ и Приволжском федеральном округе за 2021 г. [5]

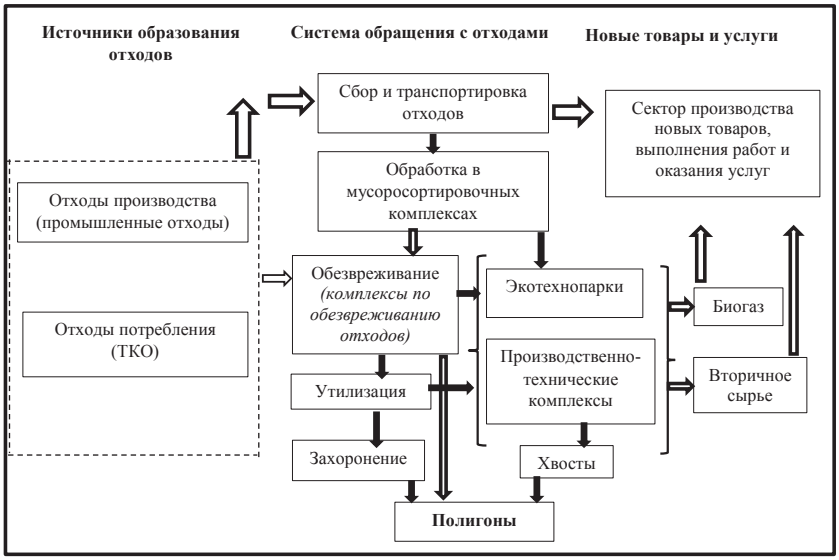

Рис. 5. Модель системного подхода к управлению отходами на региональном уровне

принципов работы; определение критериев результативности функционирования всей системы. В предлагаемой модели системного подхода – три взаимосвязанных блока: 1) образования отходов; 2) обращения с отходами; 3) производства новых товаров и услуг. Первый блок представлен точками появления отходов: производства (промышленные отходы), потребления (ТКО). Именно в зоне источников отходов должны осуществляться их раздельный сбор и комплекс мер по предотвращению появления новых. Ответственность за раздельный сбор ТКО может возлагаться на их производителей (население, точки общественного питания, торгово-развлекательные центры, различные учреждения и др.) и осуществляться по следующим направлениям: бумага, пластик, стекло, пищевые отходы и прочие. Промышленные отходы также первичную сортировку проходят у источников появления. В качестве мероприятий по предотвращению появления новых отходов может применяться вторичное использование, например, стеклянной тары. Для этого производителем товара может быть организован самостоятельный сбор тары.

Образованные отходы собираются и транспортируются во второй блок, где их сортируют, обезвреживают, утилизируют, перерабатывают или отправляют на захоронение. Сортировка отходов производится на мусоросортировочных заводах (комплексах). Их цель получить из отходов компоненты, которые в дальнейшем можно использовать повторно в производстве новых товаров или энергии: макулатура, пластик, резина, стекло, металлы, дерево, пищевые отходы и др. [6]. При этом пригодные для дальнейшего использования отходы также сортируются по цвету, типу и т.д. Если сортировка будет организована в первом блоке, у источников образования отходов, то в мусоросортировочные комплексы будут отправляться только неотсортированные отходы. А такие материалы, как макулатура, пластик и стекло, сразу будут транспортироваться на мусороперерабатывающие заводы. После сортировки отходы, которые непригодны для дальнейшего использования помещают сначала в измельчитель, потом в пресс для уменьшения объемов и получения спрессованных отходов, которые в дальнейшем вывозятся для захоронения на полигоны. Опасные отходы (например, медицинские) могут сразу, минуя мусоросортировочные заводы, направляться в комплексы по их обезвреживанию, в которых происходит их обработка с целью предотвращения вредного воздействия на окружающую среду и здоровье человека, а потом подвергнуться сжиганию, утилизации и (или) захоронению.

Отсортированные отходы, пригодные для дальнейшего использования и переработки направляются в экотехнопарки и производственно-технические комплексы (мусороперерабатывающие заводы). На сегодняшний день существует три вида переработки: 1) *upcycling* – повышение ценности перерабатываемого сырья (предметы одежды, интерьера, искусства); 2) *recycling* – сохранение ценности, качества сырья (стекло, металлы, пластик) или изменение свойств сырья (получение топлива из биологических и химических отходов); 3) *downcycling* – снижение ценности материалов (удобрение из пищевых отходов, резиновая крошка для строительства, макулатура для изготовления бумаги более низкого качества и т.д.) [7]. Отходы от производства вторсырья (хвосты) также вывозятся на полигон для захоронения.

Полученные из переработанных отходов вторичное сырье и энергия поставляются потребителям в третий блок для производства новых товаров и услуг. На сегодняшний день в России уже имеется опыт производства из вторичного сырья композитной тротуарной плитки, бордюров, дренажных систем, топливных гранул, пластиковой тары, упаковочных материалов, синтепона, полиэстерной нитки, нетканых материалов и других товаров, зарекомендовавших себя на рынке.

В качестве ожидаемых результатов системного подхода к управлению отходами на региональном уровне следует отметить: появление единой системы по обращению с отходами (сбор, транспортировка, сортировка, обезвреживание, захоронение, производство вторсырья и топлива, новых товаров и услуг); уменьшение отрицательных последствий воздействия на окружающую среду (один мусороперерабатывающий комплекс способен переработать за день до нескольких сотен тонн отходов); создание

новых рабочих мест (средняя численность одного производственно-технического комплекса 150 чел.).

Литература:

1. Система управления отходами. Российский контекст. Сборник статей подготовлен институтом медиа, архитектуры и дизайна «стрелка» в рамках программы «архитекторы.рф». – URL: https://архитекторы.рф/static/files/program-reader2.pdf.
2. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и окружающей среды Республики Башкортостан в 2022 году // Министерство природопользования и экологии Республики Башкортостан. – URL: https://ecology.bashkortostan.ru/upload/uf/40e/wk5vkdht2sxgh1r3gebcuuf1ig94sp2b/Gosdoklad-ot-14.07.2023_3.pdf
3. Территориальное расселение и структурная трансформация экономики регионов (концептуальные основы анализа и моделирования) / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Д.А. Гайнанова. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2022. – 184 с.
4. Стратегическое управление потенциалом развития территориальных социально-экономических систем: методологические подходы и инструментальное обеспечение / Гайнанов Д.А., Биглова Г.Ф., Низамутдинов М.М., Гафарова Е.А., Кантор О.Г., Атаева А.Г., Орешников В.В., Мигранова Л.И., Кульмухаметов М.Ю. – Уфа, 2016. – 243 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. – М.: Росстат, 2022. – 1122 с.
6. Обращение с отходами: российский и финский опыт: учебное пособие / Ю.Г. Гладштейн, О.И. Сергиенко и др. – СПб.: ООО «Политехника Сервис», 2021. – 158 с.
7. Актуальные вопросы обращения с твердыми коммунальными отходами. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2019. – 167 с.

Systematic Approach to Waste Management at the Regional Level

Spirina L.I.
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Ufa University of Science and Technology

The author of the article proposes a model of a systematic approach to waste management at the level of a constituent entity of the Russian Federation. This model is based on the development of waste management infrastructure for its further processing and use for the production of new goods and services.

Key words: waste management, municipal solid waste, burial, neutralization, utilization, recycling, secondary raw materials, landfills, environment

УДК 005.1; 331

Формирование новых подходов к управлению на базе актуальных векторов личностного и организационного развития

Стяжкина Е.И.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности
Казанского национального исследовательского технологического
университета

Активное и разнонаправленное развитие современного общества и взаимодействующей с ним среды требует четкого понимания возможностей и направлений трансформации управляющего воздействия уже не с целью максимизации прибыли и повышения эффективности бизнеса, а формирования условий для гармоничного развития человечества и устойчивости хрупкого и нелинейного мира. В статье выделяются основные направления изменений управленческих подходов, подчеркивается важность баланса между стремлением к повышению эффективности и следованием интересам потребителя, с одной стороны, и ценностными ориентирами развития человека как участника экономических отношений – с другой.

Ключевые слова: BANI-мир, вектор личностного развития, бирюзовые организации

На сегодняшний день существует большое количество новых тенденций в сфере управления и тем не менее необходим взгляд «сверху», для того чтобы понять общее направление развития. Также открытым для большинства компаний остается вопрос выбора подходящего нового веяния для эффективного изменения системы менеджмента. Целью исследования является определение сути траектории развития подходов к управлению и характера влияния личностного и организационного изменений.

Рассмотрим, какие походы стали активно внедряться с середины – второй половины XX в. Большую популярность получает всеобщее управление качеством *TQM* (*total quality management*), которое можно считать и системой, и стилем, и подходом к управлению, основанном на производстве продукции, максимально удовлетворяющей требованиям клиента. В конечном счете, работая над качеством продукции, организацией процессов, повышая квалификацию сотрудников, компания ставит во главу угла запросы потребителя, стремясь к повышению конкурентоспособности и получению прибыли.

Близка к этому направлению философия бережливого производства, предложенная Тайити Оно для Toyota и получившая широкое распространение по всему миру [1]. В основу положено избавление от скрытых потерь, акцент на ценности продукта для потребителя. В результате получается высокое качество и более доступная цена, а значит, и более успешна деятельность компании. Обе концепции связаны с постоянным совершенствованием, использованием системного, процессного и ситуационного подходов.

Проектный подход в управлении развивался для эффективного достижения определенных целей при известных ограничениях, это основано на целесообразном использовании ресурсов и возможностей, учёте и реагировании на риски, календарном и сетевом планировании. Таким образом мы получаем максимальный результат при минимизации временных и финансовых затрат, а следовательно, рост производительности, а также возможность повышения клиентоориентированности и способности к изменениям.

Управление по результатам или по целям (*MBO – Management by Objectives*) направлено на повышение маневренности бизнеса, когда четкая постановка целей в кооперации руководства и сотрудников приводит к повышению осознанности, результативности и эффективности. На практике при внедрении

этого подхода столкнулись с целым рядом трудностей и более практичными оказались современные подходы, основанные на оценке ключевых показателей эффективности (*KPI*) и системе сбалансированных показателей (*Balanced Scorecard* или *BSC*), которые представляют собой рабочий инструмент стратегического управления, переводящий стратегические цели в конкретные мероприятия и позволяющий оценить результаты [2].

Во второй половине прошлого века началось активное развития концепции менеджмента знаний, который уже в 90-х гг. выходит на практический уровень. Актуальность и популярность этой темы не угасают по сей день. Суть данной системы состоит в сборе информации и знаний, которыми владеют сотрудники и распространении ее внутри организации. Цель же состоит в сокращении времени и ошибок при принятии решений на всех уровнях через мотивацию к развитию в профессиональной сфере и повышение уровня самоорганизации.

Конец XX в. характеризуется также бурным развитием стратегического управления и маркетинга менеджмента. Целью первого подхода является обеспечение конкурентоспособности компании в нестабильных условиях, а второго – управление спросом, несмотря на устоявшийся «рынок покупателя».

Рассмотренные тенденции концентрируются на повышении эффективности и гибкости производства при максимальном удовлетворении потребителя, увеличении прозрачности управленческих процессов и некоторого роста осознанности выполнения работ сотрудников.

SPOD-мир (*Steady* – устойчивый, *Predictable* – предсказуемый, *Ordinary* – простой, *Definite* – определенный) характеризует достаточно стабильную и предсказуемую в целом ситуацию в мире до широкого распространения компьютеров и сети Интернет, однако уже в конце 80-х гг. XX в. на смену ему приходит *VUCA*-мир (*Volatility* – изменчивый, *Uncertainty* – неопределенный, Complexity – сложный, *Ambiguity* – неоднозначный). Безусловно, действовать в изменчивом и сложном мире невозможно, опираясь лишь на шаблоны. В этом случае особо подкрепляется необходимость быстроты и креативности, той самой гибкости и осознанности. Хорошо иллюстрирует активный ответ подобной среде концепт *VUCA-Prime*: *Vision* – видение (четкое видение своих целей и фокус на них), *Understanding* – понимание (сбор максимального количества данных для понимания вопроса), *Clarity* – ясность (формирование структуры, представления), *Agility* – быстрота (высокоскоростное принятие решений).

Уже в 2016 г. футуролог Джамасио Кашио предложил для характеристики текущего состояния общества акроним *BANI* (*Brittle* – хрупкий, *Anxious* – тревожный, *Nonlinear* – нелинейный, Incomprehensible – непостижимый) [3]. В период пандемии *COVID*-19 и политических кризисов последних лет многие характеристики получили наглядное подтверждение. Справиться с вызовами *BANI* автор концепции предлагает согласно структуре: хрупкость преодолевается развитием устойчивости, фокус внимания с тревоги может быть перенаправлен на чуткое отношение к окружающим и осознавание своих истинных целей и ценностей, нелинейность требует удерживать во внимании контекст и быть гибким, непостижимость вызывает потребность в прозрачности и развитии интуиции [4].

Итак, условия, которые формируют актуальные направления менеджмента, включают в себя прежде всего: развитие информационно-телекоммуникационных сетей и искусственных интеллектуальных систем, рост глобализации и числа горизонтальных связей, позволяющих поддерживать конкурентоспособность на мировом уровне, принятая практически на всех рынках ориентация на потребителя.

Отдельного внимания заслуживает трансформация, которая происходит с самим человеком, которого мы рассматриваем с позиции элементарного субъекта и объекта управления, и изменения, характерные для современных организаций. С точки зрения перспективы наибольший интерес представляют молодые поколения, которые вступают в ближайшие десятилетия в фазу экономической активности. Согласно теории поколений, предложенной Нейлом Хоувом и Уильямом Штраусом, молодые люди 12–25 лет (согласно некоторым исследователям) относятся к поколению *Z*, которое, исходя из исторических условий формирования, имеет определенные характеристики. Несмотря на спорный характер выделения и отсутствие учёта региональных особенностей поколений, вполне оправданным и логичным представляется обозначение общих характеристик, таких как: индивидуализм, развитое чувство справедливости, зависимость от интернета и смартфона, важность навыков поиска и верификации информации, приоритет удаленной работы, трепетное отношение к безопасности, высокий уровень тревожности, большая осознанность в вопросах отношений.

После 2010 г., по мнению австралийского учёного Марка МакКриндлома, приходит в мир новое поколение Альфа [5]. Последние представители этого поколения родятся примерно в 2025 г., и их будет почти 2 млрд. Поколение Альфа справедливо считают самым материально обеспеченным, технологически продвинутым и, возможно, самым образованным в настоящее время. Это поколение, для которого стираются границы виртуального и реального миров, скорость получения и передачи информации становится максимальной во взаимодействии с искусственным интеллектом, работа в виртуальном мире – это привилегия, при этом актуализируются вопросы кибербезопасности и репутации.

Свобода выбора и персонализация, приписываемые детям Альфа, оказываются иллюзорными, поскольку зачастую формируются далеко не самостоятельно, а посредством «умных» технологий. Необходимость обработки больших массивов приводит к снижению концентрации, способности к анализу и синтезу. А сведение к минимуму живого общения приводит к неразвитости эмоционального интеллекта. Всё это говорит о низкой социальной жизнеспособности нового поколения и влечёт за собой соответствующие задачи управления.

Трансформации, которые происходят с организациями, связаны как с их структурой, так и с особенностями функционирования. «Механистический» тип организации в связи с растущей сложностью, нелинейностью и непостижимостью *BANI* мира сменяется «органическим» [6]. Проявляется это в переходе от пирамидальных иерархических структур к более плоским, с минимальным числом уровней управления, в создании временных рабочих групп, формировании предпринимательской культуры, необходимой для поддержания инновационного процесса. «Размытие» чётких границ современных компаний приводит к созданию новых организационных форм, позволяющих подстраиваться под изменения среды быстро и безболезненно. Возникают сетевые организации, оболочечные компании и стратегические альянсы [7].

В сетевых компаниях предприятие разбивается на более мелкие, независимые в хозяйственном, а иногда и в юридическом плане единицы, они интегрируются по ряду управленческих задач. Это помогает использовать преимущества малых и крупных форм бизнеса, при этом важным принципом деятельности является доверие. Оболочечные организации передают большую часть функций, прежде всего само производство продукции сторонним подрядчикам, сами же концентрируются на трансакционной и стратегической составляющих. Стратегические альянсы объединяют усилия нескольких независимых предприятий для реализации какого-либо проекта, часто в сфере НИОКР.

Таким образом, нелинейность среды приводит к развитию гибких методов управления. В частности, классический проектный подход трансформируется в *Agile* философию с рабочими инструментами *Srum*, дополняя уже существовавшую систему Канбан. Гибкость поддерживается также развитием предпринимательского подхода и партнерских отношений в рамках сетевого взаимодействия, гибких форм занятости.

Структурирование, систематизация работы и гибкое реагирование в рамках существующих подходов к управлению, ведущие к дальнейшему повышению эффективности и максимальному удовлетворению требований потребителя, способствует дальнейшему внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта, которые, в свою очередь, увеличивают многократно этот эффект. Так поддерживаются принципы общества потребления и хрупкость *BANI*-мира. В противовес лишь можно активно развивать концепцию устойчивого развития, социальную ответственность и холистический подход к управлению.

Векторы личностного роста разнонаправлены: от повышения зависимости от гаджетов и передачи ответственности за принятия решений другим, в том числе искусственному интеллекту, большой зависимости от лидеров мнений и модных трендов до роста осознанности, умения пользоваться разнообразной информацией и принимать самостоятельные решения, умения уходить от стереотипов, шаблонов, ограничивающих культурных убеждений.

Все эти тенденции, а также увеличение доли умственного труда требуют пересмотра отношения к сотруднику в организации и принципов построения бизнеса. Тревожность, непостижимость современного мира и колоссальные скорости, которые привносит искусственный интеллект, заставляют вернуться к гуманистическому подходу в управлении, когда во главу угла ставится человек с его задачей самореализации. Проанализировав примеры выдающихся компаний современности, бельгийский консультант Фредерик Лалу, основываясь на теории спиральной динамики американского психолога Клера Уильяма Грейвза, предложил концепцию «бирюзовых организаций» или «живых организаций». В них вместо менеджеров коучинг и самоуправление, взамен *KPI* – цели и ценности.

Ступень «бирюзового» развития предполагает, что команда сотрудников самоорганизуется на основе взаимодействия равноправных коллег. Здесь нет карьерного роста как такового, но есть раскрытие талантов и удовлетворенность трудом. Нет цели максимизации прибыли и конкурентоспособности, однако посредством реализации талантов сотрудников идёт существенное увеличение рыночной стоимости компании и занятие передовых рыночных позиций [8].

На практике, безусловно, при реализации самых последних тенденций в области управления можно столкнуться с целым рядом трудностей и не достичь желаемого эффекта. Нужно помнить, что многое зависит от уровня готовности как руководителя, так и сотрудников. Важно понимать суть и цель изменений, принимать прежде всего саму философию и принципы внедряемого подхода.

Литература:

1. Taiichi Ohno's Workplace Management by Taiichi Ohno. – Gemba Press, 2007. – 146 p.
2. Ребров А. О вреде управления по целям // Проект «Дельфы». – URL: https://www.delfy.biz/blog/269.
3. Cascio J. Distinguished Fellow. – URL: https://www.iftf.org/people/jamais-cascio/
4. Какой мир пришел на смену VUCA? BANI как новый способ осмыслить меняющуюся реальность. – URL: https://blog.bitobe.ru/article/kakoy-mir-prishel-na-smenu-vuca
5. McCrindle M. The ABC of XYZ: understanding the global generations. – URL: https:// www.researchgate.net/publication/328347222_The_ABC_of_XYZ_Understanding_the_Global_Generations
6. Семёнов А.К. Современные тенденции в развитии организаций. – URL: http://www.elitarium.ru/sovremennye_tendencii_organizacijj/
7. Зеркалий Н.Г. Использование новых концепций для формирования инструментария современного менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. – 2015. – № 6. – С. 3–11.
8. Чуланова О.Л. Концептуальные основы «бирюзовых организаций» и перспективы реализации в работе с персоналом // УПИРР. – 2017. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-biryuzovyh-organizatsiy-i-perspektivy-realizatsii-v-rabote-s-personalom (дата обращения: 30.11.2023).

Formation of New Management Approaches Based on Current Vectors of Personal and Organizational Development

Styazhkina E.I.
Kazan National Research Technological University

The active and multidirectional development of modern society and the environment interacting with it requires a clear understanding of the possibilities and directions of transformation of control influence no longer with the goal of maximizing profits and increasing business efficiency but creating conditions for the harmonious development of humanity and the sustainability of a brittle and non-linear world. The article highlights the main directions of changes in management approaches, emphasizing the importance of the balance between the desire to increase efficiency and follow the interests of the consumer and, on the other hand, the value guidelines for human development as a participant of economic relations.

Key words: BANI-world, vector of personal development, turquoise organizations

УДК 35.08

Ключевые показатели эффективности деятельности муниципальных органов власти как современный тренд развития муниципального управления

Фугалевич Е.В.
Доцент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В работе исследуются современные тренды муниципального управления, вопросы оценки эффективности деятельности муниципальных органов власти, говорится о современной системе оценок эффективности деятельности муниципалитетов, а также о ключевых показателях эффективности в муниципальном управлении.

Ключевые слова: муниципальное управление, местное самоуправление, оценка эффективности деятельности муниципальных (местных) органов власти, ключевые показатели эффективности муниципального управления, ключевые показатели эффективности муниципальных служащих

На протяжении многих лет, начиная с 2009 г., в соответствии с Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 и Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 (ранее № 1313), проводится оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления, а именно муниципальных районов, городских и муниципальных округов [1]. Согласно указанным нормативным правовым актам, эта оценка проводится по ряду показателей, перечень которых утвержден в этих документах. Изначально их было свыше сотни, теперь же их количество насчитывает 40 позиций [2; 3].

Важно отметить, что деятельность местных органов поселенческого уровня такой оценке не подлежала.

Согласно вышеуказанным документам, оценке подвергались основные сферы жизнедеятельности муниципальных образований по утверждённым показателям сфер экономического развития; дошкольного, общего и дополнительного образования; культуры; физической культуры и спорта; ЖКХ; жилищного строительства и организации муниципального управления.

Обратим внимание на показатели оценки эффективности сферы организации муниципального управления. Эта сфера оценивалась и оценивается до сих пор по таким показателям, как долей просроченной кредиторской задолженности муниципальных учреждений по оплате труда в общем объеме расходов на зарплаты; долей налоговых и неналоговых поступлений в местный бюджет в общем объеме доходов; объемом незавершенного строительства в срок за счет муниципальных средств, наличием генплана и т.п. В связи с изложенным, мы можем говорить о том, что оценка эффективности организации муниципального управления проводится в основном только с финансовой точки зрения [3].

Однако отметим, что существующая система оценки эффективности деятельности муниципалов включает в себя оценку населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений в рамках критериев удовлетворённости граждан транспортным обслуживанием, качеством автомобильных дорог и жилищно-коммунальными услугами [3].

Поэтому мы можем утверждать, что в рамках действующей системы оценки эффективности не нашли своего отражения такие показатели, как кадровое обеспечение муниципального управления, эффективность деятельности структурных подразделений местных органов власти, эффективность деятельности муниципальных служащих, которые существенно могли бы изменить качество оценки эффективности работы местных органов власти [2; 3].

По мнению автора, действующая система оценки эффективности деятельности местных органов власти, а также утвержденный перечень показателей не отражает в полной мере картину эффективной работы муниципальной власти.

Пришедшие в Россию в 90-е гг. и набравшие оборот в бизнес-структурах ключевые показатели эффективности (*KPI*) помогут нам посмотреть на оценку эффективности деятельности местных органов власти с другой стороны.

Многие исследователи давно ведут полемику о необходимости применения ключевых показателей эффективности на муниципальном уровне. Однако в их работах охватываются не все блоки (подсистемы), которые должны быть подвергнуты оценке. Некоторые авторы в своих работах делают акцент на оценку эффективности деятельности только муниципальных служащих, какие-то – на оценку эффективности деятельности руководителей местных органов и их структурных подразделений.

Автором статьи видится необходимость комплексного подхода к оценке эффективности муниципальных органов власти, которая должна охватывать деятельность всех участников муниципального управления.

Исходя из вышеизложенного, нами предлагается муниципальная система ключевых показателей эффективности деятельности муниципальных органов власти (далее – Система *MS KPI*) (рис. 1).

Предлагаемая система *MS KPI* включает в себя следующие подсистемы:

– подсистема ключевых показателей эффективности руководителей муниципальных органов власти (*MKPI AM*): главы муниципального образования, главы местной администрации, председателя муниципального совета, советников, руководителей отделов и т.д.;

– подсистема ключевых показателей эффективности структурных подразделений муниципальных органов власти (*MKPI SD*): комитетов, управлений, отделов, секторов и т.п.;

– подсистема ключевых показателей эффективности муниципальных служащих (*MKPI ME*).

Система *MS KPI* позволяет провести оценку эффективности деятельности всех участников муниципального управления.

Для исчисления *MKPI* автор предлагает воспользоваться матрицей со следующими ключевыми маркерами [4, с. 54–65]:

Рис. 1. Муниципальная система ключевых показателей эффективности деятельности муниципальных органов власти

– Вес *MKPI*: это индикатор, показывающий значимость показателя для муниципального образования (далее – МО). Его значение может представляться в числовом или процентом выражении, максимально равен который 1 или 100 %.

– Базовый *MKPI (BMKPI*): это индикатор минимально необходимого уровня показателя, если этот уровень показателя не достигается в работе, то рабочие результаты равны нулю.

– Нормативный *MKPI (NMKPI*): это тот уровень показателя, который необходимо обязательно достичь (плановый результат);

– Фактический *MKPI (FMKPI*): это реальный уровень показателя;

– Целевой *MKPI (TMKPI*): это уровень, значение показателя к которому стремимся. Данный уровень показателя должен быть установлен выше нормативного MKPI на 20–25 %.

И тогда **Индекс *MKPI (IMKPI)*** мы можем рассчитать по формуле [4, с. 54–65]:

$$IMKPI = \frac{(FMKPI - BMKPI)}{(NMKPI - BMKPI)} \; x \; 100\%$$

Индексы *MKPI (IMKPI*) предполагается рассчитывать по ключевым показателям в каждой подсистеме Системы *MS KPI*.

Сначала нам необходимо рассчитать индивидуальные индексы *MKPI* в каждой подсистеме Системы *MS KPI (Iинд* $_{MKPI}$), на основании данных которых мы сможем произвести расчеты совокупных индексов каждой подсистемы Системы *MS KPI (Iсов* $_{MKPI}$).

Индивидуальные индексы подсистем *MS KPI (Iинд* $_{MKPI}$) [5, с. 182–187]:

– ***Iинд*** $_{MKPI\ AM}$ – индивидуальный индекс руководителя, который рассчитывается по каждому руководителю муниципальных органов власти (главы МО, главы местной администрации, председателя муниципального совета, советников, руководителей отделов и т.д.) согласно формуле:

$$Iинд_{MKPI\ AM} = \frac{(I_{MKPI\ AM1} + I_{MKPI\ AM2} + ... + I_{MKPI\ AMn})}{N}$$

где $I_{MKPI\ AM}$ – индекс муниципального ключевого показателя эффективности подсистемы *MKPI AM*,

N – количество индексов муниципальных ключевых показателей эффективности подсистемы *MKPI AM*.

– ***Iинд*** $_{MKPI\ SD}$ – индивидуальный индекс структурного подразделения муниципальных органов власти, который рассчитывается по каждому структурному подразделению (комитету, управлению, отделу, сектору и т.п.) согласно формуле где $I_{MKPI\ SD}$ – индекс муниципального ключевого показателя эффективности подсистемы *MKPI SD*,

N – количество индексов муниципальных ключевых показателей эффективности подсистемы *MKPI SD*.

$$Iинд_{MKPI\ SD} = \frac{(I_{MKPI\ SD1} + I_{MKPI\ SD2} + ... + I_{MKPI\ SDn})}{N}$$

– $Iинд_{MKPI\ ME}$ – индивидуальный индекс муниципальных служащих, который рассчитывается по каждому муниципальному служащему муниципалитета согласно формуле:

$$Iинд_{MKPI\ ME} = \frac{(I_{MKPI\ ME1} + I_{MKPI\ ME2} + ... + I_{MKPI\ MEn})}{N}$$

где $I_{MKPI\ ME}$ – индекс муниципального ключевого показателя эффективности подсистемы *MKPI ME*,

N – количество индексов муниципальных ключевых показателей эффективности подсистемы *MKPI ME*.

Совокупные индексы подсистем MS KPI (Iсов $_{MKPI}$) [4, с. 182–187].

– $Iсов_{MKPI\ AM}$ – совокупный индекс подсистемы *AM MKPI*, который рассчитывается по формуле:

$$Iсов_{MKPI\ AM} = \frac{(I_{индMKPI\ AM1} + I_{индMKPI\ AM2} + ... + I_{индMKPI\ AMn})}{N}$$

где $Iинд_{MKPI\ AM}$ – индивидуальный индекс руководителя,

N – количество руководителей.

– $Iсов_{MKPI\ SD}$ – совокупный индекс подсистемы *SD MKPI*, который рассчитывается по формуле:

$$Iсов_{MKPI\ SD} = \frac{(I_{индMKPI\ SD1} + I_{индMKPI\ SD2} + ... + I_{индMKPI\ SDn})}{N}$$

где $Iинд_{MKPI\ SD}$ – индивидуальный индекс структурного подразделения муниципальных органов власти,

N – количество структурных подразделений муниципальных органов власти.

– $Iсов_{MKPI\ ME}$ – совокупный индекс подсистемы *SD MKPI*, который рассчитывается по формуле:

$$Iсов_{MKPI\ ME} = \frac{(I_{индMKPI\ ME1} + I_{индMKPI\ ME2} + ... + I_{индMKPI\ MEn})}{N}$$

где $Iинд_{MKPI\ ME}$ – индивидуальный индекс муниципального служащего,

N – количество муниципальных служащих.

Выше представленные совокупные индексы каждой подсистемы позволят нам в конечном итоге получить совокупный индекс Системы *MS KPI* (совокупный индекс муниципальной системы ключевых показателей эффективности деятельности муниципальных органов власти ($Iсов_{MS\ KPI}$)), который будет рассчитываться по следующей формуле:

$$Iсов_{MS\ KPI} = \frac{(Iсов_{MKPI\ AM} + Iсов_{MKPI\ SD} + Iсов_{MKPI\ ME})}{N}$$

где $Iсов_{MKPI\ AM}$ – совокупный индекс подсистемы *AM MKPI*,

$Iсов_{MKPI\ SD}$ – совокупный индекс подсистемы *SD MKP*,

$Iсов_{MKPI\ ME}$ – совокупный индекс подсистемы *SD MKPI*,

N – количество совокупных индексов = 3.

Для осуществления расчетов различного рода индексов нам необходимо определиться с перечнем ключевых показателей эффективности по каждой из подсистем Системы *MS KPI*.

Важно отметить, что представленные перечни ключевых показателей эффективности – это не константа. Также не константа базовый, фактический и нормативный уровень значения ключевого показателя эффективности. Под влиянием внешних и внутренних факторов дорожная карта деятельности органов местного самоуправления, их структурных подразделений и отдельно муниципальных служащих может подвергаться корректировке, следовательно и перечни ключевых показателей эффективности подвергнутся соответствующим изменениям и конкретизации. Теперь мы предлагаем остановиться на вышеупомянутых перечнях более подробно:

1. Подсистема ключевых показателей эффективности руководителей муниципальных органов власти.

Данная подсистема предполагает разработку/подбор перечня показателей, по которым в дальнейшим будет проводиться оценка глав муниципального образования, глав местных администраций, председателей муниципальных советов, советников, руководителей отделов и т.д. (табл. 1) [4, с. 54–65].

Представленные в таблице 1 ключевые показатели эффективности руководителей муниципальных органов власти (*MKPI AM*) демонстрируют тот перечень показателей, по которому мы можем провести оценку основного функционала руководителей местных органов власти.

Достижение генеральной стратегической цели социально-экономического развития муниципального образования основывается на результативной и эффективной деятельности каждого руководителя.

Руководитель несет персональную ответственность за результаты своей работы как перед каждым сотрудником муниципальных органов власти, так и перед населением и местным сообществом муниципального образования.

MKPI AM предназначены для стимулирования деятельности руководителя, для направления усилий его деятельности в нужное русло, что предполагает сверку текущих результатов деятельности с намеченной генеральной стратегической целью социально-экономического развития МО.

2. Подсистема ключевых показателей эффективности структурных подразделений муниципальных органов власти предполагает проводить оценку именно данных подразделений, а не каждого сотрудника в отдельности, т.к. способность работать в команде свидетельствует об эффективности

деятельности именно структурного подразделения (табл. 2) [4, с. 54–65].

Внедрение ключевых показателей эффективности структурных подразделений муниципальных органов власти (*MKPI SD*) как инструмента оценки их деятельности способствуют стимулированию эффективной и качественной работы, нацеленной на результат. Также *MKPI SD* позволяют соотнести

Таблица 1

Перечень ключевых показателей эффективности руководителей муниципальных органов власти (*MKPI AM*)

Муниципальные ключевые показатели эффективности (*MKPI AM*)	Вес *MKPI*	Базовый *MKPI* (*BMKPI*), %	Нормативный *MKPI* (*NMKPI*), %	Фактический *MKPI* (*FMKPI*), %	Целевой *MKPI* (*TMKPI*),%	Индекс *MKPI AM*, %
Уровень доверия населения	1	70	80	80	100	100
Уровень доверия подчиненных	1	70	80	80	100	100
Удовлетворённость населения работой руководителя	1	70	80	80	100	100
Удовлетворенность руководителей других структурных подразделений по смежным вопросам качеством взаимодействия и подготовленных материалов	1	70	80	80	100	100
Удовлетворенность профильной инфраструктурой со стороны граждан и местного сообщество (в зависимости от специализации отдела или направления деятельности)	1	70	80	80	100	100
Уровень результативности руководителя (коэффициент результативности)	1	70	80	80	100	100
Своевременность предоставления внутренних услуг и консультаций в пределах своей компетенции	0,5	70	80	80	100	100
Качество предоставления внутренних услуг и консультаций в пределах своей компетенции	1	70	80	80	100	100
Доля ответов на обращения граждан, отправленных в установленный срок	1	70	80	80	100	100
Количество поступивших обоснованных жалоб от общего количества жалоб	1	70	80	80	100	100
Доля оформленных документов без нарушения сроков в соответствии с установленными требованиями	0,5	70	80	80	100	100
Качество и полнота выполнения программ и планов	1	70	80	80	100	100

Таблица 2

Перечень ключевых показателей эффективности структурных подразделений муниципальных органов власти (*MKPI SD*)

Муниципальные ключевые показатели эффективности (*MKPI SD*)	Вес *MKPI*	Базовый *MKPI* (*BMKPI*), %	Нормативный *MKPI* (*NMKPI*), %	Фактический *MKPI* (*FMKPI*), %	Целевой *MKPI* (*TMKPI*),%	Индекс *MKPI SD*, %
Удовлетворённость населения работой структурного подразделения	1	70	80	80	100	100
Удовлетворенность профильной инфраструктурой со стороны граждан и местного сообщество (в зависимости от специализации отдела)	1	70	80	80	100	100
Уровень результативности структурного подразделения (коэффициент результативности)	1	70	80	80	100	100
Своевременность предоставления внутренних услуг и консультаций в пределах компетенции структурного подразделения	0,5	70	80	80	100	100
Качество предоставления внутренних услуг и консультаций в пределах компетенции структурного подразделения	1	70	80	80	100	100
Доля ответов на обращения граждан, отправленных в установленный срок	1	70	80	80	100	100
Количество поступивших обоснованных жалоб от общего количества жалоб	1	70	80	80	100	100
Качество и полнота выполнения программ и планов	1	70	80	80	100	100
Доля оформленных документов без нарушения сроков в соответствии с установленными требованиями	1	70	80	80	100	100

цели и задачи подразделения с генеральной стратегической целю социально-экономического развития МО. Т.е. здесь предполагается декомпозиции генеральной стратегической цели и закрепление каждого структурного подразделения за соответствующей целью (конкретное подразделение (подразделения) несет ответственность за достижение закреплённой за ним цели и решением соответствующих задач). *MKPI SD* способствует повышению прозрачности деятельности структурных подразделений муниципальных органов власти, что позволяет своевременно реагировать на возможные сбои в работе муниципальной системы управления и при необходимости скорректировать дорожную карту деятельности структурных подразделений.

3. Подсистема ключевых показателей эффективности муниципальных служащих позволяет провести оценку конкретного сотрудника и в дальнейшем скорректировать его дорожную карту профессиональной деятельности (табл. 3) [4, с. 54–65].

Представленные в таблице 3 муниципальные ключевые показатели эффективности муниципальных служащих (*MKPI ME*) позволяют нам говорить о возникновении персональной ответственности каждого сотрудника за ту часть работы, которая за ним закреплена. Также введение *MKPI ME* можно расценивать как мотивационную составляющею деятельности служащих. В соответствие с этими показателями (с учетом весовых значений *MKPI ME*) может также производится расчет премиальных выплат. В данном случае если *MKPI ME* превышает 100 %, то из этого следует, что сотрудник прекрасно справляется со своими обязанностями и может претендовать на премию. Если *MKPI ME* равен 100 %, то это свидетельствует о том, что служащий достиг необходимого нормативного уровня *MKPI ME*. Если *MKPI ME* ниже 100 %, то мы можем говорить о том, что сотрудник не справился с поставленными задачами и не выполнил в полном объеме свои обязанности.

Отметим, что в зависимости от целей, задач и функционала каждого структурного подразделения перечень показателей эффективности структурных подразделений муниципальных органов власти и муниципальных служащих будет различен.

Итак, об эффективной работе каждого элемента муниципальной системы управления мы можем говорить только в том случае, если индексы ключевых показателей эффективности у нас равны 100 % и выше, при этом фактическое значение показателя, согласно нашему примеру, должно быть равно не менее 80 %, что соответствует норме, т.е. уровню показателя, который обязательно необходимо достичь, таблица 1–3.

Однако для достижения целевых значений ключевых показателя эффективности фактический уровень должен стремится к 100 %. И тогда индексы *MKPI* будут существенно выше 100 %.

Только свыше 100 % значения *MKPI* может свидетельствовать об эффективной работе муниципалитета.

4. Также для полноты картины оценки эффективности деятельности муниципальных органов власти автор предлагает производить расчеты коэффициентов результативности, демонстрирующие результаты работы участников муниципального управления, при расчёте которых учитываются все *MKPI* в каждой подсистеме Системы *MS KPI* и их веса [4, с. 54–65].

Таким образом, предлагаемая муниципальная система ключевых показателей эффективности деятельности муниципальных органов власти позволит комплексно оценить эффективность деятельности

Таблица 3

Перечень ключевых показателей эффективности муниципальных служащих (*MKPI ME*)

Муниципальные ключевые показатели эффективности (*MKPI ME*)	Вес *MKPI*	Базовый *MKPI (BMKPI)*, %	Нормативный *MKPI (NMKPI)*, %	Фактический *MKPI (FMKPI)*, %	Целевой *MKPI (TMKPI)*, %	Индекс *MKPI ME*, %
Уровень результативности муниципального служащего (коэффициент результативности)	1	70	80	80	100	100
Своевременность предоставления муниципальных услуг и консультаций в пределах своей	0,5	70	80	80	100	100
Качество предоставления муниципальных услуг и консультаций в пределах своей компетенции	1	70	80	80	100	100
Доля ответов на обращение граждан, отправленных в установленный срок	1	70	80	80	100	100
Количество поступивших обоснованных жалоб от общего количества жалоб	1	70	80	80	100	100
Качество и полнота выполнения программ и планов	1	70	80	80	100	100
Доля оформленных документов без нарушения сроков в соответствии с установленными требованиями	1	70	80	80	100	100

всех составных частей (элементов) муниципального управления и представит эффективность управления муниципальной территорией с новой стороны.

Также Система *MS KPI* позволяет представить объективные/оптимальные дорожные карты деятельности всех участников муниципального управления, что свидетельствует о гибкости такого управления, которое позволит вносить необходимые своевременные коррективы в деятельность муниципалитета.

Литература:

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 02.11.2023) // СПС КонсультантПлюс.
2. Указ Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» (ред. от 11.06.2021) // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» …» (ред. от 30.06.2021) // СПС КонсультантПлюс.
4. Ручкин А.В. Ключевые показатели эффективности (KPI) деятельности муниципальных служащих: особенности, правовые основы и примеры построения // Муниципалитет: экономика и управление. – 2016. – № 2(15). – С. 54–65.
5. Корсунов Д.А., Буров А.В. KPI как система управления и оценки эффективности деятельности органов власти и местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2019. – № 1. – С. 182–187.
6. Фугалевич Е.В. Цифровая трансформация системы государственного и муниципального управления Российской Федерации на современном этапе // Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды. Сб. науч. трудов II Межд. науч.-практ. конф. – СПб., 2023. – С. 199–211.

Key Performance Indicators of Municipal Authorities as a Modern Trend in the Development of Municipal Management

Fugalevich E.V.
Saint-Petersburg State University of Economics

The paper examines modern trends in municipal management, issues of evaluating the effectiveness of municipal authorities, talks about the modern system of evaluating the effectiveness of municipalities, as well as key performance indicators in municipal management.

Key words: municipal administration, local self-government, evaluation of the effectiveness of municipal (local) authorities, key performance indicators of municipal management, key performance indicators of municipal employees

УДК 35.08

Оценка эффективности управления пространственным развитием (муниципальный и региональный уровни)

Фугалевич Е.В.
Доцент кафедры государственного и территориального управления
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Смешко О.Г.
Доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента
и государственного и муниципального управления, Ректор
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Статья посвящена современным трендам регионального и муниципального управления, которые влияют на пространственное развитие регионов России; говорится об эффективном взаимодействии публичных органов власти, о кадровом обеспечении регионального и муниципального управления; представлены законодательные новеллы в сфере муниципального и регионального управления. В работе кратко описывается предлагаемая авторами концептуально-логическая модель эффективного взаимодействия публичной власти в РФ, которая декларирует взаимодействие всех властей как сотрудничество в сфере пространственного социально-экономического развития регионов и муниципалитетов.

Ключевые слова: региональное управление, муниципальное управление, муниципальное развитие, региональное развитие, эффективность управления, публично-властное управление, кадровое обеспечение управления, социально-экономическое развитие, пространственное развитие

На фоне современных негативных экономических тенденций особенно актуальным становится вопрос удержания темпов социально-экономического развития нашей страны.

Социально-экономическое развитие РФ в целом зависит от успешной и эффективной работы как федеральных, так и региональных и муниципальных властей. Важнейшими документами в этой связи могут выступать стратегии социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований (далее – МО).

Соотношение генеральных стратегических целей в этих документах и скоординированные действия по их достижению органов власти всех уровней – залог дальнейшего развития нашей страны. В подтверждении сказанного мы обратимся к положениям Конституции РФ, а именно к ст.ст. 132 и 131. Ст. 132 была дополнена ч. 3, ст. 131 была дополнена ч. 1.1, согласно принятым поправкам в ходе общероссийского голосования, которое проходило 1 июля 2020 г. В ч. 3 ст. 132 зафиксировано, что органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти РФ, совместная деятельность которых нацелена на эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [1]. Также обратимся к положениям ст. 131 ч. 1.1, согласно которым органы государственной власти могут участвовать в формировании местных органов власти, назначать и освобождать от должности должностных лиц муниципальных органов власти [1; 2].

В связи с эти отметим, что без эффективных управленцев решение актуальных задач и достижение генеральных стратегических целей социально-экономического развития на различных уровнях управления не представляется возможным.

Вопрос кадрового обеспечение регионального управления начал решаться в период реализации программ развития кадрового управленческого резерва «Школа губернаторов» и проекта «Лидеры России», которые стартовали в 2017 г.

Многие управленцы, которые прошли обучение в рамках программы «Школа губернаторов», на сегодняшний день занимают посты федеральных министров, руководителей крупнейших компаний и возглавляют более половины регионов нашей страны [3].

Проект «Лидеры России» представляет собой открытый конкурс, предназначенный для управленцев нового поколения, по результатам которого возможно получение грантов руководителям на свои инициативы с учетом дальнейшей возможности входа в состав привилегированного сообщества лучших управленцев страны [4].

Важно отметить, что многие годы местное самоуправление не получало должного внимания со стороны федеральных и отчасти региональных властей. И поэтому проблема кадрового обеспечения муниципального управления в прошлый период и сегодня остается сверхактуальной. Только в последние несколько лет сменился вектор государственной кадровой политики в пользу муниципалов.

Современные тренды управления на муниципальном уровне все больше привлекают внимание представителей всех уровней власти, исследователей и местного сообщества, которые, несомненно, влияют и могут повлиять на развитие регионов.

Отметим, что в том виде местное самоуправление, в котором оно нам привычно представляется, уже себя исчерпало.

Действительно, в последние годы руководство страны, политические и общественные лидеры акцентируют внимание на процессах функционирования и развития местного самоуправления в региональном аспекте. Этому свидетельствуют такие факты, как:

Во-первых, по итогам одного из последних заседаний Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления, которое состоялось в июне 2023 г., **был представлен перечень поручений для различных властных управленческих структур и некоторых участников.**

К основным поручениям Президента РФ можно отнести:

1. Правительству РФ было поручено разработать предложения [5]:

– по передаче некоторой налоговой федеральной и региональной базы в счет налоговых взиманий в местные бюджеты;

– по сокращению налоговой нагрузки на подведомственные социально ориентированные муниципальные учреждения;

– по совершенствованию способов участия граждан в местном бюджетном процессе;

– по совершенствованию образовательных программ по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», а также по редактированию программ повышения квалификации муниципальных служащих.

Также Правительству РФ было поручено разработать предложения по учету стажа работы в органах управления региональных Советов МО при исчислении стажа работы гражданской службы и разработать предложения для обеспечения преимущества поступления на гражданскую службу лицам, которые ранее имели стаж работы на муниципальных должностях и должностях муниципальной службы [5].

2. Генеральной прокуратуре поручено разработать предложения по корректировке прокурорского надзора, который проводится в отношении местных органов власти и подведомственных им учреждений и организаций [5].

3. Правительству РФ, Администрации Президента РФ при участии РАНХиГС поручена разработка программы развития муниципального кадрового управленческого резерва «Школа мэров»; образовательной программы и курсов в дистанционном формате «Цифровой университет муниципалитетов» [5].

Во исполнение поручений Президента РФ Администрация Президента РФ при участии РАНХиГС, начиная с 2023–2024 учебного года, запустили программу по развитию муниципального кадрового резерва «Школа мэров», в рамках обучения по данной программе через 4 потока (каждый по 80 чел.) пройдут обучение 320 чел. Программа предполагает шесть модулей обучения (рис. 1) [6].

Целью этой программы выступает подготовка специалистов высокого ранга, которые способны

Рис. 1. Модули программы по развитию муниципального кадрового резерва «Школа мэров»

решать сложнейшие задачи в условия современных вызовов.

Важно отметить, что в будущем процесс обучения для муниципальных служащих среднего звена планируется организовать на уровне регионов. Также отметим, что «Школа мэров» – это своего рода системное продолжение программы «Школа губернаторов», что поможет ликвидировать дефицит высококвалифицированных кадров на муниципальном и региональном уровнях [6].

Авторы обращают внимание еще на то, что в рамках развития кадров для муниципальной службы начала свою реализацию образовательная программа и курсы в дистанционном формате «Цифровой университет муниципалитетов». Программа стартовала с ноября 2023 г. Освоение материалов по данной программе предполагается как проектно-ориентирование командное обучение муниципалитетов [7].

Целью этого проекта выступает создание открытой образовательной среды с лучшими актуальными продуктами образовательного рынка и обеспечение массового онлайн-обучения. Планируется ежегодно обучать до полумиллиона человек по всей России без отрыва от производства.

Во-вторых, не так давно был **разработан** и представлен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального собрания РФ **законопроект «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»** [8].

Данный законодательный проект был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального собрания РФ в декабре 2021 г. После рассмотрения данного документа в первом чтении в январе 2022 г. и во втором чтении в феврале 2022 г. он не был одобрен. До сих пор он не приобрел завершенного вида, т.к. после ряда обсуждений в него предлагается более 2 тыс. поправок.

В этом случае можно говорить либо о недоработках законодательного проекта, либо о важности и необходимости принятия нового закона и детальных проработках его всеми участникам законотворческой деятельности.

Новый закон предполагает существенную трансформацию местного самоуправления на всей территории России. Эти изменения затронут каждого гражданина нашей страны, т.к. муниципальная власть – самая приближенная власть к населению, имеющая адресный аспект. Также изменения затронут и организации публичной власти в регионах.

1. Существенным преобразованиям подвергнутся территориальная организация местного самоуправления, а именно введение одноуровневой муниципальной системы управления взамен двухуровневой (не считая городов федерального значения), упразднение поселенческого уровня муниципального управления, а именно образование территориальных органов местной администрации взамен органов местного самоуправления городских и сельских поселений. В основу организации одноуровневой муниципальной системы управления ложится принцип привязки к населению, а не территориальный принцип (рис. 2 и 3) [8].

Исходя из представленной информации на рисунке 2, сегодня мы имеем восемь видов муниципальных образований, новый же проект закона не предусматривает большую часть представленных видов (рис. 3).

Исходя из рисунка 2 и 3, которые иллюстрируют действующую и планируемую системы муниципального управления, авторы свидетельствуют о грядущем сокращении количества МО во всех субъектах РФ.

На 1 января 2023 г. на территории России насчитывалось 18402 муниципальных образования: из них муниципальных районов – 1421, муниципальных округов – 311, городских округов – 588,

Рис. 2. Двухуровневая система муниципального управления в Российской Федерации, в соответствии с ФЗ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ [9]

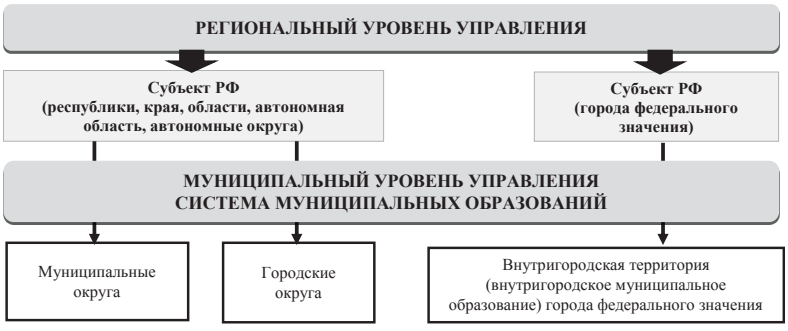

Рис. 3. Одноуровневая система муниципального управления в Российской Федерации, в соответствии с разработанным законопроектом

городских округов с внутригородским делением – 9, внутригородских районов – 23, городских – 1203 и сельских поселений – 14580, внутригородских муниципальных образований городов федерального значения 267 (рис. 4) [10].

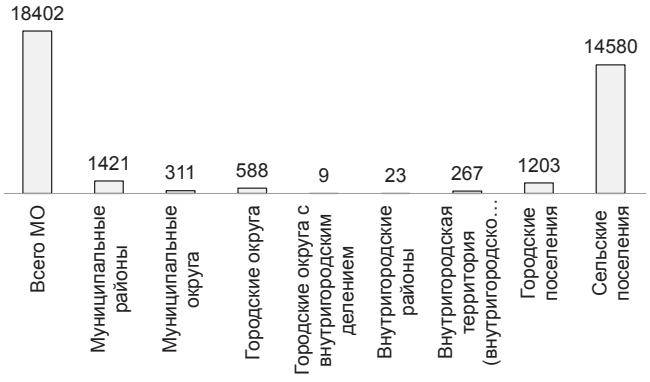

Рис. 4. Количество муниципальных образований в Российской Федерации по состоянию на 2023 г. (по видам), ед. [9]

Интерпретируя представленные данные из рисунка 4, авторы делают прогнозные предположения о будущем количестве МО. Предположительно их будет насчитываться около 2,5 тыс. единиц. В силу того, что предполагается упразднение муниципального поселенческого уровня управления, под сокращение также подпадают муниципальные образования федеральных городов, например, в Петербурге количество внутригородских муниципальных образований планируют сократить вполовину.

2. Преобразования планируются и в перечнях вопросов местного значения МО, которые приобретают унифицированный характер и преобразуются в общий перечень полномочий местных органов по обеспечению жизнедеятельности местных территорий. Здесь ряд вопросов местного значения, которые отнесены действующим Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам конкретного вида муниципальных образований (касательно городских и сельских поселений), теперь представлены как полномочия субъектов РФ, которые они по своему усмотрению могут передать муниципалам [8].

3. Еще одной новеллой выступает формирование местных советов только через муниципальные выборы [8].

4. Также помимо существующих способов избрания главы муниципального образования (далее – глава МО) предполагается возможность избрания главы МО муниципальным советом из представленных высшим должностным лицом региона кандидатур. При условии такого избрания глава МО всегда должен возглавлять местную администрацию [8].

5. Еще можно говорить об усилении ответственности глав МО и глав местных администраций (далее – глава МА), т.е. руководитель региона может обратиться с инициативой в местный совет об удалении главы МО в отставку в связи с систематическим недостижением показателей эффективности деятельности местных органов власти. Руководитель региона, согласно новому проекту закона, вправе в отношении глав МО и глав МА выносить предупреждения и объявлять выговор в отношении ненадлежащего исполнения или неисполнения госполномочий, которые передал регион местным органам власти [8].

Также хотелось бы обратить особое внимание на Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который посвящён общим приципам организации публичной власти в субъектах РФ, вступивший окончательно в силу с 1 января 2023 г. В данном законе присутствуют положения, отражающие участие органов, входящих в единую систему публичной власти субъекта РФ в решении задач местного самоуправления. Согласно данному закону, власти субъекта РФ должны содействовать развитию местного самоуправления в соответствующем регионе. Также указывается, что региональные органы власти по средствам регионального законодательства могут осуществлять перераспределение полномочий между местными органами власти и органами власти субъектов РФ.

Итак, ряд изложенных законодательных положений можно расценить в некотором смысле как некое подчинение муниципальных должностных лиц по отношению к региональным, как некое подчинение местных властей региональным [8; 11]. Однако здесь мы должны понимать, что единая система публичной власти – это не система прямого соподчинения, это система взаимодействия властных структур всех уровней.

Описанные в статье положения законов и законопроекта нацелены на создание эффективного публично-властного управления в РФ.

Теперь подробнее хотелось бы остановиться именно на вопросах трансформации местного самоуправления. Изменения, которые неизбежно произойдут в муниципальном управлении, возникли не на пустом месте, они предполагают решить такие актуальные проблемы, как сокращение муниципального управленческого аппарата, повышение эффективности и результативности деятельности муниципальных органов власти как в целом, так и через повышение качества кадрового обеспечения муниципального управления.

Однако, как мы уже отмечали, в законодательный проект о местном самоуправлении уже предлагаются около двух тысяч поправок, следовательно, что мы получим в сухом остатке, пока не видится возможным представить.

Описанные законодательные изменения в системе муниципального управлении, безусловно,

отразятся на региональной системе управления, т.к. регион выступает как некая территориальная формация, которая включает в себя систему государственного и муниципального управления, природную, социально-экономическую и территориальную составляющие.

В связи с эти вновь вернемся к разговору о социально-экономическом развитие территорий РФ.

Акцентирование внимания современной федеральной государственной политики на региональный и муниципальный уровни управления свидетельствует о том, что именно эффективное управление на региональном и в большинстве на муниципальном уровнях власти позволит достичь намеченных стратегических целей социально-экономического развития страны в целом.

В связи с вышеизложенным авторы предлагают концептуально-логическую модель эффективного взаимодействия публичной власти в РФ (рис. 5).

Данная модель демонстрирует необходимость работы органов власти всех уровней в одной связке, вбирая в себя положения нового/обновленного законодательства касательно организации власти в регионах и муниципалитетах. Скоординированная работа и взаимодействие региональных и местных органов власти позволит эффективно решать задачи в интересах населения. Чему свидетельствует сегодня проводимая государством кадровая политика, которая нацелена не на количество, а на качество сотрудников, задействованных в управленческих процессах.

Как мы видим, рисунок 5 иллюстрирует то, что обеспечение высокого уровня эффективности публично-властного управления, а именно касательно достижения генеральной стратегической цели социально-экономического развития РФ в целом, региона и муниципальных образований возможно только при тесном сотрудничестве и взаимодействии федеральных, региональных и муниципальных властей как единой команды.

Отметим, что вышеизложенное находит свое отражение в обновленной Конституции РФ. Внушительный объем поправок касается некоторых системных изменений в сфере государственного и муниципального управления, а именно изменениям и дополнениям подверглись политический блок вопросов (ст.ст. 70, 79, 80, 82, ст. 67-1, ч. 1, ч. 2-1), президентский (ст. 80 п. 2, ст. 81.2, ст. 81 ч. 3, ст.ст. 92.1 и 93.1, ст. 100 п. 3.), парламентский (ст. ст. 95, 97, ст. 98 ч. 1, ст.ст. 102–104, 107, 108, 109), правительственный (ст. 71 п. «т», ст.ст. 111 и 113) и судебно-прокурорский (ст.ст. 121, 125, 129) блоки, а также блок местного самоуправления (ст. 131 ч.ч. 1 и 2 и дополнена ч.ч. 1.1 и 3, ст. 132 ч.ч. 1 и 2 и дополнена ч. 3, ст. 133) [2].

Таким образом, подводя итог нашего исследования, отметим, что принятые поправки в Конституцию РФ способствовали изменениям федерального и регионального законодательства, согласно которым публичные органы власти как неотъемлемые элементы единой системы публичной власти в интересах населения должны осуществлять властные полномочия сообща [12; 13].

Предлагаемая концептуально-логическая модель эффективного взаимодействия публичной власти в РФ декларирует вышеописанное в статье взаимодействие всех властей как сотрудничество, а не как субординационную подчинённость и централизацию, оставляя автономный характер осуществления местного самоуправления на соответствующих территориях [11].

Именно региональные и в большей степени муниципальные органы власти, как самые приближенные к населению, должны оперативно решать сложнейшие управленческие задачи, особенно в сфере пространственного социально-экономического развития.

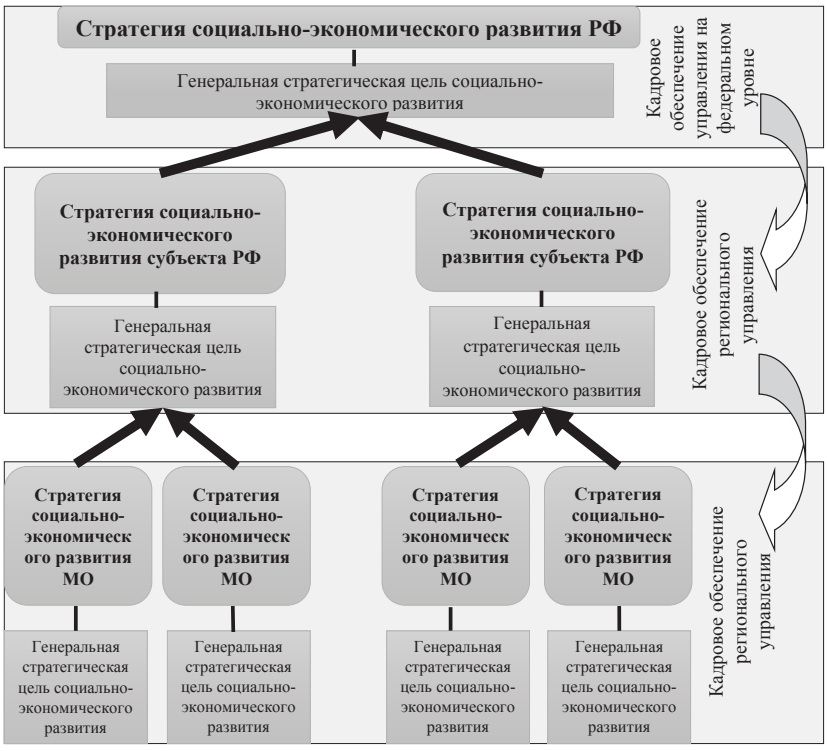

Рис. 5. Концептуально-логическая модель эффективного взаимодействия публичной власти в РФ

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.11.2023).
2. Официальный сайт Конституции РФ. – URL: https://constitucia.ru/ (дата обращения: 25.10.2023 г.).
3. Официальный сайт программы развития кадрового управленческого резерва «Школа губернаторов». – URL: https://gspm.ranepa.ru/ (дата обращения: 25.10.2023).
4. Официальный сайт проекта «Лидеры России». – URL: https://xn--d1achcanypala0j.xn--p1ai/ (дата обращения: 25.10.2023).
5. «Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию местного самоуправления» (утв. Президентом РФ 04.06.2023 г. № Пр-1111). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448995/ (дата обращения: 05.10.2023).
6. Официальный сайт программы развития муниципального кадрового резерва «Школа мэров». – URL: https://tsum.ranepa.ru/ (дата обращения: 25.10.2023).
7. Официальный сайт «Цифровой университет муниципалитетов». – URL: https://tsum.ranepa.ru/ (дата обращения: 25.10.2023).
8. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (дата обращения: 05.11.2023).
9. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023 г.) (ред. от 04.08.2023) // СПС КонсультантПлюс.
10. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.11.2023).
11. Туболев С.М. Местное самоуправление: ключевые события 2020–2023 гг. в контексте публично-властных отношений // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 6 (119). – С. 155–159.
12. Воронина Е.В., Ушакова Е.В., Фугалевич Е.В. Цифровая трансформация деятельности органов власти региона как форма смягчения кризиса // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. № 1. – С. 261–280.
13. Ушакова Е.В., Воронина Е.В., Фугалевич Е.В. Эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления как основа развития региона // Экономика и управление. – 2018. – № 3 (149). – С. 35–44.

Assessment of the Effectiveness of Spatial Development Management (Municipal and Regional Levels)

Fugalevich E.V.
Saint-Petersburg State University of Economics
Smeshko O.G.
Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article is devoted to modern trends in regional and municipal management that affect the spatial development of Russian regions; it also talks about effective interaction of public authorities, staffing of regional and municipal management. Part of the article is devoted to legislative innovations in the field of municipal and regional management. The paper briefly describes the conceptual and logical model of effective interaction of public authorities in the Russian Federation proposed by the authors, which declares the interaction of all authorities as cooperation in the field of spatial socio-economic development of regions and municipalities.

Key words: regional management, municipal management, municipal development, regional development, management efficiency, public authority management, human resources management, socio-economic development, spatial development

УДК 332.14

Опыт реализации инвестиционных программ в коммунальной сфере Республики Татарстан

Хабибуллина Л.В.
Первый заместитель председателя Государственного комитета Республики Татарстан по тарифам (Казань)

В статье изучается опыт реализации инвестиционных программ в коммунальной сфере. Предложен механизм более целевого использования инвестиционных программ в регулируемых организациях. Дается подробный анализ применения инвестиционных программ с определением проблемных вопросов в сферах электроэнергетики, теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения. Доказывается необходимость наличия инвестиционных программ на всех регулируемых предприятиях с целью всеобъемлющего охвата проблем по замене оборудования, сетей и снижения изношенности основных фондов. Определены и обоснованы причины возникновения основных проблемных вопросов применения инвестиционных программ. Обосновано создание фонда амортизационных отчислений на предприятиях и его экономическая целесообразность.

Ключевые слова: водоснабжение, водоотведение, инвестиционная программа, тариф, коммунальная сфера

Одним из приоритетных направлений решения задач, поставленных перед государством, является сфера жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ). Данное направление является самым социально ориентированным. т.к. потребителями является в большей степени население. А это, в свою очередь, связано с обеспечением достойного уровня качества жизни населения и созданием условий безопасности и комфортности проживания. Такой вариант развития событий возможен только при обеспечении устойчивого развития экономики.

Для сферы ЖКХ характерными проблемными вопросами в настоящее время являются:

1. Увеличение объемов аварийности жилищно-коммунальной инфраструктуры.

2. Высокий уровень топливно-энергетических расходов при существующих достаточно невысоких темпах реализации мероприятий по повышению уровня показателей энергоэффективности в ЖКХ;

3. Отсутствие понятных реализуемых механизмов для привлечения в коммунальную отрасль инвесторов.

По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина и Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова, первостепенной задачей является обновление инфраструктуры ЖКХ как в Республике Татарстан, так и во всех регионах России в целом.

Слова Президента РФ В.В. Путина, сказанные на Заседании Президиума Госсовета, полностью подтверждают целесообразность и актуальность поднятой в статье проблемы «Мы не добьемся реальных изменений в повышении качества услуг ЖКХ до тех пор, пока все это хозяйство висит на старой обветшавшей инфраструктуре. Можно по-разному расставлять стулья, принимать разные решения, но, если трубы гнилые, ничего принципиально не изменится. Я убежден, масштабное обновление сетей, другой инфраструктуры – это действительно ключ к решению системных проблем ЖКХ и обеспечению предсказуемых, прозрачных и понятных для граждан тарифов» [1].

Переходя непосредственно к республиканской проблематике, также важно проанализировать высказывания Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова: «Один из сложнейших для страны вопросов – состояние и развитие системы ЖКХ. Это значимая отрасль, работа которой затрагивает каждого жителя страны. Основная проблема – это износ сетей, что является следствием накопленного за последние десятилетия недоремонта» [1].

В Республике Татарстан, в которой проживают порядка 4 млн чел., принято в 2023 г. порядка 600 тарифных решений, причем выручка по населению перешагнула порог в 58 млрд руб. Финансирование инвестиционных программ в совокупности сформировалось в сумме 22,3 млрд руб. Количество регулируемых организаций в сфере электроснабжения составило 19, теплоснабжения – 78, холодного и горячего водоснабжения – 113 и 32 соответственно, водоотведения – 86, обращения с ТКО – 34 [2].

Рассмотрим систему регулирования тарифов в коммунальной сфере в РТ и потенциал инвестиционной привлекательности на основании рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Регулирование тарифов в коммунальной сфере [2]

Рис. 2. Регулирование тарифов в сфере электроэнергетики и обращения с ТКО [2]

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что доля регулируемых организаций, имеющих инвестиционные программы, составляет небольшую часть. В сфере водоснабжения она составляет – 11,5 %, водоотведения – 13,9 %, теплоснабжения – 23,1 %, обращения с ТКО – 9 %, электроэнергетики – 32 %.

Это говорит о том, что не все организации используют потенциал привлечения инвестиционных ресурсов в целях замены устаревшего оборудования [3]. Существующим трендом в сфере ЖКХ, к сожалению, является старение инфраструктуры, что напрямую ведет к повышению потерь и затрат на энергоресурсы.

Как видим, большой износ объектов, устаревшее оборудование и частые прорывы значительно увеличивают эксплуатационные затраты, расход топлива и электричества и потери в сетях, что неизбежно отражается на уровне тарифной ставки, которая растет. Причем общий износ сетей в целом по России составляет более 60 %.

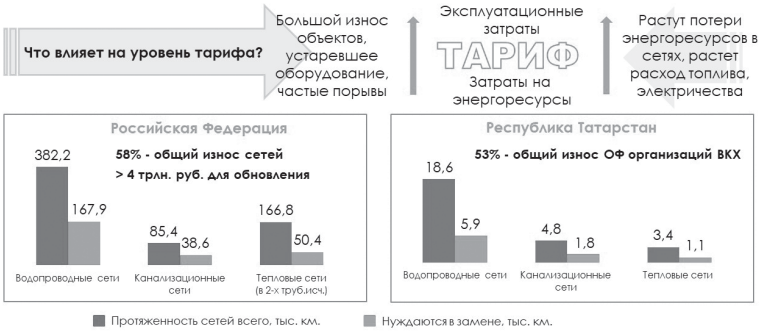

Рис. 3. Влияние старения инфраструктуры ЖКХ на формирование тарифов [4]

Если рассматривать уровень достаточности амортизационных отчислений у организаций для осуществления мероприятий по модернизации и реконструкции, то на основании данных становится очевидно, что средств у организаций недостаточно для разработки инвестиционных программ более чем для 55 % регулируемых субъектов, в сферах водоснабжения и водоотведения недостаточность средств составляет порядка 77–79 % организаций (рис. 3).

Попробуем разобраться, почему механизм не работает в действующей системе привлечения инвестиций.

Как видим на рисунке 4, в основе проблемы лежат следующие причины: привлечение бюджетного финансирования без технической экспертизы дальнейшего функционирования объекта для обеспечения его полного потенциала и задействования в том или ином процессе предоставления (выработки) ус-

Рис. 4. Причины неэффективности и отсутствия результатов инвестиционных программ регулируемых организаций

луги (ресурса), осуществление точечного финансирования и надежда на то, что сумма тарифов сможет покрыть весь объем эксплуатационных затрат при вводе объектов в работу. Отсутствует единый механизм и слаженность действий уполномоченных органов, не учитывается реальная потребность в необходимых мощностях и т.п. Следствием этого являются следующие проблемные вопросы:

1) нецелевое расходование амортизационных отчислений и иных источников реализации инвестиционных программ;

2) недостижение полного охвата организаций по утверждению инвестиционных программ;

3) перераспределение источников финансирования между проектами, отказ от реализации проекта в пользу другого при отсутствии корректировки инвестиционных программ в установленном порядке;

4) неисполнение мероприятий инвестиционных программ при отсутствии обращения о корректировке;

5) перенос проектов за рамки утвержденного срока действия инвестиционных программ.

И, как следствие, недостижение показателей надежности, качества и энергетической эффективности, установленных в инвестиционных программах [5].

На федеральном уровне на постоянной основе прорабатываются инициативы по изменению, улучшению ситуации по инвестиционному климату в коммунальной сфере. Так, в 2021 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 1700, которым внесены изменения в Основы формирования индексов изменения размера платы граждан за коммунальные услуги в Российской Федерации [6], а именно, введена долгосрочность в части утверждения предельных индексов платы граждан за коммунальные услуги с превышением при наличии и выполнении определенных критериев (рис. 5).

Пилотниками в реализации нового подхода в Российской Федерации стали Республика Татарстан, Московская и Тюменская области. Республика Татарстан применила данный подход в части реализации инвестиционной программы МУП «Водоканал» г. Казани. Превышение индекса роста платы граждан на примере г. Казани позволило привлечь инвестиции более чем на 1 млрд руб. посредством реализации утвержденных инвестиционных программ, что, в свою очередь, позволило направить инвестиционные ресурсы на наиболее проблематичные аварийные участки сетей водоснабжения и водоотведения, требующие оперативного вмешательства.

Анализируя в целом инвестиционную деятельность организаций в Приволжском федеральном округе, можно сделать вывод о том, что Республика Татарстан имеет достаточно высокое количество инвестиционных программ и самый высокий уровень суммы финансирования – 22,3 млрд руб. (рис. 6).

Далее по ранжированию размещаются Нижегородская область, Республика Башкортостан, Самарская и Кировская области. При этом тарифы на водоснабжение и водоотведение формируются на среднем уровне по Приволжскому федеральному округу. Следовательно, уверенное использование инвестиционных программ регулируемыми предприятиями позволяет сдерживать уровень тарифов на достаточно оптимальном уровне (рис. 7).

За счет использования инвестиционных программ в регулируемых организациях появилась возможность строительства и реконструкции сетей, обновления основных фондов и ввода новых объектов в сферах электроэнергетики (ЭЭ), теплоснабжения (ТС), водоснабжения (ВС) и водоотведения (ВО) (рис. 8).

Но потенциал инвестиционного климата не используется в полном объеме и не структурирован с другими механизмами инвестирования в отрасль. Особенно это характерно для небольших городов и населенных пунктов, где организации оказывают услугу с небольшим уровнем натуральных показателей, что, соответственно, отражается на уровне выручки регулируемых субъектов и не позволяет привлекать инвестиции [8]. Тут должен быть иной подход к улучшению ситуации: укрупнение обслу-

Рис. 5. Превышение индекса роста платы граждан г. Казань 2022–2024 гг. [7]

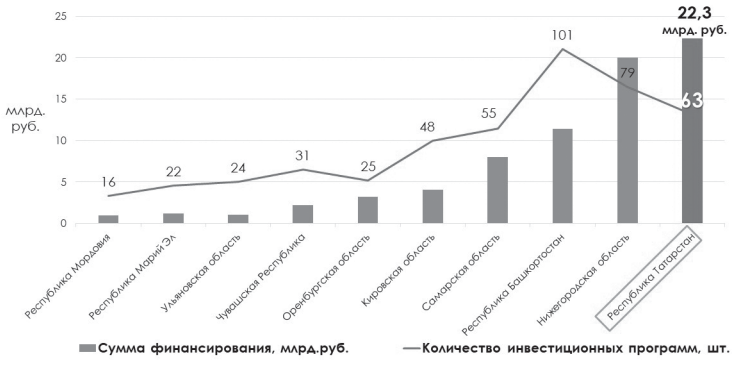

Рис. 6. Инвестиционная деятельность организаций [2]

Рис. 7. Тарифы на водоснабжение и водоотведение Приволжском федеральном округе [2]

живающих населенных пунктов, оформление надлежащим образом правоустанавливающих документов для дальнейшего формирования мероприятий по модернизации и реконструкции объектов. Особенно остро стоит проблема с объектами водоснабжения и водоотведения, имея огромную потребность со стороны потребителей в предоставлении качественного ресурса, на другой стороне чаши весов стоит потребность в инвестициях [9]. Здесь важно привлекать все имеющиеся ресурсы:

1) участие регулируемых субъектов в федеральных и республиканских программах льготного кредитования под достаточно продолжительный период окупаемости таких проектов;

2) заключение концессионных соглашений с реальными мероприятиями для улучшения показателей энергоэффективности.

строительство и реконструкция сетей

	ЭЭ	ТС	ВС	ВО
2022 год	28 км	48 км	13,6 км	10,8 км

обновление основных фондов

	ЭЭ	ТС	ВС	ВО
2022 год	8 подстанций; 8 систем диспетчеризации; техническое перевооружение РЗиА – 4 объекта	147 ед. оборудования	60 ед. оборудования (фильтры, насосы)	28 ед. оборудования

ввод новых объектов

	ЭЭ	ТС	ВО
2022 год	ПС 110 кВ Сокуры; ПС 110 кВ Пестрецы; ПС 35 кВ Чистопольская	котельная Азино (котел)	КНС «Заречная» (1 этап); Завод термомеханической обработки илового осадка

Рис. 8. Обновление за счет инвестиционных программ [2]

В качестве механизма улучшения ситуации возможно рассмотрение подхода к созданию фонда инфраструктурного развития для финансирования мероприятий по строительству (модернизации, реконструкции) объектов коммунальной инфраструктуры [10]. К основным положительным сторонам создания фонда можно отнести:

1) резервный источник для аккумулирования амортизационных отчислений с последующим направлением их на реконструкцию и модернизацию наиболее проблемных объектов;

2) формируется на первом этапе как отчисляемый процент от суммы амортизации (для примера, сумма амортизации в составе регулируемых субъектов Республики Татарстан на 2023 г. составляет более 4 млрд руб.;

3) орган тарифного регулирования участвует в проекте со стадии проектирования, для оценки тарифных последствий и эффекта от реализации.

При этом решение должно быть зафиксировано на федеральном уровне для создания условий ревалентности инвестиционных процессов, то есть создания реальных инвестиций [11].

Подводя итоги проведенного анализа, отметим, что на первом этапе необходимо внедрение механизма направления амортизации исключительно на реконструкцию (модернизацию) и новое строительство (относительно бюджетной амортизации). Результатом при этом будет:

– обеспечение стабильных условий функционирования организации с точки зрения ценообразования и возможности планирования деятельности;

– контроль факта исполнения мероприятий инвестиционных программ и достижения показателей качества, надежности и энергоэффективности, но не понесенных расходов;

– сохранение экономии от операционной и инвестиционной деятельности в течение всего долгосрочного периода регулирования при условии исполнения мероприятий производственных и инвестиционных программ и достижения показателей качества, надежности и энергоэффективности.

Вторым важным этапом выделим «долгосрочное» согласование превышения предельных индексов на инвестиционные программы, что позволит обеспечить:

– гарантированный уровень инвестиционных расходов на период реализации концессионных соглашений и инвестиционных программ;

– независимость инвестиционной деятельности регулируемых субъектов от решений властей.

Также одновременно необходимо создание онлайн системы контроля исполнения инвестиционных программ с внедрением региональных стандартов по улучшению ка-

чества, технических и функциональных характеристик оказываемых услуг.

Предлагаемый же механизм создания фонда инфраструктурного развития позволит обеспечить направление не менее 30 % валовой выручки ресурсоснабжающих организаций на капитальные вложения с гарантированным прозрачным эффективным тарифом, установленным исходя из объективных условий осуществления деятельности.

Литература:

1. Материалы заседания Президиума Госсовета от 21.06.2022 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68687
2. Государственный комитет Республики Татарстан по тарифам. – URL: https://kt.tatarstan.ru/
3. Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 г. № 641 «Об инвестиционных и производственных программах организаций, осуществляющих деятельность в сфере водоснабжения и водоотведения» (ред. от 29.08.2022) // СПС Гарант.
4. Жилищное хозяйство в России. 2022: Стат. сб. – М.: Росстат, 2022. – 83 с.
5. Приказ Минстроя России от 04.04.2014 г. № 162/пр «Об утверждении перечня показателей надежности, качества, энергетической эффективности объектов централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, порядка и правил определения плановых значений и фактических значений таких показателей» (ред. от 28.10.2022) // СПС Гарант.
6. Груничев А.С., Ельшин Л.А. Репутатационная экономика: новая парадигма исследования экономического роста // Теоретическая и прикладная экономика. – 2019. – № 3. – С. 15–26.
7. Указ Президента РТ от 15.12.2021 г. № УП-958 «О предельных (максимальных) индексах изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги в муниципальных образованиях Республики Татарстан на 2022 год» (с изм. от 26.11.2022) // Гарант.
8. Груничев А.С., Хабибуллина Л.В. О вопросах реализации инновационного вектора энергетической политики // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2023. – № 1. – С. 5–8.
9. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (ред. от 13.06.2023) // СПС Гарант.
10. Груничев А.С., Ельшин Л.А. Репутатационная экономика: новая парадигма исследования экономического роста // Теоретическая и прикладная экономика. – 2019. – № 3. – С. 15–26. – DOI 10.25136/2409-8647.2019.3.30499.
11. Груничев А.С., Абдукаева А.А. Методологические подходы к формализованной оценке влияния репутационного капитала региона на параметры его инвестиционной активности (на примере Республики Татарстан) // Теоретическая и прикладная экономика. – 2019. – № 2. – С. 10–23. – DOI 10.25136/2409-8647.2019.2.29643.

Experience in Implementing Investment Programs in the Municipal Sector of the Republic of Tatarstan

Khabibullina L.V.
First Deputy Chairman State Committee of the Republic of Tatarstan on Tariffs, Kazan

The article examines the experience of implementing investment programs in the municipal sphere. A mechanism for more targeted use of investment programs in regulated organizations is proposed. A detailed analysis of the application of investment programs with the definition of problematic issues in the fields of electric power, heat supply, water supply and sanitation is given. The necessity of having investment programs at all regulated enterprises is proved in order to comprehensively cover the problems of replacing equipment, networks and reducing the depreciation of fixed assets. The causes of the main problematic issues of the application of investment programs are identified and substantiated. The creation of a depreciation fund at enterprises and its economic feasibility are substantiated.

Key words: water supply, sanitation, investment program, tariff, utility sector

УДК 338.33

Диверсификация как способ снижения рисков в условиях неопределенности

Харламова И.Ю.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга, рекламы
и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

В статье рассматриваются подходы к определению понятия «диверсификация», сущность, виды и типы диверсификации, обосновывается актуальность данного процесса для компаний в меняющихся рыночных условиях. Автором дано определение понятию «диверсификация» и разработан алгоритм обоснования, разработки и внедрения стратегии диверсификации.

Ключевые слова: диверсификация, виды диверсификации, цели диверсификации, процесс диверсификации

Стратегия диверсификации является одной из ключевых стратегий в современном бизнесе и является неотъемлемой частью устойчивого экономического развития. Термин «диверсификация» впервые сформулировал в 1952 г. Г. Марковиц в своей статье «Выбор портфеля» [1]. Впоследствии теория портфеля была описана в его монографии, опубликованной в 1959 г. Г. Марковиц предложил математический подход в инвестировании. Суть данного подхода заключается в определении процентного соотношения активов в портфеле, т.е. создании определенного набора долей, которые в сумме давали бы 100 %.

В литературе можно встретить большое количество определений понятия «диверсификация». Рассмотрим некоторые из них.

Р. Питс и Х. Хопкинс под диверсификацией понимают современное ведение нескольких видов бизнеса [2].

По мнению С.М. Расуловой, диверсификация – это процесс проникновения фирмы в другие отрасли производства [3].

Е.Е. Румянцева диверсификацию понимает как деятельность, направленную на расширение номенклатуры товаров и географических территорий с целью рассосредоточения риска и минимизации зависимости от циклических бизнес-процессов [4].

С точки зрения О.С. Виханского, диверсификация – это стратегия развития фирмы, используемая в случае, если фирма не может развиваться на данном рынке, в данной отрасли и с данным продуктом [5].

В.К. Скляренко понимает диверсификацию как проникновение предприятия в новые, не связанные с его деятельностью, отрасли [6].

Н.Б. Рудык рассматривает диверсификацию как проникновение предприятия в новые отрасли производства для снижения риска операций и стабилизации денежных потоков, поступающих от них [7].

В словаре экономических терминов диверсификация (от лат. *diversus* «разный» + facere «делать») – это распределение инвестируемых или ссужаемых денежных капиталов между различными объектами вложений с целью снижения риска возможных потерь капитала.

На наш взгляд, диверсификация представляет собой процесс распределения инвестиций между различными активами и рынками с целью минимизировать возможные потери и обеспечить более стабильные результаты. Это стратегия управления, делающая акцент на разнообразии деятельности организации, продуктов, рынков, видов производства и т.д. Диверсификацию нужно рассматривать как конкурентную стратегию, способствующую формированию конкурентоспособности организации на рынке.

Диверсификация является ключевым инструментом в финансовой стратегии, позволяющим снизить риски в условиях неопределенности. Диверсификация позволит компании не обанкротиться и компенсирует потери основного бизнеса. Одним из основных преимуществ диверсификации является возможность снизить влияние отдельных факторов на портфель, ведь различные активы и рынки реа-

гируют по-разному на изменения экономических условий или политической ситуации. Путем распределения финансовых средств между разными классами активов, такими как акции, облигации, недвижимость или сырьевые товары, инвестор может существенно снизить связанные с отдельными инструментами риски.

Диверсификация также позволяет сократить возможные убытки в случае неудачных инвестиций. Если один из активов или рынков испытывает существенные падения, другие активы могут остаться стабильными или даже приносить прибыль. Таким образом, в ситуациях неопределенности, когда точное прогнозирование рыночной ситуации затруднено, диверсификация позволяет инвестору защитить свои средства. Однако, важно понимать, что диверсификация не является абсолютной гарантией успеха. Такой стратегии требуется тщательное исследование и анализ активов, чтобы избежать нежелательной корреляции между ними. Разнообразие инвестиций должно быть основано на обоснованных принципах и целях инвестора, а также учитывать его финансовые возможности и толерантность к риску. Таким образом, диверсификация помогает компаниям приспосабливаться к изменениям рынка, а инвесторам – сводить к минимуму риски. Выделяют следующие виды диверсификации (табл. 1).

Наиболее распространенной является горизонтальная диверсификация, при которой компания расширяет свой бизнес, добавляя новые товары или услуги в своем текущем сегменте рынка. Например, производитель бытовых электрических устройств может начать выпускать также компьютеры и планшеты, чтобы удовлетворить потребности своих клиентов в цифровых технологиях. Горизонтальная диверсификация позволяет компаниям использовать уже существующую экспертизу и внутренние ресурсы для развития новых продуктов.

Вертикальная диверсификация основывается на участии компании в других стадиях производственного процесса или на владении связанными секторами. Например, производитель автомобилей может приобрести производителя запчастей или сформировать собственную сеть дилеров. Этот метод позволяет компании контролировать большую часть цепочки производства и дистрибуции, а также обеспечивать наиболее выгодные условия.

Концентрическая стратегия диверсификации – компании расширяют свою деятельность в новые смежные секторы или аналогичные продукты. Например, производитель соков может начать производство фруктовых десертов или снеков на основе фруктов. Такой подход позволяет компании использовать свои навыки и ресурсы в новых сегментах рынка.

Суть несвязанной или конгломеративной диверсификация заключается во входе компании в абсолютно новый, независимый от ее текущей деятельности, сектор. Например, компания, специализирующаяся на производстве строительных материалов, может начать развивать сегмент здравоохранения или туризма. Конгломеративная диверсификация может быть рискованной, но также создает возможности для компании обнаружить новые и перспективные рынки и диверсифицировать свой доход.

Выбираемый компанией вид диверсификации во многом зависит от её специфики и от желаемых целей. Любой из рассмотренных в таблице 1 видов диверсификации может стать как возможностью для увеличения прибыли компании и повышения её конкурентоспособности, так и повлечь за собой разорение.

Успешность проведения диверсификации во многом зависит от системности и последователь-

Таблица 1

Виды диверсификации [5; 7; 8]

Вид	Подвид	Описные	Цель
Связанная с основной деятельностью	Вертикальный прямой вид	Внедрение какого-либо нового элемента в уже существующий производственный процесс	Рост прибыли за счет сокращения расходов
	Вертикальный обратный вид	Присоединение к цепочке элемента, отвечающего за поставку сырья, расходных материалов	Защитить стратегически важный источник снабжения или получить доступ к новой технологии, важный для базовой деятельности. Контроль над источниками сырья и производством комплектующих изделий
	Горизонтальная	Расширение номенклатуры (ассортимента) производимой продукции	Поглощение конкурентов или установления контроля над ними
Несвязанная с основной деятельностью	Центрированная	Изготовление новой продукции на уже существующих мощностях	Выход на рынок новых продуктов, не связанных с производством. Инвестиция средств, закрепление своей позиции одновременно на нескольких рынках
	Конгломерантная	Переход в новую область, не связанную с текущим деятельностью предприятия, к новым технологиям и потребностям рынка	Обновление портфеля продукции. Завоевание новых рынков

ность этапов. Автором предложен алгоритм обоснования, разработки и внедрения стратегии диверсификации в деятельность организации.

1 этап – «Анализ текущей ситуации». Приступая к диверсификации своего бизнеса, необходимо провести комплексную оценку состояния организации, определить цели и спрогнозировать ее развитие. Разработка стратегии начинается с последовательного анализа внутреннего и внешнего положения компании. Важно определить потенциальные возможности для диверсификации, выявить тенденции и тренды в отрасли, а также оценить свои конкурентные преимущества.

2 этап – «Определение стратегии диверсификации». На основе проведенного анализа необходимо определить стратегию диверсификации: горизонтальная, вертикальная, конгломератная или международная диверсификация – в зависимости от целей и возможностей компании.

3 этап – «Определение целевого рынка». На данном этапе необходимо определить рынок и выявить целевые сегменты в соответствии с качественными особенностями их спроса и с одинаковой реакцией на определенные маркетинговые мероприятия.

4 этап – «Развитие и создание новых продуктов». Здесь компания разрабатывает новые продукты или услуги, которые позволят ей расширить свою продуктовую линейку или войти на новые рынки. Важно проводить исследования и тестирование новых продуктов, чтобы быть уверенным в их конкурентоспособности.

5 этап – «Маркетинг и продвижение». На данном этапе необходимо разработать комплекс маркетинга («5*P*») и стратегию продвижения нового продукта на рынок. Комплекс продвижения может включать в себя проведение рекламных и PR-кампаний, участие в выставках/ярмарках и конференциях, продвижение в социальных сетях и пр.

6 этап – «Мониторинг и корректировка стратегии». После запуска нового продукта проводить мониторинг и анализировать результаты, что поможет оценить успешность диверсификации, выявить слабые места и внести коррективы.

Стратегия диверсификации может быть применена в различных отраслях экономики. Например, энергетические компании могут развивать альтернативные источники энергии, такие как солнечная или ветровая энергия.

В металлургической и химической промышленности компании могут расширить ассортимент продукции, добавив новые виды металлов или химических веществ, а также развивать технологии переработки отходов и повышения энергоэффективности.

Сельское хозяйство может использовать стратегию диверсификации, развивая не только производство зерна, но и выращивая овощи, фрукты, разводя животных и производя молочные продукты. Это позволяет снизить зависимость от колебаний цен на отдельные виды сельскохозяйственной продукции или санкций.

В информационных технологиях компании могут разрабатывать и использовать новые программные продукты, создавать софтверные решения для различных отраслей, а также заниматься облачными вычислениями и кибербезопасностью.

Диверсификация образования рассматривается как альтернатива традиционному образованию в части совершенствования образовательного процесса [9]. Это может быть расширение предлагаемых предметов, курсов или использование разнообразных методов обучения и оценивания, которые принимают во внимание индивидуальные образовательные потребности обучающихся.

Таким образом, применение стратегии диверсификации является важным шагом в развитии различных отраслей экономики. Эта стратегия способствует снижению рисков, повышению стабильности и эффективности компаний, а также укрепляет конкурентоспособность и устойчивость экономики страны в целом. Диверсификация является одним из основных и эффективных способов снижения рисков в условиях неопределенности. Распределение инвестиций между разными активами и рынками позволяет инвестору более устойчиво выносить неблагоприятные ситуации и защищать свои финансовые средства. Однако для успешной диверсификации необходимо провести тщательное исследование и анализ, а также принимать во внимание свои цели и толерантность к риску. Создание новых продуктов и услуг, внедрение новых технологий и разработка альтернативных источников энергии способствуют укреплению конкурентоспособности и содействуют устойчивому экономическому росту.

Литература:

1. Марковиц Г. Выбор (Теория портфеля) // Финансовый журнал. – 1952. – Т. 7. – № 1. – С. 77–91.
2. Pitts R.A., Hopkins H.D. Firm diversity: conceptualization and measurement // Academy of Management Review. – 1982. – № 7. – P. 620–629.

3. Расулова С.М. Подходы к трактовке понятия диверсификации производства в отечественной и зарубежной практике // Сибирская финансовая школа. – 2012. – № 5. – С. 85–87.
4. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 826 с.
5. Виханский О.С. Стратегическое управление: учеб. – М.: Гардарика, 2014. – 296 с.
6. Волков О.И., Скляренко В.К. Экономика предприятия: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 264 с.
7. Рудык Н.Б. Конгломеративные слияния и поглощения. Книга о пользе и вреде непрофильных активов. – М.: Дело, 2005. – 223 с.
8. Сафрончук М.В. Стратегии выживания: диверсификация производства, дифференциация продукта и их последствия // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – № 5. – С. 73–78.
9. Лебедева Н.В. Диверсификация дополнительных профессиональных программ для специалистов социальной сферы // Педагогический журнал. – 2017. – Т. 7. – № 3А. – С. 23–34.

Diversification as a Way to Reduce Risks in Conditions of Uncertainty

Kharlamova I.Yu.
Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"

The article discusses approaches to defining the concept of «diversification», the essence, types and types of diversification, and substantiates the relevance of this process for companies in changing market conditions. The author defines the concept of «diversification» and develops an algorithm for justifying, developing and implementing a diversification strategy.

Key words: diversification, types of diversification, diversification goals, diversification process

УДК 338.12

Основные успехи экономики России в 2023 г. и ключевые вызовы её устойчивому росту в кратко- и долгосрочных перспективах

Шлычков В.В.
Доктор экономических наук, профессор, главный редактор Рецензируемого федерального научно-практического и аналитического журнала «Вестник экономики, права и социологии»

Автор рассматривает рост ВВП России и сохранение стабильности внутреннего рынка в качестве главных экономических достижений 2023 г. В работе при помощи ретроспективного анализа анализируются причины формирования основных системных проблем национальной экономики и предлагаются пути и механизмы их преодоления. На основании результатов ситуационного анализа в статье дана оценка текущего состояния российского кадрового потенциала и уровня технологического суверенитета и доказывается факт того, что дисбаланс рынка труда и технологическое отставание от ведущих экономик мира являются реальными препятствиями дальнейшего роста экономики. Основываясь на результатах факторного анализа, автор доказывает необходимость формирования актуальных кадровой, промышленной и технологической политик и, опираясь на доказательный подход, обосновывает необходимость структурной трансформации существующей экономической системы.

Ключевые слова: устойчивость экономической системы, дефицит трудовых ресурсов, разбалансированность внутреннего рынка труда, технологический суверенитет, системные проблемы экономического развития

Давая оценку основным итогам социально-экономического развития России в 2023 г., можно с уверенностью констатировать факт того, что главными экономическими победами уходящего года являются сохранение стабильности национального рынка и поддержание внутреннего спроса в условиях беспрецедентных по объему экономических санкций и наличия незапланированных значительных издержек, связанных с проведением Специальной военной операции (далее – СВО), а также способность российской экономики обеспечить запросы СВО вне процесса её милитаризации и начать экономический рост. В феврале 2022 г. коллективный Запад развязал экономическую войну с Россией, выбрав в качестве главного оружия запреты и рестрикции, поставив целью добиться разрушения национальной экономической системы и дестабилизации внутренней социально-политической ситуации, что в конечном итоге должно было привести к смене политического режима и разрушению российской государственности. Однако неожиданно для инициаторов санкций (да и многих отечественных экспертов) подавляющее большинство россиян ещё теснее сплотилось вокруг политического руководства страны, а национальная экономика, продемонстрировав высокие адаптивные возможности, смогла не просто сохранить свою устойчивость к внешним вызовам, но и с весны 2023 г., показав восстановительную динамику, оказалась способной перейти к стадии роста, предварительно оцениваемую в 2,8–3 % в годовом исчислении [1], что, безусловно, является крупным успехом федеральной и региональных властей и главным экономическим результатом уходящего года.

Однако, фиксируемый краткосрочный рост российского ВВП, хотя и создаёт предпосылки для

определенного оптимизма, но все же не является гарантией стабильности этого процесса в краткосрочной перспективе, т.к. говорить об устойчивом воспроизводстве экономики на расширенной основе можно будет в случае ежегодного превышения её трёхпроцентного уровня в течение минимум 3–5 лет подряд, т.е. после формирования устойчивого положительного тренда её развития. Более того, уже в ноябре–декабре 2023 г. Росстат зафиксировал признаки замедления экономического роста, что заставило Минэкономразвития РФ понизить прогнозные показатели увеличения ВВП в 2024 г. до 2,3 % [2], в то время как ЦБ РФ ожидает в наступающем году рост национальной экономики в интервале от 0,5 до 1,5 % [3]. Таким образом, даже оптимистический вариант Минэкономразвития РФ не предполагает в ближайшие годы перехода к стадии стабильного роста российской экономики и фиксирует предпосылки для сохранения состояния долгосрочной стагнации, подтверждаемой показателями совокупного роста ВВП за период с 2014 г. в 2,4 % [2]. При этом ни в коем случае нельзя связывать застой российской экономической системы исключительно с усилением санкционного давления, т.к. устойчивые признаки стагнации стали проявляться задолго до перехода в 2022 г. к активной стадии военно-экономического противостояния с коллективным Западом, а значит, её коренные причины прежде всего обусловлены фундаментальными и системными проблемами российской экономики (сырьевая ориентация, дефицит кадров, технологическое отставание значительного числа отраслей и т.д.), без решения которых добиться изменения вектора и темпов развития будет практически невозможно. В свою очередь, устранение существующих дисбалансов и перекосов экономики также невозможно вне рамок комплексной реализации новой экономической политики (НЭП 2.0), базирующейся на национальных научно-технологическом, промышленном и кадровом потенциалах и в полной мере учитывающей трансформационные процессы глобального рынка и геополитические изменения мирового порядка. Вместе с тем эта политика не должна стать простой рефлексией на внешнее давление и быть «заточенной» на решение безусловно важных, но сию минутных проблем, а иметь стратегический характер и быть направленной на решение задачи обеспечения устойчивого экономического роста в средне- и долгосрочных перспективах через проведение неоиндустриализации, технологического перевооружения и переформатирования структуры российской экономики.

Необходимо признать, что ранее заявленная структурная реформа российской экономики так и не была осуществлена в полном объеме, и она по-прежнему сохранила достаточно высокую степень своей сырьевой направленности. В частности, в октябре 2023 г. продажа на 11,3 млрд долл. нефти на мировом рынке позволила сформировать 31 % общего месячного дохода государственного бюджета [4], и хотя в ноябре нефтегазовые доходы (далее НГД) бюджета оказались меньше прогнозных на 117,2 млрд руб., в декабре текущего года Минфин РФ ожидает получить дополнительные НГД на сумму 362 млрд руб., что позволит ему в январе 2024 г. направить 244,8 млрд руб. на закупку юаней для Фонда национального благосостояния [5], являющегося достаточно эффективным инструментом сбалансированности государственной бюджетной политики. К сожалению, сырьевые и нефтегазовые доходы бюджета по-прежнему играют ключевую роль в процессе формирования доходной части бюджета РФ, несмотря на то что в уходящем 2023 г. мы наблюдаем спровоцированный внешними вызовами рост доли предприятий ВПК в формировании российского ВВП и наращивание индекса промышленного производства в других сферах национальной экономики, реализующих собственные отраслевые программы импортозамещения.

При этом на пути дальнейшего экономического развития России стоят как искусственно созданные Западом барьеры в виде ограничений доступа к глобальному и региональным рынкам, так и объективные трудности, обусловленные изменениями общемировых тенденций макроэкономического развития, ключевой из которых, на наш взгляд, является не только «качественный», но уже и «количественный» дефицит трудовых ресурсов, полностью исключающий экстенсивный экономический рост. Являясь неотъемлемой и глубоко интегрированной частью мирового хозяйства, российская экономика в полной мере ощущает воздействие на себе глобальной тенденции старения населения и формирования в связи с этим новых рисков и вызовов. Прогнозируемое к 2030 г. естественное сокращение населения России на 3,2 млн чел. [2], бесспорно, отрицательно скажется на количественных характеристиках российского рынка трудовых ресурсов, дополняя негативный эффект изъятия из реального сектора экономики 818 тыс. добровольцев и мобилизованных россиян [6], задействованных в проведении СВО и до 2022 г. являющихся активно работающей частью кадрового потенциала национальной экономики. Кроме того, под разными предлогами после начала Специальной военной операции страну покинуло около 1 млн чел., и несмотря на то что западными аналитиками зафиксирована тенденция начала процесса деиммиграции [7], минимум около 700 тыс. трудоспособных и высококвалифицированных россиян по-прежнему остаются вне её приделов, не участвуя в формировании российского ВВП. Как следствие, снижение предложений рабочей силы на российском рынке трудовых ресурсов привело к его разбалансированности, и зафиксированный

в сентябре 2023 г. уровень безработицы в 3 % [2] говорит о том, что конкуренция на рынке труда находится в зоне «арифметической погрешности» и у работников отсутствуют какие-либо стимулы к повышению производительности труда, расширению профессиональных навыков и овладению новыми компетенциямий.

Однако необходимо признать, что проблема дефицита кадров стала для российской экономики «системной» с начала перехода к рыночным принципам функционирования в начале 90-х гг. XX в., когда в российском обществе произошла переоценка ценностей и начался процесс девальвации значения сначала сельхозпроизводителей и рабочих профессий, а затем интеллигенции и инженерно-технических работников, т.к. отечественные образование, наука и производство не смогли выдержать конкуренцию с торговлей и сферой услуг, куда постепенно перетекли не только капиталы, но и наиболее квалифицированные и способные сотрудники. Отказ от плановых принципов и последующий слом советской системы подготовки кадров не привели к созданию какого-то иного рыночного механизма воспроизводства трудовых ресурсов, и проблема дефицита кадров начала постепенно масштабироваться, охватывая все большее количество сфер и направлений хозяйственной деятельности, усугубляясь при этом перманентным реформирование системы профессионального образования и высшей школы, что в конечном итоге трансформировало её в одну из ключевых угроз экономической безопасности.

Сегодня эффективно решить проблему кадрового голода возможно не путем массового привлечения трудовых мигрантов из стран СНГ, а исключительно на основе реализации единой общегосударственной кадровой политики, опирающейся на внутренние трудовые ресурсы и в рамках комплексного подхода, позволяющем сбалансировать интересы общества, государства, работодателей и самих работников. Адекватная современным реалиям кадровая политика должна исходить из необратимости процесса снижения количественных параметров рынка трудовых ресурсов, и единственным способом компенсировать эти потери может быть рациональное перераспределение существующего кадрового потенциала и повышение эффективности его деятельности, достичь которые возможно исключительно через массовое внедрение инновационных технологий, позволяющих, с одной стороны, повысить производительность труда и сократить количество задействованных на сегодня кадров, а с другой, предоставить этим работникам возможность осваивать новые и востребованные на рынке труда навыки и компетенции.

И на этом пути российская экономика неизбежно столкнется с другим «системным» препятствием – технологическим отставанием большинства производственных отраслей и низким, относительно передовых стран, уровнем производительности труда. Эта проблема также уходит своими корнями в период трансформации административно-командной системы управления и построения в России рыночной экономики. Именно тогда российская элита согласилась на сырьевую направленность национальной экономики и стала реализовывать политику деиндустриализации, создавая приоритеты развитию сферы услуг и сырьевых отраслей. В результате были утрачены целые отрасли производства и связанные с ними научно-исследовательские центры, разрушены внутренние логистические и технологические цепочки, свернута межотраслевая и межрегиональная кооперации. Физически и морально устаревающие основные фонды постепенно заменялись на зарубежные аналоги, а внедряемые технологии обязательно базировались на использовании хотя бы незначительной части уникального импортного сырья, зарубежных комплектующих или иностранного программного обеспечения, что в конечном итоге сформировало новую угрозу экономической безопасности – утрату Россией технологического суверенитета. Причем с точки зрения эффективности и результативности подобные шаги были более чем оправданы, т.к. российская экономика получала уже апробированные на глобальном рынке технологические и технические решения, освобождая себя от издержек НИОКР и значительно экономя время. Однако, западные «друзья» России изначально проводили против нашей страны политику «ограниченного партнерства», в основном поддерживая развитие добывающих отраслей и внутреннего спроса, в значительной мере ориентируемого на производимые ими же товары. В то же время западным консультантам удалось на ментальном уровне убедить россиян в способности свободного рынка устранить любые социально-экономические противоречия в социуме и в доминировании общественно значимых экономических интересов при формировании внутренней и внешней политики, признаваемых ими таковыми, демократических государств. Однако реалии современного мира опровергли этот постулат и показали, что элиты как отдельных стран, так и коллективного Запада в целом способны под выдуманными предлогами борьбы за демократию, реализовывать политически мотивированные решения в финансово-хозяйственной сфере, вступающие в открытое противоречие с интересами своих национальных экономик и собственных граждан, нисколько не интересуясь мнением последних и игнорируя любые протестные проявления с их стороны. Да и безграничные возможности «невидимой руки рынка» оказались несколько преувеличенными, что в реальности только усиливает регулятивные функции государства, все чаще принимающего на себя полную ответственность (особенно в чрезвычайных

ситуациях) за социально-экономическое положение и стабильность в той или иной стране.

Реализуя меры по укреплению технологического суверенитета России, мы должны исходить из того, что достичь технологической автаркии в реалиях глобализации мирового хозяйства практически невозможно, а значит, перед задействованными субъектами должна ставиться задача снижения коэффициента внешней технологической зависимости, которая решается путем создания новых производственных мощностей и внедрения в производственные процессы результатов исследований российских ученых и отечественных инновационных разработок. В настоящее время высокая значимость и актуальность этой проблемы признана на общегосударственном уровне, и сегодня российское общество широко обсуждает проект Федерального закона «О технологической политике», который на законодательном уровне определит её задачи, цели, принципы и механизмы реализации и станет нормативной базой процесса обеспечения и поддержания технологического суверенитета России. По нашему мнению, укрепляя технологический суверенитет, российская экономика должна двигаться по пути «островизации», позволяющей, с одной стороны, обеспечить её устойчивость, опираясь на отечественные производственно-техническую и научно-технологическую базы, а с другой – сохранить оптимальную степень международной кооперации, которая позволит оставаться активным субъектом глобальной экономической системы и использовать преференции международного разделения труда.

Оценивая сегодня тридцатилетний опыт построения социально-экономической системы современной России, можно с высокой степенью достоверности говорить о том, что подлинной ценой полученных в период рыночной трансформации экономики западных технологий и средств производства были даже не наши ресурсы в виде относительно дешевых газа, нефти, леса, металлов и т.д., а утрата части государственного суверенитета, т.е. способности самостоятельно и без учета внешнего давления принимать национально ориентируемые решения по всем без исключения вопросам внутренней и внешней политики. Именно сначала частичные ограничения, а затем и полная утрата суверенитета должны были привести к нарушению целостности России и созданию на её территории нескольких квазигосударственных образований, находящихся под полным внешним контролем и управлением. Однако, начавшийся в начале XXI в. процесс переосмысления своих национальных интересов отрезвил как значительную часть общества, так и патриотически настроенную часть российской элиты, что первоначально позволило остановить процесс десуверенизации, а затем перейти к активной фазе их защиты как внутри страны, так и на международной арене, включая начало СВО в феврале 2022 г.

Обобщая вышеизложенное, позволим себе предложить следующие выводы:

1. Находящаяся под беспрецедентным внешним давлением российская экономика в 2023 г., продемонстрировав свою высокую устойчивость к внешним вызовам, смогла за счет внутреннего потенциала обеспечить рост ВВП на 3 % в годовом исчислении, что, безусловно, является огромным успехом политического руководства страны и главным экономическим достижением уходящего года.

2. Хотя СВО имеет все перспективы к успешному завершению в 2024 г., экономическая война с коллективным Западом продолжится как минимум в среднесрочной перспективе, а значит, главным ресурсным источником дальнейшего экономического развития России все это время будет оставаться внутренний социально-экономический потенциал.

3. Дальнейший устойчивый экономический рост не возможен без реализации, откорректированной и адекватной современным реалиям экономической политики, учитывающей интересы всех субъектов хозяйствования, а также решения ключевых проблем российской экономики – проведения структурной трансформации, преодоления дефицита трудовых ресурсов и сокращения технологического разрыва с передовыми экономиками.

4. Обозначенные выше проблемы могут быть решены только на базе комплексного подхода и в рамках реализации скоординированной кадровой, промышленной и технологической политики.

5. Основным актором процесса дальнейшего экономического роста должно стать государство – единственный институт, обладающий для этого соответствующими полномочиями и располагающий необходимыми ресурсами.

Литература:

1. Минэкономики улучшило оценку роста ВВП в 2023 году до 3,5%. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6441182
2. Статистика // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistic

3. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/
4. Громова В. Bloomberg сообщил о максимальной с мая 2022 года прибыли России от нефти // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/economics/06/12/2023/65703b329a7947755e89af7f?from=copy
5. Ермакова С., Савенкова Д. Нефтегазовые доходы бюджета в ноябре оказались меньше ожиданий Минфина. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/06/1009497-dohodi-v-noyabre
6. Итоги года с Владимиром Путиным. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72994
7. Официальный сайт Financial Times. – URL: https://www.ft.com/

The Main Successes of the Russian Economy in 2023 and the Key Challenges of its Sustainable Growth in the Short and Long Term

Shlychkov V.V.
The Review of Economy, the Law and Sociology (Kazan)

The author considers the growth of Russia's GDP and the preservation of the stability of the domestic market as the main economic achievements of 2023. Using a retrospective analysis, the paper analyzes the causes of the formation of the main systemic problems of the national economy and suggests ways and mechanisms to overcome them. Based on the results of the situational analysis, the article assesses the current state of the Russian human resources potential and the level of technological sovereignty and proves the fact that the imbalance of the labor market and technological lag behind the leading economies of the world are real obstacles to further economic growth. Based on the results of factor analysis, the author proves the need for the formation of relevant personnel, industrial and technological policies and, based on an evidence-based approach, substantiates the need for structural transformation of the existing economic system.

Key words: stability of the economic system, shortage of labor resources, imbalance of the domestic labor market, technological sovereignty, systemic problems of economic development

УДК 338.48

Территориальное брендирование как один из важных факторов развития туризма в современных условиях

Эйдельман Б.М.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры сервиса и туризма
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доцент кафедры менеджмента и предпринимательства
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Бодров Р.Г.
кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов
Казанского (Приволжского) федерального университета

Бунаков О.А.
доцент кафедры сервиса и туризма Казанского (Приволжского)
федерального университета, доцент кафедры менеджмента и предпринимательства
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

Найда А.М.
Кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой бизнес-аналитики
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В данной статье показаны пути создания территориальных брендов в современных условиях и их роль в развитии туризма. Приведено авторское определение территориального бренда и территориального брендинга Показанана важность работ по территориальному брендированию, прежде всего для тех стран, которые только начинают активно заниматься развитием индустрии туризма на своей территории. Много внимания уделено необходимости разработки территориальных брендов в Республике Узбекистан и ее городов, являющихся центрами туризма в стране.

Ключевые слова: туристская индустрия, территориальный бренд, территориальный брендинг, архитектура территориального бренда, городской бренд, туризм

Активное развитие туристической индустрии во многих странах мира вызывает настоятельную необходимость повышения конкурентоспособности как самого туристического продукта, так и туристи-

ческих организаций, создающих эти продукты, и, как следствие этого процесса, индустрии туризма в целом. При этом следует помнить о том, что одним из важных факторов усиления конкурентных позиций стран и отдельных регионов в сфере туризма выступает разработка и продвижение территориальных брендов. Все это, в частности, способствует формированию положительного имиджа соответствующей территории и повышению туристско-рекреационной привлекательности как страны в целом, так и ее отдельных регионов.

В научной среде до настоящего времени ведутся споры по поводу определения категории «территориальный бренд». На наш взгляд, нецелесообразно сводить понятие «территориального бренда» к отдельным экономическим, политическим, социологическим или культурным составляющим. По нашему мнению, территориальный бренд характеризует собой совокупность складывающихся представлений о соответствующем регионе в сознании людей, подкрепленный ценностными характеристиками данного региона в различных сферах деятельности: административной, рекреационной, спортивной, инновационной или какой-нибудь другой [1, с. 19].

За последние годы работы по созданию и продвижению территориальных брендов охватывают все большее число стран. Это обусловлено процессом глобализации современных экономических процессов, усиления взаимовлияния и взаимозависимости государств по всему миру.

Осуществление территориального брендинга в настоящее время способствует повышению узнаваемости различных стран, формированию положительного имиджа и росту их репутационных преимуществ. Все это имеет особую важность в условиях острой конкурентной борьбы, а также сложной социально-политической ситуации, складывающейся в современном мире.

Одной из разновидностей территориальных брендов являются бренды туристические. Их создание было вызвано стремительным ростом индустрии туризма по всему миру, значительным расширением ее географии, привлечением все большего числа людей к обслуживанию растущих туристических потоков.

Сравнительно за короткий период времени туризм, помимо Европы и Северной Америки, приобрел огромное значение и на Ближнем Востоке, и в Юго-Восточной Азии, и в Латинской Америке, и в Африке. Для многих стран индустрия туризма становится одной из ведущих отраслей, способствующих привлечению существенных доходов в бюджеты всех уровней, непрерывному росту инвестиционной привлекательности сферы туризма и гостеприимства и решению на этой основе сложнейших социально-экономических задач.

При создании территориальных брендов обязательно следует учитывать уникальные особенности и неповторимость соответствующих регионов. При этом важнейшей целью формирования территориального бренда становится отражение местного колорита: окружающей природы, животного и растительного мира, а также проживающего на данной территории населения.

Следует отметить, что разработка территориальных брендов крайне важна для всех стран, ориентированных на развитие туриндустрии, но особое значение она приобретает для тех стран, которые еще только начинают активно развивать туризм на своей территории. К числу таких стран, без сомнения, можно отнести и Республику Узбекистан.

Исследование развития туризма в этой стране приобретает особую значимость в современных условиях. Дело в том, что в сложившихся социально-политических условиях российские туристы не могут совершать путешествия в большое число стран, расположенных в разных частях света и прежде всего в Европу и Америку. Поэтому необходимость формирования новых туристических маршрутов становится жизненно необходимым делом. Это положение в равной мере справедливо как по отношению к туристическим организациям Российской Федерации, так и к довольно большому числу потребителей туристических услуг, постоянно выезжающих за рубеж.

По данным статистики, к началу 2022 г. доля туризма в ВВП Республики Узбекистан немногим превышала 2,2 %. Для страны, обладающей огромным потенциалом в сфере туризма и гостеприимства, это довольно скромная цифра. В настоящее время проблемы развития туризма в Республике решаются на самом высоком уровне. Так, весной 2023 г. Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев дал поручение руководителям всех регионов страны изыскать возможности наиболее эффективного развития индустрии туризма с учетом всех имеющихся на соответствующих территориях возможностей и ресурсов.

Вместе с тем Узбекистан имеет весьма значительный потенциал для существенного роста основных показателей, связанных с функционированием туристской индустрии. Сюда можно отнести, в частности:

– большое число памятников всемирного культурного наследия, сосредоточенных в древних городах Республики – Самарканде, Бухаре, Хиве, Коканде и др.;

– благоприятные климатические условия, делающие возможным практически круглогодичное посещение страны туристами;

– наличие неповторимого узбекского гостеприимства, притягивающего в Республику большое число туристов;

– исторически сложившиеся еще со времен существования Советского Союза связи между Ре-

спубликой Узбекистан и Российской Федерацией, способствующие развитию массового туризма из России в Узбекистан;

– возможности реализации на территории Республики Узбекистан разнообразных видов туризма, таких как культурно-исторический, гастрономический, медицинский, экологический, событийный и некоторые другие;

– благожелательное отношение местных органов власти и широких слоев общественности к дальнейшему росту сферы туризма и гостеприимства, поскольку это создает широкие возможности для решения крупных инфраструктурных проектов по всей территории Республики и будет способствовать ускорению социально-экономического развития разных регионов страны.

Территориальное брендирование представляет собой систематический комплексный процесс, в котором принимают участие менеджеры туристской индустрии, маркетологи, представители органов государственной власти всех уровней от федерального и регионального до местного, средства массовой информации, активисты различных общественных организаций, а также местные жители.

Дело в том, что создание удачного бренда способного продвигать соответствующую территорию на рынке туристских услуг, приносит большую пользу всей стране, а не только конкретному региону. Благодаря этому существенно увеличивается инвестиционная и туристско-рекреационная притягательность соответствующей территории, растут доходы местных бюджетов, сокращается безработица, что в конечном счете приводит к повышению качества жизни местного населения.

Кроме того, это позволяет тратить необходимые средства на воспроизводство инфраструктуры туристских объектов, поддерживать функционирование и обеспечивать сохранность памятников всемирного культурного наследия.

Если говорить конкретно о Республике Узбекистан с учетом проблем, связанных с разработкой и продвижением территориальных брендов, то можно констатировать, что в настоящее время эта работа находится еще в начальной стадии. Совершенно очевидно, что для активного развития туризма в регионах Республики нельзя ограничиваться только разработкой общенационального бренда. Необходимо также создание территориальных брендов в регионах, особенно в тех, где имеются хорошо известные туристские дестинации. Дело в том, что без создания региональных брендов, способных наглядно показать особенности той или иной территории и находящихся на ней туристских дестинаций, невозможно обеспечивать постоянный рост числа как местных, так и зарубежных туристов в эти регионы.

Очень важной для Республики Узбекистан представляется нам разработка брендов городов, являющихся признанными центрами развития туризма в настоящее время. Сюда можно отнести, помимо Ташкента, который хотя и является столичным городом, но привлекает в настоящее время не самое большое число туристов, еще целый ряд довольно колоритных городов. В их число, без сомнения, можно включить такие «жемчужины Востока», как Самарканд, Бухару, Хиву, Коканд и некоторые другие города, которые уже в течение длительного времени имеют довольно высокую туристско-рекреационную притягательность для огромного числа туристов со всех уголков земного шара.

Бренды этих городов должны в обязательном порядке отражать их неповторимое своеобразие, становясь своего рода визитной карточкой, символом. Необходимо стремиться к тому, чтобы создание и продвижение подобных брендов приводило к росту узнаваемости и повышению интереса к ним во многих странах мира, включая Российскую Федерацию, что в конечном счете способствовало бы в дальнейшей перспективе к активному развитию туристической индустрии в различных областях Республики Узбекистан

Созданные подобным образом бренды с полным основанием можно назвать туристическими, поскольку они, выступая в данном случае как разновидность территориальных брендов, обязательно учитывают основные достопримечательности соответствующего региона. Например, для Самарканда это будут, скорее всего, Регистан, Ансамбль мавзолеев Щахи Зинда или обсерватория Улугбека.

Бренду данного города, по нашему мнению, могут соответствовать такие слоганы как:

– «Самарканд – ярчайшая жемчужина Востока»;

– «Седая древность и вечная молодость Самарканда»;

– «Самарканд – сказка 1001 ночи наяву» и т.д.

Создание подобных брендов Самарканда и ряда других городов, признанных туристических центров Республики Узбекистан, будет способствовать формированию позитивных отношений узнаваемости, доверия и симпатии и, в конечном итоге, приведет к значительному увеличению туристического потока в этот регион, в том числе и из Российской Федерации. Следствием этого процесса станет существенное улучшение всех основных показателей социально-экономического развития Республики Узбекистан, а также постепенное превращение её в один из крупнейших центров туризма не только в Центральной Азии, но и во всем мире.

Литература:

1. Эйдельман Б.М., Бунаков О.А., Фахрутдинова Л.Р. Разработка и продвижение территориальных брендов, как важный фактор развития внутреннего туризма в Республике Татарстан // Казанский экономический вестник. – 2016. – № 1. – С. 18–21.
2. Кейт Д. Брендинг территорий. Лучщие мировые пракики. – М.: Манн. Иванов и Фербер, 2019. – 165 с.
3. Родькин П.Е. Бренд-идентификация территорий. Брендинг территорий: новая прагматичная идентичность. – М.: СИНТЕГ, 2020. – 503 с.
4. Шульц Е. Брендология. Правда и вымыслы о брендинге. – М.: Рипол Классик, 2020, – 256 с.
5. Эйдельман Б.М., Бунаков О.А. Конструирование территориальных брендов и его роль в развитии внутреннего туризма в России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2016. – № 3. – С. 241–243.
6. Эйдельман Б.М., Бунаков О.А., Найда А.М. Особенности формирования платформы туристических брендов Республики Татарстан // Казанский экономический вестник. – 2018. – № 1. – С. 41–46.
7. Эйдельман Б.М., Пономарева С.И., Васенева Н.А., Бунаков О.А. Брендинг территорий как важный фактор повышения конкурентоспособности регионов в современных условиях // Вестник РМАТ. – 2018. – № 1. – С. 55–60.

Territorial Branding as One of the Important Factors of Tourism Development In Modern Conditions.

Eidelman B.M., Bunakov O.A.
Kazan (Volga Region) Federal University,
University of Management «TISBI» (Kazan)
Bodrov R.G.
Kazan (Volga Region) Federal University
Naida A.M.
University of Management «TISBI» (Kazan)

This article shows the ways of creating territorial brands in modern conditions and their role in the development of tourism. The author's definition of territorial brand and territorial branding is given, the importance of territorial branding works is shown, first of all, for those countries that are just beginning to actively engage in the development of the tourism industry on their territory.

Much attention is paid to the need to develop territorial brands in the Republic of Uzbekistan and its cities, which are the centers of tourism in the country.

Key words: tourism industry, territorial brand, territorial branding, architecture of territorial brand, urban brand, tourism

УДК 343.13

Современный информационно-технологический допрос в уголовном судопроизводстве

Байбиков Р.Р.
Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена перспективам развития института допроса в уголовном судопроизводстве России с применением возможностей искусственного интеллекта и биометрических персональных данных. Возможности использования искусственного интеллекта позволят решать задачи проведения эффективных следственных действий, получения качественных показаний допрашиваемых лиц и сокращения сроков расследования и рассмотрения уголовных дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, допрос, искусственный интеллект, биометрия

Происходящая в России судебная реформа свидетельствует о непрерывном развитии уголовного судопроизводства. Общественно-политические, экономические и технические трансформации существенным образом также влияют и на вектор развития уголовно-процессуального законодательства. Развитие искусственного интеллекта и биометрии, а также тенденции к цифровизации уголовного процесса определяют новые научные подходы совершенствования его правового регулирования. Реперной точкой для дальнейших научных изысканий и трансформации послужил Указ Президента Российской Федерации о развитии искусственного интеллекта [1]. Вышеуказанный документ утвердил в Российской Федерации Национальную стратегию развития искусственного интеллекта (далее по тексту – Стратегия) до 2030 г. в целях обеспечения его ускоренного развития, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, а также совершенствования подготовки кадров в указанной области.

Действительно, увеличение вычислительных возможностей программного обеспечения в совокупности с новейшими информационно-технологическими разработками способствовали широкому применению компьютерного обучения на базе электронно-вычислительных систем, основанных на принципах нейронных сетей. Собственно, понятие искусственного интеллекта закреплено в ст. 5 Стратегии, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Уже сегодня применение технологий искусственного интеллекта станет обязательным для соискателей государственных субсидий из федерального бюджета и станет частью национального проекта «Экономика данных» [2]. Таким образом, сферы применения искусственного интеллекта и высокотехнологических онлайн-систем достаточно широки и являются актуальными в современном мире.

Уголовно-процессуальной доктрине уже известны примеры применения технологий для разрешения уголовно-правовых споров. К примеру, в Китае с использованием нейросетей рассматриваются уголовные дела по таким категориям, как убийство, грабеж, изнасилование и покушение на государственную собственность [3, с. 707]. В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан регламентирован электронный реестр уголовных дел с процедурой оцифровки име-

ющихся материалов [4, с. 59]. Аналогично вышесказанному, в Германии созданное электронное досье с оцифрованными материалами уголовного дела позволяет ускорить процесс ознакомления защитника с материалами уголовного дела, которые он получает на свой специализированный электронный ящик [5, с. 195]. Возможность подачи электронных документов, касающихся судебных разбирательств по уголовным делам, известна и уголовно-процессуальному законодательству Эстонии [6, с. 42]. В связи с этим в настоящее время возникает проблема правового регулирования электронного правосудия, под которым понимается способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [7]. В 2018 г. Советом Европы были утверждены этические принципы, касающиеся использования искусственного интеллекта в судебных системах. Это принципы: 1) соблюдения основных прав; 2) недискриминации (между отдельными лицами и группами лиц); 3) качества и безопасности (использования надежных систем хранения и обработки информации); 4) прозрачности, беспристрастности и достоверности; 5) контроля искусственного интеллекта пользователем [8].

Особый интерес представляет разработанные в США системы *DARE* и *PredPol*, способные распознавать ложные показания свидетелей на основе оценки голоса, мимики, речи и иных поведенческих особенностях человека [9, с. 241].

Как известно, допрос является наиболее распространенным следственным действием, сущность которого заключается в получении от допрашиваемых лиц показаний об обстоятельствах, имеющих отношение к расследуемому событию, и фиксации их в установленном законом порядке [10, с. 161]. Теоретические дискуссии о необходимости правового регулирования производства допроса с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, о чем также высказывалась авторская позиция [11, с. 216], в известной степени получили свое разрешение в виде дополнения УПК РФ ст. 189.1 [12]. Несмотря на вышеуказанное, вопрос использования искусственного интеллекта и биометрии в ходе допроса участников уголовного судопроизводства является чрезвычайно актуальным.

Возможности использования искусственного интеллекта могут повысить качество и эффективность допроса в досудебном производстве по уголовному делу. Так, при производстве допросов могут применяться дополненная и виртуальная реальность, существенно повышающие качество показаний и эффективность предварительного расследования [13, с. 92]. По мнению С.В. Власова, «в перспективе робот успешно заменит следователя, поскольку информационные преступления оставляют информационные следы – следовать по ним может специалист по информационным технологиям» [14, с. 15]. В этой связи мы разделяем позицию М.И. Клеандрова, что «искусственный интеллект – лишь инструмент в руках опытного следователя, который может быть использован в решении отдельных задач, например, допроса психически больных людей» [15, с. 15].

Возможности анализа искусственным интеллектом совокупности имеющихся доказательств и сведений, имеющих значение для расследования уголовного дела, способны определить правдивость или ложность показаний путем анализа голоса и движений тела, эффективность которого составляет 92 %, что выше результатов использования полиграфа [16, с. 35]. Полагаем, что в зависимости от выбранной допрашиваемым лицом позиции в ходе дачи показаний искусственный интеллект способен помочь следователю при формулировании последующих вопросов, разрешение которых имеет значение для уголовного дела и исключения выявляемых противоречий. Тем самым современный информационно-технологический допрос с использованием возможностей искусственного интеллекта решает следующие задачи: а) полнота получаемых показаний; б) отсутствие либо устранение противоречий в показаниях допрашиваемого лица; в) законность и обоснованность допроса; г) соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства; д) соблюдение прав и безопасности допрашиваемого лица. При этом представляются ошибочными мнения ряда авторов о том, что интеграция искусственного интеллекта в судопроизводство неизбежно приведет к существенному нарушению конституционных и уголовно-процессуальных принципов, а также процедуры исследования, оценки доказательств и принятия решения [17, с. 151].

Цифровизация уголовного судопроизводства и правового регулирования допроса позволит в ближайшем будущем использовать биометрические персональные данные, в том числе изображение и голос допрашиваемого, как в ходе личного (непосредственного) допроса следователем, так и с применением систем видеоконференц-связи в порядке ст. 189.1 УПК РФ. Соответствующее нормативно-правовое регулирование уже принято на законодательном уровне. Так, в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», регулирующим использование биометрических персональных данных, данные об изображении лица и запись голоса человека размещаются и

обрабатываются в «Единой системе идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» [18].

В рамках исследования по специально разработанной анкете проведено интервьюирование практических работников: 15 дознавателей УМВД России по РТ, 25 дознавателей УМВД России по Ульяновской области, 17 дознавателей ГУ МВД России по Нижегородской области, 130 следователей ГСУ МВД России по Республике Татарстан, 41 следователя и дознавателя УМВД России по Республике Башкортостан, 25 следователей и дознавателей УМВД России по Республике Марий Эл, 15 следователей УМВД России по Кировской области, 29 следователей УМВД России по Тюменской области, 37 следователей УМВД России по Ульяновской области, 20 следователей СУ СК РФ по Кировской области, 20 следователей СУ СК РФ по Нижегородской области, 81 следователя СУ СК РФ по Республике Татарстан, 25 следователей СУ СК РФ по Тюменской области, 19 следователей СУ СК РФ по Ульяновской области. Результаты опроса подтверждают, что введение информационно-технологического допроса позитивным образом скажется на расследовании уголовных дел: 40 % респондентов высказываются «за»; 44 % респондентов высказываются об избирательности таких допросов, и лишь 16 % респондентов говорят «нет» таким допросам.

Таким образом, современный информационно-технологический допрос должен быть основан на технологиях искусственного интеллекта, в условиях цифровизации и виртуализации уголовного процесса. В связи с этим полагаем, что в УПК РФ должен быть внедрен «информационно-технологический допрос», под которым следует понимать используемый дознавателем, следователем комплекс технологических решений, позволяющих распознавать, имитировать и анализировать когнитивные функции допрашиваемого лица о сведениях, сообщенных им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями ст.ст. 187–190 УПК РФ.

По нашему мнению, дальнейшими перспективными направлениями в совершенствовании получения личных показаний при производстве информационно-технологического допроса являются: а) дистанционное взаимодействие (онлайн-допрос); б) допрос с использованием искусственного интеллекта (робот-помощник); в) биометрический допрос с использованием единой системы аутентификации и идентификации (аватар-допрос).

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС Гарант.
2. Перечень поручений по итогам встречи с учеными и пленарного заседания Форума будущих технологий // Портал «Президент России». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72190 (дата обращения: 30.11.2023).
3. Чистилина Д.О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Экономика и право. – 2021. – № 4. – С. 705–710.
4. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 57–61.
5. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. – 2020. – № 3 (134). – С. 193–200.
6. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник ПАГС. – 2019. – № 6. – С. 36–47.
7. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26.11.2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» // СПС Гарант.
8. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (Страсбург, 3-4 декабря 2018 г.). – URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 30.11.2023).
9. Новикова К.С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 240–244.
10. Зуев С.В. IT-справочник следователя / Под ред. док. юрид. наук. С.В. Зуева. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 232 с.
11. Байбиков Р.Р. Актуальные проблемы допроса в досудебном производстве по уголовному делу и пути их совершенствования // Вопросы российского и международного права. – 2017. – № 9А. – С. 213–221.
12. Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
13. Овчинникова О.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном произ-

водстве // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 1 (32) – С. 89–93.
14. Власова С.В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 1. – С. 9–18.
15. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 15–25.
16. Рыжкова А. Бот рассудит. Как искусственный интеллект вживляют в судебную практику // Русский репортер. – 2018. – № 1-2. – С. 34–35.
17. Дагуф Ю.А., Пелюшенко Е.В. Искусственный интеллект в российском уголовном судопроизводстве: проблемы и пути решения // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. Материалы Межд. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. Краснодар, 17-18 марта 2022 года / Отв. ред. В.А. Семенцов. В 2-х ч. Ч. 1. – Краснодар: Кубанский гос. ун-тет. 2022. – С. 142–151.
18. Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС Гарант.

Modern Informational-Technological Interrogation in Criminal Proceedings

Baybikov R.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the prospects for the development of the institution of interrogation in criminal proceedings in Russia using the capabilities of artificial intelligence and biometric personal data. The possibilities of using artificial intelligence will make it possible to solve the problems of conducting effective investigative actions, obtaining high-quality testimony from interrogated persons and reducing the time required for investigation and consideration of criminal cases.

Key words: criminal process, investigative actions, interrogation, artificial intellect, biometry

УДК 340; 34.01

Определение и виды особо охраняемых природных территорий в законодательстве России и странах Европы

Батыршина Г.Ф.
Ассистент кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается законодательное регулирование особо охраняемых природных территорий в России. Представлено легальное определение и категории особо охраняемых природных территорий в зависимости от правового режима. Указывается на отсутствие выделения охраняемых морских территорий в российском законодательстве. Более того, анализируются неэффективные элементы в правовом регулировании охраны и использования особо охраняемых природных территорий.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территорий (ООПТ), категории/виды ООПТ, сохранение биологического разнообразия

В мире существует свыше 147 000 особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), число которых постоянно увеличивается; охраняемые территории покрывают площадь в 19 300 000 кв. км или 13 % поверхности суши [1]. Создание сети ООПТ используют для достижения цели обеспечения благоприятной окружающей среды. Для выявления неэффективных элементов в правовом регулировании охраны и использования уникальных и редких экологических систем необходимо сравнить базовые положения об ООПТ в России и странах Европы.

1. Легальное определение и категории ООПТ в России. Основным и центральным нормативным правовым актом, регулирующим создание и функционирование в России ООПТ, является Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [2] (далее – ФЗ «Об ООПТ»). Под ООПТ в нем понимаются участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты растительного и животного мира, естественные экологические системы, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны.

В указанном законе выделяются следующие категории ООПТ: 1) государственные природные заповедники, в том числе биосферные; 2) национальные парки; 3) природные парки; 4) государственные природные заказники; 5) памятники природы; 6) дендрологические парки и ботанические сады. Данный перечень не является исчерпывающим.

В законодательстве об ООПТ отдельно не выделяются охраняемые морские территории (как, например, в законодательстве об ООПТ европейских стран). В то же время в российском законодательстве предусматриваются особо охраняемые водные объекты. Так, согласно ст. 66 Водного кодекса РФ [3], водные объекты или их части, имеющие особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, могут быть признаны особо охраняемыми водными объектами. Однако словосочетание «особо охраняемые водные объекты» полностью не согласуется с положениями Федерального закона «Об ООПТ», поскольку особо охраняемые водные объекты могут быть двух видов: 1) имеющие правовой режим ООПТ; 2) имеющие правовой режим, устанавливаемый законодательством об объектах культурного наследия. Еще В.В. Петров историко-культурные территории причислял к отдельному виду территорий и объектов, находящихся под особой охраной государства, отличного от правового режима ООПТ [4].

Поэтому применительно к охране и использованию особо охраняемых водных объектов, имеющих правовой режим ООПТ, требуется ряд бланкетных норм, обеспечивающих системность законодательства.

В ранее действовавшем законодательстве, в ст. 118 Водного кодекса РФ 1995 г. (утратил силу) [5] давалась классификация особо охраняемых водных объектов: 1) участки внутренних морских вод и территориального моря РФ; 2) водно-болотные угодья; 3) водотоки и водоемы, отнесенные к уникальным природным ландшафтам; 4) зоны охраны истока или устья водных объектов; места нереста ценных видов рыб; 5) иные категории водных объектов, рассматриваемых в неразрывной связи с лесами, животным миром и другими природными ресурсами, подлежащими особой охране. В настоящее время в российском законодательстве классификации особо охраняемых водных объектов отсутствуют. Однако их закрепление в Водном кодексе РФ позволило бы конкретизировать правовой режим, улучшив охрану и рациональное использование уникальных экосистем.

В России общая площадь морских охраняемых районов составляет около 1,8 % от площади шельфа Российской Федерации [6]. Необходимо отметить сравнительно малое количество и площадь имеющихся морских заповедников и заказников в нашей стране.

Достаточно неопределенное место в системе ООПТ занимают и особо охраняемые геологические объекты. Имеются недостатки юридической техники в части отсутствия согласованности положений Закона РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» [7] об особо охраняемых геологических объектах и ФЗ «Об ООПТ» [8].

С момента вступления в силу Федерального закона от 28.12.2013 г. № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 406-ФЗ) лечебно-оздоровительные местности и курорты были исключены из перечня ООПТ, однако правоприменителем за частью вышеуказанных территорий до сих пор признается правовой режим ООПТ (лечебно-оздоровительные местности и курорты, созданные до 30 декабря 2013 г.). В судебной практике п. 3 ст. 10 ФЗ № 406-ФЗ стал толковаться как означающий **сохранение** у созданных до 30 декабря 2013 г. лечебно-оздоровительных местностей и курортов правового режима ООПТ. Так, курорты Геленджикской группы (Кабардинка, Геленджик, Дивноморск, Джанхот, Прасковеевка, Криница-Бетта, Архипо-Осиповка), установленные Постановление Совета Министров РСФСР от 17.12.1987 г. № 494 «Об установлении границ и режима округа санитарной охраны геленджикской группы курортов (Кабардинка, Геленджик, Дивноморск, Джанхот, Прасковеевка, Криница-Бетта, Архипо-Осиповка) в Краснодарском крае» [9] не утратили правовой режим курортов и продолжают входить в состав земель ООПТ (ст. 96 Земельного кодекса). Нахождение земельных участка в границах округа санитарной охраны курорта, созданного до дня вступления в силу ФЗ № 406-ФЗ, препятствует его передаче в частную собственность [10].

Законами субъектов Российской Федерации также могут быть установлены иные категории ООПТ регионального и местного значения. Например, в субъектах РФ дополнительно предусмотрены следующие категории ООПТ регионального значения: рекреационные местности; природно-исторические комплексы; территории охраняемого ландшафта [11]; охраняемые ландшафты; природные резерваты; историко-природные комплексы и территории [12].

В ФЗ «Об ООПТ» говориться об их «создании», «развитии» и «функционировании». Процедуры создания ООПТ различных категорий сравнительно детально регламентированы в законе, однако «функционирование» и «развитие» ООПТ там практически не раскрываются. При этом справедливо отмечается отсутствие в ФЗ «Об ООПТ» прямого запрета на упразднение ООПТ [13].

С 30 декабря 2013 г. ФЗ «Об ООПТ» была дополнена п. 2 ст. 13, в которой говорилось о возможности преобразования государственных природных заповедников в национальные парки. Смягчение природоохранного режима заповедника в виде преобразования его в национальный парк было возможно до 31 декабря 2015 г. решением Правительства РФ по представлению уполномоченного Правительством РФ федерального органа исполнительной власти при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы материалов, обосновывающих указанное решение. Так, например, был преобразован государственный природный биосферный заповедник «Командорский» площадью более 3,5 млн га в национальный парк «Командорские острова», расположенный на территории Алеутского муниципального округа Камчатского края и прилегающей 30-мильной морской акватории [14].

Порядок ведения государственного кадастра ООПТ, утвержденный Приказ Минприроды России от 19.03.2012 г. № 69 «Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра особо охраняемых природных территорий» (далее – Порядок) [15], предусматривает как реорганизацию ООПТ (п.п. 14, 16, 20–21, 25, 26, 33, 37), так и изменение площади, категории, уточнение границ и (или) изменение режима особой охраны и использования ООПТ (п.п. 14, 34, 37). При этом понятие «реорганизация» ООПТ использовалось в ранее действовавших нормативных правовых актах, регулирующих ведение государственного кадастра ООПТ (приказы Госкомэкологии России от 04.07.1997 г. № 312 и МПР РФ от 15.01.2008 г. № 2), а понятие «упразднение

или реорганизация ООПТ федерального значения» в приказе МПР РФ от 15.01.2008 г № 2 [16], а теперь названные термины не употребляются. Необходимо в федеральном законодательстве об ООПТ определить основные понятия как «преобразование», «реорганизация» или «упразднение», а также определить критерии и основания принятия решений об изменении границ, преобразовании и ликвидации ООПТ федерального, регионального и местного значения.

Продолжение статьи в следующем номере.

Литература:

1. Сведения об особо охраняемых природных территорий // Федеральная служба государственной статистики РФ. – URL: https://rosstat.gov.ru.
2. Федеральный закон от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (ред. от 01.05.2022) // СЗ РФ. – 1995. – № 12. – Ст. 1024.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 г. № 74-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
4. Петров В.В. Экологическое право России: учеб. для вузов. – М. Изд-во БЕК, 1995. – 557 с.
5. Водный кодекс Российской Федерации от 16.11.1995 № 167-ФЗ (утратил силу) // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4471.
6. Особо охраняемые природные территории // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/oopt/.
7. Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.
8. Лунева Е.В. Правовая охрана и рациональное использование геологического наследия в геопарках // Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 72–82.
9. Постановление Совмина РСФСР от 17.12.1987 г. № 494 «Об установлении границ и режима округа санитарной охраны Геленджикской группы курортов (Кабардинка, Геленджик, Дивноморск, Джанхот, Прасковеевка, Криница-Бетта, Архипо-Осиповка) в Краснодарском крае» // СПС КонсультантПлюс.
10. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2022 г. № 15АП-18160/2022 по делу № А32-10676/2020 // СПС КонсультантПлюс.
11. Закон Республики Бурятия от 29 декабря 2005 г. № 1438-III «Об особо охраняемых природных территориях Республики Бурятия» // Бурятия. – 2005. – № 246.
12. Закон Пермского края 4 декабря 2015 г. № 565-ПК «Об особо охраняемых природных территориях Пермского края» // Официальный сайт губернатора и Правительства Пермского края. – URL: www.permkrai.ru/download.php?id=17623.
13. Андреечев И.С. Изменение границ, преобразование и ликвидация особо охраняемых природных территорий: проблемы правового регулирования и правоприменения // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 2. – С. 163–175.
14. Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2022 г. № 720 «О преобразовании государственного природного биосферного заповедника «Командорский» в национальный парк «Командорские острова» // СЗ РФ. – 2022. – № 18. – Ст. 3067.
15. Приказ Минприроды России от 19.03.2012 г. № 69 «Об утверждении Порядка ведения государственного кадастра особо охраняемых природных территорий (зарегистрировано в Минюсте России 12.04.2012 № 23810) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 30.
16. Приказ Министерства природных ресурсов Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 4 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по исполнению государственной функции по выдаче разрешения (распорядительной лицензии) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации» (утратил силу) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2008. – № 26.

Definition and Types of Protected Areas in the Legislation of Russia and European Countries

Batyrshina G.F.
Kazan (Volga Region) Federal University

The presented text examines the legal regulation of specially protected natural areas in Russia. It considers the legal definition and categories of specially protected natural territories depending on their legal regime. The lack of designated protected marine areas in Russian legislation is noted. Furthermore, ineffective elements in the legal regulation of the protection and use of specially protected natural areas are analyzed.

Key words: specially protected natural areas (SPNA), categories/types of protected areas, conservation of biological diversity

УДК 349.3

Реализация права на социальное обеспечение в контексте решений Конституционного Суда РФ

Гадельшина Л.И.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного и уголовного права
Российского нового университета (Москва)

В статье анализируются проблемы реализации права на социальное обеспечение, выявленные по результатам разрешения Конституционным Судом РФ судебных дел по обращениям граждан о нарушении их конституционных прав за последние два года. Сделан вывод о том, что залогом достижения целей государственной социальной политики, ориентированной на исполнение положений обновленной Конституции РФ, касающихся реализации социальных прав граждан, правоприменительным органам следует придерживаться принципов правовой определенности в правовом регулировании, справедливости и равенства, единства правового статуса в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию и при получении мер социальной поддержки, субсидиарной ответственности государства в обязательном пенсионном страховании, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, социальной защищенности, соответствия ограничения права на социальное обеспечение конституционно значимым целям.

Ключевые слова: право на социальное обеспечение, принципы социального обеспечения, конституционность, социальная защищенность, справедливость и равенство, меры социальной поддержки, социальная защита, безработица

Конституционное право на социальное обеспечение относится ко второму поколению прав человека, является неотчуждаемым.

По качеству правового регулирования социальных прав человека и их реализации можно судить об уровне жизни человека в конкретной стране. В частности, Российская Федерация провозглашена социальным государством (ст. 7 Конституции РФ) [1], в России принята, действует и развивается система законодательства, направленная на реализацию конституционных положений и конституционного права на социальное обеспечение. Насколько значима данная область отношений для государства и общества, свидетельствует факт внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ в 2020 г. [2].

Так, переформулирован п. «ж» ст. 71 о предметах исключительного ведения РФ путем конкретизации приоритетных вопросов здравоохранения; введена ч. 1 ст. 75 «о гарантировании обязательного социального страхования, адресной социальной поддержки граждан и индексации социальных пособий и иных социальных выплат»; введена ст. 75.1, направленная на реализацию принципа социального государства посредством развития социальной солидарности; изменен п. «в» ч. 1 ст. 114 путем введения необходимости ориентирования проводимой государственной политики именно в социальном направлении; ч. 1 ст. 114 дополнена пунктом «в. 2» о новом полномочии Правительства РФ по обеспечению функционирования «системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни» [1].

Однако несмотря на то что государство уделяет, казалось бы, достаточное внимание рассматриваемой сфере правового регулирования, с реализаци-

ей права на социальное обеспечение дело обстоит иначе. Органы социальной защиты, налоговые органы, администрирующие страховые взносы, суды общей юрисдикции зачастую трактуют нормы законодательства в нарушение базовых принципов социального обеспечения. Об этом свидетельствуют пять судебных дел о проверке конституционности в связи с жалобами граждан, рассмотренными Конституционным Судом РФ в 2022 г.

Первое дело касается проверки Федерального закона о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам назначения и выплаты пенсий по жалобе гражданки И.И. Котловой (Постановление от 17 марта 2022 г. № 11-П), в результате которой выявлено нарушение принципов справедливости и равенства в правоотношениях по социальной защите безработных граждан предпенсионного возраста [3]. Напомним, что, в соответствии со ст. 5 Закона о занятости [4], к такой категории относят граждан, находящихся в возрастном периоде 5 лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно. Гражданка предпенсионного возраста И.И. Котлова в 2018 г. была признана безработной и стала получателем пособия по безработице в размере 8000 руб. Со следующего года ст. 34.2 Закона установлены дополнительные гарантии социальной поддержки безработных граждан предпенсионного возраста, которые предполагали назначение пособия в повышенном размере. Однако в повышении размера пособия ей было отказано на том основании, что признание ее безработной состоялось до внесения соответствующих законодательных изменений и, следовательно, введенные ими дополнительные меры на нее не распространяются. Таким образом, гражданка И.И. Котлова оказалась в неравном положении с остальными гражданами предпенсионного возраста, признанными безработными после 01.01.2019 г. Конституционный Суд РФ (далее «Суд», «КС РФ») установил, что сама по себе дифференциация максимальных размеров пособия по безработице путем установления повышенного размера для лиц предпенсионного возраста, испытывающих наибольшие трудности в поиске работы в сравнении с остальными безработными гражданами, отвечает конституционного значимым целям государственной социальной политики. Однако дифференциация в размерах пособия по безработице, выплачиваемого лицам, относящимся к одной и той же категории (граждан предпенсионного возраста) в зависимости исключительно от даты признания лица безработного, противоречит принципам справедливости, равенства, не имеет разумных оправданий, поскольку указанные лица находятся в одинаковой жизненной ситуации и в одинаковой мере испытывают трудности в поиске новой работы. Суд указал, что при внесении изменений в правовое регулирование отношений по защите от безработицы и по социальному обеспечению в связи с ней федеральному законодателю надлежит руководствоваться принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, предполагающим в том числе «недопустимость придания обратной силы нормативным установлениям, ухудшающим правовое положение граждан и безусловность надлежащего гарантирования прав и законных интересов субъектов длящихся правоотношений в случае изменения нормативных параметров их реализации».

Второе дело (Постановление от 31 мая 2022 г. № 22-П) касается оспаривания регионального закона, регулирующего предоставление мер социальной поддержки работникам образования, проживающим в сельской местности [5]. Заявительнице Т.В. Мельниковой, которой досрочно назначена страховая пенсия по старости в связи с наличием 25-летнего стажа педагогической деятельности в учреждениях для детей, было отказано в предоставлении льготы на оплату жилого помещения и коммунальных услуг на том основании, что она к моменту выхода на пенсию не достигла возраста 55 лет, дающего, в соответствии с федеральным законодательством, право на страховую пенсию. При этом оспариваемым Законом Новосибирской области в качестве условий предоставления такой меры социальной поддержки предусматривались: работа в соответствующей должности, минимум 10-летний стаж работы в данной должности и проживание исключительно в сельской местности, поселках городского типа. Противоречий с конституционными положениями выявлено не было, при этом Суд дал Закону истолкование, обязательное для правоприменителей. Сославшись на принципы справедливости и равенства, защиты от дискриминации, запрета различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, правовой определенности, разумной стабильности правового регулирования, недопустимости произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемости законодательной политики, а также принцип уважения человека труда, Суд заключил, что сохранение права на меры социальной поддержки связывается с возникновением у гражданина права на страховую пенсию по старости безотносительно к основанию, в силу которого право на пенсию возникло; право на меры социальной поддержки должно равным образом сохраняться за всеми гражданами, посвятившими свою карьеру обучению детей в системе образования в сельской местности, поселках городского типа после возникновения у них права на страховую пенсию по старости даже тогда, когда она назначена ранее общеустановленного возраста. Здесь так же прослеживается принцип единства правого статуса при получении мер социальной поддержки.

Третье дело (Постановление от 07.04.2022 г. № 14-П) посвящено пределам ограничения права на социальное обеспечение в тех случаях, когда доставка пенсии за выслугу лет осуществляется путем зачисления ее на счет в кредитной организации получателя, который в течение длительного времени не снимает пенсионные поступления [6]. Необходимо отметить, как действующими в настоящее время ст.ст. 24 и 25 ФЗ «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ [7], так и действовавшими в отношении заявителя ст.ст. 21 и 22 ФЗ «О трудовых пенсиях» [8] выплата пенсии подлежит приостановлению в случае неполучения ее в течение 6 месяцев подряд, а прекращению – по истечении 6 месяцев со дня ее приостановления. Заявитель по данному делу – гражданин П.М. Понеделков, получавший пенсию за выслугу лет на свой банковский счет, потерял паспорт и, как следствие, перестал обращаться в кассу банка за снятием пенсионных поступлений, рассчитывая на отсутствие рисков ее утраты и возможность ее накопления. В результате военный комиссариат, уполномоченный на перечисление военной пенсии, по прошествии 6 месяцев приостановил, а затем прекратил выплату по причине ее невостребованности. Заявитель получил новый паспорт через 10 лет, выплата пенсии по его обращению была восстановлена, а сумма невостребованной пенсии была возмещена за последние 3 года. В возмещении пенсии за остальной (семилетний) период правоприменительными органами власти ему было отказано. В жалобе, направленной в КС РФ, П.М. Понеделков указал на нарушение не только конституционного права на социальное обеспечение, но конституционного права на частную собственность, а также права на неприкосновенность частной жизни и личную тайну. Суд, осуществляя правовую оценку оспариваемых норм, подчеркнул необходимость обеспечения гражданину законодательством и правоприменительной практикой уверенности в стабильности его официально признанного статуса, возможность граждан беспрепятственного распоряжения своей пенсией как собственностью, важность поддержания надлежащего уровня материального достатка бывших военнослужащих, а также особую конструкцию правоотношений в сфере пенсионного обеспечения (когда у военнослужащего в отставке возникает право на получение пенсии за выслугу лет, а у государства в лице пенсионного органа – обязанность по ее пожизненной выплате). Суд, не найдя противоречий оспоренных норм ст.ст. 21 и 22 ФЗ «О трудовых пенсиях» с нормами Конституции РФ, тем не менее дал им толкование, состоящее в том, что «если доставка и получение пенсии производится через кредитную организацию (банк) путем зачисления сумм пенсии на счет (вклад) пенсионера, то возникновение факта ее длительного неполучения пенсионером в принципе невозможно, поскольку… пенсия считается фактически полученной им вне зависимости от того, совершал ли он в отношении этих денежных средств какие-либо операции», иначе это приводило было к необоснованным различиям в статусе пенсионеров в зависимости от способа распоряжения зачисленной в виде пенсии денежными суммами. В свою очередь, ч. 1 ст. 58 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 [9] была признана противоречащей Конституции РФ, поскольку приводила к не согласующемуся с конституционно значимыми целями ограничению права на социальное обеспечение, а именно: допускала лишение права на получение пенсии за период более 3 лет, предшествовавший ее восстановлению, при безосновательном приостановлении и прекращении ее выплаты. Суд указал, что правовое регулирование, определяющее порядок выплаты пенсии за прошлое время, должно учитывать обстоятельства, в связи с которыми право на пенсию было утрачено. В процессе разрешения дела Суд ссылался на принципы всеобщности, справедливости, равенства, правовой определенности, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, к принципу ведомственной ответственности за организацию государственного пенсионного обеспечения в зависимости от места службы. Необходимо отметить, что к настоящему моменту правовое регулирование рассмотренных спорных вопросов федеральным законодателем приведено в соответствие с правовыми позициями КС РФ [10].

Четвертое дело по жалобе гражданки И.В. Глущенко (Постановление от 04.10.2022 г. № 40-П) касается проблемы реализации пенсионных прав и субсидиарной ответственности государства в системе обязательного пенсионного страхования (далее – «ОПС») [11]. Так, в периоде работы заявительницы – гражданки И.В. Глущенко – медицинской сестрой в исправительной колонии (помощь оказывалась осужденным к лишению свободы лицам) имелись периоды, когда по результатам специальной оценки условий труда, признанных допустимыми, работодатель не начислял страховые взносы за вредность (по дополнительным тарифам в соответствии со ст. 428 НК РФ [12]). В результате у заявительницы не был сформирован требуемый специальный стаж для досрочного назначения пенсии по старости, в чем ей и было отказано. В результате сложилась ситуация, когда работник, окруженный обществом

лиц с криминальным прошлым, проработав в условиях риска причинения вреда здоровью и жизни, рассчитывавший на досрочный выход на пенсию, ее не получил, чем нарушено его право на пенсионное обеспечение, а также принцип равенства в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной категории. КС РФ пришел к выводу, что в правилах специальной оценки условий труда с осужденными применен инструментарий, не соответствующий специфике трудовой деятельности заявительницы, т.к. работа с осужденными не предполагает систематическое и непосредственное воздействие физических, химических, биологических вредных и опасных факторов (например, тяжесть, воздействующая на опорно-двигательный аппарат, функциональные системы организма работника и т.д.). Кроме того, Суд установил, что действующее правовое регулирование специальной оценки условий труда, когда законодателем не оговорены исключения из общих правил ее проведения при работе с осужденными в исправительных учреждениях, создало условия для признания таких условий труда допустимыми и повлекло неуплату работодателями страховых взносов по дополнительному тарифу, являющихся правовым основанием для исчисления специального страхового стажа для досрочного назначения пенсии по старости. Для оперативного решения проблемы Конституционный Суд РФ обязал федерального законодателя «в кратчайшие сроки внести необходимые изменения в действующее правовое регулирование», а работодателей – уплатить соответствующие страховые взносы за 2022 г., а также прибегнул к институту субсидиарной ответственности государства за надлежащее осуществление обязательного пенсионного страхования, обязав его перечислить в Пенсионный Фонд РФ не уплаченные с 01.01.2013 г. по 01.01.2022 г. взносы по указанным дополнительным тарифам (с 01.01.2023 г. действует Фонд социального и пенсионного страхования [13]).

И наконец, ***пятое дело*** по жалобе гражданина К.В. Воробьева (Постановление от 11.10.2022 г. № 42-П) касается вопроса уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в отсутствии гарантий получения при наступлении страхового случая страховой пенсии по старости лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой и зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя и при этом получающих пенсию за выслугу лет [14]. Признав оспоренную норму неконституционной и обязав федерального законодателя внести соответствующие изменения в правовое регулирование, Конституционный Суд РФ снял обязанность по уплате страховых взносов на ОПС с индивидуальных предпринимателей из числа военных пенсионеров и приравнял их статус к статусу адвокатов – военных пенсионеров в системе обязательного пенсионного страхования (дело по жалобе последних так же рассмотрено в Конституционном Суде РФ и разрешено в их пользу (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2020 г. № 5-П [15]). Суд указал, что «единство правового статуса лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой в системе ОПС, не предполагает возможности дифференциации правил определения размера и порядка уплаты ими страховых взносов» и применил к оценке оспариваемых норм правовые позиции, изложенные в своем Постановлении от 28.01.2020 г. № 5-П. Более того, Суд указал, что нет отличий правового статуса указанных выше категорий субъектов от иных категорий самостоятельно обеспечивающих себя работой лиц (арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой и не являющиеся индивидуальными предпринимателями). В аргументации своего решения КС РФ руководствовался принципами равенства и справедливости, правовой определенности нормативного регулирования, отдельно выделив такие важные положения, как гарантированность страхового обеспечения пенсией по старости и общность правового статуса лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой и получающих пенсию за выслугу лет в системе ОПС.

На основании вышеизложенного следует подчеркнуть, что для реализации социальных прав граждан правотворческим и правоприменительным органам следует придерживаться таких актуальных и значимых принципов, как:

– принцип справедливости и равенства;

– принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства;

– принцип правовой определенности;

– принцип разумной стабильности правового регулирования;

– принцип недопустимости произвольных изменений в действующую систему норм;

– принцип уважения человека труда;

– принцип единства правового статуса в правоотношениях по обязательному пенсионному страхованию и при получении мер социальной поддержки;

– принцип ведомственной ответственности за организацию государственного пенсионного обеспечения в зависимости от места службы;

– принцип соответствия ограничения права на социальное обеспечение конституционно значимым целям.

Это станет залогом достижения целей государственной социальной политики, ориентированной на исполнение положений обновленной Конституции РФ, касающихся реализации социальных прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС Гарант.
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. – 2020. – 16 марта.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.03.2022 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 10 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий" в связи с жалобой гражданки И.И. Котловой» // Российская газета. – 2022. – 30 марта.
4. Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» // Российская газета. – 1996. – 6 мая.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 2 Закона Новосибирской области "О мерах социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг работников образования, проживающих и работающих в сельской местности, поселках городского типа на территории Новосибирской области" в связи с жалобой гражданки Т.В. Мельниковой» // Российская газета. – 2022. – 17 июня.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.04.2022 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 58 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей", а также подпункта 1 пункта 1 статьи 21 и подпункта 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина П.М. Понеделкова» // Российская газета. – 2022. – 27 апреля.
7. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Российская газета. – 2013. – 31 дек.; 2014. – 15 января.
8. Федеральный закон от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (не применяется за исключением некоторых случаев) // СПС Гарант.
9. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. Ст. 328. – URL: https://constitution.garant.ru/history/vedomosti/
10. Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 611-ФЗ «О внесении изменения в статью 58 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей"» // Российская газета. – 2023. – 10 янв.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.10.2022 г. № 40-П №По делу о проверке конституционности пункта 17 части 1 статьи 30 Федерального закона "О страховых пенсиях" и статей 12 и 13 Федерального закона "О специальной оценке условий труда" в связи с жалобой гражданки И.В. Глущенко» // Российская газета. – 2022. – 11 окт.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
13. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2022. – 22 июл.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.10.2022 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22, пункта 1 статьи 28 Федерального закона "Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации", подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей", частей 2 и 3 статьи 8 и части 18 статьи 15 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданина К.В. Воробьева» // Российская газета. – 2022. – 31 окт.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2020 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 7 Закона Российской Федерации "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах

уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей", подпункта 2 пункта 1 статьи 6, пункта 2.2 статьи 22 и пункта 1 статьи 28 Федерального закона "Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации", подпункта 2 пункта 1 статьи 419 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частей 2 и 3 статьи 8, части 18 статьи 15 Федерального закона "О страховых пенсиях" в связи с жалобой гражданки О.В. Морозовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 2.

Realization of the Right to Social Security in the Context of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Gadelshina L.I.
Russian New University (Moscow)

The article analyzes the problems of realization of the right to social security, identified by the results of the Russian Constitutional Court resolution of court cases on citizens' appeals about the violation of their constitutional rights over the past 2 years. It is concluded that in order to realize the citizens social rights, law enforcement agencies should adhere to the principle of legal certainty in legal regulation, the principle of justice and equality, the principle of unity of legal status in legal relations on mandatory pension insurance and when receiving social support measures, the subsidiary responsibility of the state in mandatory pension insurance, the principle of maintaining citizens' trust in the law and actions the state, the principle of social security, the principle of conformity of the right to social security restriction with constitutionally significant goals.

Key words: right to social security, principles of social security, constitutionality, social security, justice and equality, social support measures, social protection, unemployment

УДК 347.963

Концептуальные проблемы определения предмета прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан на современном этапе

Грачёва О.А.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Лиходаев Е.Г.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии

Статья посвящена приоритетному направлению деятельности органов прокуратуры РФ – надзору за соблюдением прав и свобод граждан на современном этапе. Надзорная деятельность российской прокуратуры в сфере соблюдения прав человека, прав и свобод граждан является приоритетным направлением для данной единой централизованной федеральной системы органов и предопределяется положениями ст. 2 Конституции РФ, которая провозгласила, что человек, его права и свободы считаются высшей ценностью. В связи с этим в Законе о прокуратуре надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выделен в отдельную самостоятельную отрасль надзорной деятельности органов прокуратуры, что является ярким подтверждением значительного усиления роли прокуратуры как правозащитного органа в правовом государстве. Авторами проанализированы нормы действующего законодательства в рамках реализации полномочий в данной отрасли надзора и сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, соблюдение прав, права человека, свободы человека

В Основном законе нашей страны – Конституции РФ – провозглашена основополагающая для современной России задача – «признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина» [1], в связи с чем права и свободы человека объявлены «высшей ценностью» [1] и занимают главенствующее место во всей иерархии ценностных ориентиров в нашем государстве.

В специальной литературе нередко указывается на то, что «права и свободы человека занимают особое место в структуре правового статуса личности, подлежат повышенному научно-практическому вниманию, осмыслению и защите» [2, с. 22]. Как справедливо отмечается в научной литературе, «обеспечение прав человека – обязанность всех ветвей государственной власти; если эта обязанность соблюдается, общество может быть охарактеризовано как стабильное и устойчивое, если государство пренебрегает ею, в обществе создается напряженность, образуется угроза его устойчивому развитию» [3, с. 205]. И с этим нельзя не согласиться, поскольку защита, признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина является обязанностью всех государственных органов, в том числе и органов российской прокуратуры.

В современной России законодатель определяет наиболее стратегические на сегодняшний день на-

правления деятельности органов прокуратуры в зависимости от принятия новых законов либо от той или иной политической, экономической ситуации в стране. Такое приоритетное направление органов прокуратуры, как надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, законодательно «отпочковалось» в самостоятельную сферу прокурорского надзора, что в июле 2020 г. еще раз было подчеркнуто на конституционном уровне. Данное нововведение демонстрирует центральную роль российской прокуратуры в защите прав и свобод человека и гражданина.

К тому же в специальной литературе отмечается, что среди иных функций органов прокуратуры особое внимание следует уделять правозащитной функции и ее потенциалу, реализации таких целей деятельности, как «обеспечение верховенства закона, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства» [4, с. 63–68].

По оценкам практикующих работников, данная отрасль надзора занимает до 2/3 объема всей работы органов прокуратуры. О значимости прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина говорит то, что «около 30 % жалоб, направляемых в Государственную Думу, депутаты передают для разрешения именно в прокуратуру» [5, с. 8–10].

Генеральный прокурор РФ, подводя итоги работы российской прокуратуры за первое полугодие 2023 г., в ходе заседания коллегии отметил, что за прошедшие полгода прокурорами пресечено около трех миллионов нарушений в сфере соблюдения прав и свобод граждан. К наиболее острым из них относятся связанные с обеспечением прав мобилизованных, военнослужащих и их семей. Об этом свидетельствуют более 86,5 тыс. поступивших от них в органы прокуратуры обращений.

Также на совещании отметили важность надзора в экологической сфере. В результате проведенных надзорных мероприятий выявлено свыше 190 тыс. нарушений, по материалам прокуроров возбуждено 964 уголовных дела.

Помимо этого, в прошедшем полугодии прокурорами было пресечено 625 тыс. нарушений в экономической сфере, в том числе в сфере исполнения законодательства о бюджете (84 тыс.), землепользовании (62 тыс.) и налогах (22 тыс.).

Поводя итоги совещания, Генеральный прокурор РФ отметил «важность и масштаб проведенной в течение прошедшего полугодия прокурорами работы по защите прав граждан, обеспечению интересов государства» [6].

В связи с этим четкое определение предмета данной отрасли надзора и его пределов будет способствовать повышению эффективности деятельности органов прокуратуры в данном направлении. Что касается предмета данной отрасли прокурорского надзора, то законодателем в ст. 26 Закона о прокуратуре определяется такой элемент предмета надзора, как «соблюдение прав и свобод человека и гражданина». В тоже время отражает ли данная формулировка цели и задач прокуратуры? В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых аспектах данной отрасли надзора.

Во-первых, об объеме защиты граждан. Как видится, законодатель использует устоявшуюся дефиницию «права и свободы», которая, как правило, подразумевает уровень вмешательства государства в деятельность, в данном случае, человека и гражданина. Так, представляется, что субъективное право подразумевает конкретные формы поведения субъекта, поощряемые законом в определенных случаях; юридическая свобода же подразумевает возможность субъектом выбора конкретной формы поведения, закон лишь устанавливает границы такого поведения, определяя формы поведения, которые государством не поощряются либо, более того, запрещаются. Таким образом, говоря о праве, следует руководствоваться правилом «можно все, что разрешено», а говоря о свободе – «можно все, что не запрещено»[1]. Однако это не охватывает все уровни возможного вмешательства (регулирования) в деятельность человека, так в рамках предмета судебной защиты в гражданском судопроизводстве выделяется охраняемый законом интерес, под которым принято понимать «социальную потребность, взятую законом под свою охрану не путем предоставления лицу субъективного права или юридической свободы, а путем предоставления возможности прибегнут к судебной защите в случае её ограничения». В данном случае государство ни каким образом не вмешивается (не регламентирует) в поведение человека, а наоборот, устанавливает запрет на такое вмешательство как со стороны самого государства, так и со стороны третьих лиц. При этом законодатель, говоря о полномочиях прокурора как в гражданском, так и административном судопроизводстве, ведет речь и о защите законных интересов граждан. В данной связи было бы целесообразно дополнить ст. 26 Закона о прокуратуре дефиницией «охраняемый законом интерес».

Во-вторых, рассуждая о формах деятельности поднадзорных органов и должностных лиц, стоит сказать, что используемый законодателем термин «соблюдение», несмотря на широкое его употребление, применительно к прокурорскому надзору является, как кажется, не совсем удачным. Соблюдение подразумевает под собой пассивную деятельность поднадзорных органов и должностных лиц, их не-

[1] Авторы понимают, что данная точка зрения не является устоявшейся в общей теории права и наверняка не разделяется многими учёными, но нам представляется, в целях настоящей работы она наиболее приемлема [См.: 7, с. 455–459].

вмешательство в поведения граждан. Но если речь идет об охраняемом законом интересе или юридической свободе, это еще применимо к данным категориям, то, говоря о субъективном праве, этого явно недостаточно. Соблюдение возможно лишь применительно к категории негативных субъективных прав, когда их реализация как раз и подразумевает обязанность государства и других людей воздерживаться от определенных действий по отношению к человеку. А вот реализация позитивных прав, напротив, связана с обязанностью государства, определенного круга лиц и организаций предоставить гражданину те или иные блага, осуществлять определенные действия.

По всей видимости, осознавая ограниченность термина «соблюдение прав и свобод», законодатель наряду с ним использует – «защита прав и свобод», так, согласно ст. 45 Конституции РФ, «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется». Аналогичные термины используются в гражданском и гражданском процессуальном законодательстве. Уголовно-процессуальное законодательство использует термин «охрана прав и свобод» (ст. 11 УПК РФ). В теории права нет единой точки зрения на соотношения этих понятий [8, с. 123–125], так, согласно точке зрения Н.И. Матузова, «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [9, с. 130]. Не вдаваясь в спор о понятиях, представляется, что использование терминов «охрана» и «защита» также является недостаточной, так как за их рамками явно остаются вопросы восстановления прав и свобод.

Как видится, необходимо использовать термин «обеспечение прав и свобод» как включающий в себя в качестве отдельных элементов и соблюдение, и охрану, и защиту прав, а также еще реализацию и восстановление прав, наличие соответствующих правовых норм и правоприменительных актов [10, с. 101–109].

Таким образом, представляется возможным внести соответствующие изменения в п. 1 ст. 26 Закона о прокуратуре, изложив его в редакции: «Предметом надзора является обеспечение прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина…», что будет в полной мере отвечать цели и задачам органов российской прокуратуры.

10 Литература:

1. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. – 2020 – № 11. – Ст. 1416.
2. Бекишиева С.Р. Конституционные основы развития правовых систем субъектов Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – № 4. – С. 22–25.
3. Ахмедов Р.А. Роль прокуратуры РФ в защите прав и свобод человека и гражданина в современных условиях // Новая наука: от идеи к результату. – 2017. – № 2. – С. 204–207.
4. Печников Н.П. Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях: конспект лекций. – URL: https://literaturnoe-chtenie.net/541-problemy-teorii-i-praktiki-prokurorskogo-nadzora-v-sovremennyh-uslovijah-konspekt-lekcij-pechnikov-np.html
5. Синельщиков Ю.П. Пределы прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Деятельность прокуратуры РФ по защите прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства (Сухаревские чтения): сб. материалов V всерос. науч.-практ. конф. (М., 11 окт. 2019 г.). – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020. – С. 8–10.
6. Генпрокуратура РФ подвела итоги первой половины 2023 года. – URL: https://www.5-tv.ru/news/442602/genprokuratura-rfpodvela-itogi-pervoj-poloviny-2023-goda/ (дата обращения: 01.11.2023).
7. Клименко Ю.Г. Свобода как правовая категория: к вопросу о многообразии понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 4. – С. 455–459.
8. Смирнов А.П. Соотношение понятий «Охрана прав» и «Защита прав» // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 331. – С. 123–125.
9. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – 293 с.
10. Гончаров С.Г. К вопросу обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теоретический и проблемный аспекты // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 101–109.

Conceptual Problems of Determining the Subject of Prosecutorial Supervision Over the Observance of Citizens' Rights and Freedoms at the Present Stage

Gracheva O.A., Likhodaev E.G.
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the priority area of activity of the Prosecutor's office of the Russian Federation – supervision of the observance of the rights and freedoms of citizens at the present stage. The supervisory activity of the Russian Prosecutor's Office in the field of respect for human rights, rights and freedoms of citizens is a priority for this unified centralized federal system of bodies and is predetermined by the provisions of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation, which proclaimed that a person, his rights and freedoms are considered the highest value. In this regard, in the Law on the Prosecutor's Office, supervision of the observance of human and civil rights and freedoms is allocated to a separate independent branch of the supervisory activities of the prosecutor's office, which is a clear confirmation of the significant strengthening of the role of the prosecutor's office as a human rights body in a State governed by the rule of law. The authors analyzed the norms of the current legislation in the framework of the exercise of powers in this field of supervision and made proposals to improve the current legislation in this area.

Key words: prosecutor's office, prosecutor's supervision, observance of rights, human rights, human freedoms

УДК 343.148

Необходимость истины в заключение эксперта в уголовном судопроизводстве России

Жумаканова Н.А.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В статье на примере конкретных уголовных дел исследуется и анализируется проблема истины в заключении эксперта как источника доказательств по уголовному делу. Рассматриваются различные трактовки оценки доказательств в уголовном процессе. Предпринимается попытка определить понятие «процессуальная истина», обосновывается значимость истины в заключении эксперта.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, эксперт, заключение эксперта, истина

Уголовно-процессуальным кодексом РФ в ст. 74 среди прочих доказательств по уголовному делу указываются заключение и показания эксперта.

По мнению некоторых авторов, в процессе расследования по уголовному делу одной из важных и доступных форм реализации научно-технического потенциала в процессе раскрытия и расследования преступлений, а также судебного разбирательства остаются заключения и показания эксперта, которые при использовании достижений науки и техники обеспечивают создание объективной доказательственной базы по расследуемым уголовным делам [1, с. 60].

Другие отмечают, что «участие эксперта в уголовном судопроизводстве существенно расширяет возможности правоприменителей по собиранию, проверке и оценке доказательств, законному, обоснованному и справедливому разрешению уголовных дел» [2, с. 3].

Имеют место суждения, что «в некоторых случаях при расследовании уголовного дела заключение эксперта может являться единственным доказательством, объясняющим механизм преступления с точки зрения науки, законов физики, механики и т.д., которое к тому же может не только не совпадать с показаниями обвиняемого, но и не подкрепляться показаниями свидетелей» [3].

Указывая на разнообразие точек зрения относительно заключения и показания эксперта, справедливо отметим, что от вывода эксперта зависит и первоначальная квалификация преступления, а от правильности отнесения преступления к категории тяжести – и избранная судом мера пресечения и наказания.

На практике стали нередки случаи, когда выводы эксперта имеют «нелепые» утверждения и, таким образом, приводят к заведомо неправомерным заключениям и показаниям.

Так, в 2017 г. в Подмосковье Ольга Алисова на своей автомашине сбила во дворе многоэтажного дома шестилетнего Алешу Шимко. В рамках расследуемого дела судебно-медицинским экспертом К. в крови погибшего ребенка обнаружено 2,7 промилле алкоголя – доза, которую наркологи называют смертельной для ребенка его возраста. В свою очередь, законные представители категорически отрицали факт употребления ребенком алкоголя, что потребовало проведения повторных экспертиз. В дальнейшем была установлена вина судебного эксперта, в отношении которого было принято решение о возбуждении уголовного дела, поскольку результаты комплексной экспертизы подтвердили, что эксперт К. нарушил положения действующих нормативных актов в сфере производства судебно-медицинских экспертиз и его первоначальный вывод о состоянии ребенка в момент дорожно-транспортного происшествия являлся необоснованным. Судмедэксперт К. был признан виновным по ст. 293 УК РФ «Халатность». Ему было назначено наказание десять месяцев исправительных работ [4].

Схожее дело произошло в июле 2019 г. в поселке Буйском Уржумского района: действующий сотрудник полиции С. Меньшиков, управляя своим автомобилем, сбил на проселочной дороге шестилетнего Ваню Суворова. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта Н., в крови ребенка было обнаружено 0,51 промилле. Родители ребенка возмутились результатами экспертизы. Дело приобрело большой общественный резонанс, и в октябре этого же года дело взял на личный контроль Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин. В конце октября 2019 г. у кировских следователей забрали дело и передали в Главное следственное управление СКР «для дальнейшего объективного и всестороннего расследования». Буквально через несколько дней судмедэксперт признал на допросе нарушения со своей стороны, которые он допустил в ходе экспертизы. В отношении Н. было возбуждено уголовное дело о халатности (ст. 293 УК РФ). 11 мая 2021 г. Кировский областной суд утвердил приговор эксперту Н. в виде шести месяцев исправительных работ с удержанием 5 % от зарплаты в доход государства [5].

По общему правилу, установленному в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности.

В литературе имеют место различные характеристики и обоснования оценки доказательств в уголовном процессе.

Так, Р.С. Белкин определяет допустимость доказательства как «его законность, правомерность его использования для установления истины» [6, с. 72].

Касательно относимости В.С. Балакшин указывает, что «это совокупность предусмотренных законом признаков, характеризующих сведения о фактах как элемент доказательства с точки зрения, соответственно, наличия временной, пространственной и причинно-следственной связи с обстоятельствами, имеющими значение для дела» [7, с. 205].

В.В. Соловьев, Н.А. Громов, В.В. Николайченко полагают, что «достоверность есть развернутая, доказанная, не вызывающая сомнений и потому не требующая дальнейшего обоснования истина» [8, с. 14].

Н.А. Громов и С.А. Зайцева, принимая это высказывание, констатируют, что «понятие достоверности включает в себя как истинность знания (его соответствие объективной действительности), так и обоснование этой истинности, адресованное соответствующему субъекту. Причем субъект этой информации специальный (следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд)» [9, с. 88].

Таким образом, анализируя высказанное, делаем заключение, что существует процессуальная истина, которая в виде доказательств, не вызывающих возражений, может и должна быть положена в основу итогового решения по делу. Недопустимо истине быть формальной, но заведомо достоверной, действительной и необходимой.

Принимая во внимание уголовные дела, рассматриваемые выше, полагаем: хотя закон и устанавливает, что заключение эксперта – это всего лишь одно из доказательств, не имеющее заранее установленной силы, явственно то, что и следователи, и суды, порой полностью полагаются на экспертное мнение без какой-либо проверки. Хотя, справедливости ради, отметим, что в первом нашем примере вина эксперта была доказана результатами комплексной экспертизы, а во втором случае принятие дела под личный контроль главы Следственного комитета РФ привело к назначению наказания эксперту.

Однако непрофессиональные действия судебных экспертов причинили родителям погибших детей сильнейшие душевные переживания, поскольку они (родители) должны были оправдываться и доказывать факт надлежащего воспитания, исключая и саму возможность употребления алкоголя их детьми.

Обратим внимание на следующее обстоятельство: в силу ч. 5 ст. 57 УПК РФ эксперт за дачу заведомо ложного заключения несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ. Как указывает Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении [10], заведомо ложное заключение или показание эксперта заключаются, в частности, в таких умышленных действиях, как неправильное отражение экспертом результатов проведенного исследования.

В рассматриваемых нами судебных делах оба эксперта были привлечены к исправительным работам по ст. 293 УК РФ (халатность), т.к. в обосновании своих нарушений признали ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, выразившееся в отступлении от норм действующего законодательства в сфере производства судебных экспертиз, что и привело к соответствующим выводам. Из чего можно заключить, что в деяниях экспертов не были установлены умышленные действия, приведшие к неверному заключению.

Отметим, что и ч. 1 ст. 293 УК РФ, и ч. 1 ст. 307 УК РФ не предусматривают наказание в виде лишения свободы и являются, относительно характера и степени общественной опасности, преступлениями небольшой тяжести.

Полагаем, что законодателю следует пересмотреть меру наказания по этим преступлениям, тогда, возможно, и не будет абсурдных экспертных заключений, в которых фигурируют «пьяные» шестилетние дети, что абсолютно не соответствует разумности и здравому смыслу.

В силу этого полагаем, что истина в заключении эксперта имеет принципиально важное значение и, на наш взгляд, должна отражать существующую реальность, исключающую влияние конкретного человека на содержание выводов по обстоятельствам, представленным на экспертизу.

Литература:

1. Кокин А.В. Заключение эксперта по судебно-баллистическим экспертизам в системе доказательств по уголовным делам // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 2-2. – С. 60–67.
2. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2013. – 57 с.
3. Иванова Т.В., Карпинский В.В. Ситуационный подход при оценке заключения эксперта // Современное состояние и развитие новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом: Материалы межд. науч.-практ. конф. – Калининград, 2003. – С. 166–170.
4. Королева Е. Дело «пьяного мальчика»: сколько дали эксперту // Газета.ru. – 2019. – 21 мая. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2019/05/21/12367207.shtml
5. Бывшего полицейского наказали за гибель ребенка // «Коммерсантъ». – 2021. – 17 мая. – URL: https://www.kommersant.ru/gallery/4816283
6. Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
7. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. – Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. – 294 с.
8. Соловьев В.В., Громов Н.А., Николайченко В.В. Доказывание, доказательства и их источники в уголовном процессе. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. – 120 с.
9. Громов Н.А., Зайцева С.А.. Оценка доказательств в уголовном процессе. – М.: Изд-во Приор, 2002. – 128 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 9.

The Necessity of Truth in Expert Opinions in Criminal Proceedings in Russia

Zhumakanova N.A.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg)

In the article, using the example of specific criminal cases, the problem of truth in an expert's opinion as a source of evidence in a criminal case is explored and analyzed. Various interpretations of the assessment of evidence in criminal proceedings are considered. An attempt is made to define the concept of "procedural truth", and the significance of truth in the expert's conclusion is substantiated.

Key words: criminal proceedings, criminal process, expert, expert opinion, truth

УДК 343.1

О некоторых функциях в уголовно-процессуальном обжаловании России

Ибрагимова А.М.
Старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования уголовно-процессуального законодательства об обжаловании в связи с изменением статуса Российской Федерации на международной арене, изменением ее конституционных основ в связи с поправками в Конституцию РФ, одобренными на всеобщем голосовании 1 июля 2020 г. В статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуального обжалования отдельными должностными лицами действий (бездействия) и решений иных должностных лиц. Результатом исследования автора является вывод, согласно которому в основе полномочий должностных лиц по обжалованию лежит реализуемая ими в уголовном судопроизводстве функция, определяющая и функции обжалования в целом. На основе сделанных выводов и разработанных способов преодоления негативных тенденций в правоприменительной практике предлагается внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: жалоба, должностные лица, уголовное судопроизводство, следователь, прокурор, полномочия обжалования, функции обжалования

В юридической науке давно идут дискуссии относительно уголовно-процессуального обжалования, его субъектов, под которыми следует понимать как лиц, подающих жалобу, так и лиц, ее рассматривающих и разрешающих.

Положения гл. 16 УПК РФ содержат общие правила уголовно-процессуального обжалования.

В то же время наличие в УПК РФ специальных норм, посвященных обжалованию отдельных видов действий или решений должностными лицами, может стать поводом для вывода о наличии противоречий в нормах об уголовно-процессуальном обжаловании.

Например, согласно п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователю предоставляется возможность обжаловать с согласия руководителя следственного органа решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

В этой связи возникает закономерный вопрос: обладает ли следователь либо другое должностное лицо полномочием обжаловать те действия (бездействие) и решения других должностных лиц, которые прямо не прописаны в уголовно-процессуальном законе, руководствуясь положениями ст. 123 УПК РФ.

Некоторые авторы утверждают, что уголовно-процессуальное обжалование свойственно только лицам, защищающим частные интересы и не обладающим должностными полномочиями [1, с. 42]. Однако такой подход в большей мере соответствует закрепленному в УПК РСФСР 1960 г. праву обжалования, присущему только заинтересованным участникам процесса: гражданам, предприятиям и организациям, и не принадлежавшему должностным лицам [2, ст. 22].

По мнению О.А. Максимова, право обжалования является неотъемлемым элементом правового статуса участника уголовного судопроизводства и в усло-

виях «внестатусности» существовать не может, так как создает сложности в определении пределов права обжалования этих лиц [3, с. 247]. Если следовать такому подходу, то мы приходим к выводу о том, что отсутствие четкого законодательного закрепления полномочий и прав обжалования у неоговоренных в УПК РФ участников (следователь-криминалист, иное лицо) вообще исключает всякую возможность для этого.

С этим сложно согласиться ввиду того, что даже наличие законодательного закрепления права обжалования отдельных участников уголовного судопроизводства не вносит полную ясность в исследуемый вопрос.

Например, наличие в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ условия получения следователем согласия руководителя для обжалования решений прокурора порождает сомнение в его самостоятельности. Некоторыми авторами наличие широких функций руководителя следственного органа по отношению к следователю расценивается как ограничение самостоятельности у следователя в части уголовно-процессуального обжалования [4, с. 16].

По нашему мнению, п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ не должен трактоваться как абсолютное ограничение полномочий следователя по обжалованию действий (бездействия) и решений других должностных лиц. Такой подход, по нашему мнению, лишь свидетельствует о важности разрешаемых вопросов и необходимости привлечения к ним внимания широкого круга должностных лиц в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, обеспечения объективности в их разрешении. Однако в правоприменительной практике существует, по нашему мнению, негативная тенденция, заключающаяся в распространении п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ на иные правоотношения в части обжалования следователем действий (бездействия) и решений должностных лиц.

Например, существующая прокурорско-следственная практика допускает возможность обжалования следователем действий (бездействия) и решений прокурора и в том случае, если это прямо не предусмотрено в законе, в частности, в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, но с согласия руководителя, хотя с этим сложно согласиться. Очень ярко такой подход демонстрируют споры о подследственности, когда руководители следственных органов обжалуют постановления прокурора об изъятии у них либо передаче им уголовных дел при том, что данный вид решения не предусмотрен п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. Именно поэтому мы соглашаемся с представителями научного сообщества, предлагающими усиление роли следователя [5, с. 183] и ограничение полномочий его руководителя [4, с. 33–34] в части распространения требования о необходимости получения его согласия на обжалование тех действий (бездействия) и решений, которые не предусмотрены п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

В некоторой степени подтверждением такому подходу служит и п. 6 части 2 ст. 38 УПК РФ, согласно которому следователь уполномочен осуществлять и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, который, на наш взгляд, нуждается в совершенствовании. Как и аналогичные пункты иных статей УПК РФ, посвященные полномочиям должностных лиц в уголовном судопроизводстве.

Стоит отметить, что обжалование следователем решений прокурора связано с реализацией им функции уголовного преследования, так как во всех случаях речь идет о принятых решениях и действиях в рамках уголовного дела либо материала проверки.

В научной среде рассматриваемый вопрос в настоящее время исследуется с позиции разграничения функции уголовного преследования следователя и аналогичной функции прокурора в свете наделения его таковой на конституционном уровне [6, ст. 129].

Так, К.И. Амирбеков указывает на два возможных пути реализации конституционных полномочий прокурора по уголовному преследованию: наделение его статусом «главы» конституционной (базовой) функции по уголовному преследованию с закреплением за органами предварительного расследованию только функций «досудебного производства по уголовному делу», «расследования преступления, уголовного дела» либо наделение его самостоятельной функцией уголовного преследования не только на стадии утверждения обвинения, но и его осуществлении на протяжении всего периода досудебного производства с сохранением такой функции и у органов предварительного расследования [7, с. 82, 84].

На наш взгляд, наиболее оптимальным представляется второй вариант, отвечающий современным реалиям, так как наделение прокурора статусом «главы» уголовного преследования (1) увеличит в разы и без того ежедневно увеличивающуюся нагрузку на органы прокуратуры, а также (2) снизит эффективность ее функции по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. При исчезновении функции уголовного преследования у последних прокуратуре попросту не за кем будет осуществлять этот надзор, так как сложно представить реализацию такой функции внутри системы как по объективным, так и по субъективным причинам. Тем самым появление одной функции приведет к исчезновению другой, не менее важной в обеспечении авторитета российской прокуратуры.

При сохранении функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования необходимо обязательное разграничение функции уголовного преследования между

прокурором и следователем, потребуется также и четкое законодательное закрепление полномочий следователя и прокурора по обжалованию действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве. Так как даже имеющееся положение дел, наделяющее прокурора функцией уголовного преследования лишь со стадии утверждения обвинительного заключения, порождает споры в научных кругах и неоднозначность в судебной практике.

Так, ч. 4 ст. 108 УПК РФ содержит правило, согласно которому постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу подлежит рассмотрению с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника. Некоторые авторы считают, что обязательность участия прокурора в этом случае порождает обязательность для суда мнения прокурора как представителя стороны обвинения, наделенного функцией уголовного преследования, и необходимость отведения роли автора процессуального документа органу предварительного расследования [7, с. 86].

Однако наличие хоть и незначительного, но ежегодно стабильного количества удовлетворенных судами ходатайств, не поддержанных прокурорами [примерно 0,1–0,2 % [8] из общего числа ежегодно удовлетворяемых (в 2017 г. – 113 240 ходатайств, в 2018 г. – 102 165 ходатайств, в 2019 г. – 94 633 ходатайств, в 2020 г. – 84 917 ходатайств, в 2021 г. – 87 905 ходатайств, в 2022 г. – 87 687 ходатайств)][1], дает основание усомниться в том, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу прокурор осуществляет функцию уголовного преследования.

По нашему мнению, такая форма участия прокурора в рассмотрении ходатайства органа предварительного расследования является формой осуществления надзора за процессуальной деятельностью последних. Только после утверждения обвинительного заключения, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, а именно п. 81 ст. 109 УПК РФ, прокурор может самостоятельно обращаться с ходатайством о продлении срока содержания под стражей. А функция уголовного преследования на досудебной стадии может быть реализована в ходатайстве прокурора об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по возбужденным им уголовным делам и расследуемым преступлениям.

Вместе с тем в юридической литературе также указывается на объективную необходимость подкрепления возможности обжаловать постановления суда по ходатайствам о мере пресечения за участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляющими уголовное преследование [9, с. 29–32]. То есть такая потребность имеется в складывающихся отношениях и нуждается в поддержке со стороны юридической техники, которая, по мнению некоторых авторов, и является способом перевода социальных потребностей в юридическую плоскость [10, с. 221].

В связи с этим целесообразно разграничивать (1) функцию уголовного преследования органов предварительного расследования в ходе досудебного производства по делу, (2) функцию прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, (3) функцию прокурора по уголовному преследованию в ходе судебного производства по уголовному делу, а также наделение прокурора (4) функцией по уголовному преследованию в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Указанный довод служит подтверждением необходимости признания и закрепления в законе возможности должностных лиц обжаловать действия (бездействие) и решения других должностных лиц в тех случаях, когда это связано с необходимостью реализации возложенной на них функции в рамках уголовного судопроизводства.

На необходимость признания значения реализуемой должностными лицами функции в уголовном судопроизводстве указывают и мнения других авторов, существующие в юридической литературе. В частности, предлагается закрепить право прокурора на обращение к председателю суда, в производстве которого находится уголовное дело, с заявлением о принятии мер к ускорению рассмотрения и разрешения уголовного дела [11]. Ч. 5 ст. 6.1 УПК РФ наделяет таким правом всех заинтересованных лиц. Однако судебная практика свидетельствует о том, что существуют проблемы в определении круга лиц, подпадающих под эту категорию.

В частности, оставлено без удовлетворения кассационное представление прокурора на постановление председателя суда, которым отказано в ускорении рассмотрения уголовного дела, находящемуся на рассмотрении к моменту подачи заявления 1 год 8 месяцев, ввиду неотнесения государственного обвинителя к числу заинтересованных лиц по уголовному делу [12]. Тогда как защита прав участников уголовного судопроизводства, в том числе потерпевших на восстановление любых нарушенных прав, должна носить комплексный характер [13, с. 112].

По другому уголовному делу аналогичное заявление прокурора удовлетворено председателем суда [14].

Несмотря на указанную противоречивость судебной практики, мы разделяем мнение авторов, поддерживающих правозащитную роль прокурора в уголовном судопроизводстве, которой обуславливается его процессуальная заинтересованность в исходе дела, вытекающая из ее предназначения как надзорного органа [11; 15, с. 36]. Тем самым под-

[1] Показатели судебной статистики в РФ / https://sudstat.ru/

тверждается, что при определении объема полномочий необходимо руководствоваться осуществляемой функцией должностного лица.

По нашему мнению, именно осуществляемая тем или иным должностным лицом функция в уголовном судопроизводстве служит основным критерием и при решении вопроса о наличии или отсутствии полномочия по уголовно-процессуальному обжалованию у этих должностных лиц, а также определяет и функцию уголовно-процессуального обжалования в целом.

По этой причине во избежание двоякого толкования уголовно-процессуальных норм и формирования противоречивой правоприменительной практики предлагаем внести в п. 6 ч. 2 ст. 38 УПК РФ изменения, дополнив после слов «иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, включая предусмотренные ст. 123 УПК РФ». Изменения аналогичного содержания предлагается внести и в нормы, определяющие правовой статус отдельных субъектов уголовного судопроизводства, – в п. 16 ст. 37 УПК РФ, в п. 12 ст. 39 УПК РФ, в п. 11 ст. 40.2, в п. 2 ст. 41 УПК РФ.

Литература:

1. Артамонов А.Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса: дисс. … канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – 215 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
3. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дисс. … докт. юрид. наук. – Ульяновск, 2022. – 595 с.
4. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: автореф. дисс. …докт. юрид. наук. – Краснодар, 2023. – 45 с.
5. Трусов К.Ю. О расширении полномочий следователя по обжалованию решений прокурора // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 1(3). – С. 182–184.
6. Конституция Российской Федерации (с изм. одобренными на всеобщем голосовании 01.0.2020 г.) // СПС КонсультантПлюс.
7. Амирбеков К.И. Проблема конституционности полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве // Актуальные вопросы деятельности прокуратуры Российской Федерации: Сб. материалов круглого стола и научного диспута, проведенных в 2019 году в рамках работы научного объединения «Прокурорская деятельность», Москва, 25–30 мая 2020 г. / Под общ. ред. Н.В. Субановой, сост. И.А. Васькина, Н.А. Кулакова. Вып. 2. – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2021. – С. 77–88.
8. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 год: информ.-аналит. записка. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. 2020. – 468 с.
9. Черемисина Т.В. Взаимодействие следователя и суда при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. – 2018. – № 2. – С. 29–32.
10. Талан М.В. Виды уголовно-правовых систем // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, № 5. – С. 220–228.
11. Некенова С.Б., Цебекова В.Г. К вопросу об особенностях рассмотрения председателем суда заявления об ускорении рассмотрения уголовного дела // СПС КонсультантПлюс.
12. Кассационное определение Сахалинского областного суда от 9 ноября 2011 г. Дело № 22-2147. – URL: http://actoscope.com/dvfo/sahalinobl/oblsud-sah/ug/3/po-kassacionnomu-predstavleniy16122011-3651707.
13. Епихин А.Ю. Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. – 2014. – № 6. – С. 110–113.
14. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2022 г. № ДК22-23 // СПС КонсультантПлюс.
15. Гаврилов М.А., Мингалимова М.Ф. О роли прокурора при рассмотрении уголовных дел судом // Вестник Университета прокуратуры РФ. – 2023. – № 1(93). – С. 32–39.

About Some Functions in the Criminal Procedure Appeal of Russia

Ibragimova A.M.
Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The relevance of the topic is due to the need to improve the criminal procedure legislation on appeal in connection with the change in the status of the Russian Federation in the international arena, the change in its constitutional foundations in connection with the amendments to the Constitution of the Russian Federation approved by universal vote on July 1, 2020. The article deals with the issues of criminal procedural appeal by individual officials of actions (inaction) and decisions of other officials. The result of the author's research is the conclusion that the basis of the powers of officials to appeal is the function implemented by them in criminal proceedings, which determines the functions of appeal in general. Based on the conclusions drawn and the ways developed to overcome negative trends in law enforcement practice, it is proposed to amend the criminal procedure legislation.

Key words: complaint, officials, criminal proceedings, investigator, prosecutor, powers of appeal, functions of appeal

УДК 343.985.7

Особенности проверки и оценки показаний малолетних потерпевших при расследовании посягательств на половую неприкосновенность

Иванов А.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета

Задачи статьи заключаются в анализе показаний малолетних лиц, являющихся потерпевшими по уголовным делам о посягательствах против половой неприкосновенности личности. В статье анализируются особенности проверки и оценки показаний, данных малолетними потерпевшими в процессе предварительного расследования, приводятся практические примеры судебно-следственной практики по уголовным делам. Рассматриваются основные способы проверки показаний малолетних потерпевших.

Ключевые слова: преступление против половой неприкосновенности, малолетняя потерпевшая, допрос потерпевшей, проверка и оценка показаний

Половые преступления, совершаемые в отношении малолетних лиц, представляют не только повышенную общественную опасность (совершенное деяние способно травмировать психику потерпевшего на всю оставшуюся жизнь), но и особую сложность в процессе производства предварительного расследования. Подобные уголовные посягательства характеризуются высокой латентностью: потерпевшие могут многократно подвергаться насилию на протяжении длительного периода времени, никому не сообщая о произошедшем. Посягательство, как правило, совершается в ситуации «один на один», без свидетелей, что затрудняет сбор обличающих виновного доказательств. Если преступник не причиняет потерпевшим какие-либо телесные повреждения, а ограничивается «прикосновениями» и тому подобными действиями, производство судебной экспертизы, как правило, не дает положительных результатов. В подобных ситуациях основным доказательством вины преступника будут являться показания самих потерпевших. Допрос детей является сложным следственным действием, требующим специальных познаний в области детской психологии и особого такта. Последнее чрезвычайно важно при расследовании половых посягательств, требующих вторжения в интимную сферу человеческой жизни. Международное законодательство предусматривает специальные гарантии в этой области. Так, «Пекинские правила» 1985 г. гласят: «Право несовершеннолетнего на конфиденциальность должно уважаться на всех этапах, чтобы избежать причинения ему вреда из-за ненужной гласности или из-за ущерба репутации» [1, правило 8]. Поэтому получение от потерпевшего объективных показаний является одной из основных задач расследования посягательств на половую неприкосновенность личности.

К показаниям потерпевших при расследовании любого уголовного дела следует относиться с известной долей скепсиса. Во-первых, потерпевший всегда является лицом, заинтересованным в исходе дела. Во-вторых, он может скрывать собственное противоправное или аморальное поведение, предшествовавшее совершенному преступлению. В-третьих, его могут запугать, уговорить или подкупить другие участники процесса (или их близкие). В-четвертых, потерпевший способен добросовестно заблуждаться в оценке произошедшего в силу пережитого страха, скоротечности имевших место событий, дефектов органов чувств, состояния опьянения, болезни или других обстоятельств. Фактором, влияющим на объективность восприятия потерпевшим совершенного преступления, являются также пере-

житые им негативные эмоции, снижающие точность восприятия произошедшего. Известное выражение «лжет как очевидец» неоднократно подтверждалось судебно-следственной практикой, при этом лицо, дающее ложные показания, совершенно искренне было уверено в их правдивости. В качестве весьма наглядного примера подобного феномена можно привести допросы пассажиров, переживших катастрофу легендарного океанского лайнера «Титаник», столкнувшегося с айсергом и затонувшего в апреле 1912 г. Так, один из пассажиров утверждал, что после гибели корабля ему удалось «взобраться на льдину», с которой его якобы сняла спасательная команда. Другая пассажирка рассказала, что она еще за час до катастрофы увидела приближающийся айсберг и безуспешно пыталась предупредить о грозящей опасности пассажиров и команду судна. Третий пассажир показал, что сразу же после столкновения лайнера с айсбергом на судне началась паника, мужчины и женщины «дрались за место в шлюпках и офицерам пришлось на его глазах застрелить несколько человек» (на самом деле паника началась примерно через час после столкновения, когда стало ясно, что корабль обречен) и т.д. [2]. Несмотря на то что все эти показания являлись плодом фантазии очевидцев трагедии и пережитого ими страха, потерпевшие давали их совершенно искренне, так, как будто описанные ими фантастические события имели место в действительности.

При оценке объективности показаний малолетних потерпевших, кроме вышесказанного, следует учитывать возрастные особенности допрашиваемых лиц. Сведения, сообщаемые детьми, обуславливаются незначительным жизненным опытом; меньшим (по сравнению со взрослыми лицами) объемом знаний и навыков; повышенной внушаемостью; склонностью к фантазированию и смешиванию реального мира с выдуманным; эмоциональностью высказываний и совершаемых поступков. Малолетние лица могут придавать общеизвестным словам совершенно иное значение. Например, потерпевший Н. (пяти лет) в ходе допроса показал, что возможный организатор его похищения «был из матрицы». Впоследствии выяснилось, что преступник был наголо обрит, носил черный кожаный плащ и черные очки, напоминая внешним видом киногероя «Морфеуса» из фантастического фильма «Матрица» [3, с. 26]. Кроме того, следователь не должен исключать вероятность оговора заведомо невиновного лица, который может быть совершен по различным причинам. Во-первых, малолетняя потерпевшая способна неправильно истолковать имевшие место события и принять обыденные прикосновения (или тому подобные действия) за «сексуальное насилие». Во-вторых, родители или законные представители потерпевшей могут склонить ребенка к даче заведомо ложных показаний по каким-либо собственным причинам. Например, в Ростовской области расследовалось уголовное дело по обвинению отчима в совершении изнасилования собственной малолетней падчерицы. При этом выяснилось, что мать потерпевшей принуждала последнюю изменить показания в пользу обвиняемого, в том числе путем нанесения ей побоев. Отчим был признан виновным в изнасиловании, а в отношении матери возбудили уголовное дело по ч. 3 ст. 309 УК РФ (принуждение к даче показаний) [4]. Таким образом, показания малолетних потерпевших не следует безосновательно «принимать на веру» и оценивать критически, как и любое другое доказательство.

Рассмотрим основные способы проверки показаний малолетних потерпевших.

1. Производство повторных допросов. В ходе повторного допроса ранее допрошенное лицо может дать более полные и точные показания, вспомнить какие-либо ранее забытые обстоятельства. С другой стороны, если допрашиваемое лицо в ходе первоначального допроса сообщало ложные сведения, при повторном допросе оно может забыть ранее сказанное и придумать какие-либо новые «факты». Противоречия в показаниях разоблачат ложь допрошенного. Однако не следует злоупотреблять производством дополнительных допросов при расследовании половых посягательств в отношении малолетних. Поскольку неоднократное «возвращение» ребенка к пережитому может отрицательно сказаться на его психическом состоянии. Целесообразнее будет проведение однократного и подробного допроса, а повторного – только в случае необходимости (например, при обнаружении каких-либо новых обстоятельств).

2. Производство очной ставки. Очная ставка является сложным следственным действием с повышенным тактическим риском, поскольку представляет собой «процессуальное противоборство» двух лиц, занимающих разную позицию по уголовному делу. Проведение очной ставки с участием лица, не достигшего четырнадцати лет, должно производиться только в самом крайнем случае, если имеющиеся в уголовном деле противоречия невозможно устранить другим способом. Следователь должен учитывать возможность оказания психологического давления на малолетнее лицо со стороны взрослого «противника». В случае проведения очной ставки рекомендуется придерживаться следующих тактических правил. 1. С лицами, не достигшими 10-летнего возраста, данное следственное действие не проводится в любом случае, лица с 10 до 14 лет способны дать показания на очной ставке [5]. 2. Перед очной ставкой следователь должен провести с потерпевшим «психологическую подготовку», разъяснить цель следственного действия и убедить ребенка в том, что никакая опасность со стороны другого участника ему не грозит. 3. Обязательно участие

педагога или детского психолога. 4. Малолетняя потерпевшая в ходе очной ставки размещается таким образом, чтобы не видеть другое допрашиваемое лицо. Возможно разделение участников ширмой. 5. Потерпевшая дает показания первой. 6. Любые попытки угроз, шантажа или иного психологического давления на малолетнего со стороны какого-либо участника очной ставки должны немедленно пресекаться.

3. Проверка показаний на месте и следственный эксперимент. С помощью данных следственных действий можно будет убедиться в осведомленности потерпевших относительно событий произошедшего, проверить возможность совершения посягательства в конкретных условиях. Кроме того, потерпевшие, оказавшись на месте происшествия, могут вспомнить какие-либо обстоятельства, имеющие значение. Тактически грамотным будет являться присутствие при этом законного представителя малолетнего потерпевшего, если он не будет указывать ребенку направление движения и давать какие-либо подсказки. Следователь обязан следить за тем, чтобы потерпевшему была обеспечена свобода дачи показаний об исследуемых событиях и демонстрации определенных действий [6, с. 254].

4. Производство судебно-психологической экспертизы. Предметом означенной экспертизы является решение вопроса о том, способно ли подэкспертное лицо правильно воспринимать какие-либо факты, события, сохранить их в памяти и воспроизвести. Если показания, данные малолетней потерпевшей, не подтверждаются какими-либо другими доказательствами, назначение и производство судебно-психологической экспертизы обязательно. Экспертное заключение позволит установить, являются ли сведения, сообщенные на допросе, правдой или вымыслом. Приведем пример судебной практики. Расследовалось уголовное дело по факту гибели несовершеннолетней Х., выпавшей из окна общежития. Совершеннолетний Г. обвинялся в том, что он, заманив двух несовершеннолетних девушек в свою комнату, потребовал от них вступления с ним в половую связь. При этом Г. запер дверь в комнате, не давая им выйти. Находящаяся там Х. выпрыгнула из окна и погибла. На рассмотрение судебно-психологической экспертизы были поставлены следующие вопросы: «каковы индивидуальные психологические особенности личности потерпевшей; находилась ли она в период, предшествовавший ее смерти, в эмоционально напряженном состоянии, предрасполагавшем к самоубийству; если потерпевшая Х. находилась в период, предшествовавший ее смерти, в психическом состоянии, предрасполагавшем самоубийство, то чем оно могло быть вызвано. Согласно заключению экспертизы, потерпевшая не имела никаких предпосылок к самоубийству и могла решиться на подобный шаг только в экстремальной ситуации» [7, с. 527]. Обвиняемый был признан виновным и осужден.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: показания малолетних потерпевших должны проверяться всеми способами, дозволенными уголовно-процессуальным законодательством, и оцениваться в совокупности с другими полученными доказательствами.

Литература:

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Приняты 29.11.1985 г. Резолюцией ООН 40\33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/documents/2390000/0/pekinskie-pravila.pdf/468f5516-6128-a70c-d259-b39f7fed7be3?t=1578991754359 (дата обращения: 03.11.2023).
2. Губачек М. «Титаник». – URL: https://royallib.com/book/gubachek_milosh/titanik.html (дата обращения: 06.11.2023).
3. Скичко О. Проблемы протоколирования показаний несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. – 2011. – № 1. – С. 24–27.
4. В Ростовской области насильник малолетней падчерицы получил 14 лет строгого режима. – URL: https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/v-rostovskoy-oblasti-nasilnik-maloletney-padchericy-poluchil-14-let-strogogo-rezhima.
5. Очная ставка с участием малолетних – за и против. – URL: https://euroasia-science.ru/yuridicheskie-nauki/очная-ставка-с-участием-малолетних-–/ (дата обращения: 08.11.2023).
6. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 143 с.
7. Китаева В.Н. Расследование покушения на изнасилование // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2019. – Вып. 10, Т. 3. – С. 520–532.

Features of Checking and Evaluating the Testimony of Juvenile Victims in the Investigation of Sexual Assault

Ivanov A.V.
Kazan Branch of the Russian State University of Justice

The article are to analyze the testimony of minors who are victims in criminal cases of assault against a person's sexual integrity. The article analyzes the features of verification and evaluation of testimony given by minor victims during the preliminary investigation, and provides practical examples of forensic investigative practice. The main ways to verify the testimony of minor victims are considered.

Key words: crime against sexual integrity, minor victim, interrogation of the victim, verification and evaluation of evidence

УДК 347.67

Некоторые спорные вопросы признания завещания недействительным

Исаев И.Д.
Студент Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Романов И.А.
Студент Института прокуратуры
Саратовской государственной юридической академии

Статья содержит анализ действующих положений об оспаривании завещания. Проанализирован ряд проблем, затрагивающих сроки исковой давности, нарушения права на свободу завещания и необходимости усиления правовой защиты прав завещателя, предложены варианты внесения изменений в законодательство для разрешения выявленных пробелов.

Ключевые слова: наследственные правоотношения, наследство, завещание, оспаривание завещания, недействительность завещания, срок исковой давности

Наследственные правоотношения образуют одну из важнейших подотраслей гражданского права. Они связывают правопреемственность субъектов гражданского права как владельцев прав на частную собственность, дают возможность передать определенные блага следующему поколению.

Свою волю завещатель в настоящее время может выразить двумя способами: заключив наследственный договор, что встречается пока что крайне редко, и «по старинке» – путем совершения специальной сделки – завещания, которой посвящена гл. 62 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Подобная сделка содержит выражение воли завещателя по поводу распоряжения своим имуществом, по сути, определяя его судьбу. Между тем законодательное регулирование завещания имеет большое практическое значение для укрепления экономического оборота.

Однако в юридической науке сформировалось и понятие «порока воли». Такой термин обозначает отклонение от действительной воли завещателя, несовместимость между его волеизъявлением и формально закрепленным в документе выражением воли. Как и любой вид сделки, завещание может содержать в себе порок воли наследодателя, соответственно, к ней применимы правила пар. 2 гл. 9 ГК РФ о недействительности сделок [2, с. 43]. Так, в п. 1 ст. 177 Гражданского кодекса Российской Федерации выражен пример порока воли: в случае, если гражданин при совершении завещания не мог понимать значения своих действий и руководить ими, сделка может быть оспорена.

Правовым последствиям посмертной воли завещателя можно противостоять путем оспаривания, то есть заинтересованное лицо (как правило, несостоявшийся наследник) обращается в суд в силу п. 1 ст. 177 ГК РФ [3, с. 73]. Судебная практика уже достаточно давно признает возможность оспаривания сделок наследниками [4].

В ряде зарубежных стран так же существует институт оспаривания завещаний. Так, Французский гражданский кодекс (далее – ФГК) содержит положения о недействительности завещания. Так, ст. 970 ФГК гласит: «Завещание в простой письменной форме является недействительным, если оно не написано в полном объеме, не датировано и не подписано

завещателем собственноручно». Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) относит положение о недействительности завещаний к общим нормам о недействительности сделок. При этом еще и прямо предусматривает основания для оспаривания завещания в параграфе 2078, в котором закреплено право на оспаривание в случае, если присутствовало: 1) заблуждение наследодателя относительно содержания своего волеизъявления или отсутствие намерения делать волеизъявление такого содержания; 2) заблуждение наследодателя относительно мотивов составления завещания – ошибочное предположение или ожидание наступления или не наступления определенного обстоятельства. Важно заметить, что ГГУ отличается тем, что предусматривает вариант признания завещания недействительным до смерти завещателя. Это возможно в ситуации, когда имущество было завещано супругу, однако позднее брак был расторгнут.

Отечественный институт оспаривания завещаний содержит некоторые проблемы. Одной из них является предусмотренный законом срок исковой давности для оспаривания.

Согласно ст. 1131 ГК РФ, оспаривание завещания до открытия наследства не допускается, Е.А. Останина объясняет это отсутствием объекта правовой защиты [5, с. 17]. Однако из-за подобного механизма оспаривания у заинтересованного лица возникают проблемы защиты своего права, выраженные в недостаточном количестве времени, которое необходимо для формирования качественных доказательств обоснования своей позиции.

Так, согласно п. 2 ст. 181 ГК РФ, срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Суд отказывает в принятии искового заявления о признании завещания недействительным, предъявленного в суд до открытия наследства, а если заявление принято, – прекращает производство по делу (ч. 1 ст. 134, ст. 220 ГПК РФ) [6]. Кроме того, наследники не могут оспорить заведомо кабальную сделку завещателя при его жизни. Наследники имеют право обратиться с исковым заявлением в суд уже после смерти наследодателя с требованием о признании недействительной совершенной сделки, если завещатель эту сделку при жизни не оспаривал, что не влечет изменения сроков исковой давности.

То есть получается следующая ситуация: заинтересованное лицо, зная ответчика, до открытия наследства не может оспорить ни совершенную завещателем невыгодную сделку (завещание), ни провести экспертизу об установлении вменяемости завещателя, которая все равно не будет иметь законного характера. Но мы полностью согласны с законодателем в этом вопросе, так как в случае оспаривания сделки при жизни завещателя затруднительно будет предусмотреть такой правовой механизм, который бы не приводил к злоупотреблению правом со стороны истца. В данном случае происходило бы вмешательство третьего лица в выражение воли дееспособных сторон, которое бы не имело под собой достаточных оснований для подобного вторжения. К тому же наследственные правоотношения возникают после смерти наследодателя и оспаривать того, чего еще нет, невозможно.

Кроме того, В.И. Мищенко отмечает, что нотариусам затруднительно визуально определить дееспособность завещателя, в связи с этим проблема оспаривания сделок после его смерти стоит весьма остро, вследствие чего верно дать оценку, признать ли завещание недействительным, в некоторых случаях, в сущности, невыполнимо [7, с. 152]. Из этого можно сделать вывод, что процедура оспаривания сделки после смерти завещателя достаточно сложна в доказывании и может затянуться на многие годы.

На еще одну проблему указывает Э.Ш. Тахмазов, который отмечает, что в течение шести месяцев после открытия наследства наследники могут распорядиться полученным имуществом по своему усмотрению, и если заинтересованный истец, который собирается оспаривать завещание, не будет настаивать на обеспечении иска, то благоприятный исход для него может и не наступить [3, с. 74]. Между тем данный аспект нельзя назвать законодательным пробелом. Так, истец уже в исковом заявлении может заявить о том, что считает необходимым принять меры по обеспечению иска. И при этом ограничить каким-либо образом права добросовестного наследника, который уже вступил в наследство и хочет им распорядиться, законодательно не представляется возможным, так как в данном случае будут нарушены уже его интересы.

Между тем проблема срока оспаривания влияет и на защиту интересов наследников. Позиция законодателя строится на принципе свободы завещаний, закрепленном в ст. 1119 ГК РФ. Данный принцип предоставляет гражданину право определить судьбу своего имущества, не согласовывая свое решение с кем-либо [8, с. 189].

Срок исковой давности об оспаривании начинает течь с момента открытия наследства, то есть когда истец узнает о своем нарушенном праве, а не с момента совершения завещания, вследствие еще одного принципа наследственного права – тайны завещания. Данный принцип означает, что завещатель не обязан информировать кого-либо, в частности, и лиц, которых касается завещание, о фактах составления, изменения или отмены завещания и его сущности [9, с. 72]. С учетом этого наследник, как правило, не может узнать о составлении завещания до смерти наследодателя, поэтому и не может его оспаривать до открытия наследства.

В литературе предлагается ограничить возможность оспаривания «классических» завещаний, в том числе путем изменения принципа исчисления сроков давности по оспариванию завещаний. Например, связать срок исковой давности с моментом составления завещания и ограничить его общим сроком в три года, установленном в ст. 196 ГК РФ.

Однако в таком случае могут пострадать права добросовестных наследников, которые не могли узнать о нарушенном праве до открытия наследства в силу разных причин, в том числе и тайны завещания. Такая ситуация недопустима, так как порождает различные правовые условия для разных наследников и нарушает принцип равенства.

Более приемлемым является предложение об ограничении права оспаривать завещания для тех наследников, которые были официально уведомлены о его содержании наследодателем, так как тайна завещания не запрещает ему сообщать о его содержании по собственному желанию. В таком случае возникает вопрос о законодательном порядке подобного официального уведомления, который бы не нарушал баланс интересов обеих сторон.

Считаем, что форма подобной процедуры обязательно должна предусматривать присутствие нотариуса, так как именно нотариат призван защищать права и интересы граждан, обладает должной квалификацией и соответствующими гарантиями, которые способствуют его беспристрастности и независимости [10, ст. 2, 4, 5].

Так, в ст. 1123 ГК РФ, касающейся тайны завещания, следует внести новый пункт в следующей редакции: «Завещатель в присутствии заинтересованных в завещании лиц и нотариуса вправе раскрыть содержание завещания. Нотариус удостоверяет в завещании об официальном уведомлении наследников о содержании завещания». Таким образом мы законодательно закрепим участие в процедуре нотариуса, а также форму свидетельствования о том, что все заинтересованные лица приняли участие в уведомлении и ознакомлены с завещанием.

Кроме того, необходимо создание нормы, ограничивающей срок оспаривания. Так, в ст. 1131 ГК РФ следует внести п. 2.1, который бы звучал следующим образом: «Наследник, извещенный о содержании завещания в предусмотренном законе порядке и не оспоривший его в течение года после извещения, лишается права на оспаривание завещания в дальнейшем». Тем самым мы создадим более эффективную защиту права завещателя на свободу завещания несмотря на то, что его нет в живых. При этом и право наследника на оспаривание не будет нарушено, так как в законе будет предусмотрен механизм его официального уведомления о содержании завещания, гарантом которого будет выступать нотариус.

Таким образом, в настоящее время в отечественном наследственном законодательстве присутствуют пробелы, требующие устранения. В частности, касательно института оспаривания завещания. При желании наследника оспорить завещание предложенные изменения создадут новую правовую процедуру, которая защитит волю завещателя и интересы остальных наследников.

Научный руководитель: *Гаврилов Владимир Николаевич – к.ю.н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».*

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (с изм. и доп. от 1 августа 2023 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2023. – № 31. – Ст. 5765.
2. Гаврилов В.Н. Наследственное право в Российской Федерации на современном этапе (с учетом проекта части третьей ГК РФ): учеб.-метод. пособие. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 60 с.
3. Тахмазов Э.Ш. Некоторые проблемы признания недействительным завещания на основании пункта 1 статьи 177 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4(96). – С. 72–77.
4. Определение Верховного суда РФ от 16 мая 2006 г. № 5-В06-25 // СПС Консультант Плюс.
5. Останина Е.А. Взаимная связь сделок и признание завещания недействительным // Наследственное право. – 2011. – № 3. – С. 17–22.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в ред. от 24.122020) // СПС Консультант Плюс.
7. Мищенко В.И. К вопросу о признании завещания недействительным // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 5. – С. 52–54.
8. Старченко А.С., Протасова Д.С. Свобода завещания и ее пределы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 4–3. – С. 189–191.
9. Рагимханова Д.А., Аливердиева М.А. Тайна завещания как мера обеспечения свободы завещания // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 72–74.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 10.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357; СЗ РФ. – 2023. – № 29. – Ст. 5305.

Some Problems of Invalidation of a Will

Isaev I.D., Romanov I.A.
Saratov State Law Academy

The article contains an analysis of the current provisions on contesting a will. A number of problems affecting the statute of limitations, violations of the right to freedom of will and the need to strengthen the legal protection of the testator's rights are analyzed, options for amending the legislation to resolve the identified gaps are proposed.

Key words: hereditary legal relations, inheritance, will, contesting a will, invalidity of a will, statute of limitations

УДК 340:115:7

Исторические условия становления и развития неюрисдикционного процесса

Курносова В.В.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена анализу становления и развития неюрисдикционного юридического процесса на отдельных этапах исторического развития общества. Становление принципов и основ неюрисдикционного процесса прослеживается еще в самых древних цивилизациях, ввиду чего автор приходит к выводу об общности функциональных характеристик данного вида юридического процесса в разные исторические периоды отдельных правовых систем. Автор отмечает, что современное состояние неюрисдикционного процесса предопределяется не только его историческим путем в рамках конкретной правовой системы и особенностей исторического периода, но и спецификой правового сознания и правовой культуры конкретного общества.

Ключевые слова: юридический процесс, неюрисдикционный процесс, правоприменение, мировое соглашение, посредничество, арбитраж, медиация

Неюрисдикционный процесс в настоящее время остается дискуссионной конструкцией в теории юридического процесса. Под неюрисдикционным процессом мы понимаем поведенческую модель двух и более заинтересованных субъектов с целью обеспечения своих прав и законных интересов, основанную на принципах саморегуляции, законности, добровольности и сотрудничества. Наиболее распространенными формами неюрисдикционного процесса принято считать переговоры, медиацию, арбитраж, примирительные конференции, добрые услуги. Немаловажным критерием разграничения юрисдикиционного и неюрисдикционного процесса является отсутствие спора о праве. Преимущества неюрисдикционного юридического процесса заключаются в его гибкости, конфиденциальности, быстроте и экономичности по сравнению с судебными разбирательствами. Он позволяет сторонам сохранить хорошие отношения и избежать негативных последствий, связанных с судебным разбирательством, таких как высокие судебные издержки, публичность и возможное негативное влияние на репутацию. Данные обстоятельства играют немаловажную роль в условиях стремительного развития экономики и рыночных отношений, поскольку определяют их стабильность путем принятия взаимовыгодных решений и митигации конфликтов. Это выявляет значимость исследований неюрисдикиционного юридического процесса. Целью настоящей статьи является исследование общих принципов и тенденций становления и развития неюрисдикционного процесса на различных этапах общественного развития. Данные факторы позволяют определить текущее состояние и развитие неюрисдикционного юридического процесса, а также прогнозировать возможные направления развития, что является основным принципом в развитии законодательства в данной области.

Неюрисдикционный юридический процесс берет свое начало еще в древности. В разных культурах и цивилизациях существовали свои формы. Зарождение основ неюрисдикционного процесса можно найти в Древнем Вавилоне. Так, законодательство древних шумеров содержало в себе положения о посредничестве в торговых отношениях и способах примирения сторон. «Законы Ману», древнеиндийский сборник права, пропитанный духом религиозно-нравственных предписаний, также содержит зачатки неюрисдикционного процесса. Законник перечисляет возможности и способы самозащиты

нарушенных прав. Одним из них он устанавливает возможность кредитора добиваться своего имущества дхармой – нравственным убеждением, переговорами. Кроме того, Законник упоминает институт посредничества в торговом обороте. Практики применения посредничества встречались и в африканских странах, где практиковалось решение конфликта на народном собрании с помощью уважаемого старейшины [1, с. 12].

Древнекитайское право описывало так называемое «социальное посредничество», осуществляемое сословием благородных мужей «цзюньцзы» и ученым сословием «шэньши». «Первая» Конституция Японии «Сётоку» (604 г. до н.э.) устанавливает правило «избегать конфликты», что в дальнейшим отразится на многовековых «мирных» правовых традициях, а становление юрисдикционного юридического процесса в Японии можно отметить лишь в XIX в. под влиянием западных традиций.

Рассматривая становление и развитие идей неюрисдикционного процесса в период Античности, следует обратиться к источнику римского права, созданному в VI в н.э., – «Дигестам Юстиниана». Древнеримский памятник права упоминает институт «*internuncis*», то есть посредника, задачей которого было не только давать сторонам консультации, но и содействовать в выработке сторонами решения. Кодекс Юстиниана упоминает «двойное согласие» («*com-promissum*»), согласно которому стороны при участии арбитра брали на себя обязательства по заключению договора и обязанность исполнять решение арбитра.

Римское право, кроме того, содержит положение о примирении сторон в форме сделки «transactio», представляющей собой соглашение о взаимных уступках. Данная сделка являлась юридическим фактом для прекращения процессуального правоотношения (юрисдикицонного спора) и основанием для возникновения материального правоотношения (права собственности). «Законы XII таблиц» также упоминают институт урегулирования спора «процессом наложения руки» между должником и кредитором при процедуре возмещения долга в качестве института самозащиты. Важно отметить и существовавшие в Древнем Риме торговые суды, рассматривающие торговые споры на ярмарках, если в договоре между римлянами и латинами было соглашение об этом. Данное обстоятельство можно считать зарождением третейской оговорки.

Правовой системе Древней Греции известен институт «proxenatas», применявшийся при решении спора между городами. Кроме того, торговое посредничество использовалось при разрешении торговых и экономических споров. Таким образом, право древнейшего и античного периода содержит в себе основы развития принципов неюрисдикционного юридического процесса, отражающихся в стремлении мирного разрешения споров самими сторонами на взаимовыгодных началах с целью сохранения стабильности торгового оборота.

Период Средневековья традиционно принято считать расцветом неюрисдикционного процесса. Склонение сторон к примирению было обязанностью церковных судов, существовавших в Средневековой Европе. Способствовало этому христианское учение, проповедовавшее воздержание от споров и примирение. В качестве посредников-примирителей в данный период выступали представители церкви, общин и уважаемые граждане. Особенность их участия заключалась еще и в том, что они могли вмешиваться в процессуальные споры, проходящие в светском суде, и склонять стороны к мирному решению спора, отказавшись от судебного разбирательства.

В судах большинства стран Европы устраивались дни «перемирия», когда судьи склоняли стороны к отказу от судебной тяжбы и заключению мирового соглашения [2, с. 12]. Процедуры примирения применялись у салических франков – короли франков одобряли обычаи примирения и третейского суда с участием священников для укрепления мира и порядка. Законы Генриха I, короля Англии (1100–1135 гг.), датированные XII в., упоминают дружеское урегулирование спора предпочтительнее судебной тяжбы [3]. Король Франции Людовик IX Святой (1226–1270 гг.) предлагал себя в качестве посредника или третейского судьи при решении споров между другими странами и даже своими подданными. В дальнейшем в средневековой Франции в качестве посредников выступали представители духовенства, а процедура перемирия становилась обязательной перед судебной тяжбой.

Средневековье характеризуется развитием торговли и профессии купечества, что естественным образом оказывает влияние на развитие неюрисдикционного процесса. Усложнение торгового оборота, разрастание экономических связей требовали оперативности и сотрудничества в выработке взаимовыгодных решений. Происходит развитие принципов коммерческого арбитража, который проводится в профессиональных объединениях, цехах и гильдиях. Фельдкирьх уставы, принятые в Цюрихе в XIV в., учреждали арбитраж (третейский суд) для решения споров между гражданами и представителем власти на основе принципов неюрисдикционного процесса.

Неюрисдикционный процесс существовал и в Древней Руси. Активную роль в нем изначально играли представители духовенства, оказывавшие «добрые услуги» в междоусобных спорах князей и в торговых отношениях купцам. Источники древнерусского права свидетельствуют о существовании института «мирового ряда» – соглашения, заключаемого на основе взаимных уступок в письменной

форме и имевшие силу судебного решения [4, с. 42]. Появляются независимые посредники – «рядцы».

Следует упомянуть и неюрисдикционные способы формы процесса, упоминаемые в «Русской правде» 1016 г.: возмещение вреда в натуре, возмещение убытков, самозащита права (одной из разновидностью которой являлся поединок).

Кроме того, немаловажное подтверждение развития неюридикционного процесса на Руси мы находим в «Ипатьевской летописи», описывающей решение спора между князьями через «третей», то есть с участием доверенных сторон по правилам третейского разбирательства. Разбирательство с участием «третей» активно используется в период феодальной раздробленности в качестве оптимального и оперативного способа снятия княжеских и экономических споров. Реформа Ивана Грозного в 1555 г. учреждала на местах «выборных излюбленных судей», в задачи которых входило «рассудить в правду, беспосульно и безволокитно» [3, с. 87].

«Соборное уложение» 1649 г. содержит положение о том, что в любой момент процесса до момента вынесения судебного решения стороны могли «меж себя сыскиватися», то есть заключить перемирие. Причем рассматриваемое уложение наказывало судьям «не допускать дела, а способствовать миру». Называлось такое соглашение «полюбовной сказкой». Рассматриваемый памятник права упоминает возможность мировых соглашений и по ряду уголовных дел.

Совестный суд, созданный по инициативе Екатерины II в 1775 г., продолжает развитие идей неюрисдикционного процесса в Российской империи. Основной задачей данного органа было примирение сторон по гражданским делам и ряду уголовных дел. «Учреждение коммерческих судов и устав их судопроизводства» 1832 г. устанавливало порядок посреднической деятельности и порядок заключения мировых сделок. Конечно, нельзя не упомянуть главу «О примирительном разбирательстве» Устава гражданского судопроизводства 1864 г., устанавливающую правило о том, что «для признания производившего дела оконченным миром закон не требует ни отобрания от примирившихся особых допросов, ни исполнения других каких-либо правил...» [5, с. 67]. Кроме того, рассматриваемый Устав содержал главы «О мировых сделках» и «О третейском суде».

Новое время в Европе продолжало развивать идеи неюрисдикционнного процесса. К середине XVIII в. в Голландии появился развитый институт судей-примирителей. Гражданско-процессуальный кодекс Голландии, принятый в 1807 г., содержал положение об обязательной «мировой инстанции» для сторон. Если же стороны не пришли к примирению, они могли обращаться с исковым заявлением в суд. Интересно отметить, что данный закон запрещал представительство на этапе мировых переговоров. Кроме того, неюрисдикционный процесс был развит в семейных правоотношениях, поскольку Закон Голландии 1790 г. «О судебной системе» предписывал в случае спорного семейного правоотношения сторонам обращаться к родителям, родственникам, общим друзьям и даже соседям. Аналогичные суды появлялись в Англии, Бельгии. Устав гражданского судопроизводства Австрии, принятый в 1895 г. и действующий до сих пор, наказывает судьям осуществлять «склонение сторон к миру». «Кодекс Наполеона», принятый во Франции в 1804 г., содержал отдельной титул, посвященный примирительным процедурам.

Активное развитие медиации прослеживается в XX в. в странах общего права, поскольку данный неюрисдикционный процесс представлялся быстрее и выгоднее для сторон. Конституция Австралии 1901 г. упоминает действие законов, регулирующих третейское производство и согласительные процедур. В США в 1925 г. на федеральном уровне закрепляется положение арбитража (Федеральный арбитражный акт США), а в 1947 г. была создана Федеральная служба посредничества (медиации) и примирения, основной задачей которой стало быстрое гибкое решение конфликтов на принципах взаимовыгодного компромисса.

Процессуальное законодательство РСФСР упоминало возможность заключения мирового соглашения по гражданским делам. Также получает развитие посредничество в арбитраже, регулируемое Постановлением СТО РСФСР от 14.03.1923 г. «Правила производства дел в Высшей Арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороны (СТО) и местных арбитражных комиссиях», согласно которому допускалась непротиворечащая закону мировая сделка сторон. В 1975 г. в РСФСР утверждено Положение «О третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями», а с конца 1980-х гг. начинают формироваться товарные биржи, в полномочия которых входило посредничество и арбитраж.

Конец XX и начало XXI вв. связаны с активным внедрением и распространением неюрисдикционного процесса и отдельных его видов в страны общего права, а затем и распространение по континентальным правовым системам. В 1990 г. Конгресс США принимает закон, обязывающий судей содействовать применению альтернативных форм разрешения споров. Так, в 1999 г. институт медиации получает международное закрепление в Уставе ООН. Процедура медиации в Австралии становится обязательной при рассмотрении дел, вытекающих из семейных правоотношений. Гражданский процессуальный кодекс КНР устанавливает правомочие народного суда приглашать отдельные лица и организации для содействия перемирию. В Японии

активно развивается судебное, административное и частное посредничество. Современное право Российской Федерации в этой связи также содержит ряд нормативных актов, регулирующих примирительные процедуры, посредничество, медиацию арбитраж, а также устанавливающие неюрисдикционные способы защиты прав, продолжая тем самым развивать и поддерживать неюрисдикционный юридический процесс. Однако в настоящее время в правовой системе нашей страны неюрисдикционный юридический процесс уступает по своей популярности юрисдикционному, что определено особенностью российской правовой культуры, с одной стороны, и неточностями законодательства – с другой.

Таким образом, неюрисдикционный юридический процесс, сохраняя в себе глубокие исторические корни, является важным институтом современного гражданского общества во всех правовых системах современности. Дальнейшее развитие его принципов и активное внедрение отдельных видов является важной гарантией экономического развития и стабильности государства и общественных отношений. Современное состояние и развитие неюрисдикционного юридического процесса в конкретной правовой системе во многом определено особенностью правового сознания и правовой культуры данного общества, а также законодательством в данной области. Данное обстоятельство определяет важность исследований перспектив развития неюридсикционного процесса, в том числе и в правовой системе Российской Федерации, с целью совершенствования его механизмов и выявления новых форм.

Литература:

1. Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / Сост.: Г. Мета, Г. Похмелкина; пер. с нем. Г. Похмелкиной. – М.: Verte, 2004. – 319 с.
2. Disputes and settlements : law and human relations in the West. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983. – 296 p.
3. Клеандров М.И. Прошлое третейских судов по разрешению экономических споров // Третейский суд. – 2000. – № 5. – URL: http://arbitrage.spb.ru/jts/2000/5/art08.html.
4. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: энцикл. слов. / Под ред. О.А. Потанина, Н.Я. Яковлева. – СПб.: Нестор-История, 2008. – 552 с.
5. Давыденко Д. Л. Примирительные процедуры в российской правовой культуре: мировой ряд – особый способ урегулирования споров в Новгородской республике в XI–XV вв. // Третейский суд. – 2011. – № 3 (75). – С. 157–169.
6. Berman H.J. Law and revolution: the formation of the Western legal tradition. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – 657 p.
7. История средних веков: учеб. для ист. фак. пед. ин-тов / М.Л. Абрамсон, А.А. Кириллова, Н.Ф. Колесницкий и др.; Под ред. Н.Ф. Колесницкого. – М.: Просвещение, 1986. – 575 с.
8. Кейлин А. Судойстройство и гражданский процесс капиталистических государств. – М.: Внешторгиздат, 1958. – 359 с.
9. Нефедьев Е.А. Склонение сторон к миру в гражданском процессе. – Казань: Тип. губ. правл., 1890. – 92 с.

Historical Conditions for the Formation and Development of the Non-Jurisdictional Process

Kurnosova V.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article is devoted to a historical analysis of the formation and development of a non-jurisdictional legal process at certain stages of the historical development of society. The formation of the principles and foundations of the non-jurisdictional process can be traced back to the most ancient civilizations, which is why the author comes to the conclusion that the functional characteristics of this type of legal process are common in different historical periods of individual legal systems. The author notes that the current state of the non-jurisdictional process is predetermined not only by its historical path within the framework of a particular legal system, but also by the peculiarities of the legal consciousness and legal culture of a particular society

Key words: legal process, non-jurisdictional process, law enforcement, settlement agreement, mediation, arbitration, mediation

УДК 347

Исторический очерк некоммерческого банкротства в России и его современное состояние

Макаров Ю.Н.
Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и государства, истории и философии Сочинского государственного университета

Фероян А.А.
Аспирант кафедры теории права и государства, истории и философии Сочинского государственного университета

Статья посвящена особенностям развития некоммерческого (неторгового) банкротства в России. Предпринята попытка историко-правового исследования эволюции конкурсного законодательства, начиная с первого сборника русских законов – Русской правды и до действующего законодательства о банкротстве граждан. Особое внимание уделено анализу эффективности действующего конкурсного законодательства и последствиям процедур банкротства в РФ. Авторы приходят к выводу, что действующее законодательство о банкротстве граждан разбалансировано и ставит в привилегированное положение должника перед кредитором, что в итоге приводит к ухудшению положения кредиторов, а также добросовестных граждан, дисциплинированно исполняющих принятые на себя обязательства.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, неторговое банкротство, некоммерческое банкротство, банкротство физических лиц, банкротство граждан

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц – один из новейших инструментов защиты права в современном отечественном законодательстве, поскольку возможность признания гражданина банкротом появилась в действующем законодательстве РФ только в 2015 г. Хотя отечественное конкурсное право имеет глубокие корни банкротства физических лиц – некоммерческое (неторговое) банкротство.

Так, первые упоминания о наличии правового статуса несостоятельного лица, неспособного рассчитаться со своими кредиторами, появились в первом сборнике русских законов – Русской правде. Позже, в Судебнике 1497 г., были предусмотрены инструменты урегулирования неплатежеспособности. Нормами Соборного Уложения 1649 г. продолжилось развитие конкурсного права, так как и в Судебнике 1497 г. предусматривалось разделение несостоятельности на случившееся по независящим от должника обстоятельствам и произошедших в следствие небрежности или неправомерных действий. Также нормы о банкротстве отражались в Вексельном уставе 1729 г. И впервые в 1800 г. появился первый действующий Устав о банкротах. А в 1832 г. был издан Устав о торговой несостоятельности [1].

Примечательно, что, несмотря на ликвидацию рыночной экономики и построение социалистического государства, в действующем законодательстве советского периода существовал институт несостоятельности. Этот феномен появился в начале развития советской республики, во времена НЭПа. Так,

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. неоднократно использовал термин «несостоятельность» как по отношению к разного рода товариществам и обществам, так и к неограниченному кругу лиц. К примеру, ст. 219 предусматривала возможность расторжения предварительного договора займа вследствие признания контрагента несостоятельным [2].

Несмотря на то что законодатель предусматривал возможность придания лицу правового статуса несостоятельности, процессуальная возможность возбуждения такого процесса отсутствовала в действующем законодательстве.

Позже, 28 ноября 1927 г. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. главой 37» в ГПК РСФСР была введена гл. 37, предусматривающая несостоятельность физических лиц [3].

Соответственно, с окончанием периода новой экономической политики, всеобщей национализации предприятий и капиталов институт несостоятельности утрачивал свое прикладное значение и как явление, порожденное исключительно рыночными отношениями, не мог существовать в условиях командно-административной системы [4].

С возобновлением рыночной экономики в современной России и высокой финансово-экономической активности граждан остро встал вопрос о защите прав физических лиц с признаками несостоятельности. Так, впервые в новейшей истории России 1 октября 2015 г. вступили в силу положения Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ № 127), регулирующие банкротство физических лиц [5].

Авторы предприняли попытку проанализировать эффективность процедур банкротства физических лиц за период с 2015 г. по настоящее время. За основу был взят официальный источник сведений о банкротствах – Единый федеральный реестр сведений о банкротствах – Федресурс (далее по тексту ЕФРСБ). Согласно Статистическому бюллетеню Федресурса по банкротству от 31 декабря 2022 г., количество банкротств физических лиц, начиная с 2015 г., следующее: 2015 г. (октябрь–декабрь) – 870, 2016 г. – 19574, 2017 г. – 29827, 2018 – 43984, 2019 г. – 68980, 2020 г. – 119045, 2021 г. – 192833, 2022 г. – 278137 [6, с. 12].

Указанная статистика свидетельствует о колоссальном росте банкротств физических лиц. Фиксируется рост более чем в 10 раз за исследуемый период с возрастающим трендом. Что приводит к повышению нагрузки на кредиторов, прежде всего в потребительском банковском секторе. Наглядно рост количества некоммерческого банкротства можно увидеть на рисунке 1.

Кроме того, важно проанализировать и сроки процедуры банкротства физических лиц, чтобы понять, через какой временной отрезок кредитор

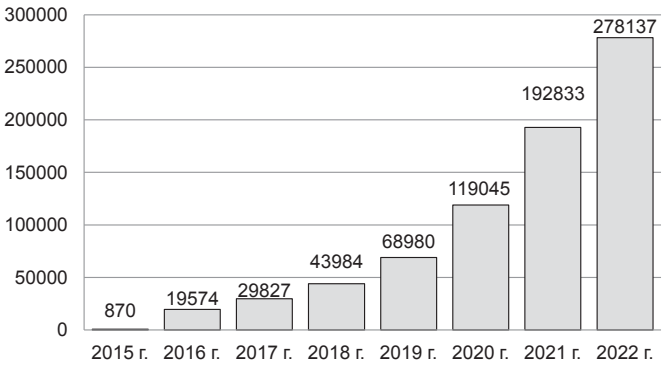

Рис. 1. Количество банкротств граждан 2015–2022 гг., ед. [6]

может рассчитывать на удовлетворение своих требований. Так, средняя длительность процедур банкротства граждан на стадии реализации имущества должника составила: в 2019 г. – 281 день, в 2020 г. – 289 дней, в 2021 г. – 261 день и в 2022 г. – 271 день. На стадии реструктуризации долгов гражданина: в 2019 г. – 192 дня, в 2020 г. – 200 дней, в 2021 г. – 188 дней и в 2022 г. – 197 дней [6, с. 15]. Данная статистика показывает, что сроки процедур банкротства за последние годы устоялись, однако они продолжительны, что ухудшает положение кредиторов.

Важно отметить, что, согласно Статистическому бюллетеню Федресурса в 2022 г., доля дел, в которых кредиторы не получили никакого удовлетворения своих требований, составило 69 %, кроме того, этот показатель имеет восходящую динамику из года в год, в 2019 г. – 65,3 %, в 2020 г. – 67 %, в 2021 г. – 68,3 %. А доля дел, в которых должники пришли к процедуре банкротства с отсутствием какого-либо имущества, составила: в 2019 г. – 78,2 %, в 2020 г. – 83,5 %, в 2021 г. – 88,2 % и в 2022 г. – 90,2 % [6, с. 16].

Из чего мы можем сделать вывод, что количество банкротств физических лиц кратно увеличивается, при этом уровень удовлетворения требований кредиторов ежегодно снижается, как и количество должников банкротов с наличием хоть какого-то имущества. Все эти показатели ежегодно ухудшают положение кредиторов.

В результате такого положения дел кредиторы физических лиц получают минимальное возмещение своих требований (табл. 1).

Указанные данные показывают, что, несмотря на позитивную тенденцию по увеличению возмещения кредиторам, эти цифры все равно ничтожно малы, ведь кредиторам в 2022 г. вернулось только 5,6 % от их требований.

С другой стороны, важно рассмотреть такой вопрос. Что получает банкрот-гражданин после окончания процедуры банкротства и какие негативные последствия возникают для него с приобретением правового статуса – банкрота?

Согласно ст. 213.28 ФЗ № 127, «После завершения расчетов с кредиторами гражданин, признан-

Таблица 1

Удовлетворение требований реестровых кредиторов физических лиц за 2019–2022 гг. [6, с. 17]

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Включено требований всего, млрд руб.	273,7	319,5	485,5	591,8
Удовлетворено требований всего, млрд руб.	9,8	12,3	24,1	32,9
Доля удовлетворенных всего	3,6 %	3,8 %	5,0 %	5,6 %

ный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов…» [5]. Иными словами, все долги гражданина списываются.

При этом в соответствии со ст. 213.30 ФЗ № 127 для гражданина по окончании процедуры банкротства наступают определенные негативные последствия. Так, в течение пяти лет гражданин-банкрот при заключении кредитного договора либо получении займа обязан сообщить потенциальному кредитору о факте своего банкротства. В пятилетний срок банкрот не может повторно подавать заявление о собственном банкротстве, а в случае, если такое заявление подаст кредитор, то повторного освобождения от обязательств не будет. В течение трех лет гражданин не сможет занимать должности в органах управления юридического лица и иным способом управлять им. Вводится десятилетний запрет на занятие должности в органах управления кредитной организацией и любым управлением таковой. Пять лет будет запрещено занимать должности в органах управления страховой организации, негосударственного пенсионного фонда, управляющей компании инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда или микрофинансовой компании [5].

Проанализировав вышеперечисленные негативные последствия, можно прийти к выводу, что большинство из них относятся к временному мораторию на занятие руководящих должностей в организациях и фактически распространяются на очень немногочисленную аудиторию граждан-банкротов – действующих либо потенциальных руководителей организаций. Для рядового гражданина фактически наступает только два последствия – временная необходимость заявлять о своем банкротстве новым кредиторам и пятилетний запрет на повторное добровольное банкротство.

Напомним, что, кредитор в среднем получает возмещение только 5,6 % от размера заявленных требований. Налицо преференциальнось положения должника перед кредитором. Нормы ФЗ № 127 разбалансированы и не удовлетворяют интересы кредитора, а носят исключительно социальную направленность, то есть избавление должника от обязательств без наступления ощутимых последствий для такового.

Понимая бесперспективность удовлетворения своих требований, кредиторы в подавляющем большинстве случаев даже не пытаются возбуждать процедуру банкротства. Напротив, должники, сознавая возможность избавиться от обязательств без ощутимых последствий, спешат воспользоваться такой возможностью.

Так, инициаторами судебных дел о банкротстве в 2022 г. в 96,7 % случаев стали сами должники, а кредиторы – лишь в 2,2 % случаев, еще 1,0 % дел инициировала ФНС [6, с. 14].

Несмотря на всю патовость ситуации, законодатель продолжает ставить должника в привилегированное положение перед кредитором. К примеру, Постановлением от 28 марта 2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» в России был введён мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов [7]. Федеральным законом от 31.07.2020 г. № 289-ФЗ внесены изменения в ФЗ № 127 в части дополнения главы «Внесудебное банкротство гражданина» [8], где законодатель позволил гражданам обращаться с заявлением о собственном банкротстве в упрощенной форме, минуя арбитражный суд, через МФЦ. Иными словами, подавать заявление о прекращении дальнейшего исполнения требований кредиторов. На XI Петербургском международном юридическом форуме первый замминистра экономического развития РФ И. Торосов заявил, что Минэкономразвития обсуждает идею о возможности закрывать информацию о факте банкротства физлица через определенный срок после завершения процедуры [9].

В итоге, в связи с постоянной либерализацией процедуры банкротства мы получили неконтролируемый, лавинообразный рост некоммерческих банкротств.

В связи с этим увеличивается финансовая нагрузка на кредиторов в виде убытков, которую они распределяют на добросовестных заемщиков в виде повышения процентной ставки по кредитам.

Любой нормативно-правовой акт по своей природе служит установлению справедливости в той сфере, которую он регулирует. Анализ эффективности системы банкротства в РФ не позволяет назвать ФЗ № 127 законом, гарантирующим справедливость ко всем участникам конкурсного процесса. Такой несправедливости подвергаются как кредиторы, так и добросовестные заемщики кредитных организаций.

Социальная функция ФЗ № 127, безусловно, важна, но принципиально необходимо выработать методики исключения недобросовестных должников из конкурсного процесса. Так, банкротами становятся не только социально уязвимые категории граждан, но и богатейшие граждане. Особо отметим

следующие дела о банкротстве. Бизнесмен, миллиардер Игорь Пинкевич задолжал своим кредиторам 15,2 млрд руб., однако никакого имущества у должника не было, так что его процедура банкротства завершилась нулевым результатом. Денис Макеев, задолженность – 7,77 млрд руб., из всего имущества в конкурсную массу попало только нежилое помещение стоимостью два миллиона рублей. Тагир Саитбалов, долг – 7,76 млрд руб. Татьяна Ростовцева, задолженность – 6,87 млрд руб. Юрий Исаев – 6,7 млрд руб. По данным РБК, львиная доля долгов приходится на топ-50 крупнейших граждан-банкротов. Из 193,7 млрд руб. общей задолженности в первом квартале 2023 г. таким банкротам предъявлено более 100 млрд руб., то есть больше, чем всем остальным вместе взятым [10].

Кажется сомнительным утверждение, что к процедуре банкротства эти богатейшие люди страны могли подойти с отсутствием какого-либо капитала, фактически являясь нищими.

Если не изменить стратегию развития конкурсного законодательства в России, то мы получим полную деградацию верховенства принципа недопустимости отказа от исполнения принятых на себя обязательств в одностороннем порядке, закрепленного в ст. 310 ГК РФ [12].

Следовательно, необходимо на законотворческом уровне работать над проблемой злоупотребления правом банкротства со стороны лиц, хоть и обладающими формальными признаками банкротства, но де-факто таковыми не являющимися. Важно совершенствовать методику выявления возможности физлица на частичную или полную оплату задолженности.

Отметим, что неплатежеспособность физического лица – процесс непостоянный, возможность полной или частичной оплаты задолженности восстанавливается со временем. Уповая на здравый смысл, видится возможным не списывать оставшуюся задолженность после реализации имущества должника, а утвердить долгосрочный план возмещения такой задолженности в пользу кредиторов.

Кроме того, необходимо установить дополнительные административные меры, препятствующие возбуждению процедуры банкротства. По мнению авторов, возможно расширить круг последствий банкротства для физического лица, прежде всего для широкого круга лиц, а не только для действующих либо потенциальных руководителей организаций.

При этом необходимо не нарушать права лиц, реально попавших в трудную жизненную ситуацию. И стремиться соблюсти баланс между правами банкротов и кредиторов.

Представляется возможным рассмотреть опыт отдельных стран, которые уже сталкивались с кризисом банкротств и смогли реформировать свои конкурсные системы.

Литература:

1. Иванов Д.А. История и развитие института банкротства физических лиц в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020 – Т. 11-4 (50). – С. 106–109.
2. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (с изм. от 02.02.1923 г.) (вместе с Гражданским кодексом Р.С.Ф.С.Р.). – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2863&ysclid=ll2ckvaoar221031099#xckhLmTdkVA2ipLK (дата обращения: 08.08.2023 г.).
3. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 г. «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. главой 37». – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20939&ysclid=ll2ku7qxdm862149157#YMxdMmTEhq4cxZLc1 (дата обращения: 08.08.2023 г.).
4. Фольгерова Ю.Н. Несостоятельность (банкротство) в советском праве: теория и практика // Вестник Вятского государственного университета. – 2010 – С. 79–82.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС Гарант.
6. Статистический бюллетень Федресурса о банкротстве от 31.12.2022 г. – URL: https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf (дата обращения: 08.08.2023 г.).
7. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // СПС Гарант.
8. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 289-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» // СПС Гарант.
9. Торосов И. Граждане могут получить право на сокрытие факта о своем давнем банкротстве // Федресурс. – URL: https://fedresurs.ru/news/77f027d9-f23f-4211-b5f8-4b630148b5b6 (дата обращения: 11.08.2023 г.).
10. Горшков П. Задолжать 15 млрд руб. и ничего не вернуть: топ-5 банкротов 2023 года // РБК – 15.05.2023 г. – URL: https://pro.rbc.ru/demo/645c95609a7947ad99596463 (дата обращения: 10.08.2023 г.).

A Historical Sketch of Non-Commercial Bankruptcy in Russia and its Current State

Makarov Y.N., Feroian A.A.
Sochi State University

The article is devoted to the peculiarities of the development of non-commercial (non-trading) bankruptcy in Russia. An attempt has been made to undertake a historical and legal study of the evolution of competition legislation from the first collection of Russian laws - the "Russkaya Pravda" - to the current bankruptcy legislation for individuals. Special attention is given to the analysis of the effectiveness of the existing competition legislation and the consequences of bankruptcy procedures in Russia. The author concludes that the current legislation on personal bankruptcy is imbalanced and favors the debtor over the creditor, ultimately leading to a worsening position for creditors and conscientious citizens who diligently fulfill their obligations.

Key words: insolvency, bankruptcy, non-trading bankruptcy, non-commercial bankruptcy, personal bankruptcy, individual bankruptcy

УДК 347.965.982

Принципы управления Анри Файоля и практика их реализации в управлении адвокатским бюро

Муратова Н.Д.
Кандидат юридических наук,
управляющий партнер адвокатского бюро
Республики Татарстан «Муратова и партнеры» (Казань)

В настоящее время Закон об адвокатуре содержит в себе немногочисленные нормы, которые не способны в полном объёме четко регулировать отношения в сфере управления адвокатским бюро. Так, довольно краткое нормативное положение закона о том, что ведение общих дел адвокатского бюро осуществляется управляющим партнером, если иное не установлено партнерским договором, фактически несет в себе колоссальные управленческие и ресурсные возможности. Именно управляющий партнер при правильном и системном регулировании в условиях договорных отношений партнеров-адвокатов проявляет лидерские качества с позиций обеспечения эффективного функционирования адвокатского бюро на рынке юридических услуг. Исследование юридических средств и методов, направленных на правовое регулирование управленческих отношений в адвокатском бюро, позволит определить возможности, риски и перспективы развития такой формы адвокатского образования, как адвокатское бюро.

Ключевые слова: адвокатское бюро, принципы управления, управляющий партнер

С принятием Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) [1] адвокаты получили возможность выбирать одну из четырех организационно-правовых форм: коллегия адвокатов, адвокатское бюро, адвокатский кабинет и юридическая консультация (правда, сохранились они лишь в отдаленных уголках России). После происходили изменения, уточнения положений закона.

На базе ранее действующих юридических фирм стали образовываться адвокатские бюро. Согласно ст. 23 Закона об адвокатуре, адвокаты-партнеры, учредившие адвокатское бюро, соединяют свои усилия для оказания юридической помощи от имени всех партнеров [1]. По мнению А. Родионова, «партнер – это любой член адвокатского бюро в независимости является он учредителем или был принят в бюро позже» [2].

В. Емельянов считает, что такая форма деятельности на современном этапе развития российской адвокатуры является «оптимальной структурой» [3]. И.М. Палеев подчеркивает, что взаимозаменяемость партнеров позволяет доверителям не зависеть от одного конкретного адвоката [4].

В.Н. Буробин считает, что адвокатские бюро – более устойчивое адвокатское образование, чем коллегия адвокатов, ибо адвокаты бюро наделены большей финансовой и имущественной ответственностью по обязательствам бюро перед Доверителями, которые вправе требовать исполнения как от всех адвокатов бюро совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга. Отличительной чертой адвокатского бюро является возможность коллективной работы по проектам, отсутствие секретов в отношениях между адвокатами по «правовым технологиям», наработанным при решении конкретных правовых проблем, совместное продвижение «имени» или «торговой марки» адвокатского образования, высокий уровень адвокатской взаимопомощи. В современных условиях адвокатами бизнеса была востребована именно эта организационно-правовая форма [5].

Управляющий партнер по общему правилу, установленному ч. 5 ст. 23 Закона об адвокатуре, ведет общие дела адвокатского бюро, является одним из ключевых руководителей и принимает активное участие в управлении бюро. Он имеет различные полномочия, обязанности и функции. В конкретном случае они могут варьироваться в зависимости от особенностей бюро и его организационной структуры.

Эффективное управление адвокатским бюро, поддержание имиджа и устойчивого развития невозможно без соблюдения адвокатами, партнерами определенных принципов работы. Изучив различные мнения, выделим теоретика и практика менеджмента, основателя административной школы управления, автора работы «Общее и промышленное управление» Анри Файоля. В своей концепции он формулирует 14 принципов управления, которым должен следовать в своей деятельности управленец.

Итак, первый принцип – это разделение труда. Управленец должен быть организованным и уметь эффективно управлять ресурсами, временем и проектами адвокатского бюро. Организация – это процесс объединения людей и средств для достижения общеорганизационных целей. Процесс организации структурирует работу и формирует рабочие группы и подразделения, исходя из размеров фирмы, ее технологии и персонала. В процессе выполнения функций организации руководитель подбирает людей для конкретной работы, делегирует отдельным людям задания и полномочия или права использовать ресурсы организации [6, с. 27] и затем координирует их деятельность.

Второй принцип заключается в ответственности руководителя. Управляющий партнер адвокатского бюро должен быть профессиональным и опытным адвокатом, который обладает превосходными знаниями и навыками в области права. В целом он должен сочетать юридическую экспертизу с руководящими и управленческими навыками, чтобы обеспечить эффективное функционирование и развитие адвокатского бюро. Управляющий партнер должен обладать способностью вести и вдохновлять коллег, принимать решения и действовать в интересах бюро, продвигать бренд, других партнеров и адвокатов, мотивировать, поддерживать в коллегах здоровые амбиции, поощрять. Осознавать и уметь учитывать экономические и финансовые аспекты деятельности адвокатского бюро и разрабатывать стратегии по его развитию – также необходимая черта управляющего партнера. Кроме того, управляющий партнер должен уметь эффективно общаться с партнерами, клиентами, сотрудниками и внешними сторонами, а также вести переговоры и решать конфликты [7, с. 301].

Фундаментальным принципом управления адвокатским бюро является дисциплина. Это неотъемлемый элемент успешного функционирования адвокатского бюро, который охватывает все аспекты его работы, включая внутренние процессы и взаимоотношения с клиентами. Во-первых, дисциплина в адвокатском бюро проявляется в соблюдении норм профессиональной этики. Приоритетом в деятельности адвоката является строгое соблюдение кодекса профессиональной этики, который определяет их обязанности и ответственность перед клиентами, судом и обществом в целом. Уважение к суду, конфиденциальность информации, прозрачность в отношениях с клиентами – все это является основой этического поведения адвокатов и важной составляющей эффективного управления. Во-вторых, дисциплина в адвокатском бюро проявляется в планировании и налаживании бизнес-процессов. Успешное управление адвокатским бюро требует установления четких процедур, которые помогут эффективно организовать работу организации [8, с. 315]. Дисциплина в этом случае означает соблюдение установленных процедур, регулярное обновление документации и строгое следование правилам исчисления времени и выплаты гонораров. Такая система позволяет избежать произвола и неэффективности в работе, а также повышает прозрачность и ответственность перед клиентами. В-третьих, дисциплина в адвокатском бюро проявляется в профессиональном развитии и обучении адвокатов. Юридическая сфера постоянно развивается, и, чтобы быть конкурентоспособными, адвокаты должны быть в курсе последних изменений и новаций в законодательстве. Бюро должно осуществлять регулярное обучение своих сотрудников, чтобы они могли справляться с постоянно меняющимся юридическим окружением [9, с. 198–199]. Дисциплина в этом случае означает проявление старания в развитии своих профессиональных навыков, обучение новым методам работы и поиск возможностей для роста.

Самодисциплина является неотъемлемым качеством квалифицированного адвоката, которая проявляется в высоком уровне ответственности по отношению к своим обязанностям и клиентам. Консультирование, исследование правовых вопросов, подготовка документов – все эти аспекты требуют сосредоточенности на задаче и соблюдения сроков. Самодисциплинированный адвокат умеет организовывать и планировать свое время, чтобы выполнять свои обязанности в срок. Самодисциплина позволяет адвокату эффективно управлять своими эмоциями и строить конструктивные рабочие отношения. Значительная часть работы адвоката связана с взаимодействием с клиентами, противоположными сторонами, свидетелями и судьями. Способность сохранять спокойствие и профессионализм в сложных ситуациях с доброжелательностью и толерантностью является признаком высокой самодисциплины.

Следующий принцип управления – единоначалие. Этот принцип управления, основанный на кон-

цепции единого руководителя, который принимает все стратегические и тактические решения в организации. В адвокатском бюро, где ответственность за успех дела возлагается на адвоката, единоначалие может играть значительную роль в обеспечении эффективного функционирования и достижения успешных результатов для клиентов. Единоначалие в адвокатском бюро предполагает, что единственный руководитель берет на себя всю ответственность и принимает решения относительно стратегии развития фирмы, кадровых вопросов, финансового планирования, маркетинга и управления клиентскими отношениями. Это позволяет упростить коммуникацию, сократить бюрократические процессы и повысить оперативность принятия решений.

Преимущества единоначалия в адвокатском бюро ощутимы как для руководителя, так и для остальных сотрудников. В данной системе каждый адвокат знает, кто принимает окончательные решения и на чьем опыте и компетенции базируются эти решения. Это позволяет избежать конфликтов, связанных с неопределенностью и нечеткостью власти, и обеспечивает более эффективные коммуникационные процессы. Кроме того, единоначалие дает руководителю возможность эффективно контролировать выполнение поручаемых задач и демонстрировать лидерские качества [10, с. 164]. Однако следует отметить, что принцип единоначалия может также иметь некоторые ограничения. Возможность одного лица принимать все решения может привести к отсутствию коллегиальности в процессе управления и ограничить креативность и инициативу сотрудников. Поэтому важно найти баланс между лидерством и коллективностью, чтобы обеспечить наилучшие результаты для адвокатского бюро.

Таким образом, единоначалие как принцип управления в адвокатском бюро может быть полезным и эффективным, особенно когда на плечах одного руководителя лежит ответственность за принятие ключевых решений. Однако важно помнить о необходимости учесть потенциальные ограничения этого принципа и создать условия для развития креативности и коллективной работы в организации.

Анри Файоль выделяет еще один принцип управления – единство действий. В контексте управления адвокатским бюро это означает эффективную координацию и согласованность действий, которые совершаются всеми членами команды. Важно понимать, что адвокатское бюро не является набором отдельных практикующих адвокатов, а командой, объединенной общими целями и принципами работы.

Первый шаг к достижению единства действий в адвокатском бюро – определение общих целей и стратегии развития [11, с. 274]. Все члены команды должны ясно представлять цели и понимать их значение. Одновременно с этим разработка общей стратегии позволит определить курс развития и направление работы бюро. Как только это будет сделано, каждый член команды будет знать, какие действия и усилия ему необходимо предпринять для достижения общих целей. Другим важным аспектом единства действий является эффективное коммуникационное взаимодействие между членами команды. Чтобы добиться согласованности и эффективности, необходимо установить систему обмена информацией, которая будет позволять всем членам команды быть в курсе всех важных изменений, решений и событий. Регулярные совещания, электронная почта и другие средства коммуникации должны быть использованы для того, чтобы информация передавалась быстро и точно.

Единство действий достигается также через распределение задач и ответственности внутри команды. Каждый член бюро должен ясно знать свои обязанности и роли, а также обязанности остальных участников команды. Это позволит избежать дублирования задач и проблем, связанных с неопределенностью обязанностей. Не менее важно в контексте единства действий развитие и поддержка сильной корпоративной культуры. Значимость установления общих ценностей, этики работы и подходов к клиентам не может быть недооценена. Постоянное обучение, тренинги и коучинг помогут членам команды сформировать общую позицию и подход к работе.

Одним из важных принципов управления адвокатским бюро является подчинение личных интересов, которое способствует эффективному функционированию и качественному предоставлению юридических услуг. Личные интересы адвокатов, как и у любого другого работника, могут быть разнообразными: повышение доходов, расширение клиентской базы, повышение профессионального рейтинга и прочее. Однако для эффективного управления адвокатским бюро необходимо, чтобы личные интересы адвокатов были подчинены общим интересам бюро и качеству оказываемых услуг. Это может быть достигнуто через несколько ключевых методов управления. Во-первых, важно устанавливать ясные цели и ожидания по отношению к адвокатам, чтобы они понимали, что первостепенное значение имеют общие интересы бюро и достижение высокого уровня клиентского сервиса. Во-вторых, важно создать положительную корпоративную культуру. Это может быть достигнуто через поощрение сотрудничества, коллективной работой и взаимопониманием. Регулярные внутренние коммуникации и обратная связь также помогут сотрудникам понять, как их личные интересы вписываются в общую цель бюро. В-третьих, важно обеспечить прозрачность и справедливость во всех аспектах работы адвокатского бюро. Определение ясных критериев оценки работы и карьерного роста способствует тому, чтобы личные интересы адвокатов были подчинены общим интересам бюро.

Одной из ключевых стратегий управления мотивацией является разработка четкой системы вознаграждений. Здесь важно учитывать как материальные, так и нематериальные стимулы. Сотрудникам адвокатского бюро необходимо чувствовать себя оцененными и признанными за свои достижения. Такая система вознаграждений может включать как финансовые поощрения, например, премии или бонусы за успешное завершение проектов [12, с. 114], так и различные формы признания, такие как поощрительные письма или благодарности от руководства, а также моральные, социальные и творческие стимулы [11, с. 47].

Профессиональный рост и развитие играют также важную роль в мотивации сотрудников адвокатского бюро. Предоставление возможностей для обучения, участия в семинарах или конференциях, повышения квалификации или получения дополнительных сертификатов позволяет сотрудникам постоянно развивать свои навыки и компетенции. Это не только будет служить их личному профессиональному росту, но и способствует повышению качества работы адвокатского бюро в целом.

Централизация как принцип управления, по А. Файолю, в управлении адвокатским бюро означает концентрацию принятия важных решений и контроля над действиями всех сотрудников в руках управляющего. Один из главных аргументов в пользу централизации – это единое видение стратегии и целей, которые преследуются. Каждый юрист может быть экспертом в своей области, но вместе они должны работать как единая команда, идеально выполнять задачи и достигать целей. Централизация позволяет установить единый курс и координировать усилия сотрудников, что в результате обеспечивает более эффективное представление интересов клиентов. Еще одно преимущество централизации – это улучшение коммуникации между сотрудниками. Взаимодействие и обмен информацией становятся более прозрачными и эффективными, поскольку централизованная система управления облегчает поток информации между всеми юристами бюро. Кроме того, централизация позволяет эффективно использовать ресурсы бюро. Управляющий имеет возможность оптимизировать распределение задач и обязанностей между сотрудниками, учитывая их знания и навыки. Это помогает избежать ситуации, когда несколько юристов работают над одним и тем же делом. Такой подход способствует повышению производительности и эффективности бюро в целом. Однако, необходимо учитывать и потенциальные недостатки централизации в управлении адвокатским бюро. Полное централизованное управление может ограничить свободу действий юристов и их способность принимать самостоятельные решения.

Иерархическая структура, по мнению А. Файоля, является одним из основных принципов управления во многих организациях, включая адвокатские бюро. На вершине иерархии находится сам основатель и глава организации. Он берет на себя ответственность за стратегическое управление и принятие ключевых решений, которые влияют на всю деятельность. Далее находятся партнеры, которые помогают в реализации стратегических целей. Они отвечают за руководство подразделениями, ресурсы, взаимодействие с клиентами и контроль качества предоставляемых услуг. Каждый партнер имеет свою сферу ответственности, но все они работают в тесном сотрудничестве для достижения общих целей под управлением управляющего партнера. В нижней части иерархии находится административный персонал, который выполняет рутинные задачи, такие как бухгалтерия, архивирование, управление документами и поддержка в организационных вопросах [10, с. 141].

Принцип порядка в управлении адвокатским бюро олицетворяет систематический и организованный подход к деловым операциям, ресурсам и процессам. Этот принцип объединяет несколько важных аспектов. Во-первых, порядок в управлении проявляется в четком определении иерархии и ролей сотрудников. Каждый сотрудник имеет свою область ответственности и знает, какую роль он играет в достижении общей цели бюро. Во-вторых, все сотрудники бюро следуют определенному регламенту, который гарантирует качество оказываемых услуг и удовлетворение клиентов. Принцип порядка требует, чтобы каждый юрист был внимателен к деталям, соблюдал сроки и сотрудничал с коллегами для достижения наилучшего результата. В-третьих, порядок в управлении подразумевает эффективное использование ресурсов, чтобы оптимизировать использование времени, труда и финансовых ресурсов [13, с. 102].

Справедливость является фундаментальным принципом права и играет важную роль в повседневной работе адвокатов. Этот принцип включает в себя ряд аспектов, которые являются важными для обеспечения честности и равноправия в правовой сфере. Во-первых, справедливость требует обеспечить всем клиентам безопасность и защиту их прав. Во-вторых, справедливость включает в себя решение споров и конфликтов на основе законов и правовых норм. Адвокаты строго соблюдают этический кодекс и работают в рамках закона, чтобы защитить интересы своих клиентов. Третий аспект справедливости включает в себя равенство перед законом и равные возможности для всех людей. Принцип равноправия и гарантируют, что ни один клиент не будет подвергнут дискриминации на основе расы, пола, религии или других факторов.

Принцип стабильности рабочих кадров, создание оптимальных условий для привлечения, удержания и развития высококвалифицированных профессионалов. Создание положительной рабочей атмосфе-

ры и установление прозрачных коммуникационных каналов являются еще одним важным аспектом стабильности рабочих кадров [14, с. 41]. Инвестиции в обучение и профессиональное развитие помогают повысить квалификацию юристов, расширить их профессиональные горизонты и удержать талантливых специалистов в команде. Этот подход способствует росту карьеры сотрудников и повышению их мотивации и преданности работе. Также при управлении трудовым потенциалом организации необходимо учитывать соотношение темпов роста заработной платы и производительности труда [15, с. 54–55].

Инициатива как принцип управления, по Анри Файолю, является одним из ключевых принципов успешного управления в современном бизнесе, включая и адвокатские бюро. В контексте адвокатского бюро инициатива играет важную роль в обеспечении высокого качества юридических услуг и удовлетворения потребностей клиентов. Введение инициативы как принципа управления в адвокатское бюро позволяет достичь нескольких ключевых преимуществ. Во-первых, она стимулирует сотрудников к поиску новых и эффективных подходов в решении правовых вопросов. Благодаря этому, адвокаты поощряются к активному исследованию и обновлению своих знаний и навыков, что способствует повышению их профессионализма и компетентности. Во-вторых, инициатива позволяет бюро быть гибким и адаптивным к изменениям в окружающей среде. Юридические требования и нормы регулирования постоянно меняются, и только адаптивные адвокаты смогут эффективно работать в этих условиях. Благодаря принципу инициативы, адвокатское бюро способно быстро реагировать на новые требования и предлагать наиболее соответствующие и инновационные решения. В-третьих, инициатива способствует развитию командного духа и сотрудничеству внутри адвокатского бюро. Когда каждый сотрудник имеет возможность высказывать свои идеи и предлагать улучшения, создается атмосфера доверия и взаимной поддержки. Это позволяет повысить эффективность работы бюро и достигнуть общих целей.

Последний принцип, по А. Файолю, это корпоративный дух, который содействует созданию эффективной и гармоничной рабочей среды, в которой каждый член команды может достичь своих профессиональных целей. Адвокатское бюро, так же как и любое другое предприятие, нуждается в эффективной организации своих ресурсов и управлении персоналом [16, с. 65]. Но в отличие от других организаций адвокаты работают в интеллектуальной сфере, где тонкость мышления, коммуникации и коллективной работы играют решающую роль в достижении успеха клиента. Именно поэтому дух сотрудничества и общей ответственности за исход дел является непременным принципом управления в адвокатском бюро. Мотивация, вовлеченность и чувство принадлежности к команде становятся важными камнями в фундаменте успеха организации [12]. Для успешного развития корпоративного духа в адвокатском бюро необходимо поощрять сотрудничество и обмен знаниями. Проведение совместных тренингов, обсуждение интересных случаев из жизни бюро и участие в профессиональных конференциях позволяют создать атмосферу взаимопонимания и солидарности.

Подытоживая вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что принципы управления Анри Файоля, сформулированные им в начале XX столетия, и описанные в статье, несомненно, представляют собой ценные ориентиры для успешного управления деятельностью адвокатского бюро. В центре его подхода находятся высокие стандарты этики и профессиональной ответственности, что является основой успешного управления в данной отрасли.

Стремление к максимальной квалификации и безупречности юридической работы, акцент на индивидуальном подходе к каждому клиенту, командная работа и коллективное решение проблем позволяет бюро достичь высокого уровня качества предоставляемых услуг и уверенности клиентов в его компетентности. В управлении адвокатским бюро особое значение имеет формирование команды и ее функционирование, так как успешный результат многих дел возможен только благодаря сплоченным и согласованным усилиям ее участников, что, в свою очередь, позволяет эффективно объединять знания и опыт участников команды, а также обеспечивать максимальную компетенцию во всех аспектах оказания юридической помощи.

Таким образом, можно проследить взаимосвязь между принципами управления адвокатским бюро и качеством оказываемой юридической помощи. Заложенные в законе императивные нормы о партнерстве, наличие управляющего партнера, которому другие адвокаты доверяют ведение общих дел бюро, а также совместная ответственность адвокатского бюро, позволяет применять именно те принципы управления, которые обеспечивают реализацию конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020, с изм. от 10.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС КонсультантПлюс.
2. Родионов А. От имени партнеров... // эж-Юрист. – 2004. – № 25. – URL: https://base.garant.ru/3995090/
3. Емельянов В. Осторожно: адвокатское бюро! // ЭЖ-Юрист. – 2003. – № 15. – URL: https://base.garant.ru/3952886/
4. Палеев И.М. Адвокатское бюро в системе адвокатских образований: сравнительно-правовой анализ // Гражданин и право. – 2010. – № 7. – С. 26–32.
5. Буробин В.Н. Русская бизнес адвокатура (Опыт практического создания юридической фирмы). – URL: https://yustina.ru/public/9c/e1/28/e2/37/5c/4d/dd/aa/ee/22/a1/ef/95/66/f2/239b10f182841a3fe307b676348e1389.pdf.
6. Кармах А.Н.Х. Влияние делегирования полномочий на эффективность работы персонала организации // Евразийский союз ученых. – 2018. – № 3-4 (48). – С. 26–28.
7. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
8. Яшкова Е.В., Лаврентьева Л.В., Жбаков Е.Б. Профессиональное развитие управленческого персонала как инновационный тренд в работе организации // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-4. – С. 314–317.
9. Адвокатура в России: учеб. для вузов / Под ред. д.ю.н., проф. В.И. Сергеева. – М.: Юстицинформ, 2019. – 548 с.
10. Общее управление НКО: курс лекций. Школа управления НКО. Кн. 1 / Под ред. Центра поддержки НКО. – М.: Изд-во МСоЭС, 2002. – 340 с.
11. Вагнер В.А., Лымарева О.А. Мотивация и стимулирование персонала // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 1-1 (95). – С. 45–49.
12. Терелецкова Е.В., Халитова Э.Р. Мотивация как один из инструментов снижения текучести персонала // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 1-2 (95). – С. 112–115.
13. Потепнева А.А. Организационная культура и ее влияние на управление персоналом в организации // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. – 2016. – № 12. – С. 99–104.
14. Климин С.А., Захарова Л.Н. Роль организационной культуры и корпоративного духа в управлении поведением персонала организаций сферы услуг // Научные известия. – 2020. – № 18. – С. 40–44.
15. Забродин А.Н. Оптимизация управления трудовым потенциалом как фактор эффективного управления экономическими ресурсами современной организации // Вестник научных конференций. – 2016. – № 7-1 (11). – С. 53–57.
16. Удалов Ф.Е., Алёхина О.Ф., Гапонова О.С. Основы менеджмента: учеб. пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2013. – 363 с.

Management Principles of Henri Fayol and the Practice of Their Implementation in the Management of a Law Office

Muratova N.D.
Republic of Tatarstan «Muratova and Partners» (Kazan)

Currently, the Law on Advocacy contains a few rules that are not fully capable of clearly regulating relations in the field of managing a law office. Thus, a rather brief regulatory provision of the law stating that the general affairs of a law office is carried out by the managing partner, unless otherwise established by the partnership agreement, actually carries enormous managerial and resource opportunities. It is the managing partner, with proper and systematic regulation in the conditions of contractual relations between partner lawyers, who demonstrates leadership qualities from the standpoint of ensuring the effective functioning of a law office in the legal services market. The study of legal means and methods aimed at the legal regulation of managerial relations in a law office will help determine the opportunities, risks and prospects for the development of such a form of legal education as a law office.

Key words: law office, management principles, managing partner

УДК 343.137.9

Обоснованность применения досудебного соглашения о сотрудничестве как фактор прекращения его действия

Полякова И.И.
Прокурор отдела Управления по надзору
за исполнением федерального законодательства
Прокуратуры Республики Татарстан (Казань)

В статье отмечается, что регламентация в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации применения досудебного соглашения о сотрудничестве требует совершенствования. На этапе заключения досудебного соглашения отсутствие надлежащего контроля со стороны обвинения может привести к возникновению факторов для последующего прекращения его действия в случае заключения необоснованного соглашения, не отвечающего своему назначению. В этой связи существенное значение имеет проверка стороной обвинения обоснованности выдвигаемых подозреваемым (обвиняемым) условий соглашения и значимости их выполнения для расследования уголовного дела.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, следователь, прокурор, подозреваемый, обвиняемый, сторона обвинения, предварительное следствие, заключение досудебного соглашения, прекращение досудебного соглашения, уголовный процесс

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве введен в российское уголовно-процессуальное законодательство 14 лет назад как эффективное средство противодействия организованным формам преступности [1].

Вместе с тем имеющиеся пробелы правового регулирования уголовно-процессуального законодательства, в том числе регламентации процедуры применения и прекращения действия досудебного соглашения о сотрудничестве оказывают влияние на качество расследования преступлений, процент раскрываемости уголовных дел, рост наиболее опасных проявлений преступности – организованной и профессиональной [2, с. 12], а также на концепцию безопасности личности в качестве основополагающей черты современного правового государства [3, с. 168].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. количество рассмотренных уголовных дел с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве составило 3188, в 2022 г. – 3271, в 1 полугодии 2023 г. – 1488 (за аналогичный период прошлого года – 1566) [4].

Статистика показывает, что количество уголовных дел с заключенным досудебным соглашением за последние два года сократилось. Указанное обстоятельство свидетельствует о том, что следственные органы и прокуратура стали более тщательнее подходить к вопросу применения досудебного соглашения.

Безусловно, такой подход является верным. Изучение автором более 100 уголовных дел с заключенным досудебным соглашением позволило сделать вывод о негативной тенденции заключения соглашения, которая заключалась в необоснованном его применении, когда информация, выдаваемая следствию в рамках сотрудничества, могла стать известна в ходе следствия без применения соглашения либо подобные сведения уже были получены до момента заключения соглашения. Досудебное соглашение зачастую заключалось с лицами, ранее судимыми и выступавшими в роли организаторов преступной деятельности, которые имели своей целью выдачу следствию сведений «для галочки», не существенно значимых для расследования дела.

В этой связи уменьшение количества заключаемых соглашений ввиду сложившегося подхода сто-

роны обвинения к применению досудебного соглашения свидетельствует об улучшении их качества и эффективности для расследования уголовных дел.

Вместе с тем, как отмечалось выше, имеющиеся правовые пробелы в процедуре применения и прекращения действия досудебного соглашения о сотрудничестве оказывают негативное влияние на соблюдение прав лица, заключающего соглашение.

Примечательным является следующий пример из практики. В отношении обвиняемого «Л» было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе предварительного следствия установлено, что генеральный подрядчик «Н» и подрядчик «М», действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, путем обмана и злоупотребления доверием, под предлогом выполнения комплекса работ в рамках договора, заключенного между вышеуказанными организациями, похитили денежные средства на сумму не менее 8 млн руб.[1]

Будучи допрошенным по существу обвинения, «Л» свою вину не признал.

От обвиняемого «Л» и следователя на имя прокурора поступили ходатайство и постановление о возбуждении ходатайства о заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, в рамках которого в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступной группы, последний обязуется в случае необходимости принимать участие во всех следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на изобличение других лиц в совершении преступлений а также предоставить следующие сведения:

– указать иное лицо, которое незаконно получило от него денежные средства в виде взятки, дать подробные показания, изобличающие указанное лицо в совершении преступлений, предусмотренных ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– дать признательные показания в части совершенного им преступления.

Итогом рассмотрения ходатайства обвиняемого и постановления следователя стало постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве ввиду нецелесообразности его заключения. В ходе принятия подобного решения прокурором сделаны следующие выводы. Непосредственное изучение сведений, указывающих на преступную деятельность обвиняемого и влияющих на доказательства по делу, показало, что по уголовному делу имеются достаточные основания для привлечения обвиняемого «Л» к уголовной ответственности.

В связи с отсутствием завершения расследования уголовного дела на момент подачи ходатайства о заключении соглашения прокурор полагал, что данные о лице, которое незаконно получило от «Л» денежные средства в виде взятки, могут быть установлены в рамках предварительного расследования без участия обвиняемого. Прокурор посчитал, что сведения о конкретных обязательствах, имеющих значимость для расследования, в поступившем ходатайстве обвиняемого отсутствовали. Ввиду изложенного, по окончании предварительного расследования принятие прокурором обоснованного решения о вынесении представления об особом порядке проведения судебного заседания не представляется возможным.

Считаем позицию прокурора в данном случае более чем обоснованной.

Прежде всего обвиняемый «Л» выступил с заявлением о выполнении «условия» соглашения в виде признания вины в инкриминируемом деянии. Изучение практического аспекта проблемы применения и реализации досудебного соглашения в виде материалов уголовных дел показывает, что в тексте досудебного соглашения изначально прописан факт признания вины в совершении преступления. То есть, изъявляя желание сотрудничества, обвиняемый априори признает вину в совершенном преступлении. В данном случае предложенное условие, на наш взгляд, является неуместным и не представляет целесообразности для расследования. Совершая сделку со следствием, преступником движет единственное желание – смягчение наказания, которое возникает от понимания неотвратимости последствий совершенного деяния в виде назначения наказания. Следовательно, отсутствие признания вины лишь усугубит и без того «незавидное» положение преступника, в данном случае обвиняемого «Л».

Следует отметить, что перед заявлением ходатайства о заключении досудебного соглашения «Л» был уведомлен о том, что в случае, если после заключения досудебного соглашения им будут предоставлены ложные сведения или скрыты от следователя или прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, уголовное наказание, в соответствии со ст. 63.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, будет назначено в общем порядке.

Подобное уведомление практически равнозначно по смыслу предупреждению о прекращении действия досудебного соглашения в случае сообщения лицом, заключающим соглашение, ложных сведений в рамках выполнения его условий.

Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство при отсутствии регламентации порядка прекращения действия соглашения в целом не содержит обязанности следователя либо прокурора уведомления подозреваемого (обвиняемого) о пре-

[1] Архив прокуратуры Республики Татарстан. 2023 год.

кращении действия досудебного соглашения при невыполнении его условий, что, на наш взгляд, является существенным пробелом.

При сообщении в рамках досудебного соглашения подозреваемым (обвиняемым) сведений об иных преступлениях и иных лицах, совершивших преступления, возникает проблема его дальнейшего участия в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях в рамках возбужденных по указанным фактам уголовных дел.

Дело в том, что по очередности окончания расследования уголовных дел первым по смыслу будет окончено дело с заключенным досудебным соглашением, тогда как по фактам, изложенным обвиняемым в рамках выполнения условий соглашения, производство по делу будет не завершено.

При таких обстоятельствах после вынесения приговора в отношении обвиняемого, заключившего соглашение, дальнейшего интереса к сотрудничеству со следствием у него не возникнет. Правовой рычаг по обязыванию лица стороной обвинения участвовать в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях по новым сведениям, сообщенным им в рамках соглашения, действующим законодательством не предусмотрен. После вынесения приговора, как правило, со смягчением наказания действие досудебного соглашения окончено, соответственно, преступник имеет право не оказывать сотрудничество следствию по расследованию иных эпизодов уголовного дела либо новых уголовных дел, возбужденных по его показаниям, данным в ходе исполнения условий соглашения.

Поэтому вопрос о целесообразности заключения досудебного соглашения при наличии условий сообщения об иных лицах, совершивших преступления и иных преступлениях, требует более детального изучения.

В случае заключения соглашения при наличии подобных условий в процессе реализации его действие может быть прекращено по причинам, изложенным в вышеприведенном примере, ввиду нецелесообразности. Кроме того, в рассматриваемом примере обвиняемый не предлагает в качестве условия соглашения осуществить розыск имущества, добытого в результате преступления, а равно являющимся предметом преступления [5, с. 224], таким как денежные средства. Однако проблема возмещения причиненного преступлением материального ущерба потерпевшему в настоящий момент является весьма актуальной [6, с. 110].

В.В. Колесник справедливо отмечает, что принятие решения о заключении соглашения – это право прокурора, но не его обязанность. Отрицательное решение прокурора об особом порядке судебного заседания в отношении сотрудничающего лица существенно ухудшает его положение и снижает перспективу снижения назначения [7, с. 144]. Такая же перспектива возникает у обвиняемого при принятии отрицательного решения прокурором о заключении соглашения.

Оценивая правовую природу досудебного соглашения о сотрудничестве, следует согласиться с мнением Н.С. Мановой о том, что для лица, идущего на сделку, в содержании условий досудебного соглашения отсутствует некое авансирование, которое присуще институту условно-досрочного освобождения от отбывания наказания [8, с. 226]. Впоследствии обвиняемый «Л» вновь обратился с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Постановление следователя о возбуждении ходатайства о заключении соглашения прокурором вновь было отменено.

Следует отметить, что во второй раз постановление об отказе в удовлетворении ходатайства вынесено тем же самым должностным лицом. В случае несогласия с принятым решением обвиняемый вправе обжаловать его вышестоящему прокурору. Но в данном случае, обращаясь во второй раз, обвиняемый лишен возможности обжалования решения прокурора более вышестоящему должностному лицу по иерархии подчиненности.

Глава 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» не содержат положений о том, что в случае отказа прокурора в удовлетворении ходатайства на заключение соглашения, его условия могут быть доработаны в какой-либо разумный срок и вновь приняты к рассмотрению. В подобном случае последующее решение прокурора об удовлетворении ходатайства либо об отказе в удовлетворении должно приниматься вышестоящим должностным лицом органа прокуратуры. Соответственно, обжалование последующего решения по тому же самому ходатайству подлежало вышестоящему прокурору.

Ввиду изложенного считаем необходимым внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, касающиеся возможности отражения замечаний прокурора по существу условий соглашения во вносимом постановлении с возможностью их доработки подозреваемым (обвиняемым) и вынесения последующего решения вышестоящим должностным лицом.

Литература:.

1. Пояснительная записка к законопроекту № 485937. – URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=485937-4 (дата обращения: 24.11.2023).
2. Епихин А.Ю. Правовые основы безопасности личности и уголовного судопроизводства в отдельных международных документах // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2012. – № 2. – С. 12–14.
3. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-тет им. Питирима Сорокина, 2000. – 168 с.
4. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 24.11.2023).
5. Епихин А.Ю., Тагиров А.Н. О расширении основания заключения досудебного соглашения о сотрудничестве «Содействие в розыске имущества, добытого в результате преступления» // Вестник научных трудов. Юристъ. Вып. № 7: по материалам заседания II Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции (4 декабря 2018 г.) / Под ред. С.Л. Алексеева, М.С. Бадрутдинова, А.А. Даренкова, С.Ф. Рахимова, Ю.С. Сергеевой, Р.Н. Шайдуллина. – Казань: АНО ВО «Академия социального образования», 2018. – С. 248–254.
6. Епихин А.Ю. Повышение уголовно-правовой защищенности имущественных и иных прав потерпевшего // Современное право. – 2014. – № 6. – С. 110–113.
7. Колесник В.В. Полномочия прокурора при несогласии с выполнением условий досудебного соглашения о сотрудничестве // Ex Jure. – 2022. – № 4. – С. 134–144.
8. Манова Н.С. Нравственные аспекты и проблемы законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 4. – С. 102–107.

Justification for Applying a Pre-Trial Cooperation Agreement as a Factor in the Termination of it's Action

Polyakova I.I.
Prosecutor's Office of the Republic of Tatarstan

The article notes that the regulation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation of the application of a pre-trial cooperation agreement requires improvement. At the stage of concluding a pre-trial agreement, the lack of adequate control on the part of the prosecution can lead to the emergence of factors for the subsequent termination of its validity in the event of an unreasonable agreement that does not meet its purpose. In this regard, it is essential to check by the prosecution the validity of the terms of the agreement put forward by the suspect (accused) and the significance of their implementation for the investigation of the criminal case.

Key words: pre-trial cooperation agreement, investigator, prosecutor, suspect, accused, prosecution, preliminary investigation, conclusion of a pre-trial agreement, termination of a pre-trial agreement, criminal process

УДК 342.5

О правоприменительной практике старосты сельского населенного пункта как субъекта общественного контроля

Привалова Е.А.
Аспирант кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета (Йошкар-Ола)

В статье анализируется федеральное и региональное законодательство, нормативные правовые акты местного самоуправления, устанавливающие правовые основы института старосты сельского населенного пункта. Исследуется опыт создания и развития института старосты сельского населенного пункта в регионах Российской Федерации. По результатам исследования формируется предложение по внесению изменений в действующее законодательство по осуществлению общественного контроля на местном уровне.

Ключевые слова: институт сельского старосты, органы публичной власти, органы местного самоуправления, общественный контроль, вопросы местного значения

В настоящее время институт сельского старосты является одним из динамически развивающихся видов представительств граждан на местном уровне. Полагаем, что он является важным инструментом в реализации конституционных прав граждан по управлению делами государства на местном уровне, гарантированных ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации. Нельзя не согласиться с мнением ученого-правоведа С.А. Авакьяна, который утверждает, что «староста выполняет представительские функции, в том числе обеспечивает контакты населения с муниципальными органами и их аппаратом» [1, с. 153]. В связи с этим целесообразно изучить правоприменительную практику старосты с точки зрения возможности осуществления им общественного контроля за органами местного значения.

Правовое регулирование института сельского старосты осуществляется на основании Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). На уровне субъектов Российской Федерации правовое регулирование института сельского старосты определяется законами о старостах сельских населенных пунктов и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации об отдельных вопросах статуса и деятельности старосты сельского населенного пункта. Например, на территории Нижегородской области действует Закон Нижегородской области от 2 апреля 2019 г. № 28-З «О старостах сельских населенных пунктов Нижегородской области», который определил гарантии деятельности и иные вопросы статуса данного лица. Аналогичные законы приняты также в Московской области, Пермском крае, Республике Карелия, Республике Хакасия, Воронежской области и др. Между тем в Мурманской области принят Закон от 13 июня 2019 г. № 2383-01-ЗМО «Об отдельных вопросах статуса и деятельности старосты сельского населенного пункта Мурманской области», который регламентирует, в частности, полномочия и права старосты, гарантии его деятельности и иные вопросы. Аналогичные законы приняты также в Ивановской области, Свердловской области, Кировской области, Самарской области, Сахалинской области, Курской области, Иркутской области и др. Следует отметить, что на местном уровне правовое регулирование института сельского старосты определяется различными муниципальными нормативными правовыми актами. Как правило, порядок назначения, полномочия, основания прекращения полномочий старосты, гарантии деятельности, а также иные вопросы статуса устанавливаются

уставом муниципального образования и (или) нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования. Например, в Республике Марий Эл во всех уставах муниципальных образований существуют статьи, которые регулируют вопросы статуса сельского старосты. Более того, в некоторых поселениях разработаны и приняты Положения о старостах сельских населенных пунктов (в частности, в Куженерском, Горномарийском, Параньгинском районах), в которых определяются права и полномочия данного лица, гарантии его деятельности (включая случаи, порядок и размеры компенсации расходов, связанных с осуществлением деятельности старосты), а также форма, описание и порядок выдачи удостоверения старосты.

Заслуживает внимания позиция А.Г. Быковой, которая отмечает необходимость урегулирования вопроса правового статуса сельских старост либо на уровне Федерального закона № 131-ФЗ, или внести в него норму, обязывающую субъекты Российской Федерации самостоятельно регулировать его на своем уровне, не отдавая местному самоуправлению. Нельзя не согласиться с этим мнением, действительно, «унификация данного института позволит решить многие проблемы правового статуса сельских старост, в частности, приведет к четкому пониманию, для чего он нужен, и к пониманию о невозможности встраивания сельского старосты в вертикаль власти» [2, с. 25].

На сегодняшний день практика развития института старосты в системе местного самоуправления в Российской Федерации разнообразна. В связи с этим целесообразно рассмотреть на примере Республики Марий Эл опыт его создания и развития. Согласно данным Министерства внутренней политики, развития местного самоуправления и юстиции Республики Марий Эл, по состоянию на 1 января 2023 г. на территории Республики Марий Эл предусмотрено назначение сельских старост в 3 муниципальных районах, в 8 городских поселениях, в 64 сельских поселениях. Однако избраны (назначены) и действуют сельские старосты в 4 муниципальных районах, 7 городских поселениях и в 33 сельских поселениях [3]. Таким образом, всего предусмотрено назначение сельских старост в 75 муниципальных образованиях, однако избраны (назначены) и действуют сельские старосты (не менее одного) в 44 муниципальных образованиях. Представляется, что для эффективного решения вопросов местного значения необходимо прежде всего создать условия для развития институтов старост сельских населенных пунктов.

Во-первых, для эффективного развития института сельского старосты и проведения всестороннего общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления недостаточно наделить только общественные палаты (советы) муниципальных образований статусом субъекта общественного контроля. Представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ), включив сельских старост в качестве субъекта общественного контроля. Следует согласиться с мнением Т.Н. Михеевой, полагающей что, «включение старосты в число легитимных субъектов общественного контроля будет способствовать развитию всех форм общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в части проведения оценки принятых решений по вопросам местного значения, которые напрямую влияют на жизнь граждан» [4, с. 150].

Во-вторых, необходимо сформировать и обеспечить использование организационно-хозяйственных механизмов взаимодействия между органами публичной власти и сельскими старостами, обеспечить необходимыми для решения возложенных задач финансовыми ресурсами. Важным для исследования является точка зрения М.Ф. Гацко, А.А. Наумова, которые отмечают, что «на сельского старосту возлагаются обязанности организации взаимодействия органов местного самоуправления и жителей сельского населенного пункта при решении вопросов местного значения в сельском населенном пункте. Между тем законодательно источники финансирования института сельского старосты не определены» [5, с.148]. Представляется, что для развития института сельского старосты целесообразно предусмотреть поддержку за счет средств регионального бюджета. На муниципальном уровне потребуется разработка соответствующих программ поддержки инициатив сельского старосты, направленных на благоустройство территорий за счет средств муниципальных бюджетов.

К примеру, показатели развития института сельских старост в Республике Марий Эл позволяют говорить о заинтересованности гражданского общества в решении вопросов местного значения. Изучив правоприменительную практику, необходимо сказать, что в настоящее время институт сельского старосты имеет целостную систему правового регулирования. Вместе с тем с целью совершенствования данного института видится необходимым:

1) в целях поощрения деловой и социальной активности населения в осуществлении собственных инициатив при решении вопросов местного значения на территории муниципальных образований Республики Марий Эл учредить для них региональный конкурс «Лидер общественного самоуправления». Аналогичная практика успешно реализуется в Белгородской области (Постановление Правительства Белгородской области от 16 декабря 2013 г. № 511-пп, а также Распоряжение Правительства Белгородской области от 20 июля 2020 г. № 323-рп). Цель конкурса – софинансирование рас-

ходных обязательств муниципальных образований, направленных на развитие на территории субъекта Федерации института старост сельских населенных пунктов, реализующих проекты. Представляется, что это способствует активизации участия старост в социально-экономическом развитии муниципальных образований.

2) предусмотреть правовой механизм предоставления компенсационных выплат, связанных с осуществлением полномочий сельского старосты в сельских населенных пунктах Республики Марий Эл, отдаленных от административного центра более чем на 10 км. Аналогичная практика успешно реализуется в Оренбургской области (Постановление Правительства Оренбургской области 19 марта 2020 г. № 183-пп).

3) в рамках оказания правовой помощи необходимо разработать методические рекомендации по организации деятельности старост сельских населенных пунктов, в которых должна содержаться следующая информация – справочник, информация по населенному пункту (количество населения, жилых домов, пожарных водоемов, детских садов, школ, лечебных учреждений и т.д.), правовая основа организации деятельности старосты сельского населенного пункта, мероприятия, выполняемые старостой населенного пункта. Необходимо отметить, что подобная практика успешно реализуется в Рязанской области.

В завершение анализа правоприменительной практики видится необходимым обратить особое внимание на главную цель осуществления общественного контроля – обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, которая закреплена в ст. 5 Федерального закона № 212-ФЗ. В настоящее время староста выступает действующим механизмом реализации общественных инициатив на уровне муниципальных образований, способствующим развитию активности граждан, именно поэтому необходимо всесторонне содействовать развитию данного института.

Несмотря на достигнутые результаты, исходя из современных реалий, следует оперативно корректировать механизмы взаимодействия сельских старост с органами публичной власти, что приведёт к созданию условий для стабильного социально-экономического развития муниципальных образований.

Нельзя не согласиться с мнением С.А. Авакьяна, согласно которому «общественный контроль традиционно считается необходимым средством влияния на публичную власть, способствует эффективной деятельности государственных и муниципальных органов, а порой и воздействует в целом на организацию, структуру власти, на противодействие коррупции» [1, с. 7].

Литература:

1. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. – М.: Юстицинформ, 2022. – 484 с.
2. Быкова А.Г. К вопросу о правовом статусе сельских старост // Сибирское юридическое обозрение. – 2015. – № 4 (29). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-statuse-selskih-starost (дата обращения: 01.08.2023).
3. Информация о развитии системы местного самоуправления по состоянию на 1 января 2023 г. в Республике Марий Эл. – URL: https://mari-el.gov.ru/ministries/minjust/ (дата обращения: 09.08.2023).
4. Михеева Т.Н. Институт старосты сельского населенного пункта через призму общественного контроля» // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 1 (140). – С. 149–150.
5. Гацко М.Ф., Наумов А.А. Институт сельских старост и необходимость развития конституционных основ местного самоуправления // Конституция Российской Федерации: первые 25 лет. Межвузовская науч.-практ. конференции, посвящённой 25-летию принятия Конституции РФ и Международному дню прав человека. Под ред. С.А. Глотова, М.Ф. Гацко. – М.: Международный юридический институт, Белый Ветер, 2019. – С. 140–149.

About the Law Enforcement Practice of the Headman of a Rural Settlement as a Subject of Public Control

Privalova E.A.
Mari State University (Yoshkar-Ola)

The article analyzes federal and regional legislation, regulatory legal acts of local self-government, establishing the legal basis of the institute of the headman of a rural locality. The experience of the creation and development of the institute of the headman of a rural settlement in the regions of the Russian Federation is investigated. Based on the results of the study, a proposal is being formed to amend the current legislation on the implementation of public control at the local level.

Key words: institute of village headman, public authorities, local self-government bodies, public control, local issues

УДК 347.454.3

Возмещение стоимости дополнительных работ по договору строительного подряда в практике применения контрактов *FIDIC*

Сайфутдинова Д.Р.
Юрисконсульт 1 категории
ООО «Газпром газомоторное топливо» (Казань)

В данной статье изучены подходы законодателя к правовому регулированию института возмещения стоимости по договору строительного подряда в практике применения контрактов FIDIC с использованием сравнительного правового метода.

Российское законодательство и судебная практика определила и выявила четкие требования к тому, как действовать подрядчику, который обнаружил необходимость в проведении не предусмотренных договором подряда работ, как возместить стоимость дополнительных работ. Однако в данной статье были определены ряд отличий в правовом регулировании российского законодателя и в практике применения контрактов FIDIC по вопросам уведомления заказчика о дополнительных работах, приемки результата работ по договору, фиксирования в договоре цены работ.

Ключевые слова: договор строительного подряда, дополнительные работы, FIDIC, возмещение, стоимость, иностранный правовой опыт, строительство

В российском законодательстве при заключении договора строительного подряда невозможно предусмотреть необходимые объемы выполняемых работ. Российский законодатель регламентирует возможность согласования сторонами дополнительных объемов работ и их правовое регулирование. Необходимость в их проведении может быть выявлена как заказчиком, так и подрядчиком строительства уже после подписания договора и в процессе исполнения.

В практике применения контрактов, утвержденных *FIDIC* (от фр. *Fédération Internationale Des Ingénieurs-Conseils,* англ. *International Federation of Consulting Engineers*) – Международной федерацией инженеров-консультантов, регламентированы дополнительные работы. Если в ходе строительства подрядчик обнаружит необходимость выполнения дополнительных работ, не предусмотренных проектно-сметной документацией, что может привести к увеличению сметной стоимости, то он должен сообщить об этом заказчику. В формах *FIDIC* есть условия, которые уже охватывают такие вопросы, но также есть различия по конкретным условиям с учетом императивных норм [1].

1. Уведомление заказчика о дополнительных работах.

В соответствии с п. 5 ст. 709 ГК РФ подрядчик обязан своевременно предупредить заказчика о возникшей необходимости в проведении дополнительных работ и связанном с этим существенном превышении определенной приблизительно цены работы. Если же заказчик не согласен на увеличение указанной в договоре подряда цены работы, то вправе отказаться от договора. В этом случае подрядчик может требовать от заказчика уплаты ему стоимости выполненной части работ. Подрядчик, который своевременно не предупредил заказчика о необходимости увеличения указанной в договоре цены работы, обязан выполнить работы по стоимости, определенной в договоре [2; 3].

ВАС РФ в Определении от 11.01.2011 г. № ВАС-17600/10 по делу № А33-18557/2009 дал определение дополнительным работам, которые обнаруживаются подрядчиком в ходе проведения строительных работ и которые отсутствуют в технической документации. Необходимость определяется, исходя из критерия невозможности дальнейшего продолжения строительства [3; 4].

В случае неполучения подрядчиком ответа на свой запрос от заказчика в течение 10 дней, он вправе приостановить соответствующие работы с отнесением убытков от простоя за счет заказчика. В случае невыполнения подрядчиком обязанности по информированию заказчика о необходимости дополнительных работ и связанном с этим увеличении сметной стоимости он не вправе требовать от заказчика оплаты дополнительных работ и компенсации.

Однако это положение не применяется, если подрядчик доказал необходимость немедленных действий в интересах заказчика, если приостановление работ может привести к разрушению или повреждению строящегося объекта. Если заказчик согласен на выполнение подрядчиком дополнительных работ и обязуется их оплатить, подрядчик вправе отказаться от выполнения этих работ, но только в случаях, когда работа выходит за рамки его профессиональной деятельности или не может быть выполнена по независящим от него причинам.

Отличие в регулировании данного вопроса от российского законодательства в том, что заказчик имеет право не только заявить о необходимости в выполнении дополнительных работ, но также имеет право потребовать выполнить непредвиденные работы, но не новые работы [5].

Дополнительные работы – это работы того же характера, что и первоначально указанные в договоре. Непредвиденные работы – это те, которые не были предусмотрены на момент заключения договора, но стали необходимыми в ходе выполнения работ. Поскольку дополнительные работы имеют тот же характер, что и первоначальные работы, они не указывались в договоре. С другой стороны, непредвиденные работы оцениваются по другой стоимости, чем те, которые содержатся в договоре. Это различие аналогично тем, которые указаны в п.п. 52.1 и 52.2, в положениях условий *FIDIC*. Действительно, указанное выше различие между непредвиденными работами и дополнительными работами может быть использовано арбитрами в качестве объективного критерия для проверки полномочий инженера в оценке различных работ и рассмотрения вопроса о том, должны ли на такие работы распространяться цены и расценки, содержащиеся в договоре. В любом случае право заказчика изменять работы в договорах на выполнение строительных работ ограничено двумя существенными факторами [7].

Во-первых, дополнительные работы должны оставаться в рамках технических и экономических возможностей подрядчика. То есть изменение не должно приводить к экономическому неравновесию контракта.

Во-вторых, новые работы не могут быть разрешены. Новыми могут быть следующие работы: решение о переносе строительства на три километра от места проведения первоначальных работ; приказ подрядчику, заключающему договор на техническое обслуживание, выполнить строительные работы; заказ дноуглубительному подрядчику на выполнение водоотливных работ и приказ следовать новому методу строительства, радикально отличающемуся от первоначально согласованного.

В соответствии с п. 52.2, подрядчик будет иметь право требовать доплаты за дополнительные работы, заказанные в соответствии с п. 51.2, если он уведомил инженера о намерении потребовать дополнительные платежи, изменение ставки или цены в течение 14 дней с даты порядка изменения и до начала различных работ. В равной степени подрядчик имеет право на эти дополнительные платежи, если он получил уведомление от инженера о своем намерении изменить ставку или цену в течение периода, указанного выше.

С точки зрения английского прецедентного права, такое уведомление является предварительным условием для любых дополнительных платежей за дополнительные работы. Согласно английскому законодательству, несоблюдение этого требования об уведомлении лишает подрядчика требований о дополнительных деньгах на основании п.п. 51 и 52.

Это решение не предусматривается по египетскому законодательству. Согласно египетскому законодательству, такое уведомление трудно охарактеризовать как предварительное условие. Несоблюдение подрядчиком требования об уведомлении не освобождает его от претензий по условиям контракта. Аналогичным образом, непредставление подрядчиком своего намерения подать свое требование инженеру в течение 28 дней после события, послужившего основанием для иска, не лишает подрядчика права на защиту. Однако это требование не должно превышать суммы, которую можно подтвердить технической документацией [5].

В российском законодательстве предусматриваются не непредвиденные работы, а работы, связанные с экстренной необходимостью. Из ст. 743 ГК РФ вытекает возможность подрядчика выплаты стоимости дополнительных работ при экстренной необходимости, то есть ситуацией, при которой приостановление работ привело бы к гибели или повреждению уже полученных результатов строительства.

Подрядчик должен доказать наличие экстренной ситуации в соответствии с п. 4 ст. 743 ГК РФ. Подрядчик должен заранее прогнозировать характер и объем подлежащих производству работ, а также наличие обстоятельств, которые могут послужить основанием для гибели и повреждения объекта в случае приостановления работ [1; 3].

2. Зафиксированная в договоре цена работ.

В случае если согласованная цена является фиксированной и не может быть увеличена из-за каких-либо претензий, то заказчик может потребовать от подрядчика дополнительных работ без дополни-

тельного вознаграждения, если такие работы необходимы для выполнения [8].

В соответствии с методом единовременной выплаты, заранее согласованная сумма выплачивается заказчиком, а фактически выполненные работы не измеряются, а оплачиваются в соответствии с графиком платежей, в основном после завершения заранее определенных этапов или когда проект полностью завершен. На цену также влияют претензии, изменения и корректировки, основанные на конкретном распределении договорных рисков, вариантах претензий и процедуре изменения. Единовременная сумма должна быть достаточной для покрытия ожидаемых затрат, накладных расходов, прибыли и надбавки за риск. Основным преимуществом для заказчика является определенность затрат. Это преимущество теряется там, где надбавка слишком высока и когда риски конкретного проекта трудно поддаются оценке. Споры возникают при таких обстоятельствах, когда различные или дополнительные работы и претензии в договоре не решаются по заранее определенным правилам или при здравом и справедливом подходе всех вовлеченных участников. Альтернатива, называемая «подробным договором с единовременной оплатой», иногда встречается, например, в Германии. Некоторые авторы говорят о «системном выборе», который в связи с этим должен сделать заказчик. Если заказчик выбрал «систему» контракта с единовременной оплатой с таким подробным описанием договорных услуг, подрядчик должен выполнять только те услуги, которые подробно описаны в соответствии с согласованной единовременной оплатой. Попытка заказчика уклониться от этого путем добавления пункта о полноте к «подробному договору с фиксированной суммой» будет считаться недействительной в Германии [9].

В судебной практике Германии сформирован ряд положений:

«Спецификации и чертежи были переданы подрядчику только для его ознакомления в качестве необязательных предложений; в этом отношении подрядчик берет на себя ответственность за пригодность и правильность этих документов». Другими словами, этот пункт переносит ошибки в спецификациях и чертежах заказчика на подрядчика через контракт и является недействительным [10].

«Согласованная цена является фиксированной и не может быть увеличена из-за каких-либо претензий» и «Заказчик может потребовать от подрядчика дополнительных работ без дополнительного вознаграждения, если такие работы необходимы для выполнения». Эти пункты признаются недействительными [8].

«Подрядчик ознакомился с геологическими и гидрологическими условиями участка и, следовательно, не может требовать дополнительной оплаты на этих основаниях». Обязанностью заказчика является предоставление информации о геологических и гидрологических условиях площадки для обеспечения оценки предложений [10].

Необоснованные оговорки, связанные со сроками, такие как: «Подрядчик приступает к работе сразу же после получения указаний от заказчика; срок завершения – 5 месяцев». Такой пункт недействителен из-за неясности. Подрядчик не знает, когда начнется работа. Подобная оговорка будет действительна только в том случае, если она допускает требования подрядчика о дополнительной оплате, которое связано с непредвиденными расходами [11].

«Прием в пользование заказчиком результата работы исключается». Невозможно быть уверенным, когда произойдет прием, и поэтому этот пункт дает необоснованное преимущество заказчику [10].

Соглашение о переоценки стоимости инвестиций – это способ договориться об оплате, когда фактический объем работ не известен. Это хороший способ, потому что заказчик платит только за фактически выполненную работу по согласованным тарифам вместо того, чтобы оплачивать элемент риска в договоре с фиксированной ценой. Если фактическая стоимость превышает смету, это не является дополнительной работой, но свидетельствует о том, что в первоначальной смете были предусмотрены все работы. Это объясняет, почему получение правильной оценки очень важно, чтобы избежать более высоких затрат, чем предполагалось изначально. Установление предельной цены кажется произвольным и чем-то, что противоречит природе соглашения на переоценку. Если стороны хотят определенности, они должны использовать контракт с единовременной оплатой и с фиксированной ценой. Ограничение на дополнительные работы может быть полезным, поскольку оно дает понять, что заказчик не может требовать слишком много вариантов, и именно такие варианты заказчика часто приводят к увеличению затрат и задержке в выполнении основной работы [12].

3. Приемка результата работ по договору.

В российском законодательстве в п. 1 ст. 753 ГК РФ регламентировано, что по акту приемки заказчик обязан принять тот результат, который соответствует технической документации, то есть заданию заказчика. Согласование заказчиком акта приемки является следствием исполнения договора подряда на ранее согласованных сторонами договора условиях [2].

В практике *FIDIC* есть различия в согласовании работ. В результате спора между подрядчиком и его субподрядчиком субподрядчик сослался на то, что он имел право на оплату работ, принятую подрядчиком по актам о приемке выполненных работ по форме КС-2 и КС-3.

Данные бухгалтерские документы можно использовать по контракту, основанному на условиях *FIDIC*, но их не следует путать с принятием сертификатов. Заказчик, подписывая «Акт сдачи-приемки работ/услуг», принимает качество и объем выпол-

ненных работ и должен оплатить работы в полном объеме, как указано в акте.

Однако если у заказчика есть возражения, он должен отказаться от подписания формы и в письменной форме указать причину своего отказа. Суды интерпретируют бланки как свидетельство сдачи работ подрядчиком и их приемки заказчиком. Поскольку основная работа по договору и дополнительные работы были приняты подрядчиком, субподрядчик также считал себя вправе получить удержанные денежные средства и проценты за пользование денежными средствами. Дополнительный подрядчик оспорил эти претензии, уменьшив вознаграждение субподрядчика за работы, выполненные субподрядчиком, заявив, что дополнительные работы не были согласованы с подрядчиком, дополнительные работы относятся к задержке завершения работ. Суд при рассмотрения существенных условий договора постановил, что договор не заключен, так как в договоре не указан должным образом срок исполнения.

Таким образом, подрядчик был обязан оплатить работы, поставленные субподрядчиком, а удержанные деньги выдать в полном объеме. Однако, поскольку договор не был заключен, суд не усмотрел в соответствии с законодательством РФ оснований для взыскания процентов, начисленных в иностранной валюте. Далее суд решил, что проценты в качестве неустойки не соответствуют последствиям нарушения договора и уменьшил их вдвое [12].

В деле *Wormald Engineering Pty Ltd* против *Resources Conservations Co Internationals* (1989) 8 *BCL* 158 заказчик издал ряд распоряжений об изменении цены в строительных контрактах, а подрядчик выполнил эти работы и получил оплату стоимости за проделанную работу. Однако в стоимости договора не были учтены дополнительные работы, а также затраты, связанные с переносом работ. Подрядчик не предъявлял письменных требований на эти суммы в соответствии с пунктом в договоре. Данный пункт гласил что, если по решению подрядчика соблюдение распоряжения заказчика об изменении может помешать ему или нанесет ущерб выполнению им какого-либо из его обязательств по договору, то он должен немедленно уведомить об этом заказчика в письменной форме. Заказчик должен как можно быстрее определить, будет ли выполнен данное решение подрядчика. Если заказчик решает, что решение должно быть выполнено, то он также должен определить способ выполнения работ. Подрядчик должен быть освобожден от своих обязательств по договору. Такое подтверждение данного решения в письменной форме заказчиком должно содержать сведения о способе освобождения от выполнения работ и от своих обязательств по договору. Однако в ходе судебного разбирательства истец потребовал около 400 тыс. долл. в качестве компенсации дополнительных расходов, возникших в результате изменений. Судья постановил, что данный пункт является предварительным условием, и отклонил иск. При рассмотрении апелляции цель пункта заключалась в том, чтобы дать ответчику возможность сделать обоснованную оценку того, следует ли требовать изменения для продолжения и что исковое заявление о нарушении требования об уведомлении не будет удовлетворено.

Что касается оговорок об истечении срока давности, в каждом случае судебного разбирательства конкретный суд постановлял, что соответствующая оговорка налагает предварительное условие для искового заявления, который должен был быть предметом уведомления заказчика [13].

Возможны два последствия неуведомления заказчика и несоблюдения вышеуказанных сроков в зависимости от их условий: утрата отсрочки, вызванной соответствующим событием; и/или утрата права требовать затрат, понесенных на дополнительные работы, или убытков, вызванных соответствующим событием.

В ст. 418 Гражданского кодекса Катара предусматривается, что договаривающиеся стороны не могут договориться об ином сроке исковой давности, отличном от установленного в законе. Отказ в предъявлении требований также неправомерен в соответствии с общими принципами катарского законодательства. Таким образом, можно утверждать, что сокращенные периоды уведомления о претензиях в строительных контрактах противоречат императивным положениям ст. 418 и, следовательно, не имеют силы в соответствии с законодательством Катара [14].

Однако можно также сказать, что, соглашаясь включить такие сокращенные сроки уведомления в договор, стороны таким образом отказываются от своих основных прав, а не от своего права требовать эти права, который не может быть установлен иначе как в соответствии с законом.

По договору не могут быть предъявлены никакие исковые требования, кроме тех, которые вытекают из исполнения сторонами их соответствующих обязательств, изложенных в договоре. Подрядчик не имеет права предъявлять претензии к заказчику по вопросам, не вызванным последним или по которым заказчик не принял на себя риск по договору.

Законодательство Катара не признает продления искового срока как такового. Исковые заявления о продлении сроков не преследуют цель защиты отдельного материального права, а скорее направлены на достижение одной или обеих из двух основных целей: отклонить или свести к минимуму требование о выплате компенсации в виде заранее оцененных убытков или требовать возмещения расходов на продление.

В принципе право требовать продлить сроки, которые касается компенсации, может быть дей-

ствительно предусмотрено договором. В той мере, в какой они относятся к изменениям, требования о денежном возмещении за выполненную дополнительную работу не могут быть предписаны таким образом [12].

Строительный подрядчик не несет ответственности за ошибки в проекте, которые подрядчик не мог разумно предвидеть. Следовательно, если подрядчик полностью соблюдает подробные планы и спецификации, предоставленные заказчиком, и проект не соответствует намеченным целям заказчика, заказчик не имеет права предъявлять претензии к подрядчику.

С точки зрения заказчика, его консультант по дизайну несет ответственность за неправильные спецификации. Однако, если заказчик и консультант по дизайну прямо не договорились о конкретном стандарте оказания услуг по проектированию, заказчику может быть сложно получить компенсацию сумм, выплаченных подрядчику за выполнение дополнительных работ, связанных с проектированием, устранением недостатков.

Только в том случае, если согласованный стандарт выполнения работы профессионального дизайнера не был соблюден, т.е. если недостатки дизайна приводят к возникновению дополнительных издержек, то работодатель имеет право на получение компенсации за дополнительные расходы, связанные с выполнением работы (дополнительные затраты на работы по сносу, дополнительные расходы, связанные с нарушением графика).

Также стоит отметить, что если недостатки в проекте обнаруживаются достаточно рано, т.е. до того, как подрядчик фактически выполнил какую-либо работу, которая должна была быть устранена, то риск финансовых последствий, ошибок или упущений в проекте может быть относительно низким.

Несмотря на вышеизложенное, подрядчик, которому в ходе заключения договора становится известно о явном конструктивном дефекте, обязан предупредить заказчика. В случае не предупреждения о невозможности выполнения данного проекта будет считаться, что подрядчик принял на себя соответствующий риск.

Тем не менее, если проектная документация содержит ошибки, которые подрядчик не может обоснованно определить при рассмотрении документации (т. е. скрытые ошибки), то в этом случае подрядчик не принимает на себя соответствующий риск.

Также следует отметить, что в ряде случаев, когда заказчик предоставлял подробную спецификацию на этапе заключения договора, на которую обоснованно полагались, то суды в различных юрисдикциях постановили, что упомянутые выше принципы применяются независимо от метода закупки. Тот факт, что в проекте подрядчик в конечном итоге предоставит окончательный проект работ, по-видимому, не меняет этих принципов, учитывая, что нельзя требовать, чтобы стороны на этапе заключения договора выполняли обширные инженерно-технические работы для установления адекватности или достоверности значительного объема информации, в том числе предварительных проектных данных и технических требований, предоставленной заказчиком в процессе закупки проектно-строительных работ.

Заказчики часто пытаются снять с себя всю ответственность за проектирование, за информацию, предоставленную сторонами, и переложить риск ошибок или упущений в ней на подрядчика посредством отказа от ответственности в формах контракта. Однако, если риск неверных данных, предоставленных заказчиком, перекладывается на подрядчика, то цена предложения может увеличиться, учитывая, что подрядчики должны будут предусмотреть непредвиденные расходы для покрытия этого риска.

FIDIC 573, подп. 5.1 [Общие обязательства по проектированию], параг. 4 Серебряной книги *FIDIC* 2017 г. гласит: «Заказчик не несет ответственности за какую-либо ошибку, неточность или упущение любого рода в требованиях заказчика, изначально включенных в Контракт и не считается предоставившим какое-либо представление о точности или полноте каких-либо данных или информации, за исключением случаев, указанных в этом подпункте ниже. Любые данные или информация, полученные подрядчиком от заказчика или иным образом, не освобождают подрядчика от его ответственности за проектирование и выполнение Работ». Этот подпункт также содержит список ограниченных исключений, которые могут давать подрядчикам право требовать возмещения ущерба, причиненного неверными данными и информацией, предоставленными заказчиком [15].

Заказчик несет ответственность за правильность следующих частей требований заказчика и следующих данных и информации, предоставленных заказчиком: разделов, данных и информации, которые указаны в Контракте как неизменные или ответственность заказчика; определения предполагаемых целей работ или любых их частей; критерии тестирования и выполнения завершенных работ; части, данные и информация, которые не могут быть проверены подрядчиком, если иное не указано в контракте.

Некоторые обычно используемые формы контракта устанавливают период времени в процессе разработки проекта, в течение которого подрядчик имеет право предъявлять претензии в отношении недостатков информации, предоставленной заказчиком на этапе заключения договора. По истечении этого периода подрядчик отказывается от прав требования по всем вопросам, которые ранее не поднимались.

Разделение рисков основано на фундаментальном принципе, согласно которому подрядчик имеет право на получение справедливой цены за фактически выполненную работу. То, как устанавливаются положения об оплате контракта, может упростить возможность корректировки стоимости в зависимости от условий земли. Возможно, лучшим примером этого является применение последовательного метода раскопок. В этом случае базовый проект может быть дополнен дополнительными критериями грунта почвы, при этом по каждому критерию определяется свое положение об оплате. По состоянию земли можно определить, какая дополнительная поддержка требуется, и подрядчику платят в соответствии с ценой за единицу дополнительных опорных элементов.

За счет включения затрат, связанных с задержкой, в условия оплаты подрядчик получает полную компенсацию на основе «оплаты по мере использования» прямых и косвенных затрат на дополнительные работы. Этот подход успешно использовался во многих проектах, в том числе на сложной станции Бикон-Хилл и в туннелях в Сиэтле. В районах, где ожидается высокое качество породного массива, могут сочетать в себе классификацию грунта, требуемую поддержку грунта и скорость продвижения с условиями оплаты, назначенными для каждого класса грунта [12].

По мере продвижения строительства, нанесения на карту и классификации массива горных пород пункты оплаты могут быть подтверждены и утверждены в качестве основы для оплаты. Также может быть установлен принцип платы по мере необходимости в дополнительных работах. В этом случае, если в совокупности возникло больше неблагоприятных обстоятельств, чем предполагалось, подрядчик может иметь обоснованное основание для дополнительной компенсации в связи с увеличением времени, необходимого для завершения работы. Включение базы косвенных затрат в положения об оплате, как описано выше, будет учитывать косвенные издержки, задержки в дополнение к прямым затратам на дополнительную работу.

Другие контракты могут содержать более упрощенное положение об оплате, состоящее из единой цены за метр за все работы, без привязки к состоянию грунта. В этом случае заказчик должен предоставить оценку длины различных типов грунта, с которыми придется столкнуться, и характеристики каждого типа грунта, которые будут влиять, среди прочего, на скорость продвижения и время простоя. Для определения необходимых работ могут быть изучены виды грунта. В документах подрядчика в заявке на работы должно быть достаточно подробно указано, каким образом подрядчик учитывал различные характеристики, описанные в документах, и основания для предварительных оценок различных типов грунта.

Красная книга FIDIC включает в себя требования, варианты и оптимизацию стоимости. Введенный в действие Закон ЕС о закупках ограничил возможность для дополнительных работ в размере 50 %; определил следующие положения: 1) работы, которые переоцениваются помимо оценки цены предложения, считаются дополнительной работой; 2) работы, которые подлежат изменению, считаются дополнительной работой; 3) оговорки об оптимизации стоимости в договоре использовать нельзя [7].

Некоторые проекты сталкиваются с большим количеством дополнительных работ до того, как все работы будут завершены, и участники опасаются приступать к другим вариациям, даже если они необходимы или неизбежны. При управлении проектами отсутствуют процедуры функционального изменения и проект часто парализован. Повторное измерение, изменения и возражение подлежат процедуре переговоров.

В данной статье была проанализирована практика применения контрактов *FIDIC*, в которой были определены ряд отличий в правовом регулировании возмещении стоимости дополнительных работ по договору строительного подряда.

Уведомление заказчика о необходимости проведения дополнительных работ также предусматривается в российском законодательстве и в практике *FIDIC*. Однако подрядчик вправе также уведомить заказчика о проведении непредвиденных работ. Российский законодатель в ГК РФ предусматривает выполнение экстренных и необходимых работ.

Акт не признается в практике *FIDIC* в качестве доказательства в выполнении дополнительных работ. В российской правоприменительном практике акт признается в качестве доказательства в совокупности с другими доказательствами выполнения дополнительных работ, если подрядчик сообщит о необходимости проведения.

Возникает ряд проблем, связанных с правоотношениями при заключении договора. Дизайнер, архитектор и иные лица, участвующие в составлении проекта строительства, не несут ответственность в российском законодательстве. В практике *FIDIC* в случае, если установлена вина дизайнера и данные недостатки приводят к возникновению дополнительных издержек, работ, то заказчик вправе потребовать компенсацию за дополнительные расходы, связанные с выполнением работы; дополнительные затраты на работы по сносу, необходимые для возведения пропущенных работ; и дополнительные расходы, связанные с нарушением графика.

На этапе исполнения договора также возникает ряд вопросов по выполнению необходимых работ, которые возникли вследствие условий грунта. За счет включения затрат, связанных с задержкой, в условия оплаты подрядчик получает полную компенсацию на основе оплаты по мере использова-

ния прямых и косвенных затрат на дополнительные работы.

Российский законодатель не установил ответственность подрядчика за возникновение экономических последствий у заказчика, которые возникли вследствие необходимости в выполнении дополнительных работ при строительстве.

Красная книга *FIDIC* предусматривает ограничение в стоимости дополнительных работ в размере 50 % от предусмотренной цены в договоре.

Также практика *FIDIC* предусматривает заключение соглашений о переоценке стоимости инвестиций. Данное соглашение позволяет снизить риск возникновения экономических потерь как подрядчика, так и заказчика.

Литература:

1. FIDIC International Federation of Consulting Engineers. – URL: https://fidic.org.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Принята Государственной Думой 21 октября 1994 года // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Определение ВАС РФ от 11.01.2011 г. № ВАС-17600/10 по делу № А33-18557/2009. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=171365#vh61pkTzj2QpVBFB.
4. Нюхалкина Д. Дополнительные работы в строительном подряде: как заказчику доказать, что нет оснований для оплаты? // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 41 (1042). – URL: https://exiora.ru/publication/dop-raboty-v-stroitelnom-podryade-net-osnovanij-dlya-oplaty/.
5. Sarie-Eldin H. Operation of FIDIC Civil Engineering Conditions in Egypt and Other Arab Middle Eastern Countries // The International Lawyer. – 1994. – Vol. 28. – № 4. – P. 951–972.
6. Construction Contract 2nd Ed (2017 Red Book). – URL: https://fidic.org/books/construction-contract-2nd-ed-2017-red-book.
7. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // СПС КонсультантПлюс.
8. OLG Hamburg, Urt. v. 06.12.1995 – 5 U 215/94, Beschl. v. 05.06.1997 – VII ZR 54/96, ZfBR 1998, 35.36 f.). – URL: https://beck-online.beck.de/.
9. Kus M., Steding FIDIC´s new "Silver-Book" under the German Standard Form Contracts Act, The International Construction Law Review 1999, 533, 237. – URL: https://www.kapellmann.de/de/publikationen/default-694419004e.
10. Vygen K., Joussen E. Rechtliche und baubetriebliche Probleme und ihre Lösungen 8. – Auflage, Werner Verlag, 2021. – 1300 p.
11. BGH, Urt. v. 10.09.2009 – VII ZR 152/08.BauR 2009, 1901, 1904 – NJW 2010, 522, 524. – URL: https://beck-online.beck.de/.
12. Klee L. International Construction Contract Law. – Wiley-Blackwell, 2018. – 824 p.
13. Wormald Engineering Pty Ltd против Resources Conservations Co Internationals (1989). BCL 158. – URL: https://www.isurv.com/directory_record/4677/wormald_engineering_ltd_v_resources_conservation_international.
14. Гражданский кодекс Катара Civil Code of Qatar 2004. – URL: https://www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/Qatar_2004_Promulgating_Civil_Code_Law_eng.pdf.
15. FIDIC Silver Book: A Companion to the 2017 EPC/Turnkey Contract. – URL: https://fidic.org/books/epcturnkey-contract-2nd-ed-2017-silver-book/.

Compensation for the Cost of Additional Work Under a Construction Contract in the Practice of Applying Fidic Contracts

Sayfutdinova D.R.
Gazprom Gas Engine Fuel LLC (Kazan)

This article examines the legislator's approaches to the legal regulation of the institution of cost recovery under a construction contract in the practice of applying FIDIC contracts, using the comparative legal method.

Russian legislation and judicial practice have defined and identified clear requirements for how to act for a contractor who has discovered the need to carry out work not provided for in the contract; How to reimburse the cost of additional work. However, this article identified a number of differences in the legal regulation of the Russian legislator and in the practice of applying FIDIC contracts on issues of notifying the customer about additional work; acceptance of the results of work under the contract; fixing the price of work in the contract.

Key words: construction contract, additional work, FIDIC, compensation, cost, foreign legal experience, construction

УДК 342.417

Конституционно-правовой принцип поддержки конкуренции в законодательстве субъектов Российской Федерации

Сбоева И.М.
Старший преподаватель
кафедры экономической безопасности и налогообложения
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье проанализированы конституционно-правовые нормы, действующие в субъектах Российской Федерации и регулирующие вопросы поддержки конкуренции. В центре внимания автора – проблема разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами федерации в части правового регулирования конкурентных отношений и развития инструментов их обеспечения на региональном уровне. В статье констатируется, что субъекты Российской Федерации вправе конкретизировать принцип поддержки конкуренции вне зависимости от его дублирования в региональных конституциях и уставах. Основополагающими методами исследования стали отдельные общенаучные (формально-логический, аналитический) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования). Ключевой вывод построен на системе обязанностей органов управления в субъектах федерации по обеспечению соблюдения федерального законодательства в области конкурентных правоотношений и по созданию дополнительных гарантий и механизмов реализации такой поддержки в пределах отдельно взятого региона.

Ключевые слова: конституционное право, конкуренци, поддержка конкуренции, конституционно-правовой принцип, принципы конституционного права, конституционное законодательство, субъекты федерации, региональное законодательство

Несмотря на отнесение большинства вопросов экономической политики и правовых основ единого рынка к ведению Российской Федерации (п. «е» ст. 71 Конституции РФ), в законодательстве субъектов федерации прослеживается попытка развития принципа поддержки конкуренции. Этот подход в науке конституционного права обосновывается пониманием конкуренции как одного из субъективных прав граждан и организаций, подверженных влиянию не только федеральных, но и региональных гарантий [1, с. 183].

Нахождение в предмете ведения субъектов РФ вопросов защиты прав и свобод позволяет исследователям констатировать полномочия региональных органов по правовому регулированию конкурентных отношений [2, с. 82]. Вместе с тем защита конкуренции и поддержка конкуренции не являются тождественными обязательствами, что накладывает на механизм формирования и реализации регионального законодательства ряд условий [3].

Сущность поддержки конкуренции сводится к конституционно-правовому принципу, обязывающему развивать нормативные положения не только в федеральном законодательстве, но и в законодательстве субъектов федерации, затрагивающем экономическую сферу [4]. В этой связи далеко не все конституции и уставы субъектов РФ дублируют федеральные конституционные нормы о конкуренции.

Так, в большинстве региональных конституционно-уставных актов нет никакого указания на принцип поддержки конкуренции и на запрет ограничения конкуренции в рамках основ региональной экономики.

В отдельных конституциях и уставах повторяется содержание ч. 1 ст. 8 Конституции РФ. Такой вариант наблюдается, например, в ч. 1 ст. 10 Конституции Республики Марий Эл, ч. 1 ст. 8 Конституции

Республики Мордовия, ст. 13 Конституции Республики Тыва, ст. 10 Конституции Республики Бурятия, ч. 1 ст. 8 Конституции Кабардино-Балкарской Республики и др.

В ч. 1 ст. 8 Устава Липецкой области [5] также продублирована формулировка ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, но в конце нормы сделана оговорка, что гарантия поддержки конкуренции происходит в соответствии с действующим законодательством. О схожей гарантии поддержки конкуренции говорится в ст. 4 Конституции Чувашской Республики [6].

В Конституции Республики Карелия [7] упоминается «добросовестная конкуренция» и равные условия правовой защиты (ч. 3 ст. 8) в структуре экономических основ конституционного строя. Схожий вариант закреплён в ст. 25 Конституции Удмуртской Республики [8], однако в более конкретизированном виде – поддержка добросовестной конкуренции как принцип, обеспечивающий экономику Удмуртии. Такая же формулировка имеется в ст. 14 Конституции Республики Алтай [9].

В ст. 13 Конституции Республики Дагестан [10] подчёркивается, что на территории данного субъекта федерации «создаются условия для добросовестной конкуренции».

В Конституции Республики Коми [11] продублирован федеральный запрет на экономическую деятельность, направленную на недобросовестную конкуренцию (абз. 2 ст. 35). Аналогичный подход наблюдается в ст. 32 Конституции Республики Адыгея, ст. 27 Конституции Республики Крым, ст. 20 Конституции Республики Татарстан, ст. 30 Конституции Республики Хакасия, ч. 2 ст. 107 Конституции Республики Саха, ч. 2 ст. 33 Конституции Республики Ингушетия и в др.

Акцентуация на разделение конкуренции по критерию добросовестности участников рыночного оборота вытекает из сложившегося механизма правового регулирования конкурентных отношений в федеральном законодательстве. По сути, названные конституции и уставы субъектов федерации обеспечивают подобным образом действие конституционно-правового запрета на недобросовестную конкуренцию, подчёркивая, что потенциальные дополнительные гарантии со стороны региональных органов власти и органов местного самоуправления могут распространяться исключительно на добросовестных субъектов рынка. Тем самым при установлении факта нарушения норм конкурентного законодательства в рамках субъекта РФ подобные гарантии не применяются.

Тем не менее среди конституций и уставов субъектов РФ встречаются примеры специфического закрепления и детализации принципа поддержки конкуренции.

В частности, в ч. 2 ст. 15 Устава Новосибирской области [12] говорится об обязанности органов государственной власти и местного самоуправления предпринимать меры по стимулированию «развития и поддержки предпринимательства».

В ст. 37 Устава Тверской области [13] содержится формулировка «свобода конкуренции» и «рыночное хозяйство» в привязке к условиям формирования областной экономики. При этом в ст. 160 подчёркивается принцип «защиты конкуренции» с одновременным выдвижением обязательства региональных органов по созданию «условий для эффективного функционирования товарных рынков». Последнее всецело вытекает из смыслового значения федерального конституционно-правового принципа поддержки конкуренции в части разработки и реализации государственных мер, направленных на повышение эффективности проводимой экономической политики и состояния национальной экономики.

Похожее положение закреплено в ст. 27 Устава Брянской области [14], согласно которой областные органы власти содействуют и предпринимательству, и развитию конкуренции для совокупности целей: удовлетворения социальных, бытовых и культурных потребностей населения; наполнения областного рынка продовольственными и промышленными товарами. При этом в абз. 2 ст. 27 Устава Брянской области конкретизирован механизм реализации рассматриваемого принципа. В частности, областные органы государственной власти должны:

1) устанавливать приоритеты в различных направлениях политики (финансовой, налоговой, бюджетной);

2) стимулировать производство отдельных категорий товаров (народного потребления);

3) стимулировать те виды деятельности, которые сопряжены с оказанием услуг населению;

4) создавать новые рабочие места.

По нашему мнению, пример с нормами Устава Брянской области демонстрирует последовательный подход к раскрытию и конкретизации конституционно-правового принципа поддержки конкуренции в региональном законодательстве. Помимо постулирования самих субъективных прав и гарантий в данном направлении развития регионального рынка, в уставном законодательстве Брянской области обозначены приоритеты в применении административных мер по стимулированию субъектов экономической деятельности в зависимости от вектора региональной экономической политики.

Описанный механизм правового регулирования поддержки конкуренции на региональном уровне представляет более развёрнутый вариант помощи и охраны со стороны государства в отношении приоритетных сегментов экономического оборота. Последнее всецело сопряжено с комплексом различных особенностей каждого субъекта федерации: географических, природно-климатических, социально-экономических, инфраструктурных, культур-

ных и иных, что обосновывает полномочия региональных властей по формированию собственного законодательства и системы дополнительных государственных мер, направленных на обеспечение конкурентных условий для разных видов экономических отношений.

Вместе с тем имеются примеры особых уставных норм, призванных детализировать распространение поддержки конкуренции на отдельные сферы. Так, в ст. 22 Устава Ивановской области [15] среди принципов, обеспечивающих социально-экономическое развитие данного региона, обозначено «стимулирование конкуренции в сфере оказания бюджетных услуг» и «создание условий для конкуренции муниципальных образований за трудовой и экономический ресурсы».

На наш взгляд, данные формулировки в уставных нормах Ивановской области продиктованы возможностями субъекта федерации по внедрению и использованию дополнительных инструментов развития наиболее уязвимых сегментов региональной экономики.

Среди учёных в области конституционного права сложилось мнение, что дублирование в региональном конституционном законодательстве вопросов о развитии конкуренции вовсе нецелесообразно, поскольку существующие в Российской Федерации экономические основы конституционного строя должны быть одинаковыми и регламентируются федеральными стандартами [16, с. 48]. Отчасти подобный подход продиктован конституционно-правовым принципом единства экономического пространства, обозначенным в ч. 1 ст. 8 Конституции РФ.

Между тем ряд исследователей полагают, что на региональном уровне возможно установление дополнительных гарантий осуществления и защиты тех прав и свобод, которые сложились в федеральном законодательстве [17, с. 47]. И п. «б» ст. 72 Конституции РФ прямо на это указывает, что позволяет отдельным авторам рассматривать поддержку конкуренции в качестве субъективного права, корреспондирующего комплекс обязанностей у органов власти и должностных лиц [18, с. 7]. Другие учёные подчёркивают необходимость установления прав и свобод граждан в региональных конституционных актах в связи с сущностью конституций и уставов, а также исходя из предмета их регулирования [19, с. 39].

По нашему мнению, принцип поддержки конкуренции требует своего закрепления в конституционном законодательстве субъектов федерации в силу установленных Конституцией РФ критериев разграничения предметов ведения. Этот вывод подтверждается действующим федеральным отраслевым законодательством и в части механизмов защиты конкуренции, и в плоскости реализации мер по поддержке предпринимательства, и в направлениях антимонопольной политики, и в создании конкурентных условий в отдельных сегментах рынка.

Примечательно, что отсутствие в конституции или уставе субъекта РФ принципа поддержки конкуренции не снимает с региональной власти и с органов местного самоуправления соответствующих обязанностей и полномочий не только обеспечивать соблюдение федерального законодательства в области конкурентных правоотношений, но и создавать собственные (дополнительные) гарантии и механизмы реализации такой поддержки в пределах отдельно взятого региона.

Косвенным подтверждением данному выводу служит потребность в расширении полномочий субъектов федерации по поддержке конкуренции, которая систематически подчёркивается Президентом РФ [20]. В частности, на региональном уровне необходима активизация существующих мер, направленных на поддержку малого и среднего бизнеса с принятием дополнительных нормативно-правовых актов [21]. Наиболее обострённой проблемой, вызванной недостаточными конкурентными условиями, служат отраслевые сегменты национальной экономики: сельское хозяйство, туризм, топливно-энергетический комплекс и др. [22]

В силу отмеченных особенностей субъекты РФ наделены полномочиями по регулированию поддержки конкуренции независимо от того факта, продублирован ли данный принцип в их конституциях и уставах, а также в отраслевом законодательстве или в подзаконным нормативно-правовых актах. Однако выделение в региональном конституционном законодательстве специальных норм о поддержке конкуренции накладывает на субъект федерации ряд дополнительных обязанностей по детализации предпринимаемых мер такой поддержки, их осуществлению и защите.

Литература:

1. Цкаева Л.В. Юридическая природа конституционного права на конкуренцию // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 1. – № 1 (13). – С. 181–186.

2. Косинов В.А. Конституционное право на защиту конкуренции и способы его реализации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3-3 (53). – С. 82–85.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 10.07.2023 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021.– № 5.
5. Устав Липецкой области от 09.04.2003 г. № 46-ОЗ (принят постановлением Липецкого областного Совета депутатов от 27.03.2003 г. № 222-пс) (ред. от 08.02.2023 г.) // Липецкая газета. – 2003. – № 71; 2023. – № 15.
6. Конституция Чувашской Республики (принята ГС ЧР 30.11.2000) (ред. от 21.12.2022 г.) // Ведомости Государственного Совета ЧР. – 2000. – № 38; Республика. – 2022. – № 52.
7. Конституция Республики Карелия (принята ВС КАССР 30.05.1978, изложена в новой редакции Законом РК от 12.02.2001 г. № 473-ЗРК) (ред. от 27.05.2022 г.). – URL: https://gov.karelia.ru/karelia/documents/1986/
8. Конституция Удмуртской Республики (принята постановлением Верховного Совета УР от 07.12.1994 г. № 663-XII) (ред. от 10.11.2022 г.). – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=149006740&backlink=1&&nd=149011498
9. Конституция Республики Алтай (Основной Закон), принята Законом РА от 07.06.1997 г. № 21-4 (ред. от 28.12.2022 г.). – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=164011100&page=1&rdk=48#I0
10. Конституция Республики Дагестан (ред. от 11.11.2022 г.), принята Конституционным Собранием 10.07.2003 // СЗ Республики Дагестан. – 2003. – № 7. – Ст. 503; Дагестанская правда. – 2022. – № 305-306.
11. Конституция Республики Коми (принята Верховным Советом Республики Коми 17.02.1994 г.) (ред. от 04.07.2022 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Коми. – 1994. – № 2. – Ст. 21; Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. – 2022. – № 9. – Ст. 127.
12. Устав Новосибирской области от 18.04.2005 г. № 282-ОЗ (ред. от 01.06.2022 г.) (принят постановлением Новосибирского областного Совета депутатов от 31.03.2005 г. № 282-ОСД). – URL: https://zsnso.ru/ustav-novosibirskoy-oblasti
13. Постановление Законодательного Собрания Тверской области от 05.11.1996 г. № 436 (ред. от 28.12.2022 г.) «Об Уставе Тверской области» // Тверские ведомости. – 1998. – № 98 (4-10 декабря).; Тверские ведомости. – 2022. – № 51 (30 декабря).
14. Закон Брянской области от 20.12.2012 г. № 91-З (ред. от 26.09.2022 г.) «Устав Брянской области». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&link_id=0&nd=104020824&firstDoc=1
15. Закон Ивановской области от 18.02.2009 г. № 20-ОЗ (ред. от 30.05.2022 г.) «Устав Ивановской области». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=107025623&intelsearch=
16. Саудаханов М.В. О формах взаимодействия конституционного права и экономики // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 2 (28). – С. 47–50.
17. Чуклин А.В. Проблемы классификации дополнительных гарантий реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемых субъектами Российской Федерации // Проблемы права. – 2016. – № 1 (55). – С. 46–51.
18. Сухоруков А.С. Особенности реализации конституционного права на конкуренцию // Конкурентное право. – 2014. – № 2. – С. 6–8.
19. Тхабисимова Л.А., Урумов А.В. К вопросу о закреплении прав и свобод человека и гражданина в конституциях республик – субъектов Российской Федерации // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39 (49). – С. 37–42.
20. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 г. «Послание Президента Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 275.
21. Стенограмма заседания Совета по модернизации экономики и инновационному развитию России от 24.10.2012 г. – URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/30/16708 (дата обращения – 30.05.2023).
22. Закон РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 (ред. от 26.07.2006 г.) «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011007

The Constitutional Principle of Supporting Competition in the Regional Legislation of the Russian Federation

Sboeva I.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article, the author analyzed the constitutional norms of Russian regions in the field of competition development. The author focuses on the problem of delimitation of powers between the Russian Federation and Russian regions regarding the legal regulation of competitive relations. As a result, the article notes that Russian regions have the right to specify the principle of supporting competition, regardless of its duplication in regional constitutions and charters. The fundamental research methods were the formal logical, analytical, comparative legal method and the method of legal modeling. The key conclusion is based on the system of responsibilities of government bodies in Russian regions to ensure compliance with federal legislation in the field of competition relations, as well as to create additional guarantees and mechanisms for the implementation of such support.

Key words: constitutional law, competition, competition support, constitutional principle, principles of constitutional law, constitutional legislation, regions of the federation, regional legislation

УДК 346.32

Ответственность членов саморегулируемых организаций в сфере строительства: теоретический и практический аспекты

Солдатова Т.В.
Аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН) (Москва)

Исследуется вопрос о правовой природе ответственности членов саморегулируемых организаций в сфере строительства, которая не определена в законодательных актах. Ответственность членов саморегулируемых организаций рассматривается как вид юридической ответственности корпоративного характера, основанной на гражданско-правовых принципах. Автор сравнивает указанную ответственность с иными видами юридической ответственности, в частности, с дисциплинарной ответственностью в трудовом и административном праве. Дается доктринальное понятие «дисциплинарная ответственность члена саморегулируемой организации в сфере строительства». Проводится анализ мер дисциплинарного воздействия, применяемых саморегулируемыми организациями в сфере строительства к своим членам, который выявил потребность в упорядочивании оснований применения меры дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации путем внесения изменений в градостроительное законодательство.

Ключевые слова: саморегулируемая организация в сфере строительства, дисциплинарная ответственность, меры дисциплинарного воздействия, исключение из членов саморегулируемой организации в сфере строительства, нарушение сроков уплаты взносов

При вступлении в члены саморегулируемой организации юридические и физические лица добровольно принимают на себя обязательства по соблюдению стандартов, правил и условий членства в корпоративном объединении. Логичным в силу чего является наступление ответственности и применение санкций в отношении тех членов саморегулируемых организаций, которые допустили их нарушение.

За 2020 г. саморегулируемыми организациями в сфере строительства[1] проведено 167 460 контрольных мероприятий [1, с. 129, 164, 179], в ходе которых выявлено 67 082 нарушения [1, с. 130, 165, 180].

[1] В статье под саморегулируемыми организациями в сфере строительства понимаются: а) саморегулируемые организации, основанные на членстве лиц, выполняющих инженерные изыскания; б) саморегулируемые организации, основанные на членстве лиц, осуществляющих подготовку проектной документации; в) саморегулируемые организации, основанные на членстве лиц, осуществляющих строительство.

Количество мер дисциплинарного воздействия, примененных в 2020 г. в отношении членов саморегулируемых организаций в сфере строительства, составило 89 839 [1, с. 131–132, 166–167, 181–182]. На конец 2020 г. в саморегулируемых организациях в сфере строительства состояло 156 023 юридических лица и индивидуальных предпринимателя [1, с. 112, 154, 172]. Если предположить, что к одному члену саморегулируемой организации была применена одна мера дисциплинарного воздействия в течение года, можно заключить, что меры дисциплинарного воздействия применялись к 57,5 % членов корпоративных объединений.

Зарубежные исследователи отмечают, что нарушение правил и стандартов саморегулирования остается одной из основных проблем института саморегулирования [2]. Привлечение членов саморегулируемых организаций в сфере строительства к ответственности и применение мер дисципли-

нарного воздействия является важным инструментом контроля за деятельностью профессиональных участников строительного рынка и обеспечения высокого качества строительных работ. Этим обуславливается важность и актуальность вопросов, связанных с ответственностью членов саморегулируемых организаций в сфере строительства.

Цель данного исследования заключается в выявлении правовой природы ответственности членов саморегулируемых организаций в сфере строительства, установлении соотношения указанной ответственности с иными видами юридической ответственности, анализе мер дисциплинарного воздействия, применяемых саморегулируемыми организациями в сфере строительства к своим членам.

Основой методологии исследования является системный подход. Автором использованы общенаучные (анализ, дедукция, индукция и другие) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования и прогнозирования и другие) методы познания. Порядок применения мер дисциплинарного воздействия к членам саморегулируемых организаций в сфере строительства регламентируется Градостроительным кодексом Российской Федерации (далее – ГрК РФ), Федеральным законом от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее – ФЗ № 315-ФЗ или Федеральный закон «О саморегулируемых организациях») [3] и внутренними документами саморегулируемых организаций (положения, правила). При этом ГрК РФ содержит в основном отсылочные нормы (например, ч. 1 ст. 55.15), в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях» встречаются бланкетные нормы (например, ч. 7 ст. 19). В связи с чем полагаем, что детальные основания и порядок привлечения членов саморегулируемой организации в сфере строительства к ответственности и применения к ним мер дисциплинарного воздействия должны быть закреплены во внутренних документах каждого корпоративного объединения. Например, в США, в такой крупной корпорации со статусом саморегулируемой организации как ФИНРА (*Financial Industry Regulatory Authority*) разработаны подробные правила о порядке рассмотрения требований о применении санкций в отношении членов корпорации, включая представление и оценку доказательств, допрос свидетелей, исключение конфликта интересов и т.д. [4].

Ни ГрК РФ, ни Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» не раскрывают правовую природу ответственности членов саморегулируемых организаций. В правовой доктрине высказывается мнение о том, что ответственность членов саморегулируемых организаций является одним из видов дисциплинарной ответственности [5, с. 26]. Вместе с тем, как верно отмечает Е.Ю. Забрамная, в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях» отсутствует понятие «дисциплинарной ответственности членов саморегулируемой организации» [6, с. 46]. Добавим, что и ГрК РФ не оперирует указанным понятием.

Вопрос дисциплинарной ответственности подробно исследован в трудовом и административном праве. Как следует из положений Трудового кодекса Российской Федерации [7], под дисциплинарной ответственностью понимается ответственность работника за нарушение трудовой дисциплины либо невыполнение или ненадлежащее выполнение должностных обязанностей, выражающаяся в применении к работнику дисциплинарных взысканий. В административном праве дисциплинарная ответственность представляет собой применение мер дисциплинарного воздействия в порядке служебного подчинения за совершение дисциплинарных проступков или других неправомерных действий, не влекущих уголовной ответственности [8]. И в трудовом, и в административном праве дисциплинарная ответственность возникает за совершение дисциплинарного проступка. Отношения между саморегулируемой организацией и ее членами базируются на принципе добровольного соблюдения последними правил и норм, установленных внутренними документами корпоративного объединения.

Если в трудовом праве дисциплинарная ответственность наступает вследствие нарушения локальных актов работодателя, то в административном – за нарушение правовых актов (например, Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации [9]). Ответственность членов саморегулируемых организаций в сфере строительства возникает в связи с нарушением ими требований законодательства Российской Федерации о градостроительной деятельности, технических регламентов, обязательных требований стандартов на процессы выполнения работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства, утвержденных Национальными объединениями, стандартов и внутренних документов саморегулируемой организации (часть 1 статьи 55.15 ГрК РФ), т.е. за нарушение нормативно-правовых актов и локальных актов корпоративного объединения.

В трудовом и административном праве дисциплинарной ответственности подлежат исключительно физические лица. Применительно к институту саморегулирования в сфере строительства, субъектами ответственности являются юридические лица и индивидуальные предприниматели – члены саморегулируемых организаций.

Безусловно, меры дисциплинарного воздействия, применяемые к членам саморегулируемых организаций, отличаются и не являются дисци-

плинарными взысканиями, которые налагаются в соответствии с трудовым или административным законодательством, поскольку члены корпоративных объединений не состоят в трудовых отношениях с саморегулируемой организацией, отсутствует в рассматриваемом случае и служебное подчинение.

Наименование «дисциплинарная» применительно к ответственности членов саморегулируемых организаций, по мнению Г.О. Аболонина, является условным [10]. Обращаясь к истории становления института саморегулирования в России, отметим, что применение термина «дисциплинарная ответственность членов саморегулируемых организаций» было заимствовано в зарубежных странах, в частности, в США и Великобритании, поскольку образование и развитие первых саморегулируемых организаций в Российской Федерации происходило в условиях отсутствия национальных правовых аналогов.

Солидаризируемся с мнением И.В. Ершовой [11] в том, что с течением времени устоявшиеся термины и институты претерпевают существенные изменения, например, возникают новые виды ответственности, которые отражают изменения в общественных отношениях. В свою очередь, Д.Н. Бахрах отмечает, что правовая основа дисциплинарной ответственности характеризуется многообразием, и меры дисциплинарного воздействия могут применяться не только за нарушение трудовой, но и учебной, служебной и иной дисциплины в легально существующих организациях. В настоящее время отмечается многоаспектный характер понятия «дисциплинарная ответственность» [12, с. 46]. В широком смысле термин «дисциплинарная ответственность» означает ответственность за нарушение трудовой или воинской дисциплины, правил и норм, установленных в рамках определенной предпринимательской или профессиональной деятельности, а также правил и стандартов корпоративного объединения, которым является саморегулируемая организация. Исходя из чего, нам представляется корректным и обоснованным использование понятия «дисциплинарная ответственность» применительно к институту саморегулирования в строительстве.

Ответственность членов саморегулируемой организации связана с членством в корпоративном объединении и по своей правовой природе представляет собой корпоративную ответственность. Саморегулируемые организации являются субъектом частного права, соответственно, они не обладают статусом государственных или муниципальных органов. В то же время отметим, что ни государственные, ни муниципальные органы не наделены полномочиями по привлечению членов саморегулируемых организаций к ответственности за нарушение стандартов и правил саморегулирования. М.А. Егорова также указывает на частноправовой характер института дисциплинарной ответственности членов саморегулируемых организаций, приводя в качестве аргумента отсутствие у таких организаций административно-судебных механизмов, обеспечивающих соблюдение членами корпоративных объединений правил и стандартов саморегулирования [13]. Поскольку дисциплинарная ответственность членов саморегулируемой организации основана на гражданско-правовых принципах, постольку меры дисциплинарного воздействия могут быть применены саморегулируемой организацией только в отношении своих членов, т.е. ограниченного круга лиц.

Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» устанавливает следующий перечень мер дисциплинарного воздействия, применяемых к членам саморегулируемых организаций:

1) предписание;

2) предупреждение;

3) штраф;

4) рекомендация об исключении из членов саморегулируемой организации;

5) иные меры, установленные внутренними документами саморегулируемой организации.

Особенности института саморегулирования в сфере строительства устанавливаются законодательством о градостроительной деятельности. В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 55.15 ГрК РФ следует, что к членам саморегулируемых организаций в сфере строительства может быть применена мера дисциплинарного воздействия в виде приостановления права выполнять инженерные изыскания, осуществлять подготовку проектной документации, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт, снос объектов капитального строительства.

Саморегулируемые организации, обладая значительной автономией в установлении правил и норм саморегулирования, самостоятельно определяют какие меры дисциплинарного воздействия они могут применять посредством утверждения перечня данных мер в своих внутренних документах [14]. На практике саморегулируемые организации в сфере строительства, реализуя свое право, предусмотренное п. 5 ч. 4 ст. 10 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», устанавливают широкий перечень мер дисциплинарного воздействия.

Особый интерес в доктрине и правоприменительной практике представляет мера дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации, возможность применения которой объясняется следующим. Саморегулируемые организации в сфере строительства создаются в организационно-правовой форме ассоциации (союза), как предусмотрено ст. 123.8 ГК РФ. В связи с чем к корпоративным отношениям, складывающимся между саморегулируемыми организациями и их членами, применимы положения гражданского законодательства. Абз. 2 п. 2 ст. 123.11 ГК РФ установлено, что член ассоциации (союза)

может быть исключен из нее в случаях и порядке, установленных уставом объединения. Особенность применения указанной меры дисциплинарного воздействия заключается в том, что решение об исключении из членов саморегулируемой организации в сфере строительства принимает не специализированный орган саморегулируемой организации по рассмотрению дел о применении в отношении ее членов мер дисциплинарного воздействия, а постоянно действующий коллегиальный орган управления саморегулируемой организации (в случае двухуровневой структуры управления – общее собрание членов саморегулируемой организации).

Исключение из членов саморегулируемой организации является серьезной мерой дисциплинарного воздействия, в большинстве случаев блокирующей дальнейшую основную деятельность строительных организаций. В соответствии с положениями ч. 2 ст. 55.7 ГрК РФ, следует, что саморегулируемая организация вправе исключить члена из корпоративного объединения при неисполнении им предписаний органов государственного строительного надзора при строительстве, реконструкции объектов капитального строительства двух и более раз в течение одного года, а также в иных случаях, предусмотренных внутренними документами саморегулируемой организации. Так, во внутренних документах СРО АСО ПОСО содержится 9 оснований для исключения члена из саморегулируемой организации [15], в ССК УрСиб – 8 оснований [16], в СРО АПК «МАП», СРО АСК «МСК» – 6 оснований [17], в СРО «Северный проектировщик» – 5 оснований [18], в Союзе «Мособлстройкомплекс» – 10 оснований [19].

Изученные в ходе настоящего исследования внутренние документы саморегулируемых организаций в сфере строительства предусматривают исключение из членов саморегулируемой организации за нарушение сроков уплаты взносов (членских, целевых) в саморегулируемую организацию. Решения корпоративных объединений об исключении из членов саморегулируемой организации по приведенному выше основанию становились предметом многочисленных судебных споров. Правоприменительная практика последних лет складывается не в пользу профессиональных участников строительного рынка. Суды считают, что применение саморегулируемой организацией меры дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов корпоративного объединения по причине нарушения сроков уплаты обязательных взносов в такое объединение является законным и соответствует внутренним документам саморегулируемой организации [20].

В свою очередь, считаем, что мера дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации не может применяться в отношении членов, нарушивших сроки уплаты обязательных взносов в такое объединение (за исключением взносов в компенсационные фонды). Во-первых, под воздействием понимается действие, направленное на достижение определенного результата [21]. Каким образом исключение из членов саморегулируемой организации способствует устранению допущенных членом саморегулируемой организации нарушений и достижению результата в виде уплаты взносов? Поскольку в данном случае речь идет о последствиях неисполнения или ненадлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств, постольку для достижения цели в виде уплаты взносов в корпоративное объединение существуют иные меры гражданско-правового воздействия, например, взыскание задолженности в судебном порядке, требование уплаты неустойки в виде штрафа или пени.

Во-вторых, положительный аспект применения саморегулируемой организацией мер дисциплинарного воздействия, по мнению О.А. Васючковой, которое мы разделяем, состоит в их стимулирующем характере, способствующем обеспечению правомерного поведения членов корпоративного объединения [22, с. 400]. Однако мера дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации обладает явно иным характером – карательным, лишающим члена саморегулируемой организации возможности исправления допущенного нарушения.

В-третьих, исключение из членов саморегулируемой организации в связи с нарушением сроков уплаты обязательных взносов не является злостным нарушением и не причиняет вреда, соразмерного дисциплинарному взысканию в виде исключения из членов корпоративного объединения.

Учитывая исключительность и строгость меры дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации, последствия ее применения для члена корпоративного объединения, представляется, что применение данной меры дисциплинарного воздействия должно соответствовать характеру выявленного нарушения, принципу разумности и справедливости. В целях обеспечения прав и законных интересов членов саморегулируемых организаций в сфере строительства предлагается упорядочить основания применения указанной меры дисциплинарного воздействия. Для чего в ч. 2 ст. 55.7 ГрК РФ закрепить исчерпывающий перечень оснований, при наступлении одного из которых саморегулируемая организация вправе принять решение о применении меры дисциплинарного воздействия в виде исключения юридического лица или индивидуального предпринимателя из членов саморегулируемой организации.

В качестве оснований применения меры дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации в сфере строительства предлагается установить:

1) неисполнение предписаний органов государственного строительного надзора при строительстве, реконструкции объектов капитального строительства двух и более раз в течение одного календарного года;

2) несоблюдение требований законодательства Российской Федерации о градостроительной деятельности, технических регламентов, обязательных требований стандартов на процессы выполнения работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства, утвержденных соответствующим Национальным объединением саморегулируемых организаций[2], стандартов и внутренних документов саморегулируемой организации, повлекшее за собой причинение вреда;

3) неоднократное (более двух раз) в течение одного календарного года нарушение законодательства Российской Федерации о градостроительной деятельности, технических регламентов, обязательных требований стандартов на процессы выполнения работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства, утвержденных соответствующим Национальным объединением саморегулируемых организаций, стандартов и внутренних документов саморегулируемой организации (за исключением нарушения сроков уплаты обязательных взносов (членских, целевых и других) в саморегулируемую организацию);

4) невнесение в установленный срок дополнительного взноса в компенсационный фонд возмещения вреда саморегулируемой организации;

5) невнесение в установленный срок дополнительного взноса в компенсационный фонд обеспечения договорных обязательств саморегулируемой организации.

На основании изложенного предлагается под дисциплинарной ответственностью члена саморегулируемой организации в сфере строительства понимать самостоятельный вид юридической ответственности корпоративного характера, которая возникает в результате нарушения членом саморегулируемой организации требований законодательства Российской Федерации о градостроительной деятельности, технических регламентов, обязательных требований стандартов на процессы выполнения работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации, строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объектов капитального строительства, утвержденных соответствующим Национальным объединением саморегулируемых организаций, стандартов и внутренних документов саморегулируемой организации, выражающаяся в применении к члену саморегулируемой организации мер дисциплинарного воздействия, установленных внутренними документами саморегулируемой организации, с целью предотвращения последующих нарушений.

Поскольку дисциплинарная ответственность членов саморегулируемых организаций в сфере строительства является одним из видов юридической ответственности, постольку указанный институт должен соответствовать принципам законности и справедливости. В связи с чем предлагается регламентировать основания применения меры дисциплинарного воздействия в виде исключения из членов саморегулируемой организации путем внесения соответствующих изменений в градостроительное законодательство.

[2] Национальное объединение изыскателей и проектировщиков (НОПРИЗ), Национальное объединение строителей (НОСТРОЙ).

Литература:

1. О состоянии развития саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности в Российской Федерации за 2020 год: доклад. – М.: Министерство экономического развития Российской Федерации. 2021. – 246 с.
2. Macey J., Novogrod C. Enforcing Self-Regulatory Organization's Penalties and the Nature of Self-Regulation // Hofstra Law Review. – 2012. – Vol. 40: Iss. 4. – URL: https://scholarlycommons.law.hofstra.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2681&context=hlr (дата обращения: 18.04.2021).
3. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6076.
4. 8000. Investigations and Sanctions. – URL: https://www.finra.org/rules-guidance/rulebooks/finra-rules/8000 (дата обращения: 05.10.2023).
5. Бронникова М.Н. Некоторые особенности дисциплинарной ответственности членов саморегулируемых организаций // Гражданское право. – 2018. – № 5. – С. 25–28.
6. Забрамная Е.Ю. Соотношение понятий «профессиональная» и «дисциплинарная» ответственность и современные тенденции развития данных видов ответственности // Трудовое право в России и за рубежом. – 2020. – № 2. – С. 40–43.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
8. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. Л.Л. Попов. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 544 с.
9. Указ Президента РФ от 10.11.2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных

Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // СЗ РФ. – 2007. – № 47 (1 ч.). – Ст. 5749.
10. Аболонин Г.О. Дисциплинарное производство саморегулируемых организаций – на острие конфликта. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 288 с.
11. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2014. – № 3. – С. 2–15.
12. Бахрах Д.Н. Дисциплинарно-правовое принуждение в Российской Федерации // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 43–50.
13. Егорова М.А. К вопросу о правовом статусе саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Право и экономика. – 2016. – № 5. – С. 11–22.
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2023 № 09АП-4037/2023 по делу № А40-193214/2022 // СПС КонсультантПлюс.
15. Правила и положения. – URL: https://np-poso.ru/otkrytye-dannye/pravila-i-polozheniya (дата обращения: 20.08.2023).
16. Союз строительных компаний Урала и Сибири. – URL: https://www.sskural.ru/documents/Polozen/Положение%20о%20членстве%20в%20ССК%20УрСиб%20(от%2024.03.2022).pdf (дата обращения: 20.08.2023).
17. Внутренние документы СРО. – URL: https://sro2009-msk.ru/dokumenty-sro/dokumenty-sro/ (дата обращения: 20.08.2023).
18. Положение о членстве в ассоциации саморегулируемая организация «Северный проектировщик». – URL: http://sever-proekt.ru/wp-content/uploads/2014/08/Polozhenie-o-chlenstve-i-o-trebovaniyah-2.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
19. Положение о членстве в Союзе «Строители Московской области «Мосболстройкомплекс». – URL: https://npmosk.ru/uploads/files/polozhenie-o-chlenstve-2_1683701605.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
20. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2022 № 18АП-6385/2022 по делу № А07-37015/2021, Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2023 № 17АП-16289/2022-ГК по делу № А60-44767/2022, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.06.2021 № Ф06-4243/2021 по делу № А72-8037/2020, Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 27.02.2020 № 02АП-352/2020 по делу № А82-11762/2019, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2022 № 13АП-38472/2021 по делу № А56-50228/2021, Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2021 № 11АП-1532/2021 по делу № А72-8037/2020, Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.06.2022 по делу № А40-26210/22-45-181 // СПС КонсультантПлюс.
21. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma119903.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 20.08.2023).
22. Васючкова О.А. Оценка эффективности и действенности применения мер дисциплинарного воздействия к членам саморегулируемых организаций сферы строительства // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: монография: в 4 т. Т. 1. / Отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. – М.: Проспект, 2020. – 728 с.

Responsibility of Members of Self-Regulating Organizations in the Field of Construction: Theoretical and Practical Aspects

Soldatova T.V.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the issue of the legal nature of the responsibility of members of self-regulatory organizations in the field of construction, which is not defined in legislative acts. The liability of members of self-regulatory organizations is considered as a type of legal liability of a corporate nature, based on civil law principles. The author compares this responsibility with other types of legal liability, in particular with disciplinary liability in labor and administrative law. The doctrinal concept of "disciplinary liability of a member of a self-regulatory organization in the field of construction" is given. An analysis of disciplinary measures applied by self-regulatory organizations in the field of construction to their members is carried out, which revealed the need to streamline the grounds for applying extreme disciplinary measures in the form of exclusion from members of a self-regulatory organization by introducing appropriate changes to urban planning legislation.

Key words: self-regulatory organization in the field of construction, disciplinary liability, disciplinary measures, exclusion from membership of a self-regulatory organization in the field of construction, violation of deadlines for payment of contributions

УДК 343.140.02

Опрос лиц как средство собирания доказательств защитником в уголовном судопроизводстве

Сосновская Л.Р.
Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

Атряскина А.Ф.
Студентка кафедры уголовно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия

В статье проанализированы теоретические подходы к содержанию и форме опроса, осуществляемого защитником по уголовному делу в качестве средства собирания доказательств. Авторы акцентировали внимание на соотношении норм уголовно-процессуального законодательства с законодательством об адвокатуре, а также на сложившуюся адвокатскую и судебную практики в области фиксации, представления и оценки доказательств по уголовным делам. В результате в статье отмечается пробел, образовавшийся в российском законодательстве, касательно порядка, формы и механизмов реализации опроса защитником лиц с их согласия в уголовном процессе. Определяющими методами исследования стали общенаучные (формально-логический, аналитический) и некоторые частно-научные методы (метод правовой герменевтики способствовал установлению истинного смысла уголовно-процессуальных норм применительно к принципам оценки доказательств). Авторы сформулировали ключевой вывод о том, что понятие опроса имеет уголовно-процессуальное значение, отличающееся от общего терминологического понимания данного действия в законодательстве об адвокатуре.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, средство доказывания, защитник, адвокат, процессуальные действия, опрос лиц

Инструменты доказывания по уголовным делам признаны многими исследователями наиболее проблемной частью уголовно-процессуального права [1–3]. Вместе с тем ограниченность возможностей защитника по сбору доказательств является предметом анализа узкой группы авторов, рассматривающих данное законодательное положение в качестве проявления процессуального неравенства и уголовно-процессуального анахронизма, что нуждается в скорейшем разрешении на современном этапе развития российского законодательства и повышения качества уголовного судопроизводства [4; 5].

В системе действующих средств доказывания защитник, согласно ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) [6], может использовать:

1) получение предметов и различных сведений, в том числе документов;

2) истребование документов от органов публичного управления и организаций;

3) опрос лиц.

Особенностью представленного перечня средств доказывания необходимо признать отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве правовой детализации названных действий процессуального характера, что наиболее наглядно прослеживается на примере опроса лиц. Единственным условием применения данного способа в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ указано согласие самих лиц, подвергающихся опросу со стороны защитника. В иных нормах УПК РФ какой-либо конкретизации рассматриваемого действия не содержится, что позволяет обратиться к другим федеральным законам.

Так, в Федеральном законе от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 63-ФЗ) [7] сложился схожий фрагментарный подход к регламентации опроса лиц. В соответствии с пп. 2 п. 3 ст. 6, уточнены очевидные признаки рассматриваемого средства доказывания в призме субъективных прав адвоката. В частности, опрос может проводиться лишь тем адвокатом, который оказывает юридическую помощь по уголовному делу. Информация, которой, предположительно, владеют опрашиваемые лица, должна относиться к данному делу. Кроме того, продублировано требование о наличии согласия лица на осуществление его опроса адвокатом.

Указанные правовые условия, сформулированные в Федеральном законе № 63-ФЗ, гармонируют с принципами доказывания, закреплёнными в уголовно-процессуальном законодательстве касательно законности, относимости, достоверности и достаточности собираемых доказательств. При этом ни УПК РФ, ни Федеральный закон № 63-ФЗ не обозначили требований к форме и содержанию опроса защитником лиц с их согласия.

Учёные сходятся во мнении, что отсутствие в уголовно-процессуальных нормах критериев осуществления анализируемого средства доказывания вовсе не означает широту усмотрения адвоката при реализации соответствующего субъективного права опрашивать лиц по уголовному делу [8, с. 3; 9, с. 28]. Между тем на правовом уровне остаётся неразрешённым вопрос о необходимости составления защитником протокола или иного процессуального акта при фиксации хода получения сведений и результатов опроса.

Предполагается, в силу аналогии закона, что опрос, как допрос, проводится с обязательным составлением определённого документа, в котором отражаются процедурные и содержательные особенности совершаемого действия [10, с. 243]. Однако нормы УПК РФ не определили возможность применения аналогии закона к процессуальным правоотношениям, равно как и не запрещают подобный способ восполнения пробелов в уголовно-процессуальном праве. Фактически участники уголовно-процессуальных правоотношений используют аналогию закона при решении различных вопросов, не получивших однозначного правового закрепления [11; 12].

Необходимость составления процессуального документа, фиксирующего ход и результаты опроса защитником, постулируется авторами, исследующими особенности принципа письменности уголовного судопроизводства, согласно которому представление суду доказательств с неопределённой процессуальной природой осуществляется в письменной форме [13].

Напротив, сторонники формально-юридического подхода настаивают на преемственности норм уголовно-процессуального законодательства, в которых отсутствуют чётко закреплённые требования к оформлению опроса лица защитником [14, с. 43]. В таком понимании критикуется практика адвокатского сообщества, сформулировавшего методические рекомендации по письменному закреплению результатов опроса посредством составления протокола [15].

Вместе с тем ни в адвокатской, ни в судебной практике не сложился механизм использования устной формы результатов проведённого защитником опроса, что имеет вполне определённую правовую основу. Так, главное условие производства данного процессуального действия заключается в необходимости подтверждения согласия лица, подвергающегося опросу. Кроме письменной формы, реализовать указанное требование в процессуальном смысле допустимо разве что в цифровом виде. Последнее оспаривается отдельными исследователями [16, с. 73], но допускается в правоприменительной практике [17].

Помимо согласия опрашиваемого лица, результаты проведённого защитником опроса необходимо представить посредством специального ходатайства, адресованного суду или органу предварительного расследования. Если предположить, что опрос был проведён устно, то возникает закономерная проблема приобщения его результатов к материалам уголовного дела. В свою очередь, в решении обозначенной задачи усмотрение защитника соприкасается с усмотрением субъекта правоприменения, т.е. суда или органа, производящего предварительное следствие или дознание. Очевидным образом наличие письменного акта, в котором зафиксирован ход проведённого опроса, как будто презюмируется.

Спроецировав анализируемую проблему на теорию юридических фактов, сложившуюся в уголовно-процессуальном праве [18], становится не вполне однозначным выработанное практикой требование о письменной форме опроса. В частности, в Федеральном законе № 63-ФЗ говорится о данном действии, как о праве адвоката, лишь в плоскости гарантированных законом возможностей специального субъекта по разным категориям дел. Тем самым адвокат, выступая защитником по

уголовному делу, может осуществлять опрос в любой форме, не противоречащей законодательству. При этом реализация указанного субъективного права должна соответствовать ключевым условиям, обозначенным в пп. 2 п. 3 ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ.

Напротив, в ч. 3 ст. 86 УПК РФ опрос сформулирован в плоскости субъективного права на собирание доказательств, которые подчинены комплексу специальных требований процессуального характера. В связи с этим предлагается различать терминологический смысл опроса в уголовно-процессуальном законодательстве и в законодательстве об адвокатуре, поскольку в последнем говорится о профессиональном субъективном праве, применимом к любым делам, в том числе уголовным.

Действие методических рекомендаций и указаний, сформулированных Федеральной палатой адвокатов, базируется на критерии профессиональной принадлежности лиц к адвокатскому сообществу. Однако согласно ч. 2 ст. 49 УПК РФ защитником по уголовному делу могут выступать также иные лица (в том числе близкий родственник), если об этом ходатайствует обвиняемый, а допуск осуществляется судом на основании принятого постановления или определения. В силу этого возникает сомнение в распространении на такого защитника, не имеющего статуса адвоката, рекомендаций по проведению опроса, выработанных Федеральной палатой адвокатов РФ.

Таким образом, уголовно-процессуальный смысл опроса, проводимого защитником с согласия опрашиваемого лица, выражается в специальном средстве доказывания, а не в наличии самого доказательства по уголовному делу. Целесообразность его письменного оформления вытекает из необходимости представления суду или органу, осуществляющему предварительное расследование, результатов опроса в условиях отсутствия возможности присутствия самого лица, подвергнутого опросу, как носителя информации, имеющей процессуальное значение по уголовному делу. В широком значении отсутствие обязанности составления письменного акта в ходе осуществления опроса обосновывается оценкой защитником получаемых сведений на предмет их достоверности, достаточности и относимости, что выступает системой доказательственных принципов в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Грудинин И.А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве (система, содержание, гносеологические аспекты): дисс. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – 187 с.
2. Мараков С.Е. Некоторые вопросы использования средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Юридический факт. – 2020. – № 99. – С. 7–10.
3. Мокрушин С.В. Проблемы использования формальных средств доказывания в российском уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 115–119.
4. Подосинникова Л.А. Опрос адвокатом лиц с их согласия как проявление процессуального неравенства // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1 (6). – С. 297–304.
5. Нарядчиков В.Н. Опрос лиц с их согласия как способ собирания доказательств защитников по уголовному делу // Современное право. – 2020. – № 9. – С. 87–93.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921; 2023. – № 32 (Ч. I). – Ст. 6145.
7. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102; 2023. – № 31 (Ч. III). – Ст. 5809.
8. Кронов Е.В. Опрос защитником-адвокатом лиц с их согласия: сущность, значение, механизм производства // Адвокатская практика. – 2008. – № 3. – С. 2–4.
9. Чеботарева И.Н. Уголовно-процессуальное значение сведений, собранных адвокатом-защитником в результате опрос лица с его согласия // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1. – С. 27–32.
10. Гасанова З.Г. Опрос адвокатом лиц с их согласия как способ собирания доказательств в уголовном процессе // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 242–243.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» // СЗ РФ. – 2021. – № 52 (ч. II). – Ст. 9315.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2022 г. № 1453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гринцова Валерия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей.4 статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
13. Степанова В.Г. Уголовно-процессуальная форма и письменность уголовного процесса как институциональный принцип предварительного рас-

следования // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 108–113.
14. Заика С.В. Способы реализации права адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе при опросе лиц с их согласия и возможные ошибки при реализации данного права // Адвокатская практика. – 2021. – № 4. – С. 40–44.
15. Методические рекомендации по реализации прав адвоката, одобрены Советом Федеральной палаты адвокатов РФ протоколом № 5 от 22.04.2004 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2005. – № 4 (10). – С. 89.
16. Селина Е.А., Загорский Г.И. Опрос лиц с их согласия – путь адвоката к приобретению доказательства на стадии предварительного расследования по уголовному делу // International Law Journal. – 2020. – Т. 3. – № 4. – С. 72–80.
17. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12.10.2017 г. по делу № 22-7364/2017 // СПС Консультант Плюс.
18. Пушкарев В.В. Теоретико-правовой конструкт «согласие»: гносеология юридического факта в уголовном процессе // Философия права. – 2017. – № 3 (82). – С. 29–32.

Interviewing Persons as a Means of Collecting Evidence by a Defense Attorney in Criminal Proceedings

Sosnovskaya L.R., Atryaskina A.F.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

In this article, the authors analyzed theoretical approaches to the content and form of questioning by a defense attorney in a criminal case. The article compares the norms of criminal procedure legislation with the legislation on the legal profession, as well as with legal and judicial practice on evidence in criminal cases. As a result, there is a gap that has arisen in Russian legislation regarding the procedure, form and mechanisms for the implementation of questioning by the defense attorney of persons with their consent in criminal proceedings. The defining methods of research were general scientific (formal-logical, analytical) and some specific scientific methods (the method of legal hermeneutics contributed to establishing the meaning of criminal procedural norms). The authors formulated a key conclusion that the concept of interrogation has a criminal procedural meaning that differs from the general terminological understanding in the legislation on the legal profession.

Key words: criminal process, proof, proof, means of proof, defender, advocate, procedural actions, interview of persons

УДК 341.96

Зарождение юридических лиц как субъектов гражданского права

Сулейманов М.Р.
Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Баскаков К.В.
Студент кафедры гражданского права Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена возникновению и развитию идеи о юридическом лице в различные периоды римского права. Установлено, что в римском праве возникли основные признаки юридических лиц, актуальные и для современной цивилистики.

Ключевые слова: «corpus», «universitas, «collegia», юридическое лицо, учреждения, городская община

Целью настоящей работы является установление того, как римляне понимали и развивали идею юридического лица. Для этого нужно определить понятие юридического лица, разобрать основные виды юридических лиц, их особенности и род деятельности, их права и обязанности.

Для решения этих задач мы будем использовать методы: анализ и синтез при работе с источниками римского права (Дигесты Юстиниана, Институции Гая, различные кодификации); сравнительно-правовой метод при сравнении института юридического лица в римском праве и современном гражданском праве; исторический метод для анализа источников римской эпохи.

Юридическое лицо – это абстрактное, в чистом виде юридическое понятие, которое сегодня распространено широко в связи с тем, что юридические лица играют важнейшую роль в гражданском обороте, являются субъектами гражданского права. В то же время, в соответствии с теорией фикции Ф.К. фон Савиньи, юридические лица – это фикция, «правовая выдумка», так как в материальном мире юридических лиц нет, они существуют в виде регистрационных записей в реестрах, уставного капитала, учредительных документов [1].

Правоведы дают различные определения юридическому лицу. Проанализировав дефиниции, становится ясно, что, несмотря на их непохожесть, можно выделить сущностные перекликающиеся критерии. Согласно А.В. Зайкову: «“Юридическое лицо” – это фикция, прием юридической техники, необходимый для введения в оборот имущественной массы, так или иначе обособленной от имущества реальных лиц (на современном языке – физических лиц). Данный прием позволяет действовать некой совокупности (лиц или вещей) так, как если бы это было некое отдельно взятое лицо *personae vice* (дословно “вместо лица”)» [2, с. 154]. Обратимся к уже упомянутому Ф.К. фон Савиньи: «…это искусственно предположенный субъект, способный к имущественным правам» [1]. Согласно Д.В. Дождеву, субъектом правового общения, обладающего правами частных лиц, могут быть объединение людей – это и есть юридическое лицо [3]. Обратившись к И.А. Покровскому, обнаружим, что юридическое лицо – «самостоятельный субъект гражданского права, самостоятельный центр хозяйственной жизни» [4]. Определения последних двух представленных авторов раскрывают понятие юридического лица в более широком смысле и не указывают его сущностную характеристику.

Во-первых, в публичном праве часто встречается, что какую-то ветвь власти представляет коллективная единица. Однако у нее нет имущественной правоспособности, соответственно, институт юридического лица в Древнем Риме следует рассматривать только с позиции частноправовых явлений.

Во-вторых, юридическое лицо не может быть внутри семейных отношений, поскольку ограничено своими имущественными отношениями. В Риме существовала практика консорциумов между братьями – общность имущества, возникавшая между братьями, которые «после смерти их отца предпочитали не делить наследственную массу, а по-прежнему вести общее хозяйство» [2, с. 154]. Таким образом, консорциум – это хозяйственное объединение нескольких малых семей, берущих начало от одного предка. Консорты могли действовать от имени целой группы, приобретая или отчуждая имущество [2, с. 154]. Из этого следует, что консорциум не может рассматриваться, как юридическое лицо.

Идея юридического лица впервые возникла в римском праве и развивалась постепенно. К юридическим лицам причисляют корпорации, учреждения, фиск, общины, гильдии. Путаницу создает тот факт, что к одному виду юридического лица можно было приписать сразу несколько таких терминов, как *corpus, universitas, corpus, collegia, sodalitia, socitas*.

Корпорации – общины, гильдии и общества, наделенные юридическими правами. Сущность – субъектом является целое, а не отдельно взятые члены: замена одного или нескольких членов не влияет на сущность и единство корпорации. Например, первые университеты первоначально были корпорациями то учителей, то странствующих студентов.

Городские и сельские общины (муниципии и колонии) следует считать за прообразы юридического лица. Многие из них были старше самого государства. Рим захватывал город, крупное поселение и тогда городская община попадала под его зависимость, но при этом потребность в имуществе и возможности его приобретения никуда не исчезала. Помимо прочего, Рим был вправе привлечь общину к суду, сама община могла вести процесс против отдельного гражданина.

Не только общины могли наделяться имущественными правами, но и иные произвольные объединения. К их числу относятся ремесленные объединения – это коллективная работа профессионалов своего дела, например, кузнецов, которые также были наделены различными привилегиями. Это могли быть и религиозные союзы: коллегии жрецов и весталок (им было даровано право приобретать собственность). Помимо прочего, сюда относятся также общества: *sodalitates, sodalitia, collegia sodalitia.* Это были своего рода политические клубы, которые собирались на площадях и могли выдвигать перед государством свои требования относительно общественного устройства. Впоследствии римский сенат постановил о невозможности создания этих клубов, кроме как с разрешения самого сената (*senatusconsultes de collegiis*).

Учреждения занимались отправлением религиозных обрядов, это были различные духовные образования, в том числе с целью благотворительности. Собственником имущества могли называть то Иисуса Христа, то всеобщую христианскую церковь, то Папу. Субъектом права наследования является отдельная церковная община, то есть корпорация христиан, относящихся к этой церкви. Между имуществами двух приходов могут возникать правоотношения следующих видов: приобретение и утрата за давностью. Благотворительные учреждения имеют тот же принцип. Например, госпиталь является владельцем отдельного имущества, так же как отдельный человек или корпорация [5].

Каждая церковь и приход являются самостоятельным лицом, потому что и благотворительные учреждения способны находиться в самых разнообразных правоотношениях как между собой, так и с государством, городами, церквями.

Фиск имеет другую природу возникновения и становления. Изначально во времена Республики под *aerarium* понимали государственную казну, с ее доходами и убытками. Позднее за имуществом сената сохранилось прежнее название, а имущество императора стали называть *fiscus*. В данном случае понимается имущество императора, отдельное от его частного, личного имущества, то есть то имущество, которым он владеет в качестве императора. Казна стала называться *Caesaris fiscus; fiscus* – казна императора. После концентрации всей власти в руках императора все государственное имущество стали называть *fiscus.*

Что нам известно о процессе возникновения и исчезновения корпораций, общин, фиска и учреждений? Фиску и общине не было необходимости иметь позитивное предписание, которое способно регламентировать условия законного возникновения. Тогда как корпорациям и учреждениям, напротив, было необходимо решение высшей власти государства.

Дигесты Юстиниана сообщают нам, что для возникновения такого юридического лица необходимо наличие хотя бы трех членов, но однажды образованная universitas способна существовать даже при наличии всего одного члена [6]. Также для ликвидации юридического лица недостаточно согласия их большинства – необходимо решение высшего органа государства. В то же время государственные учреждения могут ликвидироваться по свободному усмотрению, потому что оно опасное или вредное, а также потому, что общая цель может быть полнее достигнута в виде нового учреждения. Смерть всех членов корпорации также не влечет ее ликвидации.

Протоюридические лица обладали рядом прав: правом владения, некоторыми наследственными правами, несли обязательства, имели право на предъявление иска, право на собственность, а также известны случаи сервитута.

I. Владение. Города и прочие юридические лица могут приобретать владение через свободных представителей и рабов [6]. Представителям и управляющим позволили выступать вместо юридического лица. Точно также, если бы владение должен был приобрести ребенок через своего опекуна или сумасшедший через своего куратора. Сумасшедшие и несовершеннолетние схожи с юридическими лицами в том, что они правоспособны, но наряду с этим не обладают естественной дееспособностью, отчего им в лице представителей обеспечивается искусственная воля [1].

II. Наследство. Римскому праву известны два способа приобретения наследства: по закону и путем завещания. Наследование по закону немыслимо у юридических лиц, ведь они не обладают родством. Кроме того, некоторые виды корпораций получили особую привилегию, разрешающую быть наследниками своих собственных членов, однако только в случае отсутствия всех прочих наследников, т.е. только в том случае, в котором иначе наследником был бы фиск. Корпорация не в состоянии завещать свое наследство, поскольку не является человеком, а значит, не имеет личное желание и действие.

III. Обязательства. Любые обязательства корпорации не затрагивают отдельных членов этой корпорации [6]. Справедливо также, что корпорация вправе заставить своих членов платить обязательственные взносы, ведь корпорация и ее члены тесно связаны.

IV. Предъявление иска. Юридические лица наделены способностью выступать в процессе как истец и ответчик. Юридическое лицо самостоятельно не в состоянии пользоваться этим правом, поэтому оно вправе назначить представителя actor, который обладает правами прокуратора. Того, кто представлял юридическое лицо, называли *defensor* [см.: 2, с. 157].

Если юридическое лицо будет осуждено, то исполнение судебного решения осуществляется посредством конкурса, продажи его имущества, взыскания его требований с должников [6].

V. Собственность. Юридические лица приобретают право собственности путем манципации. Отдельные члены юридического лица в праве собственности не участвуют, поскольку право относится к нему, как к целому [6]. Как рабы обвиняемого не могли допрашиваться как свидетели против него, так и члены корпорации не могли свидетельствовать против нее.

VI. Сервитут. Самым распространенным сервитутом, применимым к юридическому лицу, был узуфрукт. Приобретение права собственности на плоды являлось преобладающим.

Итак, юридическое лицо – субъект, способный к имущественным правам. Искусственный институт – «устав» способен наделять юридические лица (как правоспособных, но полностью недееспособных ввиду их фикции) дееспособностью. Это происходит путем представительства, равным образом поступают с несовершеннолетними и сумасшедшими (опека и попечительство). Устав существует для того, чтобы сделать с помощью суррогата возможными действия, необходимые для гражданского оборота, то есть действия, которые приводят к приобретению, получению, пользованию или частичному изменению имущества.

Таким образом, в понимании римлян, юридическое лицо – лишь искусственно предположенный субъект, способный к имущественным правам. В данном случае необходимо понимать, что юридическое лицо наделено правоспособностью при полном отсутствии дееспособности. И чтобы наделить юридическое лицо дееспособностью, пришлось прибегнуть к представительству – образованию устава. Устав должен компенсировать недееспособность юридического лица и предоставить ему возможность быть участником гражданского оборота. Подобным образом поступали с несовершеннолетними и сумасшедшими путем опеки и попечительства.

Общими принципами устава для корпораций являются следующие. Корпорация состоит из совокупности всех существующих ее членов. Чтобы решение было обоснованным, требуется согласие большинства членов, которые присутствуют на собрании при условии наличия не менее двух третей всех членов вообще. Для ликвидации корпорации решения большинства недостаточно, так как непонятно, отчего меньшинство не может продолжить дело корпорации, в то время как члены большинства будут вольны по одному из нее выйти.

Создание института, идеи юридического лица является одной из заслуг римского частного права. Эта идея обретала различные формы и виды: коллегии, фиск, корпорации, учреждения. Однако так и не получила отчетливого правового оформления в ту эпоху. Тем не менее юридические лица с некоторыми оговорками были вправе: владеть вещами; иметь вещи в собственности; отвечать по обязательствам; пользоваться сервитутом; предъявлять иски; быть наследниками своих членов.

Литература:

1. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут; Одесса: Центр исследования права им. Савиньи, 2012. – 305 с.
2. Зайков А.В. Римское частное право в систематическом изложении: учебник. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 480 с.
3. Дождев Д.В. Римское частное право: учеб. для вузов / Под ред. члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсесянца. – М.: Издат. группа ИНФРА• М-НОРМА, 1996. – 704 с.
4. Покровский И.А. История римского права. – СПб.: Издат.-торговый дом «Летний Сад», 1998. – 430 с.
5. Сулейманов М.Р. Правовой статус транснациональных корпораций в международном частном праве: дисс. … канд. юрид. наук. – Казань, 2020. – 203 с.
6. Собрание источников римского права: Законы XII таблиц, Институции Гая, Дигесты Юстиниана и многие другие. – URL: rimpravo.ru (дата обращения: 28.03.2023).

Genesis of Legal Persons in Roman Law

Suleymanov M.R., Baskakov K.V.
Kazan branch of the Russian State University of Justice

The article is dedicated to the origin and development of an idea of a legal body in different periods of a Roman Law. It is established that the main features of the legal bodies arose in the Roman law, which are also relevant for the modern Civil Law, such as property isolation, the ability to answer for obligations with one's property.

Key words: «corpus», «universitas», «collegia», legal person, foundation, urban commune

УДК 343.241

Дифференциация уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, по УК РФ и УК КНР

Сундурова О.Ф.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Университета управления «ТИСБИ» (Казань),
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В статье исследуется проблема дифференциации уголовной ответственности за совершение деяний, предметом которых являются наркотики, по УК КНР и УК РФ. Выделены положения УК КНР, которые заслуживают внимание российского законодателя, в частности, регламентация преступлений с наркотиками в одном параграфе, установление уголовной ответственности за принуждение к потреблению рассматриваемых запрещенных средств.

Ключевые слова: наркотики, контрабанда, незаконный оборот, дифференциация, уголовная ответственность

Российская Федерация граничит со многими зарубежными государствами (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Украина, Норвегия, Финляндия, Грузия, Азербайджан, Монголия, Китай, Казахстан). Значительная часть наркотических средств попадает в Россию через границы Китая и Казахстана. Поэтому актуальным является рассмотрение вопроса закрепления и градации уголовной ответственности за деяния, имеющие предмет преступления с наркотиками в сопредельных с Россией государствах.

Чаще всего наркотические средства производятся в местах, где сосредоточено большое количество химических заводов. В настоящее время такой территорией является КНР, а ввозят наркотические средства из Китая транзитом через Казахстан. Поскольку Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия состоят в Таможенном союзе, то при пересечении границ с Россией ввозимый на территорию России товар не подлежит таможенному контролю, при поставках же с территории Китая он осуществляется в Казахстане.

УК РФ включает 11 составов преступлений, предметом которых являются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, растения (их части) с содержанием указанных средств и веществ, их прекурсоры, инструменты и оборудование, используемое для их изготовления. В УК КНР содержится такое же количество составов преступлений, совершаемых с наркотиками.

Небезинтересно проследить специфику их регламентации в § 7 гл. 6 УК КНР, в частности, в нем предусмотрены преступления с использованием:

наркотиков (ст.ст. 347–349, 353–354); веществ (ст. 350) и растений, применяемых как сырье (ст. ст. 351–352); наркотических и психотропных веществ (ст. 355) [1]. В ст. 357 УК КНР указаны виды наркотических и психотропных веществ (опиум, героин, метилфениламин, морфий, конопля, кокаин и др.), применение которых вызывает привыкание, и они названы в этой статье наркотиками, находящимися под контролем со стороны государства. Поэтому в УК КРН в качестве предмета рассматриваемых преступлений указаны только наркотики. При установлении количества этих средств законодатель исходит из фактического их количества, не устанавливая их химический чистый вес [1].

Особенностью УК КНР является то, что законодатель указывает наименование некоторых видов наркотиков, сырья (веществ и растений), используемых для их приготовления, скорее всего именно с ними чаще всего совершаются преступления в Китае, но при этом их перечень остается открытым. Так, в ст.ст 347–348 конкретизирован вид наркотика

(опиум, героин или метилфениламин или иных наркотиков); в ст. 350 – конкретизированы виды сырья, используемые для изготовления наркотиков (ангидрид уксусной кислоты, эфир, трихлорметан или другое сырье либо смеси); в ст.ст. 351, 352 – указаны растения с содержанием наркотических веществ (опийный мак, конопля или другие растения), а в ст. ст. 347, 348, 349, 353, 354, 355, 356 законодатель использует понятие наркотик. В УК КНР не выделяются аналоги наркотических средств, а прекурсоры определены как сырье для производства наркотиков (ст. 350).

При наличии некоторых отягчающих обстоятельств китайский законодатель не конкретизирует санкцию, а указывает, что содеянное наказывается максимально суровым наказанием (ст.ст. 347, 349, 353, 356). Решение этого вопроса отнесено на усмотрение суда.

Субъектом преступления может быть как физическое, так и юридическое лицо, на которое возлагается уплата штрафа (ст. 355 УК КНР). Руководитель такой организации подлежит ответственности по ч. 1 ст. 355 УК КНР. За это деяние максимально назначается лишение свободы на срок до трех лет, при вменении отягчающих обстоятельств – лишение свободы от трех до семи лет.

Дифференциация уголовной ответственности за деяния с наркотиками осуществляется с учетом характера деяния:

1. В УК КНР закреплено три вида контрабанды и торговли:

а) контрабанда и торговля наркотиков рассматриваются среди других альтернативных деяний, таких как их транспортировка и изготовление (ст. 347). Ответственность дифференцирована в зависимости от: количества наркотика и его вида (ч. 1 ст. 347); руководства группой в совершении преступлений; вооруженного прикрытия этого преступления (ч. 3 ст. 347); сопротивления с применением насилия (ч. 4 ст. 347); 5) международной торговли наркотиками (ч. 5 ст. 347); использования, подстрекательства несовершеннолетних к рассматриваемым преступлениям [1]. Например, при наличии указанных обстоятельствах (контрабанды, торговли, транспортировки, изготовлении наркотиков (опиума 1 тыс. гр. и более)) максимально строгим наказанием может быть смертная казнь [1]. Статистические данные свидетельствуют, что в КНР назначают и исполняют смертную казнь, в том числе и за преступления с наркотиками, по количеству лиц больше, чем во всем мире (больше пятнадцати тысяч в год) [2]. При совершении рассматриваемых деяний срок назначенного лишения свободы варьируется в зависимости от объема наркотиков: при крупном объеме (опиум 200 гр. и более, но не свыше 1 тыс. гр.) – лишение свободы на срок свыше семи лет; а при небольшом объеме – от трех до семи;

б) за контрабанду сырья для изготовления наркотиков; незаконную торговлю сырьем для изготовления наркотиков (ст. 350) самым строгим наказанием предусмотрено лишение свободы на срок до трех лет. При установлении значительного размера при контрабанде лишение свободы назначается в пределах от трех до десяти лет. В случае передачи предметов (ч. 1 ст. 350 УК КНР) другому лицу, заведомо изготавливающему наркотики, – признается соучастием в преступлении;

в) многократная контрабанда, продажа, транспортировка и изготовление наркотиков, за которые лицо ранее не подлежало уголовной ответственности. Суд при назначении наказания учитывает общий объем наркотиков при совершении всех установленных случаев контрабанды и иных указанных деяний. Очевидно, что китайский законодатель признает более опасным видом контрабанды наркотиков в сопоставлении с контрабандой сырья, из которого они производится;

2. За незаконное хранение наркотиков (ст. 348 КНР) ответственность установлена в зависимости от их количества и наличия отягчающих обстоятельств:

а) при незаконном хранении, например, опиума свыше 1 тыс. г и др. видов наркотиков в крупном объеме максимальным для назначения наказания предусмотрено бессрочное лишение свободы;

б) в сравнительно крупном объеме – лишение свободы на срок до трех лет;

в) при выявлении отягчающих обстоятельств – лишение свободы на срок от трех до семи лет;

3. В УК КНР законодатель выделяет два вида склонения и принуждение, которые зависят от того, какое лицо и к какому деянию склоняют:

а) склонение несовершеннолетних к контрабанде (ст. 347 УК КНР). По этой статье уголовная ответственность наступает при использовании, подстрекательстве несовершеннолетних к совершению контрабанды, продаже и других деяний с наркотиками или продаже наркотиков несовершеннолетним. По УК РФ подстрекательство – это и есть склонение (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Поэтому такие действия по УК КНР фактически являются склонением к совершению преступления;

б) вовлечение, обучение, привлечение путем обмана других лиц к принятию наркотиков, тем или иным способом (перорально или путем инъекции). За это деяние предусмотрено максимально строгое наказание в виде лишения свободы до трех лет (ст. 353);

в) принуждение других лиц к употреблению наркотиков перорально или путем инъекции влечет назначение максимально строгого наказания в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет (ст. 353). Обязательным признаком объективной стороны по ст.ст. 353, 354 установлен способ совершения преступления (перорально или путем инъекции).

Более высокой степенью общественной опасности признается принуждение третьих лиц к потреблению наркотиков, за которое установлена более строгая ответственность, чем за их вовлечение, обучение, привлечение.

Китайский законодатель определяет склонение к употреблению наркотиков как преступление менее опасное в сопоставлении со склонением к контрабанде и другим деяниям. При повторности деяний, совершенных с наркотиками, предусмотренными в & 7 ст. 356 УК КНР, лишь указано, что наказание должно быть максимально строгим;

4. В УК КНР содержится статья о покрывательстве лиц, участвующих в контрабанде, продаже, транспортировке, изготовлении наркотиков; предоставлении им убежища; укрывательстве наркотиков или имущества, полученного после совершения преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 349. Китайскими авторами такое покрывательство называется выгораживанием преступников [3, с. 473–474]. Максимальное наказание предусмотрено в пределах до трех лет лишения свободы. Установление отягчающих обстоятельств влечет назначение лишения свободы от трех до десяти лет; более строгое наказание назначается сотрудникам органов, которые занимаются розыском наркотиков или государственных органов, покрывающих лиц, совершающих преступления с запрещенными средствами; а при установлении предварительного сговора указанных выше лиц, они одновременно привлекаются к ответственности за контрабанду, продажу, транспортировку и изготовление наркотиков;

5. За незаконные деяния с наркосодержащими растениями ответственность дифференцирована в зависимости от: а) установления факта посева (ст. 351 УК КНР); б) купли-продажи, транспортировки, нахождения при себе, владения растениями, не прошедшими обработку в сравнительно крупном размере (ст. 352 УК КНР) [3]. Строгость наказания зависит: от количества (от 500 до 3000 шт.) мака (других растений); повторной посадки; отказа ликвидировать посевы. Лицо, которое собственными силами ликвидировало посевы наркосодержащих растений до сбора урожая, освобождается от уголовной ответственности (ст. 351 УК КНР);

6. Размещение иных лиц для приема наркотиков влечет наступление уголовной ответственности по ст. 354 УК КНР;

7. Если лицо поставляет контролируемые государством наркотические и психотропные вещества с целью прибыли: а) контрабандистам, продавцам наркотиков, третьим лицам, то оно подлежит ответственности по ст. 347 УК КНР, по которой максимально строгим наказанием является смертная казнь; б) иным лицам, употребляющим эти средства (ст. 355 УК КНР), – лишение свободы на срок до 3 лет, а при вменении отягчающих обстоятельств – от трех до семи лет лишения свободы.

В законодательстве КНР и России достаточно разные подходы к обозначению предмета рассматриваемых деяний. В УК РФ законодатель предметом преступлений, связанных с незаконным оборотом, признает наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, прекурсоры этих средств или веществ, растения, содержащие указанные средства или вещества, или их части, без обозначения их наименования. Он, по нашему мнению, исходит из того, что в этом нет необходимости, поскольку рассматриваемые средства и вещества закреплены в соответствующих Списках, утверждаемых Правительством РФ.

По УК КНР предметом преступлений в § 7 УК КНР признаются наркотики, психотропные вещества, сырье (вещества или растения) для производства наркотика. Хотя перечень наркотических средств является открытым, особенностью УК КНР является обозначение некоторых видов наркотиков, веществ и растений в статьях УК. Позиция российского законодателя является более предпочтительной, поскольку нет необходимости указывать вид наркотика в статье УК, поскольку и иные наркотические средства, психотропные вещества, растения, прекурсоры, аналоги могут быть признаны в качестве таковых.

Статьи УК РФ (ст.ст. 228–230, 231–233) содержат более глубокую дифференциацию по некоторым видам совершаемых деяний. Так, например, в отличие от УК КНР в УК РФ выделяются деяния в виде незаконного приобретения и переработки запрещенных средств и веществ (ст. 228).

К достоинствам УК КНР, по нашему мнению, относятся:

1) выделение в отдельном § 7 УК КНР рассматриваемой группы преступлений;

2) усиление ответственности за повторное преступление (назначается максимально строгое наказание из числа предусмотренных в статьях § 7);

3) установление ответственности за незаконное покрывательство наркопреступников;

4) невыделение аналогов наркотических средств. Думается, что китайский законодатель исходит из того, что это – тоже наркотики. Наказание в этих случаях назначается согласно предусмотренной ответственности за деяние с наркотиками.

Исходя из проведенного исследования, думаем целесообразно закрепить преступления с наркотическими средствами, психотропными веществами или их аналогами, прекурсорами, растениями или их частями с содержанием наркотических средств в отдельную главу, а также дополнить ст. 230 УК РФ ч. 2^1, предусмотрев в ней ответственность за принуждение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 21.04.2023).
2. Смертная казнь в Китае. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D1%8C_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5 (дата обращения: 01.05. 2023).
3. Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике / Под науч. ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильевой. – М.: Проспект, 2022. – 568 с.

Differentiation of Criminal Liability for Crimes Related to Drug Trafficking, Under the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the People's Republic of China

Sundurova O.F.
University of Management "TISBI",
Kazan branch of the Russian State University of Justice

This article examines the problem of differentiation of criminal liability for committing acts involving drugs, according to the Criminal Code of the People's Republic of China and the Criminal Code of the Russian Federation. The provisions of the Criminal Code of the People's Republic of China are highlighted, which deserve the attention of the Russian legislator, in particular, the regulation of drug crimes in one paragraph, the establishment of criminal liability for forced consumption of the prohibited drugs in question.

Key words: drugs, smuggling, illegal trafficking, differentiation, criminal liability

УДК 342.7

К вопросу о содержании и законодательном закреплении конституционного права на медицинскую помощь в условиях цифровизации

Хурматуллина А.М.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Цель работы – выявить проблемы правового регулирования права на медицинскую помощь в условиях цифровизации и активного внедрения в сферу здравоохранения технологий искусственного интеллекта. В статье исследованы законодательные новеллы в сфере единой информационной системы здравоохранения, применения телемедицинских технологий, цифровых инноваций в медицинской деятельности. Рассмотрено нормативное содержание и формы конституционного права на медицинскую помощь.

Ключевые слова: цифровизация, право на медицинскую помощь, искусственный интеллект, правовое регулирование, ответственность, программа

Начало третьего десятилетия XXI в. характеризуется внедрением искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» в качестве одного из основных направлений развития и использования технологии искусственного интеллекта была выбрана социальная сфера [1], в которой приоритетной стала система здравоохранения (в частности, профилактика и прогноз заболеваний, сокращение пандемий). Правительству Российской Федерацией Президентом РФ было дано поручение обеспечить правовым регулированием применение технологий искусственного интеллекта, в частности, речь шла о телемедицинских технологиях, электронной медицинской документации [2]. Чуть ранее, в 2018 г., был принят национальный проект «Здравоохранение», главной целью которого было создание единого цифрового контура в сфере здравоохранения на основе единой государственной информационной системы здравоохранения [3]. Впервые понятие «единая государственная информационная система в сфере здравоохранения» было введено Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» (далее – ФЗ № 242-ФЗ), согласно которому в качестве звеньев системы рассматривались государственные, муниципальные и частные медицинские организации [4]. В этой связи трансформация нормативного содержания права на медицинскую помощь в первую очередь направлена на реализацию доступа граждан к медицинской помощи. Об этом также свидетельствует активное внедрение в рассматриваемую сферу телемедицинских технологий [4].

В то же время в разделе 6 Постановления Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» понятие доступности обозначено применительно к:

– информации, содержащейся в единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения: о медицинском работнике, медицинской организации, расписании приема врачей, медицинской документации в форме электронных документов;

– медицинским услугам, предоставляемых преимущественно с применением телемедицинских технологий [5].

В условиях активного внедрения в сферу здравоохранения программного обеспечения, использующего технологии искусственного интеллекта, целесообразно говорить о новых формах реализации права на медицинскую помощь: права на меди-

цинскую помощь с применением телемедицинских технологий, права на медицинскую помощь с применением технологий искусственного интеллекта и др. Об этом свидетельствует серия национальных стандартов «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине», принятых в 2022 г.

В 2022 г. в соглашения между Министерством здравоохранения Российской Федерации и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о предоставлении субсидий из средств федерального бюджета в рамках реализации федерального проекта по созданию единого цифрового контура, были внесены изменения на 2023–2024 гг., предусматривающие внедрение отечественных медицинских изделий с технологиями искусственного интеллекта в здравоохранение субъектов Российской Федерации. К примеру, в 2024 г. субъекты Российской Федерации должны внедрить не менее трех медицинского изделия на основе технологий искусственного интеллекта [6].

В этой связи активно внедряющийся искусственный интеллект в сферу оказания медицинской помощи требует упорядочения отношений, возникающих между изготовителем, исполнителем, задающим параметры работы искусственного интеллекта или определяющим его поведение, искусственным интеллектом, медицинским работником и пациентом. Следовательно, возникает необходимость урегулирования прав, обязанностей, ответственности. В условиях внедрения искусственного интеллекта в сферу оказания медицинской помощи с использованием искусственного интеллекта становится очевидной необходимость расширения содержания ряда статей, в частности, ст.ст. 10, 22 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в части закрепления права каждого на информацию об используемых технологиях искусственного интеллекта, права на безопасность применения искусственного интеллекта, права на качественное использование искусственного интеллекта.

В литературе отмечается, что право на информацию предполагает информацию о методах и возможных вариантах медицинского вмешательства, а также сведения о субъекте, применяющим искусственный интеллект [7, с. 150]. По нашему мнению, по аналогии с законодательством о защите прав потребителей в содержание права на информацию в контексте получения медицинской помощи следует включить информацию об оказываемой услуге с использованием искусственного интеллекта, о его изготовителе, а также о лице, управляющем работой искусственного интеллекта (исполнителе).

В зарубежной практике при рассмотрении спора, связанного с оказанием медицинской помощи, предпринимались попытки привлечения изготовителя искусственного интеллекта и медицинскую организацию к юридической ответственности. В деле *Mracek v. Bryn Mawr Hospital* суд отклонил исковые требования, указав, что пациент не представил доказательств наличия причинно-следственной связи между ошибкой робота и наступившими последствиями в виде развития эректильной дисфункции. В деле *Singh v. Edwards Lifesciences* истцу, здоровью которого в результате операции на сердце был причинен вред, удалось привлечь к ответственности как разработчика искусственного интеллекта, так и медицинское учреждение, но в разной степени, основная часть причиненного ущерба была взыскана с компании, являющейся разработчиком искусственного интеллекта [8, с. 58–59]. Вместе с тем сводить лишь к гражданско-правовой ответственности не стоит, в обратном случае увеличиваются риски разработки «слабого» искусственного интеллекта. В этой связи представляется необходимым внести изменения в уголовное законодательство, направленные на возможность привлечения лиц, причинивших вред здоровью при оказании медицинской помощи с использованием технологий искусственного интеллекта, к более жесткой мере наказания.

Весьма перспективным направлением применения искусственного интеллекта является контрольная деятельность, тесно связанная с развитием телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи. Напомним, ФЗ № 242-ФЗ [4] была введена возможность оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента, коррекция ранее назначенного лечения при очном приеме. Медицинская деятельность с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан была обозначена в качестве приоритетных видов деятельности в сфере цифровых инноваций [9]. В целях создания правовых условий для ускоренного появления и внедрения новых продуктов и услуг в сферах применения цифровых инноваций (с использованием таких цифровых технологий, как искусственный интеллект, распределенный реестр и др.) Правительством Российской Федерации в 2023 г. был установлен экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности [10].

Поскольку процесс оказания медицинской помощи в настоящее время жестко регламентирован, отсутствие соответствующих стандартов, предусматривающих специфику использования технологий искусственного интеллекта, усложняет процесс их внедрения в рассматриваемую сферу. В этой связи законодательством был принят Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации в связи с принятием Федерального закона "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации"», который предусмотрел возможность неприменения в рамках экспериментального правового режима отдельных требований, установленных законодательством в сфере охраны здоровья граждан [11]. На наш взгляд, введение специального регулирования должно быть оправданно разумным. Основания для его введения, сроки и территория должны быть предусмотрены в соответствующих федеральных законах.

Цифровизация ускорила процесс государственной поддержки проектов по внедрению искусственного интеллекта в сферу здравоохранения: разработка гостов по системам искусственного интеллекта в клинической медицине, установление специальных режимов правового регулирования, выделение субсидий субъектам Российской Федерации на создание единой цифровой платформы. В связи с чем право на медицинскую помощь претерпевает изменения в части нормативного содержания. В нормативном содержании рассматриваемого права можно выделить следующие группы правомочий: личные права, включающие право на уважение собственной личности, на сохранение физической и психической неприкосновенности, на личную и семейную тайну, на собственные моральные и культурные ценности; права, гарантирующие доступ к информации, включая данные о возможном риске лечения, сведениям о возможных последствиях отказа от лечения, информации о диагнозе, прогнозе и плане лечебных мероприятий, применяемых технологиях искусственного интеллекта, их изготовителе; права, связанные с доступом к медицинской помощи; права, связанные с качеством и безопасностью медицинской помощи, в том числе с использованием технологий применяемого искусственного интеллекта.

Таким образом, применение информационных технологий, оборот цифровых данных являются одним из факторов, определяющих основные направления конституционализации правового пространства. В этой связи можем говорить о процессе конституционализации цифровизации прав человека и гражданина. Следовательно, в системе прав человека можно выделить группу «новых цифровых прав» (в частности, право на доступ в интернет, право на забвение) и прав – высших конституционных ценностей [12, с. 195] (закрепленных в гл. 2 Конституции Российской Федерации) и трансформируемых под воздействием цифровизации (например, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование). Конституционализация цифровизации прав человека, в свою очередь, предполагает распространение новых принципов: единства законности и специального правового регулирования, социально-экономического партнерства государства и бизнеса, усиленного контроля качества и безопасности применяемых цифровых технологий.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
2. Поручение Президента РФ от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://www.kremlin.ru по состоянию на 11.01.2021.
3. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС Гарант.
4. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ…» // Российская газета. – 2017. – № 172.
5. Постановление Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» // СЗ РФ. – 2022. – № 8. – Ст. 1152.
6. Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации. – URL: https://minzdrav.gov.ru/ (дата обращения: 16.11.2023).
7. Ковелина Т.А., Собянин А.В., Марухно В.М. К вопросу о правовом регулировании искусственного интеллекта в медицине // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 148–151.
8. Третьякова Е.П. Использование искусственного интеллекта в здравоохранении: распределение ответственности и рисков // Цифровое право (Digital Law Journal). – 2021. – № 4 (Т. 2). – С. 51–61.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 173.
10. Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 г. № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций…» (ред. от 18.07.2023) // СЗ РФ. – 2023. – № 30. – Ст. 5693.

11. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации”» // Российская газета. – 2021. – № 147–148.
12. Хурматуллина А.М. Понятие конституционных ценностей в современной юридической науке (на примере конституционного права на труд) // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 194–196.

On the Issue of the Content and Legislative Consolidation of the Constitutional Right to Medical Care in the Context of Digitalization

Khurmatullina A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of the work is to identify problems of legal regulation of the right to medical care in the context of digitalization and the active introduction of artificial intelligence technologies into the healthcare sector. The article examines legislative innovations in the field of a unified health information system, the use of telemedicine technologies, and digital innovations in medical activities. The normative content and forms of the constitutional right to medical care are considered.

Key words: digitalization, right to medical care, artificial intelligence, legal regulation, responsibility, program

УДК 343.81

Арест в уголовном праве: проблемы правовой регламентации

Чепаров Р.Д.
Аспирант юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье проведено исследование проблем правовой регламентации и применения ареста как одного из видов уголовного наказания. Отмечается несоответствующая установленной системе наказаний УК РФ чрезмерная строгость условий отбывания ареста. Также приводятся позиции ученых, которые утверждают о необходимости применения краткосрочного ареста как меры шокирующего характера. В данной работе указывается и обосновывается нецелесообразность введения в действие уголовного наказания в виде ареста в той редакции, в которой оно в настоящее время закреплено в УК РФ. Рассматривается позиция об исключении ареста из видов наказаний, предусмотренных уголовным законодательством РФ, а также анализируется возможность внесения изменений в содержание норм об аресте, включая случаи его отбывания в домашних условиях.

Ключевые слова: наказание, лишение свободы, арест, ограничение свободы, правовая регламентация, система наказаний, арестные дома, строгая изоляция, виды наказания

По этимологии слово «арест» происходит из латинского языка – «*adrestum*», что в переводе означает «задержка» или «остановка». Арест в качестве наказания предусмотрен в действующем УК РФ 1996 г., но не введен в действие.

Ранее арест предусматривался в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение), где он был известен как «кратковременный арест» (ст.ст. 34, 42, 59–60). Отбывание ареста непосредственно зависело от сословного деления общества. На основании ст. 59 Уложения, лица, освобожденные от телесных наказаний, отбывали наказание в тюрьме, другие осужденные содержались в специальных помещениях, находившихся в отделениях полиции. Кроме того, осужденным к аресту крестьянам дополнительно могли назначить выполнение общественных работ. Согласно ст. 60 Уложения, чиновники и дворяне могли отбывать арест в собственном жилище или в отдельном помещении по месту службы по усмотрению суда [1].

Уголовное уложение 1903 г. также закрепляло наказание в виде ареста. В соответствии со ст. 21 указанного Уложения, «арест назначался на срок от одного дня до шести месяцев. Приговоренные содержались в устроенных для ареста помещениях, в общем заключении, но по их просьбе, при наличности свободных камер, помещались в одиночное заключение. Приговоренные на срок свыше семи дней обязаны были избрать себе какое-либо занятие из числа таких, которые могли допускаться в арестном помещении» [2].

Отрицательное отношение к краткосрочному лишению свободы появилось еще в советское время. Советская власть выступала против царской системы исполнения наказания, считала ее пережитком прошлого, а поэтому наказание в виде ареста исключили из уголовного законодательства. В УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. арест не предусматривался в перечне наказаний.

Арест как наказание вновь предусмотрели в УК РФ 1996 г. В соответствии с ч. 1 ст. 54 данного уголовного закона, арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. Арест может назначаться только в качестве основного вида наказания. Он отбывается в арестном доме.

В законодательстве современных государств арест воспринимается как перспективное наказание.

Так, в УК Китайской Народной Республики 1979 г. предусмотрен краткосрочный арест продолжительностью от одного до шести месяцев, а при назначении наказания по совокупности преступлений – до одного года [3, с. 134]. Во многих штатах США распространен домашний арест, где за осужденными наблюдают при помощи прикрепленных к их телу электронных браслетов, позволяющим установить их достоверное местонахождение. В Бельгии применяют так называемый «арест в свободное время», который в современных отдельных государствах постепенно внедряют в практику. В Бельгии осужденный при условии его личного согласия может отбывать арест с 14 часов дня субботы до 6 часов утра понедельника. Причем срок отбывания ареста не должен превышать двух месяцев [4]. Смысл данного эксперимента заключается в том, что осужденный не теряет социально-устойчивых связей с обществом.

Арест характеризуют два основных признака: а) строгая изоляция осужденного; б) краткосрочность изоляции. Условия содержания осужденных при аресте, по УИК РФ, приравниваются к отбыванию общего режима в тюрьме. Это не представляется справедливым, поскольку за преступления небольшой тяжести арестанты помещаются в условия строгой изоляции.

Арест первоначально рассматривался в качестве шокирующей меры уголовно-правового характера. Целью ареста как шокирующей меры является частная превенция. Испытываемое осужденными шоковое состояние от кратковременных, но в то же время существенных правоограничений должно способствовать предупреждению совершения новых преступлений.

А.В. Звонов полагает, что особая роль ареста заключается в повышении эффективности краткосрочного лишения свободы посредством интенсивного применения средств и методов обеспечения режима отбывания наказания: осужденные, находясь в условиях строгой изоляции, претерпевают существенные ограничения в короткий период времени [4].

А.И. Коробеев обоснованно отмечает, что арест есть классическая разновидность применяемых в пенитенциарии мер так называемого шокирующего характера. Нет сомнения в том, что законодатель, вводя это наказание в систему мер борьбы с преступностью, рассчитывал, что арест окажет на определенную категорию преступников сильное психологическое воздействие, что они впредь не только сами не будут, но и другим «закажут» не совершать подобного. Конечно же, сам факт пребывания в тюремном учреждении со столь жестким режимом на многих может подействовать «отрезвляюще» [5, с. 109].

Однако чрезмерное шокирующее воздействие ареста выступает главным недостатком этого вида наказания. Осужденные за преступления небольшой или средней тяжести претерпевают лишения и ограничения, схожие с теми, которые налагаются на осужденных за совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

Напротив, В.В. Базунов считает, что условия отбывания наказания в арестных домах должно быть намного суровее, чем в исправительных колониях строгого режима. Благодаря таким условиям повысится вероятность осознания осужденным своей вины и произойдет его исправление [6, с. 51].

В связи с сокращением минимального срока лишения свободы на основании Федерального закона от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» до двух месяцев фактически сужена сфера применения ареста. Мировая практика продолжительности ареста незначительна, но во всех государствах он устанавливается на краткие сроки. Так, в УК Испании менее строгое наказание – это арест. Он может назначаться на срок от семи до двадцати четырех выходных дней, а к небольшим наказаниям – арест на срок от одного до шести выходных дней [3, с. 134].

Арест в уголовно-правовом смысле следует отличать от ареста как одного из способов обеспечения исполнения обязательств участником, например, гражданских налоговых правоотношений [7, с. 220]. Предметом ареста как способа обеспечения исполнения обязательств выступают вещи, имеющие экономическую ценность и участвующие в гражданском обороте. Также следует отличать заключение под стражу, которое на практике часто называют арестом, и арест как вид уголовного наказания, регламентированного УК РФ, поскольку в первом случае речь идет о мере пресечения, избираемой в отношении виновного лица с целью воспрепятствовать ему скрыться от следствия (дознания) и не допустить продолжения осуществления им преступной деятельности, а во втором случае – о виде наказания, назначаемого по приговору суда, вступившему в законную силу. Существует и административный арест, закрепленный в ст. 3.9 КоАП РФ, суть которого заключается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества. Он устанавливается на срок до пятнадцати суток. Административный арест назначается лицам, виновным в совершении административного правонарушения, которое менее общественно опасно по сравнению с преступлением.

При классификации видов наказания арест обычно относится к наказаниям, связанным с лишением или ограничением свободы, а обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы и некоторые другие – к наказаниям, ограничивающим трудовую правоспособность осужденных. Данная классификация не совсем точна и корректна, потому что и при аресте, и при лишении свободы тоже ограничивается трудовая правоспособность. Так,

согласно ст. 70 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации, администрация арестного дома вправе привлекать осужденных к работам по хозяйственному обслуживанию арестного дома без оплаты продолжительностью не более четырех часов в неделю. Обязательные, исправительные и принудительные работы следует отнести по классификации к наказаниям, ***лишь*** ограничивающим трудовую правоспособность.

Ф.Р. Сундуров указывает, что в ч. 1 ст. 54 УК РФ содержится устаревшее положение относительно того, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца, поскольку при злостном уклонении осужденных от отбывания этих видов наказания они в соответствии с ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ могут заменяться только принудительными работами либо лишением свободы [8, с. 249].

Можно обозначить несколько способов решения проблем правовой регламентации ареста. С одной стороны, предлагается исключить арест из перечня видов наказаний, а с другой – создать эффективный и действенный механизм реализации данного вида наказания на практике.

Условия отбывания ареста регламентированы в гл. 10 УИК РФ, в которой определяются, в частности, места отбывания ареста (ст. 68), порядок и условия исполнения наказания в виде ареста (ст. 69), меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным к аресту (ст. 71).

Осужденным к аресту устанавливаются следующие правоограничения: им не предоставляются свидания, за исключением встреч с адвокатом или другими лицами, которые имеют право оказывать юридические услуги; заключенным при аресте не разрешается получать посылки, передачи и бандероли, за исключением предметов первой необходимости и сезонной одежды; допускаются прогулки не менее одного часа; осужденные могут ежемесячно приобретать продукты питания и предметы первой необходимости на сумму четыреста рублей; запрещается передвижение без конвоя; при определенных исключительных личных обстоятельствах осужденным разрешается осуществлять один звонок близким [9, с. 563]. Все указанные ограничения определяют сущность строгой изоляции при отбывании ареста, и поэтому основным средством исправления осужденных здесь является режим. Общее образование, профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных не осуществляются [10, с. 316]. При этом данные ограничения приравниваются законодателем к условиям, установленным для общего режима отбывания наказания в тюрьме.

В соответствии с ч. 2 ст. 54 УК РФ, арест не может назначаться лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, а также беременным женщинам и женщинам, которые имеют детей в возрасте до четырнадцати лет [11].

Действительно, мы сталкиваемся с ситуацией, когда условия ареста даже суровее, нежели условия отбывания лишения свободы на определенный срок в исправительных колониях. Однако незначительная продолжительность отбывания ареста, по сути своей, сдерживает длительное пребывание осужденных в колониях. В первоначальной редакции ст. 56 УК РФ был установлен минимальный срок, равный шести месяцам. Указанный минимальный срок точно дифференцировал бы арест и лишение свободы на определенный срок. На сегодняшний день арест могут назначить на сроки еще большие, чем лишение свободы. Следовательно, отсутствует необходимость правовой регламентации ареста, если лишение свободы способно заменить арест в качестве наказания.

Кроме того, для обеспечения реализации ареста важно создать все необходимые условия, способствующие отбыванию этого наказания. В Российской Федерации отсутствуют арестные дома, где осужденные по закону подвергались бы строгим требованиям, установленным для ареста [11]. Строительство подобных специальных учреждений нерентабельно в экономическом плане, в связи с тем, что, по подсчетам экспертов, потребуется немалое количество финансовых затрат для внедрения идеи в практическую плоскость. Поэтому лишение свободы (от двух месяцев) может условно заменить арест, а в перспективе исключить этот вид наказания из российского уголовного законодательства, как не отвечающий требованиям целесообразности и эффективности.

В доктрине уголовного права обосновывается мнение, что арест как краткосрочная мера уголовно-правового характера не может оказать достаточного исправительного и предупредительного воздействия на сознание и поведение осужденных, поскольку за такой незначительный период времени осужденные в полной мере не осознают отрицательных последствий своего поступка.

Арест не назначается и военнослужащим. Относительно осужденных военнослужащих к аресту правоограничения устанавливаются в гл. 19 УИК РФ. В ней определяются места отбывания ареста осужденными военнослужащими (ст. 149), порядок направления осужденных военнослужащих на гауптвахту (ст. 151), порядок и условия отбывания ареста осужденными военнослужащими (ст. 152), меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным военнослужащим (ст. 153). Ст. 154 УИК РФ об особенностях правового положения осужденных военнослужащих устанавливает, что время отбывания ареста в общий срок военной службы и выслугу

лет для присвоения очередного воинского звания не засчитывается [12, с. 400].

При исключении ареста из видов наказания появится новая проблема – массовое внесение изменений в различные статьи как Общей части, так и Особенной части УК РФ, а также в статьи УИК РФ, в части условий отбывания ареста. Проблема связана с тем, что арест закреплен во многих санкциях уголовно-правовых норм, определяющих составы преступления. Понадобится тщательная и скрупулезная работа, требующая пристального внимания законодателя. Важно не допустить юридических противоречий, коллизий норм уголовного права, например, в том случае, если арест в качестве наказания будет изъят из общих положений УК РФ, но оставлен в некоторых уголовно-правовых нормах Особенной части УК РФ в качестве санкции за совершение конкретных преступлений.

Не следует полностью исключать и другой вариант. В случае оставления ареста в перечне наказаний, он, так или иначе, вызовет неизбежность существенной переработки комплексного характера всего уголовного и уголовно-исполнительного правотворчества России. Наиболее оптимальным вариантом является введение ареста в «домашних условиях», потому что, в отличие от режима строгой изоляции, нахождение осужденного в таких условиях позволит разграничить арест и лишение свободы. Помимо этого, в целях дифференциации ограничения свободы и ареста следует ужесточить условия отбывания последнего, так как места отбывания обоих видов наказаний – это места постоянного проживания (пребывания). Если перейти к рассмотрению конкретных ограничений свободы, перечисленных в ст. 53 УК РФ, то от них можно отталкиваться при определении условий ареста.

Так, при ограничении свободы на осужденного возлагаются следующие обязанности: во-первых, не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток. *Данное предписание полагается ужесточить при аресте.* Например, не уходить из места постоянного проживания (пребывания), за исключением необходимого выхода в целях посещения магазинов продуктов питания, предметов первой необходимости, одежды, а также аптек и больничных учреждений. При помещении виновного в больничное учреждение обязательно и незамедлительно должен быть уведомлен государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ареста. Допускается получение образования в дистанционном формате, а при отсутствии такой возможности самостоятельно усваивать учебный материал по соответствующей образовательной программе. Также осужденный может быть обеспечен работой на дому с предоставлением соответствующей заработной платы в целях приобретения им предметов первой необходимости и оплаты коммунальных услуг. Государство в лице своих уполномоченных органов не направляет денежные средства налогоплательщиков на содержание осужденных при аресте, тем самым обеспечивая сохранение государственного бюджета.

Во-вторых, при ограничении свободы установлено категоричное предписание: не посещать определенные места, расположенные в пределах соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории муниципального образования. *При аресте это требование следует закрепить более строго*, то есть «запрещается выходить из дома, с территории земельного участка, расположенного под ним, дворовой территории». Все остальные условия ограничения свободы не стоит учитывать при регламентации ареста, то есть изменение места жительства и места работы запрещено. Срок отбывания ареста надлежит оставить таким же, как и при ограничении свободы, то есть от двух месяцев до четырех лет.

Таким образом, арест можно представить как ужесточенную версию ограничения свободы. Относительно лишения свободы арест предназначен для претерпевания неблагоприятных последствий от преступного посягательства в домашних условиях, тогда как при лишении свободы местом отбывания наказания служат исправительные колонии. Есть некоторые нюансы, в связи с тем, что иногда отбывание наказания в колониях-поселениях может быть даже мягче, чем при аресте (например, осужденным может быть разрешено проживать со своей семьей на арендованной или в собственной квартире на территории колонии-поселения, хотя это не гарантируется), но в целом домашние условия ареста нельзя сравнить с общежитиями на территориях колоний-поселений.

Подводя итог, отметим что, арест следует исключить из уголовного законодательства Российской Федерации, поскольку он способен в полной мере быть заменен лишением свободы на незначительный срок. Попытки сохранения ареста в перечне видов наказания могут оказаться тщетными и безрезультатными ввиду сложности организации работы по комплексному внесению изменений в законодательство РФ. Однако, в то же время, учитывая высокий профессиональный уровень российских законодателей и представителей научного сообщества, доведение до совершенства уголовно-правовых норм, регулирующих арест, не должно вызывать юридические противоречия при внесении изменений в нормативные правовые акты, сохранив целостность и единство правотворчества России.

12Литература:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – URL: http://museumreforms.ru/node/13654 (дата обращения: 24.06.2023).
2. Уголовное уложение 1903 г. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-ulozhenie-1903-goda/viewer (дата обращения: 25.06.2023).
3. Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: учеб. пособие. – М.: Статут, 2015. – 256 с.
4. Теохаров А.К., Честнов А.В. Уголовное наказание в виде ареста: проблемы и перспективы. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-nakazanie-v-vide-aresta-problemy-i-perspektivy/viewer (дата обращения: 20.10.2023).
5. Российское уголовное право: курс лекций / Т.А. Бушуева, Ю.В. Голик, А.И. Коробеев [и др.]; / Под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999. – 602 с.
6. Базунов В.В. Арест как вид уголовного наказания // Преступление и наказание. – 1998. – № 4. – С. 50–53.
7. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. Краткий курс. – М.: Волтерс Клуверс, 2009. – 447 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Проспект, 2019. – 1536 с.
9. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. – 864 с.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. – М.: Статут, 2012. – 466 с.
11. Зубарев С.М. Уголовно-исполнительное право: учеб. – URL: https://be5.biz/pravo/u005/11.html (дата обращения: 22.04.2023).
12. Уголовное право. Общая часть: учеб. / Под ред. док. юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, док. юрид. наук, проф. А.И. Рарога, док. юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. – 560 с.

Arrest in Criminal Law: Problems of Legal Regulation

Cheparov R.D.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article studies the problems of legal regulation and the use of arrest as one of the types of criminal punishment. It is noted that the excessive severity of the conditions for serving the arrest does not correspond to the established system of punishments of the Criminal Code of the Russian Federation. The positions of scientists who argue for the need to use short-term arrest as a measure of a shocking nature are also given. This work indicates and justifies the inappropriateness of introducing criminal punishment in the form of arrest in the wording in which it is currently enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation. The position on the exclusion of arrest from the types of punishment provided for by the criminal legislation of the Russian Federation is considered, and the possibility of making changes to the content of the rules on arrest, including cases of serving it at home, is analyzed.

Key words: punishment, deprivation of liberty, arrest, restriction of liberty, legal regulation, punishment system, arrest houses, strict isolation, types of punishment

УДК 340.1

Интерес в структуре правореализационной деятельности

Шигабутдинова А.Л.
Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматривается значение интереса как внутреннего побудительного фактора правореализационной деятельности. Автор проводит различие между фактической и юридической заинтересованностью субъекта реализации права в совершаемых правомерных действиях и обосновывает их несовпадение. На основе критерия юридического интереса к совершению правореализующих действий выделяются две категории субъектов реализации права – субъекты, действующие в своем юридическом интересе, и субъекты, чье правомерное поведение нацелено на обеспечение чужого юридического интереса.

Ключевые слова: реализация права, юридический интерес, фактический интерес, субъект реализации права, правосубъектность

Отечественная правовая доктрина, раскрывая те или иные аспекты проблематики объективного и субъективного права, процессов их осуществления, настойчиво проводит мысль о тесной, органичной взаимосвязи данных правовых феноменов с социальными интересами [1–3].

«Право и процессы его реализации находятся в глубоком единстве с социальным интересом, – пишет в этой связи Ф.Н. Фаткуллин. – Это единство заложено уже в сущности и содержании права, всего механизма его реализации» [4, с. 292].

Правовые средства, используемые в процессе правового регулирования в конечном счете направлены на закрепление и правовую охрану социально значимых интересов различных субъектов.

Вот почему со стороны своей внутренней определенности реализация права представляет собой специфическую разновидность социально-правовой деятельности, осуществление которой всегда несет утилитарную нагрузку. «Во многих случаях для приобретения субъективного права, – верно замечает Л.С. Явич, – и во всех случаях его реализации играет первостепенную роль интерес субъекта, в том числе отдельной личности» [5, с. 186].

В этом смысле всякие правореализующие действия находятся в сложной структурно-функциональной зависимости со специфическими интересами реальных лиц, осознание которых переводит осуществление правовых норм в ценностную плоскость.

Интерес в структуре правореализационной деятельности играет двоякую роль. С одной стороны, интерес является элементом внутренней мотивационной основы правореализационной деятельности, под влиянием которой формируется воля ее субъекта. Речь в данном случае идет о фактической, материальной заинтересованности субъекта реализации права в совершаемых правомерных действиях, прямо или опосредованно обеспечивающих его социальные потребности. Материальная заинтересованность лица в процессе правореализации трансформируется в конкретную ориентацию этого процесса, выражающуюся в целеполагании и определении программы действий, необходимых для достижения поставленных целей. Таким образом, субъективно-осознанный интерес субъекта реализации права выступает необходимым элементом интеллектуально-волевого механизма управления правореализационной деятельностью, сочетающего ее внутреннюю детерминацию с внешним регулированием.

Вместе с тем следует отметить, что процесс осуществления субъективных прав и юридических обязанностей может быть направлен на удовлетворение

не только собственных интересов субъекта соответствующего поведения, но и интересов других лиц. С наибольшей определенностью подобная мысль была выражена Н.В. Витруком, подчеркивающим, что «субъективное право реализуется лицом в целях удовлетворения его собственных интересов либо в целях (которые тоже становятся личными) защиты интересов других лиц, а также корпоративных общественных интересов» [6, с. 232].

Осуществление субъективных прав и юридических обязанностей в чужом материальном интересе (публичном или частном) отнюдь не означает полного отсутствия фактической заинтересованности субъекта реализации права в правореализующих действиях. В данном случае заинтересованность субъекта реализации права носит не прямой, а более сложный – опосредованный – характер. Удовлетворение материальных интересов правореализатора достигается не столько осуществлением принадлежащих ему субъективных прав и юридических обязанностей, сколько совокупностью взаимосвязанных правомерных действий, непосредственно направленных на обеспечение потребностей иных лиц.

С другой стороны, интерес характеризует результативную сторону правореализационной деятельности, отражая правовые последствия совершаемых субъектов правомерных действий. Здесь мы имеем дело с юридической заинтересованностью субъектов в реализации права.

Стоит сказать, что понимание категории «юридический интерес», активно используемой в различных отраслях юридической науки, характеризуется рядом противоречий и отсутствием необходимой терминологической точности.

Так, отдельные авторы полагают, что понятием «юридический интерес» охватываются те социальные интересы, охрана которых обеспечивается с помощью субъективных прав. Такова, в частности, точка зрения Н.А. Шайкенова: «Охраняемые законом интересы включают в себя как законные, так и юридические интересы. Интересы, которые находятся в сфере правового регулирования, но не обеспечены субъективными правами, целесообразно обозначать термином “законные интересы”, а интересы, реализация которых обеспечена субъективными правами, – “юридические интересы”» [7, с. 160].

В иной плоскости рассматривают юридический интерес представители науки гражданского процессуального права.

Так, Г.Л. Осокина использует указанное понятие для обозначения «предусмотренного законом интереса в получении судебного акта вполне определенного содержания» [8, с. 61].

Р.Е. Гукасян подчеркивает, что сущность юридического интереса состоит в том, что решение суда может отразиться на правах и обязанностях лица, возбуждающего процесс или принимающего в нем участие. При фактической заинтересованности такие последствия не наступают [9, с. 40].

Не вдаваясь в подробный анализ изложенных подходов, укажем лишь, что известным преимуществом последней из приведенных трактовок юридического интереса является ее логически завершенный, целостный характер. Существенным инвариантом определений юридического интереса, предлагаемых в рамках данного подхода, является констатация зависимости между принимаемым судом решением, с одной стороны, и правами и обязанностями лица – с другой.

Отсюда следует, что о наличии юридического интереса того или иного лица в правореализующих действиях можно вести речь в том случае, когда совершаемые действия оказывают прямое влияние на возникновение, изменение, прекращение или осуществление его субъективных прав и обязанностей.

Нельзя не заметить при этом, что перечень субъектов, имеющих фактическую заинтересованность в тех или иных правореализующих действиях, может быть значительно шире круга лиц, интерес которых носит юридический характер.

Критерий юридического интереса, удовлетворяемого в процессе реализации права, позволяет дифференцировать две категории субъектов реализации права – лица, действующие в своем юридическом интересе, и лица, чье правомерное поведение нацелено на обеспечение чужого юридического интереса.

Первая категория субъектов реализации права охватывает право- и дееспособных лиц, самостоятельно, от своего имени совершающих правомерные действия, которые оказывают влияние на возникновение, изменение, прекращение или осуществление их субъективных прав и обязанностей.

Любопытно с этой точки зрения положение участников договора комиссии, одна сторона (комиссионер) которого обязуется по поручению другой стороны (комитента) за вознаграждение совершить одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента. Исходя из того, что по сделке, совершенной комиссионером с третьим лицом, приобретает права и становится обязанным комиссионер, именно последний выступает субъектом, действующим в своем юридическом интересе. Однако фактический интерес в совершаемых комиссионером действиях, очевидно, принадлежит, в первую очередь, комитенту.

Вторая группа субъектов реализации права представлена право- и дееспособными лицами, совершающими правомерные действия от своего либо от чужого имени, в результате которых возникают, изменяются, прекращаются или фактически осуществляются субъективные права и обязанности других лиц.

Примером, наглядно иллюстрирующим особенности субъектов реализации права, действующих от своего имени, но в чужом юридическом интере-

се, в отраслях материального права и прежде всего в сфере гражданско-правового регулирования, могут служить доверительные управляющие, арбитражные управляющие, исполнитель завещания (душеприказчик).

Так, доверительный управляющий, являясь стороной договора доверительного управления имуществом, осуществляет функции по управлению чужим имуществом в интересах его собственника (или иного управомоченного лица – кредитора в обязательстве, субъекта исключительного или корпоративного права) либо иного указанного им (третьего) лица [10, с. 273].

Необходимость в уведомлении третьих лиц об особом статусе доверительного управляющего продиктована тем, что названный участник реализации права «выступает в роли собственника (или иного правообладателя), хотя и не является им» [10, с. 287].

Иными словами, осуществляя в отношении переданного в доверительное управление имущества правомочия собственника, управляющий не получает их от собственника в порядке уступки прав. Собственник-учредитель не передает управляющему свои правомочия, а предоставляет ему возможность участвовать в их реализации [10, с. 286].

Во многом сходное (но не тождественное) положение занимают арбитражные управляющие, назначаемые арбитражным судом при возбуждении дела о банкротстве для проведения соответствующих процедур. В качестве примера субъекта реализации права, действующего от своего имени, но в чужом юридическом интересе в уголовном процессуальном праве можно привести защитника. Защитник, обладая самостоятельным процессуально-правовым статусом, осуществляет, в соответствии со ст. 49 УПК РФ, защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

В гражданском процессе к указанному классу субъектов может быть отнесен, в частности, прокурор.

Сходное положение с этой точки зрения занимают в процессе органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц. Названная категория субъектов, как замечает М.С. Шакарян, пользуется процессуальными правами и обязанностями истца, за исключением процессуальных прав, связанных с распоряжением материальными правами; решение суда лично им принадлежащих субъективных прав не затрагивает: оно относится только к правам и обязанностям субъектов спорного правоотношения, рассматриваемого судом [11, с. 197].

Кроме того, в рассматриваемую группу субъектов реализации права, очевидно, должны быть включены государственные органы и органы местного самоуправления, вступающие в дело для дачи заключения в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Сходный состав лиц, действующих от своего имени и в чужом юридическом интересе, характерен и для арбитражного процессуального права.

Что касается субъектов реализации права, действующих от чужого имени и в чужом юридическом интересе, то хрестоматийным примером таковых являются представители.

При реализации права от чужого имени и в чужом юридическом интересе правомерной кажется постановка вопроса о соотношении правосубъектности фактического правореализатора и лица, юридический интерес которого он обеспечивает.

О.С. Иоффе, решая указанный вопрос применительно к институту представительства, полагал, что «в отношениях по представительству мы всегда имеем дело с присоединением к правоспособности одного лица, представляемого, дееспособности другого лица, представителя» [12, с. 159].

Приведенное положение, как кажется, не учитывает того факта, что в ряде случаев представитель может действовать от имени и в интересах дееспособного лица. В этом смысле большей конструктивностью отличается точка зрения Г.Л. Осокиной, которая допускает присоединение дееспособности представителя как к правоспособности, так и к право- и дееспособности представляемого [8, с. 258].

Позиция названных авторов по обсуждаемому вопросу требует критического осмысления. Так, если последовательно руководствоваться высказанными суждениями, пришлось бы признать «подвижность» элементов правосубъектности, вариативность ее структуры, означающую возможность временного объединения правоспособности одного лица и дееспособности другого.

В действительности же, возникающая в данном случае взаимосвязь элементов правосубъектности фактического правореализатора и правообладателя носит не структурный, а функциональный характер. Иными словами, при реализации права от чужого имени и в чужом юридическом интересе мы имеем дело не с конструктивным «присоединением» элементов правосубъектности одного лица к правосубъектности другого, а с процессом их функционального взаимодействия.

Подытоживая изложенное, следует заметить, что понимание неоднородности интересов, задействованных в правореализационной деятельности, открывает перспективы для разработки ряда важных теоретических и прикладных проблем. В частности, разграничение материальной и юридической заин-

тересованности лица в совершаемых им действиях позволяет глубже и тоньше раскрыть закономерности, управляющие конфликтом интересов (как в публично-правовой, так и в частноправовой сфере). Одномерная модель, описывающая противоречие личного и служебного интереса, может оказаться здесь недостаточной. Реальный конфликт представляет собой сложную многомерную картину, в которой в самом широком диапазоне комбинаций переплетаются и взаимодействуют материальные и юридические интересы различных субъектов.

Литература:

1. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.
2. Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. – 1967. – № 1. – С. 49–56.
3. Экимов А.И. Интерес и право в социалистическом обществе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 134 с.
4. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
5. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.
6. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
7. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 200 с.
8. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Юристъ, 2006. – 669 с.
9. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. – Саратов: Поволжское книжное изд-во, 1970. – 190 с.
10. Гражданское право. В 4 т. Т. 4. Обязательственное право: учеб. для студентов вузов / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 755 с.
11. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. – М.: [Б.и.], 1970. – 214 с.
12. Иоффе О.С. Советское гражданское право: курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах: учеб. пособие для вузов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – 511 с.

Interest in the Structure of Realization of Law Activity

Shigabutdinova A.L.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the role of interest as an internal motivating factor of law realization activity. The author shows a distinction between the actual and legal interest of the subject in the lawful actions performed and proves their discrepancy. On the basis of the criterion of legal interest in the commission of law–implementing actions, two categories of subjects of the realization of law are distinguished – subjects acting in their own legal interest, and subjects whose lawful behavior is aimed at ensuring someone else's legal interest.

Key words: realization of law, legal interest, actual interest, subject of realization of law, legal personality

УДК 342.2

К вопросу о толковании отдельных понятий института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов

Шуб А.М.
Соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящается анализу соотношения официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов, которое имеет неоднозначную трактовку в связи с особенностями правового регулирования соответствующих вопросов в законодательных и иных нормативных правовых актах, включая муниципальные. Автором приведены противоречивые примеры из правотворческой практики муниципальных образований в области официального опубликования (обнародования) и вступления в силу актов муниципального правотворчества, обусловленные спецификой использованных законодателем юридико-технических способов и приемов при закреплении соответствующих норм. Результаты проведенного анализа могут служить основой для дальнейшего совершенствования законодательства по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: муниципальное правотворчество, муниципальный правотворческий процесс, муниципальный правовой акт, официальное опубликование, обнародование, толкование

В юридической литературе официальное опубликование (обнародование) и вступление в силу актов муниципального правотворчества анализируется в контексте муниципального правотворческого процесса как установленного правовыми нормами процедуры создания муниципального правового акта или заключения договора (соглашения) [1]. Следовательно, их предназначение в целом предопределяется целями формирования системы муниципальных правовых актов в территориальных образованиях местного самоуправления и заключается в обеспечении завершения процесса создания актов муниципального правотворчества.

Вместе с тем соотношение понятий официального опубликования (обнародования) и вступления в силу актов муниципального правотворчества, установленное законодателем, вызывает определенные вопросы, связанные прежде всего с юридико-техническими средствами и способами их оформления в текущем законодательстве, влекущими некоторые разночтения.

Так, наименование в виде вступления в силу муниципальных правовых актов и содержание ст. 47 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» или ФЗ № 131-ФЗ), в котором зафиксировано словосочетание об официальном опубликовании (обнародовании) актов муниципального правотворчества, позволяет трактовать их соотношение по-разному, в том числе в качестве:

а) комплексной стадии муниципального правотворческого процесса, в которой объединяются два последовательных и взаимосвязанных друг с другом самостоятельных действия по официальному опубликованию (обнародованию) и вступлению в силу муниципальных правовых актов;

б) стадии муниципального процесса, где вступление в силу муниципальных правовых актов является самостоятельным юридическим действием, а официальное опубликование (обнародование) муниципальных правовых актов выступает для него своеобразным юридическим фактом;

в) самостоятельной стадии муниципального правотворческого процесса, где официальное опубли-

кование (обнародование) является самостоятельным юридическим действием, а вступление в силу – объективным последствием ее осуществления;

г) самостоятельного юридического действия, локализованного в рамках официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов как самостоятельной стадии муниципального правотворческого процесса;

д) элемента юридического состава наряду с официальным опубликованием (обнародованием) муниципальных правовых актов, которое одновременно выступает отдельной стадией муниципального правотворческого процесса.

Вместе с тем Федеральный закон № 131-ФЗ содержит и другие, предметно связанные формулировки, которые также могут иметь различные интерпретации, полностью или частично пересекающиеся с вышеназванными понятиями.

Так, согласно п. 6 ч. 1 ст. 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепляющему требования об обязательных элементах структуры устава муниципального образования, уставным документом должен предусматриваться «порядок принятия (издания), официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов».

В данной законодательной норме, во-первых, использована формула «порядок принятия (издания)», которая может быть истолкована в качестве нормативной конструкции, охватывающей все основные и дополнительные стадии деятельности по созданию акта муниципального правотворчества, при этом завершающее значение имеют этап (этапы) официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов.

Во-вторых, лексическое значение термина «издание» представляется возможным рассматривать в то же время в виде обязательного юридического действия, равнозначного по своему содержанию понятиям официального опубликования (обнародования) и неофициального опубликования (обнародования).

В-третьих, под данной конструкцией может пониматься и субъект издательской деятельности, в отношении которого Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 13 июня 2023 года) [2] употребляет понятие «издатель», т.е. издательство, иное учреждение или предприятие (предприниматель), осуществляющее материально-техническое обеспечение производства продукции средства массовой информации, а также приравненное к издателю юридическое лицо или гражданин, для которого эта деятельность не является основной либо не служит главным источником дохода, реализующее свои права и обязанности на основе названного Закона, а также Федерального закона от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» [3], законодательства об издательском деле, предприятиях и предпринимательской деятельности.

В-четвертых, словосочетание «порядок издания» в контексте вышесказанного по сути предполагает признание за субъектами муниципальной правотворческой деятельности полномочия самостоятельно регламентировать вопросы их взаимодействия с субъектами издательской деятельности по вопросу о размещении в периодической печати принятых ими актов муниципального правотворчества.

Наконец, под термином «издание» также можно понимать источник официального (неофициального) опубликования (обнародования), т.е периодическое издание (печатное, сетевое) с собственным наименованием, а также конкретный выпуск, в котором содержится текст принятого либо переизданного в установленном порядке муниципального правового акта. Следовательно, в системе правотворческих полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления находится право на установление правового режима функционирования источника официального опубликования местного правотворческого акта в установленных законом случаях.

Определенное значение для прояснения поставленного вопроса имеет п.п. 2 ч. 4 ст. 36 того же Федерального закона № 131-ФЗ, согласно которому глава муниципального образования подписывает и обнародует в порядке, установленном уставом муниципального образования, нормативные правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования. Данная законодательная норма, с точки зрения буквального толкования, рассматривает официальное опубликование (обнародование) муниципальных правовых актов в качестве сложной стадии муниципального правотворческого процесса, вбирающей в себя несколько взаимосвязанных юридических действий: во-первых, подписание муниципального правового акта и, во-вторых, официальное опубликование (обнародование), которое включает в себя порядок вступления в силу правотворческого акта местного самоуправления.

Итак, подобного рода истолкования приводят к тому, что в нормативных источниках института официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов предлагаются разные подходы к его соотношению со вступлением в силу правотворческих актов местного самоуправления

Так, отдельные муниципальные образования рассматривают подписание, официальное опубликование и вступление в силу муниципальных правовых актов в качестве самостоятельных этапов, существующих отдельно от подготовки их проектов, их внесения и рассмотрения [4].

Однако есть и иные решения, касающиеся их соотношения. В частности, в Решении Собрания депутатов городского округа с внутригородским делением «Город Махачкала» от 29 июня 2017 г. № 16-9 «Об утверждении Положения о муниципальные правовые акты городского округа с внутригородским делением "Город Махачкала"» [5] подписание и официальное опубликование муниципального правового акта рассматривается в качестве отдельной и самостоятельной стадии процесса издания муниципального правового акта наряду со вступлением его в силу. Кроме того, названным Положением законодательная конструкция «порядок принятия (издания) муниципального правового акта» заменяется на «издание (принятие) муниципального правового акта» и его производные, среди которых упоминаются «изданные (принятые) муниципальные правовые акты». По нашему мнению, такая замена не отражает обычной последовательности стадий муниципального правотворческого процесса и поэтому должна истолковываться исключительно в отношении проектов отдельных видов муниципальных правовых актов в виде уставов и (или) муниципальных правовых актов о внесении в них изменений и дополнений, требующих официального опубликования (обнародования) в целях ознакомления и обсуждения.

В соответствии с Решением Думы Куртамышского муниципального округа Курганской области от 17 марта 2022 г. № 17 «Об утверждении Положения о муниципальных нормативных правовых актах Куртамышского муниципального округа Курганской области» [6] подписание и официальное опубликование муниципального нормативного акта, а также вступление в силу тоже признаются самостоятельными стадиями правотворческого процесс.

Однако особенности юридико-технического оформления норм, посвященных вышеназванным стадиям правотворческого процесса в данном муниципальном образовании, позволяют сделать ряд дополнительных выводов.

В частности, изложение положений о вступлении в силу муниципальных правовых актов предшествует нормам об их официальном опубликовании, что не соответствует нормативным предписаниям того же Положения о муниципальных нормативных правовых актах Куртамышского муниципального округа Курганской области о последовательности стадий правотворческого процесса.

В то же время, согласно названному Положению, вступление в силу муниципальных правовых актов, за исключением нового устава муниципального образования, решения о внесении изменений и дополнений в действующий Устав, решений об установлении, изменении и отмене местных налогов и сборов, области, муниципальных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование, а также соглашений, заключаемых между органами местного самоуправления и некоторых других, может протекать и без официального опубликования, поскольку предусматривается их введение в действие со дня подписания, если иное не установлено действующим законодательством, Уставом Куртамышского муниципального округа Курганской области либо самим актом.

Далее, согласно действующему Положению о муниципальных нормативных правовых актах Куртамышского муниципального округа Курганской области, не закрепляющему понятия обнародования муниципальных правовых актов, официальное опубликование рассматривается в качестве единственного способа ознакомления местного населения с результатами муниципальной правотворческой деятельности. Вместе с тем отдельная норма названного Положения о неофициальном опубликовании муниципальных правовых актов, наоборот, предусматривает некоторые общеизвестные способы их обнародования для всеобщего ознакомления граждан, включая использование средств массовой информации, рассылку органам местного самоуправления, должностным лицам и организациям, распространение в машиночитаемой форме.

Таким образом, особенности юридико-технического оформления норм (федеральных. региональных, муниципальных), посвященных вопросу официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, приводят к неоднозначному истолкованию, а значит, к возникновению значительной вариативности в их конкретизации и дальнейшем применении. Соответственно, целесообразной с точки зрения унификации муниципальной правотворческой практики выступает коррекция наименования ст. 47 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], как-то: официальное опубликование (обнародование) и вступление в силу муниципальных правовых актов.

Литература:

1. Алешкова Н.П. Конституционно-правовые основы муниципального правотворчества в Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 27 с.

2. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 1992. – № 32.
3. Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» // Российская газета. – 1995. – № 9–10.
4. Решение Совета депутатов сельского поселения Плехановского сельсовета Грязинского муниципального района Липецкой области от 27.04.2012 г. № 76 «Положение о муниципальных правовых актах сельского поселения Плехановский сельсовет». – URL: https://gryazy.ru/doc_pleh.html
5. Решение Собрания депутатов городского округа с внутригородским делением «Город Махачкала» от 29 июня 2017 г. № 16-9 «Об утверждении Положения о муниципальные правовые акты городского округа с внутригородским делением "Город Махачкала"» // Махачкалинские известия. – 2017. – 7 июля. – № 27.
6. Решение Думы Куртамышского муниципального округа Курганской области от 17 марта 2022 г. № 17 «Об утверждении Положения о муниципальных нормативных правовых актах Куртамышского муниципального округа Курганской области». – URL: http://www.region-kurtamysh.com/duma/578/?PAGEN_1=5
7. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

On the Question of the Interpretation of Certain Concepts of the Institution of Official Publication (Publication) of Municipal Legal Acts

Shub A.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the correlation between the official publication (publication) and the entry into force of municipal legal acts, which has an ambiguous interpretation due to the peculiarities of legal regulation of relevant issues in legislative and other regulatory legal acts, including municipal ones. The author presents contradictory examples from the law-making practice of municipalities in the field of official publication (publication) and entry into force of acts of municipal law-making, due to the specifics of the legal and technical methods and techniques used by the legislator in fixing the relevant norms. The results of the analysis can serve as a basis for further improvement of legislation on the studied issues.

Key words: municipal law-making, municipal law-making process, municipal legal act, official publication, publication, interpretation

УДК 378.1

Роль преподавателя социогуманитарных дисциплин в негуманитарных вузах

Абдрахманова Л.В.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Щигорцова Е.С.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного
университета физической культуры, спорта и туризма,
доцент кафедры таможенного дела Казанского кооперативного
института Российского университета кооперации

Статья посвящена задачам реформирования российской высшей школы и роли преподавателя социогуманитарных дисциплин в формировании и развитии общекультурных компетенций, гуманистических ценностей современной студенческой молодежи. В статье проанализированы основные проблемы перехода системы высшего образования на новые образовательные стандарты, расширения гуманитарной составляющей подготовки кадров высшей квалификации и решения тех задач, которые стоят перед преподавателями общественных дисциплин по организации и управлению образовательной деятельности студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, высшее образование, социогуманитарные дисциплины, роль преподавателя

2023 г. в России был объявлен Годом педагога и наставника. Основная цель мероприятия состоит в повышении престижа профессии педагога в обществе, признании особого статуса педагогических работников, их роли в формировании и развитии подрастающих поколений. Именно от профессорско-преподавательского коллектива вузов, непосредственно обеспечивающего образовательный процесс, во многом зависит качество подготовки студентов и конкурентоспособность выпускников.

Современная высшая школа стоит перед многими вызовами. Молодежь подвергается колоссальному потоку информации, который подчас сложно «переварить» взрослым. Вполне естественно, что студентам (особенно младших курсов – «вчерашним школьникам»), необходим педагог-наставник, способный не только пробудить интерес к новым знаниям, помочь раскрыться способностям обучающихся, но и передать те ценности, которые станут надежной опорой в будущем, в том числе и в профессиональной деятельности. Такого взаимопонимания и доверия между студентами и преподавателями можно добиться только тогда, когда авторитет педагога будет безусловным.

В современном российском обществе происходит усиление запроса на социально-гуманитарную подготовку всех специальностей и направлений. Приоритетом развития образовательной системы является расширение мировоззренческой и гуманитарно-просветительской составляющей подготовки кадров высшей квалификации.

Современная система образования и науки все больше приобретает форму бюрократической организации, где перегрузка административными обязанностями и чрезмерная отчетность создают барьеры для творческой и интеллектуальной дея-

тельности преподавателей, фактически отрывая их от основных целей и задач. Процессы гуманизации и гуманитаризации особенно в вузах негуманитарного профиля (технических, спортивных и др.) также осложнены рядом проблем.

Не секрет, что количество учебных часов, отведенных на изучение социогуманитарных дисциплин в негуманитарных вузах, часто не позволяет преподавателям добиться достаточного уровня знаний у студентов. Исследования подтверждают, что определенное количество студентов технических и др. специальностей негуманитарных направлений подготовки, прослушав курс общественных дисциплин, считают их для себя бесполезными. Такая ситуация побуждает искать новые формы и методы организации обучения, которые отвечали бы современным требованиям молодежи.

Не случайно одной из задач реформирования высшего образования сегодня является усиление роли гуманитарных и социальных дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию студентов. На первый план выдвигаются задачи организации и управления образовательной деятельностью студентов, создание условий для их самообразования и индивидуально-творческого самосовершенствования.

Каждая страна имеет свои исторические, институциональные и организационные особенности функционирования высшей школы. Российская система образования всегда отличалась воспитательным аспектом. Классическое университетское образование направлено на формирование всесторонне развитой личности, не только профессиональных знаний, умений и навыков, но и широкой мировоззренческой культуры, высоких коммуникативных качеств, гражданской позиции, нравственных ценностей и ориентиров, развитие способности к критическому осмыслению явлений, творческому подходу к решению проблем (так называемых *soft skills* – гибких навыков). На получение этих качеств и направлен социогуманитарный цикл дисциплин образовательных программ в вузах. Сформировать идентичность студента, вооружить его средствами эффективного ориентирования в информационном пространстве, привитие и трансляция ценностей, объединяющих граждан страны – приоритетные задачи преподавательского сообщества.

Процесс глобализации высшего образования, как известно, нашел свое отражение в Болонской декларации, информатизации образования, развитии дистанционных технологий и т.д. Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., но в мае 2022 г. Министерство науки и высшего образования РФ объявило о выходе вузов России из данной («западной») системы подготовки кадров и необходимости разработки новой модели высшего образования, уникальным образом сочетающей в себе традиции и инновации, т.е. формировании системы обучения, ориентированной на расширение программ «отечественного» специалитета. Очевидно, что реформа образования не должна сводиться только к тому, что понятие «бакалавриат» просто заменится на понятие «специалитет», необходимы комплексные меры по совершенствованию всей национальной системы профессиональной подготовки (и среднего профессионального, и высшего уровня). Дискуссия о переходе на новые образовательные стандарты, в том числе в преподавании гуманитарных и социально-экономических дисциплин в негуманитарных вузах, чрезвычайна актуальна.

Высшая школа сегодня переживает «натиск цифровой глобализации», где сетевые технологии все больше вытесняют традиционные методы взаимодействия обучающих и обучающихся. Делается акцент на финансовой рентабельности высшего образования, а не на его содержательных аспектах. Внедрение рыночных отношений в образовательный процесс явилось следствием маркетизации и массовизации института образования, что привело к резкому падению качества подготовки специалистов. Цифровизация и коммерциализация образовательной среды, а также связанная с ними коммодификация знаний (т.е. превращение знаний в объект торговли) с последующей оптимизацией численности преподавательского состава образовательных учреждений способствовали стремлению вузов обучать большее количество студентов при меньшей численности преподавателей и замене учебных аудиторных нагрузок дистанционными.

С наступлением эры цифровых технологий преподаватель перестал быть единственным источником знаний. Преподаватель сегодня – это больше координатор и консультант учебного процесса, т.к. студенты чаще пользуются интернет-ресурсами. Меняется и тип общения преподавателей со студентами, условия обучения, характер заданий, контроль их выполнения и др.

От преподавателя вуза сегодня ждут не только выполнения его традиционных функций (организатора учебной деятельности, воспитателя, наставника, автора научных работ др.), но и новых компетенций, в числе которых – владение цифровой грамотностью, причем не столько умения использовать имеющиеся в распоряжении электронные ресурсы, сколько разрабатывать собственный учебный контент, выполнять роли «конструктора», «дизайнера», «модератора», «фасилитатора», «тьютора», «навигатора» и др. преподаваемой дисциплины.

Современная высшая школа обладает не только значительным онлайн и офлайн инструментарием, но и различными методиками, позволяющими сделать процесс образования творческим и интересным. Дать знания – задача более простая, чем увлечь студентов, создать образовательную среду, научить их находить необходимую информацию и применять ее в своей будущей профессиональной деятельности.

Преподавателя можно считать успешным сегодня только в том случае, если он сам профессионально компетентен, может определить текущие сложности в обучении и пути их преодоления, оказать необходимую помощь в освоении материала.

Таким образом, преподаватели и студенты все более становятся партнерами в учебном процессе, где роль преподавателя с дающего, проверяющего и контролирующего знания смещается на помогающего эти знания приобрести, направить мышление студентов на собственное профессиональное развитие и самостоятельную учебную деятельность. А в условиях индивидуализации обучения от преподавателя требуется персонализированная обратная связь, в которой должны учитываться не только интеллектуальные способности студента, его успеваемость и исполнительность, но и более личностные характеристики, особенности его психологического склада. Преподаватель должен выступать как организатор деятельности по приобщению обучающихся к новой информации.

Современное общество нуждается в универсальных специалистах инженерного направления, обладающих профессиональной компетентностью, готовностью к инновациям и высокому уровню конкуренции, а также умением себя презентовать, отстаивать свою гражданскую и мировоззренческую позицию, владеть современными коммуникативными умениями, навыками управления своим временем, использовать эффективные стратегии межкультурного взаимодействия, быть психологически подготовленными, стрессоустойчивыми, легко адаптироваться к любым ситуациям неопределенности [1; 2]. Все эти умения и навыки приобретаются на занятиях социогуманитарного профиля.

Отрадно, что Министерством науки и высшего образования России было принято решение увеличить с 2023 г. количество часов на изучение отечественной истории, причем для всех направлений подготовки – и гуманитарных, и естественно-научных, и творческих, и технических.

Также во всех вузах страны с 1 сентября 2023 г. введен новый курс – «Основы российской государственности», основными задачами которого является формирование у студенчества компетенций и ценностей, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента личности, понимающей самобытность своей страны, особенности ее исторического пути и специфику современной политической трансформации, сценарии ее перспективного развития с исследованием и анализом внешних и внутренних вызовов, стоящих перед российской государственностью в настоящий момент, а также ценностные ориентиры ее цивилизационного развития.

Все большее значение сегодня приобретает практическое применение и адаптация имеющихся знаний к современным реалиям. Поэтому неотъемлемой частью преподавательской деятельности становятся постоянный мониторинг научного знания, своевременное обновление учебно-методических пособий в соответствии с ним. Необходимо постоянно совершенствовать методику обучения, внедрять в практику различные проблемно-ориентированные методы (анализ конкретных ситуаций, решение ситуационных задач, проведение деловых игр, тренингов, презентаций, дискуссий и др.), побуждающих студентов к активной мыслительной деятельности в процессе овладения учебным материалом. Очевидно, что роль преподавателя социогуманитарных дисциплин в организации эффективного диалога со студенчеством с учетом современных условий и исключительной важности дальнейшего развития национального самосознания и патриотизма молодежи и особенно в негуманитарных вузах решающая. Именно в создании доверительной и доброжелательной среды, в которой становится возможным достижение образовательных целей и задач социо-гуманитарного блока дисциплин подготовки квалифицированных кадров, в осознании главных ценностей такого общения (ориентированность на личность студента и его гармоническое развитие) заключается компетентность современного преподавателя гуманитарного профиля.

Литература:

1. Яруллина Л.Р., Абдрахманова Л.В. Роль социально-психологических дисциплин в техническом вузе в ситуации неопределенности» // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 4. – С. 133–135.
2. Абдрахманова Л.В., Никонова Э.И. Гуманистическая направленность ценностно-компетентностного подхода в системе образования технического вуза // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 4. – С. 192–196.

The Role of a Teacher of Socio-Humanitarian Disciplines in Non-Humanitarian Universities

Abdrakhmanova L.V.
Kazan State University of Architecture and Engineering
Shchigortsova E.S.
Volga Region State of Physical Culture, Sports and Tourism,
Kazan Cooperative Institute Branch of Russian University of Cooperation

The article is devoted to the tasks of reforming Russian higher education and the role of a teacher of socio-humanitarian disciplines in the formation and development of general cultural competencies, humanistic values of modern students. The article analyzes the main problems of the transition of the higher education system to new educational standards, the expansion of the humanitarian component of the training of highly qualified personnel, and, accordingly, the tasks that teachers of public disciplines face in organizing and managing students' educational activities.

Key words: student youth, higher education, socio-humanitarian disciplines, the role of a teacher

УДК 316.342.5

Социально-психологические факторы прекарной деятельности

Ахмадуллин И.Р.
Кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Низамова А.Х.
Старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В статье рассмотрены основные характеристики «нового класса» на рынке труда – прекариата через призму социально-психологических детерминант. Можно говорить о том, что изучаемый феномен – явление не только и не столько лишь экономическое, сколько сложный и разнообразный объект исследования смежных наук: социологии, психологии, демографии и многих других. Ряд глубинных интервью, носящих пилотажный характер, помог приблизиться к пониманию картины мировоззрения прекариев и их ценностей.

Ключевые слова: неформальная занятость, рынок труда, прекариат, образование, доход, заработная плата

Сегодня в сфере занятости среди уже существующих традиционных форм появились деформированные, ограниченные и нетипичные виды трудовых отношений, такие как неформальная занятость, временные рабочие отношения и неполная занятость [1]. В результате этого в современной экономике появились группы людей, находящихся в нестабильных и негарантированных социальных условиях. Это вызвало необходимость в анализе этого нового аспекта развития трудовых отношений, в поиске соответствующего термина для его описания и в понимании того, что эти новые формы труда представляют собой существенно отличающиеся элементы социально-классовой структуры. Мы полагаем, что эти новые формы труда станут одной из важных социальных сил в современном обществе.

Речь идет о прекариате — явлении, которое приобрело огромное общественное, политическое и экономическое значение.

Создание прекариата обычно связывается с периодом конца XX – начала XXI вв. В этот временной интервал во многих странах мира значительное количество людей оказалось в затруднительном положении. Другими словами, ситуацию можно описать следующим образом: постепенно у людей исчезала уверенность в завтрашнем дне. Нестабильная занятость в той или иной степени касается широкого диапазона стран, где она охватывает от 30 до 60 % трудоспособного населения. В России, согласно предварительным экспертным оценкам, этот показатель составляет примерно 30–40 %, хотя разные источники могут предлагать разные цифры. Например, по данным профессора НИУ ВШЭ О.И. Шкаратана, этот показатель равен 27 % [2, с. 201].

Следует добавить, что прекариату присуща не только принадлежность к рабочему классу. Термин «прекариат» применим к людям, которые не смогли адаптироваться к быстро меняющейся реальности современного общества со всеми его позитивными

и негативными аспектами. Прекариат представляет собой эволюцию пролетариата, но его структура более сложная и разнообразная. Пролетариат состоял из рабочего класса, тогда как прекариат включает в себя представителей различных социальных слоев: интеллигенцию, государственных служащих, работников с разным уровнем квалификации и образования, безработных, временно занятых и т.д. [3].

Тезисно представим причины феномена, что поспособствует более полному пониманию многогранности явления. Это, прежде всего, неопределенность как неотъемлемый атрибут современности. Капитализм в течение длительного времени, особенно после серьезных кризисов XIX и первой половины XX в., пытался реализовать различные подходы к демократическому развитию. Это наилучшим образом проявилось в кейнсианской политике социального государства, которая была успешно внедрена во многих развитых странах Западной Европы.

Увеличение групп с неопределенным социально-профессиональным статусом также было связано с ужесточением рыночных отношений, которые не всегда обеспечивали защиту прав работников при изменениях в производстве и не предоставляли им социальных гарантий. Этому способствовало также ослабление роли и влияния профсоюзов. Без элементарных форм социальной поддержки высвобожденные работники либо переходили в категорию безработных, либо соглашались на менее престижные виды труда и в некоторых случаях оказывались социально изолированными [4].

Достаточно весомы и политические причины. Разнообразные группы, объединенные в явление прекариата, в значительной степени сложились под воздействием (нео)либеральной политики. Эта политика, начиная с 1980–1990-х гг., в основном в развитых странах, привела к постепенному исчезновению модели социального государства, которая предоставляла долгосрочные гарантии занятости и соответствующее социальное обеспечение.

Еще более интересными в изучении феномена представляются социально-психологические факторы.

Человек, лишившись работы, а это, как правило, происходит под воздействием внешних обстоятельств, на которые он не может повлиять, начинает искать возможности для трудоустройства, но часто ему предлагают варианты, которые не гарантируют постоянной занятости. Ему могут предложить временную, частичную, сезонную, эпизодическую и другие формы гибкой занятости, которые могут не соответствовать его специальности или профессии, а также не требовать высокой квалификации [5].

«*Я закончила инженерный вуз, но удовлетворяющую моим потребностям классификации работу в городе не нашла – предложили ехать в Московскую область с проживанием в общаге. Поэтому устроилась неофициально в фирму, которая предлагает “информационные услуги” в сфере написания учебных работ – там по мелочи можно было “левачить”, и начальник, если даже догадывался об этом, закрывал на это глаза. Главное условие – находиться все время в офисе и знать на хорошем уровне русский язык для общения с клиентами*» (жен., 24 года).

Довольно часто выбор этих форм занятости происходит по собственной воле. Это может быть обусловлено тем, что люди вынуждены адаптироваться к новым социально-психологическим реалиям, даже до того момента, когда они начинают принимать «живи сегодня» как стиль жизни, фокусируясь только на решении текущих проблем и заботах о выживании. По данным социологических исследований середины 2010-х гг., 42,1 % респондентов заявили, что они не планируют свое будущее, а 30,1 % – ограничивают свои планы одним или двумя годами вперед (это в большей степени относится к молодым людям, что вполне естественно, так как это период, когда они сталкиваются с учебой, созданием семьи, выбором будущей работы и занятостью [6, с. 73].

«*Не парюсь по поводу будущего. Подрабатываю курьером. Скорее всего, свалю из страны – есть друзья, которые неплохо устроились там*» (муж., 22 года).

В условиях неопределенности для некоторых людей прекарный труд становится своего рода компромиссом, верой в то, что это временная форма занятости, и существует надежда на будущее изменение, на то, что удастся переломить судьбу. Однако такое решение часто приводит к тому, что временность становится постоянной, заставляя человека либо смириться с ситуацией, либо предпринимать активные попытки изменить свое положение.

«*После декрета в нулевых было сложно найти работу, имея на руках маленьких детей. Мне как-то приходилось мыть окна у соседей за деньги. Я решила, что это шанс временно перекантоваться. Занимаюсь этим около 20 лет и ни о чем не жалею. Получаю как минимум в 2-3 раза больше, нежели работала бы по специальности*» (жен., 55 лет).

Для другой группы людей потеря социального статуса является серьезным испытанием. В этом случае прекарный труд означает утрату ранее привычных жизненных позиций, профессии и социального положения. Этот процесс обычно связан с изменением профессиональных навыков, уменьшением социальных контактов, потерей старого социального окружения и нестабильными отношениями с новыми коллегами и сотрудниками.

«*Было страшно уйти с крупного завода в сферу услуг. На последнем месте не все так стабильно, но как минимум труд оплачивается не хуже, а с “левыми” выходит намного лучше*» (муж., 25 лет).

Для третьей группы людей, занятых в прекарном труде, социально-психологическое воздействие

проявляется в безразличии, аномии и принятии текущей ситуации как неизменной, с которой не стоит бороться. Эти люди часто скучают по прошлой советской эпохе, где существовали строгие трудовые нормы, социальная защита и гарантии в сфере занятости.

«*После производственной травмы ушел на склад, где все просто, но скучно. С другой стороны, устраивает график. Платят примерно пополам – официальную и неофициальную часть. Скучаю по прежним стабильным временам*» (муж., 63 года).

Для другой группы прекариев характерен определенный уровень фрустрации, когда они не готовы мириться с текущим положением и начинают активно искать способы изменить свою ситуацию. Это может включать в себя приобретение новых профессиональных навыков или участие в борьбе за свои трудовые и общественные права, а также участие в общественно-политических конфликтах по различным вопросам.

«*После пандемии мой маленький бизнес развалился. Пошел в такси, а после – в курьеры. Считаю, что государство мало сделало для того, чтобы поддержать предпринимателей. В современных условиях не смогу восстановить уже бизнес, поскольку западные санкции не позволят восстановить прежнюю схему. Нужно многое менять в стране*» (муж., 35 лет).

Среди критериев, по которым определяется принадлежность к прекариату, можно выделить следующие:

а) негарантированное социально-правовое положение (отсутствие или краткосрочные сроки трудового договора);

б) специфические формы и условия организации трудового процесса (организация и условия труда, длительность рабочего дня (недели, месяца, года, сезона);

в) произвольная оплата труда или ее эрзацы (оплата в конвертах);

г) полное или частичное отсутствие социальных гарантий;

д) отстраненность от принятия решений в своей организации;

е) социально-психологическое восприятие своего социального положения, когда работники не видят удовлетворяющих их перспектив в гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни.

Последний пункт в настоящем представляется особенно интересным, т.к. результаты пилотажного исследования прямо указывают на него. Состояние фрустации, невостребованности, понимание прекариатного труда как временного явления – все это как нельзя лучше характеризует социально-психологическое состояние респондентов. В прекариат попадают как мужчины, так и женщины разных возрастов, однако эта проблема все более омолаживается, что не в последнюю очередь связано с перекосами в существующей системе образования и переформатированного после пандемии рынка труда, когда возник огромный дефицит неквалифицированного труда: доставщики, курьеры, водители.

В целом, рассматриваемая проблема представляется весьма важной и требующей пристального внимания как со стороны научного сообщества, так и государственных структур с целью недопущения дестабилизации социально-экономического и политического равновесия. Поэтому разработка предложений – и на теоретическом, и на прикладном уровне – по созданию научно обоснованных программ по решению возникающих противоречий в интересах этих слоев населения весьма актуальна и востребована в средне- и долгосрочном горизонте планирования.

Литература:

1. Ахмадуллин И.Р. Особенности функционирования бизнес-элиты в современной России // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16. – № 3. – С. 257–258.
2. Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. – 2021. – № 3. – С. 199–212.
3. Фатхуллина Л.З., Низамова А.Х. Самозанятость на современном рынке труда // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 3. – С. 139–142.
4. Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки // Белорусский экономический журнал. – 2008. – № 3. – С. 9–11.
5. Желнина Е.В., Папчихина М.А. Социальный портрет современного работающего студента: социологический анализ // Научный вектор Балкан. – 2019. – Т. 3. № 3 (5). – С. 59–66.
6. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от прокласса к новому классу. – М.: Наука, 2018. – 350 с.

Socio-Psychological Factors of Precarious Activity

Akhmadullin I.R.
Kazan National Research Technological University
Nizamova A.Kh.
Kazan State University of Architecture and Engineering

The article examines the main characteristics of the "new class" in the labor market – the precariat, through the prism of socio-psychological determinants. We can say that the phenomenon under study is not only and not so much just an economic phenomenon, but a complex and diverse object of study in related sciences: sociology, psychology, demography, and many others. etc. A series of in-depth interviews of a pilot nature helped to come closer to understanding the worldview of the precaries and their values.

Key words: informal employment, labor market, precariat, education, income, wages

УДК 316.4

Преподаватель как социальный агент цифровизации высшего образования

Бурганова Л.А.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного управления и социологии
Казанского национального исследовательского технологического университета

Юрьева О.В.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена анализу эволюции подходов к исследованию субъектов цифровизации высшего образования. Методологический подход авторов основан на теории социального агента Э. Гидденса, на интерпретации роли преподавателей как социальных агентов, способных трансформировать систему высшего образования, обеспечить его успешную цифровизацию. Представлены результаты авторского социологического исследования, посвященного анализу уровня цифровой зрелости преподавателей высшей школы.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, социальный агент, педагогический агент, искусственный интеллект, принципал-агент, теория структурации Э. Гидденса, цифровая компетентность преподавателей

Перспективы развития современного высшего образования во многом определяются его способностью получить положительный эффект от цифровизации всех элементов образовательной среды: создания электронных учебных материалов и инструментов, используемых педагогами для передачи и контроля знаний; превращения среды взаимодействия преподавателей и студентов в интерактивную электронную площадку (электронные кабинеты, вебинары и т.п.); виртуализации среды, то есть создания специфической системы опосредованных коммуникаций, осуществляемых в Интернете или с помощью различных устройств (сотовых телефонов, автоответчиков и пр.); включения в процесс обучения возможностей искусственного интеллекта, что в идеале предполагает внедрение в педагогический процесс интеллектуальных обучающих систем, способных выполнять различные функции педагога (помогать в процессе решения задач, определять причину ошибок обучаемого, выбирать оптимальное учебное воздействие с учетом индивидуальных особенностей каждого студента) и т.д. В центре всех этих задач, как видим, стоит фигура преподавателя, которому предстоит освоить новые профессиональные роли, решить новые социальные задачи в деле подготовки специалиста новой формации.

За последние годы получило развитие самостоятельное направление в исследовании ключевого субъекта цифровизации высшего образования: презентация преподавателя как его социального агента. Выделим подходы к интерпретации данной проблемы и направления ее практического решения.

В рамках *первого* из них, социальным агентом был определен *педагогический агент*, представляющий собой, однако, не реального, а символического субъекта, созданного компьютером для использова-

ния в системах управления обучением для поддержания педагогического процесса в любое время и в любом месте [1]. Первым вариантом педагогического агента была интеллектуальная обучающая система (далее – ИОС), разработка которой началась в 1970-е гг. и появление которой оказалось практическим результатом применения методов и средств искусственного интеллекта в области автоматизированного обучения. Такая система способна выполнять различные функции преподавателя – оценивать прогресс в обучении студента и предоставлять обратную связь для выполнения соответствующих действий, включая советы и поддержку для решения проблем в учебной среде. И все же первый вариант ИОС представлял собой безличного, несоциального педагогического агента, ориентированного только на преподавание.

В 1990-х гг. ситуация радикально изменилась: педагогические агенты получили визуальное воплощение, а зачастую и анимацию, что сделало современного педагогического агента более осязаемым и менее абстрактным, чем классические ИОС, а главное, у него появилось больше шансов выглядеть похожим на социального субъекта и поддерживать с обучающимися социальное взаимодействие [2]. Новые педагогические агенты в состоянии поддерживать высокий уровень взаимодействия не только со студентами, но и с другими агентами, способными, в отличие от обычных компьютерных систем, коммуницировать только с одним из них. Кроме того, они могут предоставлять постоянную обратную связь студентам во время их работы, имитировать текстовые или разговорные беседы и невербальное поведение.

Данный подход, как видим, пронизан технократическими иллюзиями об устранении живого преподавательского труда, замене его интеллектуальными обучающими системами, передаче всех образовательных функций цифровому двойнику. Именно искусственный интеллект становится в данном подходе носителем агентских функций.

Второе направление в исследовании социальной агентности преподавателя можно проследить в развитии концепции «принципала-агента», которая первоначально была задействована для анализа проблем управления в крупных корпорациях, а с начала 1990-х гг. получила распространение как направление исследования процессов реформирования высшего образования в России в ходе его цифровизации [3]. В соответствии с данным подходом, принципалом выступает работодатель (руководитель вуза или структурного подразделения), а агентами – преподаватели и сотрудники университета. Фокус внимания в рамках данного подхода нацелен на решение двух проблем. Во-первых, проблемы изменения системы отношений «администрация – преподаватели» в высшем образовании с иерархических на сетевые на основе применения таких технологий, как эффективный контракт, блокчейн, цифровая платформа и др. Во-вторых, на решение проблемы отношения «преподаватель – студент» на базе применения интеллектуальных обучающих систем, облачных технологий, позволяющих реализовать концепцию формирования индивидуальных образовательных траекторий развития на основе использования современных технологий, поддерживающих и преобразующих процесс взаимодействия студента и преподавателя.

Авторы данной концепции, следовательно, полагают, что основные предпосылки решения проблемы принципала-агента в высшем образовании лежат исключительно в информационной ассиметрии в содержании трудовой деятельности и их можно устранить с изменением формата управления, с переходом на современные информационные технологии и инструменты, которое преобразует личное взаимодействие в опосредованные коммуникации с использованием информационно-коммуникационных технологий [3, p. 665]. Иначе говоря, путь решения данной проблемы видится в совершенствовании внутриорганизационных коммуникаций, обеспечении нового качества организации информационного пространства, основанного на более достоверной информации, что может быть обеспечено развитием цифровых компетенций у работников и студентов высшей школы.

Таким образом, данный подход задает перспективу решения проблемы принципал-агента посредством обеспечения согласованности действий администрации и преподавателей на путях цифровизации характера и форм трудовой деятельности, создания нового дизайна экономических механизмов в системе управления высшего образования. По существу, речь идет об обновленной технократической версии цифровизации высшего образования, оставляющей без внимания социальные эффекты переформатирования отношения преподаватель – студент.

Данная проблема отражена в рамках *третьего направления* изучения проблемы агентности высшего образования в условиях его цифровизации. Оно получило свое развитие в исследованиях, ориентированных на социокультурные аспекты цифровой трансформации, в соответствии с которым цифровизация – это инструмент развития личности, формирования ее способности к аналитическому, критическому, творческому, гибкому мышлению, способности работать в командах, а также навыкам самообучения, самоорганизации, самоконтроля, самостоятельного поиска и анализа необходимой информации, обмена идеями, возникающими в процессе ее изучения, то есть всего того, что позволяет последовательно раскрывать потенциал человека, создавать пространство личностного роста и на этой основе в конечном счете преодолеть кризис

технологизации цифрового общества и цифрового образования [4]. По существу, переосмыслению подвергается сущность парадигмы высшего образования, сложившаяся коммуникативная система в образовании, пересматривается классическая модель субъект-объектных отношений.

Методологической основой переосмысления в данном ключе проблемы агентности в высшем образовании может служить, на наш взгляд, теория социального агента Э. Гидденса. Перефразируя посыл Э. Гидденса о том, что в современном обществе именно социальный агент должен находиться в центре внимания социологии, подчеркнем, что преподаватели и студенты, а также практикуемые ими цифровые коммуникации должны стать объектом анализа процесса цифровизации образования. При этом заметим, что само понятие «агент» в контексте теории структурации Э. Гидденса очень точно характеризует специфику тех изменений, которые происходят сегодня в системе взаимодействия преподаватель – студент. Ученый обращает внимание на высокий уровень сложности агента действия, который может быть описан только как стратификационная модель, включающая в себя три стратификационных уровня: мотивация действия, рационализация действия, рефлексивный мониторинг действия [5, с. 11].

Первый уровень действия – мотивация действия – относится к тем осознанным и неосознанным желаниям, которые побуждают агента к действию в ситуации, когда он сталкивается с необычной ситуацией, создающей для него проблемы, которая в нашем примере связана с осмыслением агентом потребности овладения цифровыми компетенциями.

Второй уровень действия – его рационализация, под которой Э. Гидденс подразумевает умение индивида находить и объяснять самому себе причины и цели действий. Рационализация действия – это способность индивида рутинно поддерживать постоянное «теоретическое понимание» оснований собственных поступков. Она обозначает взаимное согласие участников взаимодействия относительно взаимной компетенции друг друга. Так, преподаватели и студенты как агенты цифровизации образования должны быть проинформированы администрацией о требованиях к уровню своей цифровой профессиональной компетентности, прилагать усилия по обеспечению соответствия достигнутого уровня подготовки требованиям, изложенным в модели цифровой компетентности; они должны уметь применять свои цифровые знания и навыки в процессе коммуникации, объяснять студентам, каковы возможности использования современных информационных технологий в изучении преподаваемых дисциплин.

Третий уровень действия – рефлексивный мониторинг действия, который у Э. Гидденса выступает в качестве основного понятия, характеризующего повседневную деятельность любого человека. Рефлексивный мониторинг действия означает, что индивиды «не только сознательно отслеживают ход своей деятельности, ожидают, что другие поступают аналогично, но что они так же рутинно отслеживают физические и социальные контексты, в которых находятся» [5, с. 12]. Это предполагает на нашем примере постоянное и непрерывное отслеживание и преподавателями, и студентами своих собственных действий по повышению уровня своей цифровой компетентности, действий друг друга, а также физических и социальных условий действия, под которыми мы будем подразумевать уровень зрелости цифровой образовательной среды, необходимой для осуществления эффективных коммуникаций в процессе обучения студентов.

Ценность подхода Э. Гидденса состоит в том, что он позволяет воспринимать преподавателей и студентов в качестве социальных агентов, способных изменять социальный мир, в нашем контексте – трансформировать систему высшего образования. Именно они – главные субъекты цифровизации образовательной системы, а не «принципалы» – администрация университетов, хотя, конечно, такая формулировка не отрицает связи деятельности агентов с социальными институтами, в которые они интегрированы. Именно от преподавателей и студентов, уровня их цифровой компетентности зависит реализация стратегии цифровизации высшего образования и ее воспроизводство посредством постоянных действий агентов (преподавателей и студентов) и рефлексивного их мониторинга. И, наоборот, низкий уровень их цифровой профессиональной компетентности может стать ограничивающим фактором для реализации их потенциальной агентности.

Рассмотрим, каковы же в реальности результаты действий преподавателей высшей школы как социальных агентов. Можно ли утверждать, что деятельность преподавателей смогла изменить образовательную среду, изменить коммуникативную основу процесса преподавания? Результаты многочисленных исследований социологов, психологов, педагогов, ученых инженерных направлений подготовки как в России, так и за рубежом, осуществленные в годы, предшествовавшие пандемии *COVID*-19, показывают, что университетские преподаватели использовали ограниченное количество цифровых технологий, да и те в основном для поддержки своих собственных усилий по планированию учебного материала и его загрузки, обеспечению большей наглядности читаемых курсов, совершенствованию контроля за процессом обучения и т.д. Практически не использовались ими технологии интерактивного обучения, ориентированные на совершенствование коммуникаций со студентами, обеспечения механизма обратной связи, развития их самостоятельной деятельности, творческих способностей [6; 7; 8].

А как же обстоит дело с цифровыми компетенциями преподавателей университетов сейчас?

При анализе уровня владения цифровыми технологиями преподавателей высшей школы нами были использованы результаты авторского социологического исследования в форме заочного экспертного опроса «Уровень цифровой зрелости преподавателя высшей школы», который проводился с помощью сервиса онлайн-анкет на платформе Анкетолог в сентябре 2023 г. К участию в исследовании были привлечены преподаватели четырех вузов г. Казани: Казанского федерального университета, Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ/КХТИ), Казанского национального исследовательского технического университета (КНИТУ/КАИ), Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова (КИУ).

Выборка стихийная, в опросе приняли участие 78 человек – преподаватели, проводящие занятия на социальных и гуманитарных направлениях бакалавриата и магистратуры. Половозрастной состав опрошенных преподавателей: 49 (62,7 %) – женщины, 29 (37,3 %) – мужчины. Общее количество респондентов по возрасту: от 20 до 25 лет – 2 (2,7 %), от 26 до 30 лет – 4 (5,3 %), от 31 до 35 лет – 7 (9,3 %), от 36 до 40 лет – 5 (6.7 %), от 41 до 45 лет – 21 (26,7 %), от 46 до 50 лет – 11 (14,70 %), от 51 до 55 лет – 8 (10,7 %), от 56 до 60 лет – 4 (5,3 %), от 61 до 65 лет – 6 (8,0 %), от 66 до 70 лет – 3 (4, 0 %), от 71 до 75 лет – 4 (5,3 %), от 76 лет и выше – 1 (1,3 %).

По должностным статусным характеристикам респонденты распределились следующим образом: профессоров – 12 (16,20 %), доцентов – 45 (60,80 %), старших преподавателей – 9 (12,20 %), преподавателей – 3 (4,10 %), ассистентов – 5 (6,80 %). Представленность преподавателей по наличию ученой степени: доктора наук – 14 (18,9 %), кандидаты наук – 47 (63,50 %), без ученой степени – 13 (17,60 %).

В соответствии с поставленной целью в ходе опроса рассматривались следующие блоки задач: 1. *Кадры* (оценка развития общих и специальных цифровых компетенций). 2. *Цифровые продукты* (оценка зрелости подразделений как инициаторов и владельцев продуктов). 3. *Инфраструктура и инструменты* (оценка уровня развитости инфраструктуры дистанционной работы). 4. *Профессиональные цифровые компетенции преподавателей* (оценка уровня подготовленности цифровых компетенций, направленных на формирование информационной и медиа-грамотности студентов). На ряд вопросов можно было дать несколько вариантов ответа. Вопросы носили закрытый характер.

Рассмотрим результаты опроса по первым трем блокам вопросника анкеты. По первому блоку, касающемуся оценки общих и специальных компетенций преподавателей, результаты опроса демонстрируют, что среди преподавателей почти поровну распределились позиции тех из них, кто знаком с базовыми понятиями, терминами и трендами цифровизации предметной области, но редко применяет их в своей профессиональной деятельности (47,30 %), и тех, кто знаком с ними и ежедневно применяет их в своей профессиональной деятельности (48,60 %).

При этом, согласно результатам проведенного опроса, 54,70 % опрошенных преподавателей обладают знаниями и навыками работы с информационными системами и базами данных и применяют их при выполнении заданий, 29,30 % опрошенных владеют базовыми навыками работы с компьютером и офисными программами, внутренними системами организации, необходимыми в работе, 16 % респондентов принимают участие в проектах по внедрению и использованию новых технологий, продуктов и процессов в работе. Для сравнения: по результатам нашего опроса преподавателей этих же высших учебных заведений 2021 г., 15 % опрошенных почти не использовали в преподавании возможности цифровых ресурсов, а 9,30 % вообще их не использовали.

Если в нашем исследовании 2021 г. [9] почти все преподаватели сетовали на формальный характер предлагаемых программ повышения квалификации преподавателей, на их слабую связь с программами повышения цифровой компетентности по конкретным направлениям подготовки в высшей школе, то данный опрос выявил положительную динамику в этом отношении. Большинство преподавателей сегодня (77,30 %) имеют возможность развития цифровых компетенций через образовательные программы, семинары и цифровой образовательный контент, хотя у них самих отсутствует четкий план по их развитию; только 16 % опрошенных указали на отсутствие данной возможности. У 6,70 % опрошенных имеется и план по развитию цифровых компетенций, и инструменты для их развития (образовательные программы, семинары и цифровой образовательный контент) с учетом целевого уровня развития цифровых компетенций организации.

Более того, почти треть преподавателей (28 %) сегодня уже знакома с формализованными оценками уровня развития цифровых компетенций, инструментами их развития, а 9,30 % опрошенных знакома с целевым уровнем развития цифровых компетенций в организации и уже прошла оценку уровня владения ими. На наш взгляд, прогресс в этом отношении за прошедшие два года налицо, но еще много предстоит изменить в деле повышения цифровой компетентности преподавателей: согласно последнему опросу, 62,70 % преподавателей вообще не знакомы с формализованными оценками уровня развития цифровых компетенций, инструментами их развития.

При оценке собственного уровня владения знаниями по работе с данными 57,30 % преподавателей указали на то, что применяют базовый функционал

Microsoft Office для решения рабочих задач и знают, что такое «базы данных», знакомы с их основными элементами, 36 % опрошенных применяют расширенный функционал *Microsoft Office* и имеют первичные навыки сбора, обработки и анализа информации (например: активное использование функций, таблиц сопряженности, макросов в *Excel*), 6,70 % опрошенных преподавателей имеют продвинутые навыки сбора, обработки и анализа информации (*SQL, Python, BI*-системы) и умеют ставить задачи экспертам или аналитикам по анализу данных.

На вопрос: «Какими инструментами из предложенного списка вы пользовались?» позиции преподавателей распределились следующим образом: практически все (96 % опрошенных) используют такие программы видео/аудиосвязи, как *MS Teams, ZOOM, Skype, Webinar* и др.; 77,30 % респондентов используют в своей работе облачные хранилища данных: ЯндексДиск, *Google Drive, Dropbox* и др. (по данным опроса 2021 г. – 47,7 %), 46,70 % опрошенных – системы электронного обучения и тестирования Moodle, Росдистант, *InStudy, MegaCampus*; 20 % опрошенных – планировщики задач: *Trello, Jira* и др. При этом на первое место 69,33 % опрошенных поставили Программы видео/аудиосвязи: *MS Teams, ZOOM, Skype, Webinar* и др., 16,6 % предпочли систему *LMS*.

Преподаватели, как показали результаты опроса, до сих пор мало участвуют в создании цифровых образовательных продуктов: только 20 % опрошенных принимают участие в разработке цифровых продуктов в составе инициативной группы сотрудников; 27 % вовсе не принимают участия в их разработке и даже не знакомы с возможностью предложений инициатив по их созданию, столько же опрошенных не принимают участия в разработке цифровых продуктов, но знакомы с возможностью предложений инициатив по их созданию.

По результатам опроса, виртуальную и дополненную реальность используют в своей работе 6,8 % опрошенных, анализ больших данных и искусственный интеллект – 13,7 % респондентов, облачные вычисления – 9,6 % опрошенных преподавателей, Интернет вещей – 4,1 %, блокчейн-технологии – 2,7 %, роботизацию процессов и *BI*-технологии – по 1,4 % преподавателей. 72,60 % опрошенных не используют ни одну из вышеперечисленных технологий.

Важной проблемой в университетах, как показали результаты опроса, до сих пор остается организация цифровых рабочих мест в подразделениях: 47,3 % опрошенных могут работать дистанционно, используя портативные средства связи: ноутбук, планшет, мобильное устройства, дистанционно подключенные к корпоративным системам, используя двухфакторную аутентификацию и защищенные средства шифрования передачи данных; 38 % преподавателей могут работать дистанционно, используя ноутбук, но при дистанционной работе отсутствует возможность подключения к корпоративным системам, 18,3 % опрошенных могут работать только с рабочего места, в личном распоряжении имеется ПК.

Преподаватели в целом не удовлетворены настоящим уровнем доступности внутренних цифровых сервисов для применения их сотрудниками на бесплатной основе: только 36 % опрошенных указали на возможность для сотрудников и учащихся бесплатного доступа к верифицированному цифровому образовательному контенту, 30,70 % респондентов плюс к этому указали еще и на возможность бесплатного доступа к сервисам для самостоятельной подготовки; 21 % опрошенных нами преподавателей указали на возможность, кроме выше перечисленных возможностей, и бесплатного доступа к цифровому взаимодействию.

Таким образом, осуществленный нами опрос преподавателей высших учебных заведений дает основание для более оптимистичной оценки уровня их профессиональной цифровой компетентности по сравнению с периодом до пандемии *COVID*-19: преподаватели заметно повысили свой общий уровень информированности о возможности использования цифровых технологий в обучении, почти все практикуют на своих занятиях программы видео/аудиосвязи *MS Teams, ZOOM, Skype, Webinar* и т.д.; но только половина из опрошенных использует системы электронного обучения и тестирования, а следовательно, значительная часть преподавателей не в состоянии выполнять элементарные цифровые операции в целях обучения студентов. К тому же низкий уровень информированности преподавателей о системе формализованной оценки уровня развития их цифровых компетенций не позволяет им давать вполне объективную самооценку своих показателей, что не является стимулом их развития. Пока еще низким приоритетом остается организация рабочих мест во всех подразделениях университетов, дающая возможность использования преподавателями цифровых устройств и их подключения к корпоративным системам. Все вышеизложенные обстоятельства замедляют процесс превращения преподавателей в настоящих социальных агентов – субъектов цифровизации высшего образования.

Литература:

1. Martha A.S.D., Santoso H. The Design and Impact of the Pedagogical Agent: A Systematic Literature Review // The Journal of Educators Online. – 2019. – Vol. 16. – № 1. – DOI: 10.9743/jeo.2019.16.1.8.
2. Johnson W.L., Lester J.C. Pedagogical Agents: Back to the Future /Al Magazine, 2018. – Vol. 39. – № 2. – P. 33–44. – DOI:10.1609/aimag.v39i2.2793.
3. Mikhalkina E.V., Chernova O.A., Gozalova A.V. Digitalization and the Principal-Agent Problem in the Higher Education // Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340473711_Digitalization_and_the_Principal-Agent_Problem_in_the_Higher_Education
4. Kameneva I. The actual questions of the realization of the personality-oriented educational paradigm in the context of digitalization // E3S Web of Conferences. – 2021. – № 273. – 8 p. (12060). – URL: https://www.e3sconferences.org/articles/e3sconf/abs/2021/49/e3sconf_interagromash2021_12060/e3s conf_interagromash2021_12060.html (дата обращения: 24.02.2023).
5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации [пер. И. Тюрина]. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с.
6. Marcelo C., Yot-Domínguez C. From chalk to keyboard in higher education classrooms: Changes and coherence when integrating technological knowledge into pedagogical content knowledge // Journal of Further and Higher Education. – 2018. – № 1. – P. 3-17. – URL: https://d.org/10.1080/03098 77X.2018.1429584
7. Bond M., Marín V.L., Dolch C., Bedenlier S., Zawacki-Richter O. Digital transformation in German higher education: student and teacher perceptions and usage of digital m media // International Journal of Educational Technology in Higher Education. – 2018. – Vol. 15. № 48. – P. 1–20. – URL: https://doi.org/10.1186/s41239-018-0130-1
8. Yureva O.V., Burganova L.A., Kukushkina O.Y., Myagkov G.P., Syradoev D.V. Digital Transformation and Its Risks in Higher Education: Students' and Teachers' Attitude // Universal Journal of Educational Research. – 2020. – № 8 (11B). – P. 5965–5971. – DOI: 10.13189/ujer.2020.082232
9. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Готовность вузовских преподавателей к работе в цифровой образовательной среде: компетентностный подход // Вестник экономики, права, социологии. – 2021. – № 2. – С. 67–72.

Teacher as a Social Agent of Digitalization of Higher Education

Burganova L. A.
Kazan National Research Technological University
Yurieva O.V.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of the evolution of approaches to the study of the problem of digitalization`s agent of higher education. The authors' methodological approach is based on the theory of social agent by A. Giddens, on the interpretation of the teachers` role as social agents capable of transforming the system of higher education and ensuring its successful digitalization.

The authors present the results of the sociological research devoted to the analysis of the level of digital maturity of higher education teachers.

Key words: digitalization of higher education, social agent, pedagogical agent, artificial intelligence, principal-agent, A. Giddens' structuration theory, digital competence of higher education teachers

УДК 316.3/4

Человеческие сети: анализ соцсетей феминистского движения Республики Татарстан

Волкова Е.В.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
в профессиональной коммуникации Казанского национального
исследовательского технологического университета

Васильев Г.И.
Старший преподаватель кафедры государственного управления,
истории и социологии Казанского национального
исследовательского технологического университета

Статья сфокусирована на выявлении феминистских взглядов у молодых женщин, их амбиций в отношении своей реализации в повседневной жизни. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые была выявлена корреляция между предписанной обществом феминностью и поведением активистов феминистических групп. Вышеуказанная зависимость была определена по результатам опроса и изучения социальных сетей. Было выявлено, что в настоящее время в России у женщин формируется определенный феминистский тип личности, для которого характерен образ борца за права женщин в современном мире, поддерживающий полное равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни. Они готовы взять на себя лидирующую роль в семье и профессиональной сфере для реализации своих планов. С помощью методов контент- и дискурсивного анализа было выявлено, что наиболее обсуждаемые темы связанны с домашним насилием и проблемой НКО.

Ключевые слова: феминизм, феминность, маскулинность, социальные сети, феминистский тип личности, социальная типология, феминистские сообщества

Подавляющее большинство современных социологических теорий рассматривает окружающий мир как нечто нестабильное, постоянно изменяющееся явление – «Общественная жизнь никогда не пребывает в статичном состоянии» [1, с. 9]. Все наше общество, по мнению М.О. Джексона, пронизано сетями, которые человек устанавливает в течение всей своей жизни и «наше социальное положение влияет на наши возможности, взгляды и поведение» [2, с. 11]. Исследования М.О. Джексона, Э. Гидденса и Ф. Саттона развивают новые актуальные направления в изучении человеческих сетей. Сегодня, если мы хотим понять, насколько влиятелен тот или иной человек в обществе, ответ на «первый и естественный вопрос – скольких людей он способен мобилизовать или побудить к действиям», говорит о степени влиятельности этого человека [2, с. 20]. Сети помогают нам определить эту степень, установить количество знакомых и друзей, их интересы и жизненные ориентиры. На первый взгляд это может не бросаться в глаза, но при тщательном изучении этого вопроса мы можем отчетливо увидеть связи внутри того или иного сообщества людей. Изучение современных человеческих сетей – очень актуальная

тема, поскольку полученные результаты могут быть использованы для негласного управления социумом, помогут своевременно выработать методы воздействия на определенные массовые движения с целью избежать решения конфликтов насильственным путем или, например, ослабления правящих партий. Таким образом, сегодня сети становятся определяющей структурой современных обществ.

С социологической точки зрения Э. Гидденс и Ф. Сатон рассматривают сеть как группу людей, «объединенных относительно свободными связями, которые могут быть неформальными» (например, группы в ВКонтакте, *Facebook* или *Instagram*[1]) или формальными, например, коллеги по работе [1, с. 201].

Основной задачей нашего исследования является изучение феминистского типа личности и механизмов построения феминистских социальных сетей. Феминистское движение – тема достаточно изученная на протяжении XX–XXI вв. Но, несмотря на это, в условиях современности она приобретает абсолютно новые направления. В частности, в данном исследовании был рассмотрен феминизм с точки зрения массового движения и участия в нем определенных типов личности, который назван феминистским. Однако не каждый человек, будь то мужчина или женщина, будет принимать участие в феминистских акциях или разделять идеологию этого движения. Поэтому были поставлены следующие задачи: 1) определить, какие люди склонны к такого рода действиям; 2) выявить феминистские сообщества в социальных сетях; 3) определить связи между феминистскими сообществами и их влияние на развитие общества и молодежи; 4) определить последствия таких влияний через изучение наиболее популярных тем, обсуждаемых в социальных сетях.

Теоретическая часть нашего исследования построена на анализе научных работ, в основном, к сожалению, зарубежных ученых. Теорию массовых движений и социальную типизацию его участников развивает в своей монографии «Человек убежденный» Э. Хоффер – самоучка, американский свободный философ. Он выдвигает идею, что люди, неудовлетворенные чем-то в жизни или, наоборот, у которых есть определенные стремления и не находящие удовлетворения своих жизненных амбиций, стараются реализоваться в массовых движениях и найти воплощение своих идей там [3]. На первый взгляд, кажется, что так обстоит дело и с феминистским движением. Однако при пристальном изучении этой проблемы, анализе литературы по ценностным ориентациям человека мы столкнулись с тем фактом, что феминистское движение для женщин – это своего рода возможность для отстаивания своих прав на этой площадке в современном мире. Но при неконтролируемых общественных процессах оно может быть использовано для раскачки общественного порядка в целом.

Другие исследователи феминисткой теории Т. Джи и Ф. Роуз в своей работе «Что бы сказали знаменитые феминистки? Как Вирджиния Вульф, Симона де Бовуар и Роза Люксембург решали бы проблемы современных женщин» [4] рассматривают вопросы феминности, выделяя определенные направления в феминисткой теории, и предлагают свои решения контроля за феминистическими группами.

Также в теоретическую основу исследования легла методика М.О. Джексона по построению человеческих сетей, применительно к феминистическому движению [2].

Для измерения явления феминизма был выбран метод опроса, как наиболее распространенный социологический метод систематизации полученной информации. В проведенном опросе участвовало 185 молодых женщин в возрасте от 18 до 24 лет, преимущественно студенты Казанского национального исследовательского технологического университета. Прежде всего необходимо было узнать, интересна ли для респондентов сама по себе тема феминизма. Поэтому использовались общие вопросы, связанные с феминизмом. Опрос был составлен в форме индивидуального анкетирования с открытыми и закрытыми вопросами. Разработка самих вопросов является полностью авторской [5]. В соответствии с рекомендациями по составлению анкет Ж.В. Пузановой и др. [6], а также работ С.А. Алексеева смешанные типы вопросов также были включены в анкету и обработаны через программу «Анкетолог» [7].

С удовлетворением отмечаем, что в целом респонденты правильно понимают определение феминизма и феминности и сделали свой выбор в пользу утверждения, что феминистка – «это личность, которая борется за равные права женщин с мужчинами». При этом необходимо отметить довольно высокий уровень образования респондентов – не ниже среднего общего или профессионального образования. Более подробная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Ответ респондентов на вопрос «Кто такая феминистка?»

Варианты	Количество ответов	%
Тот, кто борется за равные права женщин с мужчинами	164	89
Мужененавистница	17	9
Имеющая гомосексуальные отношения	0	0
Другое	4	2

Чтобы определить основные направления развития в жизни современной женщины, респондентам

[1] *Facebook и Instagram* принадлежат корпорации *Meta* признанной экстремистской организацией на территории РФ.

было предложено расставить приоритеты по основным направлениям жизнедеятельности, где женщинам легче всего самореализоваться. Например, замужество, рождение детей, материальное благополучие, саморазвитие, профессиональный рост, отдых и беззаботность. Полученные результаты показали, что подавляющее число респондентов выбирают своим жизненным приоритетом материальное благополучие и саморазвитие, а ответы на вопросы, связанные с рождением детей и замужеством, в относительном значении, имеют небольшой корреляционный отрыв в пользу традиционных ценностей. Однако не придают особого жизненного смысла замужеству и рождению детей 28 % женщин. Более подробные данные по этой выборке представлены в таблице 2.

Положительная динамика была отмечена при сборе данных по юридической составляющей исследования вопросов, связанных с феминизмом. Соотношение полученных данных между респондентами, которые ответили, что в нашем обществе реализуется юридическое равенство женщин и мужчин, и респондентами, которые считают, что скорее его нет, или оно полностью отсутствует, распределилось следующим образом. 51,9 % участников опроса ответили положительно на этот вопрос, что юридическое равенство имеет место быть, а 31,5 % респондентов показали, что не видят равноправия в обществе между мужчинами и женщинами. Более подробный анализ данных представлен в таблице 3.

Любопытны практические аспекты исследования в части «ласкового обращения», которыми называют женщин влюбленные мужчины. Почти 80 % женщин посчитали названия типа «киска», «зайка» и тому подобные слова оскорбительны в отношении них. Эти данные, вместе с полученными ответами о равноправии, приводят к выводу, что женщины прочно отстаивают четкие границы своего собственного личностного «я». Этот вывод подтверждается дальнейшими результатами исследования в той его части, что почти 46 % респондентов считают, что

Таблица 3

Ответы респондентов о существующем равноправии между мужчинами и женщинами

Варианты	Количество ответов	%
Полное равноправие	16	8,8
Равноправие скорее есть, чем нет	94	51,9
Равноправия скорее нет, чем есть	57	31,5
Равноправие полностью отсутствует	14	7,7

расходы и счета мужчины и женщины должны делить пополам. 32 % участвующих в опросе женщин считают, что мужчина всегда, в любом положении, платит – это норма. Однако 22 % респондентов женского пола поддерживают идею о том, что не надо платить на первых свиданьях, и потом это станет обычным правилом.

Все дальнейшие полученные данные от респондентов показывают тенденцию роста лидирующей роли женщин в жизни современного общества. На вопрос о прохождении службы в армии 38 % участниц опроса ответили, что относятся к этому крайне позитивно. Интересно распределились ответы на вопрос о возможности мужчины брать отпуск по уходу за ребенком. 64 % женщин поддерживают эту идею. Однако спорным остается вопрос о заработке. 11 % респондентов показали свое резко негативное отношение к вопросу о доминирующим заработке женщины в семье, 24 % участниц опроса высказывают свое отрицательное мнение по этому вопросу. 26 % опрошенных поддерживают идею о возможности для женщины зарабатывать больше мужчины, 38 % респондентов абсолютно позитивно настроены в решении этой проблемы в пользу «слабого пола».

На вопрос, может ли мужчина быть феминистом, 76 % опрошенных женщин дали положительный ответ. Интересны ответы о выборе фамилии. Оказалось, что около 76 % женщин высказались в пользу решения взять фамилию мужа. Почти 72 % респондентов считает, что девушка может сделать предложение о вступлении в брак своему парню, и только 28 % высказалось за то, что это является прерогативой мужчины.

Оценивая результаты ответов по внутрисемейным отношениям между мужчиной и женщиной, можно отметить следующее. Почти 69 % женщин считают, что в семье оба партнера должны работать и иметь равный уровень

Таблица 2

Основные жизненные приоритеты респондентов, баллы

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Брак	28	10	13	16	38	14	18	16	7	25
Деторождение	28	7	16	16	41	18	16	13	5	25
Материальное благополучие	3	1	1	0	9	2	9	34	14	112
Саморазвитие	6	0	3	2	9	4	14	13	15	119
Профессиональная реализация	4	2	2	2	11	7	23	33	19	82
Отдых и беззаботность	3	0	1	3	24	10	28	25	17	73

Здесь: 1 балл – совершенно не важно; 2 – не важно, 3 – скорее не важно 4 – скорее не важно, чем важно; 5 – безразлично; 6 – скорее важно, чем не важно; 7 – скорее важно; 8 – важно, 9 – достаточно важно, 10 – очень важно.

ответственности и обязанностей за материальные траты, содержание дома и воспитание детей. Более подробные данные представлены в таблице 4.

По вопросам оплаты труда около 76 % респондентов считает, что разница в оплате труда между мужчиной и женщиной существует и оценивает эту ситуацию в целом как ненормальную для общества. Однако полученные данные по гендерной дискриминации в оплате труда показали, что только 24 % респондентов сталкивались с этим явлением, 71 % участников опроса не встречались с этим явлением в обществе.

В данном исследовании очень важно было выяснить мнение и отношение респондентов к теме насилия и дискриминации женщин на основе религиозных взглядов и обычаев. Безусловно, 76 % опрашиваемых участников отрицательно отнеслись к любым формам проявления насилия.

Анализ ответов на вопрос о гендерной идентичности оказался довольно интересным. Подавляющее большинство опрошенных женщин ответили утвердительно по поводу своей гендерной идентичности. Однако 4 % респондентов заявили о своих беспокойствах по вопросу принадлежности к определенному полу, и 6 % участниц опроса ответили, что ощущают обеспокоенность в отношении своей гендерной идентичности. Данные исследования показали, что вопросы, связанные с сексуальной ориентацией, коррелируют с ответами на вопросы по гендерной идентичности и распределились почти в таких же пропорциях. А именно, 90 % респондентов ответили, что они не чувствуют никаких беспокойств в отношении к своей сексуальной ориентации. Почти 3 % участников опроса выразили обеспокоенность по поводу этой теме. И около 7 % респондентов отметили переменный характер в своем сексуально-ориентированном поведении.

Достаточно противоречивое отношение респондентов к юридической составляющей вопроса о необходимости принятия закона в нашей стране, который бы гарантировал женщинам защиту от насилия со стороны партнера или супруга. Около 52 % респондентов ответили: «нужно обязательно», одновременно 32 % опрошенных женщин считают: «не нужно», и 8 % респондентов считают: «скорее не нужно, чем нужно».

В продолжение изучения правовой составляющей феминизма был сформулирован вопрос относительно феминистских правозащитных ресурсов. Анализ данных показал, что самые известные социальные сети, – это «Феминистская Россия» (*https://vk.com/rusfem*), РФО «ОНА» (*https://ona.org.ru*). Молодые женщины знают о таких ресурсах, как «Союз женщин России» (*https://wuor.ru*), «Голос женщин» (*https://vk.com/club161647684*) и «Центр “Сестры”» (*https://vk.com/sisters.help*). Изучив полученные данные, было обнаружено, что в Республике Татарстан феминистское движение довольно популярно. Социальная сеть «ФемКызлар» (*https://vk.com/femkazan*), занимает третье место в рейтинге по популярности. Здесь необходимо учитывать тот факт, что целевую аудиторию в проводимом исследовании составляла студенческая женская молодежь Татарстана. Интересно, что молодых женщин волнуют вопросы соблюдения их прав в обществе и действующие правовые механизмы их защиты. Среди респондентов достаточно популярен кризисный центр «Фатима» (*https://vk.com/fatima.help*). Более подробная информация представлена на рисунке 1.

Казалось бы, почему молодых женщин волнуют проблемы, связанные с феминизмом, почему они ищут фемконтакты в социальных сетях. Ответы на эти вопросы были получены, когда у респондентов спрашивали следующую информацию: «если вы затрагиваете вопрос феминизма, то что вы обсуждаете?». Полученные ответы показали, что тема домашнего насилия оказалось наиболее острой [8]. Около 80 % респондентов отдали свой выбор именно в пользу этой тематике. Жизнь динамична в современном мире, и вопро-

Таблица 4

Отношение супругов к главенству в семье и ведению домашнего хозяйства

Варианты	Количество ответов	%
Главой семьи является мужчина, который берет на себя обязанности по управлению и материальному обеспечению членов семьи, женщина при этом занимается хозяйственной работой по дому и воспитанием детей	10	5
Главой семьи является мужчина, который работает и берет на себя часть обязанностей по управлению и материальному обеспечению членов семьи, женщина также работает, но при этом занимается хозяйственной работой по дому и воспитанием детей	44	24
Главой семьи является женщина, которая берет на себя обязанности по управлению и материальному обеспечению членов семьи, мужчина при этом занимается хозяйственной работой по дому и воспитанием детей	4	2
Главой семьи является женщина, которая работает и берет на себя часть обязанностей по управлению и материальному обеспечению членов семьи, мужчина также работает, но при этом занимается хозяйственной работой по дому и воспитанием детей	0	0
Мужчина и женщина имеют равные права и обязанности по управлению и материальному обеспечению членов семьи, в равной степени участвуют в хозяйственной деятельности и воспитании детей	127	69

Рис. 1. Популярность феминистских социальных групп

известными феминистками стали Клара Цеткин и Роза Люксембург, которые жили в начале XX в. Этот факт больше относится к знанию исторического материала, нежели феминистского движения. Можно сделать вывод, что тема феминизма среди молодых женщин очень завуалирована, интимна, они предпочитают решать ее с кем-либо очень близким либо, наоборот, незнакомым. Тема почти всегда касается вопросов насилия, дискриминации женщин, защиты их интересов. Этим объясняется популярность феминистских сетей. Однако этот факт для общества является тревожным. Делая прогнозы на будущее, констатируем, что молодежь стесняется озвучивать данные проблемы в семье и конструктивно решать их. Для них лучше сделать это вдали от всех, получить психологическую помощь и поддержку на стороне.

сы распределения обязанностей при ведении домашнего хозяйства получили также высокое количество ответов. Тревожным остается тот факт, что такие позиции, как «харасмент» (35 %), «абъюз» (76 %), домашнее насилие (80 %), насильственные традиции (45 %), репродуктивное насилие (56 %), – все связаны одной тематикой, а именно причинение вреда морального, физического, материального женщинам. Выходит, что в феминистском движении женщины ищут защиты для себя фактически уже в существующей реальности, в которой они живут. Однако при конкретизации и изменении формулировки этого же вопроса полученные ответы дают совершенно другую картину.

Иначе как объяснить тот факт, что на вопрос: «обсуждаете ли вы со своими друзьями темы феминизма» почти 60 % респондентов ответили, что «нет». Получается, что на бытовом уровне люди стараются замалчивать обсуждение тем, связанных с насилием и оказываемом давлении на личность человека в обычной жизни. Более подробная информация представлена на рисунке 2.

Подтверждают эти выводы и ответы на вопросы, связанные с популярностью современных лидеров феминистского движения. Анализ данных показал, что в качестве персоналий современные лидеры не пользуются большой популярностью, а самыми

Поскольку метод опроса через программу «Анкетолог» выявил спорные моменты в оценке правовых вопросов, то было принято решение провести анализ контента сообщений феминистских социальных групп, представленных в интернете, изучить содержание проблем, которые обсуждаются в феминистских социальных группах. В рамках исследования была изучена социальная сеть «ВКонтакте», и на ноябрь 2022 г. в ней насчитывалось около 41-й феминисткой группы (табл. 6).

Суммарное количество подписчиков этих групп 5176 чел. Из них 19 групп являются закрытыми и требуют подписки и разрешения на вход, остальные находятся в общем доступе. В ходе изучения контента социальных сетей определились наиболее популярные темы для обсуждения в феминистских социальных сообществах по количеству просмотров:

1) На первом месте тема ЛГБТК++ групп в России после принятия ст. 6.21 КОАП РФ (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений смены пола) – суммарный просмотр 2327 чел. на 27.11.22 г.

2) На втором – тема НКО и активизма в фемгруппах, а именно использование НКО как площадки для защиты прав и возможностей женщин, продвижение интересов маргинализированных сообществ, защита «цветных женщин и транс-женщин», использование интернет-сообществ для активизации феминистского движения (2300 просмотров).

3) На третьем – проблемы домашнего насилия, абъюз, сексизм и т.д. Сюда включена защита прав женщин Северного Кавказа и республик Средней Азии (1265 просмотров).

4) Суммарный просмотр историй выдающих женщин. Сюда же входят и истории женщин в ГУЛАГе и прочих подвернувшихся не-

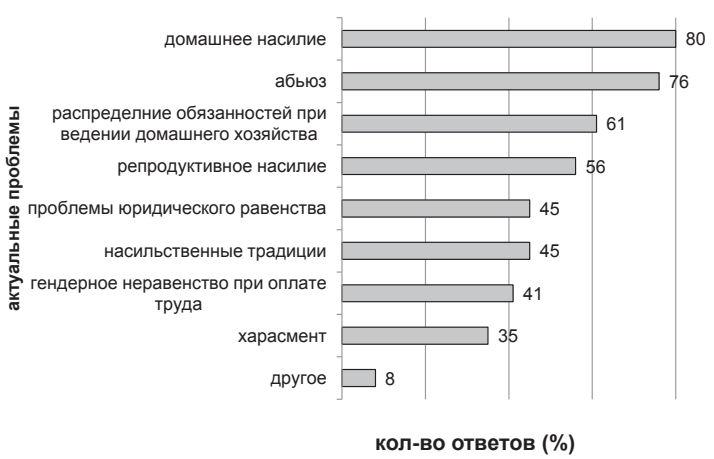

Рис. 2. Актуальность вопросов феминизма

Таблица 6

Феминистские группы в социальной сети ВКонтакте

1. КвирФемУфа (г. Уфа), (https://t.me/s/queerfem_ufa) 2. Сетевой киноклуб «Проехалась катком», (https://vk.com/proehalaskatkom) 3. Челябинская Феминистская Агитгруппа (https://vk.com/fem74) 4. Женская поддержка. Воронеж, (https://vk.com/fem_sila_vrn) 5. Феминистки Екатеринбурга в Ресурсном Центре (https://vk.com/femevent) 6. Женское дело (Смоленск), (https://vk.com/smolfem) 7. Голос женщин (г.Ростов-на-Дону) (https://vk.com/fem_rostov) 8. ТФИ «Гербера» (г.Тюмень), (https://m.vk.com/tyumenfem) 9. Феминистки Нижнего Новгорода (https://vk.com/ona_nn) 10. Либеральный феминизм в Уфе (https://vk.com/bashfe) 11. Женщина может всё. Феминистки Челябинска и области, (https://vk.com/4wfem74) 12. Феминистки Калининграда (https://vk.com/ona_kgd) 13. Екатеринбургская феминистская группа (https://vk.com/fem_ekb) 14. Фем-сообщество Екб(https://vk.com/club104013089), 15. Анонсы всех феминистских мероприятий и встреч (https://vk.com/femassociation) 16. Фем ячейка Сочи (https://vk.com/wall-98869862), 17. Группа фемподдержки Пермь (https://vk.com/club156418141) 18. Центр для женщин «Сапфо» (https://vk.com/wall-177391703_643) 19. Комсомолка (г. Комсомольск-на-Амуре) (https://vk.com/kms_fem_power) 20. СоцФем Альтернатива (г. Москва) (https://vk.com/socfemalt) 21. ФЕМ ИЗБА (Феминистки Ростова-на-Дону),(https://vk.com/video/@femyn_rnd)	22. Киноклуб Femina – фильмы женщин-режиссеров (https://vk.com/kinofem) 23. Киноклуб «Сестры по кадру» («Премьер», Пермь) (https://vk.com/sestrypokadru) 24. fem prm (г. Пермь), https://vk.com/femprm) 25. Фем-группа Астрахани (https://vk.com/femastra) 26. FEMINAPROJECT(г. Нижний Новгород), (https://vk.com/fpparty) 27. Феминизм + Красноярск (https://vk.com/fem_krsk) 28. ДагФем (https://vk.com/dagfem) 29. Фем группировка, Тольятти, (https://vk.com/femtlt) 30. ФемКызлар. Феминистки Казани и Татарстана (https://vk.com/femkazan) 31. Самарская феминистская группа (https://vk.com/femsamara) 32. Феминизм (г.Воронеж), (https://vk.com/fem_vrn) 33. Феминизм (г.Владивосток), (https://vk.com/femvl) 34. ХФК Феминизм Хабаровск, (https://vk.com/khab_fem_com) 35. Новосибирская Феминистская Группа, (https://vk.com/nskfemgroup) 36. Женская солидарность. Иркутск,(https://vk.com/fem38) 37. Феминизм. Барнаул. Алтай,(https://vk.com/feminism22) 38. Феминизм Кемерово, (https://vk.com/kemfem) 39. Феминистская среда в Томске (https://vk.com/femsredatomsk) 40. Феминистская организация "Plum". Киров. (https://vk.com/plum_kirov) 41. СНЕЖИ в Томске. (https://vk.com/snezhi_tsk) Приведены оригинальные названия групп и их адрес в интернете на ноябрь 2022 г. В городах может быть представлено несколько феминистских групп разной направленности и активности.

законным репрессиям со стороны государства (500 просмотров).

5) Наименьшее количество просмотров (152 просмотра) было у тем, поднимающих вопрос неравенства женщин при оплате труда, при приеме на работу и т.д., и юридическое неравенство.

При этом, несомненно, вызывают интерес резонансные события, в т.ч. по проблемам насилия над женщинами на Кавказе и региональные проблемы НКО, связанные с феминизмом. Просмотр этих событий в региональных группах может достигать 200, при среднем просмотре 10–15 чел.

Исходя из проведенного исследования, мы можем сделать следующие выводы:

1) было изучено 41 действующая социальная группа феминистской направленности на территории Российской Федерации. Этот факт позволяет говорить о том, что вопросы феминизма крайне популярны в молодежной среде. При этом отмечается большая активность внутри феминистских сообществ в социальных сетях, именно на местах. Исследование показало, что определяются конкурирующие и лидирующие позиции женщин по решению всех ключевых вопросов развития общества. Четко прослеживается явная демонстрация женских инициатив в вопросах заработка, ведение домашнего хозяйства, карьерного роста, службы в армии и т.д.

2) результаты исследования показали, что молодым женщинам в современных жизненных реалиях свойственен определенный феминистский «тип личности» [9; 10]. Его можно охарактеризовать как индивидуальность женщины, направленную на развитие независимых качеств, как профессиональных, так и социальных, исповедующий равноправие мужчин и женщин в обществе и отстаивающий права женщин как на общественном, так и на законодательном уровне. Однако это вовсе не означает, что этого склада женщины ринуться активно принимать участие в феминистских движениях и акциях. Контент-анализ показал, что они больше склонны к обсуждению проблем в социальных сетях и желают получить помощь у своих единомышленников. При помощи контент-анализа была выявлена еще и другая проблема: феминистские сообщества в социальных сетях могут быть использованы как площадки для пиара людей, продвигающих свои интересы, основанные на ценностях, которые идут вразрез с государственными и моральными нормами поведения и могут использовать феминистские социальные сети для раскола общества и навязывание ложных ценностей и идеалов молодым женщинам [11].

3) Анализ зарубежной и отечественной литературы по проблемам феминизма подтвердил наличие разного восприятия популярных вопросов, связан-

ных с феминизмом в России и Западной Европе. Например, проблемы юридического равенства в России не вызывают реакции среди фемгрупп. По-видимому, это связано с законодательно закрепленным равенством мужчин и женщин в российском обществе. Большое внимание привлекают проблемы социального и юридического равенства прав представителей ЛГБТК++, домашнее насилие, особенно в регионах Кавказа и Средней Азии. Вопросы, связанные с насилием со стороны государства, не привлекли внимания респондентов, ибо оно не носило выраженной гендерной направленности.

Таким образом, анализ феминистских социальных сетей позволил увидеть, что общество меняется внутри в гендерном отношении с преобладающей ролью женщин в обществе как в численном, так и в социальном плане. «Важно отслеживать такие моменты с тем, чтобы предвидеть вектора развития социокультурного окружения и феминистского общественного движения» [13].

Новые лидирующие позиции женщин в обществе ставят новые вызовы, которые придется решать в современном российском социуме и в мире.

Литература:

1. Гидденс С., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 336 с.
2. Мэтью О. Джексон. Человеческие сети. – М.: Изд-во АСТ: Corpus, 2021. – 480 с.
3. Хоффер Э. Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения / Пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2020. – 200 с.
4. Джи Т.Дж., Фрейя Р. Что бы сказали знаменитые феминистки? Как Вирджиния Вульф, Симона де Боуар и Роза Люксембург решали бы проблемы современных женщин / Пер. с анг. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 192 с.
5. Волкова Е.В., Васильев Г.И. Социальная типология личности с позиций либертарианской идеологии в современном обществе // Управление устойчивым развитием. – 2022. – Вып. 4(33). – С. 90–96.
6. Пузанова Ж.В., Троцюк И.В., Витковская М.И. Практикум по курсу «Методология и методика социологических исследований». – М: Издательский дом «Высшее образование и наука», 2016. – 272 с.
7. Алексеев С.А. Применение информационных технологий в анализе количественных данных: учеб.-метод. пособие. – Казань: Отечество, 2022. – 100 с.
8. Газизулина Л.Р. Реализация концептов насилие и violence в дидактических текстах школьной литературы на материале русского и американского варианта английского языка: дисс. … канд. филол. наук. – Казань, 2013. – 215 с.
9. Волкова Е.В. Социальная типология личности: современный формат // Управление устойчивым развитием. – 2021. – № 2(33). – С. 90–95.
10. Волкова Е.В. Научный генезис феномена «личность» // Перспективы науки. – 2020. – Вып. 4. – С. 164–168.
11. Волкова Е.В. Анализ ценностных ориентаций // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 3 (108). – С. 55–61.
12. Ценности и поведение: Кросс-культурный подход: монография / пер. с англ. О.В. Панасьева / Под ред. Роккас С., Сагив Л. – СПб.: Изд-во: ИПП Гуманитарный центр, 2022. – 332 с.
13. Волкова Е.В. Феминизмы как социальные маркеры языка // Казанская наука. – 2022. – № 10. – С. 130–133.

Human Nets: the Analysis of Social Networking Sites of Women Liberation Movement of Tatarstan Republic

Volkova E.V., Vasilyev G.I.
Kazan National Research Technological University

The article is focused on identifying feminist views among young women, their ambitions regarding their realization in everyday life. The scientific novelty of the study lies in the fact that a correlation between femininity prescribed by society and the behavior of activists of feminist groups was identified for the first time. The above mentioned dependence was determined on the base of the results of a survey and study of social networks. It was identified that, at the present time, in Russia, a certain feminist type of personality is developed among women, which is characterized by the image of a fighter for women's rights in the modern world, supporting full equality both men and women in all spheres of life. They are ready to take on a leading role in the family and professional sphere to realize their plans. Using methods of content and discourse analysis, it was revealed that the most discussed topics are related to domestic violence and the problem of non-commercial organizations.

Key words: feminism, femininity, masculinity, social networks, a feminist type of a personality, a social typology, feminist communities

УДК 314.7

Особенность российской государственной идеологической системы. Её характеристика и структура

Галеев А.Р.
Аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), специалист Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ (Москва)

Статья посвящена проблеме формирования и развития в России государственно-национальной идеологии. Автор, опираясь на историческое прошлое нашей страны, делает вывод, что начало полноценной государственной идеологии заложили в XVI в. Иван III и Иван IV Грозный. Далее национально-государственные идеи в России развивались в зависимости как от внешнеполитических, так и от внутриполитических обстоятельств. Марксиско-ленинская идеология, ставшая государственной в XX в., по мнению автора, сыграла значительную роль в развитии России. Она создала предпосылки для альтернативного поступательного социально-экономического движения России и других наций, хотя была упразднена в 1991 г. как единственная политическая идеология. В итоге автор приходит к выводу, что в России идеологический фундамент имманентен, независимо от того признается он правящей элитой или нет.

В статье рассматривается и еще такой аспект, как характеристика и анализ национальной идеи. Дается анализ основных элементов (идеологем), которые имеют название идеологический фактор, из которых и могут составляться различные варианты государственных идеологий. Выделяются три основных фактора: 1) религиозный, 2) географический, 3) этнический. В рамках рассмотрения географического фактора дается обзор евразийской теории.

Ключевые слова: государственная идеология, национальная идея, евразийство, географический фактор, идеологема, «официальная народность»

Вопросы национальной или государственной идеологии изучены вполне основательно, и мы не считаем нужным перечислять всю довольно обширную библиографию, однако достаточно вспомнить недавние крупные исследования В.Э. Багдасаряна, С.С. Сулакшина и Г.И. Мусихина [1; 2], которые представляют интерес для данной тематики. Тем не менее, на наш взгляд, многие проблемы недостаточно глубоко затронуты в научной литературе, например, суть истоков российской национальной идеологии, место в ней религиозного фактора или географического. Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка по-особому взглянуть на спектр вышеназванных проблем.

Истоки формирования российской идеологии

Социально-этнические процессы в современной России связанны с её прошлым. Наше государство изначально складывалось как полиэтническое сообщество в определенной климатической зоне и на определенном географическом ландшафте. В основном территория России находится в умеренно-континентальном поясе, которому присуща зона рискованного хозяйствования. Будь это земледелие или кочевое скотоводство.

Оформляться наше государство и приобретать свой облик стало в правление Ивана III (1462–1505 гг.) и особенно Ивана IV (1533–1584 гг.). В период нахождения этих монархов во главе страны и был заложен, на наш взгляд, тот фундамент на ко-

тором базируется и современная Российская Федерация.

Несомненно, в более древний период истории Руси основополагающую роль сыграл князь Владимир, крестивший Русь в 988 г. и, собственно говоря, поспособствовал созданию философско-политического уклада России, дожившего со всеми трансформациями до настоящего времени. Князья Олег, Ольга, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской и др. так же немало сделали в области формирования национальной и государственной идеи, иногда сами становясь их частью. Но тем не менее идея при них находилась на стадии формирования. Например, понимание термина «Русь», обозначилось в произведении «Слово о полку Игореве». «Русь» является и сакральным духовным местом, и одновременно территорией т.е. «землей русской» [3, с. 10, 14].

Итак, Иван III освободился от зависимости Золотой Орды, женился на Софье Палеолог – византийской царевне и начал строить собственное государство. Принял герб – двуглавый орел, принял титул – «Государь всея России», развернул процесс собирания Руси, т.е. тех земель, которые еще в древности составляли Киевскую Русь. Однако одним из самых значимых его действий явилось то, что он заложил идеологические основы для укрепления и расширения своих владений.

Обосновал свою деятельность Иван III тем, что его жена, а значит, он и его дети – наследники Византийской империи. Хотя она к тому времени была захвачена турками в 1453 г. [4, с. 18]. Необходимо напомнить, что Византия – это восточная часть Римской империи, которая исповедовала восточное православное христианство.

Папа римский надеялся через Софию Палеолог православного князя Ивана III склонить к унии с католиками и тем самым культурно и идеологически подчинить себе Московское княжество. Однако Иван III, обвенчавшись с Софьей, решительно отклонил эту идею [5, с. 147].

Дипломатические отношения Ивана III с мусульманами достигли в тот период наибольшего расцвета, благодаря этому ему удалось привлечь на свою сторону многих правителей стран – осколков Золотой Орды (Казанского ханства, Сибирского ханства, ногайцев и т.д.) [5, с. 151–152].

Сын Ивана III, Василий III, и особенно его внук, Иван IV Грозный, фактически продолжили дело Ивана III, а Иван Грозный в 1497 г. принимает титул «царь», заложив новую идеологическую основу – «Москва – Третий Рим». Хотя эту идеологему предложил Василию III псковский монах Филофей в 1511 г., но Иван Грозный делает её государственной идеологией [5, с. 160].

И действительно, в Иване IV Грозном текла кровь византийских императоров наиболее влиятельной династии Палеологов и кровь русских князей Рюриковичей. Согласно средневековым обычаям, Иван Грозный имел право теперь на восточные земли, бывшие владения Золотой Орды, западные русские земли, входящие в состав Великого княжества Литовского, и южные земли – бывшие владения Византийской империи. Под эту идеологию Иваном IV создается новый свод законов (Судебник 1550 г.) [6]. Особый интерес для нашего исследования представляет Лицевой летописный свод или, как его называли современники, «Царь-книга». Это летописное произведение, созданное в начале 70-х гг. XVI в. Оно насчитывает 10 томов, где история России вплетается в мировую историю и отмечается её особая мессианская роль [7]. Заложенную им идеологию государства царь передает через тексты и осуществляет через внутреннюю и внешнюю политику. Текстов Иван IV оставил значительное количество – это переписка с Андреем Курбским и Елизаветой I, королевой Англии, послания шведским монархам, игуменам монастырей и т.д. [8].

Идеологические искания некоторых правителей России – это процесс, растянутый во времени, который пронизывает всю нашу историю. В нем мы наблюдаем значительное количество поворотов, которые оказывали влияние как на отечественную, так и на мировую историю. При сыне Ивана Грозного Федоре Ивановиче в Москве был выбран первый русский патриарх Иов. Произошло значительное событие для российской государственности. Была окончательно сакрализирована власть царя, которую поддерживал патриарх, глава православной церкви.

Смута в начале XVII в. показала в довольно гипертрофированном виде, насколько в российском обществе, во всей его вертикали существует проблема утраты или перехода высшей власти. Феномен этот ярко проявился после смерти бездетного Федора Ивановича и царевича Дмитрия Ивановича. Переход к новой династии сопровождался падением государственности, гражданской войной, польской и шведской интервенцией.

Тем не менее идеи государственного характера, возникшие еще при Иване III и Иване IV Грозном, были подхвачены их преемниками. Несмотря на то что династия Рюриковичей прервалась, новая династия Романовых восприняла их идеи после Смуты и возвела на государственный уровень, значительно трансформировав и дополнив.

Нелишне здесь отметить кризисное, на наш взгляд, явление, которое поколебало устои русской православной церкви и сакральности фигуры царя в социокультурном контексте. Речь идет о расколе середины XVII в. Это выливается в бунты и восстания, причем не всегда связанные с церковной реформой. Тем не менее часть населения уходит в раскол, ассоциируя себя с мучениками за веру.

Через столетие Россия превращается в империю мирового значения. И здесь так же большую роль сыграли личности (Алексей Михайлович, Петр I, Екатерина II, Александр I и Александр II и др.), которые строили Россию в соответствии с определенными идеологическими установками.

В XX в. Россия становится государством нового типа, основанном на идее всеобщего равенства. Речь идет об СССР и марксистко-ленинской идеологии, которая имеет в своей основе диалектический материализм. Переход к такому государственному устройству повлиял на мировой процесс в целом. Изменил во многом социальный ландшафт планеты. А марксистко-ленинская теория вышла далеко за пределы страны и считалась одной из самых влиятельных идеологических систем.

Советский Союз достиг значительных политических и экономических результатов в свое время, однако вскоре был разрушен в результате, как считают некоторые исследователи, падения влияния своих идей на население страны и последовавшего за этим экономического кризиса.

Несмотря на падение влияния марксизма, после распада СССР в 1991 г., наблюдаются дискуссии в интеллектуальной сфере по поводу этой философской системы [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что в исторической перспективе в России с самого начала её существования, как государственного образования имелись идеологические установки, которые так или иначе, создавали для населения связующий элемент. Он и давал российскому социуму способность выживать и развиваться в сложные исторические периоды.

Структурный анализ идеологии

Однако если рассматривать нашу проблему шире, то можно убедиться, что любое государство не способно существовать без определенных идеологических основ. Так складывались, и это можно проследить, национальные идеологии практически всех существующих государств и народов.

Здесь необходимо определить, что мы понимаем в данном случае под термином «нация». Поскольку существуют понятия, такие как «нация» и «национальность», то термин «нация» мы определяем как население, живущее в рамках определенного государства, т.е. это слово имеет политическое значение. Если рассматривать этот термин с точки зрения этнологии, то это народ, связанный социально-культурным и антропологическим аспектами [10].

И в контексте данной статьи мы под «национальной идеей» понимаем идею политической нации, которая близка к понятию «государственная идеология». В России тем не менее вопросы этнические очень тесно переплетены с национальными идеями, о чем будет сказано ниже.

Ещё мы считаем, что в рамках данной работы необходимо рассмотреть факторы или идеологемы, влияющие на формирование государственной или национальной идеи.

1. Роль религии в формировании национальной идеи

Одним из главных факторов, который может быть тесно связан с национальной идеологией, – это религия. И это утверждение требует специального разъяснения. Отдельно существует понятие «религиозная идеология» или «религиозная философия», но данные темы в задачи настоящего исследования пока не входят по причине их масштабности. Однако, наше утверждение, что религия может являться элементом идеологической системы, вполне объяснимо. Существуют такие политические идеологии, которые несут в себе идеи социального характера, они могут базироваться на материалистической основе или даже отрицать какие-либо религиозные истины. Однако если углубиться в концепции любой философско-политической системы, например, социализма, то в ней можно увидеть завуалированные религиозные догматы, в частности, библейские, о всеобщем равенстве, справедливости, милосердии и т.д. Несомненно, эти моральные ценности присущи обществу как таковому, и их присутствие в любой идеологической системе вполне логично.

Однако существуют государственные идеи, напрямую связанные и с этносом, и с религией. Например, в Японии, Израиле и др. Это нации со своей особой религиозной системой, которые выживают, развиваются и существуют как государство и этнос [11].

В конституциях многих стран упоминается Священное писание, Бог и другие подобные смысловые выражения, отсылающие к тому, что религиозный принцип политического мировоззрения играет здесь значительную роль. Так, в российской Конституции в ст. 67[1] говорится следующее: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [12, с. 19].

Существуют и полностью теократические страны, где главой государства является духовное лицо (например, Ватикан), а английский монарх в англиканской церкви считается её главой.

В истории России также не обошлось без религиозного фактора в официальной идеологии. Самый значимым было создание теорий «Москва – Третий Рим» в XVI в. и официальной народности в XIX в. Теория официальной народности была сформулирована министром народного просвещения С.С. Уваровым и профессором Московского университета М.П. Погодиным в правление Николая I. Это была реакция на революционную обстановку в Европе. Теория сводится к формуле триединства «Православие, самодержавие, народность». По сути, данная идея была направлена на слияние власти и народа

на духовно-религиозной основе, в частности, православии [13, с. 38].

И если первая идея «Москва – Третий Рим» была в свое время актуальна, положительно воспринята и получила дальнейшее развитие, то уваровская идея в образованной общественной среде середины XIX в. оказалась несостоятельной по причине своего крайнего консерватизма и хождения в России революционных идей различного толка [14, с. 81].

2. Этнический вопрос и национальная идея

Один из самых сложных вопросов – это присутствие этнического компонента в национальной идее. Этнический вопрос и сегодня является в России и во всем мире одним из главных. Мировая практика показывает, на примере гитлеровской Германии, что к этой проблеме нужно относиться с определенной ответственностью. Русский философ конца XIX – начала XX вв. В.С. Соловьев в своей работе «Национальный вопрос в России» поднимает довольно сложные стороны этой проблемы. Им затронут широкий спектр понятий, таких как патриотизм, национальные интересы, политика и мораль. Интерес представляет его следующее суждение, которое непосредственно касается нашей темы: «никто… не заботится так много, как англичане, о своих национальных и государственных интересах. Всем известно, как ради этих интересов богатые и властительные англичане морят голодом ирландцев, давят индусов, насильно отравляют опиумом китайцев, грабят Египет. Несомненно, все эти дела внушены заботой о национальных интересах…» [15, с. 11–12].

Немцы, как считает В.С. Соловьев, ассимилировали многие славянские народы, такие как пруссы и полабы, разрушив их культуру. Таким образом, резюмирует философ: «… эмпирик англичанин имеет дело с фактами, мыслитель немец с идеей: один грабит и давит народы, другой уничтожает в них самую народность … Плод германского национализма – насильственное онемечение соседей от времен тевтонских рыцарей и до наших дней…». Такое положение дел автор называет «международным людоедством» [15, с. 13, 15].

Мы остановились на данной проблеме в связи с тем, что здесь кроется очень важный момент, а именно моральный фактор при исследовании понятия «национальная идея». Поскольку мир долгое время сталкивается с проблемой крайнего национализма, то нам необходимо установить связь национальной идей с этничностью. Вполне очевидно, что национальные идеи *этнического* характера приемлемы для моноэтнических государств, тогда как для империй или полиэтнических стран такого типа национальные идеи либо вообще неприемлемы и разрушительны, либо будут играть роль слабую и не создадут полноценную философскую концепцию, вмещающую всё культурное многообразие представителей народов, являющихся его гражданами. К такому полиэтничному государству, несомненно, относится и Российская Федерация, насчитывающая на своей территории более 190 многочисленных народов и малочисленных этнических групп.

3. Географический фактор

Географический фактор также представляет особый интерес в идеологемах многих государств или даже политических союзов (например, атлантизм, евразийство, европейство и т.д.). Японцы, англичане, ирландцы и др. иногда ассоциируют себя, как островные народы и государства. Шотландцы называя себя горцами, а многие среднеазиатские народы, в прошлом кочевые, олицетворяли себя со степью.

С этим связано в некоторой степени и формирование такой идеологической и научной концепции, как «евразийство». На сегодняшний день она претендует на роль национальной идеологической основы России. Остановимся на ней подробно. Об этом идейно-культурологическом течении написано много исследований [16–18]. Тем не менее нам необходимо затронуть суть евразийства. Возникло оно в 20-е гг. XX в. в русской эмигрантской среде. Основными зачинателями и теоретиками этого движения были географ и культуролог П.Н. Савицкий, историк, философ и лингвист князь Н.С. Трубецкой, православный философ и историк Л.П. Карсавин и др. [19, с. 149].

Основные положения евразийской концепции сводятся к таким идеям относительно России, как:

1. Особое значение географии России, влияние её на историю и культуру.

2. Россия – уникальная культура, состоящая из множества культур славянских, финно-угорских, тюркских и других азиатских народов.

3. Отход от европоцентризма – антизападничество.

Эти идейные концепции начали формироваться еще в дореволюционной России. Например, в работах славянофилов. А противопоставление России и Европы мы находим в книге Н.Я. Данилевского, написанной еще в 1871 г. и переизданной множество раз. С этой работы берет свое начало и цивилизационный научно-исторический подход, а также учение о культурно-исторических типах [20].

Тем не менее, несмотря на множество проблем, евразийская теория прослеживается в работах известного историка и этнолога Л.Н. Гумилева [21–23].

На сегодняшний день, ярким представителем евразийства является А.Г. Дугин, автор многих философских и политологических трудов, взгляды которого в некоторых случаях поддерживают современную государственную политику [24–26].

Выводы

В завершении необходимо добавить, что поиском и формулированием национальной идеи занимались многие писатели, мыслители и философы, не упомянутые в статье. Это Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н. Бердяев, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и

др., это и представители национальных культурных элит, которые также представляют особый интерес и требуют специального анализа и изучения. Однако данная тематика довольно подробно изучена в трудах культурологов, литераторов и философов. Она попадает, по нашему мнению, под понятие «общественная мысль», что выходит за рамки нашего исследования.

Таким образом, в данной статье мы сделали попытку разобрать две проблемы. Во-первых, это зарождение государственной и национальной идеи в России, начиная с эпохи создания Московского государства Иваном III и её последующего развития при Иване IV Грозным.

Во-вторых, дали характеристику и анализ структуры национальной или государственной идеи. По сути, выясняется, что национальная идея содержит в себе несколько главных элементов (факторов):

1. Религия (отрицание или наличие со своими особенностями).

2. Этничность (интернационализм или национализм).

3. География (географический ландшафт и культура).

Попутно коснулись, терминологии таких понятий, как «государственная идеология» и «национальная идея», где выявили их идентичность.

Литература:

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. Серия «Политическая аксиология» – М.: Научный эксперт, 2012. – 622 с.
2. Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.
3. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве – М.: Художественная литература, 1985. – 352 с.
4. Алексеев Ю.Г. Иван Великий. Первый «Государь всея Руси» – М.: Яуза, 2017. – 320 с.
5. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – М.: Алгоритм, 2014. – 336 с.
6. Судебники XV–XVI веков / Под общ. ред. [и предисл.] акад. Б.Д. Грекова. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 619 с.
7. Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI в. – М.: Индрик, 2005. – 285 с.
8. Иван IV Грозный. Сочинения. – СПб.: Азбука-классика, 2009. – 243 с.
9. Кремлева Е.А., Бенц Д.С. и др. Актуальность учений марксизма в современном мире. 200-летию К. Маркса посвящается // Вестник Челябинского государственного университета. – 2018 – № 7(417). – Вып. 6 – С. 184–191.
10. Тишков В.А. Нация // Большая российская энциклопедия. – URL: https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2253708.
11. Накорчевский А.А. Синто. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 443 с.
12. Конституция Российской Федерации. – М.: Проспект, 2020. – 64 с.
13. Гайда Ф.А. «Православие» в триаде С.С. Уварова // Вестник ПСТГУ. – 2021. – Серия II. – Вып. 100. – С. 32–46.
14. Удалов С.В. Теория официальной народности: механизмы внедрения // Освободительное движение в России. – 2006. – Вып. 21. – С. 73–81.
15. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – М.: АСТ, 2007. – 506 с.
16. Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». – М.: Памятники исторической мысли, 1997 – 349 с.
17. Ключников С. Русский узел евразийства // Наш современник. – 1992. – № 3. – С. 174–180.
18. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М.: Наука, 1992. – 398 с.
19. Цепилова В.И. Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1904–2004 гг.). – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005. – 291 с.
20. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
21. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 763 с.
22. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: ООО Изд-во АСТ, 2002. – 392 с.
23. Гумилев Л.Н. Древние тюрки – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993. – 510 с.
24. Дугин А.Г. Основы евразийства. – М.: «Арктогея центр», 2002. – 800 с.
25. Дугин А.Г. Социология русского общества: Россия между Хаосом и Логосом – М.: Гаудеамус: Академический проект, 2011. – 582 с.
26. Дугин А.Г. Евразийский реванш России, М.: Алгоритм, 2014. – 254 с.

The Peculiarity of the Russian State Ideological System. Its Characteristics and Structure

Galeev A.R.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

This article is devoted to the problem of the formation and development of state-national ideology in Russia. The author, relying on the historical past of our country, concludes that the beginning of a full-fledged state ideology was laid in the XVI century. Ivan III and Ivan IV the Terrible. Further, national-state ideas in Russia developed depending on both foreign policy and domestic political circumstances. The Marxist-Leninist ideology, which became the state ideology, in the twentieth century, according to the author, played a significant role in the development of Russia. It created the prerequisites for an alternative progressive socio-economic movement of Russia and other nations, although it was abolished in 1991 as the only political ideology. As a result, the author comes to the conclusion that in Russia the ideological foundation is immanent, regardless of whether it is recognized by the ruling elite or not.

The article also considers such an aspect as the characteristic and analysis of the national idea. The analysis of the main elements (ideologems), which are called the ideological factor, from which various variants of state ideologies can be compiled, is given. There are three main factors: 1) religious, 2) geographical, 3) ethnic. As part of the consideration of the geographical factor, an overview of the Eurasian theory is given.

Key words: State ideology, national idea, Eurasianism, geographical factor, ideologeme, «official nationality»

УДК 316.444

Межрегиональная образовательная мобильность в РФ при поступлении в бакалавриат

Гарафиев И.З.
Кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой инновационного предпринимательства права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета

В статье на основе данных статической отчетности по форме «ВПО-1» за 2021–2022 гг. выявлены центры межрегиональной образовательной мобильности. Результаты кластеризации регионов по модели гауссовой смеси (GMM) подтвердили наличие двух общероссийских центров – г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, и выявили только один субрегиональный центр – Новосибирскую область. Большая доля студентов из других регионов в ряде субъектов РФ объясняется оттоком из них «своих» абитуриентов, тогда как относительно развитая региональная система высшего образования, в свою очередь, привлекает абитуриентов из соседних регионов.

Ключевые слова: межрегиональная мобильность, образовательная мобильность, студенческая молодежь, человеческий капитал региона

Молодежь как часть общества имеет уникальные особенности, которые выделяют ее среди других социальных групп. Социализация молодежи во многом происходит через процесс обучения, реализация которого при определенных обстоятельствах требует смены места жительства. Образовательная миграция как внутри страны, так и за ее пределы становится особенно распространенной при получении высшего образования, так как это связано с наступлением совершеннолетия и возможностью начать самостоятельную жизнь вдали от родителей.

В современной российской действительности сама система приема в вузы способствует развитию межрегиональной образовательной мобильности. Одинаковые условия поступления в вузы на основе баллов ЕГЭ и возможность подать документы онлайн в несколько учебных заведений сразу предоставили российским абитуриентам широкий выбор вузов и/или регионов для получения высшего образования.

Университеты являются мощным аттрактором молодежи, оставаясь основным ресурсом сохранения и привлечения талантов в регионы [1]. Человеческий капитал региона формируется за счет различных миграционных потоков, данные российской статистики представлены в разрезе международной и внутрироссийской миграции, последняя подразделяется на внутрирегиональную и межрегиональную [2]. Студенты и молодежь по-разному рациональны в своем переезде, их мотивирует возможность наращивания человеческого капитала и возможности начать карьеру, тогда как другие факторы для них незначимы [3].

Следует выделить ряд работ о направленности потоков межрегиональной образовательной миграционной мобильности. Их условно можно разделить на основе данных, которые авторы использовали для анализа: результаты Всероссийской переписи 2010 г. [3], сравнения потоков выпускников школ и студентов, зачисленных на 1 курс очной формы обучения в вузы региона сразу после окончания школы [1; 4], данные статистической отчетности ВПО-1 [5].

Целью нашей работы был анализ межрегиональной образовательной мобильности в РФ при поступлении в бакалавриат.

Форма ВПО-1 представлена отдельно для каждого региона в разрезе форм обучения (очная, очно-заочная и заочная) и типов вузов (государственные или негосударственные вузы). Такое распределение информации приводит к тому, что по большинству регионов предоставлено шесть исходных файлов

в формате *xls*, названия которых содержат имя региона и указания форм обучения и типа вуза. Информация о студентах, принятых на первый курс, в каждом файле содержатся на двух разных листах *MS Excel*, под именами: «P2_1_1» и «P2_1_1(2)». С помощью скрипта на языке программирования Python все исходные файлы были объединены в один датасет за два года 2021 и 2022 гг., после это мы создали ряд новый переменных: число студентов, принятых на первый курс, получивших образование в своем регионе в целом, поступающих на бюджетную или внебюджетную форму обучения. В статье для анализа используется датасет, включающий следующие переменные: «*region*» – субъект РФ, «*mezhregionalnaya_mobilnost_all_budget*» – коэффициент межрегиональной мобильности студентов бюджетной формы обучения, «*mezhregionalnaya_mobilnost_vne_budget*» – коэффициент межрегиональной мобильности студентов внебюджетной формы обучения. Все коэффициенты межрегиональной мобильности студентов вычисляются как соотношение студентов, получивших среднее образование в другом регионе, к студентам, получившим среднее образование в своем регионе и другом регионе. Из расчета коэффициентов межрегиональной мобильности студентов были исключены студенты, получившие образование в другом государстве и иностранцы, так как они показывают межгосударственную мобильность, а не межрегиональную мобильность.

Обработка и анализ данных осуществлилась на основе библиотек *pandas, numpy, matplotlib, seaborn, sklearn* для языка программирования общего назначения *Python*. Для выявления типологии регионов использовался метод кластеризации – модель гауссовой смеси (*GMM*). Эта модель предполагает, что кластеры можно моделировать с использованием распределения Гаусса.

Для определения оптимального числа кластеров нами использовался Байесовский информационный критерий (*BIC*) и *elbow method* («метод согнутого колена», он же «метод каменистой осыпи»), после этого рассчитывался коэффициент силуэта – это параметр, определяемый для оценки качества кластеров, созданных алгоритмом, баллы изменяются от -1 до +1, чем выше оценка силуэта, тем лучше модель.

Коэффициенты модели по двум параметрам (коэффициенты межрегиональной мобильности студентов бюджетной и внебюджетной формы обучения) составили 0,49 для 2 кластеров, 0,42 для 3 кластеров, 0,39 для 4 кластеров, 0,28 для 5 кластеров, 0,34 для 6 кластеров, 0,32 для 7 кластеров. Мы визуализировали полученные модели с заданным количеством кластеров от 2 до 3 (рис. 1), полученные результаты показывают, что по модели с заданным количеством кластеров 2 сложно идентифицировать кластеры, регионы разделены на кластеры в хаотичном порядке. В модели с заданным количеством кластеров 3 четко проявляется 14 регионов, находящихся в правой верхней части квадрата. Модели с большим числом кластеров имеют меньший коэффициент значимости модели, для типологизации регионов мы остановились на модели с заданным количеством кластеров 3, в ней проанализировали только один кластер, в который выделились центры межрегиональной мобильности студентов.

В исследуемую группу вошли 14 регионов: Владимирская область, Воронежская область, Еврейская автономная область, Ленинградская область, Новгородская область, Новосибирская область, Республика Адыгея, Республика Хакасия, Ульяновская область, Чувашская Республика, Чукотский автономный округ, г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь. В этих регионах коэффициент межрегиональной мобильности студентов бюджетной формы обучения находится в пределах 0,05–0,3, а коэффициент межрегиональной мобильности студентов внебюджетной формы обучения находится в пределах 0,43–0,13.

Здесь следует выделить малочисленные регионы – Еврейская автономная область с 663 студентами и Чукотский автономный округ с 72 студентами, принятыми на 1 курс. Исключив эти регионы из кластера, мы все остальные регионы можем интерпретировать как центры межрегиональной студенческой мобильности. Но некоторые регионы мы не можем рассматривать в качестве самостоятельных центров межрегиональной студенческой мобильности, они показывают высокий уровень студенческой межрегиональной мобильности из-за географической близости к регионам с большим количеством студентов, принятых на первый курс. Поэтому можно выделить несколько центров межрегиональной мобильности. В соответствии с особенностями российской

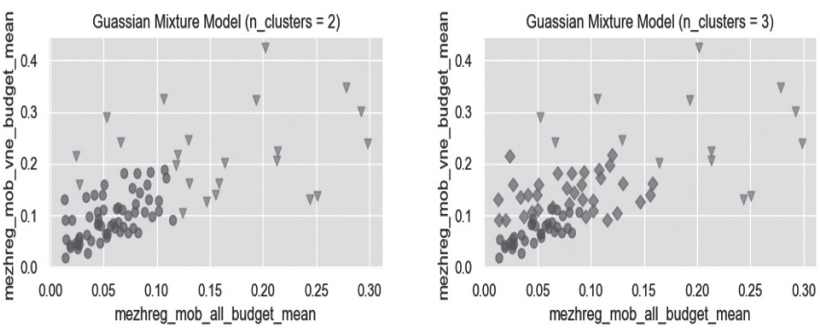

Рис. 1. Распределение 2-3 кластеров модели гауссовой смеси (*GMM*) по двум параметрам (коэффициенты межрегиональной мобильности студентов бюджетной и внебюджетной формы обучения)

системы высшего образования, в которой наибольшее количество студентов принимается в вузы, расположенные в г. Москва и в г. Санкт-Петербург, два этих региона являются центрами межрегиональной мобильности для всей страны. Для северо-западных регионов центрами межрегиональной мобильности являются г. Санкт-Петербург, Новгородская область, Ленинградская область. Для центральных регионов центрами межрегиональной мобильности являются г. Москва, Владимирская область. Для сибирских регионов и регионов Дальнего Востока центром межрегиональной мобильности является Новосибирская область.

Остальные регионы, вошедшие в группу, не следует рассматривать как общероссийские центры межрегиональной образовательной мобильности.

Так, в исследуемую группу попали три региона юга России (Республика Адыгея, г. Севастополь, Воронежская область) и два региона из Приволжского федерального округа (Чувашская республика и Ульяновская область). Во многом высокие коэффициенты межрегиональной мобильности студентов бюджетной и/или внебюджетной формы обучения данных регионов обусловлены сочетанием двух факторов: низкой долей абитуриентов из своих регионов и развитой системой высшего образования в своем регионе. Республика Хакасия с численностью студентов, принятых на 1 курс, равной 2792 чел., с малочисленным населением является центром межрегиональной мобильности для абитуриентов более многочисленных субъектов РФ, с которыми она граничит, – Красноярского края и Кемеровской области.

Подводя итог, отметим, что результаты анализа межрегиональной образовательной мобильности студентов бакалавриата подтвердили наличие двух общероссийских центров – г. Москвы и г. Санкт-Петербурга и выявили только один субрегиональный центр – Новосибирскую область для сибирских регионов. Большая доля студентов в ряде субъектов РФ объясняется оттоком из них своих абитуриентов в другие регионы при наличии относительно развитой системы высшего образования в регионе. Полученные выводы в будущем будут сопоставлены с результатами исследований межрегиональной образовательной мобильности студентов в разрезе других уровней обучения (специалитет, магистратура) или форм обучения (очная, очно-заочная, заочная).

Литература:

1. Габдрахманов Н., Никифорова Н., Лешуков О. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. – 2019. – № 5. – С. 4–42.
2. Гарафиев И.З. Межрегиональные миграционные потоки как фактор развития человеческого капитала Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 4. – С. 139–142.
3. Vakulenko E., Mkrtchyan N. Factors of interregional migration in Russia disaggregated by age // Applied Spatial Analysis and Policy. – 2020. – № 3 (13). – P. 609–630
4. Козлов Д., Платонова Д., Лешуков О. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 32 с.
5. Питухин Е.А. [и др.]. Образовательная миграция в регионах России: статистический подход // Высшее образование в России. – 2023. – № 8–9 (32). – С. 48–69.

Interregional Educational Mobility in the Russian Federation Upon Admission to a Bachelor's Degree

Garafiev I.Z.
Kazan National Research Technological University

The article identifies the centers of interregional educational mobility based on the data of static reporting in the form "VPO-1" for 2021–2022. The results of clustering of regions using the Gaussian mixture model (GMM) confirmed the presence of two all – Russian centers – Moscow and St. Petersburg, and identified only one sub-regional center – the Novosibirsk region. A large proportion of students from other regions in a number of subjects of the Russian Federation is explained by the outflow of "their" applicants from them, whereas the relatively developed regional higher education system, in turn, attracts applicants from neighboring regions.

Key words: interregional mobility, educational mobility, student youth, regional human capital

УДК 316.3

Социализация детей мигрантов: теоретический анализ

Ибрагимова А.А.
Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Центра исламоведческих исследований Академии наук РТ,
доцент кафедры менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В статье осуществлен теоретический анализ литературы по изучению процесса социализации и адаптации детей мигрантов. Было выявлено, что исследование данного процесса является актуальным, но рассматривается чаще всего в контексте оказания помощи со стороны государства и образовательных учреждений, оставляя без должного внимания изучения процесса с точки зрения возникновения «культурной травмы» и влияния семьи на успешность как адаптации, так и «религиозной социализации».

Ключевые слова: социализация, адаптация, мигранты, идентичность, культурная травма, шок, религиозная социализация

Социализационный и адаптационный процессы детей мигрантов в современных реалиях российского общества носят сложный многоуровневый характер. Они требуют учета значительного количества факторов, на них влияющих [1]: регионального компонента, социального статуса, миграционных траекторий семьи, межпоколенной трансмиссии ценности семьи, возраста детей мигрантов, поколения мигрантов и т.д.

Мигранты и их дети сталкиваются с рядом проблем в постоянно меняющихся условиях в отношении формальной оценки их идентичности и гражданства, условий их жизни и их отношения к местному сообществу. Миграционный путь является сложным процессом жизненного перехода и влечет за собой ежедневное обучение в стремлении адаптироваться к новым условиям. С учетом того, что на детей мигрантов воздействие оказывают две культуры, с разным религиозным стержнем, социальные процессы могут протекать по разным направлениям:

1) происходит усвоение (поддержка, передача) ценностей и норм этнической культуры и религии;

2) происходит освоение норм и ценностей культуры и религии принимающего общества;

3) происходит принятие норм и ценностей принимающего общества, которые не связаны с религиозной сферой, а являются некой «буферной» «общечеловеческой» культурой (например, ценности семьи, получения хорошего образования и т.д.).

Итак, в социализации детей-мигрантов можно выделить несколько составляющих, а именно «этноконфессиональную, интеграционную и "общечеловеческую"» [2].

По причине того, что в современных реалиях фокус проблем миграционной политики смещается в социально-культурную сферу, в отечественной и иностранной научной литературе большое внимание уделяют изучению процессов социализации и адаптации.

Качественные методы исследования адаптации и адаптационных процессов детей мигрантов позволяют рассматривать долгосрочное приобретение эксплицитного поведения, имплицитных представлений, адаптацию к социокультурной среде и успешность в образовании как задачи трудных аспектов адаптации. Например, сравнив эти три процесса, китайская исследовательская группа разработала теорию адаптации детей-мигрантов, согласно которой в процессе адаптации дети-мигранты сталкиваются с четырьмя стадиями развития: возбуждение и любопытство, шок и сопротивление, исследование и адаптация и, наконец, интеграция и ассимиляция [3]. Это напоминает концепцию социокультурной травмы, разработанную П. Штомпкой [4]. Согласно данной концепции, человек сталкивается с культур-

ной травмой, которая рассматривается через понятие «шок», когда мигранты оказываются во власти новой культуры, иными словами, социализированная культура мигранта вступает во взаимодействие с культурной средой, в которой он оказался. В данном аспекте можно говорить о том, что территориальная мобильность мигранта в ареал иной культуры может привести к плохой приспособленности к новой принимаемой среде. Но стоит отметить, что сами культурные несоответствия или несовместимости не обязательно ведут к культурным травмам.

В современной научной литературе чаще всего социализацию детей мигрантов рассматривают в контексте оказания помощи со стороны государства и образовательных учреждений в освоении языка и адаптации в образовательной среде, оставляя без должного внимания влияние семьи и рассмотрение вопросов социализации, воспитания, социальной адаптации, инкультурации с учетом религиозной сферы. В успешной социализации детей мигрантов большое значение отводится такому агенту социализации, как семья. В этом плане члены семьи помогают не только адаптироваться в «новом» обществе, но и как первый и самый мощный институт социализации, семья оказывает влияние на активность в сфере своей культуры для того, чтобы она не была утрачена. Особое внимание также должно быть направлено на изучение процесса социализации детей-мигрантов во втором–третьем поколении, поскольку они более активно контактируют с принимающим обществом, при этом подвергаются с его стороны большему вниманию, завышенным требованиям и ожиданиям. Взаимодействия и сети в принимающем обществе динамично конструируют аккультурационные стратегии мигрантов второго-третьего поколения и способствуют формированию их этнической идентичности [5].

В большинстве работ в качестве основных институтов социализации и адаптации мигрантов рассматривают образование и сферу труда. Однако участие в образовательной деятельности является лишь одним из аспектов ресоциализации мигрантов. По мнению В.А. Силантьевой, мигранты в принимающем обществе вынуждены отказываться от старых норм, ценностей, традиций и приобретать новые модели поведения и, сооответственно, осваивать новые нормы и ценности. Отвыкание компенсируется новым жизненным опытом [6]. Это может привести к процессу ресоциализации. Ю. Арутюнян данный процесс рассматривает как процесс социальной адаптации, приспособление к новым условиям, активное участие в новой жизни, восстановление или приобретение новых ролей, статусов и функций. Мигранты, покинув свой первоначальный контекст социализации, десоциализируются, а их культурная и социальная принадлежность ослабевает [7]. В течение жизни индивид может быть ресоциализирован много раз, но каждый из этих опытов вторичной социализации опирается на основополагающий опыт первичной социализации, а не вытесняет или отменяет его [8].

Образовательная деятельность теряет свою основу, если за первоначальной поддержкой, оказываемой детям мигрантов на начальном уровне, не последуют мероприятия по углубленному развитию, такие как предоставление им возможностей обучения на протяжении всей жизни, адаптированных к их склонностям и потребностям, мотивирующие их к обучению, которое может служить путем к достижению ими будущих карьерных целей, и оказывающие помощь в улучшении их жизненных обстоятельств [9]. Поэтому при исследовании социализации детей мигрантов большое внимание должно уделяться и семье, так как первичная социализация является ключевым процессом, посредством которого ребенок обретает самооценку идентичности и учится вести себя в мире. Оно в значительной степени и решительно определяет развитие субъективного сознания, поскольку осуществляется через эмоционально заряженную среду «значимых других», обычно родителей [8].

Этническая и религиозная идентичность, прочно передаваемая детям значимыми другими людьми в период формирования, с высокой вероятностью сохранится на протяжении всей жизни индивида. Это утверждение подтверждается широким спектром исследований в различных международных контекстах, в том числе лонгитюдных, которые в совокупности усиливают почти аксиоматическую способность родительской социализации встраивать смысловые миры в сознание растущего ребенка [10–11]. Некоторые авторы стали выделять термин «религиозная социализация» и рассматривали его с точки зрения трех отдельных категорий в зависимости от уровня родительской вовлеченности: «отсутствие религиозной социализации», «случайная религиозная социализация» и «преднамеренная религиозная социализация»: «молодые люди, которым родители предложили религиозную социализацию, не только более религиозны, чем молодые люди, не получившие религиозной социализации, но и более традиционно религиозны...» [12]. Анализ научной литературы выявил, что можно выделить три способа, с помощью которых семья непосредственно влияет на формирование религиозной идентичности детей: 1) родители предоставляют констелляцию символических ориентиров для понимания мира и роли человека в нем; 2) родители моделируют религиозное поведение, практикуя ту или иную религиозную традицию; 3) родительский авторитет функционирует для того, чтобы направлять социальное взаимодействие ребенка в сети ассоциаций, которые подтверждают религиозное учение, проводимое в семье [8].

Для того, чтобы дети мигрантов в России, особенно в многонациональных республиках (например, в Республике Татарстан) не утратили свои этноконфессиональные особенности и смогли успешно социализироваться в принимающем обществе, необходимо изучить влияние различных факторов на данный процесс. Теоретический анализ научной литературы по исследованию адаптации и социализации детей мигрантов выявил необходимость дальнейшего изучения данного процесса с точки зрения возникновения «культурной травмы» и влияния семьи на успешность как адаптации, так и «религиозной социализации». Семья играет значимую роль в социализации детей мигрантов и сохранение этнической идентичности, поскольку является наиболее важным местом, где дети проводят значительное время и где они подвергаются воздействию своей культуры. Семейная религиозная социализация и связанная с ней этническая идентификация приводят к чувству принадлежности, повышению самооценки и снижению неопределенности. На основе полученных данных в дальнейшем будет разработан инструментарий для проведения эмпирического исследования, результаты социологических исследований позволят более подробно рассмотреть данный вопрос.

Литература:

1. Теории и технологии мультикультурного образования: монография. – В 2 ч. Ч. 1. – Казань: Отечество, 2016. – 132 с.
2. Кириллова А.И. Социализация мигрантов-мусульман в современном российском обществе: этноконфессиональный аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12. № 3. – С. 62–68.
3. Liu Y., Fang X., Cai R. et al. The urban adaptation and adaptation process of urban migrant children // A qualitative study. Front. Educ. China. – 2009. – №4. – P. 365–389.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6-16.
5. Lev Ari L., Cohen N. Acculturation Strategies and Ethnic Identity Among Second-Generation Israeli Migrants in the United States // Cont Jewry. – 2018. – № 38. – P. 345–364.
6. Силантьева В.А. Ресоциализация мигрантов как один из аспектов социализации в реципиентном обществе // Законность и правопорядок. – 2020. – № 3(27). – С. 61–66.
7. Abrams D.K., Ando K., Hinkle S. Psychological attachment to the group: Cross-cultural differences in organizational identification and subjective norms as predictors of workers' turnover intentions // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1998. – № 24(10). – P. 1027–1039.
8. Timol R. Ethno-religious socialisation, national culture and the social construction of British Muslim identity // Cont Islam. – 2020. – № 14. – P. 331–360.
9. Chang B. The re-socialisation of migrants in a local community in Shanghai, China // Int Rev Educ. – 2015. – № 61. – P. 211–233.
10. Birkelbach K., Meulemann H. Christian socialization during youth and Christian convictions from early to late midlife // Journal of Religion in Europe. – 2013. – № 6(4). – P. 399–427.
11. Van de Pol J., Van Tubergen F. Inheritance of religiosity among Muslim immigrants in a secular society // Review of Religious Research. – 2014. – № 56(1). – P. 87–106.
12. McGuckin C., Lewis C., Cruise S., Fearn M. The influence of parents on religious socialisation. In H.-G. Ziebertz, W. K. Kay, & U. Riegel (Eds.), Youth in Europe III: An International Empirical Study of Religion on Life Orientation. Berlin: Lit Verlag. – 1998.

Socialization of Migrant Children: a Theoretical Analysis

Ibragimova A.A.
Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan State Power Engineering University

The article provides a theoretical analysis of the literature on the study of the process of socialization and adaptation of migrant children. Based on the results of the analysis, it was revealed that the study of this process is relevant, but is considered most often in the context of assistance from the state and educational institutions, leaving without due attention the study of the process in terms of the emergence of «cultural trauma» and the influence of the family on the success of both adaptation and «religious socialization».

Key words: socialization, adaptation, migrants, identity, cultural trauma, shock, religious socialization

УДК 316.334.23

Молодежное предпринимательство: факторы развития и ограничения

Ильиных С.А.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления

Микульская Е.А.
Студент кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления

В статье показана роль молодежного предпринимательства с позиции выполнения ряда таких социально значимых функций, как формирование нового менталитета нации, основанного на позитивном отношении к институту частной собственности и предпринимательству, повышения экономической активности молодых людей. На развитие молодежного предпринимательства как на достаточно длительный процесс оказывает влияние ряд факторов (несовершенство нормативно-правовой базы; отсутствие действенных финансово-кредитных механизмов и материально-ресурсного обеспечения; несовершенство системы налогообложения и государственной системы поддержки; административные барьеры и др.). В статье приводятся результаты эмпирического исследования молодежного предпринимательства г. Томска. Рассматриваются проблемы «старта» предпринимательской деятельности, взаимодействия государства и бизнеса.

Ключевые слова: молодежь, предпринимательство, молодежное предпринимательство, бизнес, риск, ресурсы

Развитие молодежного предпринимательства является значимым процессом для российского общества. Это связано с двумя обстоятельствами. Первое состоит в том, что именно предприниматели играют ключевую роль в процессе формирования и роста российского среднего класса и, как следствие, повышения уровня благосостояния населения, улучшения качества продукции и предоставляемых населению услуг. Второе связано с субъектом предпринимательства – молодежью. Именно молодежное предпринимательство способно выполнять ряд таких социально значимых функций, как: формирование нового менталитета нации, основанного на позитивном отношении к институту частной собственности и предпринимательству, повышение экономической активности молодых людей; организация занятости молодежи; проведение профессиональной ориентации и обучения молодых людей; предоставление возможности реализации достаточно высокого образовательного потенциала молодых людей, их самореализации и самоутверждения; повышение жизненного уровня молодых людей; формирование активной социальной позиции молодежи; усиление социальной защищенности молодежи [1, с. 522].

Молодежное предпринимательство в России активно поддерживается государством через различные программы и инициативы. И.А. Кох [2], Г.Ф. Хасанова [3] и другие авторы указывают, что создаются специализированные центры поддержки

предпринимательства, предоставляющие молодым предпринимателям необходимые ресурсы, консультации и образовательные программы.

Однако на развитие молодежного предпринимательства как на достаточно длительный процесс оказывает влияние ряд факторов. Отметим, что молодежное предпринимательство, как и российское предпринимательство в целом, испытывает воздействие сходных факторов, но именно молодежь оказывается в большей зависимости от них, поскольку отсутствует опыт и недостаточен образовательный уровень в области предпринимательства.

Первый фактор, влияющий на молодежное предпринимательство, это риск. В условиях неопределенности и колебания рыночных факторов предприниматель берет на себя бремя риска, связанного с возможными изменениями в конъюнктуре, валютных курсах, спросе потребителей и конкуренции. Он также сталкивается с внешними социальными, политическими и природными факторами, которые могут повлиять на его деловую деятельность.

Именно высокий уровень риска может служить преградой для получения банковских кредитов молодыми людьми. При этом, как отмечает С.А. Ильиных, «Возможности предпринимателя определяются наличием доступа к финансовым ресурсам через систему инвестиционно-кредитных отношений, возможностью формирования инвестиционных портфелей, применением финансовых инструментов и срочных контрактов для страхования и хеджирования предпринимательских рисков» [4, с. 89].

Второй фактор влияния на развитие процесса молодежного предпринимательства – недостаток личного опыта и знаний. Молодые предприниматели нередко сталкиваются с существенными пробелами знаний в сфере управления бизнесом. Они могут испытывать трудности в принятии решений в области маркетинга, финансового планирования, управления персоналом и других аспектах предпринимательской деятельности. Нельзя не согласиться с идеей А.Ю. Чепуренко о том, что с этим помогут справиться образовательные программы повышения квалификации и консультационная поддержка [5].

Не менее существенными факторами, негативно сказывающимися на развитии молодежного предпринимательства, являются бюрократические и административные преграды. Для молодых предпринимателей могут быть технически сложными и затратными по времени процедуры регистрации и получения разрешений. Интересно, что административные преграды и нормативно-правовая система как негативные факторы отмечаются не только российскими исследователями, но и зарубежными. Так, исследователь У. Шуф [6] выделяет следующие факторы, влияющие на молодежное предпринимательство в Швейцарии: социальное и культурное отношение молодых людей; недостаточный образовательный уровень в области предпринимательства; отсутствие необходимого финансирования; административная и нормативно-правовая система; бизнес-помощь и поддержка.

Э.Л. Боднар, Д.А. Долгих высказываются о том, что при основании бизнеса молодые предприниматели сталкиваются как с определенными административно-правовыми препятствиями, так и с коррупционными барьерами [7]. Эти тяготы являются одними из самых важных препятствий на пути становления бизнеса молодых людей как в странах с высоким уровнем доходов, так и в развивающихся странах.

Следствием описанных выше факторов является низкая конкурентоспособность создающихся бизнесов. К этому стоит добавить и ограниченный доступ к рынкам. В ряде отраслей рынок может быть остро конкурентным. Молодые предприниматели испытывают трудности вхождения на рынок, привлечения клиентов.

Одним из самых сложных сдерживающих развитие молодежного предпринимательства является фактор социального и культурного восприятия феномена предпринимательства. Предпринимательство в России не всегда получает должное признание и поддержку со стороны общества. Существуют определенные стереотипы и предубеждения по отношению к молодым предпринимателям. Они склонны сталкиваться с недоверием со стороны потенциальных клиентов, партнеров и инвесторов. Это может создавать дополнительные трудности в запуске и развитии бизнеса [8]. В целом исследователи отмечают социокультурные факторы как существенные для развития молодежного предпринимательства [9].

Для исследования реальных проблем, с которыми сталкиваются молодые предприниматели, было проведено эмпирическое исследование в октябре 2023 г. Исследование было нацелено на изучение мнения студентов г. Томска о состоянии молодежного предпринимательства. Опрошено 394 студента методом анкетирования в возрасте от 18 до 22 лет. Выборка репрезентативна. В выборке представлены следующие учебные заведения: Национальный исследовательский Томский государственный университет (21,8 % от опрошенных), Национальный исследовательский Томский политехнический университет (14,5 %), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (13,2 %), Сибирский государственный медицинский университет (16 %), Томский государственный педагогический университет (20,8 %).

Одной из задач исследования было выявление проблем развития молодежного предпринимательства в г. Томске. Для решения задачи в анкете были представлены вопросы, которые касались развития молодежного предпринимательства: наличие соб-

ственного бизнеса, проблемы «старта» предпринимательской деятельности, проблемы «взаимодействия» бизнеса и государства и административные барьеры.

Опрос показал, что большая часть респондентов (61,9 %) не имеет собственного бизнеса. Но мы сочли возможным использовать ответы данных респондентов как аргументы в выявлении проблем развития молодежного предпринимательства по той причине, что 36,6 % из них уже предприняли попытки организовать бизнес. Оставшиеся респонденты распределились следующим образом: самозанятые (23,6 %), юридические лица с числом сотрудников до 5 чел. (9,9 %) и юридические лица с числом сотрудников более 5 чел. (4,1 %).

Респондентам был задан вопрос о том, какие существуют проблемы на «старте» предпринимательской деятельности. Чаще всего студенты выбирали такие ответы, как «отсутствие стартового капитала» (58,1 %), «высокие риски» (38,6 %) и «недоступность кредитных ресурсов» (36,8 %) (рис. 1).

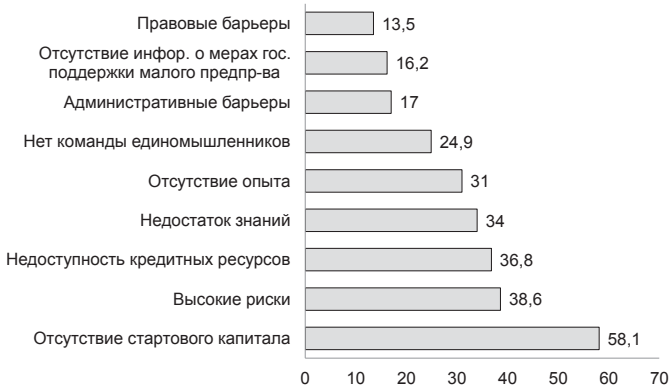

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о проблемах «старта» предпринимательской деятельности (множественные ответы, %)

Обращает на себя внимание то, что опрошенных не сдерживает отсутствие информации о мерах государственной поддержки малого предпринимательства, эту проблемы отметили лишь 16,2 %. С нашей точки зрения, это может свидетельствовать о некоторой незрелости в вопросе предпринимательства, поскольку именно меры государственной поддержки могли быть определяющими в развитии бизнеса.

Исследуя вопрос о взаимодействии молодых предпринимателей и государства, мы выделили несколько наиболее «острых» проблем (см. рис. 2). Оказалось, что из предложенных вариантов чаще всего студенты отмечают проблему – «аренда помещений» (63,5 %). Подчеркнем, что одним из основных направлений имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства является льготная аренда государственного и муниципального имущества. Поэтому вопрос об аренде помещений имеет столь существенное значение для поддержки молодых предпринимателей.

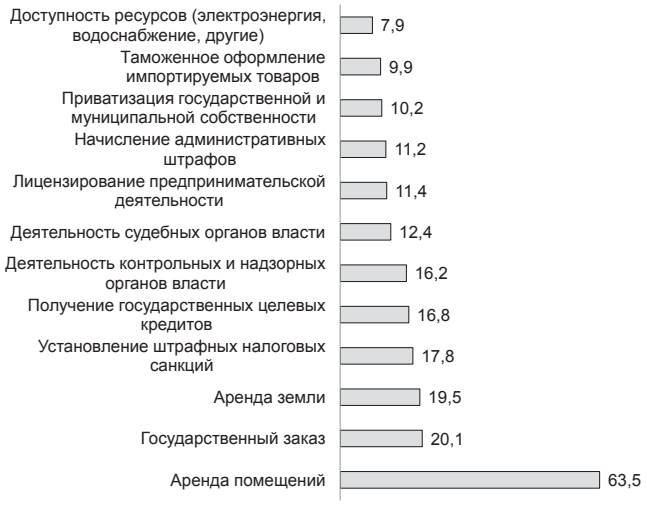

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о проблемах «взаимодействия» бизнеса и государства (множественный выбор, %)

Представленные результаты на рисунке 2 можно трактовать не только с позиции проблем взаимодействия бизнеса и государства. Косвенно они отражают степень практического опыта и зрелости в вопросах предпринимательства опрошенных. Так, респонденты незначительно оценивают получение целевых кредитов (16,8 %), и лишь каждый пятый высказывается о государственном заказе (20,1 %). При этом и государственные целевые кредиты, и государственный заказ реально влияют на развитие бизнеса, но часто именно эти меры поддержки не получают предприниматели. Об этом свидетельствует опрос Центра стратегических инициатив [10].

Таким образом, к числу проблем развития молодежного предпринимательства студенты относят чаще всего отсутствие стартового капитала, высокие риски и недоступность кредитных ресурсов. И если высокие риски – свойство предпринимательства по определению, то отсутствие капитала и недоступность кредитных ресурсов уже являются серьезными проблемами на пути развития предпринимательства.

Проведенное исследование выявило не только срез мнений в отношении факторов развития молодежного предпринимательства, но и некоторые имплицитные аспекты, связанные с недостаточным практическим опытом. Так, с одной стороны, студенты согласны с тем, что текущая государственная программа поддержки способствуют развитию молодежного предпринимательства. Но, с другой – они не отмечают таких реальных проблем бизнеса, с которыми на практике сталкиваются представители малого и среднего бизнеса, как государственные целевые кредиты и государственный заказ. В связи с этим актуальным является повышение эффективности просвещения в вопросах предпринимательства в вузовских программа и активное привлечение студентов к бизнес-проектам для получения практи-

ческого опыта. Только в этом случае станет возможной взвешенная оценка факторов влияния на развитие предпринимательства со стороны молодежи.

Литература:

1. Позняков В.П. Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. – М.: Наука, 2012. – С. 513–528
2. Кох И.А. Отношение студенческой молодежи к предпринимательской деятельности // Дискуссия. – 2019. – Вып. 96. – С. 6–17.
3. Хасанова Г.Ф. Анализ развития малого и среднего предпринимательства в РФ // Научное сообщество студентов XXI столетия. – 2016. – № 2 (39). – С.166–168.
4. Ильиных С.А. Молодежное предпринимательство: эндогенные и экзогенные факторы // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 4 (27). – С. 87–95
5. Чепуренко А.Ю. Роль обучения в активизации предпринимательского потенциала российского общества. – М.: Московский фин.-пром. ун-тет «Синергия», 2014. – 282 с.
6. Schoof U. Stimulating Youth Entrepreneurship: Barriers and incentives to enteiprise start-ups by young people. Series on Youth and Entrepreneurship. – URL: https://www.researchgate.net/publication/242476699_Stimulating_Youth_Entrepreneurship_Barriers_and_incentives_to_enterprise_start-ups_by_young_people.
7. Боднар Э.Л., Долгих Д.А. Молодежное предпринимательство: определение, трудности и перспективы развития // Психологическая теория и практика – управлению: сб. науч. трудов. – Екатеринбург: Уральский ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2015. – С. 138–144.
8. Голова А.Г. Формирование универсальных компетенций у поколения Z в ответ на трансформацию рынка труда // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 676–685.
9. Басос Е. В. Предпринимательство в эпоху экономики знаний: социокультурные факторы развития // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 2. – С. 116–130
10. Бизнес перечислил главные препятствия при получении господдержки. – URL: https://pravo.ru/news/221933/ (дата обращения: 10.10.2023).

Youth Entrepreneurship: Development Factors and Limitations

Ilynykh S.A., Mikulskaia E.A.
Novosibirsk State University of Economy and Management

The article shows the role of youth entrepreneurship from the perspective of performing a number of socially significant functions, such as the formation of a new mentality of the nation, based on a positive attitude towards the institution of private property and entrepreneurship, and increasing the economic activity of young people. The development of youth entrepreneurship as a fairly long process is influenced by a number of factors (regulatory framework; lack of effective financial and credit mechanisms and material and resource support; imperfection of the tax system and state support system; administrative barriers and others). The article presents the results of an empirical study of youth entrepreneurship in Tomsk. The problems of "starting" entrepreneurial activity and interaction between the state and business are considered.

Key words: youth, entrepreneurship, youth entrepreneurship, business, risk, resources

УДК 316.752

Отражение корпоративных ценностей в организационных характеристиках

Ильиных С.А.
Доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления

Чирцова А.О.
Магистрант кафедры социологии
Новосибирского государственного университета экономики и управления

Статья посвящена рассмотрению корпоративных ценностей в организационной культуре. При отсутствии соответствия между заявленными ценностями и ее организационными характеристиками компания может иметь негативные последствия для бренда, которые влияют на репутацию и доверие со стороны стейкхолдеров. Академические исследования и практические рекомендации в области отражения корпоративных ценностей в организационных характеристиках имеют реальную значимость и могут помочь компаниям в достижении долгосрочной устойчивости, создании преимущества на рынке. В статье приведены результаты эмпирического исследования организации, производящей минеральную воду в городе Новосибирске, в которых отражены корреляции корпоративных ценностей и организационных характеристик.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративные ценности, организационные характеристики, современная компания

Корпоративные ценности существуют в организации любого типа, вне зависимости от того, имеют ли о них представления руководство и персонал. Однако стоит отметить, что в наиболее эффективных с позиции менеджмента организациях есть осознание того, что успешное развитие и удержание конкурентных преимуществ напрямую связано с ясным определением и эффективной трансляцией своих ценностей во внутренней и внешней среде организации. С ростом конкуренции на рынке и постоянно меняющимися бизнес-условиями компании знают, что поддержка и продвижение своих ценностей становится критически важной для достижения успеха и устойчивого развития.

Укажем, что исследованием собственно корпоративных ценностей занимались как отечественные, так и зарубежные ученые. Исследователи выделяли совершенно разные аспекты в этой проблематике. Так, У. Оучи [1], Т. Питерс и Р. Уотерман [2] пришли к выводу о значимости корпоративных ценностей для экономической эффективности фирмы. Э. Шейн связал лидерство и корпоративную культуру, что позволило интегрировать интересы работников разного уровня, менеджеров и рабочих [3]. Стоит назвать также крупномасштабное и длительное исследование корпоративных ценностей Г. Хофстеде [4]. Согласно исследованию К. Камерона и Р. Куинна, правильное соотношение культурных ценностей, которые доминируют, а также стратегии организации, организационной структуры и особенностей окружающей среды приводит к масимальной эффективности компании [5].

Вопросами ценностей корпоративной культуры занималась целая плеяда отечественных ученых, которые в своих трудах представили различные аспекты влияния ценностей на культуру. Так, о взаимосвязи ценностей и культуры производства высказывался А.А. Погорадзе [6]. И.В. Грошев представил фундаментальный труд по организационной культуре, в котором объединил работы отечественных и зарубежных авторов [7]. С.А. Ильиных раскрыла гендерные ценностные аспекты организационной культуры [8]. Э.А Капитонов и А.Э. Капитонов описали аспекты корпоративной культуры и PR [9]. Т.Н. Персикова на конкретных примерах отразила взаимосвязь ценностей и корпоративной культуры [10]. В.А. Спивак одним из первых отечественных ученых постарался переложить теорию Э. Шейна применительно к российской действительности [11]. В.В. Томилов раскрыл вопросы культуры предпринимательства, которая самым тесным образом связана с исследуемой нами проблематикой [12]. Безусловно, вопросы ценностей корпоративной культуры исследовались многими другими учеными.

Отметим, что изучение отражения корпоративных ценностей в организационных характеристиках позволяет прийти к более глубокому пониманию, как компании могут эффективно инкорпорировать свои ценности в культуру организации и создать сильную социальную и этическую позицию.

При отсутствии соответствия между заявленными ценностями и ее организационными характеристиками компания может иметь негативные последствия для бренда, которые влияют на репутацию и доверие со стороны стейкхолдеров.

В свете этих факторов академические исследования и практические рекомендации в области отражения корпоративных ценностей в организационных характеристиках имеют реальную значимость и могут помочь компаниям в достижении долгосрочной устойчивости, создании преимущества на рынке и укреплении своей позиции как социально ответственной и этичной организации.

Обычно ценностями в организации считается то, что в компании является важным. Именно ценности определяют то, что приветствуется делать и, соответственно, за что можно получить похвалу и поощрение, а вот за их нарушение следуют наказания и порицание. Признаком ценностей является измерение при определении «свой – чужой» и критерии принятия решений.

Рассмотрим, как это проявляется в организации. Если значимой ценностью является высокое качество продукта, тогда при формировании стратегии компания будет делать акцент на производственные подразделения и технологические процессы, позволяющие исключить отклонения от технологии. Соответственно, в области управления персоналом более пристальное внимание будет уделяться найму высококвалифицированных рабочих, специалистов-производственников. Существенное значение будут иметь техническое оснащение фирмы и внедрение новых технологий в долгосрочной перспективе, закупка современного оборудования, работа с надежными контрагентами сырья и материалов и т.п.

Если в организации ценностью является власть и статус, то сотрудники будут стремиться любыми способами к получению полномочий или должности, позволяющих оказывать влияние.

Ценности могут быть в области новаторства, инициативности, креативности, лидерства в своей отрасли, отношений в процессе деятельности как внутри организации, так и за ее пределами, процессов принятия решения, характера коммуникаций и т.д.

Организационные ценности незримо присутствуют в жизни компании, и даже если они не сформулированы в явной форме, а находятся на неосознаваемом уровне, они все равно являются основой «порядка» и обладают скрытой силой и ориентиром. Исследователи данной темы М.В. Сухорукова, М.Г. Хасьянова, Н.В. Кузнецова [13] указывают, что ценности проявляются при таких процессах, как: организация работы; критерии выбора на руководящие должности; стилевые практики руководства и управления; принятие решений и другие.

У каждой организации существует свой набор ценностей, которые определяют природу ее уникальности и накладывают отпечаток на многие проявления деятельности. Особо важные ценности приобретают характер принципов, лежащих в основе ведения бизнеса, и обычно находят отражение в миссии и целях и таким образом непосредственно связаны со стратегией организации. Для компаний со зрелой организационной культурой сформулированные ценности составляют основу корпоративного кодекса.

О.Г. Тихомирова считает, что для того чтобы ценности стали инструментами эффективности компании, они должны соответствовать нескольким принципам. К их числу относится принцип всеобщности, принцип доступности, принцип четкости, принцип априорности, принцип уважения, принцип достижимости целей [14, с. 24].

Соблюдая вышеизложенные принципы, можно создать систему ценностей компании, которые будут помогать реализовывать миссию и цели организации, что существенным образом отразится на эффективности и конкурентоспособности предприятия.

Рассмотрим отражение разного рода ценностей в организационных характеристиках, приведенных в таблице 1.

Безусловно, представленные корреляции условны, но тем не менее позволяют выделить в организациях те или иные взаимосвязи и взаимозависимости.

Проиллюстрируем эту идею на примере эмпирического исследования организации, производящей

Таблица 1

Отражение ценностей в организационных характеристиках [15]

Организационные характеристики	Варианты ценностей
Предназначение организации	Высокий уровень технологии; высшее качество; лидерство в своей отрасли; преданность духу профессии; новаторство
Власть	Полномочия, присущие должности или лицу; уважение старшинства и власти; старшинство как критерий власти
Значение различных должностей	Важность руководящих постов, роли и полномочия отделов
Обращение с людьми	Забота о людях и их нуждах; беспристрастное отношение и фаворитизм; привилегии; уважение к индивидуальным правам; обучение и возможности повышения квалификации; карьера; справедливость при оплате; мотивация людей
Критерии выбора на руководящие должности	Старшинство или эффективность работы; приоритеты при внутреннем выборе; влияние неформальных отношений и групп
Организация работы и дисциплина	Добровольная или принудительная дисциплина; гибкость в изменении ролей; использование новых форм организации работы
Стиль руководства и управления	Стили авторитарный, консультативный или сотрудничества; использование целевых групп; личный пример; гибкость и способность приспосабливаться
Процессы принятия решений	Кто принимает решение, с кем проводятся консультации; индивидуальное или коллективное принятие решений. необходимость согласия, возможность компромиссов и т.д.
Распространение и обмен информацией	Информированность сотрудников; легкость обмена информацией
Характер контактов	Предпочтение личным или письменным контактам; жесткость или гибкость в использовании установившихся каналов служебного общения; значение, придаваемое формальным аспектам; возможность контактов с высшим руководством; применение собраний; кто приглашается и на какие собрания; нормы поведения при проведении собраний
Характер социализации	Кто с кем общается во время и после работы; существующие барьеры; особые условия общения
Пути разрешения конфликтов	Желание избежать конфликта и идти на компромисс; предпочтение применения официальных или неофициальных путей; участие высшего руководства в разрешении конфликтных ситуаций и т.д.
Оценка эффективности работы	Реальная или формальная; скрытая или открытая; кем осуществляется; как используются результаты

минеральную воду в городе Новосибирске. Исследование проведено в 2023 г. методом анкетирования. Выборочная совокупность составила 60 респондентов. Кластерный отбор. В качества кластера выступил отдел. Укажем, что в рамках представленной статьи рассмотрим две корпоративные ценности, влияющие на организационные характеристики, – высокий уровень технологий и забота о людях и их нуждах. Выбор именно этих ценностей отражает две главные стороны организации – технологическую и «человеческую».

Мы задали вопрос о том, будут ли рекомендовать респонденты свою продукцию другим людям. В соответствии с типологией Н.В. Кузнецовой [15], в качестве ценности нами избран вариант «*высокий уровень технологий*», а в качестве организационной характеристики – *предназначение организации*. Согласно полученным данным, все опрошенные (100 %) готовы рекомендовать свою продукцию другим (рис. 1). Это свидетельствует о высоком уровне технологий.

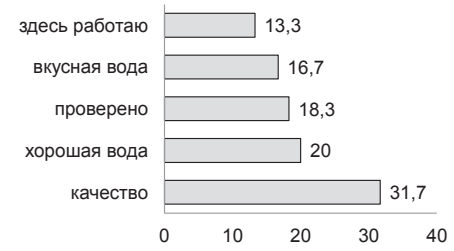

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о том, что служит основанием оценки выбора продукции, %

Вместе с тем нам было важно узнать, почему опрошенные так оценивают свою продукцию.

Как представляется, можно объединить варианты ответов «качество», «хорошая вода», «проверено» и «вкусная вода» с позиции именно высокого уровня технологий. Суммарно, это – 86,7 % опрошенных. Но стоит обратить также внимание и на вариант ответа «здесь работаю». Респонденты отмечают тем самым, что всю внутреннюю сторону производства минеральной воды они могут вполне отследить и потому ставят оценку своему продукту 10 из 10 баллов.

Вторая ценность – забота о людях и их нуждах. В целом такая ценность включает широкий спектр. Это может быть и график работы, и возможность принять пищу, и пройти повышение квалификации, и сходить в тренажерный зал, и получить подарки по случаю какого-либо торжества и многое другое. Эта ценность отражает такую организационную характеристику, как обращение с людьми.

Задавая вопрос о том, что респондентам нравится в работе, мы предложили самый широкий спектр вариантов ответов. Распределение представлено на рисунке 2.

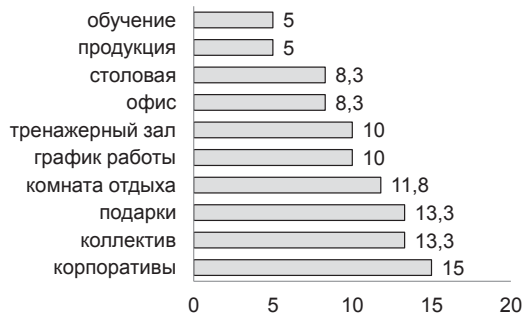

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о том, что нравится в работе, %

Можем видеть, что практически мало статистически различаются такие аспекты работы, как участие в корпоративных праздниках (15 %), коллектив (13,3 %) и получение подарков (13,3 %). Почти каждый десятый отметил и комнату отдыха, и график работы, и тренажерный зал. Эти данные наглядно демонстрируют, как корпоративные ценности отражаются в организационных характеристиках.

Подведем итоги. Исследование корпоративной культуры, корпоративных ценностей в рамках социологического знания осуществляется уже достаточно длительное время как в рамках теории, так и в рамках эмпирических исследований. Вместе с тем исследования, которые отражают влияние корпоративных ценностей на организационные характеристики, встречаются гораздо реже. Результаты представленного исследования в некоторой степени восполняют этот пробел. Однако сложность темы диктует необходимость дальнейшей работы над данной проблематикой.

Литература:

1. 1.Оучи У.Г. Методы организации производства: японский и американский подходы. – М.: Экономика, 1984. – 183 с.
2. Питерс Т., Уотерман Р. В поисках совершенства: Уроки самых успешных компаний Америки. – М.: Издат. дом «Вильямс», 2005. – 560 с.
3. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб: Питер, 2013. – 352 с.
4. Управление человеческими ресурсами / Под ред. М. Пула, М. Уоррена. – СПб.: Питер, 2002. – 1198 с.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб.: Питер, 2001. – 320 с.
6. Погорадзе.А.А. Культура производства: сущность и факторы развития. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 2001. – 206 с.
7. Грошев И.В. Организационная культура. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 288 с.
8. Ильиных С.А. Гендерная концепция организационной культуры: автор. дисс. … докт. соц. наук. – Новосибирск, 2009. – 34 с.
9. Капитонов Э.А., Капитонов А.Э. Корпоративная культура и PR. – Ростов-н/Д: МарТ, 2013. – 352 с.
10. Персикова Т.Н. Корпоративная культура: учебник. – М.: Логос, 2014. – 288 с.
11. Спивак В.А. Корпоративная культура. – СПб: Питер, 2003. – 352 с.
12. Томилов В.В. Культура предпринимательства. – СПб.: Изд-во «Питер», 2002. – 368 с.
13. Сухорукова М. В. Ценности как ключевой элемент организационной культуры // Управление персоналом. – 2000. – № 1. – С. 39–40.
14. Тихомирова О.Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 151 с.
15. Кузнецова Н.В. Ценности организационной культуры в контексте современной идеологии управления предприятием // Экономика и политика. – 2014. – № 1(2). – С. 147–151.

Modern Factors in the Formation of a Company's Organizational Culture

Ilynykh S.A., Chirtsova A.O.
Novosibirsk State University of Economy and Management

The article is devoted to the consideration of corporate values in organizational culture. If there is a lack of alignment between a company's stated values and its organizational characteristics, it can have negative consequences for its brand, reputation, and stakeholder trust. Academic research and practical guidance on how corporate values are reflected in organizational characteristics has real value and can help companies achieve long-term sustainability, create market advantage and strengthen their position as a socially responsible and ethical organization. The article presents the results of an empirical study of an organization producing mineral water in the city of Novosibirsk, which reflects the correlations of corporate values and organizational characteristics.

Key words: organizational culture, corporate values, organizational characteristics, modern company

УДК 316.4; 316.7

Урбанистика в России: междисциплинарные основы и этапы развития

Козлова Ю.В.
Кандидат психологических наук, доцент, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики, научный сотрудник ВНИК по реализации проекта № 23-18-00288 Московского городского педагогического университета, старший научный сотрудник Международной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

В статье представлен обзор отечественных городских исследований с целью характеристики содержания понятий «градостроительство», «урбанистика», «социальная урбанистика» на отдельных исторических этапах. Акцентируется значение интеграции наследия ключевых фигур российской социальной урбанистики для разработки адекватного современным городским социальным проблемам категориального и методологического аппарата. На этой основе приведены значимые, с точки зрения автора, междисциплинарные подходы к гуманитарному исследованию города, дано обоснование необходимости интеграции концептов классической урбанистики и современных полидисциплинарных подходов для решения социальных проблем города. Представленный анализ направлен на выработку метамодели современной отечественной урбанистики, основанной на междисциплинарном диалоге, научной рефлексии. Полученные выводы обосновывают необходимость формирования экспертного сообщества по социальной проблематике города, что служило бы повышению качества решений городских проблем.

Ключевые слова: урбанизм, социология города, «городские исследования», системно-синергетическая модель города, социально-экологическая метаболическая модель города, новый урбанизм

Актуализация проблем города, разработки подходов к его изучению определяется значением ведущих городских центров для сохранения и развития культурной традиции страны и общества в целом.

На каждом этапе развития гуманитарного знания представление о городе обогащается общенаучными, историческими исследованиями, а затем и социальными. В процессе своего развития город все в большей степени становится объектом изучения как социально-историческое явление и уникальный общественный субъект.

Н.В. Гоголь в сборнике «Арабески» (1835) утверждал: «Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе» [1, с. 26]. Он подчеркивал, что архитектурный ландшафт преобразует природный, связывает историю народа с его обыденной жизнью.

Многочисленные литературные, а позднее и кинематографические образы городов иллюстрируют социальные антиутопии, актуальные социальные процессы.

Формирование урбанистики как самостоятельной области науки и практики, разграничение с архитектурой и градостроительством происходит в 70-е гг. XX в. Город начинает изучаться как особая среда обитания человека, наряду с «городским дизайном» и «городским планированием», возникает «социальный урбанизм» и «социологическая урбанистика». Исследования городского планирования, самоуправления, социальных вопросов городской жизни Т.М. Говоренковой, А.М. Якшина характеризовали город как единый, непрерывно эволюционирующий организм [2].

* Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», https://rscf.ru/project/23-18-00288/

В период интенсивной застройки и переселения жителей сел и малых городов в мегаполисы для социологии города были важны разработки в области теоретической и ландшафтной географии [3].

В дальнейшем стали актуальны проблемы неравномерного развития и полицентричности города, исследования городской среды [4].

Исследования социокультурной среды [5], социальных стратегий развития, факторов управления городами и территориями [6] предопределили формирование метаболической концепции города О.Н. Яницкого [7].

Метаболическая концепция города позволяет оценить характер социальной мобильности в условиях миграционных тенденций, трудовой адаптации, взрывного развития локально-глобальной сети и датификации.

Феномен города фокусирует социогеографические и культурно-исторические процессы, а как показывают новейшие события, и биосферные. Поэтому урбанизация и последующее развитие городских инфраструктур – воплощение состояния мегаполисного сознания, того, как в нем реализуется локально-глобальная идентичность [8].

Внедрение технологических инноваций может стать проблемой, если биологические или социальные изменения провоцируют неустойчивость городской системы, которая потенциально воздействует на мировую макросистему. Биологический аспект подобных взаимовлияний описывается в социально-экологической концепции глобальной эпидемиологии Б.Л. Черкасского [9].

Очевидно, что современный город меняет природные ритмы, поддерживает искусственный метаболизм, например, поддерживает у жителей привычный дистресс и притупляет чувствительность за счет все более сильных и динамичных стимулов. Замена большинства каналов движения энергии на сетевые, как это произошло, например, во время пандемии, видоизменяет сознание, поведение и коммуникации. Поскольку сеть является способом производства информации и особым измерением социального пространства, применить его можно как для создания, так и для преодоления социальной неопределенности, ослабления или усиления социальных связей. Как элемент сети, современный мегаполис входит в локально-глобальную биосоциальную модель, что позволяет проектировать развитие, создавать и оценивать сценарии, выявлять значимые параметры городской социальной среды.

Вызвавшая значительный резонанс книга Е.Г. Трубиной содержит опыт «картографирования урбанистических теорий» и осмысления их в российском культурно-историческом контексте [10].

Еще в 90-е гг. один из выдающихся российских урбанистов В.Л. Глазычев поднимает вопрос о том, что европейское понятие города, ставшее эталонным, не вполне описывает город как общественную структуру, например, на Востоке или в Азии. Он говорит, что в этом смысле в России нет греко-римского и средневекового европейского гражданства-горожанства, но часто присутствует уникальный «нонурбанизм», «имитация формы города». В то время как суть города – это общественная структура, которая первоначально выражается в символической, затем в функциональной и лишь потом – в предметной среде. Именно поэтому большие и малые города постсоветского пространства перешли в новое столетие с элементами «символической формы Москвы», как эталонной для общественного устройства [11].

С одной стороны, такие исторические детерминанты во многом делают отечественную урбанистику вторичной по отношению к архитектуре и городскому планированию, сосредоточенной на обосновании ранее созданных концептов, но с другой, как и для многих социогуманитарных сфер знания, в этом кроется ее потенциал.

Локализация трендов и сохранение, пусть и вследствие малой востребованности, аутентичных наработок отечественных научных коллективов и исследователей могут стать основаниями для формирования на нынешнем этапе «новой российской урбанистики».

В последние десятилетия в муниципальной практике ориентирами являются создание комфортной городской среды и устойчивое развитие человеческого капитала [12; 13].

Активно идет платформизация, интегрирующая деятельность административных, гражданских и бизнес-структур, частных лиц, научного и профессионального сообществ региона, а также некоммерческих организаций. Платформа строится с учетом основных потребностей и приоритетов этих категорий, допускает включение и развитие новых направлений, то есть в социальном плане служит целям самоидентификации основных социальных групп в виртуальном пространстве региона. Поэтому традиционные социальные городские проблемы в контексте цифровой реальности требуют изучать административные, правовые, муниципальные процессы во взаимосвязи. Ценной для теоретико-прикладного изучения возможностей городского метаболизма можно считать модель генерального планирования на основе изучения городской среды, особенно правовых ее аспектов, созданную А.Ю. Ложкиным и В.Л. Глазычевым [14].

Вместе с тем в отечественной практике «урбанистика» продолжает быть лишь маркером группы проблем, связанных с мегаполисом. Как следствие, и практически, и формально статус исследований города не вполне отрегулирован. Вероятно, именно 2020–2030 гг. станут периодом, когда осмысление наследия отечественных урбанистов, начатое выдающимися учеными и практиками, будет продолже-

но и позволит определить актуальное содержание, методологический аппарат и проблематику городских исследований в нашей стране.

В целом, к началу 2020 г. российская урбанистика подошла как мозаичная междисциплинарная область знания, в которой чрезмерно акцентированы функциональность, в том числе функции дизайна городского пространства, и недостаточно развиты категориальная, методологическая, экспертная составляющие, ориентированность на решение актуальных социальных проблем общества.

Анализ социологии города как самостоятельной отрасли социологической науки по материалам порядка 30 диссертационных исследований 2016–2018 гг., проведенный Е.А. Поповым, О.Н. Замятиной, С.А. Ворониной [15], дает основания полагать, что современная отечественная урбанистика акцентирует поведение человека в городской среде и городское управление, а также трансформационный характер регламентов городского благоустройства по отношению к социальным процессам и формированию массового сознания в условиях города. Оптимизация коммуникаций, цифровизация, обеспечение баланса рыночной рентабельности города как системы и комфортности города как среды, глобализация – основные тренды научных исследований «предковидного периода». Содержательно под «городом» понимается мегаполис или малый моногород. Тема столичности как модели рассматривается в контексте индустриального или гуманитарного потенциала города и возможностей его реализации. А ценностно-смысловые аспекты взаимодействия «человека и города» представлены в «новой российской социальной урбанистике» недостаточно.

Именно на настоящем этапе развития социологии города и урбанистики в целом обращение к наследию таких выдающихся отечественных исследователей, как Г.М Лаппо, Л.Б. Коган, О.Н. Яницкий, О.И. Шкаратан, В.Л. Глазычев, Т.М. Дридзе и др., могло бы раскрыть новые возможности для решения социальных проблем города в гуманистическом, антропологическом ключе, традиционном для российской урбанистики. Актуализация запроса на диджитализацию городской структуры, исследование трансформационных последствий пандемии 2019–2022 гг. на какое-то время отсрочили эти задачи, сохраняя некую инерционность «новой урбанистической традиции».

Основными этапами развития отечественной урбанистики, с нашей точки зрения, можно считать:

– первоначальный этап, исследования и накопление научных знаний внутри таких отраслей, как архитектура, градостроительство, экономика (1900–1970 гг.);

– формирование урбан-социологии (социологии города) в которой город рассматривается как фактор развития общественной системы (1970–1990 гг.);

– междисциплинарные исследования города (1990–2010 гг.);

– формирование урбанистики как самостоятельного теоретического и прикладного исследовательского направления (2010–2020 гг.).

Городской образ жизни, городская среда, социальная мобильность, социальная инклюзия и другие ключевые понятия содержательно преимущественно характеризуются по зарубежным источникам, а количественно – по данным опросов жителей российских городов [16]. Серьезная проблема социальной ответственности по отношению к жителям города, имеющем особые потребности, в продолжение ее постановки и решения в немалой степени требует дополнения адаптированными и оригинальными отечественными городскими социальными исследованиями.

Современный город – административно-хозяйственная, управленческая социальная структура, обеспечивающая реализацию социальных институтов для своих жителей. Современное общество высоко дифференцировано, динамично, технологично. и поэтому общественные функции и формы их реализации в городском пространстве находятся в процессе формирования, развития под влиянием экономико-политических, географических, демографических условий.

Вместе с тем город – политекст, создание и прочтение которого происходит нелинейно, гетерохронно, в соответствии с особенностями сознания, рациональности значимых социокультурных групп, представленных в городском пространстве. Дискурсы современного города множественны, они позволяют в особом знаково-речевом пространстве осуществлять цивилизационные, политические, социальные, хозяйственно-экономические и структурные изменения [17].

Представляется целесообразным применение в качестве категориальной базы эмпирических исследований города и проведения экспертных оценок шире применять концепты отечественных урбанистов, раскрывающих город как культурно-духовный феномен, комплекс историко-экономических детерминант. Необходимо конструировать аналитические и проектные социальные исследования города в соответствии с принципами исторической и научной преемственности.

Следует интегрировать концепты «города-текста», «города-продукта» и «города-образа» для поиска решений по вопросам сохранения культурного наследия и комплексного развития городской среды. Современной урбанистике следует более масштабно подойти к изучению такого явления, как малые провинциальные города по принципу «от частного к общему», сбалансировав чрезмерное внимание к проблемам мегаполисов, сетевых «Умных городов» и агломераций. Моделирование и проектирование

социокультурного пространства современного города как средство управления должно быть дополнено исследованиями взаимодействия города и личности, города и социальной группы, города и сообщества, характеристикой тех феноменов, которые связаны с этим взаимодействием, раскрытием актуальных его факторов.

Литература:

1. Гоголь Н.В. Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. – СПб.: В Тип. вдовы Плюшар с сыном, 1835. – Т. 1. Ч. 1–2. – 276 с.
2. Якшин А.М., Говоренкова Т.М., Каган М.И., Меркулова З.Е., Стрельников А.И. Графоаналитический метод в градостроительных исследованиях и проектировании. – М.: Стройиздат, 1979. – 140 с.
3. Родоман Б.Б., Сигалов М.Р. Ландшафт. Общение. Искусство: гуманитарная география Пристоличного региона. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 511 с.
4. Высоковский А.А. Александр Высоковский: сборник: в 3 т. / Сост. И. Абанкина [и др.]. – М.: Grey Matter, 2015. – 350 с.
5. Современная городская культура и человек. – М.: Наука, 1987. – 191 с.
6. Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Территория будущего, 2011. – 400 с.
7. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 6–32.
8. Власова Е.В. Мегаполис как семантико-символическая культура: автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2013. – 22 с.
9. Черкасский Б.Л. Глобальная эпидемиология. – М.: Практическая медицина, 2008. – 447 с.
10. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
11. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Сайт памяти В.Л. Глазычева. – URL: http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm (дата обращения: 16.04.2023).
12. Имаи М. Кайдзен: Ключ к успеху японских компаний. – М.: Альпина Паблишер. – 2017. – 271 с.
13. Царенко А.С., Гусельникова О.Ю. Проекты «Бережливый регион», «Бережливая поликлиника», «Бережливый город» как шаги на пути к созданию «Бережливого Правительства»: оценка реализации лин-инициатив в государственном секторе РФ // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 73. – С. 167–203.
14. Ложкин А.Ю., Глазычев В. Пермская модель // Отечественные записки. – 2012. – № 3(48). – С. 145–156.
15. Попов Е.А., Замятина О.Н., Воронина С.А. Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 125–131.
16. Социальный урбанизм: темпоральный контекст доступности (на примере российских городов): коллективная монография / В.М. Буланов, С.А. Григорьева, В.О. Ильин [и др.]. – М.: ООО «Вариант», 2020. – 376 с.
17. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / Д.Н. Замятин, Н.Ю. Замятина, И.И. Митин. – М.: Институт Наследия, 2008. – 760 с.

Urban Studies in Russia: Interdisciplinary Foundations and Stages of Development

Kozlova Yu.V.
Expert of the project office of Humanitarian analytics, researcher in the implementation of the project N 23-18-00288 of the Moscow City University, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

The article presents an overview of domestic urban studies in order to characterize the content of the concepts of "urban planning", "urbanism", "social urbanism" at certain historical stages. The importance of integrating the heritage of key figures of Russian social urbanism for the development of a categorical and methodological apparatus adequate to modern urban social problems is emphasized. On this basis, interdisciplinary approaches to the humanitarian study of the city, significant from the author's point of view, are given, the justification for the need to integrate the concepts of classical urbanism and modern multidisciplinary approaches to solving social problems of the city is given. The presented analysis is aimed at developing a meta-model of modern Russian urbanism based on interdisciplinary dialogue and scientific reflection. The findings substantiate the need to form an expert community on the social problems of the city, which would serve to improve the quality of solutions to urban problems.

Key words: urbanism, sociology of the city, "urban research", system-synergetic model of the city, socio-ecological metabolic model of the city, new urbanism

УДК 316.334.3

Риски в деятельности некоммерческих организаций в современной России

Негматов Л.Н.
Доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов)

В статье рассмотрена деятельность некоммерческих организаций, являющихся важным агентом формирования общественного доверия как неотъемлемой характеристики социального капитала. Также приведены итоги экспертного опроса по теме основных проблем и рисков, с которыми сталкиваются НКО в современной России, представленные выводы проиллюстрированы мнениями опрошенных представителей третьего сектора.

Ключевые слова: некоммерческие организации, доверие, социальный капитал, российское общество

Необходимость мобилизации всего российского общества на достижение целей устойчивого развития обусловлена наступлением периода, который обозначен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным как «рубежное для нашей страны время, период кардинальных, необратимых перемен во всем мире, важнейших исторических событий, которые определяют будущее нашей страны и нашего народа, когда на каждом из нас лежит колоссальная ответственность» [1].

В этой ситуации неизбежным выглядит обращение государства и общества к проблеме доверия — как институционального, так и межличностного. Наращивание социального капитала, его объема и качества способно серьезно повлиять на достижение общественного компромисса по существенным вопросам, стоящим сегодня перед российским социумом, поскольку поддержание привычного уровня жизни при условии ведения страной боевых действий в ситуации крайней нестабильности международных рынков и тектонических изменений в международных отношениях возможно исключительно при условии максимальной социальной интеграции граждан. Для того, чтобы глубже проникнуть в сущность рассматриваемой проблемы, нужно определиться с основными понятиями.

Термин «доверие» в последнее время стал использоваться даже теми отраслями науки, которым ранее он был совершенно не присущ в силу его кажущейся умозрительности. Так, сегодня доверие уже рассматривается в экономике, маркетинге и практически во всех социогуманитарных науках, хотя ранее считалось сугубым предметом исследования социологии и социальной психологии. Для целей нашего исследования будем понимать под доверием неотъемлемую характеристику социального капитала, обладающую регулятивным характером в системе общественных отношений и позволяющую устранить несовершенство формальных механизмов координирования групповых и межличностных связей.

Понятие «социальный капитал» появилось по историческим меркам недавно – первое его упоминание в научной литературе относится к началу XX столетия и принадлежит Л.Д. Ханифану, который в 1916 г. употребил его в рамках общественной дискуссии относительно судьбы американской сельской школы. «Сначала социальный капитал должен аккумулироваться. Затем начнется улучшение сообщества. Чем больше люди вкладываются в общее дело, тем мощнее будет социальный капитал группы и тем значительнее будут дивиденды от социальных вложений» [2, p. 138]. При этом Ханифан не раскрыл ни механику, ни инструментарий наращивания социального капитала, а к концептуализации этого понятия наука вернулась спустя более чем шесть десятков лет. В своем исследовании «Формы капитала» П. Бурдье называет социальный капитал

совокупностью реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе [3, с. 63]. Его идеи развил Дж. Коулман, который отмечал, что социальный капитал в большей степени накапливается в тех обществах, где выше надежность социальной среды, а люди менее изолированы друг от друга и больше доверяют друг другу [4, с. 122–139].

То есть формирование социального капитала (несмотря на большое число справедливых критических вопросов в отношении этого понятия) невозможно без доверия. Так, Э. Гидденс определяет доверие как механизм ослабления, нивелирования опасностей в обществе и указывает, что доверие является неотъемлемой характеристикой именно правильного функционирования социальных систем [5, s. 49–50].

В ситуации, когда на привычное тотальное недоверие всех ко всем, присущее всем обществам эпохи постмодерна (а особенно обществам на постсоветском пространстве), накладываются дополнительные вызовы, вызванные возрастанием внешне- и внутриполитической турбулентности, для устойчивого существования социума жизненно необходимы площадки, способные служить демпферами как между индивидами, так и между социальными группами, а глобальнее – между обществом и государством.

Испытанным и надежным механизмом снижения взаимного недоверия способны стать некоммерческие организации, которые реализуют социальные проекты или ведут постоянную деятельность в самых различных, но всегда наиболее чувствительных для общества сферах [6, с. 108]. Так, если проследить уровень общественного доверия к тем или иным социальным институтам, то можно увидеть, что, согласно данным опросов, в сентябре 2023 г. российским благотворительным организациям (а в силу невысокого уровня информированности населения об организационно-правовых формах НКО к этой категории в массовом сознании относится весь третий сектор) вполне доверяли 51 % опрошенных, это шестое место среди общественных институтов и здесь позади НКО остались региональные (48 %) и местные (45 %) власти, Совет Федерации (45 %) и Государственная Дума ФС РФ (46 %), политические партии (37 %) [7].

В связи с высокой значимостью некоммерческих организаций для формирования общественного доверия в рамках нашего исследования было решено провести экспертный опрос руководителей 11 некоммерческих организаций из четырех регионов страны (Республика Дагестан – 2, Республика Татарстан – 3, Новгородская область – 2, Саратовская область – 4) с целью выявления основных рисков и препятствий деятельности организаций третьего сектора с точки зрения людей, непосредственно занятых этой работой. В опросе приняли участие представители нескольких направлений деятельности НКО:

– социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан;

– охрана окружающей среды и защита животных;

– оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;

– профилактика социально опасных форм поведения граждан;

– благотворительная деятельность, а также деятельность в области организации и поддержки благотворительности и добровольчества (волонтерства);

– деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности;

– развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации;

– деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан Российской Федерации;

– проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков защитников Отечества, установление имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества;

– социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов [8].

По итогам опроса был синтезирован перечень основных рисков и проблем в деятельности НКО, которые тем или иным образом были обозначены как существенные всеми опрошенными. Для иллюстрации каждой проблемы нами была выбрана одна, наиболее ярко, на наш взгляд, описывающая ситуацию цитата из ответов экспертов в ходе диалога:

1. Низкий уровень информированности населения о деятельности некоммерческого сектора, о целях и миссии функционирования этой сферы – «*у нас в стране, и мы видим это по своей деятельности, очень серьезная база поддержки деятельности НКО, но эта база “спит”. Почему – вопрос непростой, но наиболее существенной причиной этого мы видим слабую информированность о нашей работе. К помощи некоммерческих организаций прибегают люди, находящиеся в состоянии нужды, причем необязательно в негативном смысле: человек может*

находиться не только в беде и опасности, но и в поиске смысла жизни или самореализации; приход в НКО за поддержкой в равной степени нужен людям как с ограничениями, так и с амбициями. Но организовать широкое информирование в ситуации абсолютной информационной перегруженности интернет-пространства, с одной стороны, и полной незаинтересованности в продвижении социально ответственного поведения со стороны традиционных СМИ, с другой, для нас крайне проблематично. И здесь в первую очередь нужна поддержка региональных властей».

2. Административные барьеры и «недружелюбность» регуляторной среды – «*самой большой проблемой для НКО является подготовка отчетности при абсолютной непонятности правил игры. Проблема не в том, что нам нечем отчитаться, нет понятных и четких алгоритмов, методических рекомендаций, консультирования при подготовке документов. Нередко чиновники подходят к третьему сектору экономики с той же линейкой, что и к бизнесу. И это постоянно приводит к негативным последствиям, к взаимному непониманию, а в конечном счете к закрытию НКО и отказу активных граждан от работы именно из-за несовершенства правового поля*».

3. Непонимание руководством региональных органов исполнительной власти, а в некоторых случаев и высшими должностными лицами регионов специфики работы НКО и важности их деятельности в решении социальных проблем – «*в нашей области большая численность населения, протяженная государственная граница, существенная доля сельских жителей, численность пожилых граждан серьезно превышает численность трудоспособного населения, есть вопросы с миграцией из-за рубежа к нам и наших жителей в более благополучные регионы, и это я не называю общих проблем с образованием, здравоохранением, социальной поддержкой, борьбой с зависимостями – со всеми этими вопросами региональные НКО могут и умеют бороться, но наш губернатор воспринимает третий сектор как "грантоедов", которые живут на иностранные деньги, хотя зарубежное финансирование получали единицы из нас, в основном мы существуем на средства частных жертвователей и благодаря волонтерскому труду. Стыдно сказать, но глава региона за годы работы на разных руководящих должностях в области ни разу не встречался с представителями НКО. В то же время Президент В.В. Путин проводит такие встречи в формате прямого диалога не менее двух раз в год*».

4. Спорадическое распределение НКО по стране и внутри регионов – «*понятно, что в Москве и центрах регионов находится наибольшее число НКО – просто в силу тяготения более активных граждан к мегаполисам. Но мы видим неравномерность распространения НКО даже здесь: в крупных сибирских и дальневосточных городах далеко не везде одинаков уровень развития третьего сектора, и Якутия, и Красноярский край выглядят на этой карте яркими пятнами, вокруг которых зияет черная пустота. То же самое внутри регионов – огромная редкость, чтобы в каком-то малом городе или селе были свои НКО за пределами традиционного набора (православный приход, совет ветеранов, общество инвалидов)*».

5. Неуспешный поколенческий трансферт – «*в силу разных причин в зарекомендовавших себя успешных НКО не происходит переход управления к новому поколению. Где-то пожилые основатели организации не желают отдать бразды правления молодежи, и это еще не худший вариант, поскольку управленческая смена существует и рано или поздно просто в силу естественных причин обретет свое место, а где-то передать власть просто некому, поскольку в деятельности НКО молодежь или хотя бы люди в возрасте до 45 лет не вовлечены вовсе*».

6. Подверженность деятельности третьего сектора конъюнктуре – «*увы, "мода" на направления деятельности очень сильно влияет на отраслевой срез работы НКО. До начала пандемии COVID-19 регистрировалось огромное количество организаций, занимающихся пропагандой здорового образа жизни и реализующих проекты по вовлечению в массовый спорт людей всех возрастов. Когда начался режим самоизоляции и все массовые мероприятия оказались под запретом, случился "большой переход" в волонтерскую, реабилитационную, восстановительную работу, онлайн-образование и т.п. С началом специальной военной операции стали появляться НКО, желающие заниматься только сбором пожертвований на амуницию и расходные материалы, помощью беженцам, поддержкой жителей новых территорий. Нужно сказать, что цикл жизни таких НКО в большинстве случаев недолог – мода преходяща, а с ней быстро тает и интерес общества к тому или иному направлению. Остаются только те, кто искренне пришел делать дело, а не надеется на быстрый гешефт в виде денег, общественного признания или других нематериальных достижений*».

7. Возможность получения финансирования в основном по государственным каналам – «*в сегодняшних условиях крайне сложно привлечь деньги где-то, кроме федеральных институтов развития. Если мы говорим о корпоративных социальных программах бизнеса, то сейчас в силу экономических причин они "схлопываются" до заботы о собственных сотрудниках и их семьях. Пожертвования частных лицо либо "отжаты" федеральными благотворительными фондами, поддерживаемыми медийным ресурсом крупных СМИ, телеком-операторов, из-*

вестными личностями от культуры и искусства, либо "зажаты" жертвователями в страхе перед участившимися случаями мошенничества и недоверием к НКО из-за использования непрозрачных схем движения финансов в ряде фондов, созданных политической оппозицией для сбора средств под благовидными предлогами на собственную роскошную жизнь. К счастью, сейчас появился Фонд президентских грантов, в котором практически любая НКО может получить поддержку на реализацию своего проекта при условии честной и прозрачной работы, причем, по нашему опыту, получить президентский грант проще и безопаснее, чем грант от регионального правительства, поскольку первый дается на доброе дело, а второй предоставляется как подачка в расчете на молчание и лояльность».

Таким образом, можно увидеть, что все обозначенные риски, подтвержденные самими представителями некоммерческого сектора, лежат вне экономического поля и подразумевают необходимость реализации мер информационно-образовательного и организационного характера. В числе таких мер, как представляется, могут быть предложены:

– внедрение в среднем и высшем звене профессионального образования технологий формирования проектного мышления как ключевой компетенции для работы, в том числе в некоммерческом секторе;

– реализация краткосрочных образовательных программ для сотрудников и волонтеров НКО для формирования у них понимания особенностей управленческой и экономической модели деятельности НКО;

– работа над контекстным информированием о теории коллективных действий, взаимодействии государства и гражданского общества, организационных и политических особенностях практики взаимодействия органов власти с третьим сектором;

– выявление и продвижение коллективных и индивидуальных лидеров, лучших практик, масштабирование успешных проектов;

– активное информирование в средствах массовой информации и коммуникации о деятельности НКО, в том числе с использованием таргетинга;

– продолжение внедрения стандарта открытости НКО;

– борьба с попытками маргинализации профессиональной самореализации в третьем секторе – то, чем сегодня активно занимаются Фонд президентских грантов и Общественная палата РФ;

– стимулировать взаимодействие государственных и негосударственных организаций, особенно участвующих в решении одной социальной (правовой, экологической и т.п.) проблемы;

– формирование понимания у самих НКО, что идеальная стратегия развития организации должна предполагать не постоянную текущую работу в конкретном проблемном поле, а максимальное сосредоточение усилий по решению проблемы, ради которой НКО создана (либо устранение проблемы, либо переход к реализации регулярной государственной политики в отношении конкретного вопроса), и в конечном итоге закрытие организации или переход к совершенно новой тематике работы.

Эти меры, разработанные нами по результатам исследования, оценены большинством повторно опрошенных экспертов как потенциально эффективные. И более того, как отметили руководители НКО, если не приступить как можно скорее к реализации этих и других решений, уже в ближайшие годы мы можем столкнуться со значительным снижением численности как некоммерческих организаций, так и вовлеченного в их деятельность населения, что, в свою очередь, повлечет за собой негативные последствия в виде снижения общественного доверия и возможностей выстраивания конструктивного диалога внутри российского общества, нуждающегося в снижении остроты поляризации мнений и в максимальной мобилизации на достижение целей средне- и долгосрочного развития и обеспечения безопасности страны.

Литература:

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565
2. Hanifan L.J. The Rural School Community Center // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1916. – Vol. 67. – № 1. – P. 138.
3. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60-74.
4. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
5. Giddens A. Konsequenzen der Moderne. – Fr.a.M., 1995. – 224 p.
6. Шиняева О.В., Каюмова Л.Х. Роль некоммерческих организаций в укреплении социальной интеграции россиян // АНИ: педагогика и психология. – 2015. – № 1 (10). – С. 108–111.

7. Институциональное доверие: сентябрь 2023: ежегодный опрос об уровне доверия основным государственным и общественным институтам в Российской Федерации. – URL: https://www.levada.ru/2023/10/12/institutsionalnoe-doverie-sentyabr-2023/
8. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

Risks in the Activities of Non-Profit Organizations in Modern Russia

Negmatov L.N.
Volga Region Institute of Management of P.A. Stolypin branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov)

The article examines the activities of non-profit organizations, which are an important agent in the formation of public trust as an integral characteristic of social capital. The results of an expert survey on the topic of the main problems and risks faced by NPOs in modern Russia are also presented; the presented conclusions are illustrated by the opinions of surveyed representatives of the third sector.

Key words: non-profit organizations, trust, social capital, Russian society

УДК. 316.45

Критерии сформированности гражданской идентичности российской молодежи: региональный аспект

Никонова Э.И.
Кандидат социологических наук, доцент
кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии
Казанского государственного архитектурно-строительного университета

В статье анализируются основные параметры гражданской идентичности молодежи, формирующейся в условиях внешних и внутренних вызовов российскому обществу. На основе обобщения исследовательского опыта автор показывает взаимосвязь компонентов государственной идентичности, уровня самосознания и самоидентификации обучающихся в вузе, учитывая важность эмоционального компонента в процессе идентификации личности.

Ключевые слова: идентичность, молодежь, ценности, гражданственность, патриотизм, идентификация

В условиях глобальных внешних и внутренних вызовов нашей стране, в сложной геополитической ситуации, «селективной деглобализации» общества, в контексте трансформации национально-культурной идентичности российской молодежи возникает необходимость переосмысления моделей и образцов поведения, обусловливающих формирование основ гражданской идентичности. Социальное развитие молодежи в условиях глобализации привело к появлению рисков и угроз ее национальной, культурной и государственной идентичности.

Идентичность в сознании российской молодежи в условиях глобализации во многом «переориентировалась» на западные образцы потребления, индивидуализма при низкой готовности к выполнению традиционных социальных ролей, гражданских обязанностей, к сплоченности и межпоколенному взаимодействию. Этому есть вполне исчерпывающее объяснение: утрата ценностей советского периода и формирование у молодежи новых в период распада системы осуществлялось под активным давлением Запада. Европейские ценности «парализовали» формирование гражданской идентичности молодежи России, изменяя установки и мировоззрение. «Современная российская идентичность – это проект новой России, направленный на то, чтобы объединить в новую общность народы страны, прежде объединённые советским проектом» [1, с. 144].

Гражданскую идентичность российской молодежи следует рассматривать как особый конструкт, «цементирующий» и стабилизирующий функциональные зависимости в общественной системе в условиях неопределенности и социальной напряженности. В концепции Э. Гидденса «идентичность определяется культурой и сферой политики, а также национальным самосознанием» [2, с. 59]. Исследователи определяют параметры национально-культурной идентичности, одним из компонентов которой считают и гражданскую идентичность, включающую государственную идентификацию (отождествление с гражданами России), надгосударственную идентификацию (самоидентификация, космополитизм), патриотические установки (понимание и принятие роли патриота) и гражданственность (понимание прав и обязанностей гражданина) [2, с. 72].

Одновременно с этим гражданская идентичность «означает наличие сложившегося образа "мы", чувства общности, солидарности, ответственности за страну» [3, с. 108]. Исследователи обращают внимание на то, что «формирование гражданской идентичности выступает вопросом национальной безопасности», поскольку «отсутствие чувства принадлежности к своей Родине, непринятие гражданских ценностей у молодежи могут привести к зарождению и развитию экстремистских настроений

в молодежной среде» [3, с. 109]. Обратимся к статистике: *согласно результатам исследования ВЦИОМ, среди россиян от 14 до 35 лет более склонны считать себя «гражданином мира» люди в возрасте от 18 до 24 лет (35 %) и граждане от 30 до 35 (28 %), а чувство патриотизма присуще 14-15 летним (70 %)* [4].

Актуализация проблем формирования российской идентичности связана с принятием Стратегии государственной национальной политики до 2025 г., программа реализации которой «включает в себя укрепление единства многонационального народа России (российской нации), общероссийской гражданской идентичности» [5, с. 482]; с внесением поправок в Конституцию РФ. В научных работах обращается внимание на этапизацию изучения российской идентичности. Так, с 1989 г. российская идентичность рассматривалась (впервые – В.А. Тишковым) «в этнополитическом фокусе, главным образом в соотношении с этнической идентичностью»; в середине 90-х гг. – как «индикатор состояния общества, солидарных тенденций в ней», в 2000-х гг. – через «раскрытие таких аспектов, как патриотичность, распространенность демократических ценностей, ориентация на рыночные отношения»; в настоящее время – «как отождествление себя с общностью, представления о ней, эмоциональное переживание этих представлений (гордость, патриотизм) и готовность к действию» [5, с. 483].

Исследование гражданской идентичности молодежи России, ее регионального аспекта в значительной степени зависит от этнокультурного многообразия – фундамента межэтнической общности, спектра ее культурной, социальной и индивидуальной жизни [6]. Поскольку гражданственность российской молодежи тесно связана с патриотическими чувствами, любовью к своей родной земле, семье, осознание принадлежности к сообществу граждан своего государства имеет для россиянина особый смысл и значимость. Содержание ценностного отношения гражданской идентичности как личностного образования формирует такие ценности, как: «родина», «ответственность», «долг», «человек как гражданин», «гордость», «справедливость», «любовь к родине, отечеству», «привязанность к малой родине», «уважение к закону», «законопослушание», «преданность» [7, с. 249].

Гражданская идентичность представляется нам сложной системой, динамичной, постоянно адаптирующейся к современным реалиям, в связи с чем критерии сформированности этнокультурной, региональной идентичности, самоидентичности и критерии сформированности патриотизма, гражданственности тесно взаимосвязаны. Кроме того, эмоциональный компонент и его составляющие отчетливо проявляется в ходе анализа результатов нашего исследования.

В нашем исследовании гражданской идентичности молодежи применены два социологических подхода: количественный (*анкетный экспресс-опрос*) и качественно-количественный (*контент-анализ эссе*). Для количественного анализа разработан опросный лист, содержащий ряд вопросов, касающихся самоидентичности обучающейся молодежи, выбора факторов успешности личности в современном обществе, социальных характеристик, отношения к патриотизму, представления о Родине. Выборочная совокупность включала 385 человек (мужчин – 46 % и женщин – 54 %), обучающихся в вузах г. Казани. Результаты опроса показали следующее:

1. На вопрос «Нашли ли вы себя в жизни?» ответили «да» – 19,8 % рпеспондентов; скорее да, чем нет – 50,9 %; ответили «нет» – 29,2 %. Около 1/3 обучающихся в вузе испытывает состояние неопределенности, что вполне закономерно и продиктовано общемировой тенденцией, нестабильностью социально-политической системы, экономической ситуацией.

2. На вопрос «Кем я себя считаю в первую очередь?», мнения распределились в следующем порядке: 30,0 % опрошенных ответили – гражданином России; 28,7 % назвали бы себя «просто человек»; назвали бы себя студентом – 17,1 %; национальная принадлежность в первую очередь – у 10,7 %; гражданин мира – 4 %; обозначили прежде всего пол – 3 % опрошенных.

Понятие самоидентичности связано с пониманием личностью своей индивидуальности, рациональным отношением к своим достоинствам и недостаткам. Это внутреннее, субъективное понятие о себе, единство установок, целей, мотивов и собственно «Я – образа». Понимание гражданской идентичности как самоопределения индивида в обществе, включая его привязанность к этому обществу и восприятие своей роли в политической и гражданской жизни, определенных смыслов формирует систему действий, согласно личностным убеждениям, ценностным ориентирам.

3. Понятие «Родина» в первую очередь означает: родной край, регион, город – для 42,2 %; семья и родные – для 34,0 %; страна Российская Федерация – для 19,0 % на первом месте; 4 % считают родиной в первую очередь свой двор, дом, улицу. Формирование гражданской идентичности молодежи осуществляется в первую очередь через привязанность к семье, родному краю, учитывая этнокультурные традиции, обычаи, региональные особенности, участвующие в процессе идентификации. Приверженность к месту рождения, семье в большей степени влияет на процесс самоидентификации, оказывая влияние на становление гражданской (государственной) идентичности в целом.

4. Главными качествами, которыми должен обладать человек в современном обществе, считают:

порядочность, честность и нравственность – 62,7 % респондентов; широкий кругозор и высокий интеллект – 48,6 %; целеустремленность и уверенность в делах – 46,3 %; самостоятельность и независимость – 31,3 %; уважительное отношение к закону, законопослушание – 27,9 %; терпение и выносливость – 23,8 %; гражданскую ответственность назвали – 13,3 %. Такие качества, как преданность, бескорыстие и человеколюбие в выборе, всего лишь 3,3 % опрошенных.

По мнению исследователей, гражданская идентичность может пересекаться с моральной идентичностью в случае, когда на основе моральной идентичности человек определяет свое место и предназначение в жизни; моральная идентичность выступает «степенью, в которой моральные ценности, такие как справедливость, доброта и сострадание, определяют действия человека» [8, с. 70]. Направленность деятельности на созидание, повышение уровня образования, самообразование, интеллектуальное развитие в значительной мере укрепляет позиции личности в структуре общественных отношений.

5. На вопрос «Что для вас означает быть патриотом?» ответы респондентов распределились следующим образом: любить свою страну, несмотря ни на что, – ответили 38,1 %; отстаивать достоинство и честь своей страны в любой ситуации – 19,4 %; быть готовым служить своей стране и защищать ее – мнение 13,3 %; делать все возможное, чтобы помочь людям, – 12,6 %; говорить всегда правду о стране, даже если она и неприятная – считает 8,8 %. Патриотизм – один из показателей сформированности гражданской идентичности, следовательно, у респондентов есть понимание сущности патриотизма, и некоторую степень готовности служить стране можно оценить.

6. Показатель успешности в жизни для 59,2 % респондентов – это крепкая семья, дети; для 43,2 % – это богатство, собственность, деньги; считают, что главное – это достоинство, честь, репутация, – 29,6 % опрошенных; престижная профессия, должность – у 25,5 %; надежные, верные друзья и интересная, творческая работа – по 23,1 %. Влияние и власть, как показатели успешности, на последнем месте – выбрали 7,8 % респондентов. Около 1/3 респондентов одним из главных показателей успешности считают честь и достоинство, репутацию человека, что не может не внушать оптимизма. Развитие морально-нравственных качеств российской молодежи в значительной мере способствует социальной сплоченности различных общностей, укреплению межпоколенных взаимодействий. Так, результаты опроса (ВЦИОМ) показывают, что большинство россиян считают крепкую семью самой важной ценностью в жизни, что подтверждают и наши результаты опроса. Кроме того, объявленный Президентом России 2024 г. Годом семьи, оказался темой, созвучной мнениям большинства россиян [9].

Контент-анализ эссе, выполненных в условиях образовательного процесса, способствует более глубокому пониманию проблем идентичности российской молодежи не только гражданской, но и показывает эмоциональную окрашенность чувства принадлежности к определенной группе, общности, отношения к Родине, поддержке окружающих людей, традиционным ценностям, близости к природе. Кроме того, становятся более понятными те или иные позиции авторов эссе по данной проблематике. Этот метод явился хорошим дополнением к анкетному опросу, позволил выявить не затронутые в анкете проблемы, определить, в каком направлении следует изучать данную тему далее. В основу системы кодирования мы положили такую характеристику содержания текста, как частота высказываний, имеющих особую значимость для исследования.

Тема эссе: «*Россия – моя большая и малая Родина*». Выбор темы исследования нами был сделан не случайно. Этому во многом способствовало включение в образовательный процесс дисциплины «Основы российской государственности», одним из разделов которой является знание о России как о стране с колоссальными ресурсами, территорией, природными богатствами и выдающимися людьми с уникальным русским характером. Эссе выполнены обучающимися на первом курсе технического вуза.

В процессе исследования были отобраны 9 смысловых индикаторов (единиц), имеющих значение для определения уровня сформированности гражданской идентичности студенческой молодежи. Так, в качестве смысловых единиц эссе в нашем исследовании были выбраны высказывания о Родине, стране, принадлежности к определенной территории, о важности семьи, близких людей, гражданской ответственности. Результаты анализа эссе в количестве *130 работ* показали:

1. Описание территории страны, природных богатств, основных ресурсов, главных архитектурных сооружений отмечено у 34,6 % авторов (от общего количества – 130 работ);

2. Гордость за свою страну, историю развития – у 29,2 % авторов;

3. Восхищение страной, признание величественности – у 16,2 % авторов;

4. Важность традиций, основных ценностей России отмечает 12,3 % авторов работ;

5. Поддержку близких, семьи, важность социального окружения отметили 22,3 %;

6. Отметили необходимость участия в будущем России, ее развитии 6,2 % авторов;

7. Любовь к своему краю, малой Родине выразили 31,5 % авторов работ;

8. Необходимость ответственности за свою страну отметили 8,1 % авторов.

9. Обозначили проблемные зоны России, выразили осуждение предателей Родины 9,2 % авторов эссе.

Таким образом, на *первом месте* – представления обучающихся о «большой» Родине как о стране с огромными территориями, богатствами, ресурсами (в 34,6 % авторских эссе); на *втором* – любовь к своему краю, малой Родине (у 31,5 % авторов); на *третьем* – гордость за свою страну, историю развития (у 29,2 %); на *четвертом месте* – поддержка близких, семьи, важность социального окружения (у 22,3 %); на *пятом* – восхищение страной, признание величественности государства (у 16,2 % авторов). Гордость и восхищение своей страной – важный показатель сформированности гражданской (государственной) идентичности, имеющий эмоциональную составляющую; потребность в семье, близких, важность социальной поддержки, любовь к своему родному краю формирует этнорегиональную идентичность как элемент культурно-национальной идентичности.

Положительным результатом анализа эссе, на наш взгляд, является выявление некоторой части обучающейся молодежи, показавшей озабоченность судьбой страны. Необходимость личной ответственности за страну отметили 8,1 % авторов; готовы участвовать в развитии страны – 6,2 %; осуждение предателей Родины и проблемные зоны зарегистрированы в работах 9,2 % авторов.

Обобщая опыт исследовательской работы и результаты исследования, автор констатирует, что гражданская идентичность современной российской молодежи представляет собой сложную систему, состоящую из различного уровня компонентов когнитивной, эмоционально-личностной и деятельностной направленности. Критериями сформированности гражданской идентичности, по нашему мнению, являются: единство гражданского и этнического сознания, патриотические установки, чувство ответственности за будущее страны, морально-нравственные качества человека и гражданина, уважение к законам государства, гражданская активность и деятельность, эмоциональный компонент (любовь, привязанность к семье, чувство единства с общностью).

В заключение необходимо обратить особое внимание на важность постановки и реализации педагогических целей и задач по формированию гражданской идентичности в условиях образовательного процесса. Во многом решению проблемы способствует включение в базовый блок учебных программ дисциплины «Основы российской государственности». Как показала непродолжительная по времени практика, это тот предмет, который формирует у обучающегося комплекс необходимых знаний и понимание важности становления личности, «идентичной» своей стране, общности, региону.

Литература:

1. Викторова Е.В., Петренко Д.А., Власова Н.В., Шишкина Е.В. Европейская и национальная идентичность в представлениях современной российской молодёжи: кейс Санкт-Петербурга // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13. – № 1. – С. 144–169.
2. Смакотина Н.Л., Хвыля-Олинтер Н.А. Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки // Вестн. моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 2. – С. 59–79.
3. Магранов А.С., Деточенко Л.С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. – 2018. – № 8. – С.108–116.
4. Федоров В.В. Космополитизм у молодежи в России не является характерным явлением (11.12.2022). – URL: https://news.ru/society/glava-vciom-predskazal-rost-patriotizma-u-molodezhi/.
5. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4 (158). – С. 480–498.
6. Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве: коллективная монография / Под общ. ред. д-ра социол. наук, проф. Р.Б. Шайхисламова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 188 с.
7. Нефедова Н.М. Формирование гражданской идентичности молодежи на основе историко-культурного наследия как универсальной ценности // Формирование гражданской идентичности молодежи на основе историко-культурного наследия как универсальной ценности, посвященной 100-летию образования ТАССР (сб. материалов Межд. науч.-практ. конф.) / Под ред. С.Л. Алексеева, Р.Х. Гильмеевой. – Казань, 2019. – С. 248–252.
8. Анисимова Е.Г. Учебная деятельность как фактор формирования гражданской идентичности обучающихся // Гражданская идентичность современной молодежи: вызовы, решения, перспективы: сб. докладов по материалам Всерос. науч.-практ. конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов (Саратов, 17 мая 2023 г.) / Под ред. А.И. Заграничного, В.В. Щебланової. – Саратов: Амирит, 2023. – 96 с.
9. В фокусе: семья, традиции и патриотизм: опрос показал самые важные ценности в жизни россиян. – URL: https://vfokuse.mail.ru/article/semya-tradicii-i-patriotizm-opros-pokazal-samye-vazhnye-cennosti-v-zhizni-rossiyan-58735550/.

Criteria for the Formation of the Civic Identity of Russian Youth: a Regional Aspect

Nikonova E.I.
Kazan State University of Architecture and Engineering

The article analyzes the main parameters of the civic identity of young people, formed in the conditions of external and internal challenges to Russian society. Based on the generalization of research experience, the author shows the relationship between the components of state identity and the level of self-awareness and self-identification of students at the university, considering the importance of the emotional component in the identification process.

Key words: identity, youth, values, citizenship, patriotism, identification

УДК 316.485

Проблемы эффективности противодействия нарративам политического и этнического экстремизма в интернет-пространстве: финно-угорский аспект

Поздеев И.Л.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук

Тенсин М.В.
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры экономики и управления Ижевского филиала Российского университета кооперации

Анализ социальных сетей, интернет-ресурсов российских и зарубежных общественных организаций, средств массовой информации показывает, что после начала Специальной военной операции в российском обществе активизировалась деятельность по межэтническому и межконфессиональному расколу российского общества. Усилия зарубежных структур направлены на формирование в обществе негативных настроений к существующей в России политической, национальной и конфессиональный ситуации. Все это усугубляет социокультурную напряженность, потенциально способствуя росту экстремистских настроений, недоверию к власти, проявлениям ненависти и вражды.

Ключевые слова: противодействие экстремизму, финно-угорские народы, регионы, специальная военная операция, мониторинг, агенты влияния

Конституционный строй Российской Федерации в качестве фундамента многонационального и поликонфессионального социума предполагает общественное согласие по наиболее важным вопросам взаимодействия общества и институтов государственного управления. Во многом благополучная ситуация основывается на исторически сложившемся опыте межэтнического и конфессионального взаимодействия, относительно благоприятной экономической конъюнктуре, отсутствии серьезных геополитических вызовов. В Удмуртии сосуществование трех крупных этнокультурных (этноязыковых) массивов – славянского, финно-угорского, тюркского способствовало активному культурному взаимодействию разных групп населения и во многом обусловило полиэтничный и поликонфессиональный колорит края [1, с. 221].

После начала Специальной военной операции в 2022 г. обстоятельства кардинально изменились: против России введено беспрецедентное в мировой истории количество санкций, способствующих обострению социально-экономической ситуации в регионах страны, зарубежными спецслужбами проводится целенаправленная и систематическая работа по расколу российского общества по этническому и религиозному принципу.

Целью статьи является выявление факторов распространения идей политического и национального экстремизма среди российских финно-угорских народов в условиях Специальной военной операции. В основу данной статьи легли результаты мониторинга социальных сетей, интернет-ресурсов российских и зарубежных НКО, иностранных, феде-

ральных, региональных печатных и электронных СМИ, показывающих актуализацию этнического фактора в контексте протекающих политических и социально-экономических процессов.

Перед зарубежными спецслужбами в противостоянии с Россией одной из ключевых является задача победы в информационной войне против нашей страны. Как отметил бывший исполняющий обязанности директора Разведывательного управления Министерства обороны США Дэвид Р. Шедд в июне 2022 г. в своей статье для журнала «*Politico*», «информационные операции США должны использовать русский национализм, чтобы переиграть Кремль, подчеркивая ущерб, нанесенный войной России, разоблачая коррупцию и несправедливость внутри России, а также используя недовольство российских этнических меньшинств» [2]. Данный подход фактически является практической реализацией выделенного Э. Геллнером постулата, в соответствии с которым «нарушение националистического принципа соответствия государства и нации глубоко оскорбляет националистическое чувство, но разные нарушения этого принципа оскорбляют его в разной степени. Более всего оскорбляет его этническое различие между теми, кто управляет и теми, кем управляют» [3, с. 274].

Также Дэвид Р. Шедд, говоря о способах формирования восприятия информации простыми россиянами, настаивал на том, что необходимо «стремиться к установлению партнерских отношений с русскоязычными влиятельными лицами в социальных сетях, чтобы помочь им распространять сообщения внутри России» [2]. В нашем случае основными проводниками западных идей часто выступают люди, известные в финно-угорских республиках. В их числе иностранцы, жившие здесь (например, преподаватель польского языка Петр Палган, преподаватель финского языка Эса-Юсси Салминен), а также выехавшие жители национальных республик (С. Едыгарова, А. Медведев, М. Тронин, Палладя Башурова (Полина Титова), С. Антонов (сооргнизатор движения «За свободную Удмуртию» [4]) и др.), формирующие вокруг себя круг единомышленников из национальных республик.

Иностранные преподаватели, работавшие в Удмуртии, хорошо знают удмуртский язык и часто обращаются к своим читателям на удмуртском, формируя доверительное к себе отношение. Более того, долгое проживание в регионе, активное взаимодействие с местными жителями (в том числе со студентами и преподавателями) сделали их узнаваемыми в регионе. К примеру, Э-Ю. Салминен, родившийся в г. Фенвон южной части Финляндии, стал осваивать марийский и удмуртский языки во время учебы в Университете Турку, «весной 1997 г. один семестр изучал в Ижевске удмуртский язык, в 2001–2002 гг. снова был в столице Удмуртии в качестве стажера. Затем неоднократно работал лектором финского языка в Йошкар-Оле и Ижевске» [5, с. 92]. На своих страницах иностранные преподаватели делают репосты иностранных СМИ, блогеров, зарубежных общественных деятелей и организаций, критикующих действия российских властей. Основными темами информационного воздействия стали Спецоперация на территории Украины, разрушение экономики России и политическая ситуация в стране. При этом критическая информация дается дозированно, перемежаясь материалами по культуре и истории финно-угорских народов, отсутствуют откровенно экстремистские материалы. В этом случае у читателей не возникает ощущения, что их прямо напитывают западной пропагандой, а скорее знакомят с альтернативной точкой зрения.

В качестве примера хотелось бы привести один из постов со страницы Э-Ю. Салминена, начинающийся со слов «Иди на любое финское кладбище и посмотри там ряды молодых людей, которые погибли, защищая свою родину от советской агрессии» [6]. В своей публикации автор, говоря о Зимней войне 1939–1940 гг., проводит параллель между событиями того времени и современностью, упрекая Россию в склонности к тоталитаризму, а население страны – в зомбированности «как и во время зимней войны» и подверженности государственной идеологии, «даже хуже, чем в 30-х». И мысли автора поста находят определенный отклик среди жителей финно-угорских регионов: в комментариях встречаются мнения, что «героизм финских солдат – пример для младших братьев урало-волжских республик финно-угорского мира», «марийцы могли бы обустроить свою жизнь как финны, но сегодня они поддерживают тех, кто хочет устроить украинцам то, что марийцы пережили во второй половине 16 века», «удмурты могли бы как в Эстонии жить, а живем как в Бурятии» и др.

Активное информационное воздействие оказывают и некоторые жители Удмуртии, уехавшие в свое время за границу. Их материалы в соцсетях часто бывают весьма эмоциональными и привлекающими значительное внимание. Всплеск публикаций пришелся, помимо начала СВО, на время проведения частичной мобилизации, объявленной 21 сентября 2022 г. Проживающий в США А. Медведев делится своими переживаниями: «третья суббота октября – день родственных финно-угорских народов. Среди моих знакомых или просто заметных представителей мордвы, коми, удмуртов и так далее оказалось много *Z*-активистов… это печально» [7]. Эмоциональные материалы размещала и С. Едыгарова, уроженка Шарканского района Удмуртской Республики, работающая в Университете Хельсинки, в своем авторском удмуртско-русско-финском блоге «Шумпотон» (Счастье) [8]: «*Яратоно удмурт пиосмурт, эн кошкы! Мон уг тодйськы, кызьы тон быгатод, но*

эн кошкы!...» («Дорогие, любимые мужчины, не уходите! Я не знаю, как вы сможете, но не уходите…»).

Как видим, одними из основных интернет-площадок для проведения агитационной работы на данный момент выступают социальные сети. И это вполне объяснимо: «широкий спектр возможностей при низких затратах делают новые медиа особенно эффективными в контексте манипулирования информацией» [9, с. 112]. Через соцсети среди удмуртов, марийцев, коми, мордвы, зачастую на их родных языках распространяется искаженная информация по истории нацстроительства, современного политического, межэтнического, конфессионального и языкового положения в стране, происходят попытки формирования образа Российской Федерации как империи, узурпатора прав национальных меньшинств, оставшейся в одиночестве.

Своеобразным рупором антироссийской пропаганды стал Оливер Лооде – руководитель Центра развития коренных народов «*URALIC*» (Эстония). В марте 2022 г. он обратился к представителям российских финно-угров с заявлением «Обращение в связи с войной в Украине», где предостерегает их от поддержки действий Российской Федерации на Украине, «потому что эти публичные высказывания поддержки к войне потом уже не удалить». Его заявление поддержали и другие зарубежные финно-угорские организации [10]. Более того, стремясь оказать влияние на национальную элиту в регионах России, был сформирован «Чёрный список Центра "*URALIC*": кто поддерживает войну против Украины», который «включает общественных деятелей среди финно-угорских и самодийских народов, тех, кто публично и однозначно выразили поддержку агрессии Российской Федерации против Украины». Примечателен сам способ формирования списка: «Список составлен командой Центра "*URALIC*" при поддержке независимых финно-угорских и самодийских активистов в разных регионах Российской Федерации». На март 2023 г. в «черный список» вошли 39 человек, в том числе из Удмуртии: Т.В. Ишматова, экс-президент Всеудмуртской ассоциации «Удмурт Кенеш», руководители Государственного ансамбля «Италмас» имени А. Мамонтова, А.В. Кочуров и А.В. Фирстов. Минюст РФ 14 сентября 2023 г. внес «*URALIC*» в список «нежелательных организаций» и их сайт недоступен для российских читателей [11].

Добавим, что именно О. Лооде одним из первых начал продвигать мысль о необходимости и неизбежности распада Российской Федерации: «*Единственная долгосрочная гарантия… это полная деколонизация Российской Федерации со всеми ее логическими последствиями*» (Оливер Лооде, 26.10.2022, Киев) [12].

Как видим, пропаганда направлена на попытку деморализации людей, раскола этнических элит и разрушения образа государства в сознании граждан, что должно было дестабилизировать власть и стать основой «цветных» революций [9, с. 115]. Однако имеет место не только информационное воздействие, но ведутся и практические действия по реализации идеи распада страны по этническому принципу, прежде всего через организационное оформление оппозиционных сил за рубежом. Здесь обращает на себя внимание деятельность Лиги свободных наций – «широкого фронта национальных движений», открыто декларирующих цель создания новых национальных государств и выхода из состава РФ, организации «Свободная финно-угрия», а также проведение Форумов народов пост-России, где обсуждаются вопросы разделения и «деколонизации» страны и др.

Одним из знаковых стало проведение в Эстонии 30 сентября – 1 октября 2022 г. так называемого Эрзянского национального съезда. Несмотря на небольшое количество участников, на съезде были приняты решения, среди которых – создание федеративного государства Эрзянь Мастор и выход из состава российского государства: «Съезд признал Республику Мордовия, Пензенскую, Ульяновскую, Нижегородскую, Рязанскую и Самарскую области нелегитимными территориально-административными образованиями, а "органы власти" данных образований – органами без представительных функций» [13]. До момента провозглашения независимости Эрзянь Мастор борьбу эрзянского народа за самоопределение возглавляет *кирдийюр* (национальные представительные органы) и *инязора* (главный старейшина). Одним из главных организаторов съезда стала созданная на Украине некоммерческая общественная организация «*ĔRZÄŃ VAL*» (Эрзянское слово), с одной стороны, содействующая сохранению идентичности эрзянского народа, развитию его языка, культуры и традиций, но в то же время активно участвующая в подрыве территориальной целостности Российской Федерации. В оргкомитет съезда вошёл также и упоминавшийся уже О. Лооде.

Не осталась без внимания и Удмуртская Республика: основными информационными ресурсами, продвигающими сепаратистские настроения, стали одноименные Ютуб и Телеграмм-каналы «Удмуртия против коррупции» [14]. На видеоканале неоднократно проходили онлайн-конференции по общим названием «*UDMURTIA* ЧУКАЗЕ: Контуры демократического будущего Удмуртии», где обсуждались вопросы взаимоотношения центра и регионов. Помимо лекции политолога, публициста Ф.Г. Крашенинникова, живущего с 2020 г. в Вильнюсе и признанного Минюстом РФ иноагентом, под заголовком «Кто отнял демократию у Удмуртии», на канале звучали выступления и уроженцев республики, уехавших за рубеж: Паладдя Башурова (Полина Титова), А. Медведев, Н. Суворов, О. Ирисова и др.

В-целом в регионе наблюдается попытка усиления недовольства деятельностью федеральных и региональных органов власти на фоне обострения экономических проблем республики, формирование мнения о российском «империализме» и «колонизации», обострения этнокультурной ситуации в регионе. Все это ведет к формированию прослойки людей, сочувствующих и поддерживающих идеи организаторов: на конец октября 2023 г. у Ютуб-канала было 11,6 тыс. подписчиков, в Телеграмме 48,5 тыс. Помимо информационного воздействия на указанных социальных площадках активно собираются средства для «поддержки антивоенных и гражданских активистов, ведения общественной кампании против мобилизации и вербовки на смерть». Думается, со временем деятельность «активистов» будет все больше радикализироваться.

Предварительное изучение процессов распространения идей политического и национального экстремизма среди российских финно-угорских народов позволяет сделать следующие **выводы**:

1. С начала СВО со стороны зарубежных организаций ведется хорошо управляемая информационная работа, направленная на разделение социума по принципу «общество – власть», «Москва – национальные регионы» путем формирования у финно-угорской аудитории устойчивых сепаратистских настроений по изменению государственного устройства России, в том числе – выходу национальных регионов из состава страны и созданию союзов с иностранными государствами, чье население имеет общие исторические и культурные корни.

2. Зачастую антироссийская пропаганда строится на озвучивании тех болевых точек, объективно имеющихся в этнокультурном и региональном пространстве. Среди них особо выделяется сокращение как носителей, так и сужение области применения родных (национальных) языков, уменьшение количества финно-угорских народов [15], неравномерный уровень экономического и социального развития регионов, проблемы этнического представительства. Все эти вопросы требуют незамедлительного поиска новых решений на государственном уровне.

3. Кардинальные исторические перемены, переживаемые Россией, обусловили высокую актуальность интернета как возможного механизма пропаганды радикальных идей, распространения материалов экстремистской направленности, вербовке адептов в деструктивные организации. Все это усугубляет социокультурную напряженность, потенциально способствуя росту экстремистских настроений, недоверию к власти, проявлениям ненависти и вражды. Поэтому важно осуществлять постоянный мониторинг социальных сетей, реагировать на возможные угрозы и вызовы российскому обществу, в том числе путем оперативного блокирования страниц и сайтов пользователей, осуществляющих антироссийскую пропаганду и распространяющих экстремистские идеи.

Литература:

1. Воронцов В.С., Касимов Р.Н., Поздеев И.Л., Черниенко Д.А. Тюркские народы в этнокультурном пространстве Удмуртии // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 4. – С. 222–227.
2. David R. Shedd, Ivana Stradner Waging Psychological War Against Russia // Politico. – URL: https://www.politico.com/news/magazine/2022/09/07/waging-psychological-war-against-russia-00054995.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с анг. / Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
4. Персональная страница С. Антонова // Социальная сеть «Вконтакте». – URL: https://vk.com/id814486014 (дата обращения: 31.10.2023).
5. Интервью с магистром философии, докторантом Туркуского университета Эса-Юсси Салминеном (г. Турку, Финляндия) // Финно-угорский мир. – 2010. – № 1. – С. 92–93.
6. Персональная страница Ю. Саалминена // Социальная сеть «Вконтакте». – URL: https://vk.com/wall113818866_4103 (дата обращения: 31.10.2023).
7. Персональная страница А. Медведева // Социальная сеть «Вконтакте». – URL: https://vk.com/medvedevartem?w=wall2970197_12578 (дата обращения: 31.10.2023).
8. Персональный блог С. Едыгаровой «Шумпотон». – URL: https://shumpoton.com/ (дата обращения: 10.10.2023).
9. Малик Е.М., Шадий М.В. Информационная война против России как геополитическая деструкция государственности и политической системы // Современные тенденции развития научного сообщества в эпоху глобальных перемен. Вып. 72 / Под ред. А.А. Сукиасян. – Уфа: Аэтерна, 2023. – С. 111–127.

10. Учреждение Фенно-Угрия осуждает военные действия России на Украине // НКО «Учреждение Фенно-угрия». – URL: https://fennougria.ee/ru/fenno-ugria-osuzhdaet-voennye-dejstviya-rossii-na-ukraine/ (дата обращения: 31.10.2023).
11 О перечне иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Министерство юстиции РФ. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49737/ (дата обращения: 31.10.2023).
12. Персональная страница Ю. Саалминена // Социальная сеть «Вконтакте». – URL: https://vk.com/wall113818866_4443 (дата обращения: 31.10.2023).
13. Эрзя провели в Эстонии свой съезд // MariUver. – URL: https://mariuver.com/2022/10/03/ersa-kongress/ (дата обращения: 31.10.2023).
14. Канал «Удмуртия против коррупции». – URL: https://www.youtube.com/@udmprotiv (дата обращения: 31.10.2023).
15. Всероссийская перепись населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 31.10.2023).

Problems of the Effectiveness of Countering Narratives of Political and Ethnic Extremism in the Internet Space: the Finno-Ugric Aspect

Pozdeev I.L.
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tensin M.V.
Izhevsk Branch of the Russian University of Cooperation

An analysis of social networks, Internet resources of Russian and foreign public organizations, and the media shows that after the start of a special military organization in Russian society, activities for the interethnic and interfaith split of Russian society intensified. The efforts of foreign structures are aimed at creating negative sentiments in society towards the existing political, national and religious situation in Russia. All this aggravates sociocultural tension, potentially contributing to the growth of extremist sentiments, distrust of authorities, and manifestations of hatred and hostility.

Key words: countering extremism, Finno-Ugric peoples, regions, special military operation, monitoring, agents of influence

УДК 316.613

Формирование и оценка стрессоустойчивости в рамках кампусного курса «Лидерство и командное развитие»

Тевлюкова О.Ю.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и социальных коммуникаций Новосибирского государственного технического университета,
доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Обучение в высшем учебном заведении направлено не только на освоение профессиональных компетенций, но и позволяет развивать актуальные надпрофессиональные навыки, одним из которых является стрессоустойчивость. Анализ научной литературы позволяет выделить ключевые компоненты стрессоустойчивости, подходы к ее формированию в рамках учебного процесса. Оценить полученные результаты возможно при использовании методов социологического исследования.

Ключевые слова: высшее образование, мягкие навыки, стресс, стрессоустойчивость, совладающее поведение, резильентность, социологическое исследование

Быстрый темп жизни, необходимость совмещать различные социальные роли, высокие требования со стороны родителей, учителей и сверстников вызывают у молодых людей ощущение напряженности и тревоги, мешают им сосредоточиться на выполнении поставленных задач и достижении собственных целей. Возникающее у индивида под воздействием неблагоприятных факторов внешней среды состояние напряжения, вызывающее защитную реакцию организма, называется стрессом.

Стресс – это «испытываемый человеком дискомфорт, необходимый для эффективного реагирования на вызовы среды, возникающий при недостаточности имеющихся и доступных ему ресурсов» [1]. Согласно Р. Лазарусу и С. Фолкман, стресс – производная индивидуального восприятия. Индивиды «определяют ситуацию как стрессовую или стандартную, оценивая для себя величину потенциального стрессора, сопоставляя запросы среды с субъективной оценкой ресурсов, которыми они владеют и могут использовать, чтобы справиться с этими запросами» [2].

Для обозначения способности преодолевать стресс используется несколько понятий – стрессоустойчивость, совладающее поведение, резильентность.

Стрессоустойчивость – это системная характеристика, определяющая способность человека противостоять неблагоприятным внешним воздействиям и «совладать с различными стрессогенными ситуациями, активно преобразовывая их или приспосабливаясь к ним без ущерба для своего здоровья и качества выполняемой деятельности» [3, с. 248].

По мнению Н.Е. Водопьяновой, основными показателями стрессоустойчивости являются:

1. Сохранение способности к социальной адаптации.
2. Сохранение значимых межличностных связей.
3. Обеспечение успешной самореализации, достижения жизненных целей.
4. Сохранение трудоспособности и качества выполняемой деятельности.
5. Сохранение здоровья [3, с. 250].

Таким образом, стрессоустойчивость – это совокупность качеств, позволяющих организму переносить действие неблагоприятных событий и факторов (стрессоров) без резких эмоциональных и физиологических реакций, негативно влияющих на деятельность индивида и его социальное окружение, и способных вызывать психические расстройства.

Совладающее поведение – это умение преодолевать трудности, эффективно адаптироваться к неблагоприятным жизненным условиям, регулировать свое эмоциональное состояние и поведение в стрессогенных ситуациях.

Стрессоустойчивость и совладающее поведение позволяют человеку научиться адаптироваться к стрессу – преодолевать трудности, регулировать свое эмоциональное состояние и поведение в стрессовых ситуациях.

В последнее время для обозначения способности преодолевать жизненные трудности активно используется термин резильентность. Психологическая резилентность (от англ. *resilience* – упругость, эластичность) – это «врожденное динамическое свойство личности, лежащее в основе способности преодолевать стрессы и трудные периоды конструктивным путем» [4].

В психологии стрессоустойчивость является многокомпонентным понятием и включает следующие показатели:

1. Волевая составляющая показывает, насколько человек способен к саморегуляции, контролю над мыслями и эмоциями.

2. Психофизиологический элемент охватывает особенности психики, темперамента, состояние нервной системы.

3. Интеллект отвечает за умение анализа ситуаций, принятие правильных решений.

4. Эмоциональный компонент характеризуется объемом личного опыта предыдущих переживаний [5].

Специалисты АНО «Россия – страна возможностей» достаточно кратко определяют стрессоустойчивость как сохранение продуктивности в сложных ситуациях и выделяют следующие поведенческие индикаторы продуктивного поведения в стрессовой ситуации:

1) сохраняет контроль над своими эмоциями в сложных стрессовых ситуациях (недостаток времени, давление, прессинг и пр.);

2) эффективно работает в условиях ресурсных ограничений.

3) продолжает работать на прежнем уровне, сталкиваясь с препятствиями и затруднениями;

4) быстро восстанавливается после неудач и продолжает работу;

5) сохраняет позитивное отношение к работе в сложных ситуациях;

6) сохраняет спокойствие при столкновении с конфронтацией, поддерживает свою точку зрения перед лицом оппозиции со стороны руководителей, коллег по работе/подчиненных;

7) управляет вниманием общественности, знает, как оценить его и как реагировать на него;

8) реалистичен в отношении того, что может быть достигнуто в течение определенного периода времени, осмеливается сказать «нет» нереальным предложениям;

9) умеет не принимать на свой счет неконструктивный негатив от окружающих [6].

Формированию стрессоустойчивости в высших учебных заведениях, как правило, не уделяется особого внимания, как и развитию других значимых надпрофессиональных навыков (*softskills*). В этой связи интересным является опыт Новосибирского государственного университета экономики и управления, в котором созданы «кампусные курсы», направленные на развитие «гибких» навыков.

Так, курс «Логика и критическое мышление» развивает навыки поиска, оценки и анализа информации; «Принципы и методы принятия решений» – оценки альтернатив и выбора наиболее успешной стратегии решения задач; «Бизнес-коммуникации» – коммуникативные умения студентов. Курс «Лидерство и командное развитие» формирует установку на самореализацию и саморазвитие, умение выбирать продуктивную стратегию поведения в конфликтных и стрессовых ситуациях, навыки совместной деятельности.

В рамках кампусного курса «Лидерство и командное развитие» стрессоустойчивость формируется и оценивается с использованием следующих индикаторов:

– навыки самодиагностики и оценки психоэмоциональных состояний индивида;

– навыки самоорганизации и саморегуляции в стрессовых ситуациях;

– способность осваивать формы совладающего поведения и приемы профилактики стресса.

В настоящее время не существует методики комплексной оценки уровня сформированности навыков стрессоустойчивости и совладающего поведения. Но имеется значительное количество профессиональных стандартизированных психологических тестов, которые применяются для оценки стрессовых состояний, определения типа реакции на стресс, способности преодолевать стрессовые ситуации, жизненные трудности и пр. В зависимости от концептуальной модели и используемого категориального аппарата данные методики можно разделить на три группы:

– диагностика стрессовых состояний и стрессоустойчивости («Шкала психологического стресса», «Шкала организационного стресса» и т.п.);

– диагностика совладающего поведения и копинг-стратегий («Способы совладающего поведения», «Индикатор копинг-стратегий» и пр.);

– диагностика резильентности («Опросник по выявлению уровня резилиантности» Ф.И. Валиевой, «Жизнестойкость» АНО «Россия – страна возможностей»).

В учебном процессе нет возможности прикрепить к каждой группе профессионального психолога для оценки типа реакции на стресс и уровня стрессоустойчивости. Поэтому «Прирост» полезных умений и навыков оценивается с использованием социологических методов сбора данных – опроса. Онлайн-анкетирование студентов проводится после изучения кампусных курсов. В 2020/2021 уч.г. на основе

выборки доступных случаев было опрошено 365 студентов 1 курса, в 2021/22 уч.г. – 234, в 2022/23 уч.г. – 361. Степень сформированности навыков оценивалась по 10-балльной шкале, баллы сводились к трем степеням – низкий уровень освоения навыка (1–3 балла), средний (4–7 баллов) и высокий (8–10 баллов) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Оцените по шкале от 1 до 10, насколько вы освоили …», в % к числу опрошенных

Вариант ответа	Май 2021 г.			Май 2022 г.			Май 2023 г.		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Навыки самодиагностики	1,4	13,3	85,1	1,9	20,6	77,5	1,5	20,2	78,3
Совладающее поведение в стрессовой ситуации	5,5	14,9	79,8	5	23	72	3,1	20,5	76,4
Навыки самоорганизации	4,1	21,7	74,4	7,6	29,5	62,9	3,3	26,2	70,5

Таким образом, проведенные опросы показывают, что кампусный курс «Лидерство и командное развитие» способствует развитию у 2/3 студентов основных поведенческих индикаторов стрессоустойчивости – навыков самодиагностики, самоорганизации и саморегуляции, оценки психоэмоциональных состояний, способности осваивать отдельные формы совладающего поведения и приемы профилактики стресса, что в дальнейшем дает им преимущество на рынке труда.

Литература:

1. Lazarus R.S. Emotion and Adaptation. – New York: Oxford University Press, 1991. – 557 p.
2. Berg C.A., Meegan S.P., Deviney P.P. A social-contextual model of coping with everyday problems across the lifespan // International Journal of Behavioral Development. – 1998. – № 22(2). – P. 231–237.
3. Водопьянова Н.Е. Стресс-менеджмент. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 283 с.
4. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы / О.А. Селиванова, Н.В. Быстрова, И.И. Дереча [и др.] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8. – № 3. – URL: https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
5. Стрессоустойчивость – её уровни и способы развития // Psylogik.ru: Психология. Психиатрия. Терминология. – URL: https://psylogik.ru/76-stressoustojchivost.html (дата обращения: 10.08.2023).
6. Стрессоустойчивость // Россия – страна возможностей: официальный сайт. – URL: https://rsv.ru/portal/other-skills/127 (дата обращения: 10.09.2023).

Formation and Assessment of Stress Resistance When Studying Campus Course «Leadership and Team Development»

Tevlyukova O.Y.
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"

Higher education forms professional competencies and develops relevant transprofessional skills, one of which is stress resistance. Analysis of scientific literature allows us to identify the components of stress resistance and approaches to its formation within the framework of the educational process. It is possible to evaluate the results obtained using sociological research methods.

Key words: higher education, soft skills, stress, stress resistance, coping behavior, resilience, sociological research

УДК 38.08

Построение персонального имиджа

Теренина Н.Л.
Кандидат экономического наук,
доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью
Новосибирского государственного университета экономики
и управления «НИНХ»

Тема исследования, связанная с построением персонального имиджа в настоящее время весьма актуальна. Политики и артисты, ведущие активную публичную деятельность, руководители и сотрудники организаций, взаимодействующие с коллективом и клиентами, а также простые люди, которые создают свои страницы в социальных сетях, – все заботятся о своем имидже, который доводится до целевой аудитории благодаря телевидению, прессе, интернету. Правильно построенный персональный имидж позволяет человеку достичь своих целей, завоевать внимание нужной целевой аудитории, создать и сформировать о себе определенное мнение, что при дальнейшем планомерном и грамотном подходе в продвижении сформирует персональный бренд человека. В данной статье автор на основании проведенных исследований предложил последовательность этапов построения персонального имиджа, схему имидж-программы и систематизировал структурные компоненты имиджа. Применение предлагаемого методического подхода поможет человеку (личности) и/или организации рационально принимать решения в подходе к построению собственного личного или профессионального имиджа сотрудника.

Ключевые слова: имидж, персональный имидж, профессиональный имидж, продвижение персонального имиджа

Имидж, создаваемый человеком в процессе всей его жизни, с одной стороны, позволяет ему обрести уверенность в себе, стать привлекательным для окружающих его людей, найти свой круг общения, создать свои ценности общения и получения обратной связи. С другой стороны, имидж показывает скрытые достоинства и недостатки транслируемого образа человека, способствует проявлению личностно-деловых качеств, позволяет легко войти в разные сообщества, помогает проявлять способности и воздействовать на эмоционально-психологические компоненты внешних и внутренних референтных групп с целью усиления социального статуса и роста своей популярности, формирования собственной субкультуры.

Перед человеком, желающим создать свой персональный имидж, становится проблема, связанная с недостатком проработанных алгоритмов его построения. На этапе рассмотрения теоретических основ по решению поставленной автором проблемы были изучены научно-исследовательские работы В.В. Белобрагина, А.М. Блиновой, О.С. Виханского, В.В. Волковой, К.А. Дорожинской, А.Ю. Панасюк, А.П. Панфиловой, В.М. Шепель и др.

Целью исследования является разработка поэтапного процесса построения персонального имиджа, которая позволит выбрать актуальные компоненты структуры персонального имиджа индивида, спроектировать свою имидж-программу, направленную на развитие нужных качеств и характеристик личности, поможет сотрудникам организации разработать направления карьерного роста и личностного развития.

«Имидж» в переводе с латинского «*imago*» означает «образ, подобие, мысленный образ, представление, символ» [1, с. 3]. В современных источниках можно найти множество разных трактовок данного понятия.

В.М. Шепель в учебном пособии «Имиджелогия. Как нравиться людям» указывает: «Имидж – это индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания» [2, с. 84].

О.С. Виханский дает общее определение имиджа: «Имидж явления – это устойчивое представление об особенностях, специфических качествах и чертах, характерных для данного явления» [3; см. также: 4].

А.М. Блинова в своей статье поясняет, что «имидж можно представить в виде изваяния и копии одновременно, как оболочки, сформированной человеком (осознанно и неосознанно) для коммуникации с другими людьми (слепок с самого себя)» [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что имидж – это обобщенный образ объекта, транслируемый в сознании целевой аудитории, который воздействует на эмоции и психологический настрой аудитории, побуждает её к ответному социальному действию. Значит, имидж выступает как фактор социально-психологического влияния на внешний и внутренний мир человека, его окружение, позволяет личности управлять людьми, добиваться значительных результатов в своей жизни и профессиональной деятельности.

Объектом персонального (в том числе профессионального, как трактуют многие авторы) имиджа является человек (личность), который занимается определенной деятельностью, является представителем отдельной профессии.

В.В. Белобрагин отмечает, что «персональный (профессиональный) имидж – это сложная многогранная система, включающая в себя сочетание различных психологических аспектов жизнедеятельности человека, в частности: основные качества личности, волевую и эмоциональную сферу, коммуникативные особенности, профессиональные навыки и мастерство, а также внешнее своеобразие человека (габитарные особенности)» [1, с. 21].

В разных работах современных авторов, которые исследуют тенденции развития специальностей и профессий на рынке труда, отмечается, что приоритетным направлением является формирование персонального имиджа, а второстепенным – профессионального. Например, в работе А.Ю. Панасюк отмечается, что персональный имидж – это основная база, а профессиональный дает добавочные характеристики персональному, то есть личные качества человека являются первичным, а профессиональные – вторичными [6].

Персональный имидж – это качества, приобретенные человеком с момента рождения, которые накапливаются им в результате взаимодействия с разными референтными группами, окружающими личность в процессе всей жизни, что впоследствии развивает его компетентностные установки в профессии, жизненные принципы, ценности и стереотипы.

Профессиональный имидж (как часть персонального имиджа) зависит от роли человека, которую он играет в процессе выбора и выполнения своей профессиональной деятельности. Он формируется при наличии у человека необходимых качеств для выбираемой профессии, таких как уровень образования, профессиональные компетенции, социальные ценности, личные качества, культура общения, наличие индивидуального габитарного стиля поведения.

В современных научных российских и зарубежных источниках предложено много разных методических подходов, позволяющих решить возникающие вопросы: «Как сформировать персональный имидж?», «С чего начать?», «Как впоследствии его контролировать и развивать?». Один из вариантов решения можно найти в работах А.П. Панфиловой, К.С. Жукова и А.Д. Карнешева, приведенных в учебном пособии Л.М. Семеновой «Имиджменеджмент» [7]. Данный подход состоит из следующих этапов: определение мнений аудитории об объекте имиджа; исследование характеристик, которыми должен обладать объект имиджа; конструирование имиджа; определение и выбор стратегии формирования имиджа; разработка плана действий по реализации имиджа; контроль действий; корректировка имиджа; разработка мероприятий по поддержанию имиджа объекта. В приведенном примере, как и в ряде других работ по исследуемой проблеме, этапы построения имиджа осуществляются с той позиции, что уже существует сложившийся образ, что человек имеет определенный опыт и достижения в профессиональной деятельности.

Этапы построения персонального имиджа, предлагаемые автором, предназначены для людей (начинающих, молодых специалистов), которые хотят себя реализовать в любой профессиональной сфере деятельности. Обобщив соответствующие рекомендации рассмотренных выше авторов и личный опыт, автор предлагает поэтапную последовательность построения персонального имиджа (рис. 1).

Первый этап традиционно связан с постановкой решения возникающей проблемы о необходимости построения персонального имиджа, а также определения целей и задач, которые будут решены в процессе формирования, продвижения, контроля и корректировки персонального имиджа.

Второй этап связан с исследованием личностных характеристик и качеств. Здесь человек может сделать все сам, прибегая к методам тестирования, библиографического метода, анализа общественного мнения, или попросить помощи у специалиста (имиджмейкера).

На третьем этапе определяются желаемые, профессиональные характеристики, которые станут основой будущего имиджа. К таким характеристикам

относятся: уровень образования, качества, важные и необходимые для профессиональной деятельности, социальный статус и роли и т.д.

На четвертом этапе исследуются видения целевой аудитории, то есть ценности, потребности и характеристики, которые выделяет целевая аудитория, воспринимая имидж личности, относящейся к определённой профессии, социальному кругу людей, общественности.

На пятом этапе приступают к проектированию персонального имиджа, в чем может помочь предлагаемая автором схема имидж-программы (рис. 2).

Имидж создается, опираясь на личностные и профессиональные характеристики человека, учитывая при этом предпочтения целевой аудитории, для которой он выстраивается. Структурная модель компонентов имиджа (рис. 3) позволяет определить составляющие части желаемого образа имиджа человека и, опираясь на их характеристики, сформировать контент для дальнейшего его продвижения [8].

Имидж-программа представляет схему (модель) по созданию, освоению и трансляции через средства связи с целевой аудиторией компонентов персонального имиджа с целью решения проблем человека по созданию соответствующего, желаемого образа в информационной среде (рис. 2).

На шестом этапе выполняются действия по разработке программы продвижения складывающегося образа личности. Главной задачей на данном этапе является выбор оптимальных способов и средств продвижения, которые позволят человеку выстроить эффективную обратную связь с целевой аудиторией.

Завершающим этапом является непосредственная реализация имидж-программы и оценка эффективности имиджа, а также осуществление процесса вхождения в новый образ:

– имитационный образ создается в воображении самой личности, то есть человек представляет себя с уже приобретенными качествами и продумывает условия для воплощения желаемого образа;

– ролевой образ создается за счет результатов оценки представлений целевой аудитории, создается «внешняя оболочка» имиджа;

– жизненный образ вырабатывает стереотипы поведения, воспринимается как реальный имидж личности, то есть происходит слияние личности с образом [9, с. 11].

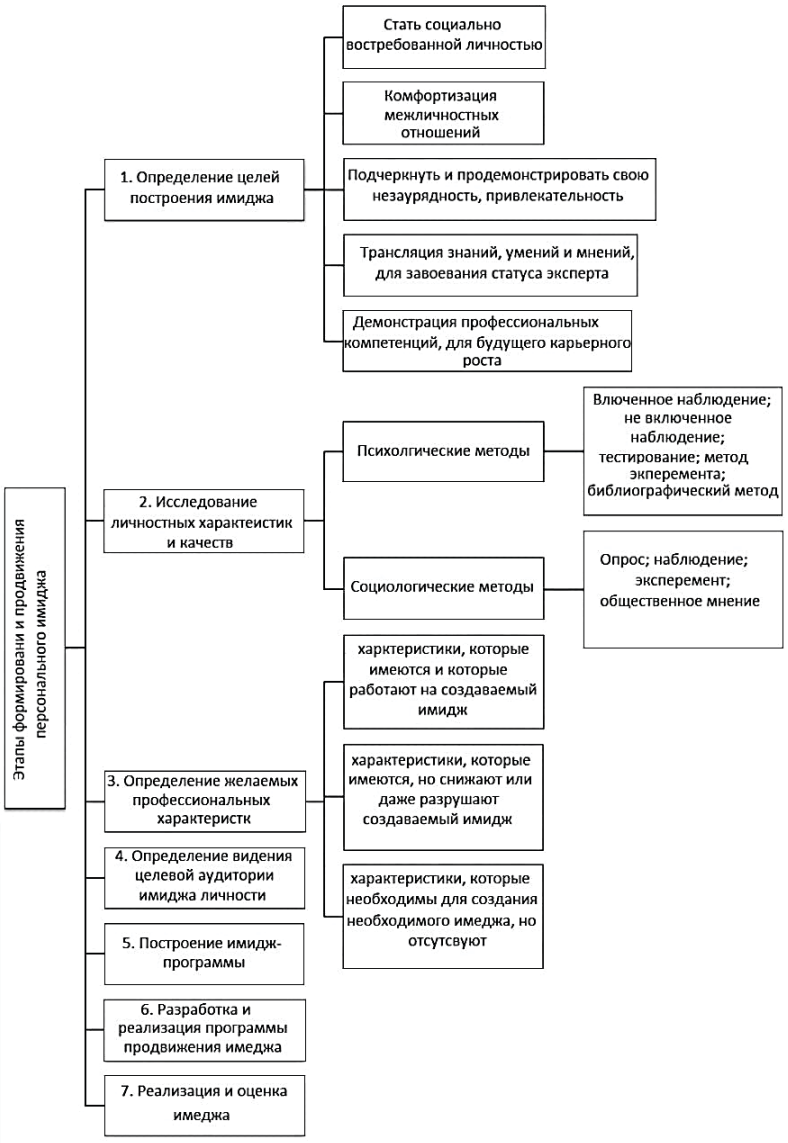

Рис. 1. Этапы построения персонального имиджа

Имидж-программа				
1. Проектирование имиджа				
Проблема	Цель	Показатели эффективности	Желаемое впечатление	Вид вхождения в новый образ
2. Составление характеристик личности				
Личностные		Профессиональные		
3. Желаемый идеальный образ (компоненты персонального имиджа)				
4. Аудитория				
5. Продвижение				
Онлайн		Офлайн		
6. План развития имиджа (карьерный рост)				

Рис. 2. Структура имидж-программы

Оценку персонального имиджа, возможно, провести с применением разных методов [6]. Одни методы могут быть отнесены к группе, опирающейся на теорию принятия управленческих решений в менеджменте, например: метод Дельфи, шкала измерения тактик самопрезентации, опрос целевой аудитории в формате офлайн и/или онлайн (при помощи «*Google* формы»).

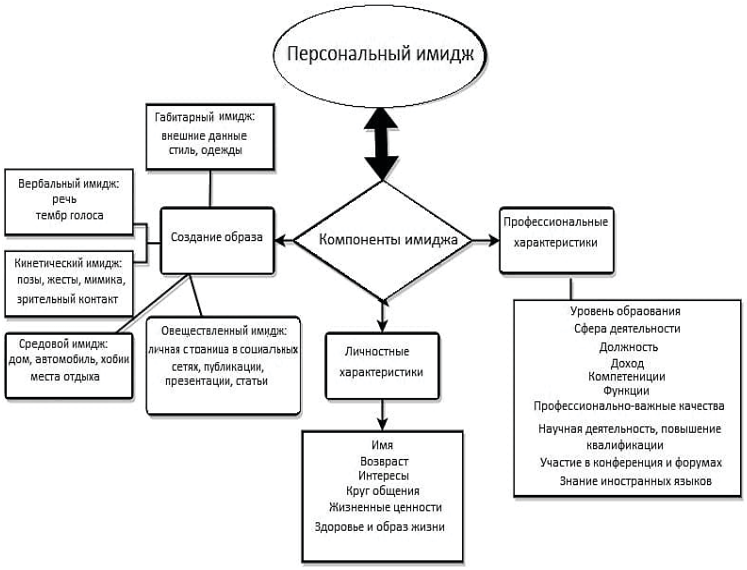

Рис. 3. Структурная модель компонентов персонального имиджа

Другая группа методов строится на количественной и качественной оценках контента, где применяются данные из СМИ или сервисов Интернета, например *YouScan*, Медиалогия, *IQbuzz* и другие. Все перечисленные методы оценки эффективности персонального имиджа строятся на технологии контент-анализа, который проводится или за счет наблюдения и фиксирования данных по трансляции собственного контента, реакции целевой аудитории, или путем применения сервисных, доступных программ в сети Интернет.

В современном обществе персональный имидж играет не последнюю роль, он будет зависеть от самого человека или строиться самопроизвольно и хаотично, потому, наверное, каждому нужно задуматься о том, какое впечатление он производит на целевую аудиторию, особенно в профессиональной среде. Создание персонального имиджа – это долгий, поэтапный и трудоемкий процесс, начинать его следует сразу при выходе со школьной скамьи в большую жизнь, так как с этого момента начинает строиться профессиональная карьера у большинства людей. Предлагаемый автором методический подход сможет помочь в определении и решении многих ситуационных проблем, возникающих при проектировании персонального имиджа.

Литература:

1. Белобрагин В.В. Психология имиджа: учебно-метод. пособие. – М.: Научный консультант. 2018. – 72 с.
2. Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. – М.: Народное образование. 2002. – 576 с.
3. Виханский О.С. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. – М.: Экономистъ, 2006. – 672 с.
4. Чапаева М.В. Проектирование имиджа: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. – 139 с.
5. Блинова Н.М. Научные подходы к пониманию имиджа // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 3. – URL: https://psychology.snauka.ru/2014/03/2887
6. Панасюк А.Ю. Я – Ваш имиджмейкер и готов сформировать Ваш профессиональный имидж. – М.: Изд-во «Дело», 2003. – 239 с.
7. Семенова Л.М. Имиджменеджмент. – СПб.: Санкт-Петербур. гос. эконом. ун-тет, 2016. – 79 с.
8. Дорожинская К.А. К вопросу о структуре персонального имиджа специалистов индустрии моды и красоты // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2021. – № 2. – С. 22–27.
9. Змановская Е.В. Руководство по управлению личным имиджем. – СПб.: Речь, 2005. – 141 с.

Formation and Promotion of a Personal Image

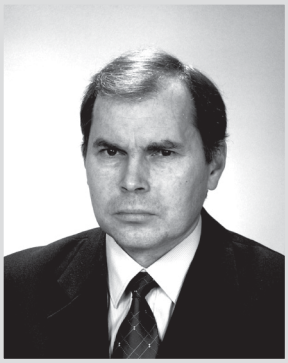
Terenina N.L.
Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH"

The topic of research related to the construction of a personal image is currently very relevant. Politicians and artists who are active in public activities, managers and employees of organizations interacting with the team and clients, as well as ordinary people who create their pages on social networks – all take care of their image, which is brought to the target audience through television, the press, the Internet. A properly constructed personal image allows a person to achieve their goals, win the attention of the right target audience, create and form a certain opinion about themselves, which with further systematic and competent approach in promotion will form a person's personal brand. In this article, the author, based on the conducted research, proposed the sequence of stages of building a personal image, the scheme of the image program and systematized the structural components of the image. The application of the proposed methodological approach will help a person (individual) and/or an organization to make rational decisions in the approach to building their own personal or professional image of an employee.

Key words: image, personal image, professional image, personal image promotion

УДК 3166.631.115.1

Религиозные факторы развития предпринимательства (на материалах опроса студенческой молодежи Республик Марий Эл и Татарстан)

Тюленев А.И.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных наук и технологий
Поволжского государственного технологического университета
(Йошкар-Ола)

Валеева А.Ф.
Доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

Сафиуллина Ф.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Казанского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации

В статье представлены и подвергнуты анализу данные пилотажных исследований, проведенных в ноябре–декабре 2023 г. Объектом исследований стала студенческая молодежь Поволжского государственного технологического университета и Казанского кооперативного института. Предметом – взаимосвязь между предпринимательством и распространенными в Республиках Марий Эл и Татарстан православием, исламом, католицизмом, протестантизмом и старообрядчеством. Основным результатом анализа стал вывод о недостаточной осведомленности участников опроса относительно характера и степени влияния религиозных доктрин и практик на предпринимательскую деятельность, в частности, на становление и развитие формально-рационального предпринимательства.

Ключевые слова: религиозные доктрины и практики, предпринимательство, формально-рациональная предпринимательская активность

Отправной точкой замысла настоящей статьи послужил тезис М. Вебера, обоснованный в «Протестантской этике и духе капитализма». Суть этого тезиса состоит в том, что протестантизм создал мировоззренческие предпосылки для институционализации рационального способа ведения хозяйства, в первую очередь для внедрения в экономическую практику достижений науки, вследствие чего последняя превратилась в непосредственную производительную силу. Случилось это благодаря тому, что

экономический успех был возведен протестантской этикой в ранг религиозного призвания [1, с. 23].

Термин «религиозные факторы» использован для того, чтобы охватить комплекс основных компонентов религии как социального института. А именно: определенную систему взглядов, в основе которых лежит вера в сверхъестественное, совокупность моральных ценностей и норм, обрядов, культовых практик, а также объединение верующих в некоторую общину, деноминацию или церковь [2].

Применение термина «религиозные факторы» позволяет также, хотя бы косвенно, подчеркнуть мысль, что нынешнее российское студенчество по своей этнической и конфессиональной структуре неоднородно, включает в себя носителей различных религиозных представлений.

Почему в качестве объекта исследования выбрана студенческая молодежь? В известной степени на этот выбор повлияло знакомство с классическим исследованием в области проблем современной личности, осуществленное в 70-х гг. XX в. в рамках Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Объектом исследования стала молодежь шести развивающихся стран, а одним из результатов построение А. Инкелесом и Д. Смитом «модели современного человека». В числе черт, присущих современной личности, оказались, в частности, одобрение плюрализма мнений, включая мнения религиозного характера, а также готовность принять «новый тип обучения молодежи» [3, с. 109].

Поясним также, что широкий ракурс видения и анализа проблемы восприятия студенческой молодежью религии как фактора, обусловливающего процесс развития предпринимательства в направлении рационализации или, по Веберу, формальной рационализации деловой активности, взят не случайно. Ранее проведенные исследования близкой проблематики в числе прочего выявили недостаточную осведомленность респондентов в сути веберовской концепции определяющей роли протестантской этики в становлении и развитии формально-рационального предпринимательства в Западной Европе и Северной Америке [4; 5].

Итак, объектом исследования стали студенты двух вузов, Поволжского государственного технологического университета (далее – ПГТУ) и Казанского кооперативного института (далее – ККИ). Целью – сравнительный анализ мнений представителей студенческой молодежи Республик Татарстан (далее – РТ) и Марий Эл (далее – РМЭ). Объем выборки составил 100 единиц (по 50 чел. от каждой республики или, точнее, от каждого из поименованных вузов). Тип (способ) выборки определен как простая случайная, поскольку представители обследованных групп студенческой молодежи функционируют в условиях полиэтничной и многоконфессиональной среды и, соответственно, имеют равный доступ к интересующей нас информации. Проведенное исследование отнесем к виду пилотажных (разведывательных), отсюда небольшой размер выборочной совокупности. Методы – опрос анкетный аудиторный и интернет-опрос.

Полученные данные представим на рисунках 1–5.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на рисунок 1, весьма существенная разница в оценке стимулирующего развития предпринимательства ресурса православия респондентами РТ и РМЭ. Вариант определенного ответа «да» выбрали 58 % татарстанских респондентов и только 14 % мариэловских. Делаем вывод, что парадокс в значительной степени следует объяснять большей категоричностью татарстанских респондентов, убежденных в правильности собственных взглядов сильнее участников опроса из Марий Эл.

Как бы то ни было, по ходу размышлений над этим кажущимся или действительным парадоксом зададимся вопросом, какой термин корректнее употреблять в качестве синонима к понятию «ресурс» – потенциал или капитал? Потенциал предполагает наличие скрытых возможностей какого-либо ресурса, в то время как капитал указывает на вовлеченность этого ресурса в реальный процесс, в нашем случае в процесс стимуляции предпринимательской деятельности. В смысле рационализации этой деятельности или, по М. Веберу, формальной рационализации, а также ее активизации и расширения масштабов предпринимательства. Исходя из полученных в ходе опроса данных, нельзя с определенностью констатировать, в какой мере ресурс православия вовлечен в процесс стимулирования предпринимательства.

Возвращаясь к попытке объяснить отмеченный парадокс, обратим внимание на данные, указывающие на степень востребованности более «мягкого» варианта ответа, предложенного в анкете, а именно: «скорее да, чем нет». Речь идет о формулировках вариантов ответа на вопрос о стимулирующей роли православия, а в дальнейшем и других представленных в анкете религиозных доктрин и практик. Так вот, вариант «скорее да, чем нет» выбрали 32 % та-

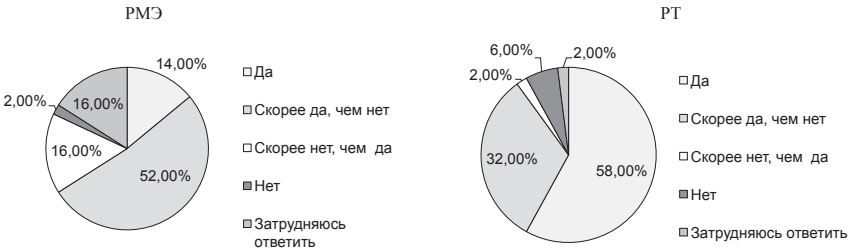

Рис. 1. Стимулирующий предпринимательство ресурс православия

тарстанцев и 52 % мариэльцев, принявших участие в опросе. Складываем объемы востребованности вариантов «да» и «скорее да, чем нет» и получаем следующие результаты. Стимулирующие развитие предпринимательства/рационального предпринимательства варианты ответов в сумме составляют 80 % (РТ) и 66 % (РМЭ).

Довольно высокий процент (16 %) мягко отрицательных ответов «скорее нет, чем да» в общей массе ответов респондентов из Марий Эл объясним меньшей, на наш взгляд, степенью развития в плане рационализации, активности и масштабов предпринимательства в среде мариэльцев. Пусть такое объяснение и покажется несколько субъективным.

Категорично отрицательные мнения «нет» по поводу стимуляции развития предпринимательства православием образовали незначительные меньшинства ответов (РТ – 6 % и РМЭ – 2 %), которыми вполне можно пренебречь, квалифицировав их как «выбросы данных».

Таким образом, результаты опросов показывают, что подавляющее большинство как татарстанских (4/5), так и мариэловских (2/3) участников опроса с той или иной степенью определенности придерживаются мнения, что православие позитивно влияет на развитие, активизацию, расширение масштабов и рационализацию предпринимательства.

Обратимся к анализу данных, касающихся стимулирующей роли ислама как фактора развития предпринимательства (рис. 2).

Как и ожидалось, оценки стимулирующей роли ислама, состоящей в создании благоприятных условий для развития, активизации, роста масштабов и повышения степени рационализации предпринимательства в РТ оказались намного более высокими, чем в РМЭ.

Объясним этот факт влиянием простого обстоятельства – несравнимо более широкими масштабами распространения ислама в Татарстане и, как следствие, приверженностью к исламской религии значительной части татарстанских респондентов. Вариант ответа «да» выбрали 50 % татарстанских и всего 6 % мариэловских участников опроса.

Однако при сложении «жестких» положительных оценок с оценками «мягкими» различие во мнениях стимулирующей роли ислама по отношению к развитию предпринимательства существенно снизилось – 86 % в РТ против 52 % в РМЭ. Однако разница по-прежнему осталась весьма значительной. Причина указана: большая степень распространения в Татарстане ислама и, соответственно, большее число его приверженцев. Пожалуй, этим же обстоятельством следует объяснять наличие в подвергнутой опросу выборочной совокупности мариэльцев большого количества «затруднившихся с ответом» респондентов (38 %), слабо знакомых с вероучением и практикой ислама.

Соотношение татарстанских и мариэловских позитивных оценок, стимулирующих развитие предпринимательства роли католицизма составило примерно 3 к 1 в пользу первых (62 против 22 %) (рис. 3). Вместе с тем нельзя не заметить, что большой процент участников опроса, затруднившихся с выбором ответа на данный вопрос. В Марий Эл таких респондентов набралось почти 2/5 от общего числа участников опроса; в Татарстане – ровно пятая часть.

Позволим себе предположить, что приведенные результаты служат подтверждением того, что довольно много участников опроса просто-напросто «не владеют ситуацией», то есть не обладают достаточной осведомленностью о содержании хозяйственных принципов католического христианства, равно как и о характере влияния этих принципов на предпринимательскую деятельность католиков. Между тем в значительном большинстве стран, в частности, стран европейских, католическая религия не только не мешает развитию предпринимательства и хозяйственно-экономическому прогрессу в целом, но, наоборот, поощряет их.

Удивляет, что в оценках развивающей предпринимательство роли протестантизма мнения татарстанских и мариэловских участников опроса в двух номинациях разошлись почти диаметрально (рис. 4). Как позитивную определили эту роль 46 % респондентов из РТ, выбрав варианты ответов «да»

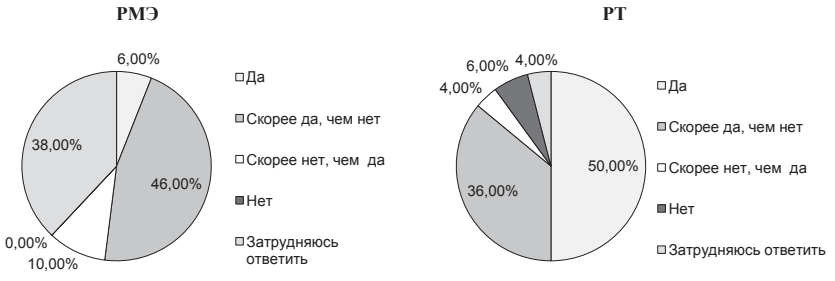

Рис. 2. Стимулирующий предпринимательство ресурс ислама

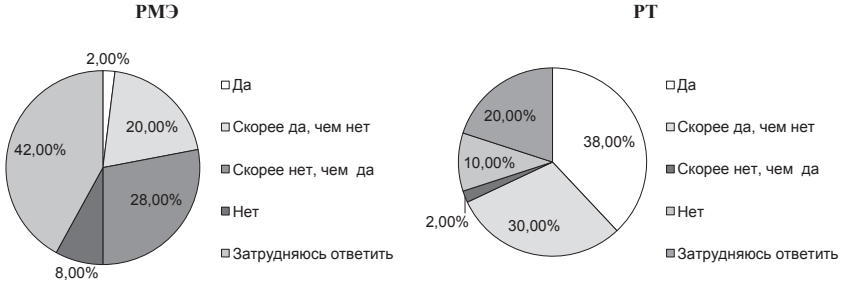

Рис. 3. Стимулирующий предпринимательство ресурс католицизма

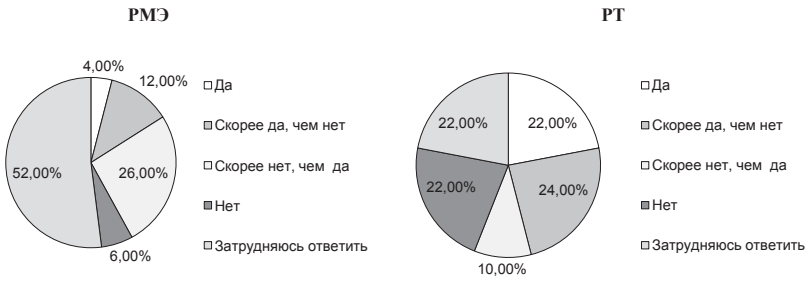

Рис. 4. Стимулирующий предпринимательство ресурс протестантизма

(22 %) и «скорее да, чем нет» (24 %). Среди респондентов из РМЭ таких оказалось всего 16 %. При этом только 4 % остановили свой выбор на варианте однозначно положительном варианте ответа «да». Те же самые тридцать пунктов разделили ответы татарстанцев и мариэльцев в номинации «затрудняюсь ответить»: 52 % против 22 %.

При таком раскладе мнений не приходится утверждать, что большинство респондентов из Марий Эл хоть сколько-нибудь знакомо с идеями М. Вебера. В общей сложности 84 % мариэловских участников опроса предпочли выбрать либо категорично отрицательные, либо скорее отрицательные варианты ответов, либо спрятались за формулировкой «затрудняюсь ответить».

Уровень адекватных представлений о сути концепции М. Вебера и, соответственно, о стимулирующий предпринимательство роли протестантизма татарстанских участников опроса оказался значительно выше уровня релевантных оценок респондентов из Марий Эл. Но и здесь планка категорично отрицательных, скорее отрицательных и неопределенных ответов оказалась довольно высокой (46 %).

Анализ полученных исследовательских данных в той их части, которая относится к оценке роли старообрядчества в развитии предпринимательства, вырисовывает довольно мрачную картину имеющихся на этот счет представлений как у татарстанских, так и у мариэловских участников опроса (рис. 5). У первых, правда, она выглядит не столь уж безысходной. Все-таки почти половина (44 %) респондентов-татарстанцев выбрали положительные вариантов ответов – «да» (20 %) и «скорее да, чем нет» (24 %). Тогда как у вторых картина ответов имеет зловещезамогильный оттенок. Свыше трех четвертей (78 %) мариэльцев предпочли остановить свой выбор либо на отрицательных вариантах ответа (40 %), либо от выбора определенного варианта ответа уклонились (38 %).

Подводя общие итоги анализа данных опроса, выскажем ряд соображений, которые могут показаться недостаточно обоснованными. Но даже если это и так, соображения дают пищу для ума и открывают простор для размышлений. Соображение первое состоит в том, что участники опроса, как с татарстанской, так и с мариэльской стороны, имеют достаточно смутные представления о том, каков характер влияния религии на предпринимательскую деятельность людей. В особенности религиозных доктрин и практик католицизма, протестантизма и старообрядчества. Больше всего удивляет и вместе с тем тревожит «белое пятно» на том месте, где должны быть адекватные и четкие представления о стимулирующей предпринимательство роли старообрядчества. Возникает предположение, что участникам опроса неизвестен общеизвестный, казалось бы, факт, что значительную часть успешного предпринимательства дореволюционной России составляли именно старообрядцы. Причем старообрядческое предпринимательство достаточно активно и широко развивалось на территориях нынешних Татарстана и Марий Эл.

Соображение второе касается недооценки значительной частью участников опроса стимулирующей роли доктрин и практик католицизма и в особенности его модернизированного варианта протестантизма в становлении и развитии рационального предпринимательства, в веберовской интерпретации как предпринимательства формально-рационального, в Западной Европе и Северной Америке. Думается, что одной из причин таких недооценок является предвзятость и негативизм в отношении к западной культуре в целом, заметно усилившиеся в последние годы.

Соображение третье логичным образом вытекает из второго и заключается в известном преувеличении стимулирующей роли российских православия и ислама в развитии предпринимательства вообще и рационального, по М. Веберу, формально-рационального бизнеса, в частности. Нынешние доктрины и практики российских православия и ислама традиционны, с точки зрения теории модерна, и поэтому не могут быть эффективными стимуляторами становления и развития инновационных форм и видов предпринимательской деятельности, формально-рациональных по форме и содержанию.

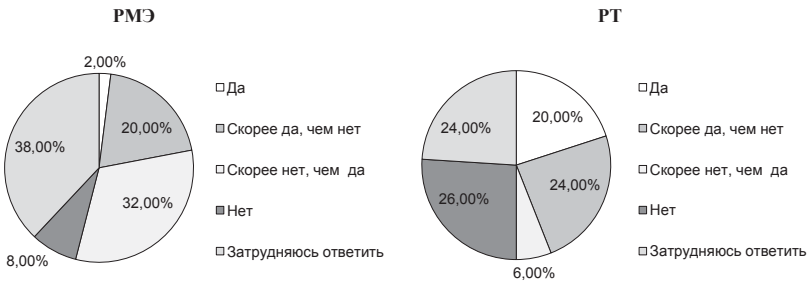

Рис. 5. Стимулирующий предпринимательство ресурс старообрядчества

Как бы то ни было, поставленная в статье проблема актуальна для наших дней, когда российское общество, пусть медленно и противоречиво, эволюционирует от традиционных форм жизнедеятельности к современным стандартам социального бытия. Своевременность и значимость требуют более масштабных, глубоких и основательных исследований проблематики, связанной с влиянием религиозных доктрин и практик на развитие инновационных форм и видов предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
2. Религия – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 16.11.23).
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
4. Тюленев А.И. Теоретико-методологическое и эмпирическое измерение рационального предпринимательства (на материалах Республики Татарстан и Республики Марий Эл). – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2012. – 164 с.
5. Тюленев А.И. Религиозно-этические факторы рационализации предпринимательства (региональный аспект). – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. – 168 с.

Religious Factors in the Development of Entrepreneurship (Based on Materials from a Survey of Student Youth in the Republics of Mari El and Tatarstan)

Tyulenev A.I.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)
Valeeva A.F., Safiullina F.R.
Kazan Cooperative Institute Branch of Russian University of Cooperation

The article analyzes data from pilot studies conducted in November-December 2023 among students of the Volga State University by the Technological University and the Kazan Cooperative Institute on the problem of the relationship between Orthodoxy, Islam, Buddhism, Catholicism, Protestantism and the Old Believers, widespread in the Republics of Mari El and Tatarstan, with on the one hand, and entrepreneurial activity on the other. The main result of the analysis was the conclusion that survey participants were insufficiently aware of the nature and degree of influence of religious doctrines and practices on entrepreneurial activity, in particular, on the formation and development of formally rational entrepreneurship.

Key words: religious doctrines and practices, entrepreneurship, formal-rational business

УДК 316.2

Феномен спорта в контексте социологических парадигм

Фахретдинова А.Б.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономики и управления в спорте
Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Казань)

Замалетдинова Л.Р.
Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии, политологии и права
Казанского государственного энергетического университета

Актуальность обращения к изучению спорта с позиции социологических парадигм обоснована очевидной социокультурной значимостью спорта и разнообразием теоретико-методологических подходов социологии, позволяющих раскрыть всю многогранность обозначенного феномена. В статье авторами предложено рассмотрение спорта в контексте теоретических положений структурного функционализма, теории обмена, символического интеракционизма, конфликтологической и феноменологической парадигм.

Ключевые слова: парадигма, социология, социальное явление, спорт, спортсмен, феномен

Спорт как одна из самых распространенных и популярных практик современного общества нередко становится объектом научных исследований. Проблема изучения спорта с различных дисциплинарных позиций сегодня весьма актуальна. Физиология, метрология, психология, социология способны раскрыть различные аспекты спорта и помочь в осмыслении его сущности.

Изучение спорта с позиции физиологии затрагивает те физические процессы, которые происходят в организме атлета во время тренировок и соревнований. Анализ работы мышц, сердца, легких, мозга, других органов и систем организма ложится в основу разработки эффективных тренировочных программ, помогающих спортсменам достичь лучших спортивных результатов. Метрология, предоставляя средства и методы измерений, обогащает систему спортивной подготовки точными данными об изменениях в состоянии спортсменов под влиянием различных физических нагрузок. Такие знания необходимы для организации эффективного контроля спортивных параметров и характеристик, управления учебно-тренировочным процессом. Психология исследует закономерности психической деятельности спортсменов в условиях тренировок и состязаний, психологические состояния и индивидуальные особенности личности атлета, его способность к самоконтролю и концентрации внимания, факторы мотивации в спортивной деятельности. Открытия психологической науки применяются на разных этапах и в разных периодах спортивной подготовки для оптимизации эмоциональных состояний спортсменов, предопределяющих качество их выступлений.

Социология изучает спорт в плоскости социокультурной реальности. Тенденции спортивной индустрии, формирование спортивных команд и сообществ, физкультурно-спортивных организаций, социальная значимость и эффекты спортивных состязаний и т.п. анализируются социологической наукой для осмысления того, какие социальные процессы и структуры формируются вокруг спорта. С позиции социологии спорт предполагает не про-

сто тренировки и соревнования, стремление к достижению высоких результатов, спорт выступает в качестве ценности, универсального языка общения, культурной универсалии.

Для развертывания тезиса о многогранности спорта как социального явления обратимся к теоретическим положениям основных парадигм западной социологической мысли: структурного функционализма, теории обмена, символического интеракционизма, конфликтологической и феноменологической парадигм.

Структурный функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон) – социологическая парадигма, в рамках которой спорт интерпретируется как социальная система, производящая особые социальные отношения, как некий институционализированный механизм. Данная парадигма объясняет зарождение спорта. Так, на заре человечества совместные игровые практики людей при подготовке к охоте сформировали потребность в состязаниях, что со временем привело к появлению норм и правил спортивного поведения, а далее уже к институционализированным процедурам, явным примером которых являются Олимпийские игры [1]. В свою очередь, результатом проявления заботы об инвалидах на государственном уровне и признания их потребности в реабилитации через двигательную активность стал паралимпийский спорт [2].

В данной парадигме субъекты спорта анализируются с точки зрения их положения в обществе (как набор статусов и ролей). В частности, спортсмены могут иметь статус любителей, профессионалов, спортсменов высокого класса. Неравное положение (по степени влияния, уровню материальной обеспеченности и др.) в социальной системе занимают представители разных видов спорта, разные спортивные клубы (профессиональные, любительские) и спортивные федерации (общероссийские, региональные, местные).

Большое значение в контексте структурного функционализма придается исследованию явных и латентных функций спорта. Отметим важную роль спорта в социализации, формировании личности, физическом совершенствовании человека, пробуждении в людях активности и стремления к самовыражению, установлении социальных контактов, укреплении социальной интеграции и др. Нельзя не обозначить и социальные функции тренера: обучение, воспитание и развитие спортсмена, передача опыта и знаний, текущее и перспективное планирование тренировочного процесса и соревновательной деятельности, представительство спортсмена и т.п.

Спортивные команды, коллективы с позиции структурного функционализма следует рассматривать как проявление интегративной функции спорта. Будучи частью спортивного коллектива, человек включается в соответствующие социальные отношения, приобщается к определенной социальной системе воззрений, к определенным ценностям.

Наряду с социальными функциями спорта структурный функционализм позволяет обозначить и его дисфункции. В связи с этим отметим вред, наносимый здоровью спортсмена при чрезмерной увлеченностью спортивными результатами, что в первую очередь характерно для профессионального спорта. Физические перегрузки ведут к травмам и серьезным проблемам с сердцем (синдром «спортивного сердца»), мышцами, суставами, позвоночником, обменом веществ, эндокринной и нервной системами.

Конфликтологическая парадигма (Л. Козер, Р. Дарендорф, Г. Люшен), основанная на постулате о том, что конфликт есть неизбежная часть целостности социальных взаимоотношений людей, рассматривает спорт как возможный источник социальных конфликтов, поскольку в спорте потенциально существует насилие. Определенная иерархия, устанавливаемая по итогам спортивных выступлений, находит отражение в социальной стратификации, которая так же провоцирует социальные конфликты [3].

Спорт как социальная система со своей сложной структурой включает взаимодействующих друг с другом индивидов, имеющих свои интересы, убеждения, стандарты поведения. В качестве социальной системы можно рассматривать как соревнующиеся спортивные команды, так и взаимодействие тренер – спортсмен, судья – спортсмен, болельщик – судья и т.п. Причиной конфликта в обозначенных системах выступают социальное окружение, под давлением которой индивид ощущает внутренний дискомфорт, противоположность интересов, мнений, взглядов. Кроме того, спровоцировать конфликт могут некомпетентность или предвзятость спортивных судей, договорные матчи, употребление спортсменом допинга и др.

Конфликтный подход также очерчивает проблему дискриминации в спорте на основе половых и расовых различий. В качестве примера приведем списки самых высокооплачиваемых спортсменов, составляемые ежегодно американским финансово-экономическим журналом «*Forbes*», в топ-10 которых входят исключительно мужчины.

Теория обмена (Дж. Хоманс, П. Блау) исследует взаимодействие между людьми с позиции обмена «выгодами» и представления о том, что поведение индивидов в обществе определяется стремлением получать награды и избегать санкций. Феномен спорта органично вписывается в аксиомы (успеха, стимула, ценности, депривации–пресыщения, агрессии–одобрения, рациональности), сформулированные Дж. Хомансом [4]. Например, получая признание, вознаграждения за высокие спортивные результаты, атлет стремится развивать свою спортивную карьеру. Данная теория позволяет интерпретировать с позиций социального обмена (день-

ги, социальное одобрение, уважение, уступки) не только деятельность спортсменов и тренеров, но и спортивных агентов, спонсоров, волонтеров и других участников отношений в области спорта.

Символический интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер) подчеркивает значимость взаимодействия между людьми и проявления социальных конструкций в процессе общения. Согласно этой теоретической парадигме, мы строим наши представления о мире через взаимодействие с другими людьми и опираемся на общие для нас символы. Спорт как социокультурное явление воплощает основные принципы символического интеракционизма, помогая людям создавать смысл и формировать собственную реальность. Спорт способствует активному взаимодействию людей, в котором символы играют особую роль. Мир спорта наполнен символами, используемыми для придания различным событиям и явлениям определенных значений и интерпретаций. Например, символическое значение имеют цвета фирменного стиля и логотипы спортивных команд, федераций по видам спорта, флаги стран-участников соревнований и др. Они вызывают определенные эмоции и ассоциации у спортсменов и болельщиков, создавая особую атмосферу и привнося в спортивные состязания не только физические, интеллектуальные, но и эмоциональные компоненты.

Кроме того, спорт опирается на широко распространенные в обществе общие смыслы и символы. Среди них: победа и поражение, справедливость и честность, командный дух и индивидуальные достижения, честь и достоинство. Эти концепты присутствуют в спорте и активно используются для построения спортивной реальности. Символическим взаимодействием наполнены спортивные соревнования, где участники и болельщики взаимодействуют друг с другом, создавая и поддерживая общие смыслы, значения, традиции.

Символический интеракционизм позволяет анализировать спорт не только как знаково-символическую систему, но так же как непрерывный процесс [3]: тренировочный процесс, процесс подготовки к соревнованиям, процесс потребления спортивных зрелищ и др.

Феноменологическая парадигма (А. Щюц) опирается на изучение социальных феноменов через опыт человеческого сознания. Спорт предстает как социальное явление с определенными значениями, нормами и ожиданиями. Изучая повседневную жизнь и смыслы, которые индивиды вкладывают в ситуацию общения, феноменологический подход позволяет определить факторы, на основании которых индивиды формируют представления о различных видах спорта, профессиональных спортивных клубах, отдельных спортсменах.

Феноменологическая парадигма обращает внимание на то, как спорт влияет на социальные группы и конкретных индивидов, а также на то, как они взаимодействуют в спортивной среде, какими потребностями, интересами, целями, ценностями руководствуются. Она позволяет изучать на микроуровне процессы взаимодействия между спортсменами, тренерами, чиновниками спортивных ведомств.

Спорт, в основе которого лежит состязательность, может выступать средством разрешения социальных проблем через создание мифа о деятельности, связанной с наслаждением жизнью [3]. Данная парадигма позволяет рассмотреть спорт как средство построения и поддержания социальной идентичности. Спорт предоставляет возможности для самоопределения, самосовершенствования, самовоспитания и самореализации. В спорте индивиды находят себя, свое место и играют определенную роль, которая влияет на их самооценку и мировоззрение. С позиций феноменологической социологии раскрывается специфика взаимодействия между спортсменами, тренерами, болельщиками и другими участниками спортивного действа, объясняются эмоциональные и культурные аспекты, сопровождающие спортивную деятельность, субъективные переживания спортсменов и их мотивация на спортивные результаты.

В заключение отметим, что обозначенные выше социологические парадигмы и теории предоставляют многообразие онтологических оснований и методологических возможностей для исследования различных аспектов спорта и утверждения его в качестве сложного многогранного, противоречивого и социально значимого феномена современности.

Литература:

1. Андрианов А.В. Этапы институционализации физической культуры в современном обществе // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 104–106.
2. Земцова В.Н. Структурный функционализм как основа построения социальной работы в системе спорта для инвалидов // Молодой ученый. – 2012. – № 5 (40). – URL: https://moluch.ru/archive/40/4727/
3. Лукащук В.И. Социология спорта: обзор традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий // Вестник Московского университета. – 2020. – Т.26. № 2. – С. 49–69.
4. Шульгина Т.А. Современные подходы реализации теории социального обмена // Коллекция гуманитарных исследований. – 2022. – № 1 (30). – С. 6–11.

Phenomenon of Sports in the Context of Sociological Paradigms

Fahretdinova A.B.
Volga Region State of Physical Culture, Sports and Tourism
Zamaletdinova L.R.
Kazan State Power Engineering University

The relevance of the appeal to the study of sports from the standpoint of sociological paradigms is justified by the obvious socio-cultural significance of sports and the variety of theoretical and methodological approaches of sociology, which allow to reveal the full versatility of the designated phenomenon. In the article, the authors propose to consider sports in the context of the theoretical provisions of structural functionalism, the theory of exchange, symbolic interactionism, conflictological and phenomenological paradigms.

Key words: paradigm, sociology, social phenomenon, sport, athlete, phenomenon

УДК 379.85

Развитие круизного туризма в арктическом регионе

Фомин А.А.
Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Плотникова В.С.
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма
Петрозаводского государственного университета

Федорова Е.В.
Магистрант кафедры социально-культурного сервиса и туризма
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

В статье объектом изучения выступает круизный арктический туризм. Рассмотрены основные факторы, препятствующие развитию круизного туризма в Арктическом регионе. Выполнен анализ существующих круизных маршрутов, реализуемых в Арктической зоне России. Представлены результаты социологического исследования, которое может послужить основной для разработки нового туристического продукта, способствующего расширению спектра услуг в данной сфере туризма. Даны рекомендации по развитию круизного туризма в данном регионе.

Ключевые слова: круизный туризм, Арктика, рекреационные занятия

Арктика обладает огромным туристским потенциалом, который включает историко-культурные достопримечательности и уникальные природные объекты. Арктический туризм набирает популярность в наше время благодаря удивительной полярной природе, которая привлекает туристов со всего мира. Сегодня на туристском рынке наблюдается рост интереса к Арктике. Развитие круизного туризма в Арктике играет важную роль и в социально-экономическом развитии региона. Каждый год появляются новые маршруты, модернизируется морской и речной флот. Уникальная природа и богатый историко-культурный потенциал создают перспективы для развития круизного туризма в Арктике.

Развитие туризма активно способствует социально-экономическому развитию регионов, приводит к появлению новых инвестиций, развитию инфраструктуры, созданию новых рабочих мест и притоку специалистов из разных регионов страны, стимулирует развитие территорий также и на суше путем создания туристских кластеров, природных парков. Эти проекты являются привлекательными для инвесторов и государства. За последние годы значительно увеличилось количество рекреационных и туристских мест в арктических регионах. Под арктическим туризмом мы понимаем туризм, осуществляемый в Арктической зоне, направленный на популяризацию ее исторического, культурного,

природного потенциала. Он активно развивается и имеет свои разновидности. Так, сформировались такие виды туризма, как экологический, рекреационный, приключенческий, круизный. Правительство России вкладывает значительные ресурсы для развития Арктической зоны, разработки законодательной базы для регулирования взаимоотношений и обеспечения безопасности окружающей среды в экстремальных условиях [1].

Основным источником роста туристов в Арктике является круизный туризм. На территории российской Арктики существует 228 пунктов, которые расположены в прибрежной зоне и могут принимать туристов. Предлагаются круизы на западное побережье Гренландии, вокруг Шпицбергена, на Северный полюс с посещением Земли Франца-Иосифа, по Северному морскому пути, к Новой Земле и острову Вайгач, который находится на границе Карского и Баренцева морей, и другие [2]. Они дополняются такими услугами, как рыбалка в открытом море, экскурсии к колониям птиц, живущих на прибрежных скалах и небольших островах, подводное плавание или айсдайвинг. При этом важно создавать безопасные условия для туризма через систему природоохранных водно-экологических мероприятий.

На данный момент существует несколько туроператоров, предлагающих круизы в Арктику из России:

– *Poseidon Expeditions* – предлагает различные маршруты в Северном Ледовитом океане, включая посещение Шпицбергенского архипелага и Франц-Иосифовых островов;

– *Arctic Cruises* – специализируется на круизах в Арктику, включая посещение группы островов Новой Земли и Северного Ледовитого океана;

– *Vodohod* – предлагает круизы на комфортабельном лайнере «Северный Витязь» по маршруту «Арктика: дикие земли России»;

– «Арктика и Новый мир» – предлагает круизы на судне «Северный полюс-1», в том числе и в Северо-Восточной части Арктики. Их услуги были проанализированы и обобщены в таблице 1 (составлено по [3–9]).

Как видно из таблицы 1, главная цель таких маршрутов – предложить путешественникам лучшие варианты активного исследования Арктики. Но проанализировав имеющиеся предложения, можно отметить, что развитие круизного туризма в данном регионе ограничивает ряд факторов:

– высокая стоимость туров;

– сезонность туристических предложений и непродолжительность благоприятного «высокого» сезона;

– недостаточный уровень туристской инфраструктуры;

– неблагоприятные климатические условия, удаленность от центра страны;

– нехватка специалистов в данной сфере;

– труднодоступность некоторых локаций на возможных маршрутах в связи с политикой национальной безопасности;

– нехватка стратегических программ развития региона.

Для нейтрализации этих сдерживающих факторов крайне важно обеспечить:

Таблица 1

Анализ российского туристского рынка морских круизов в Арктике

Название маршрута	Маршрут	Продолжительность	Цена на 2023 г.
На ледоколе к вершине планеты	Мурманск – Северный полюс – Земля Франца-Иосифа – Баренцево море – Мурманск	13 дней	от 23 820 долл.
Земля Франца-Иосифа, Северная и Новая Земли. Круиз Арктика Северный полюс	Архипелаг Новая Земля – Карское море и Северная Земля – Земля Франца-Иосифа – Мурманск	9 дней	от 15 995 долл.
Там, где рождается заря	Анадырь – Эвгекинот – Конергино – бухта Преображения – Китовая аллея и залив Гильмымыл – мыс Дежнева – остров Врангеля – Залив Колючин и остров Колючин – Анадырь	15 дней	от 10 250 долл.
Экспедиция на Землю Франца-Иосифа. Дорогами первопроходцев	Лонгйир – Земля Франца-Иосифа –побережье Шпицбергена – Лонгйир	13 дней	от 8450 долл.
Сокровища русской Арктики	Мурманск – архипелаг Новая Земля – курс на север – Земля Франца Иосифа – Мурманск	14 дней	от 11 500 долл.
Северный морской путь. Мыс Дежнева, остров Врангеля, острова Земля Франца Иосифа	Анадырь – Преображенская бухта – Мыс Дежнева и поселок Уэлен – Остров Колючин – Остров Врангеля – Остров Айон – Медвежьи острова – Новосибирские острова – Архипелаг Северная Земля – Земля Франца-Иосифа – Мурманск	27 дней	от 22 тыс. долл.
Дом белых медведей	Лонгйир – Рауд-фьорд – Остров Аннёйа – Пролив Хинлопен – Остров Низкий – Конгсфьорд – Мыс Принца Карла – Лонгйир	8 дней	от 3 тыс. долл.

– конкурентоспособность создаваемого туристского продукта, дополнительно реализовывая комплекс мер, связанных с повышением разнообразия, доступности, качества услуг, привлечения инвестиций и развитие механизмов партнерства между всеми участниками данного процесса;

– условия для развития бизнеса в этой сфере, проведя корректировку региональных и федеральных программ и разработав муниципальные программы по развитию туризма;

– рекламно-информационное обеспечение, направленное на популяризацию круизного туризма в Арктике, выпуск видеороликов, создание интернет-ресурсов, объединяющих данные о достопримечательностях и доступных туристских маршрутах;

– при продвижении круизных маршрутов учитывать психологический аспект восприятия Арктики, многие просто не знает о том, что может предложить Арктика, кроме холода, снега и пронизывающих ветров, в массовом сознании регион не ассоциируется с местом для отдыха и комфортного проживания [10].

В рамках практического исследования был проведен социологический опрос среди населения Северо-Западного и Центрального регионов России. Целью опроса было выявление целевой аудитории потребителей туристских продуктов и услуг в Арктике. Всего в опросе приняли участие 185 респондентов. Результаты опроса позволили определить предчтения, интересы, мотивы потенциальных туристов и их готовность к посещению арктических регионов страны. Анкеты была создана с помощью сервиса «*Google Forms*». Анкета включала 14 вопросов. Участники опроса по большей части являются представителями активного трудоспособного населения, от 18 до 25 лет – 30,6 %, а также от 25 до 35 лет – 48,2 % и от 35 до 50 лет – 18,8 %. Большинство опрошенных участников исследования выразили предпочтения для путешествий в летний период – 97,6 % и зимний период – 62,4 %. Меньшее количество респондентов также выразили мнение о предпочтениях проводить отпуск осенью – 30,6 % и весной – 41,2 %. Относительно выбора транспортного средства для путешествий, 44,7 % опрошенных выразили желание использовать водный транспорт. Изъявили желание отправиться на отдых в Арктику 69,4 % респондентов, ответили «возможно» – 29,4 %. Продолжительность арктического круиза в 5-7 дней является приемлемой для 33,9 % опрошенных, 8-10 дней – 29 %, а также туристская поездка продолжительность от 3 до 5 дней была бы удобна для 32,3 % участников опроса.

Большинство опрошенных респондентов, т.е. 59,7 % участников готовы потратить на арктический круизный тур сумму в диапазоне от 100 до 200 тыс. руб. Около трети опрошенных – 33,9 % – ответила, что готова заплатить за тур от 200 до 300 тыс. руб. Менее 7 % процентов респондентов готовы выделить свыше 500 тыс. руб. на арктический тур. Представленные социологические данные указывают на наличие небольшого, но существенного сегмента потребителей, которые готовы заплатить значительную сумму за туристскую поездку в Арктику. В целом результаты опроса показывают, что целевая аудитория потребителей арктических туров достаточна разнообразна и включает в себя людей с разными уровнями дохода и предпочтениями. Это позволит организаторам туров разрабатывать предложения, удовлетворяющие запросы разных сегментов потребителей. Большинство респондентов выразили желание посетить регион и насладиться его уникальной природой. Туристам интересна история освоения Севера, природа и жизнь коренных северных народов, также важной составляющей является проведение спортивных мероприятий и мероприятий по созданию контента. Это необходимо учитывать при составлении программы круиза, чтобы удовлетворить потребности клиентов. Данная информация может стать основой для проектирования туристских маршрутов по городам и островам Арктического региона.

Также можно дать следующие рекомендации по успешной организации круизных туров в Арктику:

1. Соблюдать национальные стандарты и законодательство для обеспечения безопасности и сохранения уникальной природы региона для будущих поколений, реализуя концепцию ответственного туризма, обеспечивающего экологическую безопасность Арктики, направленную на минимизацию негативных воздействий на территорию [11]. Быстрое развитие туризма может угрожать экологической ситуации в этих районах. Для того чтобы минимизировать негативное воздействие на арктические ландшафты, необходимо проводить дальнейшие исследования и анализировать антропогенное воздействие на них в связи с ростом туристской нагрузки.

2. Использовать разнообразные ресурсы при проектировании новых маршрутов не только первозданную северную природу, просторы арктических территорий и акваторий, но и богатый историко-культурный, этнографический потенциал, имеющуюся туристскую инфраструктуры, например, на островах, принадлежащих национальному парку «Русская Арктика» (Земля Франца-Иосифа и архипелаг Новая Земля). Есть примеры маршрутов, которые активно реализуются или готовы к реализации на данной территории [3].

3. Продолжать работу по созданию федеральных и региональных программ по развитию туризма в регионах, входящих в Арктическую зону.

4. Обратить внимание и на разнообразие рекреационных занятий при организации круизных маршрутов, включающих:

– наблюдения за дикой природой (бердвортчинг, наблюдение за морскими животными);

– познавательную деятельность (знакомство с естественной историей Арктики, посещение исследовательских станций);

– научную и образовательную деятельность (научное волонтерство и публичные лекции, участие в семинарах, мастер-классах);

– приключенческую деятельность (каякинг, дайвинг, айс-ныряние);

– эстетическую деятельность (фотографирование, мастер-классы по фотосессии, рисование, наблюдение);

– рекреационную деятельность (расслабление, отдых, единение с природой, медитации, ретриты тишины и ретриты осознанности [12].

5. Учитывать, что одним из главных вызовов в развитии арктического туризма в России является высокая стоимость путешествий для среднестатистических туристов.

6. Заранее готовить высококвалифицированные кадры, которые имели бы специальную подготовку для работы на подобных маршрутах. Для проведения таких туров необходима серьезная подготовка не только в области туристского образования, но и в физическом и психологическом плане.

Хотя арктический туризм не считается массовым, но он уверенно занял устойчивую нишу и продолжает развиваться. Однако туристская деятельность на российских арктических территориях находится на начальном этапе развития и их потенциал остается недооцененным. Сейчас на территории арктической зоны России действуют два национальных парка: «Русская Арктика» и «Берингия», два государственных заказника федерального значения: «Земля Франца-Иосифа» и «Северозе мельский», а также заповедники: «Остров Врангеля», «Усть-Ленский», «Большой Арктический» и «Гыданский», не говоря о нескольких заказниках регионального значения и ресурсных резерватах, которые помогают оценить все многообразие и многогранность северной природы. Множество природных территорий открывает возможности для развития в рамках круизного туризма экстремальных, научно-познавательных и этнографических маршрутов. Круизный туризм в Арктике имеет большой потенциал для развития. Правильные стратегии и маркетинговые техники могут помочь привлечь больше туристов и стать ключевым элементом экономического роста.

Литература:

1. Фёдорова Е.В. Проблемы и перспективы развития круизного туризма в Арктическом регионе. // География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов. Материалы XI Всерос. науч.-практ. конференции. – Тверь, 2023. – С. 184–186.
2. Лукин Ю.Ф. Арктический туризм: рейтинг регионов, возможности и угрозы // Арктика и север. – 2016. – № 23. – С. 96–123. – DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.23.96.
3. Glushanok T., Plotnikova V., Berezina T. BACK TO THE USSR // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 5-th International Conference «Arctic: History and Modernity» 18-19 March 2020, Saint-Petersburg, Russia. – Saint-Petersburg, 2020. – P. 012094. – DOI:10.1088/1755-1315/539/1/012094.
4. Большая страна. – URL: https://bolshayastrana.com/arktika/tury-na-novuyu-zemlyu-17217?ycl id=15924365137175379967 (дата обращения: 12.09 2023).
5. Дом белых медведей. – URL: https://vvaleritur.ru/russkay-ekzotika/shpitcbergen/dom-belykh-medvedey-severnyy-shpitcbergen (дата обращения: 12.09 2023).
6. Морской круиз «По Северному морскому пути на «Spirit of Enderby» . – URL: https://atollcruise.ru/tours/arctic-northland/nord-ocean/23278/ (дата обращения: 12.09 2023).
7. На ледоколе к вершине планеты. – URL: https://www.russiadiscovery.ru/tours/severnyy-polyus-na-ledokole-k-vershine-planety-2017/ (дата обращения: 12.09 2023).
8. По следам первооткрывателей с РГО. – URL: https://www.russiadiscovery.ru/tours/arktika-ekspediciya-na-zemlyu-franca-iosifa/ (дата обращения: 12.10 2023).
9. Русская Арктика. – URL: https://rus-arc.ru/for-tourist/tours/sokrovishcha-russkoy-arktiki-novaya-zemlya-i-zemlya-frantsa-iosifa/ (дата обращения: 12.10 2023).
10. Туристическая разморозка русской Арктики. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/sofia-arkhipova/_2822/ (дата обращения: 12.09 2023).
11. Плотникова В.С., Васильева А.В. Рекреационная емкость как организационно-экономический инструмент развития экологического туризма на особо охраняемой природной территории // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 2191–2202. – DOI:10.18334/eo.9.3.40950.
12. Афанасьева А.В. Круизный туризм в Антарктике: состояние и актуальные тренды // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 126–148. – DOI: 10.24412/1995-0411-2021-3-126-148.

Development of Cruise Tourism in the Arctic Region

Fomin A.A.
Leningrad State University. A.S. Pushkin
Plotnikova V.S.
Petrozavodsk State University
Fedorova E.V.
Leningrad State University. A.S. Pushkin

The object of study in the article is Arctic cruise tourism. The main factors hindering the development of cruise tourism in the Arctic region are considered. An analysis of existing cruise routes implemented in the Arctic zone of Russia was carried out. The results of a sociological survey are presented, based on the data of which it is possible to plan a new tourism product that will help expand the range of services in this tourism sector. Recommendations for the development of cruise tourism in this region are highlighted.

Key words: ruise tourism, Arctic, recreational activities

УДК 332.1

Инструменты и механизмы 5G технологий и их роль в цифровой трансформации промышленного комплекса

Гнатышина Е.И.
Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и бизнеса
Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти)

В статье автор исследует влияние технологии 5G на производственные процессы в экономике и перспективы, которые они открывают для различных ее секторов. Основываясь на актуальных исследованиях и данных, предлагается оценка потенциальных выгод и вызовов, связанных с внедрением 5G технологий в экономику страны и регионов с учетом социальных, экономических и регуляторных аспектов.

Ключевые слова: 5G технологии, промышленный интернет вещей, AR/VR технологии, облачные вычисления

В последние годы технология 5*G* привлекла значительное внимание как одно из самых обещающих достижений в сфере беспроводных коммуникаций. 5G поддерживает значительно более высокие скорости мобильной широкополосной связи и более низкие задержки, чем предыдущие поколения мобильных технологий. Также с помощью 5*G* технологий будет обеспечена реализация целого ряда новых услуг, которые будут способствовать цифровой трансформации отраслей и предоставят новые возможности для потребителей. Однако внедрение стандарта 5*G* в России могут отложить до 2030 г., что следует из текста предложенной Минцифры совместно с операторами связи концепции развития телекома до 2035 г. Согласно «Стратегии развития отрасли связи в РФ на 2024–2035 годы», к концу 2023 г. оборудование на сетях *LTE* будет заменено на отечественное. К 2027 г. завершится использование стандарта 3*G*. Освободившиеся частоты от 3*G*-сетей отдадут под стандарт *LTE* для увеличения скорости и покрытия. В 2035 г. должны появиться инструменты «совместного и динамического распределения частот между операторами». Коммерческая эксплуатация сетей 5*G* и 6*G-Ready* начнется с 2030 г., а сети 5*G* будут развернуты на отечественном оборудовании во всех городах России с населением свыше 100 тыс. чел. [1]. При этом в конце 2022 г. «дорожная карта» развития отрасли предполагала, что в 2023 г. около 100 тыс. чел. смогут пользоваться 5*G*. По предыдущим планам Минцифры, к 2030 г. сетями 5*G* должны были пользоваться 50 млн абонентов.

Сложившаяся ситуация обусловлена рядом причин как экономического, так и технологического характера. Прежде всего это:

– отсутствие частотного ресурса. У России не хватает необходимых частот для 5*G*, что становится основной причиной отсрочки;

– отсутствие необходимого программного обеспечения. Отказ от старых технологий, уход с рынка иностранных вендоров;

– недостаток средств. В России операторам связи нужны дополнительные инвестиции для реализации проекта 5*G*.

В условиях санкционного давления цифровая трансформация промышленного комплекса становится приоритетной целью государства. Без внедрения инновационных механизмов и инструментов 5*G* технологий задача сделать промышленный сектор экономики более конкурентоспособным и менее зависимым от импортных товаров становится практически невыполнимой.

Внедрение технологий пятого поколения (5*G*) переформатирует подход к управлению производственными процессами. Путем использования минимальной задержки, увеличенной пропускной способности и надежности 5*G* предоставляет основу для внедрения интеллектуальных решений в про-

изводстве, которые способны вызвать революцию в экономике.

Автором проанализированы и систематизированы возможные способы использования технологии 5*G* в промышленности и определены преимущества каждой из них (табл. 1).

На основе проведённого исследования можно сделать вывод, что внедрение 5*G* способствует улучшению производительности и эффективности, развитию новых бизнес-моделей и технологиче-

Таблица 1

Применения 5G технологий в промышленности

Технология	Преимущества использования
Облачные вычисления и удаленный мониторинг Внимание разномасштабных предприятий направлено на изучение преимуществ использования облачных вычислений. Облачные технологии представляют собой подход, при котором информация и приложения хранятся на удаленных серверах, доступ к которым осуществляется через Интернет, а не через локальную сеть или персональные компьютеры. Применение облачных вычислений позволяет компаниям получить множество преимуществ, таких как увеличение емкости хранилища, улучшение совместной работы, экономия ресурсов и масштабирование производства	1. Емкость. Возможность хранения больших объемов данных в облаке. Это позволяет компаниям избавиться от необходимости приобретать дополнительное оборудование и пространство для хранения информации на локальных серверах или жестких дисках. Облачное хранилище также обеспечивает быстрый доступ к сохраненным данным с различных устройств, обеспечивая большую мобильность и благоприятные условия для совместной работы. 2.Совместная работа. Наличие возможности предоставления сотрудникам, клиентам и прочим заинтересованным пользователям доступа к хранимым данным. Одновременное совместное пользование общими файлами позволяет сэкономить время на выполнение задач и повысить эффективность рабочих процессов. 3.Масштабируемость бизнеса. Мобильность и простота распространения приложений и услуг в ответ на потребности своего бизнеса, позволяет предприятиям избежать необходимости вложений в дополнительное оборудование и программное обеспечение, и сосредоточить ресурсы на реализации стратегических целей. 4.Экономия. Использование облачных вычислений позволяет избежать затрат на приобретение и обслуживание собственных серверов и программного обеспечения. Кроме того, компании могут избежать расходов, связанных с наймом ИТ-специалистов для управления своей инфраструктурой.
Индустрия 4.0 и автоматизация В рамках концепции Индустрии 4.0, 5*G* является ключевым компонентом для создания «умных» и автономных производственных систем. Благодаря высокой пропускной способности и низкой задержке, 5G обеспечивает связь между различными устройствами и сенсорами, что позволяет им обмениваться данными в реальном времени. Это способствует автоматизации производственных процессов, оптимизации цепи поставок и повышению производительности	1. Интеллектуальный анализ данных. Анализ данных помогает принимать правильные решения. Цифровая трансформация позволяет собирать огромное количество создаваемых ежеминутно данных, осмысливать и использовать их для решения производственных задач. 2. Принятие безопасных решений Цифровые технологии позволяют на этапе разработки и планирования нового продукта или производства создать их виртуальную модель. Цифровое воспроизведение позволяет получать отчеты, имитируя реальность на основе анализа данных в смоделированной среде. Это позволяет сделать внедрение инноваций более быстрым и надежным. Кроме того, виртуальная реальность исключает необходимость создания реальных прототипов. Данные производства реального продукта, можно собирать, анализировать и использовать во время разработки новых проектов, что способствует улучшению и оптимизации нового продукта и процессов производства на этапе его создания.
Расширенная реальность (AR) и виртуальная реальность (VR)	1. Эффект присутствия. Выход за пределы 2*D* на экране, и перемещение в виртуальное пространство позволяет представить продукт или услугу, которые сложно продемонстрировать в реальности, это позволяет пользователям взаимодействовать с окружающей средой интерактивно. 2. Фокусировка. Дополненная реальность накладывает данные на реальный мир и может использоваться для концентрации внимания. 3. Эффект погружения. Благодаря технологиям *VR* и *AR*, потребитель продуктов производства имеет возможность более глубокого погружения к контент. Устранение языкового барьера с помощью инструментов языкового перевода способствуют расширению коммуникаций. *VR* позволяет пользователям удаленно посещать конференции, заседания и прочие производственные совещания, создает эффект полного присутствия. 4. *WOW*-эффект. Инструменты *AR/VR* инициируют интерес конечного потребителя продукции, что является движущей силой, побуждающей потребителя к решению о покупке. 5. Развитие инноваций. Стимулирование развития инноваций, повышая эффективность и снижая расходы, помогает достигать конкурентного преимущества вне зависимости от отрасли. *AR/VR* технологии позволяют производству работать с большой точностью, экономя время на устранение ошибок. *AR* демонстрирует проанализированные данные в виде таблиц, диаграмм, инфографики с помощью визуальных эффектов, *VR* выводит визуализацию данных на новый уровень, давая стейкхолдерам возможность изучать и обсуждать прототипы данных.

Продолжение таблицы 1

Применения 5G технологий в промышленности

Технология	Преимущества использования
Робототехника и автономные системы Автоматизированное производство способно гибко реагировать на изменения потребностей рынка. Роботизация процессов помогает обеспечить максимальную пропускную способность при наименьших затратах, используется для выполнения повторяющихся производственных циклов, выдерживает тяжелые нагрузки	1. Снижение производственных затрат. Характерен быстрый возврат инвестированных в роботизацию средств, увеличение скорости и объемов производства. 2. Сокращается продолжительность цикла. Работа робота с одинаковой интенсивностью, без пауз и перерывов на сон и отдых позволяет произвести максимум продукции за короткий срок. 3. Повышение качества и надежности продукции. Высокоточное выполнение всех операций производственного цикл обеспечивает создание продукции с едиными характеристиками и снижает необходимость сервисного обслуживания клиентов. 4. Рост безопасности труда и производства. Оснащения техники датчиками и барьерами достаточно для автоматической работы оператора в нужной зоне. Повышение безопасности труда приводит к экономии финансовых средств на уплату взносов на страхование, выплат по листкам нетрудоспособности. 5. Эргономичное использование производственного пространства. Уменьшение площади рабочей зоны за счет автоматизации производственной линии позволяет использовать территорию для других операций, сокращение количества отходов производства за счет повышенной точности производимых операций, и как следствие, снижение объемов используемого сырья.
Промышленный интернет вещей (IIoT) Практически полное исключение человеческого фактора из процесса производства, автоматизация и роботизация всех процессов и производственных алгоритмов. Управление производственными процессами осуществляет программное обеспечение на базе искусственного интеллекта	Помимо оптимизации производственных процессов, применение IIoT решает следующие задачи: 1. Проактивное обслуживание и предиктивный анализ. IIoT позволяет компаниям осуществлять мониторинг и диагностику оборудования в режиме реального времени. Это позволяет предсказывать возможные сбои и отказы, а также планировать профилактическое обслуживание. Такой подход помогает предотвратить непредвиденные простои и снижает затраты на ремонт и замену оборудования 2. Улучшение управления цепями поставок. IIoT помогает улучшить прозрачность и отслеживаемость в цепях поставок. С помощью технологий автоматической идентификации и устройств для считывания данных, компании могут получать точную информацию о местонахождении и состоянии товаров и материалов на всех этапах цепи поставок. Это позволяет ускорить процессы доставки, оптимизировать складские запасы и улучшить общую эффективность. 3. Создание новых бизнес-моделей и возможностей. IIoT открывает новые возможности для создания инновационных бизнес-моделей. Компании могут предлагать услуги на основе данных и аналитики, создавать новые продукты и сервисы, основанные на обратной связи от устройств и потребителей. Это может привести к диверсификации и увеличению доходов. 4. Оптимизация использования ресурсов. IIoT помогает компаниям оптимизировать использование ресурсов, таких как энергия, вода и сырье. С помощью мониторинга и анализа данных, компании могут идентифицировать и устранять источники избыточного потребления и неэффективного использования ресурсов, что приводит к снижению затрат и экологической эффективности использования ресурсов

Источник: составлено автором по данным [2; 3].

ских секторов, стартапов и предпринимательства, так как создает новые возможности для разработки инновационных продуктов и услуг. Кроме того, технология 5*G* обеспечивает высокоскоростную связь и низкую задержку, что способствует применению искусственного интеллекта (*AI*) и машинного обучения (*ML*), что открывает новые перспективы для развития автономных промышленных систем.

Внедрение технологии 5*G* также сопряжено с определенными вызовами и требованиями. Одним из них является необходимость инвестиций в развертывание инфраструктуры 5*G*, так как для обеспечения высокоскоростной связи требуются новые беспроводные базовые станции и сетевое оборудование. Кроме того, необходимы меры политического регулирования, обеспечивающие конкуренцию и защиту данных в сфере 5*G*.

Литература:

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». – URL: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения 20.11.2023 г.).
2. Black VR. Студия разработки AR/VR/XR/360 решений для B2B, ритейла в FMCG-брендов. – URL: https://spark.ru/user/135078/blog/87063/5-prichin-pochemu-vr-ar-tehnologii-nuzhni-sovremennomu-biznesu
3. Ламберг А.Р. Робототехнический комплекс как инновационная технология для машиностроительного предприятия // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 20–21 апреля 2023 года. – Красноярск: Сибирский

гос. ун-тет науки и технологий имени акад. М.Ф. Решетнева, 2023. – С. 1472–1474.
4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: http://www.consultant.ru.

Tools and Mechanisms of 5G Technologies and Their Role in the Digital Transformation of the Industrial Complex

Gnatyshina E.I.
Volga Region State University of Service (Tolyatti)

In this article, the author examines the impact of 5G technology on production processes in the economy and the prospects that they open up for its various sectors. Based on current research and data, the article offers an assessment of the potential benefits and challenges associated with the introduction of 5G technologies into the economy of the country and regions, taking into account social, economic and regulatory aspects.

Key words: 5G technologies, industrial Internet of Things, AR/VR technologies, cloud computing

УДК 338.1

Общие тенденции устройства территориальной обороны как фактор обеспечения национальной безопасности и экономического развития

Молоканов А.В.
Аспирант кафедры бухгалтерского учета,
налогов и экономической безопасности
Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола)

В статье рассмотрены подходы к изучению военной безопасности, дана характеристика основных понятий безопасности и угроз, разработана организационная модель системы военной безопасности, предложен концепт экономической безопасности России с позиции тенденций и зарубежного опыта развития территориальной обороны.

Ключевые слова: национальная безопасность, оборона, военная безопасность, угрозы военной безопасности, система военной безопасности, территориальная оборона, экономическое развитие, экономическая безопасность

Среди реализуемых в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации стратегических национальных приоритетов отмечен особый приоритет – *оборона страны*, целями которой являются «создание условий для мирного социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечение ее военной безопасности» [1, п. 39]. Достижение указанных целей осуществляется в соответствии с военной политикой, ключевые положения которой содержатся в утвержденной Президентом Доктрине военной безопасности Российской Федерации [2] и конкретизируются в посланиях Президента, адресованных Федеральному собранию Российской Федерации.

Характерные черты военной безопасности как вида национальной безопасности и особенности деятельности по обеспечению военной безопасности в теории объяснимы с позиции ряда научных подходов. В частности:

– *системный подход* позволяет рассматривать военную безопасность как систему с взаимодействующими между собой системными элементами, позволяющими изучить экономико-правовую природу и сущность военной безопасности в многоаспектном формате;

– *институциональный подход*, основанный на развитии институционализма как научного направления, развиваемого Дж. Гэлбрейтом, Г. Мюрдалем и Т. Вебленом, Д. Нортом, А. Олейником и многими другими учеными с позиции правовой оценки традиционных условностей, кодексов поведения («правил игры в обществе»), формальных правил и неформальных ограничений, в современной науке позволяет рассматривать сложную систему в качестве института, функционирующего в рамках конституционно-законодательных норм. *Примеры*: институт национальной безопасности, институт военной безопасности; институт военной политики и др.

– *типологический подход* позволяет рассматривать военную безопасность как типологический вид и (или) как самостоятельную область национальной безопасности, регулируемую и контролируемую созданной при Совете Безопасности Российской Федерации Межведомственной комиссией по *военной безопасности*.

Перечень научных подходов не ограничивается перечисленными, к изучению проблемы можно также применить: *уровневый подход* (в зависимости от того, на каком уровне государственного управления решаются вопросы военной безопасности); организационно-управленческий подход (определяемый количеством субъектов, наделенных полномочиями и реализующих функции регулирования, управления, контроля и др.); *экономико-правовой подход*, позволяющий решать задачи экономического и финансового обеспечения в рамках сформированного правового поля для развития военной организации, а также для строительства и развития Вооруженных Сил, других войск и органов; *комплексный подход*, реализуемый в соответ-

ствии с особенностями всех вышеназванных подходов.

Таким образом, военную безопасность можем рассматривать: как систему, как самостоятельный институт и как типологический вид национальной безопасности. Причем понятие «*национальная безопасность*» трактуется как «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [1, ст. 5.1], а «*военная безопасность*» – как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять» [2, ст. 8а]. Определения отражают типологическую связь и обусловленность ключевых элементов военной безопасности, как категории, от элементов национальной безопасности. Понятие угроз в первом определении шире, что объясняет причинно-следственные связи категорий.

Угрозы военной безопасности определены в Военной доктрине комплексно, включают военные опасности, военные угрозы и военные конфликты (табл. 1)

Приведенные в таблице 1 выдержки из документа [2] с характеристикой угроз военной безопасности, свидетельствуют о сложности и значимости деятельности по обеспечению военной безопасности в нашей стране с учетом сложившейся геополитической обстановки в мире, всплеском локальных войн и вооруженных конфликтов, расширением военных блоков, укреплением военных союзов в их стремлении к еще большему военному преимуществу.

Координация и регулирование деятельности по обеспечению военной безопасности требует ее всех видов обеспечения: теоретико-методического (научного); законодательно-нормативного (правового); организационно-управленческого; технико-технологического; информационно-аналитического; кадрового. Причем в равной степени перечисленное обеспечение должно способствовать повышению эффективности деятельности в системах военной безопасности разных уровней: от межгосударственного (глобального) до локального.

Приведенная характеристика отдельных элементов военной безопасности использована нами для построения организационной модели военной безопасности, представленной на рисунке 1.

Значимым элементом представленной нами модели является мониторинг, на основе которого становится возможным оценка состояния военной безопасности при условии эффективно организованного сбора, систематизации, аналитической информации, формирования для оценки систем показателей (индикаторов), установленных их предельных (пороговых) значений, обоснования выбора методов и инструментов анализа и оценки такой информации.

Проблема межгосударственного соотношения сил между сильнейшими державами США, Китаем и Российской Федерацией обусловлена реализуемой ими военной и оборонной политикой.

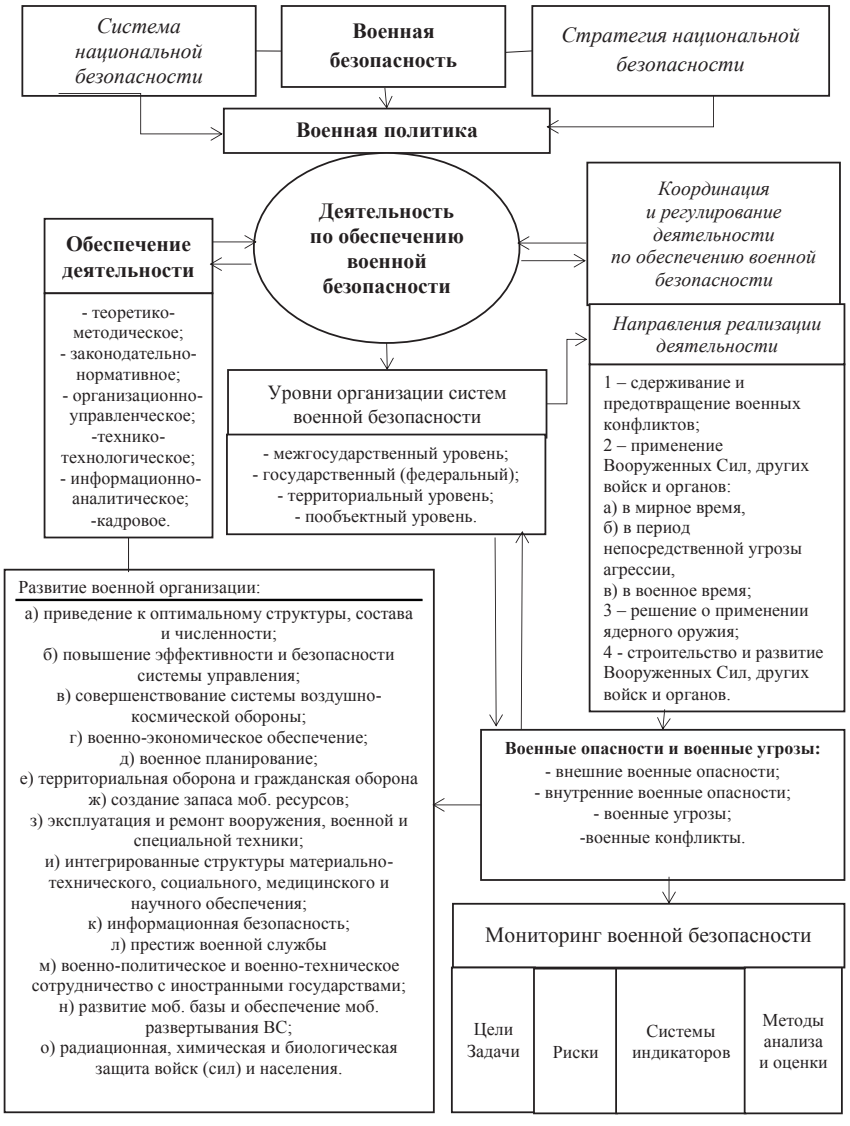

Рис. 1. Организационная модель системы военной безопасности

Таблица 1

Угрозы военной безопасности [2, ст. 12–15]

Группы угроз военной безопасности	Виды угроз
1 – основные внешние военные опасности	– наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО); – дестабилизация обстановки в отдельных государствах и регионах; – развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств на территориях государств, сопредельных с РФ и ее союзниками; – создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность; – территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела; – распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий; – нарушение отдельными государствами международных договоренностей, договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений; – применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками; – наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками; – растущая угроза глобального экстремизма (терроризма); – наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности; – использование информационных и коммуникационных технологий, направленных против суверенитета и представляющих угрозу миру, безопасности; – установление в государствах, сопредельных с РФ режимов, в т.ч. в результате свержения легитимных органов государственной власти; – подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств и их коалиций против РФ.
2 – основные внутренние военные опасности	– деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране; – деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета страны; – информационное воздействие на население; – провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды.
3 – основные военные угрозы	– резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы; – воспрепятствование работе систем государственного и военного управления РФ, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил и других потенциально опасных объектов; – создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории РФ или на территориях ее союзников; – демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях государств, сопредельных с РФ и ее союзниками; – активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или общей мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.
4 – военные конфликты	– комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера; – массированное применение систем вооружения и военной техники, иного оружия; – воздействие на противника на всю глубину его территории одновременно в глобальном информационном пространстве, в воздушно-космическом пространстве, на суше и море; – избирательность и высокая степень поражения объектов, быстрота маневра войсками (силами) и огнем, применение различных мобильных группировок войск (сил); – сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий; – усиление централизации и автоматизации управления войсками и оружием в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием; – создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий; – участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний; – применение непрямых и асимметричных способов действий; – использование финансируемых и управляемых извне политических сил, общественных движений.

При наступлении угроз военной безопасности, когда в стране или на отдельных ее территориях вводится военное положение, то приоритетную значимость в организации деятельности по обеспечению военной безопасности имеет Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [3], которым введено понятие *территориальной обороны* как «системе осуществляемых в период действия военного положения мероприятий по охране и обороне военных, важных государственных и специальных

объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды, по борьбе с диверсионно-разведывательными формированиями иностранных государств и незаконными вооруженными формированиями, по выявлению, предупреждению, пресечению, минимизации и (или) ликвидации последствий их диверсионной, разведывательной и террористической деятельности в целях создания благоприятных условий для функционирования указанных объектов и применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и создаваемых на военное время специальных формирований» [3, ст. 22].

Определение позволяет оборонную политику нашей страны признать частью (самостоятельным направлением) военной политики, поскольку на территории Российской Федерации территориальная оборона ведется там, где введено военное положение.

Понятие национальной (территориальной) обороны в законодательстве других стран трактуется по-разному, с учетом специфических особенностей организации формы управления, финансирования и других аспектов. Например, в Китае функции территориальной обороны выполняет народное ополчение, а в США – национальная гвардия. Рассмотрим их подробнее.

Соединенные Штаты Америки. Военным институтом, выполняющим функции территориальной обороны в США, является Национальная гвардия (НГ). Образовавшаяся из ополчения штатов при их легализации, современная Национальная гвардия США включает: военно-воздушный и общевойсковой компоненты, а также специальные подразделения. Большая часть военнослужащих находятся в «частичной занятости», т.е. служат в определенное время, а в остальное – работают или учатся.

Войска НГ США могут быть мобилизованы и применены по решению губернатора штата для решения внутренних задач, например для поддержания правопорядка, борьбы со стихийными бедствиями при наводнениях и пожарах. Войска Национальной гвардии могут быть также мобилизованы в случае войн и применены по решению федерального правительства США. Такое применение НГ США позволяет экономить на содержании крупных внутренних и пограничных войск, поскольку могут мобилизоваться в короткие сроки и взять на себя частичное выполнение их функций.

Концепция профессиональной армии в США в итоге привела к наличию профессионального резерва, который обеспечивается Национальной гвардией, где служат по добровольному согласию люди, сознательно подписавшиеся вступить в профессиональный резерв и прошедшие подготовку.

Китай. Рассматривая общие тенденции национальной оборонной политики Китая, следует выделить особенности структуры его Вооруженных Сил, которые включают: войска действительной службы; войска запаса Народно-освободительная армия Китая (НОАК); части вооруженной народной милиции Китая и народное ополчение. Заметим, что войска вооруженной народной милиции выполняют поставленные государством задачи по обеспечению безопасности и находятся под двойным руководством Госсовета и Центрального военного совета КНР. Они включают: 1) части внутренней охраны, которые обеспечивают безопасность на золотопромышленных предприятиях, гидроэлектростанциях; 2) части лесоохраны; 3) транспортные части [4].

Войска вооруженной народной милиции, как наиболее подготовленное формирование, выполняют часть функций территориальной обороны. Резервные части и народное ополчение поддерживаются в умеренном масштабе, совершенствуют свою структуру, повышают уровень подготовки.

Согласно Закону КНР «О государственной обороне» [5], государственные органы и вооруженные силы, политические партии и общественные организации, предприятия и организации разворачивают в своем районе, отрасли, организации оборонное обучение. Используются различные органы и средства агитации для развертывания многообразной агитации в сфере оборонного обучения. Оборонное строительство и экономическое строительство развиваются согласованно. *Развитие экономики* и *усиление обороны* являются двумя стратегическими задачами модернизации Китая. Китай рассматривает экономическое строительство в качестве центральной задачи, оборонное строительство подчинено и служит интересам первого.

Основываясь на вышеизложенных особенностях оборонной политики Китая и США, для оптимальной организации более эффективной территориальной обороны России *предлагаются следующие подходы:*

1. Усиление идеологического воспитания и пропаганды среди населения роли территориальной обороны как неотъемлемой части (элемента) национальной безопасности.

2. Развертывание штабов территориальной обороны в организациях и критически важных объектах, привлекая к работе в них наиболее подготовленных работников: инженеров, уполномоченных на решение задач в области гражданской обороны; мобилизационных работников; инженеров, отвечающих за противопожарную безопасность, коммунальные и энергетические сети; ответственных за безопасность (производственную, информационную, экономическую и т.д.).

3. Бронирование за организациями (объектами экономики) работников, участвующих в территориальной обороне.

4. Создание на местах единой унифицированной учебно-практической программы мероприятий территориальной обороны для школьников, учащихся вузов и рабочего населения с учетом специфики работы организаций (профиля), износа и расположения зданий и сооружений, графиков работы.

5. Синхронизация действий и мероприятий территориальной обороны органов управления территориальной обороны со штабами в организациях и силовым блоком (правоохранительные органы, Вооруженные силы России).

6. Заблаговременное накопление и освежение материально-технических ресурсов организациями (объектами экономики) предназначенных для реализации мероприятий территориальной обороны в период действия особого правового режима.

Указанные направления не являются исчерпывающими и не противоречат «Военной доктрине-Российской Федерации» [2], федеральным законам «О безопасности» и «Об обороне» [3]. Вместе с тем они составляют основу для выстраивания *новой стратегической линии экономической безопасности*, при которой объемы финансирования для развития территориальной обороны страны будут достаточными для покрытия расходов, а средства контроля и государственного надзора будут способствовать более результативному исполнению бюджета по статье «расходы на оборону и безопасность».

Концепт экономической безопасности с позиции тенденций развития территориальной обороны России, понимаемый нами как инновационная идея, развивающая существующие подходы к экономической безопасности в зависимости от фактора проводимой в стране военной политики и организации территориальной обороны, следует признать актуальным для сложившейся политической ситуации в мире, осложняющейся военными конфликтами на Ближнем Востоке, проводимой специальной военной операции на Украине, недружественной политикой и санкциями западных стран по отношению к экономике России.

Понятие *экономическая* безопасности трактуется как «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [6, ст. 7.1]. Экономическая безопасность, также как и военная безопасность, в научных публикациях [7] рассматривается с позиции типологии, объясняющей содержательную идентичность большей части элементов (национальных интересов, суверенитета, угроз, вызовов, рисков) и соподчиненность категорий «национальная безопасность – экономическая безопасность».

Заметим, что среди 25 вызовов и угроз экономической безопасности, отраженных в Стратегии экономической безопасности [6, ст. 12], обтекаемо названы угрозы, связанные с использованием дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики и повышением конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации. Причинами появления такого рода угроз вполне могут быть факторы и условия, при которых повышаются внешние и внутренние военные опасности, военные угрозы и военные конфликты.

В этой связи концепт экономической безопасности и ее стратегического развития с позиции рассматриваемых тенденций военной политики и организации территориальной обороны может быть представлен по-новому, с учетом:

– пересмотра перечня вызовов и угроз экономической безопасности и дополнения его угрозами военной опасности и военных конфликтов, недостаточно развитой научно-методической и материально-технической базой объектов и процессов территориальной обороны;

– включения в состав индикаторов и показателей, соответствующих контуру военных угроз (и/или рисков), показателей для оценки уровня экономической безопасности;

– разработки новых, более эффективных инструментов анализа и оценки экономической безопасности, предназначенных для разного уровня систем экономической безопасности и использования их в мониторинге.

Вышеизложенное позволяет заключить о необходимости более глубоких исследований для создания систем и организации деятельности по обеспечению экономической безопасности с учетом тенденций военно-геополитической ситуации вокруг нашей страны и обеспечения устойчивого роста экономики [8], защищенностью ее от новых вызовов.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Утверждённая Президентом Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 «Военная доктрина Российской Федерации». – URL: https://docs.cntd.ru/document/420246589
3. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (в ред. от 13.06.2023) // СПС КонсультантПлюс.
4. Основные тенденции развития национальной безопасности КНР. – URL: https://cyberpedia.su/27x14ac9.html
5. Перечень действующих Законов КНР. – URL: https://cnlegal.ru/uncategorized/china_law_list_2021/
6. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Гарант.
7. Миронова О.А. Развитие экономической безопасности как науки: проблемы и перспективы // Инновационное развитие экономики. – 2019. – № 2 (50). – С. 332–338.
8. Шлычков В.В., Батайкин П.А., Зарезнов Д.А. Об отдельных аспектах обеспечения приемлемого уровня экономической безопасности России в условиях внешнеэкономических санкций и проведения СВО // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. № 4. – С. 651–658.

General Trends in the Organization of Territorial Defense as a Factor in Ensuring National Security and Economic Development

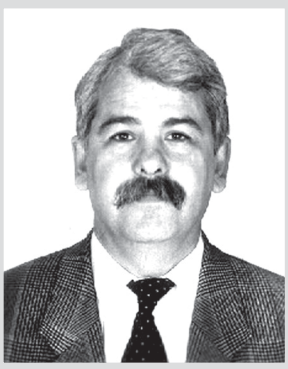
Molokanov A.V.
Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola)

The article considers approaches to the study of military security, characterizes the basic concepts of security and threats, develops an organizational model of the military security system, and proposes a concept of Russia's economic security from the perspective of trends and foreign experience in the development of territorial defens.

Key words: national security, defense, military security, threats to military security, military security system, territorial defense, economic development, economic security

УДК 321.73

П.Д. Святополк-Мирский и проблема этноконфессиональных реформ в Российской империи накануне революции 1905 г.

Циунчук Р.А.
Доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории и архивоведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена деятельности министра внутренних дел Российской империи П.Д. Святополк-Мирскогов «эпохи доверия» в канун революции 1905 г. в России. Анализируются проекты реформ с введением народного представительства и изменениями в сфере этноконфессиональной политики.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, народное представительство, свобода совести

Имперская власть, конструируя Государственную думу и моделируя избирательное законодательство, была крайне озабочена проблемой нежелательного инородческого представительства в первом российском парламенте. Конструирование этноконфессионального измерения думской избирательной системы, как одной из важнейших составляющих российского парламентаризма, прошло несколько этапов. Начальный этап был связан с официальной постановкой членами правительства в конце 1904 г. вопроса о необходимости создания выборного общеимперского представительства и отражении в нем этноконфессионального и регионального многообразия Российской империи. В связи с назначением 26 августа 1904 г. князя П.Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел вместо убитого эсерами В.К. Плеве обозначилось начало периода попыток правительственного реформаторства и непродолжительная эпоха «доверия» между правительством и обществом. При встрече с царем П.Д. Святополк-Мирский выступил как сторонник умеренной модернизации политической системы и предложил свою программу неотложных политических мер, способных, по его мнению, спасти страну от революции. Среди этих предложений – введение веротерпимости, расширение самоуправления, изменение положения национальных меньшинств и населения окраин, ослабление цензуры, признание политическими преступлениями только террористических актов. Министр «главным образом… напирал на развитие самоуправления и призыв выборных в Петербург для обсуждения как единственное средство, которое может дать возможность России правильно развиваться». Княгиня Е.А. Святополк-Мирская записала в своем дневнике, что «Государь на все соглашался и только обрадовался, когда П. (П.Д. Святополк-Мирский. – *Р.Ц.*) заговорил о веротерпимости и свободе совести, сказал, что это всегда были его воззрения» [1, с. 242].

В ноябре 1904 г. министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский привлек к сотрудничеству помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С.Е. Крыжановского (ставшего в 1905–1907 гг. одним из главных конструкторов думской политической системы). Министр поручил ему составить Всеподданнейший доклад императору с изложением «программы преобразований внутреннего строя Империи», желая выразить в нем «приемлемый для правительства максимум пожеланий, высказывавшихся в обществе в смысле освобождения личности от государственной опеки и расширения участия населения в делах управления». Такая постановка вопроса о выработке цельной программы реформирования внутреннего строя империи звучала в тех условиях весьма многообещающе. Министр Святополк-Мирский, излагая свое видение документа Крыжановскому, на первый план «ставил меры к укреплению законности, как отвечавшие с внешней стороны требованиям об установлении правового строя», а также «го-

ворил о необходимости облегчит тяжесть особых Положений об охране и дать голосу населения выражения в законодательной деятельности», наконец, «упомянул об облегчении религиозных ограничений и о пересмотре крестьянского законодательства и Положений о земских и городских учреждениях» [2, с. 16–17]. На подготовку документа было дано две недели.

Воодушевленный заданием, Крыжановский чувствовал «себя едва ли не новым Сперанским» [2, с. 19]. В докладе П.Д. Святополк-Мирского императору Николаю II (подготовленном С.Е. Крыжановским) предполагалось ввести в Государственный совет некоторое число представителей населения «на равных основаниях с членами по Высочайшему назначению» и пояснялось, что выборными должны были быть только представители от имевших земство 34 губерний, «которые почти все составляют коренные русские области», и «городских дум крупных городов», а представителей окраинных многонациональных местностей империи планировалось назначать [2, с. 22; 3, с. 472].

Проект П.Д. Святополк-Мирского намечал и изменения в этноконфессиональной сфере государственного законодательства, формулируя «два крайне наболевших вопроса» – имеющиеся ограничения старообрядцев и иудеев (по переписи 1897 г. в стране было более 2 млн староверов и более 5 млн иудеев) [4, Стб. XYIII]. Эти два вопроса, касаясь одной сферы, однако, находились как бы в разных плоскостях, поскольку раскольники в сновном испытывали ограничения в религиозной жизни, а евреи, в большей степени, – в гражданских и политических правах. Предлагая снять запреты и ограничения и установить политику веротерпимости в отношении старообрядцев, авторы доклада отдавали предпочтение их этнической общности с остальным великорусским населением, а не конфессиональным различиям: «Старообрядцы все без исключения – коренные сыны России… самые стойкие представители нашей национальности». В то же время относительно еврейского населения империи констатировалось, что «евреи являются чуждыми нам пришельцами» и в их отношении следует лишь упорядочить «с пользой для интересов евреев и для государства» «многие второстепенные стороны» так, чтобы это «не повлекло за собою резких проявлений неудовольствия среди прочего населения империи» [3, с. 471].

По своему содержанию программа П.Д. Святополк-Мирского предлагала довольно-таки осторожную модель реформирования политической и конфессиональной жизни страны. Впрочем, весьма важно, что, уже формулируя этот перечень стоящих на повестке дня вопросов и предлагая какое-то их разрешение, авторы документа признавали необходимость движения в направлении введения общеимперского представительства, а также констатировали остроту религиозных, национальных и региональных проблем, намечая пути ослабления этноконфессиональных ограничений. Важно также, что эти проблемы образовывали единый комплекс модернизации социально-экономической жизни и демократизации политической системы. Последующие события 1905 г. также показали принципиальную неразрывность этого комплекса и практическую неотложность его реализации.

В начале декабря 1904 г., в ходе обсуждения доклада императором и высшими сановниками, главным вопросом полемики стало предложение о введении представительства, которое встретило резкое сопротивление и интриги консерваторов [5, с. 32–40]. Впрочем, здесь проявили себя и сторонники идеи представительного правления. Видный земский деятель и один из основателей партии октябристов Д.Н. Шипов, передавая запись своей позднейшей беседы с П.Д. Святополк-Мирским, указал, что участники совещания и граф Д.М. Сольский и Э.В. Фриш «признавали необходимым идти по пути сближения государственной власти с обществом и не видели в этом опасности для принципа самодержавия», а также «находили более целесообразным не вводить в состав Государственного совета представителей общественных организаций, а составить особый совет из выборных лиц в качестве первой инстанции, причем, по мнению гр. Д.М. Сольского, эти лица должны были бы явиться избранниками населения, а не общественных учреждений» [6, с. 289].

Последнее предложение поставило бы в реальную плоскость также вопросы представительства народов и регионов империи. Однако Николай II, соглашаясь на уступки, все же воспротивился идее представительства, вычеркнув в последний момент из проекта указа пункт об участии выборных общественными учреждениями представителей в разработке законодательных предначертаний. Он заявил: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо я считаю его вредным для вверенного мне Богом народа». При обсуждении окончательного проекта Указа 12 декабря 1904 г. с великим князем Сергеем Александровичем и С.Ю. Витте Николай II сначала заменил в пункте о привлечении выборных представителей «в разработке законодательных предначертаний наших» слово «наших» на фразу «по делам нами указываемым», а затем отметил собеседникам, что «лучше не выборные, а по назначению», на что С.Ю. Витте заявил, что по существу разделяет этот пункт, но предложил вовсе убрать пункт о представительстве, если император не готов со временем пойти на представительный образ правления, и тогда царь при одобрении Сергея Александровича собственноручно вычеркнул этот пункт полностью [7,

с. 334–335]. Показательно, что великий князь Константин Константинович 14 декабря 1904 г. записал в своем дневнике: «На обоих совещаниях было решено созвать нечто вроде земского собора из представителей, выбранных от всех сословий. Говорят, Сергей (московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. – *Р.Ц.*) высказывался против выбора представителей и за их назначение. Разошлись под впечатлением, что созыв собора – дело решенное, и предполагался указ. Но прошло дня два-три, указа не выходило… Словом, указ вышел не такой, какой предполагалось объявить. О соборе ни слова» [8, с. 101].

В результате подписанный 12 декабря 1904 г. Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного строя» практически ничего не сообщал как раз об изменениях в государственной системе империи. Пользующаяся все более широкой поддержкой общества идея включения в политическое устройство России представительного начала была отвергнута властной элитой. Неожиданно для П.Д. Святополк-Мирского главным оппонентом на совещании явился не К.П. Победоносцев, а С.Ю. Витте, доказывавший, что включение выборных в состав Госсовета – «мера очень опасная, чреватая неизбежными последствиями, и являясь вступлением на путь к конституционному строю, грозила бы гибелью России». С.Е. Крыжановский писал в воспоминаниях: «Вообще из рассказа Мирского было ясно, что Витте его просто затоптал и отшиб от дела» [2, с. 26]. Так из-за сопротивления монарха и его консервативного окружения фактически произошел разрыв предложенного П.Д. Святополк-Мирским единого комплекса реформ: Указом 12 декабря 1904 г. намечались лишь новые административные и социально-экономические меры, обозначались нововведения в сфере гражданских и судебных прав населения. Заметные намерения реформ выявились в этноконфессиональной жизни – это обещания «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащим к инославным и иноверным исповеданиям» и «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей Империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь были сохранены лишь те, которые вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русского народа» [9, с. 7–8].

Но общество не получало самого главного – народного представительства как политического инструмента своего волеизъявления и участия в государственной жизни. Не было также ясности и определенности в формах и сроках реализации даже скромного списка обещанных преобразований, в том числе в этноконфессиональной сфере. В таком виде указ не удовлетворил не только общество, но и некоторых членов императорской фамилии, великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Прекрасные, местами довольно неопределенные слова, которые легко могут остаться мертвой буквой… Невольно приходят на ум слова Гамлета: "Слова, слова, слова"» [8, с. 101].

Поскольку князю П.Д. Святополк-Мирскому стало ясно, что он потерпел политическое поражение в попытке установить «доверие» власти и общества через реализацию главного требования реформаторов – введение института представительства, он попросил у царя отставку со словами: «Дай бог, чтобы я ошибался, но я убежден, что через 6 месяцев вы будете раскаиваться, что уничтожили пункт о выборных» [1, с. 266.]. 18 января 1905 г. новым министром внутренних дел по рекомендации Петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова был назначен А.Г. Булыгин [7, с. 346]. Накануне этого назначения А.С. Ермолов, министр земледелия и государственных имуществ, высказался за введение народного представительства в виде совещательного Земского собора из представителей всех слоев, вне зависимости от социального статуса, вероисповедания и национальности [10, с. 49–69].

Литература:

1. Дневник Е.А.Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. – М.: Наука, 1965. – Т. 77. – С. 210-293.
2. Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего статс-секретаря Российской империи. – Берлин: Петрополис, 1938. – 221 с.
3. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 801 с.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 4 дополнительный полутом. Пруссия-Фома. Россия – СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1907. – Стб. I-LXXL
5. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. – СПб.: Наука, 1991. – 221 с.
6. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1918. – 542 с.
7. Витте С.Ю. Воспоминания. – М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. – 640 с.

8. Из дневника Константина Романова // Красный архив. – М.; Л.: Центральный архив РСФСР, 1930. Т. 6(43). – С. 92–115.
9. Законодательные акты переходного времени (1904–1906 гг.). – СПб.: Право, 1907. – 1018 с.
10. Записки А.С. Ермолова // Красный архив. – М.; Л.: Центральный архив РСФСР, 1925. – Т. 1(8). – С. 49–69.

P.D. Svyatopolk-Mirsky and the Problem of Ethno-Confessional Reforms in the Russian Empire on the Eve of the 1905 Revolution

Tsiunchuk R.A.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the activities of the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire, P.D. Svyatopolk-Mirskog of the "era of trust" on the eve of the 1905 revolution in Russia. The projects of reforms with the introduction of popular representation and changes in the field of ethno-confessional policy are analyzed.

Key words: Russian Empire, State Council, people's representation, freedom of conscience

УДК 316.77

Дискурсивная урбанистика: новый поворот городских исследований*

Трубина Н.А.
Кандидат философских наук,
доцент департамента философии и социальных наук,
эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики
Московского городского педагогического университета

Миркушина Л.Р.
Кандидат философских наук, старший преподаватель
департамента философии и социальных наук,
эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики
Московского городского педагогического университета

Современная цивилизация представляет собою уникальный конгломерат городов, уникальные формы которого образуют особое когнитивно-коммуникативное дискурсивное пространство. В основе развития любого города имеется дихотомия. Город, с одной стороны, это – производная дискурсивных процессов, с другой – сама городская коммуникативно-когнитивная система формирует дискурсивные поля и новые дискурсы [1]. Дискурсивные (когнитивно-коммуникативные) особенности города охватывают, в том числе и посредством цифровых технологий, людей, которые физически находятся даже за пределами городов [2, с. 434]. Данные условия формируют необходимость в новых методологических решениях, которые будут способствовать комплексному изучению города. Посредством применения новой методологической модели (системы координат), иллюстрирующей городской дискурс в качестве парадигмы общественного сознания, такая возможность становится реальной [3].

Поэтому Проектный офис гуманитарной аналитики (МГПУ, г. Москва), возглавляемый доктором социологических наук, профессором И.А. Савченко, сосредоточил свои научные усилия на городских исследованиях и стал организатором Первой международной научно-практической конференции «Координаты российской урбанистики: поворот к гуманизму», которая была поддержана РНФ (грант № 23-18-00288).

14 и 15 сентября 2023 г. конференция объединила ученых из разных стран, увлеченных студентов и молодых исследователей вокруг проблем города, способов и результатов его изучения и развития через вектор гуманизма. Площадками для проведения конференции стали ведущие вузы страны и зарубежья: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия), Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), Кыргызско-Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан), Ванадзорский государственный университет им. О.В. Туманяна (Ванадзор, Армения), Волгоградский государственный технический университет (Волгоград, Россия), Филиал автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» в Тюменской области (Тюмень, Россия), Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень, Россия). Миссия конференции определялась постулатом формирования современной цивилизации посредством городского дискурса.

Организаторами конференции было отмечено, что современная российская урбанистика имеет уникальную возможность – сформировать когни-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», https://rscf.ru/project/23-18-00288/

тивно-коммуникативную модель исследования (систему координат). Данная модель имеет широкий потенциал для современных городских исследований в достижении комплексных и системных результатов. В области социальной практики такая система координат позволяет интегративно интерпретировать значимость и эффект тех или иных явлений городской жизни. Система координат имеет междисциплинарную структуру, где важно учитывать гуманитарное начало в изучении социокультурной системы современного города. Поэтому гуманитарно-аналитический подход, ориентированный на человека и его самоактуализацию в условиях современного города, становится ключевым.

Работа конференции в основном была реализована в форматах научных секций и открытых лекций. Открытие конференции было осуществлено ее идейным вдохновителем, организатором, доктором социологических наук, профессором, руководителем Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ Ириной Савченко (рис. 1), которая подчеркнула значимость развития современной урбанистики, построенной на дискурсивном подходе, для современной цивилизации, в частности, для утверждения примата гуманитарной аналитики в междисциплинарных технологиях. Напомним, что идея гуманитарной направленности современных исследований и озвучивалась руководителем и партнерами Проектного офиса [4].

Рис. 1. И. Савченко

С приветственным словом к участникам конференции обратился Илья Касавин (рис. 2) – член-корреспондент РАН, президент Русского общества истории и философии науки, главный редактор журнала «*Epistemology and Philosophy of Science*». Илья Теодорович обосновал роль университетов в эволюции городов, выявив два типа отношений между городом и университетом в историческом контексте, исходя из приоритетных задач: развитие науки и девелопмент территории. В свою очередь, Рустам Саакян, ректор Ванадзорского государственного университета им. О.В. Туманяна отметил ценность международного научного взаимодействия в развитии городов России и Армении.

Елена Григорьева (рис. 3), член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России,

Рис. 2. И. Касавин

Рис. 3. Е. Григорьева

заслуженный архитектор РФ, главный редактор журнала «Проект Байкал» обратила внимание на практические вопросы развития городов. Елена Ивановна отметила повышение качества проектирования городского пространства Дальнего Востока и Сибири, а также важность сотрудничества с учеными-социологами для понимания актуальных проблем при планировании комфортного проживания людей в городе и его окрестностях.

Участников конференции приветствовал президент НГЛУ им Н.А. Добролюбова профессор Б.А. Жигалев (рис. 4). Борис Андреевич обратил внимание на междисциплинарный характер урбанистики, которая представляет собой синергию разных сфер научного знания.

Рис. 4. Б. Жигалёв

На пленарном заседании наметились основные исследовательские векторы, которые направили работу конференции. Так, профессор Елена Тарева (рис. 5), директор Института иностранных языков МГПУ в докладе «Городская идентичность как феномен лингводидактики» сфокусировала внимание на природе идентичности обучающегося, а также на том, как реализуется гуманистический аспект в формировании сущности субъекта на уровне нации, региона и города.

Рис. 5. Е. Тарева

Александр Савенков (рис. 6), профессор, доктор педагогических наук, доктор психологических наук, директор Института педагогики и психологии образования МГПУ, член-корреспондент Российской академии образования представил выступление «Эволюция детской дворовой субкультуры. Территориальное поведение детей и подростков в мегаполисе», в котором проиллюстрировал, как изменилось территориальное поведение детей и подростков в современном мегаполисе, предложив слушателям поразмыслить над тем, что пришло на смену городской детской дворовой субкультуре.

Рис. 6. А. Савенков

Доктор философских наук, ординарный доцент Института дизайна и урбанистики НИУ ИТМО (г. Санкт Петербург) Галина Горнова в докладе «Не пытайтесь покинуть Омск: теоретическое обоснование миграционных установок горожан» показала значимость города для внутреннего мира человека, раскрыла эсхатологическую природу родного города для человека и его жизненного пути.

В течение двух дней на конференции шла работа в десяти секциях. Выступления проходили как в очном формате, так и в формате онлайн. Секционные заседания были сосредоточены на вопросах культурно-коммуникативных трансформаций и современных тенденций городского развития. Так, на секции «Динамика духовной и религиозной жизни в современном городе» доцентом, старшим научным сотрудником Института Европы РАН О.К. Шиманской высказывалась идея о поликультурности современных городов. Эксперт Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ Ю.В. Козлова подчеркнула, что города представляют собой переплетение различных религиозных и культурных традиций, создающих социальные поля, где возможны как конфликты, так и проявление толерантности. Важная задача для городского управления и религиоведческих сообществ – способствовать культуре добрососедства и мирного взаимодействия.

Модераторы секции «Евразийские города: современные тенденции и перспективы развития» зав. кафедрой рекламы и связи с общественностью КРСУ им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызситан) Гульмира Джунушалиева и доцент этой кафедры Рашид Зайнулин раскрыли ключевые черты евразийского города и определили исторический контекст его формирования. В докладах секции были озвучены гуманитарные проблемы современного евразийского города, вопросы интеграции российских релокантов в центрально-азиатских городах и социокультурные проблемы, связанные с данными процессами, а также ключевые факторы, влияющие на имидж евразийского столичного города.

Докладчики секции «Языковое образование как фактор развития городской идентичности обучающихся» рассматривали самоопределение личности в условиях полихромной среды городского пейзажа, которая предопределяет личностные трансформации, в связи с этим становится значимым воспитательный потенциала города как макросоциума. Организаторы секции профессор МГПУ А.А. Колесников и руководитель научно-исследовательской лаборатории НГЛУ им. Н.А. Добролюбова Е.П. Глумова, обосновывая модель культурной идентификации как лингвообразовательной ценности, подчеркнули, что личность, овладевая иностранным языком, приобретает возможность осмысления города сквозь призму диалога культур.

На секции «Малые города в координатах российской урбанистики» (под руководством двух докторов наук: профессора, руководителя научно-иссследовательской лаборатории С.В. Устинкина и ведущего научного сотрудника Е.К. Рудаковой; НГЛУ, Нижний Новгород) участники обсудили миграционные потоки, перспективы развития предпринимательства и демографические проблемы в малых городах России.

Для молодых исследователей была организована секция «Тренды современной урбанистики и векторы развития цивилизации» (модераторы: доцент, эксперт Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ Н.А. Трубина, старший преподаватель, эксперт Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ Л.Р. Миркушина), где студенты и аспиранты смогли представить результаты своих научных работ и получить опыт выступления на международной научной площадке.

Секция «Городские исследования в фокусе гуманитарной аналитики», модераторами которой стали руководитель и участники Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ И.А. Савченко, Г.С. Широкалова, Ю.В. Козлова, сосредоточила исследователей из разных отраслей знания вокруг

идеи гуманитарного анализа. Работа секции представляла «живую» дискуссию», способствовала развитию рефлексии у участников, позволила сформулировать важные выводы, но и оставила открытыми вопросы, требующие дальнейшего изучения. Профессор МГПУ Н.А. Патутина подняла вопрос о значении муниципального управления в формировании дискурсивных практик городской среды мегаполиса. Исследователь отметила, что вектор развития современного города направлен на повышение инициативности и ответственности горожан, на стимулирование их коммуникативной активности в вопросах обустройства жизненного пространства. Идея о значимости гуманитарной составляющей была продолжена в решении вопросов биосферы города, развития цифровой инклюзии пожилых людей в городах, креативной среды в современных городах, состоянии системы здравоохранения в малых городах, миграционным процессам. И.А. Савченко подытожила работу секции, рассказав о трансструктурных исследованиях города, построенных на гуманитарной аналитике.

Модераторами секции «Город как регион: теоретическое основание и прикладное измерение», работа которой проводилась на базе Иркутского государственного университета, выступили кандидат филологических наук, доцент ИГУ О.В. Кузнецова и кандидат социологических наук, доцент ИГУ Е.В. Кременёв. Доклады секции были обращены к вопросам регионального развития, понимания его пространств, возможностей региона в различных аспектах, взаимодействиях межрегионального характера.

Модераторы секции «Город для горожан *VS* горожане для города: прошлое, настоящее и будущее» профессор ВолГТУ Н.В. Дулина и доцент Е.В. Ануфриева сумели выстроить полемику между участниками секции, которые представляли результаты исследований, сфокусированные на темпоральных измерениях города, футуристических пониманиях его возможностей, ностальгических мотивах городского прошлого.

Секция «Медиагеографические исследования города» проводилась на базе МГУ им. М.В. Ломоносова, курировалась кандидатом филологических наук, доцентом М.М. Янгляевой и кандидатом филологических наук, доцентом Т.С. Яковой. Докладчики секции обсудили проблемы города, которые формируются, транслируются в медиапространстве. Поднимались дискуссионные вопросы, касающиеся объективности репрезентации города.

Инициативу работы секции «Город в пространстве городских рисков» взял на себя Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области. Модераторами секции стали кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой Филиала АНО ВО «Институт деловой карьеры» И.А. Грошева и кандидат социологических наук, профессор Тюменского высшего военно-командного училища им. маршала инженерных войск А.И. Прошлякова И.Л. Грошев. Выступления секции были объединены проблематикой различных проявлений социальных рисков в пространстве города: затрагивались аспекты поведенческих практик, инноваций, манипулирования в коммуникативной среде, конформизма, консьюмеризма, бизнес-структуры.

На второй день конференции ее формат работы был обогащен открытыми лекциями, которые стали основой для научных дискуссий. Открытые лекции привлекли большое число участников и позволили осуществить обмен идеями. В рамках конференции прошли три открытые лекции. Спикерами лекции «Способы пространственно-временной синхронизации городского дискурса» являлись эксперты Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ Л.Р. Миркушина и Н.А. Трубина. Ведущие предложили участникам мероприятия обсудить пространственно-временные особенности города, синхронизацию городского дискурса, обусловленную пространственно-темпоральными критериями. Ведущей лекции «Дискурс города: концептуальные модели и феноменология» стала кандидат психологических наук, доцент, эксперт Проектного офиса гуманитарной аналитики МГПУ, старший научный сотрудник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова Ю.В. Козлова. Юлия Владиславовна акцентировала внимание на концептуальных моделях и феноменологии дискурса города. Доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Реклама и связи с общественностью» КРСУ им. Б.Н. Ельцина Г.Д. Джунушалиева представила лекцию на тему «Новые тренды в развитии евразийских городов». Гульмира Дженишевна рассказала о современных трендах, проблемах и перспективах развития евразийских городов.

Таким образом, участникам и организаторам конференции удалось консолидировать и продемонстрировать опыт и возможности для интеграции научных знаний и практического опыта в сфере урбанистики посредством объединения экспертов из различных областей, что позволило исследовать город под разными углами зрения и увидеть перспективы современной урбанистики.

По результатам прошедшей конференции участниками Проектного офиса гуманитарной аналитики подготовлена к изданию монография в двух томах: том первый «Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации», том второй «Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива». По итогам конференции было принято решение сделать конференцию «Координаты современной урбанистики» ежегодной, ответственность за данное мероприятие возложил на себя проектный офис гуманитарной аналитики МГПУ.

Литература:

1. Савченко И.А., Трубина Н.А. Дискурс-анализ в дискурсивном поле современного города // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 153–156.
2. Савченко И.А., Батаев Д.К.С., Даукаев А.А., Батаева П.Д. Восстановление городских памятников: ресурсный потенциал Северного Кавказа // Устойчивое развитие горных территорий. – 2023. – Т. 15. – № 2 (56). – С. 431–441.
3. Савченко И.А. Вектор Штера: Знание в координатах города // Эпистемология и философия науки. – 2023. – Т. 60. – № 4. – С. 173–189.
4. Архангельская И.Б., Ротанова М.Б., Савченко И.А. Человек в системе коммуникации: поворот к гуманизму // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 4. – С. 150–152.
5. Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации: в 2 т. Т. 1 / Под науч. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; отв. ред.: Г.С. Широкалова, Н.А. Трубина, Л.Р. Миркушина. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 210 с.
6. Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива: в 2 т. Т. 1 / Под науч. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; отв. ред.: Г.С. Широкалова, Н.А. Трубина, Л.Р. Миркушина. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 345 с.

Сведения об авторах

Абдрахманова Лилия Виловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: info@kgasu.ru

Авхадиева Эллина Амировна – бакалавр кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Аксянова Анна Владимировна – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: axyanova-anna@yandex.ru

Алексеева Наталья Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: alekseeva_ns@spbstu.ru

Антипин Иван Александрович – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: aia87@mail.ru

Атряскина Анастасия Федоровна – студентка кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: kznraj@gmail.com

Афанасьев Михаил Владимирович – доктор экономических наук, профессор Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7(812) 775-05-30 e-mail: afanasiev_mv@yandex.ru

Ахмадуллин Ильдар Равильевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Байбиков Руслан Рашитович – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Баскаков Константин Владимирович – студент кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: loolkwest@gmail.com

Батыршина Гульнара Фаритовна – ассистент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Бодров Руслан Германович – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансовых рынков и финансовых институтов Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: zmb@mail.ru

Бунаков Олег Александрович – доцент кафедры сервиса и туризма Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@kpfu.ru

Бурганова Лариса Агдасовна – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Валеева Алсу Фоатовна – доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: alsval@telebit.ru

Варламова Юлия Андреевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и эконометрики, старший научный сотрудник НОЦ по исследованию проблем развития рыночных отношений в условиях глобализации мировой экономики Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Васильев Глеб Иванович – старший преподаватель кафедры государственного управления, истории и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: glebvas@mail.ru.

Волкова Елена Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: wolfkova@mail.ru.

Гадельшина Галина Альбертовна – кандидат технических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail:g89033074443@yandex.ru

Гадельшина Лиана Ильгизовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного и уголовного права Российского нового университета
105005, Москва, ул. Радио, д. 22 Тел.: +7 (495) 925-03-83 e-mail: vuz@rosnou.ru

Галеев Айбек Робертович – аспирант кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), специалист Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации
119571, Москва, пр-кт Вернадского, 82, стр.1 Тел.: +7 (499) 956-99-99 e-mail: qwerty02ufa@yandex.ru

Галимарданова Юлия Марселовна – кандидат экономических наук, доцент кафедра экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: fifafa@mail.ru

Галлямова Динара Хамитовна – доктор экономических наук, профессор кафедры программной инженерии Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: in77.77@mail.ru

Гарафиев Ильшат Зуфарович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой инновационного предпринимательства права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Гарафиева Гульшат Иосифовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Гениберг Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Глинберг Владислав Александрович – аспирант кафедры Финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности Московского государственного университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)
109004, Москва, ул. Земляной Вал, 73 Тел.: +7 (495) 915-03-73 e-mail: adglinberg@gmail.com?

Гнатышина Елизавета Игоревна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и бизнеса Поволжского государственного университета сервиса
445017, Тольятти, ул. Гагарина, 4 Тел.: +7 (8482) 26-35-38 e-mail: gnatliza@gmail.com

Грачёва Ольга Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: letsik91@mail.ru

Демидова Елена Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Жумаканова Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 Тел.: +7(343)375-44-44 e-mail: info@urfu.ru

Замалетдинова Лилия Равилевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Зарезнов Дмитрий Александрович – соискатель кафедры строительных материалов Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: info@kgasu.ru

Ибрагимова Алиса Ахтямовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Ибрагимова Алиса Мансуровна – старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации
420111, Казань, ул. Московская, д.41 Тел.: +7 (843) 590-45-31 e-mail: kzn.ui.agprf@mail.ru

Иванов Антон Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного гуманитарного университета
420097, Казань, ул. Шмидта, д. 35 а Тел.: +7(843) 236-93-16 e-mail: rggu-kazan@mail.ru

Иванова Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue@usue.ru

Измайлов Максим Кириллович – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: izmajlov_mk@spbstu.ru

Ильиных Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: ili.sa@mail.ru

Исаев Илья Денисович – студент Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: ilya_73@outlook.com

Кашбразиев Ринас Васимович – доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: rkashbra@gmail.com

Каюмова Айгуль Айратовна – студент кафедры экономики и организации производства Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kgeu@kgeu.ru

Ключникова Мария Владимировна – аспирант Высшей школы бизнеса
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: maria-kl@bk.ru

Ковалев Владислав Алексеевич – студент финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: kovalevdocs@mail.ru

Козлова Юлия Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики, научный сотрудник ВНИК по реализации проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» Московского городского педагогического университета старший научный сотрудник Международной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 e-mail: Iris08@yandex.ru

Куприна Ирина Владимировна – кандидат экономических наука, доцент кафедры товароведения и таможенного дела Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95 Тел.: +7(4862) 751-318 e-mail: iruc57@mail.ru

Курносова Валерия Витальевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Левина Ксения Алексеевна – студентка факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)
125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49 Тел.: +7(499) 943-98-55 e-mail: academy@fa.ru

Лиходаев Евгений Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: post@sgap.ru

Макаров Юрий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и государства, истории и философии Сочинского государственного университета
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94 Тел.: +7 (862) 264-85-03 e-mail: nauka@sutr.ru

Маркина Кристина Валерьевна – студент кафедры экономики и организации производства Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: kristina_702@bk.ru

Мелёхин Вячеслав Дмитриевич – старший преподаватель Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: v4mr@yandex.ru

Микульская Елена Александровна – студент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Миргородская Марина Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)
109004, Москва, ул. Земляной Вал, 73 Тел.: +7 (495) 915-03-73 e-mail: mgm2502@mail.ru

Миркушина Лия Рафиковна – кандидат философских наук, старший преподаватель департамента философии и социальных наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 e-mail: rector@ mgpu.ru

Молоканов Александр Валерьевич – аспирант кафедры бухгалтерского учета, налогов и экономической безопасности Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: kbua@inbox.ru

Морозов Игорь Владимирович – соискатель Института инженерной экономики и предпринимательства Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ
420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10 Тел.: +7(843)231-01-91 e-mail: kai@kstu-kai.ru

Муратова Надежда Дмитриевна – кандидат юридических наук Управляющий партнер адвокатского бюро Республики Татарстан «Муратова и партнеры»
420049, Казань, ул. Спартаковская, 84 Тел.: + 7-9179-10-55-99 e-ndmuratova@mail.ru

Мустафина Гульяр Назметдиновна – старший преподаватель кафедры информатики и вычислительной математики, начальник центра информационных технологий Набережночелнинского государственного педагогического университета
423806, Набережные Челны, ул. Низаметдинова Р.М., 28 Тел.: +7 (8552) 46-62-16 e-mail: ngpi@tatngpi.ru

Найда Анна Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой бизнес-аналитики Университета управления «ТИСБИ» (Казань)
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: tisbi@tisbi.ru

Негматов Леонид Наимжонович – доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов)
410012, Саратов, ул Московская, 164 Тел.: +7(845)-2-33-92-02 e-mail: negmatovln@yandex.ru

Нестулаева Диана Рустамовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: diana_n_r@mail.ru

Низамова Аида Ханифовна – старший преподаватель кафедры водоснабжения и водоотведения Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: info@kgasu.ru

Никонова Элина Ильдусовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры профессионального обучения, педагогики и социологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета
420043, Казань, ул. Зеленая, 1 Тел.: +7(843)510-46-01 e-mail: info@kgasu.ru

Новикова Екатерина Витальевна – кандидат экономических наука, доцент кафедры товароведения и таможенного дела Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95 Тел.: +7 (4862) 751-318 e-mail: katuynya_law@mail.ru

Орлова Марина Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедра экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: orlovamarina64@mail.ru

Плотникова Виктория Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма Петрозаводского государственного университета
185910, Петрозаводск, просп. Ленина, 33 Тел.:+7(814-2) 71-10-01 e-mail: rectorat@petrsu.ru

Поздеев Игорь Леонидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук
426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4 Тел.: +7(3412) 68-52-94 e-mail: pozdeev79@gmail.com

Полякова Ирина Игоревна – прокурор отдела Управления по надзору за исполнением федерального законодательства Прокуратуры Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Кремлёвская, д.14 Тел.: +7 (843) 291-18-81 e-mail: irina_aim@mail.ru

Привалова Екатерина Алексеевна – аспирант кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета
424001, Йошкар-Ола, пл. Ленина,1 Тел.: +7(8362)42-53-31 e-mail: asp_doc@marsu.ru

Ререкин Константин Анатольевич – кандидат экономических наука, доцент кафедры товароведения и таможенного дела Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
302026, Орел, ул. Комсомольская, 95 Тел.: +7(4862) 751-318 e-mail: titd-orel@mail.ru

Романов Илья Александрович – студент Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии
410056, Саратов, ул. Вольская, дом 1 Тел.: +7(8452) 29-56-58 e-mail: post@sgap.ru

Сайфутдинова Диляра Рамаевна – юрисконсульт 1 категории ООО «Газпром газомоторное топливо»
420107, г. Казань, ул. Петербургская, 86А Тел.: +7(843) 231-85-90 e-mail:sayfutdinova_dr@mail.ru

Сафиуллина Фарида Рафисовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Казанского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
420045, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58 Тел.: +7(843) 272-80-91 e-mail: kki@kki-ruk.ru

Сбоева Ирина Михайловна – старший преподаватель кафедры экономической безопасности и налогообложения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Симакова Зоя Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Тел.: +7 (812) 775-05-30 e-mail: simakova_zl@spbstu.ru

Смешко Олег Григорьевич – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления, ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр, д.44А Тел.: +7 (812)313-39-44 e-mail: rector@spbume.ru

Солдатова Татьяна Викторовна – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6 Тел.: +7 (499) 936-87-87 e-mail: rudn@rudn.ru

Сосновская Лейсан Равилевна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: lrs9053168536@yandex.ru

Сотников Данила Вячеславович – аспирант кафедры бизнес-статистики и экономики Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: sotnikovdanila@gmail.com

Спирина Лиана Иршатовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, доцент кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Института экономики, управления и бизнеса Уфимского университета науки и технологий
450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32 Тел.: + 7 (347) 229-96-16 e-mail: rector@uust.ru

Стяжкина Евгения Ивановна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности Казанского национального исследовательского технологического университета
420015, Казань, ул. К.Маркса, 68 Тел.: +7(843)231-42-16 e-mail: office@kstu.ru

Сулейманов Марат Радикович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420088, Казань, ул. 2-я Азинская, 7а Тел.: +7 (843) 273-16-54 e-mail: yasulmar@yandex.ru

Сундурова Оксана Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления «ТИСБИ», кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия
420111, Казань, ул. Муштари, 13 Тел. +7(843)236-92-97 e-mail: tisbi@tisbi.ru

Тевлюкова Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления (НИНХ)
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: o.y.tevlyukova@edu.nsuem.ru

Тенсин Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления Ижевского филиала Российского университета кооперации
426073, Ижевск, ул. Молодежная, 109 Тел.: +7(3412) 37-19-11 e-mail: tensinm@mail.ru

Теренина Наталья Леонидовна – кандидат экономического наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления (НИНХ)
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Трубина Наталья Алексеевна – кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп.1 Тел.: +7 (499) 181-65-52 e-mail: trubina-481@mgpu.ru

Тюленев Александр Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета
424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3 Тел.: +7(8362) 64-19-57 e-mail: lab5@yandex.ru

Фахретдинова Альбина Баязитовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления в спорте Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
420010, Казань, Деревня Универсиады, 35 Тел.: +7 (843) 294-90-90 e-mail: pk@sportacadem.ru

Федорова Елизавета Валерьевна – магистрант кафедры социально-культурного сервиса и туризма Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: priemlgu@lengu.ru

Фероян Артур Арменович – аспирант кафедры теории права и государства, истории и философии Сочинского государственного университета
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94 Тел.: +7 (862) 264-85-03 e-mail: feroyan.a@mail.ru

Фомин Александр Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10 Тел.: +7 (812) 465-66-99 e-mail: priemlgu@lengu.ru

Фугалевич Елена Владимировна – доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета
91023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21 Тел.: +7(812) 571-00-55 e-mail: fugalevich_elena@mail.ru

Хабибуллина Лариса Васильевна – первый заместитель председателя Государственного комитета Республики Татарстан по тарифам
420015, Казань, ул. К.Маркса, 66 Тел.: +7(843)221-82-18 e-mail: e-mail: lara_hab@mail.ru

Харламова Ирина Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Хурматуллина Алсу Махмутовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Хусаинова Екатерина Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: ekaterina0686@yahoo.com

Циунчук Рустем Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Чепаров Роман Дмитриевич – аспирант юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Чирцова Анастасия Олеговна – магистрант кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
630099, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56 Тел.: +7(383) 224-59-55 e-mail: rector@nsaem.ru

Шигабутдинова Алина Леонидовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Шишкина Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета
620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, д. 62/45 Тел.: +7(343) 257-91-40 e-mail: usue-press@yandex.ru

Шлычков Валерий Владимирович – доктор экономических наук, профессор, главный редактор Рецензируемый федеральный научно-практический и аналитический журнал «Вестник экономики, права и социологии»
420015, Казань, ул. К.Маркса, 53а Тел.: +7 (843) 238-15-93 e-mail: vestnik_eps@mail.ru

Шлычков Владимир Валерьевич – заместитель начальника Межрегионального филиала Федерального казенного учреждения «Центр по обеспечению деятельности Казначейства России» в г. Казани
420015, Казань, ул. Карла Маркса, 61 Тел.: +7 (843) 528-24-70 e-mail: fku@roskazna.ru

Шуб Александр Михайлович – соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru

Шувагина Мария Дмитриевна – студент кафедры экономики и организации производства Казанского государственного энергетического университета
420066, Казань, ул. Красносельская, 51 Тел. +7(843)543-90-24 e-mail: media@kgeu.ru

Щигорцова Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма
420010, Казань, Деревня Универсиады, 35 Тел.: +7 (843) 294-90-90 e-mail: pk@sportacadem.ru

Эйдельман Борис Мойшевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: igor-eidelman@mail.ru

Юрьева Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18 Тел. +7(843)292-69-77 e-mail: public.mail@ kpfu.ru